Н. П. КАРАБЧЕВСКІЙ.

2 9 1

РѢЧИ

(1882—1901)

1901

„Пров 38"

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла **„Трудъ".** Фонтанка, № 86.

Книга эта посвящается

лучшему моему другу

Ольгѣ Андреевнѣ Карабчевской.

БИБЛІОТЕКА
Л.-Гв. СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА.
Шкафъ № XIII
Полка № 3
№ 33 7197

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Вмѣсто предисловія	VII
Интендантское дѣло	1
Рѣчь въ защиту В. П. Макшеева	3
Дѣло поручика Имшенецкаго	65
Рѣчь въ защиту В. М. Имшенецкаго	69
Дѣло московскихъ купцовъ А. и П. Поповыхъ, обвиняемыхъ въ мошенничествѣ	95
Рѣчь въ защиту братьевъ А. и П. Поповыхъ . .	101
Дѣло Ольги Палемъ	119
Рѣчь въ защиту Ольги Палемъ	124
Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу Ольги Палемъ . .	196
Дѣло дворянина Александра Шишкина	211
Рѣчь въ защиту А. К. Шишкина.	217
Дѣло мултанскихъ вотяковъ.	230
Рѣчь въ защиту мултанскихъ вотяковъ	240
Дѣло Вадима Бутми-де-Кацмана.	304
Рѣчь въ защиту В. Бутми-де-Кацмана	308
Дѣло армянина Киркора Гульгульяна	329
Рѣчь въ защиту Киркора Гульгульяна	330
Дѣло о погромахъ въ еврейской колоніи Нагартовѣ и въ посадѣ Березноватомъ	343
Рѣчь въ защиту потерпѣвшихъ отъ погрома въ еврейской колоніи Нагартовъ.	345
Дѣло братьевъ Скитскихъ	350
Рѣчь въ защиту братьевъ Скитскихъ, произнесенная въ г. Харьковѣ.	354
Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу братьевъ Скитскихъ. . .	381
Рѣчь въ защиту бр. Скитскихъ, произнесенная въ г. Полтавѣ . .	400
Дѣло Александра Тальма	424
Рѣчь въ защиту интересовъ осужденнаго А. Л. Тальма . . .	427

Дата — 1882-ой годъ, стоящая на обложкѣ книги, не имѣетъ иного значенія, какъ только то, что первая защитительная рѣчь, изъ числа попавшихъ въ эту книгу, относится именно къ этому году, т. е. къ сравнительно раннему періоду моей адвокатской дѣятельности Но не съ этого времени началась моя адвокатская карьера, такъ какъ въ число помощниковъ присяжнаго повѣреннаго я вступилъ въ концѣ 1874 года, а званіе присяжнаго повѣреннаго ношу съ конца 1879 года.

Принадлежа по складу своего темперамента и характера не къ числу ораторовъ, заранѣе пишущихъ произносимыя ими затѣмъ рѣчи, я былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе, когда затѣялъ издать свои „Рѣчи“. Я долженъ былъ ограничиться исключительно тѣмъ матеріаломъ, который былъ воспроизведенъ стенографически или, будучи своевременно возстановленъ по замѣткамъ и конспектамъ, попалъ въ печать.

Не слѣдуетъ поэтому смотрѣть на собранныя въ этой книгѣ рѣчи, какъ на избранныя и особо нами цѣнимыя.

Это — лишь случайно уцѣлѣвшія (вмѣстѣ еще съ нѣсколькими, не попавшими въ эту книгу) рѣчи, изъ множества другихъ такихъ-же, произнесенныхъ по судебнымъ дѣламъ, рѣчей въ пылу тревожной судебной борьбы, которая утрачиваетъ почти все свое значеніе, какъ только достигается ея цѣль—какъ только правосудіе скажетъ свое рѣшающее слово.

Что-же можетъ побуждать судебнаго оратора печатать свои случайно уцѣлѣвшія рѣчи, если онъ самъ не видитъ въ нихъ „образцовъ“ ораторскаго искусства? Судебное краснорѣчіе—краснорѣчіе особаго рода. На него нельзя смотрѣть лишь съ точки зрѣнія эстетики Вся дѣятельность судебнаго оратора дѣятельность боевая. Это—вѣчный турниръ передъ возвышенной и недосягаемой „дамой съ повязкой на глазахъ“. Она слышитъ и считаетъ удары, которые наносятъ другъ другу противники, угадываетъ и какимъ орудіемъ они наносятся..

Развѣ не естественно желать сохранить хоть „на память“ случайно сохранившіеся образцы того оружія, которымъ приходилось сражаться всю жизнь.

Ник. Карабчевскій.

С.-Петербургъ
Апрѣль 1901 г.

„Интендантское дѣло".

Подъ этимъ краткимъ наименованіемъ въ зданіи Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда въ 1882 году, втеченіе двухъ мѣсяцевъ (съ 18-го февраля по 17 апрѣля) длился настоящій «процессъ-монстръ».

Суду Особаго Присутствія Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда были преданы 16 лицъ интендантовъ и подрядчиковъ, во главѣ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Валеріаномъ Платоновичемъ Макшеевымъ, бывшимъокружнымъ интендантомъ, такъ называемаго, «рущукскаго отряда» нашей дѣйствующей арміи въ послѣднюю турецкую войну. Рущукскій отрядъ, которымъ командовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи Государь Императоръ Александръ III, начальникомъ штаба при которомъ состоялъ генералъ-маіоръ И. С. Ванновскій, впослѣдствіи военный министръ, занималъ особо самостоятельное положеніе и былъ, благодаря своимъ стратегическимъ задачамъ, какъ бы изолированнымъ отъ всей остальной дѣйствующей арміи. Въ связи съ этимъ и дѣятельность состоявшаго при отрядѣ интенданта д. с. с. Макшеева носила характеръ значительной самостоятельности и какъ бы обособленности отъ общей военно-полевой интендантской организаціи, во главѣ которой въ началѣ кампаніи стоялъ полевой интендантъ дѣйствующей арміи дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ, а съ Ноября 1877 года тайный совѣтникъ Росницкій. Лица эти фигурировали въ процессѣ въ качествѣ свидѣтелей, равно какъ и генералъ-лейтенантъ Ванновскій, бывшій въ то время уже военнымъ министромъ, допросъ котораго былъ произведенъ Судомъ въ присутствіи сторонъ и подсудимаго д. с. с. Макшеева, въ зданіи военнаго министерства.

Многотомное слѣдственное дѣло, обязанное своимъ происхожденіемъ особой слѣдственной коммиссіи, дѣятельность которой возникла тотчасъ же по окончаніи войны, благодаря свѣдѣніямъ полученнымъ отъ полевого контроля, организованнаго впервые при дѣйствующей арміи, обнимало собою дѣятельность рѣшительно всего интендантскаго вѣдомства минувшаго военнаго времени.

До судебнаго разсмотрѣнія весь этотъ любопытный матеріалъ, однако, не дошелъ, такъ какъ преданіе суду ограничилось лишь 16 лицами, и судебному изслѣдованію была представлена лишь та часть слѣдственнаго дѣла, которая имѣла непосредственное отношеніе къ продовольствію рущукскаго отряда и касалась исключительно порядковъ мѣстнаго интендантства.

Въ минувшую турецкую войну, какъ извѣстно, главнымъ (одно время даже исключительнымъ) поставщикомъ для всей дѣйствующей арміи должна была явиться особая компанія предпринимателей, подъ наименованіемъ «Товарищество Грегеръ Горвицъ и Комп.». Дѣятельность ея не вошла въ кругъ судебнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она имѣла отношеніе къ общей военно-полевой организаціи, во главѣ которой стояли лица, суду не преданные.

Подсудимыми по данному дѣлу явились такимъ образомъ: окружный интендантъ рущукскаго отряда д. с. с. Макшеевъ, помощникъ его полковникъ Пріоровъ, интендантскіе чиновники Карасевичъ, Шестаковъ, Тутковичъ, Навроцкій, Шницбартъ, Крейеръ, Акимовъ, Чоглоковъ и Коньковъ и поставщики и подрядчики рущукскаго отряда: купцы Вольштейнъ, Варшавскій, Каминка, Хотимскій и Ауербахъ.

Мы не приводимъ здѣсь даже краткаго содержанія объемистаго (400 страницъ) обвинительнаго акта, такъ какъ думаемъ, что изъ печатаемой ниже рѣчи, произнесенной въ защиту главнаго обвиняемаго д. с. с. Макшеева, обнимающей собою рѣшительно всю фактическую сторону дѣла, основныя положенія обвиненія будутъ сами по себѣ ясны. Предметомъ судебнаго разбирательства были весьма разнородныя злоупотребленія служебнаго характера, допущенныя интендантскими чинами рущукскаго отряда во время войны по соглашенію съ подрядчиками, преданными также военному суду, въ качествѣ соучастниковъ должностныхъ лицъ.

Такъ какъ въ числѣ обвиняемыхъ было лицо въ генеральскомъ чинѣ (д. с. с. Макшеевъ), то Особое Присутствіе Военнаго Суда состояло исключительно изъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ члена главнаго военнаго суда В. К. Слуцкаго. Обвинителями выступили три лица военно-прокурорскаго надзора: прокуроръ баронъ Остенъ-Сакенъ и помощники его Рыльскій и Иллюстровъ.

Въ числѣ защитниковъ были: покойные присяжные повѣренные В. И. Жуковскій (защитникъ Пріорова и Крейера), произнесшій одну изъ лучшихъ своихъ рѣчей и тронувшій всѣхъ своею сердечною безкорыстною защитой стараго интендантскаго чиновника, бѣдняка Крейера, котораго онъ въ своей рѣчи иначе не называлъ какъ «старой, беззубой интендатнской крысой», и князь А. И. Урусовъ, блистательно защитившій двухъ подрядчиковъ Вольштейна и Варшавскаго.

По поводу этой послѣдней защиты слѣдуетъ отмѣтить эпизодъ, впервые наступившій уже по открытіи судебнаго засѣданія и возъимѣвшій эффектъ бомбы, неожиданно разорвавшейся надъ головою защиты интендантовъ—чиновниковъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ фигурировала домашняя записная книжка подрядчиковъ Варшавскаго и Вольштейна, отобранная у нихъ по обыску. Въ ней были записи о стоимости разныхъ инкриминируемыхъ подрядовъ и поставокъ и нѣкоторыя таинственныя отмѣтки карандашемъ: «за исключ. задатка—2000 р.» или «за исключеніемъ %—600 р.» и т. п. Обвиненіе предполагало, что это—отмѣтки о взяткахъ, данныхъ чиновникамъ. Обвиняемые, въ томъ числѣ Варшавскій и Вольштейнъ, энергично это отрицали, говоря, что въ отмѣткахъ рѣчь идетъ о % на залоги и другіе накладные расходы. Защита гото-

вилась энергично отбросить эту шаткую улику обвиненія. Но вслѣдъ за опросомъ обвиняемыхъ объ ихъ виновности, сперва Варшавскій, а затѣмъ и Вольштейнъ «по совѣту своего защитника говорить на судѣ одну только правду» объявили громогласно, что предположеніе обвиненія о запискахъ «взяткѣ» справедливо. Они пояснили, что взятки давались исключительно «чиновникамъ» за мелкія услуги, но Макшееву и Пріорову никакихъ платежей не производилось. Чиновники остались на своемъ, и отрицали полученіе взятокъ.

Подрядчика Каминка съ большимъ успѣхомъ защищалъ В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, этотъ живописный и эффектный ораторъ, промѣнявшій, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ трибуну судебнаго оратора, на которой онъ имѣлъ всегда выдающійся успѣхъ, на замкнутый, дѣловой кабинетъ директора банка. Въ числѣ защитниковъ, рѣчи которыхъ имѣли также выдающееся значеніе, назовемъ еще С. П. Морголина и Л. М. Берлина и Г. А. Тиктина. Защитниками остальныхъ подсудимыхъ явились кандидаты на военно-судебныя должности.

Пренія сторонъ, отличавшіяся необычайною обстоятельностью и оживленіемъ, заняли болѣе недѣли, такъ какъ засѣданія длились лишь съ 10 часовъ утра до 5 часовъ пополудни. Печатаемая ниже рѣчь въ защиту д. с. с. Макшеева заняла почти все засѣданіе 7 Апрѣля. Она продолжалась отъ 11 ч. 30 м. до 5 ч. 25 м. дня, включая два небольшихъ перерыва.

Еще одно предварительное сообщеніе.

Общественное мнѣніе, насколько оно выражается нашею повседневною печатью, было крайне возбуждено противъ главнаго обвиняемаго д. с. с. Макшеева. Задолго до начала разбора дѣла появлялись въ печати весьма рѣзкія нападки не только на его прошлую дѣятельность, но и на его личность. Высказывалась увѣренность, что едва-ли найдется защитникъ, который согласится защищать лицо, вина котораго столь вопіюща. Чтобы противодѣйствовать одностороннему освѣщенію въ печати предстоящаго процесса, В. П. Макшеевъ, въ компаніи съ другимъ лицомъ, сталъ издавать свою собственную ежедневную газету «Эхо». Но это подлило только масла въ огонь.

Можно смѣло утверждать, что защита д. с. с. Макшеева прошла подъ дружный аккомпаниментъ неодобрительнаго шипѣнія и свиста всей нашей ежедневной печати.

Мы считали необходимымъ сдѣлать и это послѣднее указаніе,—иначе многія мѣста печатаемой рѣчи остались бы непонятыми.

Рѣчь въ защиту В. П. Макшеева.

Гг. военные судьи!

Выступая передъ вами защитникомъ того изъ обвиняемыхъ, который, втеченіе долгихъ дней истомившаго насъ всѣхъ процесса, служилъ безсмѣнною мишенью для всевозможныхъ нападокъ и обличеній, того изъ обвиняемыхъ,

котораго втеченіе судебнаго слѣдствія былъ центромъ не только своихъ собственныхъ, но и чужихъ упущеній, того изъ обвиняемыхъ, личность котораго предавалась открытому поруганію подчасъ съ ссылками на подлежащія статьи закона, иногда же вовсе безъ такихъ ссылокъ: того, наконецъ, самое имя котораго въ устахъ обвинителей превратилось въ улику и одно упоминаніе котораго, рядомъ съ указаніемъ на болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Сибири, поднимало въ груди обвинителей страстный, зловѣщій шепотъ, — мнѣ казалось, было бы естественно даже и не въ видѣ банальнаго ораторскаго пріема, сослаться на трудность предстоящей мнѣ задачи. Такое вступленіе казалось бы даже неизбѣжнымъ въ виду того торжественнаго заявленія, которое вы слышали съ высоты прокурорской трибуны, о томъ, что приговоръ вашъ заранѣе извѣстенъ обвинителю. Еслибы я повѣрилъ обвинителю, мнѣ оставалось бы признать себя уже побѣжденнымъ, и вмѣсто всякой защиты, возгласивъ предъ вами: „да свершится правосудіе!“ оставить мѣсто защитника и покинуть залу суда Да, я долженъ бы былъ такъ поступить, еслибы хотя на минуту допустилъ мысль, что вы захотите усвоить себѣ пріемы прокурора наказать Макшеева на основаніи принциповъ уложенія царя Алексѣя Михайловича: „дабы другимъ не повадно было“, обвинить Макшеева ради реабилитаціи интендантскаго вѣдомства и исправленія всей системы нашего военнаго хозяйства.

Но систему не исправляютъ на спинѣ живого человѣка, а человѣка, преданнаго суду, къ счастію, не судятъ теперь „съ пристрастіемъ“, на основаніи стародавнихъ, отжившихъ свой вѣкъ законовъ. Если онъ виновенъ, его судятъ и могутъ осудить, но судятъ со всѣми гарантіями, какія даютъ законы человѣческой справедливости, со всею осторожностью, которую диктуютъ намъ чувства правды и гуманности. Я думаю, что вы пойдете этимъ послѣднимъ путемъ. А если пойдете, то защитѣ нечего отчаяваться: ея положеніе не безнадежно! Она пришла сюда не обѣлять г. Макшеева, не отражать нападки на его личность и даже не „воздавать“ обвиненію,—она пришла б о р о т ь с я с ъ о б в и н е н і е м ъ.

Если я говорю: „бороться съ обвиненіемъ“, я разумѣю исключительно борьбу на почвѣ того судебнаго матеріала, который прошелъ здѣсь передъ вами. Не уличная молва, брошенная вамъ въ качествѣ улики на столъ вещественныхъ доказательствъ, не слухи, не инсинуаціи, не „взглядъ и нѣчто“, а факты, фактыпровѣр енные, доказанные и несомнѣнные,—вотъ, что должно составить матеріалъ того логическаго вывода, которымъ долженъ быть вашъ приговоръ

Но и въ такой борьбѣ на сторонѣ обвиненія преимущество громадное... Вы выслушали со вниманіемъ трехъ представителей обвиненія въ ихъ обстоятельныхъ и пространныхъ объясненіяхъ... Въ началѣ процесса, ранѣе вы уже выслушали въ нѣсколькихъ томахъ закрѣпленные, систематически изложенные доводы и выводы того же обвиненія. Такимъ образомъ, отъ первой стадіи процесса и вплоть до настоящей минуты, когда, наконецъ, настало время сказать первое слово защитѣ, обвиненіе указывало вамъ дорогу, оно одно руководило вами.

Преимущество это даровано ему самимъ закономъ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ слѣдствія собирались матеріалы по указанію и желанію обвинителей. Обвиненіе выступаетъ передъ вами съ заранѣе готовою программою. Вся его дѣятельность здѣсь на судѣ заключалась лишь въ томъ, чтобы эту заранѣе начертанную, программу оправдать заранѣе же извѣстными и отчасти ею же добытыми данными. Обвиненіе развертываетъ передъ вами готовую картину, въ которой вся черная работа сдѣлана невидимыми усиліями, размѣры и контуры главныхъ фигуръ пригнаны и расположены правильно, симметрически фонъ загрунтованъ, тѣни и краски положены, остается только выждать благопріятной минуты вдохновенія, чтобы наложить послѣднія тѣни, отдѣлать рельефно детали, бросить нѣсколько послѣднихъ штриховъ, необходимыхъ для полноты цѣлаго.

Отсюда понятно то упорство обвиненія, съ которымъ оно отстаиваетъ неприкосновенность данныхъ, выработанныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, желая увѣрить васъ, вопреки очевидности, что ничто не измѣнилось на судѣ, что судебное слѣдствіе не дало ничего новаго, что оно не поколебало и даже не расшатало основъ обвиненія.

Въ совершенно иное положеніе поставлена закономъ защита.

О систематическомъ ея участіи въ ходѣ предварительнаго слѣдствія, къ сожалѣнію, не можетъ быть и рѣчи. Съ ея мнѣніемъ не справляются предъ составленіемъ акта о преданіи суду. Ей принадлежитъ, правда, всегда послѣднее слово, но не забывайте, гг. судьи, что это, вмѣстѣ съ тѣмъ, только ея первое слово. Свитокъ, который она развертываетъ передъ вами, не готовая картина, а бѣлый холстъ, на которомъ еще ничего не начертано, ничего не нарисовано. Вся ея работа должна происходить здѣсь, у васъ на глазахъ, подъ непосредственнымъ вашимъ судейскимъ наблюденіемъ, подъ неослабнымъ контролемъ внимательнаго и строгаго критика-обвинителя. Шансы, такимъ образомъ, не равны!

Работа, предстоящая защитѣ въ такомъ громадномъ процессѣ какъ настоящій, непритворно тяжела.

Но и этимъ еще не исчерпываются ея затрудненія. Вы знаете, какая судьба постигла настоящее дѣло, по примѣру всѣхъ выдающихся процессовъ нашего времени Ранѣе, чѣмъ вы скажите, объ обвиняемомъ свое слово, на основаніи изученнаго и провѣреннаго вами, о немъ уже говорили много, не зная вовсе дѣла, судили и вкось, и вкривь Стало быть, даже тотъ холстъ, на которомъ защитѣ предстоитъ рисовать теперь передъ вами, не остался неприкосновеннымъ до сегодняшняго дня. Онъ носитъ на себѣ явные слѣды нечистоплотнаго посторонняго воздѣйствія.

Здѣсь, посрединѣ, гдѣ должна быть главная фигура, комъ грязи, пущенный съ размаха проходящимъ зѣвакою, пущенный такъ, зря, по тому же похвальному побужденію, по какому уличный мальчикъ пускаетъ камнемъ, чтобы добить случайно выпавшую изъ гнѣзда птицу Рядомъ, еще болѣе вѣскій слѣдъ лягнувшаго копыта того умнаго и благороднаго животнаго, которое всегда спѣшитъ принять побѣдоносную позу спасителя отечества, лишь только сообразитъ, что предъ нимъ лежачій, котораго бить можно, и можно безнаказанно.

Какъ ни случаенъ весь этотъ наносный соръ въ процессѣ, съ нимъ, однако же, приходится считаться, его нужно смести. Все это безъ нужды увеличиваетъ размѣръ и безъ

того трудной работы, усложняетъ ее, лишаетъ, наконецъ, защиту и послѣдняго ея существеннаго преимущества—спокойнаго и хладнокровнаго отношенія къ своей задачѣ. А ей въ эту минуту такъ необходимо самообладаніе: за ея спиной участь человѣка!

Гг. судьи, выступая передъ вами съ защитою Макшеева, я не обращаюсь ни къ вашему высокому безпристрастію, въ которомъ я вполнѣ увѣренъ, ни къ милосердію, котораго мы не просимъ. Я прошу у васъ только снисходительнаго вниманія.. Послѣ приговоръ, гг судьи,—съ нимъ вы всегда успѣете, а пока—только ваше вниманіе, вниманіе, одинаково чуткое къ слову оправданія, какъ и къ слову обвиненія!

Г. прокуроръ, поддерживавшій обвиненіе по такъ называемому „дѣлу о наличныхъ покупкахъ", началъ свою рѣчь съ заявленія, что онъ вздохнулъ впервые свободно, когда вы, г. предсѣдатель, объявили судебное слѣдствіе оконченнымъ. Я вполнѣ понимаю чувство г. прокурора. Вы помните, конечно, содержаніе его рѣчи, вы помните, пользовалась ли она матеріаломъ судебнаго слѣдствія Нѣтъ, этотъ матеріалъ оказался г. обвинителю непригоднымъ. Слѣдствіе по „дѣлу о наличныхъ покупкахъ" тянулось три недѣли, и я утверждаю, что все это время потрачено даромъ Была допрошена масса свидѣтелей, прочитаны груды документовъ. И что же? Развѣ это пригодились обвиненію? Обвинительная рѣчь была построена не на показаніи свидѣтелей, не на содержаніи документовъ, а на общемъ впечатлѣніи, которое будто бы произвело судебное слѣдствіе, на цѣломъ рядѣ догадокъ, на выводахъ, противорѣчащихъ всему, что мы здѣсь видѣли и слышали, и наконецъ, на заявленіяхъ, исходящихъ отъ лица прокурорскаго надзора, не имѣющихъ уже даже значенія выводовъ, а просто свидѣтельства о тѣхъ закулисныхъ тайнахъ, которыя намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны.

Г. прокуроръ упомянулъ въ своей рѣчи, что онъ не считаетъ нужнымъ останавливаться подробно и предъявлять теперь улики по всѣмъ обвиненіямъ на томъ, будто бы, основаніи, что уже во время судебнаго слѣдствія онъ предъявилъ всѣ улики, ребромъ ставилъ вопросы, изобличалъ подсудимыхъ. Но моему почтенному противнику, очевидно, измѣняетъ па-

мять. Я утверждаю, что по дѣлу о наличныхъ покупкахъ судебное слѣдствіе не дало никакихъ благопріятныхъ результатовъ для обвиненія. Съ перваго дня засѣданія грудь съ грудью боролась защита съ обвиненіемъ и,—я ссылаюсь на васъ, гг. судьи,—мы не потерпѣли пораженія, ни одной пяди земли не было уступлено нами

Но если обвиненіе можетъ игнорировать факты, если оно думаетъ, что его работа сдѣлана уже ранѣе и сдѣлана прочно и крѣпко, то не таково мнѣніе защиты. Ни одно изъ обвиненій, предъявленныхъ противъ д с с. Макшеева по дѣлу о наличныхъ покупкахъ, по моему мнѣнію, не доказано.

Первое изъ обвиненій, поставленныхъ по обвинительному акту, есть превышеніе власти (ст. 141 в. у. о нак.). выразившееся въ излишнемъ заготовленіи продуктовъ для нуждъ отряда въ военное время. Преступленіе это квалифицируется г. обвинителемъ вполнѣ, произвольно, какъ преступленіе, совершенное съ корыстною цѣлью, причемъ по обвинительному акту такая цѣль отождествляется съ самымъ преступнымъ намѣреніемъ.

Такая постановка вопроса о превышеніи власти съ юридической точки зрѣнія не выдерживаетъ критики. Статьи 141, 144 и 145 в. у., трактующія о превышеніи власти, вовсе не знаютъ подобной квалификаціи этого преступленія. Если за превышеніемъ власти, по мнѣнію г. прокурора, скрываются корыстныя дѣйствія подсудимаго Макшеева, то онѣ должны составить предметъ, самостоятельнаго обвиненія, которое должно быть самостоятельно предъявлено и самостоятельно доказано. Ограничиваться одною простою логическою ссылкою: было превышеніе власти, стало быть, было и корыстное намѣреніе, неправильно и незаконно. Если предполагается взятка, предполагается сдѣлка съ поставщикомъ, то, во всякомъ случаѣ, обвиненіе должно быть поставлено на чистоту, оно не можетъ метать камнями изъ-за угла.

Правильность моего взгляда безусловно подтверждается содержаніемъ ст. 146 в. у. о нак., на которую г. прокуроръ не ссылается, но которая именно и предусматриваетъ тотъ случай, когда превышеніе власти служитъ средствомъ для совершенія еще другого преступленія. Ст. 146, между прочимъ.

гласитъ: „когда дозволившій себѣ превышеніе власти учинилъ сіе съ намѣреніемъ или сдѣлать, или допустить иное преступленіе, то онъ приговаривается къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за то преступленіе". Отсюда ясно, что параллельно должны быть поставлены два обвиненія и при присужденіи наказанія должно быть принято наказаніе, положенное за то преступленіе, которое допущено превышеніемъ власти.

Это требованіе закона обойдено г. прокуроромъ по весьма понятной причинѣ. Никакого самостоятельнаго обвиненія въ лихоимствѣ или вымогательствѣ не могло быть поставлено противу д. с. с. Макшеева, и не могло быть это сдѣлано по той простой причинѣ, что у обвинительной власти нѣтъ ровно никакихъ данныхъ, никакого основанія обвинять подсудимаго въ этихъ преступленіяхъ. Но если это такъ, гг. судьи, то я бы просилъ васъ совершенно устранить и отбросить произвольную квалификацію, допущенную г. прокуроромъ въ этой части обвиненія и разсматривать дѣятельность подсудимаго Макшеева по заготовкѣ продуктовъ для рущукскаго отряда исключительно съ точки зрѣнія превышенія власти и притомъ превышенія власти въ военное время.

Мнѣ нѣтъ нужды напоминать вамъ, гг. судьи, въ какой мѣрѣ исправное довольствіе арміи важно во время войны, насколько въ зависимости отъ этого находится самый успѣхъ кампаніи. Историческія и догматическія свѣдѣнія по этому предмету изложены въ любомъ курсѣ военнаго хозяйства. Въ русской литературѣ мнѣ знакомо сочиненіе профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба, г. Газенкампфа, которымъ я и буду пользоваться каждый разъ, когда по ходу моей рѣчи мнѣ придется сослаться на мнѣніе авторитета науки.

Достаточно сказать, что законъ грозитъ смертною казнью интенданту, отъ бездѣйствія власти котораго послѣдуетъ разстройство довольствія арміи въ военное время. Такимъ образомъ, передъ интендантомъ двѣ смежныя ступени лѣстницы: бездѣйствіе и превышеніе власти. Середина почти невозможна, потому что угадать каждый разъ заготовкою продуктовъ мѣра въ мѣру, линія въ линію, при измѣнчивыхъ условіяхъ военнаго времени, вещь немыслимая.

Мнѣ была бы отчасти понятна требовательность г. обвинителя, предъявленная по отношенію къ заготовкамъ, произведеннымъ д. с. с. Макшеевымъ, если бы весь планъ довольствія арміи въ минувшую компанію соотвѣтствовалъ условіямъ строгой обдуманности, предусмотрительности и бережливости. Но вы знаете, въ чемъ заключался этотъ планъ. Всю полумилліонную армію въ странѣ, далеко не изобилующей нужными продуктами, небогатой торговыми рынками, должно было продовольствовать „товарищество Грегера, Горвица и комп.“ На него была возложена, ему была предоставлена исключительно эта монополія. Во время судебнаго слѣдствія вы слышали, насколько исправно было товарищество, насколько оно въ дѣйствительности, по тѣмъ условіямъ, въ которыя было поставлено, могло успѣшно выполнить эту задачу.

Въ рѣчи своей г. прокуроръ выступилъ страстнымъ, и я вѣрю ему, безкорыстнымъ защитникомъ „товарищества“. Но весь смыслъ этой защиты небезкорыстенъ: онъ имѣетъ въ виду обвиненіе Макшеева. По мнѣнію г. прокурора, рущукскій отрядъ не нуждался въ припасахъ; противъ „товарищества“ были интриги, оно было исправно; Макшеевъ хотѣлъ его устранить.

Такъ ли было въ дѣйствительности, гг. судьи?

Припомните, прежде всего, показаніе бывшаго при самомъ началѣ кампаніи полевымъ интендантомъ д. с. с. Аренса. Казалось бы, не довѣрять этому свидѣтелю невозможно. Весь планъ довольствія чрезъ „товарищество“, въ значительной степени, созданіе его рукъ. Онъ не можетъ быть склоненъ преувеличивать значеніе и размѣры неисправности „товарищества“ и несостоятельности принятой системы. А между тѣмъ, припомните, что говорилъ намъ этотъ свидѣтель. Благодаря неисправности румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, которыхъ едва хватало для перевозки войскъ, благодаря ненормальнымъ отношеніямъ военной администраціи и начальствующихъ лицъ къ агентамъ „товарищества“, благодаря, наконецъ, бѣдности и дороговизнѣ румынскихъ рынковъ, „товарищество“ съ первыхъ-же шаговъ оказалось неисправнымъ. Еще до перехода черезъ Дунай возбудился вопросъ: не устранить-ли „товарищество“, какъ неисправнаго поставщика?

Черезъ Дунай войска переправились безъ всякихъ припасовъ, съ однимъ лишь восьмидневнымъ запасомъ въ обозѣ. Интендантскихъ магазиновъ, какъ извѣстно, по стратегическимъ соображеніямъ, на Дунаѣ заранѣе учреждено не было. Рущукскій отрядъ, получившій вскорѣ специальное назначеніе—обложеніе Рущука, оказался болѣе другихъ изолированнымъ, если позволите такъ выразиться, „забытымъ".

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ весьма драгоцѣнныя, неопровержимыя свидѣтельства. Вспомните телеграмму Его Высочества Августѣйшаго Начальника Рущукскаго отряда къ Главнокомандующему, отъ 27 іюня. Въ ней говорится о томъ, что рущукскій отрядъ бѣдствуетъ, что „товарищество" ничего не ставитъ, что войска нуждаются въ припасахъ.

Обращаю особенное ваше вниманіе на тотъ пріемъ, который употребилъ г. прокуроръ для того, чтобы ослабить силу, или, вѣрнѣе, извратить значеніе этого доказательства Вы помните, какъ во время допроса свидѣтеля Аренса, г. прокуроръ настойчиво спрашивалъ его: не преувеличивалъ-ли кто-либо изъ начальствующихъ лицъ, близкихъ къ начальнику рущукскаго отряда, значеніе и размѣры тѣхъ недостатковъ, которые, будто-бы, терпѣли войска рущукскаго отряда? Д. с. с. Аренсъ, какъ добросовѣстный свидѣтель, очень долго подумалъ надъ этимъ вопросомъ и отвѣчалъ вамъ: „не знаю; думаю, однако, что всѣ доклады о положеніи довольствія отряда исходили отъ Его Высочества великаго князя Владиміра Александровича, которому въ свою очередь докладывалъ начальникъ его штаба, ген.-маіоръ Косичъ, рисовавшій въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе довольствія отряда".

И что-же? Какое употребленіе сдѣлалъ г. прокуроръ изъ этого единственнаго свидѣтельскаго показанія, касавшагося этого предмета? Г. прокуроръ возгласилъ передъ вами: „да, такъ показалъ д. с. с. Аренсъ, а вотъ я заявляю, что всему виною былъ д. с. с. Макшеевъ, который мѣтилъ въ полевые интенданты и возбуждалъ всѣхъ противъ Аренса". Онъ, дескать, Макшеевъ, и докладывалъ неправильно Августѣйшему Начальнику отряда о плачевномъ положеніи довольствія.

Признаюсь, гг судьи, въ моихъ глазахъ такой пріемъ обвинителя не можетъ быть ни чѣмъ оправданъ Зная, что единственнымъ лицомъ, которое могло-бы быть спрошено для опроверженія подобнаго заявленія, является то Высокое Лицо, которое не подлежитъ допросу въ качествѣ свидѣтеля, г прокуроръ укрывается подъ покровъ, недоступный для обвиняемаго! Это тѣмъ болѣе прискорбно, тѣмъ болѣе не понятно, что выяснившимися на судѣ данными, казалось-бы, вполнѣ безспорно установлено, что рущукскій отрядъ дѣйствительно нуждался, и что, приступая къ заготовкамъ, рущукскій интендантъ имѣлъ въ виду полнѣйшую неисправность „товарищества“.

Вспомните показаніе оберъ-контролера Завойко, свидѣтеля, котораго въ пристрастіи къ д. с. с. Макшееву никакъ ужъ нельзя заподозрить. Вспомните, что доклады о нуждахъ отряда проходили чрезъ руки этого свидѣтеля, составлялись имъ совмѣстно съ д. с. с. Макшеевымъ, и во всякомъ случаѣ, были ему извѣстны. Не упускайте изъ виду также показанія ген.-ад. Ванновскаго. Бывшій начальникъ штаба рущукскаго отряда положительно удостовѣрилъ, что и лѣтомъ 1877 года и осенью, передъ тѣмъ, какъ было приступлено къ заготовкамъ, войска нуждались, и случалось весьма нерѣдко, что приходилось трогать 8-ми дневный, неприкосновенный запасъ.

Результатомъ всеобщихъ жалобъ въ отрядѣ—былъ докладъ Его Императорскаго Высочества Начальника отряда Главнокомандующему. Вы его, конечно, не забыли. Не забыли вы также и подробную записку князя Витгенштейна, командированнаго Главнокомандующимъ въ рущукскій отрядъ, для представленія свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи довольствія отряда Вы, конечно, припомните при этомъ показаніе ген.-ад. Ванновскаго, который на вопросъ, мною ему предложенный, удостовѣрилъ, что записка кн. Витгенштейна, рисующая положеніе довольствія въ рущукскомъ отрядѣ, была плодомъ исключительно его личнаго наблюденія.

Чѣмъ-же, какимъ соображеніемъ устраняетъ г. прокуроръ значеніе всѣхъ этихъ свидѣтельствъ? Пріемъ простой и весьма не новый. Отвѣтъ найденъ: Макшеевъ — де-

монъ-обольститель, онъ всѣмъ отвелъ глаза, онъ всѣхъ околдовалъ! Завойко смотрѣлъ его глазами: покушеніе на обольщеніе шло вплоть до главной квартиры. Но по поводу такой характеристики личности подсудимаго Макшеева я замѣчу только, что она грѣшитъ и противъ реальной и противъ художественной правды. Только на очень дешевыхъ лубочныхъ картинкахъ духовъ тьмы и преисподней рисуютъ по общему шаблону:—чѣмъ чернѣе тѣмъ и страшнѣе. Истина, однако-же, въ томъ, что д. с. с. Макшеевъ засталъ довольствіе отряда дѣйствительно въ весьма плачевномъ положеніи.

Правда, были со стороны г. прокурора попытки нѣкоторыми фактическими указаніями подорвать несомнѣнность такого положенія. Но врядъ-ли эти попытки можно назвать удачными. По требованію г. прокурора, почти при самомъ заключеніи слѣдствія, были прочтены 2—3 телеграммы смотрителя бѣльскаго магазина, относившіяся къ іюлю и августу, въ которыхъ смотритель доноситъ о томъ, что, благодаря случайнымъ поставкамъ „товарищества“, магазинъ переполненъ и продуктовъ хранить негдѣ.

Но не забудьте, гг. судьи, во-первыхъ, что это случилось вскорѣ или почти одновременно съ посылкою телеграммы Главнокомандующему начальникомъ отряда, что это случилось въ то время, когда жалобы войскъ рущукскаго отряда на недостатокъ довольствія выразились настоящимъ воплемъ, и что, во всякомъ случаѣ, эти двѣ-три поставки въ значительномъ количествѣ одновременно послѣ большихъ промежутковъ недостатка, были лишь судорожными потугами „товарищества“ удовлетворить дѣйствительнымъ потребностямъ отряда, потугами, которыя, впрочемъ, вскорѣ и прекратились. Во-2-хъ, что въ то время когда въ этихъ телеграммахъ идетъ рѣчь о переполненіи магазиновъ продуктами, Бѣльскій магазинъ былъ единственнымъ на весь 80-ти тысячный отрядъ, и что самые размѣры помѣщенія его въ началѣ кампаніи были весьма незначительны: Въ 3-хъ, наконецъ, не упускайте изъ виду и того что телеграммы эти относятся къ іюлю и августу мѣсяцамъ, а первое предписаніе о заготовленіи чрезъ чиновниковъ д. с. с. Макшеевъ сдѣлалъ лишь 3-го октября.

Да, наконецъ, могутъ-ли эти телеграммы дать намъ хотя-

бы приблизительное понятіе о дѣйствительномъ размѣрѣ поставокъ „товарищества“ и состояніи склада? Если г прокуроръ придавалъ этому обстоятельству столь важное значеніе, если ему необходимо было выяснить дѣйствительное состояніе складовъ рущукскаго отряда въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ, то остается только посѣтовать на г прокурора за то, что онъ прибѣгнулъ къ столь несовершенному способу изслѣдованія истины, какъ двѣ, три случайныя телеграммы смотрителя склада, въ которыхъ не говорится ни о количествѣ продуктовъ, ни о томъ,—какіе это продукты. Гораздо правильнѣе и проще было-бы предъявить суду приходо-расходныя книги магазина, предъявить, наконецъ, ихъ экспертамъ, чтобы подвести итоги, и выяснить дѣйствительное положеніе складовъ за это время.

Затѣмъ г прокуроръ утверждаетъ, что если „товарищество“ ставило недостаточно въ магазины, то зато, „б ы т ь м о ж е т ъ“ поставки дѣлались прямо въ отдѣльныя части войскъ, которыя удовлетворялись такимъ образомъ помимо магазиновъ. Относительно этого должно возразить прежде всего, что это лишь „быть можетъ“, а затѣмъ возражу еще ссылкою на „окончательное заключеніе разсчетной комиссіи по продовольствію дѣйствующей арміи“, которая, при учетѣ уже послѣ компаніи квитанцій „товарищества“, обнаружила, громадную недопоставку въ рущукскій отрядъ, причемъ отозвалась, что и недопоставки въ отдѣльныя части войскъ были „с т о л ь - ж е значительны“. Достаточно напомнить вамъ, что за одинъ рущукскій отрядъ, согласно 12 п. контракта съ „товариществомъ“, было съ него исчислено 20 проц. неустойки, по стоимости недоставленныхъ продуктовъ, болѣе 600 т. рублей.

Для разрѣшенія вопроса, интересующаго насъ въ настоящую минуту, вопроса о превышеніи власти д. с. с. Макшеевымъ, состоянія складовъ въ іюнѣ, іюлѣ и даже августѣ для насъ не имѣетъ ровно никакого значенія, и вотъ почему. Вы помните, что на продовольствіе рущукскаго отряда до января мѣсяца 1878 г. былъ данъ полевымъ интендантскимъ управленіемъ нарядъ только 5-го сентября 1877 года. Слѣдовательно, только съ этого числа, при расчисленіи продуктовъ, купленныхъ Макшеевымъ, можетъ идти рѣчь о томъ, соотвѣтствовали-ли они количеству недоставленныхъ „товариществомъ“ продуктовъ.

На судебномъ слѣдствіи неоднократно поднимался вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли къ продуктамъ, слѣдуемымъ по нарядамъ „товарищества“, прибавлять еще обязательный 1½ мѣсячный „запасъ“, чтобы опредѣлить то общее количество продуктовъ, которое имѣлъ право заготовить д. с. с. Макшеевъ, не выходя изъ мѣры дѣйствительной потребности Вопросъ этотъ истолковывался весьма различно: хотя, на мой взглядъ, никакихъ недоразумѣній онъ возбуждать не можетъ.

Я утверждаю, что въ нарядѣ отъ 5-го сентября полуторамѣсячный запасъ включенъ не былъ. Посмотримъ, такъ-ли это? Нарядъ данъ 5-го сентября, а между тѣмъ, какъ значится въ самомъ-же обвинительномъ актѣ, распоряженіе Главнокомандующаго о томъ, чтобы 1½ мѣсячный запасъ хранился въ складахъ, сверхъ текущаго довольствія, послѣдовало по докладу полевого интенданта отъ 9-го сентября. Ясно, что д. с. с. Макшеевъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ запасѣ уже послѣ дачи наряда долженъ былъ озаботиться не только о томъ, чтобы все недоставляемое въ назначенные по нарядамъ сроки „товариществомъ“ пополнялось наличною покупкою, но и о томъ, чтобы въ складахъ былъ образованъ полуторамѣсячный запасъ, въ нарядъ еще не вошедшій. Это обстоятельство весьма важно, и я бы просилъ васъ, гг. судьи, имѣть его въ виду при всѣхъ расчисленіяхъ, предъявляемыхъ вамъ въ доказательство излишка въ продуктахъ, заготовленныхъ Макшеевымъ.

Я уже упомянулъ выше, что всѣ распоряженія д. с. с. Макшеева о заготовкѣ продуктовъ помимо или, вѣрнѣе, за счетъ неисправнаго „товарищества“ начались лишь съ октября мѣсяца. Раньше того, какъ вамъ извѣстно, въ докладѣ отъ 29-го сентября, Макшеевъ предлагалъ вовсе устранить товарищество, въ виду его неисправности, и озаботиться инымъ путемъ о пополненіи запасовъ довольствія для отряда. Этотъ докладъ, не получившій, впрочемъ, дальнѣйшаго движенія у Главнокамандующаго, ставится г. прокуроромъ въ большую вину Макшееву. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ онъ обнаружилъ явно корыстныя поползновенія, желалъ самъ „попользоваться“ около заготовленій, желалъ, наконецъ, подставить ногу и товариществу, и Аренсу. Подумаешь, какое преступленіе совершилъ Макшеевъ!

Съ точки зрѣнія научныхъ положеній Макшеевъ былъ совершенно правъ: спасеніе отряда въ томъ, чтобы избавиться отъ опеки далекихъ друзей, которые, подъ часъ, о немъ забывали вовсе. Спасеніе отряда въ томъ, чтобы о немъ пеклись не изъ прекраснаго далека, не на бумагѣ только, а тѣ, кому дѣйствительно близко и хорошо извѣстны его нужды и интересы. Отрядный интендантъ обязанъ довольствовать свои отрядъ, онъ долженъ жить его нуждами и интересами, и если, при этомъ, правильна система контроля, если правильно установлена отвѣтственность и подчиненность интенданта военному начальству отряда, можно смѣло сказать, что это и будетъ наилучшая система продовольствія въ военное время.

Вѣдь надо же сознаться, наконецъ, гг судьи, что идея продовольствія всей арміи „товариществомъ“ во все время кампаніи была не изъ самыхъ счастливыхъ идей, и что она была принята лишь, какъ казавшееся лучшимъ, изъ многихъ золъ. Надо условиться разъ и навсегда также: чьи интересы призваны вы защищать здѣсь? Конечно, интересы казны; вѣдь не интересы же почившаго „товарищества“, не интересы тѣхъ или другихъ лицъ, игравшихъ ту или другую роль въ минувшую войну?

Къ октябрю мѣсяцу, какъ это выяснилось изъ вѣдомостей о состояніи складовъ, составленныхъ здѣсь на судѣ экспертами, — въ магазинахъ рущукскаго отряда по наряду отъ 5-го сентября, къ сроку на 25-е сентября, „товариществомъ“ ничего поставлено не было. Во всѣхъ графахъ вѣдомостей экспертовъ на октябрь мѣсяцъ краснорѣчиво значится: ничего, ничего и ничего, Что было дѣлать Макшееву, что слѣдовало предпринять?

Здѣсь было высказано мною предположеніе по этому поводу. Высказывалось, что Макшееву не было нужды прибѣгать къ заготовкамъ наличною покупкою чрезъ чиновниковъ, на томъ основаніи, что у „товарищества“ будто бы были необходимые запасы продуктовъ въ Зимницѣ и что все затрудненіе было въ ихъ доставкѣ, въ ихъ перевозкѣ, что Макшеевъ могъ посылать въ Зимницу свои транспорты и доставлять продукты оттуда, не прибѣгая къ покупкамъ.

Прежде всего желательно было бы знать, чѣмъ удосто-

вѣрено на слѣдствіи то обстоятельство, что у „товарищества“ дѣйствительно были запасы въ Зимницѣ? Ссылаются на показанія одного изъ членовъ „товарищества“ г. Пашева. Свидѣтель этотъ умеръ и не былъ здѣсь допрошенъ, но его показаніе прочитано. По поводу свидѣтельства этого бывшаго члена „товарищества“ я могъ бы вамъ напомнить отзывъ т с Россицкаго. Оказывается, что, по увѣренію Пашева, продукты всегда были... только не тамъ, гдѣ они были нужны. Тѣмъ болѣе можно обойти молчаніемъ этого свидѣтеля, что для разрѣшенія возбужденнаго вопроса у насъ имѣются болѣе вѣскія документальныя данныя

Еще во время судебнаго слѣдствія я нѣсколько разъ обращалъ ваше вниманіе на актъ, составленный полевымъ оберъ-контролеромъ Рудневымъ, тѣмъ самымъ Рудневымъ, котораго вы видѣли здѣсь въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о зимницкомъ складѣ. Актъ этотъ былъ составленъ при освидѣтельствованіи систовскаго продовольственнаго склада 26-го октября 1877 года. Изъ этого акта усматривается, что по сентябрьскому наряду „товарищество“ недопоставило слѣдующаго количества продуктовъ: ячменя оно должно было поставить 28,733 четверти, въ дѣйствительности же поставило 854 четв.; сухарей 220,000,—поставило 36,803; спирту 13,126 ведеръ,—вовсе не поставлено, сѣна 160,000 пудовъ,—также, крупъ 21,864 четверти, — также ничего не поставлено. Такимъ образомъ, вы видите, что цифры недопоставокъ, кричащія, почти невѣроятныя. А между тѣмъ изъ Зимницы, гдѣ предполагаются склады товарищества, до Систова — рукой подать: только переправа черезъ Дунай, и продукты транспортированы.

О какихъ же зимницкихъ запасахъ говоритъ г. прокуроръ? Если нечего было посылать въ Систово, то какъ же могла идти рѣчь о снабженіи рущукскаго отряда изъ Зимницы? Вспомните также показаніе свидѣтеля Носенко, который былъ въ Систовѣ смотрителемъ склада. По показанію этого свидѣтеля, размѣры недопоставокъ товарищества въ Систовѣ были всегда громадные. Припомните также показанія д. с. с. Аренса, который удостовѣрилъ, что никакихъ запасовъ и складовъ „товарищества“ въ Зимницѣ онъ не видѣлъ

При такихъ-то условіяхъ требуютъ, чтобы отрядный ру-

щукскій интендантъ разсылалъ свои транспорты за Дунай разыскивать несуществующіе склады товарищества. Прежде всего, къ этому его ничто не обязывало. По контракту съ казною, „товарищество“ обязано было своимъ попеченіемъ транспортировать продукты до мѣстъ назначенія. За эту перевозку отъ Дуная ему выплачивалась, по цѣнѣ интендантскаго транспорта, особая плата и естественно, что, кромѣ крайнихъ, совершенно экстренныхъ случаевъ, интендантство не обязано было, да и не могло отдавать въ распоряженіе „товарищества“ казенные транспорты, которые съ такимъ трудомъ формировались и пополнялись

Разъ рѣчь зашла объ этихъ транспортахъ и о ихъ назначеніи, желательно было бы установить вполнѣ точное о нихъ представленіе. Г. прокуроръ, въ своей рѣчи, очевидно, смѣшиваетъ казенный транспортъ, состоящій въ непосредственномъ распоряженіи отряднаго интендантства съ войсковымъ обозомъ, котораго спеціальное назначеніе подвозить войскамъ продукты изъ магазиновъ и хранить 8-мидневный запасъ. Вольнонаемный интендантскій транспортъ не имѣетъ спеціальнаго назначенія подвоза продуктовъ; онъ по закону предназначенъ для перевозки всякаго рода тяжестей, какія представится нужнымъ по условіямъ военнаго времени. Въ рукахъ опытнаго интенданта отрядный транспортъ это такая могучая сила, которая всегда должна быть готова для самыхъ разнообразныхъ нуждъ отряда. Транспортъ можетъ перевозить и артиллерійскіе снаряды и боевые припасы, при отступленіи на немъ всѣ больные, всѣ раненые.

При такомъ значеніи транспорта, могъ ли д. с. с. Макшеевъ, такъ сказать, „отчуждать“ его въ пользу „товарищества“, могъ ли онъ отдать его въ чье-либо безконтрольное распоряженіе? Очевидно,—нѣтъ, тѣмъ болѣе, что „товарищество“ само обязано было имѣть вольнонаемный транспортъ для перевозки продуктовъ. Но г. прокуроръ возражаетъ:— „однако же Макшеевъ находилъ возможнымъ давать чиновникамъ своимъ транспорты въ октябрѣ для перевозки изъ Зимницы ячменя и крупы, купленныхъ у Вольштейна“. Да, но, во-первыхъ, это продолжалось весьма недолгое время, во-вторыхъ, транспортъ, вслѣдствіе этого, не выходилъ изъ

вѣдѣнія рущукскаго интендантства. Вы помните, напримѣръ, случай съ поставщикомъ Каминкой, когда его крупу пришлось выбросить на дорогѣ, потому что транспортъ понадобился для другого дѣла.

Насколько успѣшно и цѣлесообразно д. с. с. Макшеевъ эксплоатировалъ свой интендантскій отрядный транспортъ, вы можете судить по показанію капитана Шохина. Транспортъ, которымъ завѣдывалъ Шохинъ, въ короткое время сослужилъ много службы: два или три рейса онъ сдѣлалъ за продуктами, купленными чиновниками, затѣмъ его повернули на перевозку плѣнныхъ турокъ, потомъ онъ эвакуировалъ раненыхъ за Дунай и, наконецъ, занимовалъ тамъ вслѣдствіе ледохода и отсутствія переправы и перевозилъ въ Зимницу сѣно заготовки подп Навроцкаго.

Думаю, что этими немногими соображеніями я могу покончить съ вопросомъ о томъ, обязательно ли было для д. с. с. Макшеева посылать свои транспорты на удачу за продуктами „товарищества“, которыхъ въ концѣ концовъ нигдѣ не оказывалось Напомню при этомъ, что позднѣе, въ декабрѣ, для перевозки продуктовъ „товарищества“ ему было однажды уступлено интендантствомъ до двухъ сотъ подводъ. Агенты „товарищества“ распорядились ими самымъ безтолковымъ образомъ: они слали тѣ продукты, которыхъ было вволю и не присылали того, въ чемъ была дѣйствительная нужда.

Слѣдуя своей системѣ, въ каждомъ дѣйствіи усматривать какое-либо преступное побужденіе, г. прокуроръ остановился на изслѣдованіи вопроса: почему Макшеевъ, видя недопоставки товарищества и имѣя право заготовлять по закону продукты за счетъ неисправнаго поставщика въ размѣрѣ мѣсячной пропорціи, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ въ октябрѣ, прежде чѣмъ командировать чиновниковъ для заготовокъ, предварительно снестись по этому поводу телеграммами съ д. с. с. Аренсомъ и испросить у него разрѣшенія. Въ такомъ пріемѣ обвиненіе желаетъ усмотрѣть особаго рода „фортель“ со стороны легендарнаго злодѣя Макшеева. Этимъ, по словамъ обвиненія, г. Макшеевъ обезпечивалъ себѣ защиту въ будущемъ, такъ какъ, получивъ однажды разрѣшеніе д. с. с. Аренса „закупать въ мѣрѣ дѣйствительной

потребности"—онъ уже могъ, опираясь на такое разрѣшеніе, допустить безнаказанно съ корыстною цѣлью и излишекъ въ заготовленіяхъ. Доводъ по меньшей мѣрѣ странный въ устахъ того обвинителя, который представляетъ противу Макшеева обвиненіе въ превышеніи власти и доказываетъ, что онъ именно и вышелъ изъ нормы даннаго ему разрѣшенія...

Въ дѣйствительности же обращеніе за разрѣшеніемъ къ д. с. с. Аренсу со стороны отряднаго интенданта было дѣйствіемъ вполнѣ нормальнымъ и на мой взглядъ безусловно обязательнымъ. Вамъ извѣстно, что по закону (ст. 133 полож. о полев. инт. упр.) довольствіе арміи въ военное время производится на основаніи заранѣе выработаннаго полевымъ интендантомъ плана, утвержденнаго Главнокомандующимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вамъ извѣстно изъ показаній д. с. с. Аренса, что кругъ правъ и обязанностей отрядныхъ и мѣстныхъ заграничныхъ интендантовъ весьма слабо очерченъ, что въ минувшую войну штаты полевого интендантства вовсе не были утверждены, что въ теченіе войны было дано нѣсколько различныхъ инструкцій и что, наконецъ, д с. с. Макшеевъ состоялъ въ рущукскомъ отрядѣ отряднымъ интендантомъ, съ правами мѣстнаго заграничнаго интенданта и что права эти п р и б л и ж а л и с ь къ правамъ окружнаго интенданта въ мирное время. Согласно этому, Макшеевъ имѣлъ право заготовлять продукты, не испрашивая на то особаго разрѣшенія лишь въ мѣсячной пропорціи. Но такъ какъ необходимъ былъ еще $1^1/_2$ мѣсячный запасъ, и трудно было ограничиться мѣсячной пропорціей для текущаго довольствія (продукты доставлялись съ большимъ трудомъ), притомъ же необходимо было разъ и навсегда опредѣлить, какъ восполнять вообще недопоставки „товарищества", то Макшеевъ и снесся съ полевымъ интендантомъ. Вы помните сущность отвѣтныхъ телеграммъ д. с. с. Аренса: „вы для отряда то же, что я для арміи, одной перепиской довольствоваться нельзя; при непоставкѣ „товарищества", закупайте и заготовляйте продукты въ мѣрѣ дѣйствительной надобности" и т. д. Затѣмъ, по вступленіи т. с Россицкаго въ должность полевого интенданта, Макшеевымъ была получена телеграмма съ прямымъ приказаніемъ: „закупить, что возможно и гдѣ возможно".

Что же предпринимаетъ въ виду такихъ распоряженій

Макшеевъ? Съ 3-го октября онъ начинаетъ давать предписанія чиновникамъ о заготовкахъ крупы, ячменя, спирта. Сѣно онъ заготовляетъ черезъ подполковника Навроцкаго.

Здѣсь на судѣ г. прокуроръ поддерживалъ обвиненіе въ превышеніи власти лишь относительно заготовки спирта; относительно крупы и ячменя нѣтъ спору, что заготовленіе не превысило мѣру „дѣйствительной надобности“. Впрочемъ, г. обвинитель счелъ нужнымъ замѣтить, что и по поводу заготовки ячменя и крупы онъ могъ бы поддерживать обвиненіе, такъ какъ Макшеевъ не имѣлъ-де права давать предписанія на заготовку 20,000 четв. ячменя и 10,000 крупы, ибо не все это количество было недопоставлено „товариществомъ“. Но г. прокуроръ очевидно забываетъ, что крупы и ячменя было заготовлено гораздо менѣе предписаннаго количества и что въ самихъ предписаніяхъ была оговорена возможность во всякое время въ случаѣ своевременной поставки „товариществомъ“ прекратить заготовленія. Чиновникамъ прямо предписывалось не обязываться контрактами и не заключать письменныхъ условій съ поставщиками. Все это г. прокуроръ обходитъ молчаніемъ и „великодушно“ не поддерживаетъ обвиненія.

Но относительно заготовленія спирта г. прокуроръ очень настаиваетъ на превышеніи власти. Рущукскій интендантъ приказалъ заготовить съ октября по 1-е января 20,000 ведеръ, и почти все это количество было заготовлено. Къ счастью однако для Макшеева, передъ вами, гг. судьи, лежатъ вѣдомости, составленныя по настоянію защиты экспертами. Эксперты-счетчики народъ безстрастный и, надѣюсь, безпристрастный. Заподозрить и здѣсь Макшеевское обольщеніе нельзя, — эксперты работали подъ наблюденіемъ суда и прокурорскимъ. Заглянемъ же въ вѣдомость о заготовкѣ спирта во всѣ склады рущукскаго отряда.

Не знаю случайно ли это счастливое для Макшеева совпаденіе цифръ, можетъ быть, но совпаденіе несомнѣнно счастливое! Мнѣ возразятъ: вѣдь, онъ не могъ предугадать, сколько именно не допоставитъ „товарищество“ до 1-го января! Не спорю, но къ цифрамъ прошу васъ прислушаться внимательно. Вы знаете, гг. судьи, что за все время пребыванія отряднымъ рущукскимъ интендантомъ, т. е. по

1-е января 1878 г., Макшеевъ предписалъ заготовить всего до 20 тыс. ведеръ спирта Теперь заглянемъ въ вѣдомость: сколько по то же 1-е января обязано было поставить „товарищество“ въ рущукскій отрядъ и сколько оно въ дѣйствительности поставило? По вѣдомости противу числа 1-е января значится: должно было заготовить 24,941 ведеръ, въ дѣйствительности заготовлено всего 4,915 ведеръ Совершите теперь простую ариѳметическую задачу вычитанія и получится итогъ обвиненія въ превышеніи власти по заготовкѣ спирта.

Г. прокуроръ благоразумно и осторожно обошелъ эти цифры. Между тѣмъ, не забудьте, что въ нарядъ „товариществу“ еще не вошелъ $1^1/_2$ мѣсячный запасъ въ размѣрѣ 5,625 вед. Но если, г обвинитель не хочетъ знать цифръ, зато онъ настаиваетъ на томъ, что спиртъ такой продуктъ, заготовкою котораго возможно было спѣшить только изъ корыстныхъ побужденій Онъ обращается для этого къ книжкѣ Варшавскаго Замѣчу, вскользь, что этотъ манускриптъ съ его воровскимъ жаргономъ: „за исключеніемъ моего капитала“ и иногда „задатка“, что должно обозначать, по мнѣнію коментаторовъ—„взятку“, для меня вообще мало вразумителенъ и мало понятенъ. Но на минуту повѣримъ интерпретаціи г. прокурора Г. обвинитель утверждаетъ, что на спиртѣ удерживалась, согласно записямъ Варшавскаго. наибольшая разница въ пользу чиновниковъ, именно — 11 франковъ Но по тѣмъ же записямъ на крупѣ взятка была 14 фр; стало быть, и это соображеніе г обвинителя невѣрно. Ужъ если вѣрить записямъ и показанію Варшавскаго, то окажется, что заготовка крупы была выгоднѣе для интендантовъ. А между тѣмъ, крупы было заготовлено не болѣе, какъ въ пропорціи на 20 дней. Объясняется такая неравномѣрность въ заготовленіяхъ весьма простымъ соображеніемъ. Крупу и ячмень еще можно было кое-какъ добывать въ Румыніи и даже заготовлять собственнымъ попеченіемъ войскъ; относительно же заготовки спирта были большія затрудненія. Въ Румыніи хорошаго спирта нѣтъ. Вольштейнъ выписывалъ его прямо изъ Венгріи, причемъ громоздкость бочекъ и необходимыя предосторожности при перевозкѣ очень замедляли доставку. Надо было заранѣе позаботиться, чтобъ обезпечить своевременную доставку.

Но г. прокуроръ резоновъ этихъ не принимаетъ и съ саркастическою горечью восклицаетъ: „и что же они спѣшили заготовлять?—Спиртъ!“ Да, спиртъ, и очень хорошій спиртъ, какъ удостовѣрено экспертизою, прибавлю я отъ себя. Въ то время, какъ другіе отряды должны были пить спиртъ „товарищества“ съ приправою сѣрной кислоты и сивушнаго масла, Рущукскій отрядъ пилъ чистое вино. Я рѣшительно недоумѣваю, почему г. прокуроръ такъ вооружается противу заготовки спирта. По нарядамъ этотъ продуктъ значился въ числѣ другихъ, удовлетворяющихъ потребностямъ войскъ, и я бы послушалъ, что бы сталъ говорить г. прокуроръ, если бы на его долю выпало обвинять Макшеева въ бездѣйствіи власти по незаготовленію спирта О, тогда навѣрное въ самыхъ патетическихъ выраженіяхъ фигурировала бы та „добрая чарка вина“, которая одна можетъ согрѣть, оживить и послать благодатный сонъ изнуренному трудами воину. И я первый горячо бы привѣтствовалъ подобную аргументацію обвиненія, потому что для солдата, брошеннаго въ тревожныя условія военнаго времени, положенная чарка водки — не роскошь, а потребность, потребность чуть ли не первая послѣ хлѣба. Давать ему эту „чарку водки“ только на бумагѣ, прикрываясь недопоставками „товарищества“, было бы настоящимъ преступленіемъ, съ защитою противу котораго, смѣю завѣрить, не я бы выступилъ.

Я думаю, что съ вопросомъ о превышеніи власти я могъ бы кончить, могъ бы кончить даже и въ томъ случаѣ, если-бы у д. с. с. Макшеева оказался даже нѣкоторый излишекъ заготовленныхъ продуктовъ. Условія военнаго времени должны быть приняты въ расчетъ. То, что могло быть нужно вчера, окажется излишкомъ завтра; тѣмъ, что отъ этого могли произойти убытки, смущаться также невозможно. Только въ очень отдаленныя, первобытныя времена хищническихъ войнъ, война считалась обогащеніемъ, а не убыткомъ. „Война должна питать войну“! восклицалъ еще суровый Катонъ въ римскомъ сенатѣ. Но увы! съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, теперь война роскошь, которую не всякій можетъ себѣ позволить... Съ превышеніемъ власти, однако, я кончилъ, гг. судьи, совершенно покончилъ.

Перехожу къ подлогу. Д с. с. Макшеевъ обвиняется въ томъ. что завѣдомо, т. е., зная о несоотвѣтствіи дѣйствительной стоимости продуктовъ съ цѣнами, показанными по отчетамъ чиновниковъ, утверждалъ эти отчеты. Обвиненіе предъявляется по 362 ст. ул. о нак

Въ чемъ заключается сущность служебнаго подлога? Несомнѣнно, въ сокрытіи или уклоненіи отъ оффиціально требуемой, обязательной истины. Гдѣ же и въ чемъ, намъ слѣдуетъ искать той истины, отъ которой завѣдомо отклонился, которую завѣдомо скрылъ д. с. с Макшеевъ? Рѣчь идетъ объ утвержденіи цѣнъ по наличнымъ покупкамъ. Ст 136 полож. и заготов. по воен. вѣдомству, между прочимъ, гласитъ слѣдующее: „основаніемъ для опредѣленія выгодности произведенныхъ покупокъ служатъ цѣны мѣстныя, справочныя и биржевыя. Итакъ, вотъ то мѣрило относительно цѣнъ, уклоненіе отъ котораго было бы преступнымъ со стороны Макшеева Допустилъ-ли онъ это уклоненіе, утверждая отчеты? Нѣтъ, самъ прокуроръ на этомъ не настаиваетъ. Всѣ эти цѣны оказались выше цѣнъ, по которымъ закупали чиновники; я не говорю уже о цѣнахъ неисправнаго поставщика „товарищества“, за счетъ котораго, въ сущности, должны были производиться всѣ эти закупки.

Я понимаю обвиненіе въ подложномъ утвержденіи отчетовъ въ томъ видѣ, какъ оно было поставлено по обвинительному акту, какъ оно было формулировано главнымъ военнымъ судомъ. Обвиненіе стояло на томъ, что чиновники, дѣлая закупки въ Румыніи, прикрывались въ своихъ отчетахъ справочными цѣнами Болгаріи, т. е. мѣстечка Бѣлы, ложно указывая, что продукты куплены на мѣстѣ, здѣсь. Но вы знаете, гг. судьи, какъ безслѣдно распалось это обвиненіе во время судебнаго слѣдствія. Подлогъ мѣста исчезъ безслѣдно, такъ какъ было доказано, что хотя чиновники покупали продукты, не выѣзжая изъ Бѣлы, но продукты доставлялись сюда за счетъ поставщиковъ и лишь по сдачѣ въ магазины за нихъ уплачивались деньги. Но и этого мало,—подложное указаніе мѣста покупки потеряло всякій смыслъ, всякую цѣну для обвиненія, такъ какъ на судѣ выяснилось, что цѣна, платимая чиновниками, не превышала и мѣстныхъ румынскихъ

и справочныхъ цѣнъ. Чиновникамъ для оправданія своихъ отчетовъ, оказалось, было безразлично показать ли цѣны Румыніи, т. е. Зимницы, или мѣстечка Бѣлы.

Итакъ, г. прокуроръ принужденъ великодушно отбросить всѣ цѣны, предусмотрѣнныя ст. 136 полож. о заготов., по которымъ онъ могъ бы произвести учетъ чиновниковъ. Учетъ оказался бы не въ пользу обвиненія. Но если это такъ, то въ чемъ же г. обвинитель усматриваетъ то мѣрило истиннаго опредѣленія цѣнъ, отъ котораго не могъ завѣдомо уклоняться Макшеевъ при утвержденіи отчетовъ? Мѣрило истины—книга Варшавскаго! Признаюсь, съ моей точки зрѣнія, слишкомъ много чести оказано подобному документу. На немъ, на кабалистическихъ знакахъ и іероглифахъ, которыми эта книжка испещрена, строится все обвиненіе въ подлогѣ! Но для обвиненія Макшеева даже совершенная безспорность записей книжки не имѣетъ ровно никакого значенія. Къ отчетамъ прилагались росписки тѣхъ же Вольштейна и Варшавскаго, въ которыхъ значилось полученіе всѣхъ суммъ, показанныхъ чиновниками; въ нихъ не оговаривались ни „за вычетомъ задатка“, ни „за вычетомъ моего капитала“ Обвиненіе ничѣмъ не доказало, чтобы Макшеевъ зналъ при утвержденіи отчетовъ о той взяткѣ, которая вычиталась въ пользу чиновниковъ. Книжка Варшавскаго, которую тотъ велъ, по его выраженію, исключительно для себя, „для памяти“, найдена лишь при обыскѣ послѣ войны въ Кишиневѣ и, стало быть, въ виду д. с. с. Макшеева при утвержденіи отчетовъ быть не могла Никто изъ чиновниковъ не утверждалъ здѣсь и о томъ, чтобы взятка ими была дѣйствительно получена и чтобы объ этомъ въ свое время было извѣстно Макшееву. Варшавскій и Вольштейнъ, показывавшіе здѣсь, что они платили разницу, показанную по книжкѣ, чиновникамъ, не указывали на то, чтобы объ этомъ зналъ Макшеевъ. Напротивъ того, вызванные въ качествѣ свидѣтелей по другому отдѣлу, они подъ присягою показали, что д. с. с. Макшееву взятокъ не давали и на чиновниковъ ему не жаловались.

Правда, въ своей рѣчи защитникъ Вольштейна, какъ будто желая восполнить пробѣлъ въ показаніи своихъ кліентовъ, сдѣлалъ указаніе на то, что Шестаковъ и Макшеевъ въ сущности одно лицо, что взятка попавшая въ карманъ Шеста-

кова, была, пожалуй, слишкомъ крупна, чтобы не попасть въ карманъ Макшеева. Г. прокуроръ, въ своей рѣчи также настаивавшій на непоколебимости подобнаго вывода, предложилъ вамъ даже крайне остроумный пріемъ для опредѣленія того, сколько именно досталось отъ Шестакова Макшееву. На спиртѣ удерживалось 11 франк., очевидно, поэтому (говорилъ прокуроръ, что Шестаковъ удерживалъ себѣ лишь 1 фр., а 10 фр. передавалъ Макшееву. Почему это „очевидно", г. обвинитель не пояснилъ. Но какъ было уже остроумно отмѣчено защитникомъ Пріорова, г прокуроръ, видимо, строго придерживается табели о рангахъ при распредѣленіи взятки Этотъ пріемъ подсказалъ и здѣсь г прокурору, какъ слѣдуетъ исчислить взятку. Макшеевъ лицо 4-го класса, Шестаковъ—14-го, вычитая одно число изъ другого, получается цифра—10,– стало быть, законъ найденъ: за каждый лишній чинъ по франку на ведро. Если подобный новаторскій пріемъ несомнѣнно и дѣлаетъ честь остроумію автора, то я все-таки просилъ бы васъ, гг. судьи, исключить его изъ числа судебныхъ доказательствъ, какъ непредусмотрѣнный точнымъ смысломъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ относительно табели о рангахъ. Равнымъ образомъ, я просилъ бы васъ не придавать значенія и силы судебнаго доказательства дополнительному показанію защитника Вольштейна Это не показаніе, — несомнѣнно не показаніе, иначе зачѣмъ же молчатъ облеченные гражданскимъ мужествомъ свидѣтели Варшавскій и Вольштейнъ (такъ, кажется, рекомендовалъ вамъ ихъ защитникъ)? Мнѣніе, догадка защитника — не доказательство; это только соображеніе, какъ и всякое иное.

Возвращаясь къ утвержденію подложныхъ отчетовъ и къ ст. 136 полож. о заготов., что вправѣ мы заключить? Что покупки чиновниковъ по цѣнамъ, показаннымъ ими, не вышли изъ нормъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, а если при этомъ вы примете еще въ расчетъ ту неустойку въ 20 процентовъ, которая была взыскана съ „товарищества" за неисправность въ доставкѣ закупленныхъ продуктовъ, то вы несомнѣнно должны прійти къ заключенію, что по операціи наличныхъ покупокъ въ рущукскомъ отрядѣ казна не понесла да и не могла понести никакихъ убытковъ. Стоимость тѣхъ же самыхъ продуктовъ, если бы

они были поставлены „товариществомъ“, по утвержденнымъ цѣнамъ доклада 16-го апрѣля, оказалась бы гораздо болѣе значительною.

Перехожу къ послѣднему изъ обвиненій, предъявленныхъ противъ дѣйств. стат сов. Макшеева, послѣднему по такъ называемому „дѣлу о наличныхъ покупкахъ“. Это новое обвиненіе по 362 ст. улож. о нак., т.-е обвиненіе въ подлогѣ Подлогъ этотъ выражается припискою въ текстѣ подлиннаго предписанія отъ 29-го ноября, каковымъ предписывалось Шестакову ставить заготовляемый спиртъ какъ въ Бѣлу, такъ и въ Батинъ. Приписка эта слѣдующаго содержанія: „почему покупку такового и увеличить до 20 тыс ведеръ“. Первоначально одинъ только Шестаковъ обвинялся въ совершеніи этого подлога, но на предварительномъ слѣдствіи д. с. с. Макшеевъ удостовѣрилъ, что эта приписка сдѣлана по его распоряженію, и что онъ не усматриваетъ въ этомъ никакого преступленія. Казалось бы обвиненію слѣдовало тогда освободить Шестакова отъ всякой отвѣтственности и затѣмъ уже обвинять д. с. с Макшеева за превышеніе власти, или за какое угодно преступленіе, но только не за подлогъ. Но г. прокуроръ стоитъ на обвиненіи. Аргументируетъ онъ такимъ образомъ: подлогъ на лицо, такъ какъ д. с. с. Макшеевъ приказалъ сдѣлать эту приписку уже послѣ 26-го декабря, т е. послѣ того, когда былъ переведенъ на новую должность систовскаго мѣстнаго интенданта.

Если въ этомъ весь вопросъ, то мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства тому, что приписка эта была сдѣлана гораздо ранѣе. Такимъ доказательствомъ можетъ служить показаніе писаря Ведерникова, о которомъ г. прокуроръ совершенно забылъ въ своей рѣчи Этотъ свидѣтель однимъ своимъ показаніемъ совершенно разрушаетъ предположеніе г. прокурора о томъ, что приписка могла быть сдѣлана уже въ январѣ, въ Систовѣ. Вамъ было въ свое время предъявлено къ обозрѣнію подлинное предписаніе отъ 29-го ноября. Вы, конечно, помните, гг. судьи, что инкриминируемая приписка сдѣлана тѣми же чернилами и тою же рукою, какъ и все предписаніе. Между тѣмъ, Ведерниковъ призналъ эту руку и утверждаетъ, что все предписаніе, включая и приписку, писано хорошо знакомою ему рукою полкового писаря, кото-

рый временно, дней на 7—8 былъ прикомандированъ къ канцеляріи рущукскаго интенданта. Такъ какъ этотъ писарь, въ виду накопившихся въ канцеляріи бумагъ, былъ взятъ отъ проходившаго чрезъ Бѣлу полка временно, то когда, чрезъ недѣлю, полкъ двинулся далѣе.—ушелъ и писарь. Показаніе Ведерникова въ своей правдивости заподозрѣно быть не можетъ. На предварительномъ слѣдствіи, во время допроса, Ведерниковъ состоялъ уже въ запасѣ, допрашивался гдѣ-то въ Самарѣ и, слѣдовательно, ни Макшеевъ, ни Шестаковъ—который содержался въ это время подъ стражею—не могли имѣть вліянія на его показаніе. Отсюда ясно, что приписка эта могла быть сдѣлана никакъ не позднѣе первыхъ чиселъ декабря, а въ то время подсудимый Макшеевъ былъ еще отряднымъ интендантомъ и могъ не только сдѣлать приписку въ своемъ собственномъ предписаніи, но и замѣнить его новымъ.

Во время судебнаго слѣдствія г. прокуроръ, неожиданно впрочемъ для самого себя, далъ въ руки защиты еще одно весьма драгоцѣнное доказательство тому, что увеличеніе заготовки на 5 тыс ведеръ не было сдѣлано заднимъ числомъ Здѣсь читалось множество бумагъ изъ канцелярскихъ дѣлъ интендантства. Между прочимъ былъ прочитанъ отпускъ свидѣтельства, выданнаго Хотимскому на свободный провозъ 5 т. ведеръ спирта въ Батинъ; свидѣтельство это выдано *ранѣе 29-го ноября.* Намъ извѣстно, что 15 т. ведеръ въ Бѣлу были поставлены Варшавскимъ и Вольштейномъ; слѣдовательно, эти 5 тыс. ведеръ Хотимскаго на Батинъ какъ разъ тѣ, о которыхъ сдѣлана приписка въ предписаніи 29-го ноября

Я думаю, что эти доказательства уже совершенно устраняютъ обвиненіе въ подлогѣ. Но я нахожу, что и съ юридической стороны оно не выдерживаетъ критики. Мнѣніе г. прокурора о томъ, что д. с. с. Макшеевъ, будучи переведенъ на должность мѣстнаго систовскаго интенданта, не могъ дѣлать заготовленій для рущукскаго отряда, неосновательно. Онъ получилъ повышеніе и уже пользовался правами окружнаго интенданта, а въ районъ его вновь учрежденнаго округа входилъ и рущукскій отрядъ. Пріоровъ, непользовавшійся правами мѣстнаго заграничнаго интенданта, былъ ему безусловно подчиненъ. Макшееву не было нужды прибѣгать къ подлогу для заготовленія этихъ 5 тыс.

ведеръ; онъ могъ сдѣлать это во всякое время новымъ формальнымъ предписаніемъ.

Этимъ, гг. судьи, исчерпываются всѣ улики и доводы, предъявленные вамъ г. обвинителемъ противу д. с. с. Макшеева по „дѣлу о наличныхъ покупкахъ"; но, къ сожалѣнію, не исчерпывается и все содержаніе его обвинительной рѣчи. Въ ней было многое еще другое, но что если и не стоитъ обстоятельно возражать защитѣ, но все же отмѣтить слѣдуетъ. Заканчивая свое слово, первый изъ гг. обвинителей пояснилъ вамъ, что если улики слабы, если онѣ невполнѣ точно и опредѣлительно обрисовываютъ передъ вами виновность того или другого изъ обвиняемыхъ,—такъ вѣдь на то онѣ улики косвенныя Затѣмъ г. прокуроръ, чтобы помочь вамъ установить въ себѣ убѣжденіе о виновности Макшеева и Пріорова, счелъ нужнымъ иллюстрировать передъ вами нѣсколько типовъ, облеченныхъ въ интендантскій мундиръ, при перечисленіи которыхъ онъ, будто бы, воспроизвелъ предъ вами всѣ выдающіяся черты преступности обоихъ обвиняемыхъ.

Не говоря уже о томъ, что по существу это было ничто иное, какъ едва ли яркій и удачный перифразъ первой же части рѣчи самого обвинителя, т. е. ссылка на самого себя, иллюстрація якобы интендантскихъ типовъ, а въ сущности перечисленіе все тѣхъ же уликъ подъ рубрикою отдѣльныхъ номеровъ, этотъ ораторскій пріемъ напомнилъ мнѣ пріемъ первобытной мстительности, который всегда свидѣтельствуетъ о запальчивости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о слабости нападающаго Сдѣлать чучела изъ тряпокъ и лохмотьевъ, надѣть на нихъ интендантскіе мундиры и затѣмъ издѣваться нещадно надъ ними, не значитъ еще бичевать Макшеева и Пріорова и еще менѣе значитъ уличать ихъ... Такъ дикари наказываютъ своихъ идоловъ, а дѣти куколъ. Но мы, славу Богу, не дѣти и не идолопоклонники. Когда мы имѣемъ дѣло съ людьми, съ ихъ участью, съ ихъ честью и жизнью, пусть же и пріемы наши всегда соотвѣтствуютъ человѣческому достоинству. Обвиняемый еще не преступникъ, а преступникъ все же еще человѣкъ!

Гг. судьи! Перехожу къ объясненіямъ по „дѣлу объ открытіи Зимницкаго склада".

Обвиненіе по этому отдѣлу квалифицируется какъ пре-

вышеніе власти, съ подразумѣваніемъ все той-же неизмѣнной взятки. Относительно превышенія власти со стороны г. обвинителя было представлено много соображеній, группировались улики и доказательства; относительно взятки, согласно уже разъ принятому пріему, проходящему чрезъ все настоящее дѣло, обвиненіе ограничивалось однимъ предположеніемъ и даже не пыталось представлять какія-либо доказательства, находя, вѣроятно, что интендантъ и взятка, это уже сами по себѣ улики, никакой дальнѣйшей провѣркѣ не подлежащія .

Итакъ, прежде всего о превышеніи власти. Вамъ извѣстно, гг. судьи, что по наряду полевого интенданта отъ 4-го ноября. въ виду предполагавшагося перехода за-Балканы, „товарищество“ обязано было выставить продукты къ различнымъ срокамъ, между прочимъ въ прибалканскіе склады Сельвіи, Тырново, Габрово и Ловчи. Вамъ извѣстно также, что въ указанные въ нарядахъ сроки, „товарищество“ въ дѣйствительности ничего въ эти склады не выставило. Понужденія полевого интенданта т. с. Россицкаго, обращенныя къ „товариществу“, начинаются съ телеграммы отъ 24-го ноября, въ которой онъ требуетъ продуктовъ въ Габрово, Ловчу, Сельвію и Тырново, и затѣмъ продолжаются вплоть до средины декабря мѣсяца. Въ установленіи этого обстоятельства, мы сходимся съ г. прокуроромъ безусловно. „Товарищество“ оказалось вполнѣ несостоятельнымъ по выполненію ноябрьскаго наряда, который обезпечивалъ довольствіе арміи по 1-е мая 1879 года. Причины этого мы отчасти могли усмотрѣть изъ тѣхъ документовъ, имѣющихся въ дѣлѣ полевого интендантства за № 86, которое было вытребовано въ судъ по требованію защиты Изъ прочтенныхъ бумагъ, переписки, докладовъ и отношеній оказалось, что товарищество было крайне затруднено въ доставкѣ и перевозкѣ продуктовъ по Румыніи; ему не давали вагоновъ на желѣзныхъ дорогахъ, выбрасывали продукты изъ вагоновъ, дѣлали всевозможныя затрудненія, оно жаловалось, отписывалось, оправдывалось, но это не облегчало его затрудненій.

Между тѣмъ настоянія полевого интенданта сопровождаемые мольбами, заклинаніями и угрозами все учащались и учащались, становились все настойчивѣе Г. представитель

обвиненія, цитируя телеграммы т. с. Россицкаго, которыя заканчивались такими энергичными выраженіями какъ,—„во имя арміи и Бога!“—„мое положеніе хуже смерти, но я умирать не смѣю!“—назвалъ эти выраженія почему-то „т р и в і а л ь н ы м и“. Признаюсь съ такою оцѣнкою слога телеграммъ я никакъ согласиться не могу. Я скорѣе бы нашелъ стиль т. с. Россицкаго нѣсколько аффектированнымъ, если хотите, ходульнымъ, но никакъ ужъ не тривіальнымъ. По смыслу этихъ телеграммъ ясно, что надъ человѣкомъ тяготѣла страшная отвѣтственность и что весь трагизмъ своего положенія онъ стремился изобразить въ двухъ-трехъ словахъ... Такъ продолжалось все время, пока не наступилъ, наконецъ, ледоходъ по Дунаю. Это обстоятельство я прошу васъ, гг. судьи, особенно отмѣтить, такъ какъ г. прокуроръ прошелъ мимо него, а между тѣмъ въ немъ, по крайнему моему разумѣнію, и заключается вся сущность настоящаго дѣла.

Съ этого времени требованія т. с. Россицкаго остались прежними, но характеръ ихъ измѣнился О доставкѣ продуктовъ средствами „товарищества“ въ прибалканскіе склады нечего было болѣе и думать. Оставалось лишь позаботиться о томъ, чтобы стянуть все, что было возможно, къ Дунаю, для того чтобы при первой возможности переправить и доставить по назначенію.

О положеніи переправы въ это время краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ то отношеніе управленія саперной бригады, завѣдывавшей переправой въ Зимницѣ, которое было здѣсь прочитано по моему требованію. Переправа окончательно прекратилась съ 14-го декабря 1877 года. На небольшихъ понтонахъ, съ большимъ рискомъ для людей,—такъ какъ понтоны затирало льдомъ и иногда уносило по теченію даже къ Рущуку, въ то время еще бывшему въ рукахъ турокъ,—поддерживалась эта переправа въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и въ ограниченномъ размѣрѣ. Припомните показаніе статскаго совѣтника Попова: перевозились только самые необходимые продукты (преимущественно сухари) интендантскаго вѣдомства и „Краснаго Креста“. Перевозка была копотливая и крайне трудная: сперва переправляли продукты на островъ Адду, а далѣе при возможности ужъ на болгарскій берегъ Такъ продолжалось до 6-го января, т. е. ровно три не-

дѣли. Затѣмъ съ 6-го января, втеченіе трехъ недѣль установилась переправа по льду; но переправа крайне ненадежная и опасная. О движеніи обоза и транспортовъ нечего было и думать. Продукты перевозились въ небольшихъ салазкахъ, перевозились на людяхъ. Затѣмъ переправа опять прекратилась и такъ продолжалось въ теченіе всего января, т. е. въ теченіе всего того времени, когда, по выраженію г. прокурора, Макшеевъ въ качествѣ к а л и ф а н а ч а с ъ исправлялъ должность полевого интенданта.

Къ этому-то времени относятся распоряженія т с. Россицкаго о томъ, чтобы свозить все, что возможно, къ Дунаю. Такъ, телеграммою отъ 15-го декабря, онъ извѣщаетъ интенданта тыла арміи о томъ, чтобы сгрузить временно въ Зимницѣ и Петрошанахъ продукты, подлежащіе затѣмъ дальнѣйшей отправкѣ за Дунай; онъ проситъ командировать для этого надежныхъ чиновниковъ, послать брезенты,—словомъ открыть временные склады. Затѣмъ въ письмѣ, отъ 17-го декабря, онъ проситъ того же генералъ-маіора Иващенко п о м о ч ь открыть склады въ Зимницѣ и Петрошанахъ и направить какъ можно усиленнѣе доставку туда сухарей, зернового фуража, крупы, чая, сахара и спирта. Перечисленіе именно этихъ продуктовъ повторяется какъ въ телеграммѣ, такъ и въ письмѣ, и я просилъ бы васъ, гг. судьи, запомнить и обратить особенное вниманіе на то, какіе именно продукты требовались къ Дунаю. Согласно этому письму, интендантомъ тыла въ Зимницѣ былъ открытъ складъ подъ вѣдѣніемъ смотрителя Попова, куда и приняты были продукты отъ „товарищества“. Вы помните, конечно, показаніе этого свидѣтеля, Попова, который удостовѣрилъ намъ, что въ его складѣ были приняты сухари, ячмень и крупа въ весьма незначительномъ количествѣ, но чая, сахара и спирта вовсе не было доставлено.

Между тѣмъ, невозможность переправлять продукты затянулась сверхъ всякаго ожиданія. О перевозкѣ продуктовъ „товарищества“ не могло быть и рѣчи. Интендантство обращалось за помощью ко всѣмъ вѣдомствамъ: морскому и инженерному, въ надеждѣ устроить переправу, но всѣ усилія оставались тщетными. Въ перспективѣ оставалось только ожидать какого-то сказочнаго желѣзнаго моста, который, согласно предписаніямъ, долженъ былъ еще во время разгара

кампаніи сковать Дунай у Систова, такъ же прочно, какъ скована Нева Николаевскимъ или Ново-Александровскимъ мостами. Вы, конечно, знаете, гг. судьи, что этотъ ожидавшійся со дня на день желѣзный мостъ, о которомъ я вамъ говорю,—не миѳъ. Извѣстно, что мостъ этотъ былъ заказанъ, за него были заплачены громадныя деньги, но для Дуная онъ остался во истину миѳомъ. Конецъ этого моста, говорятъ, былъ еще въ Россіи, онъ все еще „доставлялся", въ то время, когда не только война, но уже и кампанія была кончена.

Въ это-то время, на основаніи приказа полевого интенданта т. с. Россицкаго отъ 17-го декабря, д. с. с. Макшеевъ вступилъ въ исправленіе должности полевого интенданта. Въ это время онъ принялъ въ Зимницѣ отъ товарищества часть тѣхъ продуктовъ, которые предназначались для Болгаріи на 1-е мая.

По обвинительному акту, въ сущности, весь вопросъ о превышеніи власти по принятію этихъ продуктовъ сводится къ тому, что приказъ, на основаніи котораго Макшеевъ вступилъ въ отправленіе должности, будто бы ограничивалъ въ извѣстныхъ предѣлахъ его распоряженія, какъ полевого интенданта. Для того, чтобы доказать это свое положеніе, обвинитель ссылается: во-первыхъ, на текстъ приказа; во-вторыхъ, на показаніе ген.-маіора Букина и, въ третьихъ, на показаніе т. с. Россицкаго. Разберемъ же каждое изъ этихъ доказательствъ. Прежде всего ссылались на текстъ приказа, который, однако, буквально гласитъ слѣдующее: „я покорнѣйше прошу (пишетъ т. с. Россицкій) управляющаго за меня интендантскою частью арміи дѣйствовать во всемъ безъ изъятія на правахъ исправляющаго должность, т. е. (поясняетъ приказъ) не отлагая ничего до моего возвращенія".

Я не знаю, гг. судьи, къ какому насильственному толкованію нужно прибѣгнуть, чтобы истолковать смыслъ сказанныхъ выше словъ такъ, какъ это дѣлаетъ г. прокуроръ. Но я просилъ бы васъ истолковывать его такъ же, какъ толкуется и понимается всякій законъ, всякій юридическій актъ, т. е. по буквальному его словесному смыслу. Прочтите эти строки первому встрѣчному, не хитрому законовѣду, не юристу, а

просто грамотному человѣку, и онъ вамъ передастъ безошибочно смыслъ содержанія приказа своими словами. Да, наконецъ, выраженіе „исправляющій должность“ вѣдь это терминъ, законный терминъ, въ значеніи котораго вы не можете сомнѣваться. Если Макшеевъ намъ говоритъ, что онъ считалъ себя на это время „во всѣхъ правахъ полевого интенданта“, то какое же право и основаніе мы имѣемъ сомнѣваться въ этомъ? Онъ правъ, говоря: „я такъ понималъ приказъ и иначе понимать его не могъ!“ Что мы можемъ возразить ему на это? Г. прокуроръ возразилъ ему: однако же, вотъ дѣйств. стат. сов. Иванъ Букинъ, который нѣсколько дней до д. с. с. Макшеева исправлялъ ту же должность, не нашелъ возможнымъ 27-го декабря принять отъ Горвица сухари и галеты въ Зимницѣ за счетъ Систовскаго склада. Да, не нашелъ возможнымъ, но, во-первыхъ, рѣчь шла совсѣмъ не о тѣхъ продуктахъ, которые въ январѣ принялъ Макшеевъ, а, во-вторыхъ, припомните, какъ г. Букинъ мотивировалъ свой отказъ,—чисто по-канцелярски, „не принялъ потому, что въ Зимницѣ постояннаго казеннаго склада нѣтъ“ Вы припомните, конечно, какъ выразился по поводу такого отказа т. с. Россицкій здѣсь, на судѣ. Онъ охарактеризовалъ намъ г. Букина честнымъ, но крайне нерѣшительнымъ и трусливымъ чиновникомъ, у котораго канцелярская формалистика на первомъ планѣ.

Аргументируя далѣе показаніемъ свидѣтеля д. с. с. Букина, обвинитель вообще придаетъ ему слишкомъ важное значеніе, котораго оно, по моему мнѣнію, имѣть не можетъ. Умозаключеніе г. Букина о томъ, какъ онъ долженъ былъ понимать приказъ, рѣшительно ни для кого не обязательно. Разсужденія же его о томъ, что при иномъ пониманіи оказалось бы въ одно и то же время два полевыхъ интенданта, не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Г. Букинъ обнаруживаетъ въ своемъ показаніи совершенно напрасный и чисто канцелярскій страхъ за неприкосновенность іерархической фикціи. Въ приказѣ т. с. Россицкаго прямо оговорено, что онъ отъѣзжаетъ въ отрядъ ген.-ад. Гурко съ спеціальнымъ порученіемъ устроить тамъ, на мѣстѣ, довольствіе отряда, и что во всемъ остальномъ безъ изъятія онъ передаетъ свои права полевого интенданта исправляющему его должность.

Итакъ, полагаю, что г. обвинитель напрасно ищетъ подкрѣпленія въ показаніи свидѣтеля г. Букина. Изъ этого показанія никакого иного вывода сдѣлать нельзя, какъ лишь тотъ, что онъ, свидѣтель, д. с. с Иванъ Букинъ, не нашелъ возможнымъ принять отъ товарищества въ Зимницѣ галеты и сухари. Затѣмъ, что заявилъ намъ въ своемъ показаніи т. с. Россицкій? Онъ высказался категорично, что, по его мнѣнію, не Букинъ, а Макшеевъ правильно понималъ его приказъ, и что, будь онъ на мѣстѣ Макшеева, то, вѣроятно, также принялъ бы въ Зимницѣ продукты отъ товарищества

Но рождается другой вопросъ, въ сущности, гораздо болѣе серьезный и глубокій, не вопросъ формальнаго, казуистическаго свойства относительно толкованія приказа, а вопросъ уже чисто матеріальный. Для насъ важно рѣшить не только—м о г ъ-л и, но и д о л ж е н ъ-л и былъ такъ поступить Макшеевъ?

Для разрѣшенія поставленнаго вопроса, надо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, какія законныя основанія должны были руководить интендантомъ въ представившемся случаѣ. Въ этомъ отношеніи я ссылаюсь на ст 120, 126, 132 и особенно на 133, 147 и 148 ст. полож. о полевомъ интендантскомъ управленіи Изъ сопоставленія этихъ статей оказывается, что у полевого интенданта сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія и общія распоряженія по продовольствію арміи во время войны, что, стало-быть, только онъ, имѣя подъ руками всѣ необходимыя свѣдѣнія, можетъ рѣшить какой-либо болѣе или менѣе общій вопросъ, касающійся продовольствія арміи. Что при разрѣшеніи такого вопроса единственно, чѣмъ онъ долженъ руководствоваться, чѣмъ онъ стѣсненъ, это—планомъ довольствія, утвержденнаго Главнокомандующимъ, наперекоръ которому, разумѣется, итти нельзя. Вы знаете, гг. судьи, что весь планъ довольствія въ минувшую войну исчерпывался однимъ словомъ,— „товарищество“,—его же не прейдеши. Всѣ интендантскія полевыя учрежденія были, въ сущности, его органами и слугами. Отказать „товариществу“ въ принятіи продуктовъ, когда они могутъ пригодиться, значило въ сущности отказать самому себѣ. Что касается затѣмъ до распредѣленія припасовъ

на самомъ театрѣ войны, то законъ предписываетъ прямо—особое обезпеченіе резервовъ и базисовъ.

Сообразивъ всѣ эти велѣнія закона и общую картину положенія довольствія въ ту минуту, я утверждаю, что нельзя было не притти къ заключенію, что продукты безусловно должны были быть приняты. Для окончательнаго разъясненія этого вопроса намъ придется еще разъ обратиться къ показанію т. с. Россицкаго.

Т. с. Россицкій, какъ вамъ извѣстно, гг судьи, занялъ должность полевого интенданта дѣйствующей арміи съ конца ноября 1877 года и оставался до 15 мая 1878 года. До него былъ Аренсъ—медлитель и нерѣшительный человѣкъ, послѣ него ген.-лейтен. Скворцовъ—ликвидаторъ, онъ войны уже не засталъ. На долю Россицкаго выпало безспорно самое горячее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое трудное время кампаніи. Что онъ засталъ по части довольствія? Для лошадей—негодные консервы и соломорѣзки, какого-то геніально-доморощеннаго устройства, и общій недостатокъ въ продовольствіи для людей... А, между тѣмъ, военныя событія не ждали, предполагался уже переходъ черезъ Балканы.. Отсюда понятна та система, которой долженъ былъ держаться Россицкій, и о которой онъ заявилъ намъ здѣсь на судѣ. Среди всеобщаго недовольства „товариществомъ“ и среди лишеній и недостатковъ въ арміи, понятно, что его должна была преслѣдовать неотступно одна мысль—боязнь серьезныхъ недостатковъ, боязнь тяжелыхъ затрудненій. „Закупайте, заготовляйте, поставляйте, что можете и гдѣ можете!“—вотъ девизъ, который онъ избралъ себѣ, лишь только успѣлъ оглядѣться на мѣстѣ. Да, но вѣдь это цинизмъ! — восклицалъ г. прокуроръ,—подобное пренебреженіе къ казеннымъ интересамъ не имѣетъ имени, не имѣетъ названія!—Цинизмъ, который, однако, нашелъ себѣ мѣсто во всѣхъ курсахъ военнаго хозяйства. И тамъ, подобно Россицкому, утверждаютъ съ цинизмомъ, что для успѣха войны требованія для пріисканія продовольствія идутъ въ такой постепенности: 1-е—„по возможности много“,—2-е—„скоро“ и только 3-е и послѣднее—„по возможности дешево“. Это „цинизмъ“, который имѣетъ, однако, своей задачей обезпечить успѣхъ арміи и благосостояніе людей, идущихъ на смерть. Цинизмъ, наконецъ,

который не далъ сбыться зловѣщему предсказанію графа Мольтке о томъ, что русская армія должна погибнуть отъ голода.

Мнѣ могутъ возразить на это: не система Россицкаго спасла армію отъ голода, а быстрый, рѣшительный переходъ черезъ Балканы, обиліе турецкихъ запасовъ и счастливый исходъ войны. Да, переходъ черезъ Балканы, славная Шипка,—это безспорно славнѣйшіе и величайшіе моменты русской военной исторіи. Переходъ черезъ Балканы, быстрыя побѣды сразу расчистили собиравшіяся было надъ нашей головою тучи, они позволили боевой славной арміи, а за нею и всей Россіи, вздохнуть побѣдоносно широкою грудью! Но ослѣпленные удачей, ослѣпленные успѣхами побѣдъ, не будемъ закрывать слишкомъ торопливо глаза, не будемъ односторонни и, главное, не будемъ несправедливы. А что, если-бы Балканы стали для насъ второю Плевною?.. Я не хочу ужъ и думать о худшемъ, не хочу даже въ мысли допустить роковой минуты отступленія, систовской паники или чего-либо подобнаго.. Но чтобы тогда сказали о системѣ интенданта Россицкого, чѣмъ было бы обезпечено отступленіе арміи тогда?

Обвинитель вамъ говоритъ: Макшеевъ распорядился принять продукты въ половинѣ января, въ то время, когда оборотъ кампаніи былъ уже ясенъ, побѣда рѣшена безповоротно. 19-го января было заключено адріанопольское перемиріе, стало быть, война была въ сущности кончена. Да. Но тутъ-то—будетъ гласить правдивая исторія — и начались наши разочарованія, наши истинныя затрудненія.. Мѣсяцъ, который прошелъ до Санъ-Стефанскаго мира, былъ долгимъ мѣсяцемъ тяжкихъ испытаній и разочарованій не только для русской арміи, но и для всего русскаго общества. Вспомните показанія того же свидѣтеля Россицкаго: каждый день измѣнялись распоряженія, одно предположеніе смѣняло другое, ходили тревожные толки, какъ змѣи ползли отовсюду измѣнчивые слухи, сегодня говорили: „война съ Австріею“, завтра—„Англія отрѣжетъ насъ съ моря“. Нашъ тылъ каждую минуту могъ превратиться въ аванпосты, и рядомъ съ этимъ уже не слухи, а прямыя, хотя и секретныя распоряженія о томъ, что вся армія пойдетъ тою же дорогою, какою при-

шла,—черезъ Дунай. Вотъ истинныя условія, въ которыхъ находилась армія, когда продукты были приняты въ Зимницѣ.

Обвинитель пытался доказать вамъ, что при побѣдахъ надъ турками за-Балканами были будто бы захвачены громадные запасы продуктовъ. Здѣсь было прочитано по этому поводу нѣсколько телеграммъ Главнокомандующаго: въ нихъ цифра запасовъ довольно скромная, а если принять во вниманіе продолжительность оккупаціи, то даже вполнѣ ничтожная. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть захваченныхъ у турокъ продуктовъ была еще уступлена французской желѣзнодорожной компаніи, съ которой турецкое правительство не расплатилось за перевозку ихъ.

Лучшимъ и притомъ вполнѣ наглядымъ доказательствомъ того, что принятые въ Зимницѣ Макшеевымъ продукты не могли считаться въ то время излишними, служитъ послѣдующее распоряженіе т. с. Россицкаго, отъ 25-го марта, которымъ предписывалось все просроченное и недопоставленное „товариществомъ“ количество продуктовъ принять въ казенные склады. И это просроченное и недопоставленное ставилось даже послѣ іюня 1878 года, когда съ „товариществомъ“ былъ уже нарушенъ контрактъ.

Раньше уже, гг. судьи, я обращалъ ваше вниманіе на то, что д с. с. Макшеевъ не открывалъ, въ сущности, никакого новаго склада въ Зимницѣ. Продукты, которые онъ согласился принять отъ „товарищества“ въ счетъ наряда на Сельвію, Ловчу, Габрово и Тырново, были именно тѣ продукты, которыхъ вовсе не было въ Зимницѣ въ складѣ, открытомъ интендантомъ тыла арміи подъ вѣдѣніемъ смотрителя Попова. Продукты эти были: до 20,000 четвертей крупы и, затѣмъ, чай, сахаръ и спиртъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что Макшеевъ смотрѣлъ на это принятіе продуктовъ, лишь какъ на усиленіе того же склада. можетъ служить предписаніе его отъ 22-го января смотрителю Попову, по которому ему предписывалось принять эти продукты именно въ тотъ самый складъ. Вы знаете изъ показанія свидѣтеля Попова, что, получивъ это предписаніе, онъ отправился въ Систово и объяснилъ д. с. с. Макшееву, что онъ слишкомъ заваленъ работою по переправѣ уже имѣющихся у него продуктовъ за Дунай. Только тогда, предписаніемъ отъ 24-го января, для при-

нятія этихъ продуктовъ былъ назначенъ подсудимый Шпицбартъ

Кромѣ указанныхъ мною доводовъ, обвиненіе представило вамъ цѣлый рядъ, такъ сказать, побочныхъ, дополнительныхъ соображеній, указывающихъ, по его мнѣнію, на то, что въ принятіи продуктовъ отъ „товарищества“ кроется злоупотребленіе со стороны д. с. с. Макшеева.

Первымъ такимъ соображеніемъ представляется то обстоятельство, что ранѣе, нежели Горвицъ подалъ просьбу о принятіи въ Зимницѣ продуктовъ, онъ обращался къ д с. с. Макшееву съ просьбою уступить ему интендантскій транспортъ для перевозки, но Макшеевъ въ этомъ Горвицу отказалъ. Ранѣе, уже по дѣлу о наличныхъ покупкахъ, я старался установить предъ вами, гг. судьи, правильный взглядъ на значеніе и назначеніе интендантскаго транспорта. Я старался доказать, что перевозочныя средства въ рукахъ интендантства это такая сила, которую нельзя безнаказанно отчуждать въ чью бы то ни было пользу. И особенно невозможно было этого сдѣлать въ то время, когда перевозочныя средства страны совершенно изсякли и истощились. Вы знаете, что и казенный вольнонаемный транспортъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и цѣлый рядъ телеграммъ, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ былъ озабоченъ Макшеевъ пополненіемъ и реорганизаціею этого транспорта. „Товарищество“, у котораго прежде былъ свой собственный транспортъ, къ этому времени растеряло всѣ свои перевозочныя средства и никакъ не могло ихъ пополнить. Передать при такихъ условіяхъ въ руки „товарищества“ послѣдніе остатки казеннаго транспорта представлялось бы безумiемъ, непростительнымъ въ военное время. Но если дѣйствительно таково было положеніе перевозочныхъ средствъ, разсуждаетъ г. обвинитель, то Макшееву не слѣдовало принимать продуктовъ, такъ какъ не представлялось возможности моментально доставить ихъ по назначенію. Вамъ извѣстно, гг. судьи, что, вслѣдъ за принятіемъ продуктовъ, немедленно были снаряжены два новыхъ эшелона транспорта, и часть принятыхъ продуктовъ была тотчасъ же переправлена въ Тырново. Объ этомъ обстоятельствѣ благоразумно умолчалъ г. прокуроръ, но намъ удостовѣри-

ли это не только два свидѣтеля: Шницбартъ и капитанъ Шохинъ, но и расходныя книги склада, въ которыхъ значится, что часть продуктовъ была отправлена въ Тырново въ томъ же январѣ мѣсяцѣ. Разумѣется, это были далеко не всѣ продукты, принятые въ Зимницѣ, но не забудьте, гг. судьи, что въ февралѣ уже миновалась настоятельная надобность въ продуктахъ для прибалканскихъ складовъ, и, наоборотъ, могла представиться въ нихъ надобность въ тылу арміи Вы помните, что въ февралѣ послѣдовало распоряженіе т. с. Россицкаго о пріемѣ въ Зимницѣ отъ „товарищества“ сѣна, такъ какъ предполагалось, что вся кавалерія пойдетъ обратно въ Россію сухимъ путемъ

По поводу принятія д. с. с. Макшеевымъ продуктовъ отъ „товарищества“, здѣсь на судѣ возбуждался общій вопросъ объ отношеніяхъ казны къ подрядчику и поставщику. Г. прокуроръ выразилъ то мнѣніе, что интересы казны и подрядчика не солидарны, что входить въ положеніе „товарищества“ не было нужды полевому интенданту и что, въ виду безвыходнаго положенія „товарищества“, при невозможности переправить и перевезти продукты, слѣдовало отказать въ принятіи продуктовъ, чтобы, такимъ образомъ, само „товарищество“ поплатилось за это убытками и ущербами. Высказывалось также мнѣніе, что интендантство, если продукты были необходимы въ будущемъ, могло предписывать, чтобы „товарищество“ заготовляло ихъ на свой страхъ, но не должно было ихъ принимать и могло прямо отказать въ пріемѣ, если бы продукты эти, по ходу военныхъ дѣйствій, оказались бы излишними. Признаюсь, подобный взглядъ на отношенія казны къ интересамъ своихъ контрагентовъ, взглядъ, высказываемый представителемъ власти публично, представляется въ моихъ глазахъ по меньшей мѣрѣ страннымъ. Я не говорю уже о томъ, что онъ противорѣчитъ требованіямъ строгой справедливости и равноправности, что онъ способенъ парализовать всякую торговую сдѣлку, всякій гражданскій оборотъ, но онъ просто на-просто невыгоденъ и для самой казны. Кто же, кромѣ отчаянныхъ спекулянтовъ и аферистовъ, рѣшится при такихъ условіяхъ имѣть дѣло съ казной, какая солидная фирма рѣшится затратить капиталъ въ подобное рискованное предпріятіе?. Въ законѣ нашемъ выразился совершенно иной

взглядъ на отношенія казны къ своему поставщику; законъ прямо предписываетъ поощрять поставщика, облегчать ему возможность выполненія принятаго обязательства какъ выражается законъ,—покровительствовать ему. Да иначе и быть не можетъ. Неужели же казна можетъ быть заинтересована въ томъ, чтобы ея контрагентъ оказался несостоятельнымъ, чтобы онъ раззорился, или даже просто въ томъ, чтобы для него оказалось невыгоднымъ то предпріятіе, которымъ онъ обязался передъ казною? Очевидно,—нѣтъ. Интересы казны и поставщика солидарны, или, по крайней мѣрѣ, должны быть солидарны, если только рѣчь идетъ о правильныхъ и нормальныхъ отношеніяхъ двухъ обязавшихся сторонъ, двухъ контрагентовъ.

Возьмемъ настоящій случай. Дается нарядъ „товариществу“, оно закупаетъ продукты, везетъ ихъ, путь лежитъ черезъ Зимницу, оно ихъ привозитъ сюда. Здѣсь на пути естественныя и непреодолимыя препятствія: сначала ледоходъ, потомъ отсутствіе переправы. „Товарищество“ говоритъ: вы требовали продуктовъ, мы вамъ ихъ довезли сюда, далѣе двигаться не можемъ, переправы у васъ нѣтъ, принимайте ихъ отъ насъ здѣсь, мы не обязаны хранить долѣе. По мнѣнію г. прокурора, это требовательность не основательная, никоимъ образомъ неподлежащая удовлетворенію. Свидѣтель Горвицъ (отецъ), тотъ другого мнѣнія, онъ говоритъ: при разсчетѣ съ казною у насъ возникъ по этому поводу споръ, но я не сомнѣваюсь, что если бы дѣло было разсмотрѣно судомъ, какъ и предполагалось, то это наше требованіе въ принципѣ было бы признано судомъ законнымъ и правильнымъ. Позвольте мнѣ, гг. судьи, въ качествѣ юриста, присоединиться къ такому взгляду. Вы, конечно, помните, какъ въ прошеніи г. Горвица о принятіи продуктовъ въ Зимницѣ мотивировалось это ходатайство. Тамъ прямо указывалось на то, что переправы не существуетъ и что доставка средствами товарищества представляетъ непреодолимыя затрудненія. На этомъ прошеніи и была положена резолюція Макшеева: „принять“.

Косвенною уликою виновности Макшеева выставляется также то обстоятельство, что въ складъ Шпицбарта было принято нѣсколько болѣе продуктовъ, нежели слѣдовало

по наряду 4-го ноября. Г. прокуроръ утверждаетъ, напримѣръ, что сахару было принято больше, нежели слѣдовало. Входить въ провѣрку этого исчисленія я считалъ излишнимъ. Передъ вами были прочитаны подлинныя предписанія д. с. с. Макшева, данныя имъ Шпицбарту; въ нихъ прямо дѣлалась ссылка на нарядъ 4-го ноября и указывалось, за счетъ какихъ именно складовъ должны быть приняты продукты. Если „товарищество“ перепоставило эту мѣру, то дѣло полевого контроля, а затѣмъ разсчетной коммиссіи, было учесть его, не платить денегъ за лишніе продукты, такъ какъ 3-й пунктъ контракта прямо указываетъ на то, что требуемое количество продуктовъ опредѣляется нарядомъ. Требовать отъ полевого интентенданта, чтобы онъ самъ слѣдилъ за пріемкой въ магазины—невозможно. Указавъ въ своихъ предписаніяхъ, за счетъ какого наряда должны быть продукты приняты, онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что требовалось закономъ, такъ какъ нарядъ былъ на лицо, и уже не трудно было опредѣлить, какое именно количество продуктовъ слѣдовало принять.

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, уплочено ли „товариществу“ за этотъ излишне принятый сахаръ, дальнѣйшая судьба котораго намъ также неизвѣстна, такъ какъ основаніе миролюбиваго окончанія всѣхъ разсчетовъ съ „товариществомъ“, какъ вамъ извѣстно, составляетъ для насъ недоступную тайну. Позволительно, однако же, думать, что всевозможныя учетныя и разсчетныя коммисіи, черезъ руки которыхъ прошли окончательные разсчеты съ „товариществомъ“, не упустили случая охранить нарушенные интересы казны.

Къ числу подобныхъ же уликъ слѣдуетъ отнести указаніе обвинителя на то, что нѣкоторые изъ продуктовъ были приняты отъ товарищества недоброкачественными. Противу такой улики я, разумѣется, могъ бы прежде всего предъявить чисто формальный, такъ сказать, отводъ. Въ предписаніи д. с. с. Макшеева смотрителю Шпицбарту говорится о томъ, чтобы продукты принимались осмотрительно и чтобы было обращено вниманіе на ихъ доброкачественность. Но, независимо отъ этого, позвольте обратить ваше вниманіе, гг. судьи, на то, что было принято лишь недоброкачественное сѣно, то сѣно, которое принималось Шпиц-

бартомъ не по распоряженію д. с. с. Макшеева, а согласно телеграммѣ полевого интенданта Россицкаго уже въ февралѣ мѣсяцѣ. По поводу принятія этого недоброкачественнаго сѣна, вы слышали, правда, здѣсь двухъ достойныхъ свидѣтелей, которые выказали много усердія и желанія во что бы то ни стало взвалить всю вину на Макшеева. Но это имъ не удалось. Я говорю о показаніяхъ двухъ оберъ-контролеровъ, гг. Руднева и Григоровича. Г. прокуроръ, и это дѣлаетъ ему величайшую честь, вовсе не воспользовался показаніями этихъ свидѣтелей, показаніями, имѣющими положительно характеръ сплетни и инсинуаціи. Показаніе г. Руднева о чиновникѣ Виссаріоновѣ, который, будто былъ смѣщенъ Макшеевымъ за то, что отказался принять недоброкачественные продукты, я называю инсинуаціей во-первыхъ потому, что если бы это была правда, то одесскій военно-окружный судъ не оправдалъ бы смотрителя Батурина, принявшаго затѣмъ эти продукты, несмотря на то, что г. Рудневъ возбудилъ противъ него уголовное дѣло, и, во-вторыхъ, и потому, что показаніе Руднева относительно Виссаріонова явилось здѣсь впервые на судѣ. Еслибы то-же самое было показано на предварительномъ слѣдствіи г. Рудневымъ, конечно, г. Виссаріоновъ былъ бы вызванъ, чтобы провѣрить это показаніе.

То, что разсказываетъ другой свидѣтель, Григоровичъ, уже прямо позволительно назвать сплетней. Онъ уличенъ въ этомъ не только самимъ г. Поповымъ, но и тѣмъ простымъ соображеніемъ, что принятіе сѣна имѣло мѣсто въ февралѣ, когда Макшеевъ не исправлялъ уже должности полевого интенданта. Стало быть, обѣщаніе „третьей звѣздочки“ за принятіе негоднаго сѣна на счетъ Макшеева отнесено быть не можетъ. Статскій совѣтникъ Поповъ никогда подчиненъ Макшееву не былъ и имѣлъ своего прямого начальника— интенданта тыла арміи.

Что касается до остальныхъ продуктовъ, то всѣ они были приняты доброкачественными, за исключеніемъ спирта, который впослѣдствіи (говорю, впослѣдствіи, потому что тѣ же оберъ-контролеры Рудневъ и Григоровичъ въ свое время признавали его „къ употребленію годнымъ“,) былъ забракованъ сортировочной коммисіей и возвращенъ, „товариществу“.

На этомъ никакого убытка казна не понесла, да и понести не могла, такъ какъ одно лишь неосмотрительное принятіе смотрителемъ склада недоброкачественнаго продукта, не соотвѣтствовавшаго требованіямъ контракта, вовсе не обязывало казну считать, что такой продуктъ „принятъ“ и что за него безъ всякаго возраженія слѣдуетъ платить деньги. Если вамъ принесутъ изъ магазина товаръ, вмѣсто хорошаго, явно недоброкачественный, и ваша прислуга по неосмотрительности приметъ его за хорошій, изъ этого еще не слѣдуетъ, что вы не можете возвратить подсунутый товаръ, не платя за него денегъ. Очевидно, такъ смотрѣла на дѣло и разсчетная коммисія, которая въ своемъ заключеніи не сочла казну обязанною расплачиваться за продукты явно негодные. Такъ-же точно смотрѣло на этотъ вопросъ и „товарищество“, которое, когда ему было предложено принять обратно спиртъ, настаивало лишь на томъ, что спиртъ доброкачественный и требовало новой экспертизы въ присутствіи своего депутата. Но никогда и само „товарищество“ не полагало, что, разъ сдавъ подъ квитанцію смотрителя негодный продуктъ, оно уже тѣмъ самымъ обезпечено въ полученіи за него денегъ.

На мѣстѣ былъ полевой контроль, и это была несомнѣнно его обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы принятые продукты были доброкачественны и соотвѣтствовали во всемъ условіямъ контракта. Ни полевой интендантъ, ни окружной, какимъ былъ Макшеевъ въ Систовѣ, не имѣли физической возможности самимъ слѣдить за этимъ

Крупа была сложена въ бунтахъ, покрыта рогожами, брезентами; если въ нѣкоторой части она и испортилась, то, во всякомъ случаѣ, этотъ процентъ испортившейся крупы несомнѣнно не превыситъ стоимости магазина, который предполагалось построить для ея храненія. Спиртъ стоялъ на открытомъ воздухѣ, покрытый брезентами, и, какъ вамъ извѣстно, нисколько отъ этого не пострадалъ. „A la guerre comme à la guerre!“ Клочекъ земли и много неба, какъ выразился одинъ свидѣтель,—это было естественное помѣщеніе временнаго случайнаго склада. Припомните показаніе смотрителя котроченскаго склада Козлова: въ Бухарестѣ постоянный складъ въ тылу арміи былъ не многимъ лучше, а тамъ

были подъ руками всѣ средства, всѣ удобства. Г. обвинитель ставитъ также въ улику Макшееву и то, что, принявъ продукты въ Зимницѣ, онъ не устроилъ надлежащаго склада, не принялъ мѣръ къ сохраненію продуктовъ, и ему же на счетъ ставитъ длившееся довольно долгое время между интендантомъ тыла и систовскимъ прекаціе о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи долженъ былъ числиться вновь открытый складъ. Въ этой части рѣчи аргументація г. прокурора до такой степени противорѣчива, произвольна и неожиданна, что, право, начинаешь теряться, какъ возражать и, главное, на что именно возражать. Изъ числа принятыхъ продуктовъ чай и сахаръ хранились въ особомъ закрытомъ помѣщеніи внутри города, за наемъ котораго уплачивалась небольшая сумма ежемѣсячно. Благодаря этому, продукты сохранились въ полной неприкосновенности. И вотъ этого достаточно для того, чтобы г. прокуроръ восклицалъ съ горечью: „Какое небреженіе къ казеннымъ интересамъ!“ „На счетъ казны нанималось помѣщеніе и платились деньги!“ Но какъ же было поступить иначе? Не строить-же было для этого казенный магазинъ съ подряда или хозяйственнымъ способомъ? Боюсь, что отъ этого „казенные интересы“ не выиграли бы. Сѣно хранилось на открытомъ воздухѣ. Но вы подумайте, гг. судьи, чего бы стоило построить громадные сараи на все количество принятаго сѣна.

По вопросу о томъ, правильно-ли считалъ Макшеевъ вновь открытый складъ подлежащимъ вѣдѣнію интенданта тыла арміи, позвольте представить нѣкоторыя соображенія.

Что при возникшемъ прекаціи былъ правъ Макшеевъ, а не ген.-м. Иващенко, представляется очевиднымъ. Во-первыхъ, по мѣсту нахожденія склада въ Зимницѣ, онъ принадлежалъ несомнѣнно къ району тыла, такъ какъ все пространство до Дуная было въ завѣдываніи интенданта тыла арміи. Во-вторыхъ, вновь открытый складъ лишь усиливалъ и дополнялъ ранѣе того открытый въ Зимницѣ складъ смотрителя Попова, который былъ подчиненъ безусловно интенданту тыла. Въ-третьихъ, наконецъ, Макшеевъ, открывая новый складъ, дѣйствовалъ не въ качествѣ мѣстнаго, систовскаго, а въ качествѣ полевого интенданта, и слѣдовательно, его предписаніе ген.-м. Иващенко, на мой

взглядъ, было для послѣдняго безусловно обязательно. Я не говорю уже о томъ, что въ распоряженіи интенданта тыла было гораздо болѣе средствъ для устройства склада. Въ центрѣ района тыла былъ Бухарестъ, между тѣмъ, какъ въ Систовѣ съ трудомъ можно было найти лишнюю рогожу, лишній брезентъ Впослѣдствіи, впрочемъ, и оказалось, что интендантъ тыла напрасно упорствовалъ со своими пререканіями. Полевой контроль призналъ этотъ складъ находящимся въ вѣдѣніи тыла. Отсюда командировались для провѣрки склада полевые оберъ-контролеры, отсюда же была назначена сортировочная коммисія подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Соболевскаго

По поводу пререканій Иващенко и резолюціи, положенной, наконецъ, д. с с. Макшеевымъ на рапортѣ Шпицбарта о томъ, что онъ принимаетъ складъ въ вѣдѣніе Систовскаго интендантства, г. прокуроръ иронизировалъ: „твореніе рукъ своихъ долженъ былъ въ концѣ концовъ оставить за собой“ Грустная иронія,—г. прокуроръ хотѣлъ бы, чтобы всѣ продукты сгнили, пока два интенданта „пререкались“. Пора же, наконецъ, оставить канцелярскую точку зрѣнія на способъ охраненія казенныхъ интересовъ. Казна отъ этого пока не богатѣетъ... Правильно или неправильно принялъ Макшеевъ продукты, это рѣшите вы, гг. судьи, но разъ они были приняты, надо было ихъ сберечь и нечего ужъ было тутъ упорствовать въ пререканіяхъ, лишь-бы поставить на своемъ

Гг. судьи, теперь мнѣ предстоитъ перейти къ послѣднему, изъ обвиненій, предъявленныхъ противъ дѣйств с. сов Макшеева,—къ обвиненію въ подлогѣ предписанія, даннаго подполковнику Навроцкому по заготовленію имъ сѣна для рущукскаго отряда. Такъ какъ по настоящему дѣлу обвиненіе по 362 ст. улож. о наказ. предъявлено равномѣрно къ тремъ лицамъ: дѣйств. стат. сов. Макшееву, подп. Навроцкому и кол. регист Шестакову, то позвольте мнѣ, относительно виновности Шестакова, сказать совмѣстно съ дѣйств. стат. сов. Макшеевымъ, но сдѣлавъ при этомъ заранѣе необходимую оговорку по отношенію къ участію Шестакова въ составленіи инкриминируемаго предписанія.

Въ рѣчи, которая была произнесена обвинителемъ по поводу этой части обвиненія, было сказано очень мало объ

участіи лично Шестакова въ настоящемъ дѣлѣ. Приводились лишь его показанія, объясненія, но не иначе, какъ показанія и объясненія свидѣтеля, чтобы выяснить то или другое обстоятельство Давалась вѣра или не давалась этимъ объясненіямъ — исключительно съ точки зрѣнія лица, которое желаетъ провѣрить эти показанія другими данными. Я полагаю, что такая точка зрѣнія г обвинителя относительно показаній Шестакова была совершенно правильна Виновность его, даже и при признаніи виновности дѣйств стат. сов. Макшеева и подп Навроцкаго, минимальная, до такой степени минимальная, что она не подлежитъ никакой карѣ, даже и при томъ условіи, если бы виновность дѣйств. стат. сов. Макшеева и подп. Навроцкаго была безусловно доказана.

Вы припомните, гг. судьи, ту оцѣнку, которая была сдѣлана здѣсь представителемъ обвиненія объясненіямъ Шестакова. Имъ не придавалось вѣры въ одномъ только отношеніи, а именно, г. обвинитель не допускалъ, чтобы копія предписанія, выданная оберъ-контролеру Завойко, была снята съ черняка съ отпуска, а не съ подлиннаго предписанія. Очень можетъ быть, что первое подлинное предписаніе (т. е. то, подлинность котораго признаетъ г. прокуроръ, а мы отрицаемъ,) было написано 29-го августа, но, во всякомъ случаѣ, Шестаковымъ, какъ начальникомъ канцеляріи, оно скрѣплено не было, и онъ могъ не знать, что предписаніе подписано и выдано Навроцкому. Показаніе Шестакова, что онъ велѣлъ писарю Ведерникову снять копію съ отпуска предписанія, до подписанія его дѣйств. стат. сов Макшеевымъ, безусловно подтверждено показаніемъ Завойко, указавшимъ на то, что на копіи предписанія не было скрѣпы Шестакова, какъ дѣлопроизводителя, вслѣдъ за подписью Макшеева, а была лишь скрѣпа копіи: „съ подлиннымъ вѣрно. Шестаковъ“. Если вы не повѣрите показанію писаря Ведерникова, что онъ списывалъ отпускъ именно съ черняка, то, во всякомъ случаѣ, списывая съ подлиннаго, онъ долженъ былъ списать вѣрно, такъ какъ онъ лишь копировалъ, и если бы была скрѣпа Шестакова на первомъ подлинномъ предписаніи 29-го августа, то она попала бы и въ копію, выданную г. Завойко. Такимъ образомъ, гг. судьи, въ этомъ отношеніи показаніе Шестакова является правдивымъ, онъ не скрѣплялъ перваго

подлиннаго предписанія. Затѣмъ, на инкриминированномъ предписаніи является его скрѣпа уже въ качествѣ дѣлопроизводителя.

Я напомню вамъ, гг. судьи, показаніе д. с. с. Аренса, которое не относится прямо до настоящаго дѣла, но которое весьма обстоятельно и точно обрисовываетъ тѣ отношенія чиновниковъ къ начальству, тѣ отношенія іерархической подчиненности, которыя существовали въ интендантскомъ полевомъ вѣдомствѣ. Штатовъ тогда не было утверждено. Шестаковъ былъ чиновникъ для порученій. Нужно было завѣдывать канцеляріей, онъ завѣдывалъ, нужно было куда-нибудь послать, его посылали; онъ скрѣплялъ разнаго рода бумаги, выписки, предписанія и т. п. Даже съ точки зрѣнія строгой формальности, его скрѣпа не могла имѣть какого-либо значенія въ смыслѣ провѣрки содержанія документа или бумаги; она ставилась лишь ради пущей оффиціальности тѣхъ документовъ, которые исходили отъ д. с. с. Макшеева, чтобы меньше было шансовъ съ внѣшней стороны заподозрить подлинность документа. Но согласитесь со мной, что предписаніе д. с. с. Макшеева было дано подп. Навроцкому безъ скрѣпы Шестакова. Какъ вы полагаете гг судьи, могло ли это предписаніе имѣть такую же законную силу за подписью одного лишь д. с с Макшеева? Я полагаю безусловно, что могло. Затѣмъ, допускаю на минуту, что предписаніе отъ 29-го августа, представленное подп. Навроцкимъ, составлено подложно, заднимъ числомъ. Изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы Шестаковъ, прилагая къ нему свою руку, утвердилъ что-либо иное, кромѣ того, что подпись сдѣлана точно его начальникомъ, д. с. с. Макшеевымъ и чтобы онъ могъ отвѣчать за самое содержаніе предписанія. Все участіе Шестакова, подведенное подъ понятіе 362 ст., выражается, такимъ образомъ, въ скрѣпѣ предписанія, въ удостовѣреніи подписи начальника. Вы припомните, гг. судьи, тѣ служебныя отношенія, которыя существовали между Макшеевымъ, Навроцкимъ и Шестаковымъ. И тотъ и другой старше его по службѣ; они могли просто принести предписаніе Шестакову и сказать: скрѣпи. Онъ долженъ былъ-бы на слово повѣрить имъ, что эта бумага вполнѣ законная, и удостовѣрить подпись Макшеева.

Я намѣренно привелъ всѣ эти чисто формальныя основанія, чтобы убѣдить васъ, гг. судьи, что о виновности Шестакова въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Невиновность эта безусловна и совершенно независима отъ разрѣшенія вами вопроса о подложности самаго предписанія

Затѣмъ я обращаюсь къ вопросу: подложно-ли это предписаніе? Конечно, ограничиться тѣмъ, что я сказалъ относительно невиновности Шестакова, я не могу, говоря въ защиту д с с. Макшеева. Прежде всего, я долженъ присоединиться къ доводамъ, изложеннымъ въ рѣчи защитника Навроцкаго, который, представляя вамъ соображенія въ защиту своего брата, безусловно установилъ уже солидарность интересовъ защиты Макшеева и Навроцкаго. Ни одинъ Макшеевъ, ни одинъ Навроцкій, не можетъ быть виновенъ; или невиновны оба, или оба же виновны.

Въ виду этого я прежде всего долженъ сослаться на ту рѣчь, которая была уже произнесена передъ вами защитникомъ подп. Навроцкаго, и просить васъ вспомнить ее, не только въ интересахъ подп. Навроцкаго, но также и въ интересахъ д. с. с. Макшеева, такъ какъ по настоящему дѣлу, съ точки зрѣнія суда, съ точки зрѣнія закона, ихъ интересы безусловно солидарны.

Отъ себя я позволю представить вамъ лишь немногія соображенія въ подтвержденіе тѣхъ данныхъ, которыя были обстоятельно разработаны и такъ талантливо изложены въ рѣчи г. Навроцкаго. Обвиненіе, предъявляемое къ д. с. с. Макшееву по дѣлу о заготовленіи сѣна, въ ряду другихъ обвинительныхъ пунктовъ, представляется, повидимому, наиболѣе легкимъ, уже по тому одному, что оно квалифицируется ссылкой на одно только преступленіе, на одну статью уголовнаго закона Правда, мнѣ могутъ возразить, что, быть можетъ, эта опредѣленность въ квалификаціи обвиненія указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его внутреннюю силу. Какъ бы то ни было, но при подобной постановкѣ обвиненія защита имѣетъ дѣло съ однимъ лишь открытымъ врагомъ, у обвиненія нѣтъ въ запасѣ, какъ это было, напримѣръ, по дѣлу о хлѣбопеченіи, цѣлаго ряда другихъ меньшихъ обвиненій, нѣтъ въ запасѣ измѣнически скрытаго подкрѣпленія, нѣтъ ловушки, нѣтъ засады, къ которымъ можно было бы при-

бѣгнуть при пораженіи главныхъ силъ Такая открытая и откровенная постановка обвиненія по дѣлу о заготовленіи сѣна дѣлаетъ шансы борющихся сторонъ почти равными. При такомъ обвиненіи защита не должна разбрасываться, ея задача ясна и опредѣленна, и потому она не рискуетъ утомить вашего вниманія

Обвиненіе поставлено по 362 ст. улож. о нак., т. е. предъявляется обвиненіе въ служебномъ подлогѣ. Съ точки зрѣнія общежитейской, понятію о должностномъ подлогѣ придается обыкновенно весьма широкое, несвойственное ему значеніе. Особенно это понятно у насъ въ Россіи, гдѣ бумажно-канцелярское дѣлопроизводство стоитъ на первомъ планѣ, гдѣ наука о входящихъ и исходящихъ нашла себѣ самое широкое примѣненіе. Тутъ скромныя слова „подчистка, поправка“ способны производить настоящій паническій ужасъ въ каждомъ истомъ заматерѣломъ канцеляристѣ. Ст. 362 предусматриваетъ, однако же, вовсе не безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ, не какую-нибудь канцелярскую ошибку, вызванную этою ошибкою подчистку и поправку—нѣтъ, она имѣетъ подъ собою чисто матеріальную подкладку, подкладку матеріальнаго ущерба и вреда интересамъ государства или частныхъ лицъ. Мой предшественникъ; защитникъ подп. Навроцкаго, совершенно правильно поступилъ, обрушившись всею силою на обвиненіе почти исключительно съ точки зрѣнія той выгоды, которая могла произойти для подсудимыхъ отъ замѣны одного предписанія другимъ Такая точка зрѣнія совершенно правильна, потому что, если бы можно было допустить, что замѣна этого предписанія имѣла мѣсто ради упорядоченія дѣлопроизводства, оттого что своевременно не были подшиты нѣкоторыя бумаги, что иныя бумаги были измѣнены только для того, чтобы законно оформить операцію заготовленія сѣна, то въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о служебномъ подлогѣ Можно было бы говорить о канцелярскихъ неправильностяхъ, о безпорядкахъ, о неправильной отчетности, но ни въ какомъ случаѣ не о подлогѣ

При опредѣленіи существа каждаго преступленія, надо прежде всего дать себѣ отчетъ, какъ опредѣляется закономъ преступное намѣреніе. Въ служебномъ подлогѣ (ст. 362) прямо выражено: „изъ корыстныхъ и иныхъ личныхъ видовъ“,

стало быть, при опредѣленіи преступнаго намѣренія въ служебномъ подлогѣ, должна быть констатирована корыстная, матеріальная подкладка личной выгоды, которая могла руководить при совершеніи подлога Съ этой точки зрѣнія защитникъ подп. Навроцкаго прежде всего и приступилъ къ выясненію вопроса о томъ, насколько представлялась выгоднымъ для обвиняемыхъ замѣна коммисіонерскаго способа заготовленія сѣна способомъ коммерческимъ. Мнѣ кажется, онъ доказалъ вамъ ясно, что личной прибыли для подп. Навроцкаго отъ такой замѣны произойти не могло. Сѣно покупалось сравнительно недорого: кругомъ оно обошлось по $3^1/_2$ фр. за пудъ, между тѣмъ, какъ при коммисіонерском заготовкѣ, цѣна могла быть повышена до 4 фр. Я съ своей стороны, разбирая тотъ же вопросъ, долженъ установить, прежде всего тотъ моментъ, съ котораго началась заготовка сѣна, и опредѣлить, дѣйствительно ли заготовленіе это вызывалось настоятельной потребностью Вы, конечно, поставили бы въ улику Макшееву, если бы оказалось, что нужды въ сѣнѣ для отряда не было, что вся операція была измышлена интендантомъ только ради достиженія своей корыстной цѣли.

Но припомните, гг. судьи, всѣ обстоятельства дѣла. Первая тревога, которая поднялась по случаю недостатка въ рущукскомъ отрядѣ продовольствія, была, какъ извѣстно, сдѣлана телеграммою генералъ-адъютанта Ванновскаго къ д. с. с. Аренсу. Телеграмма гласила, что даже лошади штаба Его Императорскаго Высочества находятся въ печальномъ состояніи, что сѣна нѣтъ, и его невозможно достать ни за какія деньги. Эта телеграмма подняла на ноги дотолѣ хладнокровнаго и спокойнаго д. с. с. Аренса. Припомните письмо его отъ 5-го августа, гдѣ онъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ укоряетъ Макшеева, говоритъ, что довольствоваться одной перепиской нельзя, напоминаетъ ему, что онъ отрядный интендантъ, что онъ долженъ заботиться объ участи отряда такъ же, какъ полевой интендантъ заботится объ участи всей арміи. Предлагалось давать наряды „товариществу“ о немедленной заготовкѣ сѣна, при непоставкѣ же предписывалось заготовить самому потребное количество сѣна. По этому письму первый нарядъ былъ данъ относительно 80,000 пуд. сѣна, второй—на еще болѣе значительное количество, всего

въ общей сложности до 200,000 пуд, но въ счетъ этого наряда по 29-е августа „товарищество“ ровно ничего не поставило. Вы припомните показаніе д. с. с. Аренса, который показалъ, что перевозить сѣно „товарищество“ совершенно отказалось. Вслѣдствіе этого войскамъ было предоставлено за Дунаемъ довольствовать себя фуражемъ собственнымъ попеченіемъ. Но войска отказывались и требовали поставки натурою. Если вы припомните также, что сѣно, которое доставляло „товарищество“ въ Румыніи, и по мѣстнымъ условіямъ было вполнѣ недоброкачественное, то придете къ заключенію, что Макшеевъ имѣлъ настоятельную необходимость заготовить сѣно для рущукскаго отряда Вы припомните, что вслѣдъ затѣмъ, 8-го сентября, д. с. с Макшеевъ доносилъ д. с с. Аренсу о томъ, что имъ пріобрѣтено извѣстное количество сѣна, причемъ онъ спрашивалъ, пріостановить ли заготовку, или продолжать дальше, и на это получился категорическій отвѣтъ полевого интенданта „продолжайте“!

Вотъ при какихъ условіяхъ началась заготовка сѣна. Слѣдовательно, въ виду д. с. с. Макшеева были вполнѣ основательныя побудительныя причины въ моментъ возникновенія операціи заготовленія сѣна чрезъ Навроцкаго, и какого либо корыстнаго, затаеннаго намѣренія, которое ждало только удобной минуты, чтобы вылиться наружу, предполагать въ распоряженіи о покупкѣ сѣна невозможно.

Затѣмъ, столь же существеннымъ представляется другой вопросъ: какое лицо было избрано д. с с. Макшеевымъ для заготовки сѣна? Для этого былъ избранъ дивизіонный интендантъ, кавалеристъ майоръ Навроцкій. Если съ прокурорской трибуны доселѣ было провозглашаемо, что д. с. с. Макшеевъ собиралъ вокругъ себя всякій сбродъ, что „на ловца и звѣрь бѣжитъ“, что къ нему тяготѣли, какъ къ центру, люди безъ опредѣленныхъ занятій, безъ положенія, люди на все готовые, то по отношенію къ подсудимому Навроцкому этого уже нельзя никакъ сказать. По поводу такихъ заявленій обвинителей, я долженъ замѣтить вообще, что очень трудно требовать, чтобы во время войны можно было съ разборомъ выбирать людей Тогда штаты разростаются до невѣроятныхъ размѣровъ, и поневолѣ приходится брать „желающихъ“. Вы видите, что даже такой отвѣт-

ственный постъ, какъ оберъ-контролера, не всегда замѣщался людьми, которые могли отвѣчать своему назначенію Въ подтвержденіе этого я напомню вамъ только одного свидѣтеля оберъ-контролера, который съ необыкновенной развязностью говорилъ здѣсь о разныхъ спеціальныхъ предметахъ, имѣя при этомъ о нихъ весьма смутное понятіе. Людей, спеціально подготовленныхъ для службы въ интендантскомъ вѣдомствѣ, у насъ нѣтъ. На время войны все полевое интендантство формируется заново, и рады всякому, кто только предложитъ свои услуги Отнести подп. Навроцкаго къ числу такихъ случайныхъ интендантовъ нельзя Онъ былъ облеченъ полнымъ довѣріемъ того военнаго начальства, гдѣ служилъ ранѣе, отзывы о немъ были самые хорошіе, самые лестные. Выбирая его, д. с. с. Макшеевъ руководился только этими отзывами; ранѣе онъ лично съ Навроцкимъ знакомъ не былъ; слѣдовательно о какой либо преступной солидарности, которая могла бы установиться съ первыхъ же словъ, не можетъ быть и рѣчи.

При такихъ условіяхъ началась заготовка сѣна. Первый документъ, имѣющійся въ дѣлѣ и имѣющій весьма серьезное значеніе, это предписаніе д. с. с. Макшеева подп. Навроцкому отъ 16-го августа, которому предлагалось отправиться въ мѣстность расположенія рущукскаго отряда и въ Румынію для развѣдокъ о возможности заготовки сѣна съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи имъ были представлены условія, на которыхъ онъ можетъ принять заготовленіе сѣна. Я позволю себѣ обратить ваше особенное вниманіе на это предписаніе. По содержанію своему предписаніе это имѣетъ значеніе опроверженія тѣхъ доводовъ, которые представлялъ вамъ г. прокуроръ въ отношеніи того, что подп. Навроцкій не могъ, будто бы, взять на себя заготовленіе сѣна коммерческимъ способомъ, какъ маіоръ русской службы, не знакомый съ мѣстными условіями и цѣнами. Я полагаю, что для него было достаточно полумѣсяца, посвященнаго исключительно изученію мѣстныхъ условій, при которыхъ можно было заготовить сѣно. Что онъ могъ съ этимъ предметомъ ознакомиться обстоятельно въ двѣ недѣли постоянныхъ разъѣздовъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Стало быть, послѣ такой подготовительной процедуры, Навроцкій могъ безъ

особаго риска предложить себя въ качествѣ коммерческаго заготовителя. Что касается до возбужденнаго вопроса о томъ, насколько съ точки зрѣнія интересовъ казны было бы выгоднѣе, правильнѣе и даже чуть ли не законнѣе, еслибы заготовленіе фуража происходило коммисіонерскимъ, а не коммерческимъ способомъ, то я считаю, что уже одна такая постановка вопроса со стороны обвиненія вполнѣ ошибочна По самому закону коммерческій способъ заготовленія считается выше способа коммисіонерскаго. Въ подтвержденіе этого я сошлюсь на одну изъ статей, правда, уже упраздненнаго закона, но, какъ мотивъ, сохраняющую свое значеніе при разрѣшеніи поднятаго обвиненіемъ вопроса.

Я ссылаюсь на 378 ст. 4 кн. св. в. пос., которая гласитъ: „Способъ коммисіонерскій, какъ обставленный весьма спорными формальностями, долженъ считаться крайнимъ способомъ заготовленія, и что къ нему слѣдуетъ прибѣгать лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ въ виду надежнаго чиновника для коммерческаго заготовленія". Такимъ образомъ, гг. судьи, насъ ни въ какомъ случаѣ не должно смущать совершенно произвольное соображеніе, будто бы избраніе коммисіонерскаго способа было бы законнѣе, не говорю уже—выгоднѣе, нежели избраніе способа коммерческаго. Напротивъ того, самъ представитель обвинительной власти, хотя и въ совершенно иныхъ цѣляхъ, указалъ вамъ на одно весьма важное преимущество коммерческаго способа заготовленія, преимущество, которое особенно дорого въ военное время, когда трудно выбрать нѣсколькихъ чиновниковъ для исполненія извѣстныхъ порученій, когда счастье, если для каждаго дѣла найдется хоть одинъ подходящій человѣкъ Вы помните, гг. судьи, къ какого рода аргументамъ приходилось прибѣгать и д с. с. Макшееву и другимъ начальствующимъ лицамъ, когда чиновники пытались отказаться отъ работы; имъ приходилось заявлять: „отказываться вы не смѣете, потому что служите въ отрядѣ Его Высочества". Преимущество коммерческаго способа именно и заключается въ томъ, что разъ избранный коммерческій заготовитель не имѣетъ права отказываться отъ принятаго на себя порученія; самъ обвинитель пояснилъ вамъ, что въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ уголовной отвѣтственности.

Мнѣ могутъ возразить: однако же вашъ коммерческій заготовитель, т. е. подп Навроцкій, отказывался? Но вы, конечно, гг судьи, припомните истинное содержаніе ноябрьской телеграммы подп. Навроцкаго. Онъ телеграфируетъ д. с с. Макшееву, что заготовилъ на свой страхъ сѣно по 4 фр. за пуд. и затѣмъ проситъ увеличить цѣну съ 3½ ф. На это, какъ извѣстно, д с. с Макшеевъ отвѣчаетъ: „увеличить до этихъ размѣровъ цѣну не могу, при затрудненіи можете пріостановить заготовку“ Гг. судьи, я обращаю ваше вниманіе на текстъ этой телеграммы. Я утверждаю, что это не требованіе коммисіонера заготовителя, это просьба коммерческаго заготовителя (что допускаетъ и законъ) объ увеличеніи цѣны, въ виду явной убыточности для него покупки. Коммисіонеру не было нужды покупать „на свой страхъ“, онъ могъ просто, безъ всякихъ разговоровъ, отказаться покупать по 3½ фр., въ виду вздорожанія сѣна, и ждать затѣмъ дальнѣйшихъ распоряженій Если Макшеевъ разрѣшилъ Навроцкому пріостановить заготовку, то лишь потому, что самъ находилъ цѣну низкою и убыточною для Навроцкаго. Вы знаете, гг судьи, что эта цѣна была увеличена впослѣдствіи, но ею не воспользовался Навроцкій, такъ какъ, вслѣдствіе телеграммы Макшеева, онъ разошелся съ продавцами, и впослѣдствіи ему удалось, купить сѣно по 3½ фр. Если бы обвиняемые Навроцкій и Макшеевъ имѣли въ виду исключительно свои выгоды, они, конечно, обѣими руками ухватились бы за коммисіонерскій способъ заготовленія. Въ виду повышенія цѣны, Навроцкій большую часть сѣна могъ бы показать по отчетамъ заготовленнымъ по 4 фр. за пудъ, остальное же, купленное ранѣе— по 3½ фр. Какъ коммерческій же заготовитель онъ разсчитался съ казною за все сѣно по 3½ фр за пудъ.

Но если корыстное намѣреніе отсутствуетъ, если „личной выгоды“ въ замѣнѣ предписанія не было, то гдѣ же, на какой законной почвѣ выростаетъ служебный подлогъ?

Если вѣрить обвиненію, весь вопросъ о виновности подсудимыхъ долженъ быть сведенъ къ тѣмъ формальнымъ уликамъ, которыя вытекаютъ изъ записи Масленникова, изъ показанія оберъ-контролера Завойко и изъ показанія того свидѣтеля, на котораго, какъ на самаго надежнаго, опирается

обвинитель—на показаніе свидѣтеля Жигарева. Прежде всего я долженъ сказать нѣсколько словъ относительно показанія оберъ-контролера Завойко. Я полагаю, что записку Масленникова можно изслѣдовать только въ связи съ показаніемъ этого свидѣтеля. Но при разборѣ показанія г. Завойко можно пройти, я думаю, совершеннымъ молчаніемъ тѣ препирательства, которыя имѣли мѣсто здѣсь, на судѣ, между подсудимыми д. с с Макшеевымъ, Шестаковымъ и свидѣтелемъ Завойко Весь споръ шелъ изъ-за того, по чьему распоряженію и кто именно выдалъ г. Завойко копію съ предписанія отъ 29-го августа. На мой взглядъ это совершенно безразлично Вы знаете, что между оберъ-контролеромъ Завойко и д с. с. Макшеевымъ были вначалѣ такія дружескія отношенія, что Завойко получалъ всѣ копіи и даже подлинныя дѣла безпрепятственно, онъ имѣлъ доступъ въ канцелярію во всякое время, отъ него не скрывали ничего. Въ данномъ случаѣ и нечего было скрывать.

О заготовленіи сѣна было извѣстно не только мѣстному оберъ-контролеру, но и полевому интенданту. Послѣднему было извѣстно изъ донесенія Макшеева и количество предположеннаго къ заготовленію и заготовительная цѣна То, что было извѣстно полевому интенданту, не было нужды скрывать и отъ г. Завойко. Если полевому интенданту не было донесено, какимъ именно способомъ заготовляется сѣно, то этого не требуетъ и законъ, такъ какъ избраніе того или другого способа предоставлено самому отрядному интенданту. Что Завойко своевременно зналъ о заготовленіи сѣна, что онъ говорилъ объ этомъ и съ Макшеевымъ, и съ Навроцкимъ, этого самъ свидѣтель не отрицаетъ. Изъ этихъ разговоровъ свидѣтель могъ знать, что способъ коммисіонерскій смѣненъ на коммерческій, и это-то и побудило его получить копію предписанія. Макшеевъ или Шестаковъ приказалъ Ведерникову выдать копію Завойко — это безразлично. Этой выдачѣ не придавали значенія, такъ какъ предполагали, что оберъ-контролеръ ведетъ фактическій, а не бумажный контроль. Я и утверждаю, что Завойко зналъ о томъ, что былъ измѣненъ способъ заготовленія, зналъ, что были допущены нѣкоторыя оплошности въ оформленіи дѣла, и это свое знаніе, въ виду явно враждебныхъ отношеній, установившихся между Макшеевымъ и имъ, приберегъ вмѣстѣ

съ копіею упраздненнаго предписанія, какъ оружіе противъ врага. Какъ объяснить себѣ иначе фактическое безучастіе г. Завойко къ дѣлу сѣнной операціи? Получивъ копію предписанія 29-го августа, которое въ тотъ же день по пріѣздѣ Навроцкаго было замѣнено другимъ, онъ на этомъ первомъ предписаніи и успокаивается вплоть до 1-го марта. Онъ не знаетъ гдѣ, какъ и сколько заготовляется сѣна. Не знаетъ, что сѣно возятъ на интендантскомъ транспортѣ, не вѣдаетъ о томъ, что полевой интендантъ увеличилъ цѣну до 4 фр. за пудъ. Не знаетъ онъ также ничего о тѣхъ бумагахъ и перепискѣ, которая поступаетъ къ дѣлу о заготовленіи сѣна. Охотно желалъ бы повѣрить такому истинно беззаботному и святому невѣдѣнію г. оберъ-контролера, особенно въ виду заявленія этого свидѣтеля, что онъ не любилъ разсматривать подлинныя дѣла въ канцеляріи, такъ какъ тамъ было очень пыльно (это въ походной канцеляріи — требованіе комфорта?!) и не было для него особеннаго стула, но все же, позволяю себѣ думать, что на этотъ разъ свидѣтель, г. Завойко, взвелъ поклепъ на самого себя; въ дѣйствительности по дѣлу о заготовленіи сѣна онъ не былъ тѣмъ нерадивымъ контролеромъ, какимъ хотѣлъ здѣсь себя изобразить на судѣ.

Для меня было бы совершенно непонятно, по какому побужденію составлялась та подробная записка изъ дѣла № 19, которая предъявлена теперь свидѣтелемъ, какъ главная улика противъ обвиняемыхъ. Только при томъ условіи, что г. Завойко своевременно зналъ о количествѣ заготовленій, становится понятнымъ, для чего 1-го марта заказывается Масленникову выписка изъ подлиннаго дѣла, зачѣмъ этотъ клочекъ бумажки, неряшливо исписанный, тщательно бережется, оставаясь безъ употребленія въ теченіе двухъ лѣтъ и представляется къ дѣлу только тогда, когда подп. Навроцкій представляетъ свой отчетъ въ учетную коммисію. Я, разумѣется, не смѣю выдавать за безусловную истину моихъ соображеній, только что высказанныхъ, но я утверждаю, что таинственное происхожденіе выписки умершаго Масленикова по заказу г. Завойко даетъ мнѣ полное право представить эти соображенія на ваше усмотрѣніе.

Вы видѣли здѣсь эту выписку Масленникова, воспроизводящую будто бы первоначальный видъ дѣла № 19 уже въ

чистомъ и приличномъ видѣ, въ видѣ литографированной копіи Всѣ сокращенія буквъ выполнены, отдѣльныя замѣтки занумерованы и приведены въ систему. Видно, что такою метаморфозою слѣдственная коммисія желала придать клочку бумаги важный видъ оффиціальнаго документа. Не такова однако же она въ натурѣ, въ подлинникѣ; тамъ она представляется въ иномъ видѣ, тамъ это черновыя замѣтки на полулистахъ грязной бумаги, неизвѣстно для какой цѣли воспроизведенныя. Записка Масленникова, какъ вамъ извѣстно, гг. судьи, начинается съ предписанія отъ 22-го августа. Содержаніе этого предписанія, какъ оно значится въ запискѣ, не соотвѣтствуетъ содержанію предписанія отъ того же числа, нынѣ имѣющагося въ дѣлѣ № 19.

Представитель обвинительной власти доказываетъ, что предписаніе 22-го августа было первоначально такого содержанія: Д. с с. Макшеевъ предлагаетъ подп Навроцкому выработать условія, на которыхъ онъ могъ бы заготовить сѣно, о коммерческомъ же заготовленіи не было вовсе рѣчи. Но г. обвинитель забываетъ, что записка Масленникова воспроизводитъ это предписаніе не въ точной копіи, а въ выпискѣ содержанія его. При такомъ условіи легко могло быть упущено изъ виду упоминаніе о способѣ заготовленія. Г. прокуроръ, понимая, конечно, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ все доказательство подлога основать лишь на сличеніи подлиннаго дѣла съ документомъ весьма сомнительнаго происхожденія, съ запискою, представленною г. Завойко, аргументируетъ такимъ образомъ: если оставить въ сторонѣ записку Масленникова, можно все-таки доказать подложность предписанія 22-го августа. Но откуда же черпаетъ эти доказательства г. обвинитель? Тутъ мы сталкиваемся, гг. судьи, съ знаменательными показаніями свидѣтеля Жигарева. Вы, конечно, хорошо помните внѣшній видъ того несчастнаго, больного свидѣтеля, который не держится на ногахъ, страдаетъ болѣзнью спинного мозга, и организмъ котораго пораженъ крайне нервнымъ разстройствомъ. Этотъ свидѣтель здѣсь отозвался полнымъ запамятованіемъ всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ показывалъ ранѣе, и не отвѣтилъ намъ ни на одинъ вопросъ.

Имѣются указанія въ дѣлѣ, что и въ то время, когда Жига-

ревъ давалъ показанія слѣдователю, его объясненія были крайне сбивчивы, неточны и противорѣчивы. И вотъ, изъ этихъ то показаній г обвинитель выхватываетъ три указанія, свидѣтельствующія о времени составленія нынѣ существующаго предписанія отъ 22-го августа и этимъ доказываетъ, что оно было составлено заднимъ числомъ не ранѣе 1878 года. Г. прокуроръ, предвидя заранѣе то недовѣріе, съ которымъ можно и должно отнестись къ показанію Жигарева и къ безплоднымъ усиліямъ его больной памяти въ точности установить числа и факты, спѣшитъ поддержать достовѣрность этого свидѣтеля нѣкоторыми эмпирическими положеніями изъ области психологической. Г. обвинитель говоритъ вамъ: я вѣрю свидѣтелю Жигареву, вѣрю, что онъ точно припоминаетъ обстоятельства и самое время, когда было составлено предписаніе 22-го августа, по двумъ основаніямъ чисто логическаго свойства. Во-первыхъ, вѣрю потому, что Жигаревъ свое воспоминаніе о томъ, что онъ переписывалъ составленное подп. Навроцкимъ предписаніе въ 1878 г., освѣщаетъ однимъ конкретнымъ, повидимому, ничтожнымъ обстоятельствомъ, которое твердо сохранилось въ его памяти. Переписавъ предписаніе, онъ поставилъ текущее число 30-е, но подп. Навроцкій заставилъ его переписать, сказавъ, что годъ и число долженъ проставить самъ начальникъ. И во-вторыхъ, потому что на предписаніи проставленъ годъ 1878, причемъ послѣдняя цифра передѣлана на 7. Аргументируя такимъ образомъ, на что-же разсчитываетъ г. прокуроръ? Очевидно, на абсолютную непогрѣшимость памяти при комбинированіи и ассоціаціи представленій. На подобный эмпирически выработанный доводъ невольно, въ видѣ возраженія, приходятъ мнѣ на мысль тѣ жалкія усилія нашей памяти, которыя мы обнаруживаемъ подчасъ, когда, позабывъ фамилію даже хорошо знакомаго человѣка, пытаемся возстановить ее путемъ ассоціаціи представленія или простого созвучія. Послѣ долгихъ усилій схватить улетающее созвучіе знакомаго имени, наша память начинаетъ дѣлать судорожныя усилія связать его, пріурочить къ чему-нибудь, тогда мы начинаемъ увѣрять себя, что забытая фамилія ужасно напоминаетъ намъ дерево, — новое усиліе, и мы называемъ даже дерево по названію... Но вотъ

совершенно неожиданно, по невидимымъ законамъ, память мгновенно проясняется,—фамилія словно случайно сама срывается съ языка, и тутъ-то къ нашей досадѣ и разочарованію мы убѣждаемся, что не только никакого созвучія съ названіемъ дерева, но даже и съ птицей, которая могла когда-нибудь сидѣть на этомъ деревѣ, не оказывается.

Съ выводами и положеніями науки надо обращаться осторожно и внимательно. Нельзя собственныя свои эмпирическія наблюденія выдавать за аксіомы и научные законы. Особенно этого нельзя дѣлать, когда рѣчь идетъ о явленіяхъ психической жизни. Сама наука психологіи, наука молодая, почти ребяческая. Относительно переправленной цифры 8, г. прокуроръ опять выдвинулъ аксіому Онъ полагаетъ, что можно ошибиться, прописывая годъ лишь заднимъ числомъ, т. е. жить въ прошедшемъ, а не въ будущемъ. Г. обвинитель развилъ вамъ цѣлую теорію: въ началѣ года ошибки въ указаніи года случаются часто, пишутъ годъ прошедшій, но ошибиться такъ, чтобы прописать годъ будущій вмѣсто года текущаго, невозможно. Я позволю себѣ усомниться въ непреложности подобнаго вывода Я бы преклонился предъ нимъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ основанъ, если бы онъ вытекалъ въ видѣ непреложнаго закона изъ цѣлаго ряда статистическихъ наблюденій и цифръ. Ошибки въ мышленіи, въ дѣятельности нашихъ умственныхъ силъ, конечно, подчиняются извѣстнымъ законамъ, извѣстнымъ нормамъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить статистика, напримѣръ, лондонскаго почтамта, которая установила, что каждый день, чуть-ли ни часъ въ часъ, въ почтовые ящики опускается регулярно одинаковое количество писемъ безъ марокъ, безъ адреса и т. п. Но если самыя ошибки нашей психической дѣятельности подчиняются извѣстному закону непреложности, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эти законы могли быть установлены a priori. Думаю, что можно ошибиться, написавъ и будущій годъ, думаю такъ потому, что ошибка, какъ уклоненіе отъ нормальнаго психическаго представленія, возможна не въ одномъ только направленіи. Если сумасшедшій можетъ сочинить „мартобрь“ мѣсяцъ, то не вижу причины, почему разсѣянный не забѣжитъ годомъ впередъ. И тамъ и здѣсь—ошибка, уклоненіе отъ нормальной психической

дѣятельности. Представленіе о будущемъ годѣ такъ же живетъ въ нашемъ мозгу, какъ и воспоминаніе о прошломъ — и я не вижу разумной причины не допускать возможности ошибки, какъ ошибки въ томъ и другомъ направленіи. Безспорно, что прошлымъ годомъ вѣроятнѣе ошибиться, нежели будущимъ, но только вѣроятнѣе, не болѣе. Этими двумя положеніями г прокуроръ надѣялся укрѣпить на ногахъ свидѣтеля Жигарева. Полагаю, однако же, что вся эта аргументація, долженствующая служить подпорками показанію Жигарева, не настолько надежна и неотразима, чтобъ на ней успокоиться. Но если не прочно показаніе этого свидѣтеля, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ доказалъ обвинитель подложность предписанія 22-го августа? Разъ не доказана подложность этого документа на основаніи показанія Жигарева, падаетъ и вся дальнѣйшая аргументація г. прокурора, такъ какъ обвиненіе исходило изъ того, что подложность этого предписанія доказана независимо отъ содержанія записки Масленникова.

Въ запасѣ у насъ имѣется еще показаніе писаря Ведерникова. Показаніе это цитировалъ защитникъ подп. Навроцкаго, и я не буду особенно долго останавливаться на немъ. Въ своемъ показаніи Ведерниковъ признаетъ, что въ дѣлахъ канцеляріи былъ крайній безпорядокъ, избѣжать котораго въ военное время было невозможно, но что подмѣны предписанія не было и быть не могло. Я вовсе не стою за то, чтобы каждая бумажка, каждый листокъ въ дѣлѣ № 19 остались неприкосновенными; очень можетъ быть, что своевременно ни одного листка, ни одной бумаги подшито не было. При всемъ томъ усмотрѣть изъ этого наличность подлога еще невозможно. Конечно, если бы вы усмотрѣли убыточность для казны въ измѣненіи способа заготовленія на способъ коммерческій, вы могли бы настаивать на виновности Макшеева и для этого могли бы искать формальныхъ уликъ въ порядкѣ дѣлопроизводственной переписки. Но наказать за подлогъ во имя неприкосновенности канцелярской святыни, во имя торжества правильной нумераціи входящихъ и исходящихъ, врядъ ли вы рѣшитесь. Въ концѣ концовъ не дѣло же № 19, не писаря Ведерникова вы судите за безпорядки и канцелярскія оплошности, а судите Макшеева и Навроц-

каго за злой умыселъ и вредъ, причиненный ими казнѣ Гдѣ же, въ чемъ этотъ вредъ? О немъ скромно умолчалъ г прокуроръ, онъ вспомнилъ о немъ только въ концѣ рѣчи ради эффектнаго ея заключенія. Но по этому поводу ему уже данъ отвѣтъ защитникомъ Навроцкаго. мнѣ остается только присоединиться къ нему и высказать убѣжденіе, что по дѣлу о заготовленіи сѣна на вопросъ, совершилъ ли подлогъ д с с. Макшеевъ изъ личныхъ видовъ, съ корыстною цѣлью, вы отвѣтите, нѣтъ не виновенъ.

Но оканчивая свою рѣчь по этому дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ объясненія, которыя касаются защиты д. с. с. Макшеева, я не могу не отмѣтить заключительныхъ словъ г прокурора, сказанныхъ относительно Макшеева Вы припомните, что и здѣсь, въ этомъ дѣлѣ, гдѣ уже ровно не было никакихъ основаній указывать на корысть д с. с. Макшеева, и самъ прокуроръ долженъ былъ впасть съ самимъ собою въ противорѣчіе, такъ какъ по обвинительному акту весь подлогъ былъ квалифицированъ единственно желаніемъ предоставить подп. Навроцкому льготы по заготовкѣ сѣна, тѣмъ не менѣе не могъ удержаться отъ квалификаціи виновности д. с с Макшеева въ корыстномъ преступленіи Не опредѣливъ даже приблизительно выгоды, которую могъ извлечь подсудимый Навроцкій, и не установивъ, была ли точно такая выгода, г. прокуроръ, тѣмъ не менѣе, восклицалъ: „но если выгода была. то, конечно, львиная доля попала Макшееву“. Я не могу поэтому не вспомнить съ благодарностью словъ моего товарища по защитѣ, сказанныхъ по этому поводу. Вы согласитесь, конечно, со мною, гг. судьи, что эти добрыя слова, сказанныя въ пользу Макшеева, исходящія отъ брата, защищавшаго брата, не имѣли бы мѣста въ томъ случаѣ, если бы подкладка этого дѣла дѣйствительно заключалась въ томъ, какъ полагаетъ г. прокуроръ, что подп. Навроцкій былъ жертвою все той же преступной хищнической алчности д. с. с. Макшеева Нѣтъ, тогда вы не услышали бы отъ защитника Навроцкаго добрыхъ словъ по адресу д. с. с. Макшеева. Я особенно дорожу этими немногими словами, потому что они пришли во время Тѣ нравственныя пытки, которыя въ теченіе четырехъ лѣтъ и особенно этихъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ выносилъ д. с. с. Макшеевъ, должны имѣть свой

предѣлъ. Онѣ способны сломить всякую волю, всякую силу самообладанія,—есть мѣра и нравственнымъ мукамъ и пыткамъ!

Я не думаю, чтобы д. с. с. Макшеевъ, если бы даже онъ былъ виновенъ во всемъ томъ, безъ исключенія, въ чемъ его обвиняютъ, несъ крестъ за свои грѣхи—крестъ очень тяжелый. Такъ безпощадно, безжалостно и жестоко истязать человѣка, какъ истязали его, ради вины только одного человѣка,—невозможно! Правда, у него есть утѣшеніе, что люди, можетъ быть, гораздо выше его стоявшіе, точно такъ же несли въ свое время крестъ за грѣхи цѣлой системы государственнаго управленія. Я напомню вамъ имена двухъ интендантовъ, Затлера и Канкрина. Этотъ послѣдній, великій государственный умъ, въ 1812 году, во время войны былъ полевымъ интендантомъ. Послѣ войны онъ былъ встрѣченъ враждебно, его сочли человѣкомъ, ограбившимъ казну, надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ общества, его хотѣли предать суду, и только Высочайшимъ повелѣніемъ слѣдствіе о немъ было прекращено. Иначе кончилъ другой интендантъ — Затлеръ, который былъ полевымъ интендантомъ въ крымскую кампанію. Его предали суду, онъ былъ осужденъ и сосланъ, но вскорѣ, впрочемъ, возвращенъ. Я напоминаю вамъ объ этомъ не для того, чтобы проводить какую-либо параллель до конца, но для того, чтобы указать лишь на то повторяющееся явленіе, что вслѣдъ за войной озлобленіе и нападки на интендантство—явленіе историческое.

Это обязываетъ васъ, гг. судьи, особенно высоко держать знамя правосудія, не поддаваясь теченіямъ общественнаго настроенія и озлобленія. Мы можемъ и должны уважать общественное мнѣніе, но уважать его лишь настолько, насколько оно въ дѣйствительности заслуживаетъ такого уваженія.

Вспомните Францію послѣ франко-прусской войны! Вспомните маршала Базена, котораго обвиняли въ измѣнѣ. Это было неслыханное, страшное преступленіе. Онъ предалъ армію въ руки врага въ минуту гибели отечества! Но развѣ общественное мнѣніе, развѣ французское общество относилось къ нему такъ, какъ теперь у насъ относятся къ д. с. с. Макшееву? Право, можно подумать, что Макшеевъ совершилъ преступленіе, названія которому нѣтъ еще на языкѣ человѣческомъ.

Маршалъ Базенъ совершилъ преступленіе явно позорное, явно гнусное. Нашелся, однако, человѣкъ, знаменитый адвокатъ Лашо, который согласился защищать его, надѣясь доказать его невиновность. И что-же, развѣ кто-нибудь позволялъ себѣ оскорблять его за это? Нѣтъ, всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ ждали, что будетъ доказано французамъ, что нѣтъ измѣнника въ ихъ средѣ, что подозрѣніе было невѣрно. Но вышло иначе,—Базена признали виновнымъ. Судъ спокойно исполнилъ свою задачу. Но общественное мнѣніе не издѣвалось надъ нимъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, оно не отрицало у него права защищаться, оно не глумилось надъ беззащитнымъ, оно не осуждало неосужденнаго. Тамъ въ средѣ развитой, честной, самостоятельной, свободной и потому великодушной націи общественная совѣсть слишкомъ уважаетъ личность человѣка и слишкомъ уважаетъ себя!

Я кончилъ, гг судьи Я не скажу вамъ больше ни одного слова въ защиту д. с. с. Макшеева. Я вѣрю вамъ, вѣрю вашему приговору, вѣрю и тому, что когда вы удалитесь въ совѣщательную комнату, когда за вами въ послѣдній разъ захлопнется, наконецъ, эта дверь, и вы останетесь наединѣ съ своею совѣстью и приступите къ великому дѣлу рѣшенія участи человѣка, вы изберете себѣ девизомъ одинъ только величайшій судейскій девизъ: „независимость и безпристрастіе первая и единственная добродѣтель судьи!“

Судъ удалился для совѣщанія 17 апрѣля въ 1 часъ дня и вынесъ резолюцію только на третій день 19-го въ 8 часовъ 10 минутъ вечера.

Чоглоковъ, Шпицбартъ, Акимовъ, Каменка, Вольштейнъ, Варшавскій и Хотимскій были оправданы, остальные обвинены.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Макшеевъ былъ приговоренъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ лично и по состоянію присвоенныхъ, къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

Нѣсколько лѣтъ спустя, помилованный, онъ вернулся въ Россію уже томскимъ мѣщаниномъ.

Дѣло поручика Имшенецкаго.

Въ теченіе семи дней (съ 23 по 30 мая 1885 г.) въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ тянулось это громкое и сенсаціонное дѣло.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ довольно привлекательной наружности молодой, небольшого роста, поручикъ артиллеріи Владиміръ Михайловичъ Имшенецкій, обвинявшійся въ тяжкомъ преступленіи — преднамѣренномъ утопленіи своей жены.

По выводамъ обвинительнаго акта вина подсудимаго формулировалась въ нижеслѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ:

«Поручикъ Имшенецкій обвиняется въ томъ, что въ февралѣ 1884 года, женившись ради полученія матеріальныхъ выгодъ на дочери купца Серебрякова, Маріѣ Ивановнѣ, и вскорѣ послѣ брака склонивъ ее сначала на выдачу ему полной довѣренности на управленіе ея домомъ, а спустя мѣсяцъ послѣ свадьбы и на оставленіе духовнаго завѣщанія съ отказомъ въ его пользу принадлежащаго ей дома и всего движимаго имущества, онъ, послѣ совершенія сихъ дѣйствій, желая наступленія преждевременной смерти своей жены для того, чтобы воспользоваться ея имуществомъ, согласно завѣщанію, а затѣмъ жениться на дочери крестьянина Еленѣ Ковылиной—женщинѣ, страстно имъ любимой и съ которой у него еще до женитьбы установились отношенія жениха къ невѣстѣ,—первоначально склонилъ свою жену принять мѣры къ изгнанію плода, а затѣмъ, когда она по настоянію отца 26-го мая прекратила эти мѣры, онъ, желая лишить ее жизни, 31 мая 1884 года, около девяти часовъ вечера, при неблагопріятной погодѣ, выѣхалъ съ своею женою кататься по рѣкѣ Невѣ на челнокѣ, крайне неустойчивомъ; проѣхавъ отъ Мытнинской пристани, откуда онъ началъ свою прогулку, до большого Петровскаго моста, онъ около 11 часовъ вечера, когда, вслѣдствіе нашедшихъ тучъ сдѣлалось темно и шелъ дождь, поѣхалъ обратно вверхъ по теченію рѣки Малой Невки и, отъѣхавъ отъ моста саженей 90, когда жена его переходила съ руля на весла, дѣйствіями своими вызвалъ паденіе ея въ воду, вслѣдствіе чего она утонула. Преступленіе это предусмотрѣно 1451 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 г.».

Приведемъ наиболѣе характерные моменты судебнаго слѣдствія.

Обвиненіе противъ Имшенецкаго было возбуждено по домогательствамъ и настоянію отца утонувшей Маріи Ивановны Имшенецкой, урожденной Серебряковой, С.-Петербургскаго купца Ивана Серебрякова, который энер-

гично изобличалъ обвиняемаго какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ. На судебномъ слѣдствіи отношенія членовъ семьи Ивана Серебрякова вырисовались въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ. Жена его, сынъ Василій и дочь Александра, дававшіе также изобличающія Имшенецкаго показанія, были въ полномъ порабощеніи у главы семьи, жестоко съ ними обращавшагося.

Свидѣтели Парфеновъ и Леонова удостовѣрили, что Виноградовъ, давшій неблагопріятныя для Имшенецкаго показанія, показывалъ имъ 25 руб., угощалъ водкой въ трактирѣ и говорилъ, что деньги получилъ отъ какого-то Серебрякова, живущаго на Васильевскомъ островѣ, и что черезъ этого Серебрякова онъ будетъ впослѣдствіи богатъ; потомъ, черезъ нѣсколько дней, показывалъ еще 30 рублей и предлагалъ имъ пойти въ свидѣтели того, будто они видѣли, какъ Имшенецкій ударилъ весломъ жену, отчего она и упала въ воду За это Серебряковъ предлагалъ дать имъ по сто рублей.

Виноградовъ на предварительномъ слѣдствіи утверждалъ, что онъ слышалъ женскій крикъ «караулъ», обернулся и увидѣлъ, какъ Имшенецкій, послѣ того, какъ бывшая съ нимъ дама упала въ воду, оставался спокойно стоять въ лодкѣ и, лишь замѣтивъ людей, бросился въ воду, причемъ сослался на студента Пезаровіуса, который будто-бы видѣлъ то же самое и слышалъ женскій крикъ.

Пезаровіусъ ссылки этой на судѣ не подтвердилъ, при чемъ охарактеризовалъ свидѣтеля Виноградова, какъ человѣка бездомнаго, буйнаго и лживаго, которому вѣрить нельзя. Относительно общественнаго положенія Виноградова выяснилось, что онъ «немножко артистъ» и «немножко» занимается адвокатурой «на лѣстницахъ мировыхъ судей», пьяница и страдаетъ падучею болѣзнью. На судъ свидѣтель Виноградовъ явился съ двумя конвойными дома предварительнаго заключенія, куда онъ попалъ по дѣлу о какой-то кражѣ. До появленія его еще передъ судомъ онъ сталъ оглашать воплями зданіе суда. Онъ кричалъ, что его отравили, что отравилъ его врачъ тюрьмы по наущенію защитника Имшенецкаго г. Карабчевскаго, и что теперь онъ «рѣшился разсудка». На судѣ онъ держалъ себя какъ помѣшанный и старался вовсе не отвѣчать на предлагаемые вопросы.

Помимо допроса свидѣтелей на судѣ была произведена и разнообразная экспертиза: а) литографы и каллиграфы возстановляли содержаніе разорваннаго Имшенецкимъ при обыскѣ у него письма г-жи Ковылиной; б) судебные врачи (гг. Сорокинъ и Штольцъ) давали заключеніе по пяти вопросамъ, причемъ результаты получились слѣдующіе: 1) никакихъ знаковъ насилія на тѣлѣ покойной не обнаружено; 2) установлено, что до выхода замужъ покойная уже однажды родила: 3) констатировано, что капли, которыя принимала Имшенецкая во время беременности, совершенно безвредны и для выкидыша не употребляются; 4) признано (эта часть экспертизы излагалась при закрытыхъ дверяхъ), что Имшенецкій, вступивъ въ бракъ, могъ не узнать, лишена-ли дѣвственности его жена, особенно если къ тому со стороны покойной были приняты мѣры; 5) не усмотрѣно никакихъ признаковъ симуляціи въ поведеніи Имшенецкаго какъ послѣ событія, такъ и при предъявленіи ему трупа покойной.

По постановленію суда одно изъ засѣданій было посвящено осмотру мѣста происшествія и изслѣдованію качествъ лодки. Для этой цѣли судъ въ цѣломъ составѣ: со сторонами, свидѣтелями и экспертами по морскому дѣлу, отправился на особомъ пароходѣ по Невѣ къ мѣсту происшествія. Здѣсь происходило измѣреніе разстояній, испытаніе степени валкости ялика; здѣсь-же произведенъ допросъ свидѣтелей-очевидцевъ происшествія.

Въ числѣ другихъ актовъ и протоколовъ на судѣ былъ прочтенъ протоколъ обыска у г-жи Ковылиной Въ немъ. между прочимъ, значилось, что въ черной большой рамѣ найденъ фотографическій портретъ Имшенецкаго и въ альбомѣ—его фотографіи. Далѣе протоколъ гласитъ: «По объявленіи Ковылиной о предстоящемъ обыскѣ, съ нею черезъ короткое время сдѣлалось дурно, но затѣмъ, вскорѣ она оправилась и объяснила, что у нея есть два письма, полученныя ею въ сентябрѣ мѣсяцѣ отъ Имшенецкаго. Ни одно изъ писемъ не помѣчено годомъ, мѣсяцемъ и числомъ. Одно изъ этихъ писемъ, прочтенныхъ на судѣ, содержитъ въ себѣ лишь общія разсужденія о любви и взгляды на этотъ предметъ нашихъ романистовъ и заканчивается назначеніемъ въ условленный часъ свиданія «на Литейной». Второе, какъ касающееся болѣе личныхъ интересовъ пишущаго, приводимъ здѣсь почти цѣликомъ: «ужасно захотѣлось повидаться съ тобою, милая моя Леля, я и подумалъ зайти къ Фрискѣ взять ихъ и вмѣстѣ поѣхать въ Лѣсной, ты пойдешь гулять... гдѣ-нибудь встрѣтимся... Но это, оказалось, невозможно, такъ какъ Фрискъ ушелъ, и неизвѣстно, когда придетъ. Когда-же устроится наше свиданіе? Ты пойдешь въ церковь, я буду дежурнымъ во вторникъ, приходи, если будетъ возможно, съ Наташей ко всенощной въ Петропавловскій соборъ. Какъ твое здоровье, моя голубушка? У меня теперь ужасно много хлопотъ. Хлопоталъ, чтобы было сдѣлано постановленіе о передачѣ недвижимаго имущества мнѣ на храненіе. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ и на-дняхъ я долженъ принять все въ свое завѣдываніе. Много нужно энергіи, предусмотрительности и снаровки, чтобы бороться съ Серебряковымъ. Другой разъ устанешь, измучаешься и радъ-бы гдѣ-нибудь голову преклонить и отдохнуть, а пока нѣтъ тебя, моя милая, около меня,—и негдѣ. Ну, да не за горами то время, когда ты будешь фактически моя. Тогда вознагражу тебя за все; я увѣренъ, что найду въ тебѣ все или почти все, чего душа требуетъ. Конечно, увѣренъ, что и тебѣ, милая Леличка, будетъ со мною вполнѣ хорошо, ибо дѣлать любимому человѣку пріятное и полезное для каждаго человѣка большое удовольствіе. Весь твой Володя».

Письмо Ковылиной, разорванное Имшенецкимъ при обыскѣ на предварительномъ слѣдствіи, возстановить въ удобочитаемомъ видѣ не удалось. Кромѣ того былъ читанъ проектъ письма, найденнаго у Имшенецкаго на имя Ковылиной; въ немъ онъ говорилъ ей о возможности скорой женитьбы не по любви, «а по обстоятельствамъ», и заканчивалъ слѣдующимъ восклицаніемъ: «прости и не кляни!» Было прочтено также нѣсколько писемъ покойной жены Имшенецкаго относящихся къ тому времени, когда произошелъ перерывъ въ его сватовствѣ. Отца въ этихъ письмахъ она винитъ во всемъ, «на колѣняхъ» проситъ ради нея «снисхожденія къ его грубости», говоритъ, что она «руки на себя наложитъ», что

«сердце раздирается отъ любви» къ нему и проситъ все забыть и придти «скорѣе, скорѣе!». На судѣ былъ предъявленъ найденный при обыскѣ фотографическій портретъ покойной. Это женщина лѣтъ 26, съ неправильными и некрасивыми чертами лица.

Въ свое оправданіе Имшенецкій далъ слѣдующія объясненія. Осенью 1881 года Серебряковъ предложилъ ему жениться на его дочери При этомъ между ними произошли недоразумѣнія: Серебряковъ хотѣлъ выдать за него свою старшую дочь, его покойную жену, а онъ, обвиняемый, говорилъ ему о младшей дочери. Маріи Серебряковой онъ сдѣлалъ предложеніе 10 августа 1883 г. и съ тѣхъ поръ сталъ бывать въ ихъ домѣ почти каждый день. Съ семействомъ Ковылина и его дочерью Еленой онъ познакомился лѣтомъ 1882 года и осенью того-же года у ея родителей просилъ руки ея; ему не дали опредѣленнаго отвѣта, но позволили бывать у нихъ въ качествѣ знакомаго. Лѣтомъ 1883 года у него произошли недоразумѣнія съ женою Ковылина, вслѣдствіе чего онъ пересталъ посѣщать ихъ. Во время размолвки онъ вступилъ въ переписку съ Еленой Ковылиной. Въ августѣ, передъ тѣмъ какъ сойтись съ Серебряковымъ, онъ послалъ Ковылинымъ отказъ отъ руки ихъ дочери. Письмо его, въ которомъ онъ пишетъ Ковылиной, что, можетъ быть, ему придется жениться на нелюбимой дѣвушкѣ, написано имъ въ началѣ августа или въ концѣ іюля, послѣ бесѣды съ ея отцомъ о свадьбѣ съ Серебряковой. Всѣже остальныя его письма къ Ковылиной написаны раньше этого срока. Въ одномъ изъ его писемъ подъ выраженіемъ: «вся эта трагедія сблизила насъ сильно» онъ понималъ тѣ непріятности, которыя Ковылиной приходилось имѣть изъ-за него съ ея матерью. Передъ обрученіемъ онъ взялъ у Серебрякова подъ вексель 1000 руб., а послѣ обрученія 3000 для уплаты своихъ долговъ и на свои расходы. Послѣ обрученія произошелъ у него съ Серебряковымъ разрывъ, вслѣдствіе дерзостей, которыя наговорилъ ему Серебряковъ по поводу заявленія его о томъ, что генералъ Григоровъ не разрѣшаетъ ему жениться безъ реверса; но о купчей крѣпости у него никакого разговора съ Серебряковымъ не было. Послѣ разрыва съ Серебряковымъ, въ первыхъ числахъ ноября, онъ снова сталъ посѣщать Ковылиныхъ. Въ началѣ этихъ посѣщеній у него явилось желаніе жениться на ихъ дочери, но по зрѣломъ размышленіи онъ рѣшилъ остаться просто ихъ знакомымъ. У Ковылиныхъ онъ продолжалъ бывать, какъ знакомый, до февраля. Съ Серебряковымъ онъ снова сошелся около Рождества изъ состраданія къ своей невѣстѣ, которая успѣла его полюбить и упрашивала его жениться на ней. 6-го февраля во время вѣнчанія съ нимъ сдѣлался обморокъ вслѣдствіе его нервности. Послѣ брака жена его по собственному желанію первоначально выдала ему довѣренность на управленіе домомъ, а затѣмъ завѣщала ему свое имущество, мотивируя это тѣмъ, что она по временамъ чувствуетъ какую-то тоску, особенно когда онъ бываетъ на дежурствѣ. Онъ съ своей стороны сдѣлалъ на ея имя духовное завѣщаніе и хотя въ это время у него не было никакой собственности, но онъ лѣтомъ разсчитывалъ начать постройку общественныхъ купаленъ, а также другія постройки. Когда вскрылась Нева, онъ на пристани Дурасова взялъ на прокатъ лодку на все лѣто.

на которой потомъ катался съ женой вдвоемъ, а иногда даже къ нимъ присоединялся кто-нибудь третій; выбралъ лодку эту потому, что она была легка, полу-палубная, не вертка и въ ней было приспособленіе для паруса. О беременности своей жены онъ зналъ и этому радовался, ибо желалъ, чтобы родъ его продолжался, такъ какъ зналъ, что Серебряковъ, какъ говорила ему жена, все свое достояніе намѣревался оставить двумъ дочерямъ и ихъ потомству. 31-го мая, около 9 часовъ вечера, онъ выѣхалъ кататься на лодкѣ по рѣкѣ Невѣ съ своею женою по ея желанію. Вечеръ былъ совершенно тихій и теплый, на горизонтѣ были тучки, но солнце еще свѣтило. Доѣхавъ до пристани сада «Баварія», они остановились послушать музыку; въ это время сталъ накрапывать дождь; тогда они подъѣхали подъ Петровскій мостъ. Когда дождь сталъ проходить, онъ сѣлъ на весла, а жена на руль, и они поднялись вверхъ по рѣкѣ, намѣреваясь ѣхать домой. Это было около 10 часовъ. Когда они подъѣзжали къ пристани «Баварія», жена ему сказала: «пусти меня на весла, я хочу посмотрѣть свои силы: скоро-ли поѣдемъ»; онъ попросилъ ее обождать, говоря: «выѣдемъ въ Ждановку и тамъ помѣняемся»; но жена стала настаивать, и онъ уступилъ. Взявъ пальто, которое лежало сзади него, онъ хотѣлъ встать съ своего мѣста. Въ это время жена его встала на дно лодки во весь ростъ и сдѣлала шагъ по лѣвой сторонѣ лодки; лодка сильно покачнулась, въ тотъ-же мигъ жена пошатнулась и онъ видѣлъ только, какъ что-то промелькнуло. Моментально вскочилъ онъ и потянулся впередъ, желая схватить падающую жену, но въ ту-же секунду самъ упалъ въ воду внизъ головой, не успѣвъ схватить жены. Вынырнувъ, онъ сталъ кричать о помощи. Вся эта катастрофа страшно тяготила его и въ первое время онъ рѣшился отказаться отъ завѣщаннаго ѐму имущества, но родные отсовѣтовали ему. Далѣе обвиняемый показалъ, что послѣ смерти жены онъ съ Еленой Ковылиной встрѣтился въ первый разъ въ концѣ іюня и то случайно, въ домѣ-же у нихъ сталъ бывать съ октября мѣсяца.

Обвинителями по этому дѣлу выступили: помощникъ военнаго прокурора, полковникъ Болдыревъ и въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца прис. пов. В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

Рѣчь въ защиту В. М. Имшенецкаго.

Господа военные судьи!

Вниманіе, съ которымъ въ теченіе многихъ дней вы изучали малѣйшія подробности этого труднаго дѣла, широкое безпристрастіе, которымъ, благодаря вамъ, г. предсѣдатель, мы пользовались въ интересахъ раскрытія истины, даютъ мнѣ право надѣяться, что вы и мнѣ поможете исполнить мой долгъ до конца. Законъ обязываетъ меня, какъ выра-

зителя интересовъ подсудимаго, представить вниманію вашему всѣ тѣ, говоря словами закона, „обстоятельства и доводы, которыми опровергаются или ослабляются взведенныя противъ подсудимаго обвиненія“.

Такихъ обстоятельствъ и доводовъ въ дѣлѣ масса, они разсѣяны на протяженіи всего слѣдствія, они глядятъ изъ всѣхъ угловъ строенія обвинительнаго акта, они на перегонку рвутся впередъ и просятъ, чтобы ихъ сомкнули въ стройную систему. Въ этомъ вся моя задача, какъ защитника. Матеріалъ громаденъ. Весь вопросъ: хватитъ-ли у меня умѣнія, энергіи быть строителемъ той группировки доводовъ защиты, при которой они сами краснорѣчиво скажутъ вамъ, доказано-ли обвиненіе.

Сообразно этому взгляду на мою задачу, я поступлю иначе, чѣмъ поступали мои противники. Я не буду убѣгать отъ фактовъ и укрываться отъ нихъ въ область краснорѣчивыхъ восклицаній, загадочныхъ прорицаній и эффектныхъ тирадъ. Я поведу эти факты за собою не въ видѣ двухъ-трехъ сомнительныхъ свидѣтельскихъ показаній, а въ видѣ всего матеріала, добытаго слѣдствіемъ Вольно г. прокурору восклицать „я убѣжденъ!“, вольно повѣренному гражданскаго истца думать, что доказать обвиненіе и „грозить“ его доказать—однозначуще: для судей этого мало. Вы не подпишете приговора по столь страшному и загадочному обвиненію до тѣхъ поръ, пока виновность Имшенецкаго не встанетъ передъ вами такъ же живо и ярко, какъ сама дѣйствительность.

Фактъ паденія покойной въ воду съ ближайшими обстоятельствами и уликами, прилегающими къ нему, составитъ предметъ первой и главной части моей рѣчи. Затѣмъ, если на основаніи изслѣдованія самаго событія мнѣ удастся доказать вамъ невинность подсудимаго, я уже съ развязанными руками подойду къ группѣ обстоятельствъ, примыкающихъ къ личности Имшенецкаго съ одной стороны, съ другой къ личности Серебрякова, участіе котораго въ этомъ процессѣ съ первыхъ-же моментовъ предварительнаго слѣдствія внесло, къ сожалѣнію, столько нежелательныхъ въ чистомъ дѣлѣ правосудія элементовъ.

Начну съ событія 31-го мая.

Напряженіе преступной рѣшимости Имшенецкаго покон-

чить съ женою—такъ, или приблизительно такъ, значится въ обвинительномъ актѣ—достигло высшей своей точки послѣ 28-го мая, когда, какъ утверждаетъ обвиненіе со словъ Серебрякова, покойная изобличила мужа въ желаніи произвести у нея выкидышъ, и отецъ пригрозилъ ей проклятіемъ.

Хорошо дѣлаетъ обвиненіе, что довѣряетъ въ этомъ Серебрякову, потому что вѣрить больше некому. Но повѣрители вы ему? Вы вспомните, что, подавая жалобу прокурору, самъ Серебряковъ ни слова не упомиталъ о выкидышѣ. Вы вспомните, что это новое его заявленіе было связано съ новыми-же указаніями на то, что Имшенецкій въ теченіе трехъ дней съ 28-го по 31-е мая будто-бы жестоко истязалъ свою жену. А открылось это такъ: какой-то прохожій, не открывшій ни имени своего, ни званія, и доселѣ не разысканный, во время розысковъ трупа покойной сказалъ приказчику Серебрякова, Степанову: „бѣдная, какія истязанія приняла она въ послѣдніе дни!“ Сказалъ и удалился молча въ глубину Крестовскаго острова на глазахъ Степанова и подъѣхавшаго Серебрякова. Объ этомъ свидѣтельствовалъ намъ Серебряковъ. Они дали ему спокойно уйти, не догнали его, хотя Серебряковъ былъ на своей лошади, не задержали и не представили къ слѣдствію. Посмотримъ, между тѣмъ, что говорятъ по тому-же предмету не призракъ, измышленный Серебряковымъ, а живые люди, люди Имшенецкому совершенно посторонніе, свидѣтели, которые здѣсь давали показанія подъ присягой. Дворникъ Дурасовъ и жена его, люди, скорѣе преданные Серебрякову, нежели подсудимому, кухарка Кузнецова, денщикъ Гаудинъ, поручикъ Кулаковъ,—единогласно утверждаютъ, что именно въ послѣднее время покойная Марья Ивановна и поздоровѣла, и разцвѣла, и оживилась, что самые послѣдніе дни передъ смертью, какъ и во все время замужества, между нею и мужемъ отношенія были прекрасныя. Мужъ былъ съ женою милъ и любезенъ, она-же не скрывала даже передъ посторонними своей горячей любви, преданности и благодарности. Въ самый день 31-го мая,—свидѣтельствуютъ намъ Кузнецова, Кулаковъ и Гаудинъ,—покойная и мужъ ея были веселы, шутили, строили планы, какъ проведутъ лѣто. Въ 8-мъ часу вечера (показанія Гаудина и Кузнецовой) сама Марья Ивановна торо-

пливо приказала давать чай, чтобы, отпивъ чай, скорѣе ѣхать кататься на лодкѣ. Въ началѣ 9-го часа она съ мужемъ уже на пристани, гдѣ ихъ видитъ околоточный надзиратель Кишицкій. Когда они садились въ лодку, на плоту былъ содержатель плота Файбусъ Онъ удостовѣрилъ здѣсь, что покойная всегда храбро и смѣло садилась въ лодку, видимо любила кататься, нисколько не робѣла на водѣ и отлично правила рулемъ. Этотъ свидѣтель не замѣтилъ, чтобы и на этотъ разъ покойная менѣе охотно и радостно отправлялась на обычную прогулку. Маршрутъ ихъ также былъ почти заранѣе извѣстенъ: по Невѣ до Тучкова моста, отсюда въ Ждановку и, чрезъ Малую Невку, ко взморью.

Такимъ образомъ всѣ подозрѣнія, касающіяся „истязаній“ и того, будто-бы Имшенецкій чуть-ли не насильно посадилъ жену въ лодку—не болѣе, какъ плодъ безпощаднаго разгула мрачной фантазіи Серебрякова, привыкшаго въ собственномъ своемъ домѣ все вершить деспотическимъ насиліемъ.

Пусть такъ!—уступаетъ обвиненіе.—пожалуй, она поѣхала добровольно, исполняя капризъ или желаніе нѣжно любимаго мужа, но погода, атмосферическія грозныя предзнаменованія—вотъ улика! Будемъ говорить о погодѣ.

Докторъ Муррей, тотъ самый, на котораго такъ охотно ссылается прокуроръ, утверждаетъ, что весь тотъ день погода стояла „прекрасная“. Только въ 10 ч. (а не въ 9-омъ, какъ ошибочно указалъ обвинитель), когда Муррей уже вернулся съ семействомъ домой съ прогулки, пошелъ дождь. То-же самое о томъ-же предметѣ утверждаетъ и Имшенецкій: до „Баваріи“ они доѣхали при отличной, хотя и нѣсколько облачной погодѣ, лишь у „Баваріи“ ихъ засталъ дождь, отъ котораго они на время должны были укрыться подъ Петровскимъ мостомъ. Переждавъ минутъ 20, они снова двинулись вверхъ по теченію. Дождя уже не было и самая пересадка происходила не подъ дождемъ.

На крайней дачѣ у Петровскаго моста жила г-жа Шульгина, показаніе которой, за ея болѣзнью, было здѣсь прочитано. Вотъ, что она говоритъ: „ровно въ 10 часовъ я вышла на балконъ (предъ тѣмъ она взглянула на часы, такъ какъ ждала мужа къ чаю), въ то время дождя не было, минутъ черезъ 5—7, ближе къ берегу показалась лодка, выѣхавшая

изъ-подъ моста; я видѣла лодку, на ней были двѣ фигуры— мужчина и женщина (это была лодка Имшенецкихъ); лодка проѣхала и скрылась изъ глазъ моихъ за второю пристанью: вдругъ раздался отчаянный крикъ о помощи" и т д. Это показаніе совпадаетъ вполнѣ съ показаніемъ самого подсудимаго. Итакъ, въ моментъ катастрофы, а слѣдовательно, и пересадки, дождя не было и было настолько свѣтло, что со второго этажа дачи, съ балкона, лодка и фигуры были ясно видны.

О томъ-же моментѣ вотъ что говоритъ яличникъ Филимонъ Ивановъ, вытащившій Имшенецкаго изъ воды: „Когда пошелъ дождь, я былъ въ будкѣ; дождь пересталъ, я вышелъ изъ будки на плотъ. Стоя на плоту, вдругъ слышу мужской голосъ: „спасите!" Я оглядѣлся, внизу: по теченію поперекъ плаваетъ лодка, и отъ нея въ двухъ—трехъ шагахъ въ водѣ по горло плаваетъ человѣкъ. Я вскочилъ въ яликъ" и т. д. Итакъ, дождя не было и было свѣтло. Свѣтло настолько, что съ плота пристани „Баварія" (въ разстояніи двухъ слишкомъ минутъ усиленной гребли) Ивановъ легко увидѣлъ и лодку, и плавающаго человѣка. При мѣстномъ осмотрѣ вы, г.г. судьи, убѣдились сами, что съ пристани „Баварія", гдѣ въ тотъ вечеръ шло обычное гулянье, пунктъ катастрофы открытъ вполнѣ. Сторожъ Петровскаго моста, тоже услыхавъ крикъ, вышелъ изъ будки и съ моста ясно различилъ пустую лодку, фигуру въ водѣ и подъѣзжавшихъ къ мѣсту катастрофы яличниковъ.

Итакъ, паденіе въ воду Имшенецкой или, — какъ того желаютъ обвинители,—„насильственное утопленіе ея" произошло на открытомъ для сотни глазъ мѣстѣ, когда было свѣтло, когда нѣсколько свидѣтелей слѣдило за движеніемъ лодки.

Что касается до атмосферическихъ явленій, „вѣтра и волненія", то и на этотъ счетъ мы имѣемъ положительныя указанія. Во время мѣстнаго осмотра были приглашены свидѣтели братья Зюковы и г. Голубинскій, катавшіеся также на лодкѣ въ вечеръ катастрофы. Цѣлой компаніей они и подъѣхали на крикъ Имшенецкаго. На мой вопросъ, были-ли сильныя волны и вѣтеръ 31-го мая, они единогласно удостовѣрили, что волненіе было меньше, чѣмъ въ день наше-

го осмотра. Вспомните сами, да и экспертъ-морякъ намъ это подтвердилъ, что во время нашего морского путешествія волненіе было ничтожное, которое морякъ-экспертъ и „за волненіе“ не хотѣлъ признать.

Гдѣ же „ужасающая погода“, о которой говорится въ обвинительномъ актѣ, гдѣ „темнота отъ нашедшихъ тучъ“, гдѣ громъ и молнія, гдѣ всѣ атмосферическіе ужасы, столь злобно способствовавшіе осуществленію демоническаго преступнаго замысла? Ихъ не было! Они понадобились только при составленіи обвинительнаго акта, какъ бутафорскія принадлежности. Былъ прекрасный, нѣсколько пасмурный вечеръ, перешедшій затѣмъ въ дождливую ночь, и — только.

На мѣстѣ происшествія мы были съ вами, гг. судьи. Утверждать, что это мѣсто „глухое“, „безлюдное“—значитъ грѣшить явно противъ истины Отъ самаго Петровскаго моста и до пристани „Баварія“, вдоль всего берега, ближе къ которому и имѣло мѣсто происшествіе,—идетъ сплошной рядъ двухъ-этажныхъ населенныхъ дачъ. На набережной—рядъ скамеекъ для дачниковъ, по берегу нѣсколько плотовъ и пристаней. Достаточно вспомнить, что въ самый моментъ катастрофы вездѣ оказались люди, которыхъ нельзя было не видѣть и съ лодки. На двухъ балконахъ дачъ стояли г-жи Бетхеръ и Шульгина, на плоту какая-то женщина полоскала швабры, на пристани „Баварія“ были яличники.

На первый-же крикъ Имшенецкаго сбѣжались дачники, и на плоту, куда его высадили, мигомъ образовалась цѣлая толпа. Катастрофа случилась всего въ 10—20 саженяхъ отъ этого люднаго берега, и мы вправѣ энергично протестовать противъ утвержденія обвинителя относительно глухости и безлюдности мѣста. Самое мѣсто, гдѣ произошло паденіе Имшенецкой въ воду, открыто со всѣхъ сторонъ.

Относительно точнаго опредѣленія пункта самаго паденія покойной, повидимому, происходитъ нѣкоторое разногласіе. Но это разногласіе лишь кажущееся Судебный слѣдователь г. Петровскій на планѣ опредѣлялъ мѣсто паденія исключительно на основаніи показанія яличника Ф. Иванова. Ивановъ гребъ, сидя спиной къ мѣсту происшествія. Естественно, что онъ не могъ оріентироваться и точно указать, гдѣ

именно впервые онъ замѣтилъ пустую лодку. Впослѣдствіи явились болѣе точныя показанія цѣлой серіи лицъ, катавшихся въ яликѣ г. Голубинскаго. Они увидѣли лодку впереди себя и направлялись къ ней, ни на минуту не теряя ея изъ виду. При осмотрѣ братья Зюковы и Голубинскій вполнѣ точно и между собой согласно указали самое мѣсто катастрофы. Мѣсто это—не доѣзжая купальни Ковалевскаго, въ десяти—пятнадцати саженяхъ отъ берега. Тамъ-же всплыла и шляпка покойной, саженями двумя—тремя ниже по теченію. Мѣсто открытое для наблюденія со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Вспомнимъ при этомъ, что Марія Ивановна была физически сильна (показаніе ея матери и сестры), что она превосходно плавала, и что никто изъ свидѣтелей не слыхалъ женскаго крика. Вы, конечно, согласитесь со мною, что всякая попытка „умышленно утопить“ на глазахъ всѣхъ взрослаго человѣка была-бы со стороны Имшенецкаго совершеннымъ и истиннымъ безумiемъ. Даже разсчета на случайность сколько-нибудь вѣроятную быть не могло. Ударовъ онъ ей не наносилъ, весла остались на мѣстахъ, знаковъ насилія на ея тѣлѣ не найдено. Стало быть, онъ могъ-бы развѣ только „толкнуть“ ее; но при такомъ его „толчкѣ“ та еще могла вскрикнуть, могла ухватиться за него-же самого и увлечь за собою, могла, наконецъ, и доплыть до берега Петровскаго острова.

Итакъ я утверждаю, что вся обстановка и мѣстность сами по себѣ уже препятствовали и дѣлали невозможнымъ совершеніе преступленія сколько - нибудь осмысленнаго, а тѣмъ болѣе заранѣе обдуманнаго. А именно въ этомъ невозможномъ и обвиняется Имшенецкій!

Самая покупка ялика, который при испытаніи оказался довольно валкимъ, ставится въ улику Имшенецкому. Г. прокуроръ пошелъ очень далеко въ этомъ направленіи. Онъ утверждаетъ, что и женился-то Имшенецкій едва-ли не съ разсчетомъ пріобрѣсти именно такой яликъ, который помогъ-бы ему утопить свою жену. Повѣренный гражданскаго истца держался болѣе въ предѣлахъ вѣроятности. Онъ стоитъ лишь на томъ, что „невозможно“ было катать беременную женщину въ подобной лодкѣ. Я бы сдѣлалъ поправку: „не-

осторожно"—пожалуй! Но дѣло въ томъ, что въ той-же самой лодкѣ онъ катался и одинъ и въ компаніи съ товарищами. Ѣздили много, часто, далеко, пересаживались и, при извѣстной осторожности, всегда благополучно. По словамъ гг экспертовъ, подобныхъ лодокъ въ употребленіи множество, хотя онѣ и представляютъ большую опасность, чѣмъ настоящіе „ялики" и катера военно-морского типа. Однако, на Волгѣ, на Дону, на Днѣпрѣ, на всемъ побережьи Чернаго моря нѣтъ иныхъ лодокъ, и ими пользуются всѣ безбоязненно. Лодка Имшенецкаго при всей своей валкости имѣла, по заключенію экспертовъ, и свои неоспоримыя достоинства: легкость на ходу и, благодаря обшивкѣ бортовъ и воздушнымъ ящикамъ, устойчивость въ томъ отношеніи, что совершенно перевернуть ее было почти невозможно.

Обвинители говорятъ: „но пересадка—въ высшей степени опасна! Какъ это могъ допустить Имшенецкій?" При тѣхъ пріемахъ пересадки, при которыхъ дѣлался опытъ при осмотрѣ,—пересадка, конечно, въ высшей степени опасна. Г. лейтенантъ Кутровъ съ своимъ матросомъ буквально „бѣгали" съ руля на носъ и обратно, припадая, хватаясь за борты. Лодка, однако, устояла, никто въ воду не упалъ. Опытъ, повторенный самимъ Имшенецкимъ, былъ болѣе удаченъ. Несмотря на суетливость и одновременность перехода г. Кутрова, Имшенецкій, не спѣша, довольно спокойно, не сгибаясь, перебрался съ руля на носъ и обратно. Возможно представить себѣ еще болѣе спокойную и безопасную пересадку: сидящій на рулѣ встаетъ и осторожно добирается до средней банки, на которую и садится; тогда встаетъ носовой, лодка оттого, что сидятъ на серединѣ, становится устойчивѣе; носовой достигаетъ руля, усаживается и тогда уже со средней банки на носовую пересѣсть совсѣмъ не трудно. Именно такимъ способомъ пересаживалась обыкновенно покойная и, по словамъ свидѣтеля Аврамова, нисколько при этомъ не боялась. Имшенецкій намъ говоритъ, что, когда покойная попросила его пустить ее на весла, онъ ее отговаривалъ, говоря „погоди до Ждановки—тамъ пущу!". Но она возразила—„я хочу попробовать грести противъ теченія!" и съ этими словами, скинувъ черезъ голову веревочку отъ руля, поднялась въ лодкѣ во весь ростъ. При

первомъ же своемъ движеніи она вдругъ покачнулась и полетѣла въ воду такъ, что мелькнули только ея ноги. Что могъ сдѣлать при подобной неожиданности Имшенецкій, чтобы воспрепятствовать ей встать? Ровно ничего.

Эксперты-врачи пояснили намъ, что въ первые мѣсяцы сама по себѣ беременность не можетъ стѣснять и мѣшать легкости движеній, но зато она вызываетъ нерѣдко головокруженія и болѣзненное замираніе сердца. Быть можетъ, у покойной отъ быстраго движенія какъ разъ закружилась голова, въ такомъ состояніи она могла покачнуться—и вотъ разгадка всего несчастія. Физически воспрепятствовать ей встать Имшенецкій не имѣлъ возможности. Онъ сидѣлъ на веслахъ, т. е. почти на носу, она-же на рулѣ, стало быть, далеко отъ него.

Г. прокуроръ допускаетъ, что фантазія „погрести противъ теченія“ могла притти въ голову покойной, хотя-бы въ качествѣ шальной фантазіи беременной женщины. Но повѣренный гражданскаго истца восклицаетъ: „какъ-же онъ при этомъ не подалъ ей руки, если не какъ заботливый мужъ, то хотя изъ вѣжливости, какъ кавалеръ дамѣ?!“ Тирада красива, но это не болѣе какъ—„слова“. Г. повѣренный вмѣстѣ съ нами осматривалъ лодку. Для всѣхъ было ясно, что съ носа на руль руки не протянешь. Мало того, когда всталъ одинъ, чтобы переходить, другой обязательно долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ во избѣжаніе замѣшательства и столкновенія на ходу. Если вѣрно утвержденіе подсудимаго, что покойная встала для него неожиданно, то Имшенецкому только и оставалось, что сидѣть во избѣжаніе несчастія.

Въ улику подсудимому ставится еще его поведеніе вслѣдъ за катастрофой, его равнодушіе, безучастіе и еще очень многое, не поддающееся точной формулировкѣ

Возникало, напримѣръ, сомнѣніе: точно-ли онъ „совсѣмъ“ упалъ въ воду или до половины груди былъ сухъ, такъ какъ держался за бортъ лодки. Всѣ подобнаго рода недоумѣнія и сомнѣнія могутъ имѣть мѣсто лишь при поверхностномъ и неполномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Вы дѣло изучили прекрасно, г.г. судьи, я его также знаю хорошо, и мы, вѣроятно, придемъ къ полному соглашенію на этотъ

счетъ. Единственный свидѣтель, подъѣхавшій вплотную къ лодкѣ Имшенецкаго, спасшій его самого, былъ яличникъ Филимонъ Ивановъ. Онъ такъ объясняетъ: „офицеръ плавалъ отъ лодки шагахъ въ двухъ-трехъ, онъ былъ *по горло* въ водѣ“. Далѣе, Филимонъ Ивановъ, вытащивъ его на свой яликъ, накинулъ на него пальто и по этому поводу говоритъ, „онъ былъ *весь* мокрый“. Г-жа Шульгина, разговаривавшая на плоту съ Имшенецкимъ, и мужъ ея, отвозившій подсудимаго на извозчикѣ домой, удостовѣряютъ, что онъ былъ „*весь* мокрый“, что онъ дрожалъ, стучалъ зубами, его било, какъ въ лихорадкѣ. Денщикъ Гаудинъ и Кулаковъ, раздѣвавшіе Имшенецкаго, утверждаютъ, что на немъ „не было нитки сухой“. Все платье, все бѣлье, даже деньги въ бумажникѣ *внутренняго кармана были мокры.*

Откуда же могло взяться мнѣніе, что онъ симулировалъ свое паденіе въ воду? Компанія Голубинскихъ, подъѣзжавшая къ его лодкѣ не ближе, какъ на разстояніе пяти саженей, породила все это сомнѣніе. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „плечи, кажется, были сухія“, другой — „должно быть сухія“, такъ какъ свидѣтель не замѣтилъ, чтобы вода „струилась“, третій, четвертый и пятый говорятъ: „не замѣтили“. Ихъ ошибка легко объясняется разстояніемъ и тѣмъ, что Имшенецкій былъ уже на половину вытащенъ изъ воды, когда они подъѣхали къ нему на минимальное разстояніе пяти саженей, въ которомъ они затѣмъ до конца и оставались. Съ суконнаго платья потоки струиться долго и не могутъ: вода имъ поглащается. Гг. Голубинскіе, очевидно, нѣсколько легкомысленно отнеслись къ предложенному имъ вопросу. Тѣ изъ ихъ компаніи правы, которые говорятъ: „не обратили вниманія, не замѣтили“.

Былъ, правда, на берегу еще свидѣтель г. Ковалевскій, выставленный къ слѣдствію Серебряковымъ. Тотъ, потрогавъ „за рукавъ пальто“, нашелъ, что „и ноги у Имшенецкаго были сухи“ Что Имшенецкій б ы л ъ в е с ь в ъ в о д ѣ, и стало быть, что онъ былъ и мокръ весь, можетъ быть доказано и слѣдующими простыми соображеніями. По словамъ свидѣтелей изъ компаніи Голубинскихъ и Зюковыхъ, Имшенецкій,—одинъ говоритъ — „барахтался“, другой —„царапался“, третій—„держался у задней части лодки“. По отзыву эксперта

за руль и за бортъ держаться было невозможно, онъ могъ придерживаться только за боковые выступы лодки. Для того-же, чтобы поставить себя въ подобное положеніе, надо было во всякомъ случаѣ вывалиться за бортъ лодки, т.-е., другими словами, совершенно погрузиться въ воду и затѣмъ уже подплыть къ этой части лодки

Однако, и самое предположеніе, что Имшенецкій держался будто-бы вплотную у лодки, отнюдь не доказано. Яличникъ Ивановъ, выхватившій его собственными руками изъ воды, удостовѣряетъ, что Имшенецкій „не могъ держаться“ за лодку, такъ какъ былъ онъ отъ нея въ двухъ—трехъ шагахъ ниже по теченію. Если Зюковы и Голубинскіе видѣли Имшенецкаго впереди лодки и подвигались все время, имѣя его между лодкой и собою, то естественно, что онъ казался имъ у самой лодки. Черная фигура Имшенецкаго на фонѣ бѣлой лодки могла казаться съ нею на одной вертикальной плоскости. Вотъ я гляжу на канделябръ, стоящій прямо противъ меня на столѣ, его очертанія кажутся мнѣ вырѣзанными на фонѣ бѣлой стѣны, а, между тѣмъ, онъ отстоитъ далеко отъ стѣны!

Если, такимъ образомъ, нужны постоянныя усилія разума, постоянныя поправки для правильнаго сужденія о простыхъ физическихъ впечатлѣніяхъ, то съ какою-же осторожностью надо полагаться на сужденія и впечатлѣнія относительно явленій психическаго свойства. Передъ нами прошла масса свидѣтелей, передававшихъ намъ о томъ, какое именно впечатлѣніе на каждаго изъ нихъ произвело поведеніе Имшенецкаго. Однимъ это поведеніе казалось естественнымъ, трогательнымъ, другимъ—страннымъ. Однимъ—было его жалко, другимъ—жалко не было. Мнѣ кажется, что вы поступите правильно, если, отрѣшитесь вовсе отъ свидѣтельскихъ „чувствованій“ и „мнѣній“ и примите только фактическія сообщенія ихъ о томъ, что именно дѣлалъ, говорилъ и какъ держалъ себя Имшенецкій.

Филимонъ Ивановъ—безхитростный въ дѣлѣ оцѣнки психологическихъ тонкостей, а потому и самый надежный съ моей точки зрѣнія свидѣтель, говоритъ: „когда я втащилъ офицера въ яликъ, онъ всплеснулъ руками: „гдѣ моя Маша?“ говоритъ.—„Сидите, говорю ему, смирно, вашей Маши нѣтъ

уже". Затѣмъ далѣе, офицеръ опять началъ печалиться о своей Машѣ: „гдѣ Маша, гдѣ Маша?" Потомъ схватилъ съ себя часы, даетъ ихъ мнѣ: „спасите", говоритъ, „мою Машу!!". Трудно, кажется, придумать болѣе простую, берущую за сердце сцену. При этомъ ни аффектаціи, ни притворнаго крика о томъ, что я-де не виноватъ, я такъ ее любилъ, она сама упала въ воду и т. д.—А все это было-бы естественно въ человѣкѣ, боящемся подозрѣній!

Гг. Голубинскіе и Зюковы такъ намъ передаютъ свои впечатлѣнія. Когда Имшенецкаго посадили въ лодку, онъ ломалъ руки, плакалъ и говорилъ: „жена моя, Маша, Маша! какъ я теперь покажусь домой, что я старикамъ скажу"! Фраза знаменательная, надъ которой я бы смѣло рекомендовалъ всѣмъ психологамъ призадуматься. Одному изъ гг. Зюковыхъ показалось только „страннымъ", что когда всплыла шляпа и яличникъ бросился къ ней въ лодкѣ, Имшенецкій „замолчалъ, вперилъ въ нее глаза и не торопилъ яличника". Послѣднее замѣчаніе свидѣтеля, подчеркиваемое обвинителями, конечно, очень тонко и глубокомысленно. Я сомнѣваюсь однако-же въ томъ, чтобы порывъ напряженнаго ожиданія и затаенной надежды выражался шумно. Мнѣ казалось-бы, что человѣкъ именно какъ-бы „замираетъ" въ подобную минуту, онъ словно боится проронить слово, звукъ, чтобы не спугнуть то, чего онъ такъ страстно желаетъ и ждетъ. Я не выдаю этого положенія за аксіому, но я почти увѣренъ, что это „должно быть такъ", и что столбнякъ Имшенецкаго былъ естественъ.

Затѣмъ ужъ навѣрное я знаю, что если-бы Имшенецкій при видѣ шляпки заволновался и сталъ кричать: „вотъ, вотъ она, моя голубка, моя Маша, я ее вижу, спасите ее!"—обвинители аргументировали-бы въ обратномъ порядкѣ. Они-бы восклицали тогда: — „онъ зналъ, что жена его уже безвозвратно погибла мученической кончиной отъ его-же руки, и онъ торопилъ, онъ кричалъ „спасите!", когда всплыла одна только ея шляпа. „Какое злодѣйское лицемѣріе!" Такая психологія—о двухъ концахъ, и у насъ, „судебныхъ ораторовъ", къ сожалѣнью, она въ большомъ ходу.

Когда Имшенецкаго вытащили на берегъ, здѣсь его окружила цѣлая толпа и о поведеніи его свидѣтельствуетъ уже

цѣлая масса лицъ. Г-жа Бетхеръ и нѣкоторые другіе свидѣтели за толпою не видѣли Имшенецкаго, но зато слышали его плачъ. По ихъ словамъ, онъ плакалъ такъ, „какъ не плачутъ мужчины“. Это были истерическія рыданія. По словамъ г-жи Шульгиной, бывшей ближе всѣхъ къ нему, „онъ держалъ въ рукахъ шляпу жены, цѣловалъ ее, рыдалъ, говорилъ отрывисто и несвязно, разсказывая о событіи, при этомъ повторялъ: „что я скажу старикамъ, что я скажу?“ Г. прокуроръ удивляется, что разные свидѣтели разсказываютъ со словъ обвиняемаго разно о томъ, какъ именно упала жена Имшенецкаго и какъ онъ бросился за нею Такъ, г-жа Бетхеръ говоритъ, что будто-бы онъ „схватилъ ее за шляпу“, но не удержалъ. Эта г-жа Бетхеръ нѣмка и вовсе не знаетъ по русски, она давала здѣсь свои показанія черезъ переводчика. Очевидно, не со словъ Имшенецкаго свидѣтельствуетъ она, ибо свой разсказъ онъ велъ, во всякомъ случаѣ, не на нѣмецкомъ языкѣ. За всѣмъ тѣмъ, фактъ на лицо: разсказъ его слушали *всѣ вмѣстѣ*, стало быть, это былъ *одинъ разсказъ*. Не его вина, если онъ разошелся затѣмъ въ сотнѣ варіантовъ

Удивляются, что черезъ 20 минутъ Имшенецкій уже уѣхалъ домой. Но и это не вѣрно. Онъ не уѣхалъ, а *его увезли*. Промокшій до костей, весь въ лихорадкѣ, растерянный и убитый — такой человѣкъ, какъ малый ребенокъ, естественно былъ во власти другихъ. Г-жа Шульгина попросила мужа „посадить“ его на извозчика и увезти Тотъ такъ и сдѣлалъ. По дорогѣ Имшенецкій былъ уже совсѣмъ боленъ. Когда его привезли домой, съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ, о которомъ намъ свидѣтельствовали Кузнецова, Гаудинъ, Кулаковъ и, наконецъ, докторъ Трвіусъ.

Повѣренный гражданскаго истца патетически восклицалъ здѣсь: „и онъ не бросился вновь въ глубину какъ бросается мать въ пожарище, чтобы спасти любимое дитя“! Да мать . мать бросилась-бы въ глубину и тамъ погибла-бы. Великое слово — мать!.. Но здѣсь оно совершенно не у мѣста. Простой, заурядный смертный, *только не преступникъ* (я это лишь доказываю) — Имшенецкій, самъ только что вытащенный изъ воды, *могъ не броситься*. Не бросились-бы на его мѣстѣ сотни и тысячи въ равной мѣрѣ „любящихъ“ му-

жен. Да и куда было бросаться? Зачѣмъ? Если-бы чудовище, поглотившее жертву, было еще доступно борьбѣ, если-бы была видна опредѣленная цѣль, опредѣленное мѣсто, тогда другое дѣло—бездѣйствіе было-бы преступно, оно-бы уличало Но здѣсь, какими средствами можно было бороться? Всюду кругомъ одно и то же: темная масса воды, холодныя волны и полная неизвѣстность. Броситься можно было только ради одного—чтобы вмѣстѣ погибнуть Это было-бы, пожалуй, геройство, но отсутствіе его не равносильно преступленію.

Ночь, которую провелъ Имшенецкій дома въ бреду, несмотря на увѣренія доктора Тривіуса, несмотря на заключеніе экспертовъ, г. прокуроръ хотѣлъ-бы обратить также въ улику противъ обвиняемаго Онъ подозрѣваетъ симуляцію, хотя Имшенецкій не бредилъ своей невинностью, а лишь былъ въ забытьи и по временамъ что-то неопредѣленное кричалъ. Когда дали знать отцу Серебрякову о смерти дочери, онъ ночью-же пріѣхалъ на квартиру Имшенецкаго. Засталъ онъ зятя въ постели, въ бреду. Серебрякову этотъ припадокъ показался неестественнымъ: не было ни воплей, ни зубовнаго скрежета, онъ только кричалъ „скоро, скоро, какъ на балалайкѣ: „Маня, Маня, Маня“!

Я очень радъ этому непосредственному наблюденію Серебрякова. Болѣзненныя душевныя проявленія весьма часто производятъ лишь смѣхотворное и комическое впечатлѣніе на натуры грубыя, неразвитыя, какова натура Серебрякова. Однимъ своимъ словомъ „балалайка“ Серебряковъ открылъ экспертамъ дѣйствительную наличность того болѣзненнаго явленія, недоумѣвающимъ свидѣтелемъ котораго онъ былъ Серебрякову простительна подобная „психологія“, но непростительно г. прокурору, что онъ эту „балалайку“ серьезно оцѣниваетъ съ точки зрѣнія невѣжественнаго наблюдателя, а не съ точки зрѣнія науки и заключенія экспертовъ.

Къ той-же группѣ уликъ „психологическаго“ свойства слѣдуетъ отнести и указаніе Серебрякова на „странность“ поведенія Имшенецкаго у трупа утопленницы, когда трупъ былъ разысканъ и доставленъ для медицинскаго осмотра въ присутствіи судебнаго слѣдователя. Имшенецкій не рыдалъ, не плакалъ, не убивался, но сохранялъ какое-то „безучастное“ спокойствіе Не надо забывать, что въ это время онъ

былъ уже заподозрѣнъ въ убійствѣ своей жены, что на него смотрѣли десятки пытливыхъ и враждебныхъ глазъ, что это была своего рода пытка, искусъ, которому его подвергли.

Однако-же, по отзыву судебнаго слѣдователя, г Петровскаго, допрошеннаго нами въ качествѣ свидѣтеля, поведеніе Имшенецкаго ему не показалось ни въ какомъ отношеніи подозрительнымъ. Онъ имѣлъ видъ очень утомленнаго и очень убитаго человѣка Трупъ, благодаря стоявшему жаркому дню, издавалъ запахъ разложенія, лицо покойной вздулось, посинѣло. Всѣ, и физическія, и нравственныя условія были таковы, что если-бы онъ даже вовсе лишился чувствъ, то и это было-бы вполнѣ естественно. У человѣка только хватило силъ, чтобы удержаться отъ полнаго обморока, но душа его естественно была погружена уже въ состояніе близкое къ обморочному. Этимъ послѣднимъ указаніемъ я вправѣ закончить разборъ уликъ, непосредственно касающихся самаго событія и обстоятельствъ, близко къ нему прилегающихъ

Мнѣ предстоитъ теперь остановиться на явленіяхъ иного порядка, которыя ставятся въ связь съ его „преступнымъ намѣреніемъ“. Улики эти: духовное завѣщаніе, совершенное покойною въ пользу Имшенецкаго, нежеланіе его уступить добровольно наслѣдство Серебрякову и, наконецъ, сокрытіе важной улики: разорваніе какого-то письма въ присутствіи судебнаго слѣдователя

Относительно всѣхъ этихъ весьма серьезныхъ, съ перваго взгляда, обстоятельствъ долженъ сказать одно: если Имшенецкій убилъ свою жену—они имѣютъ громадное, усугубляющее его вину, значеніе; если-же онъ ея не убивалъ — они не имѣютъ для дѣла ровно никакого значенія. Ими самая виновность его отнюдь не устанавливается.

Покойная, страдавшая во время беременности разными болѣзненными припадками, могла естественно подумать о томъ, чтобы имущество, въ случаѣ ея смерти бездѣтною, не перешло обратно отцу, котораго она и не любила и не уважала. Завѣщая все любимому мужу, она отдавалась естественному побужденію каждой любящей женщины: сдѣлать счастливымъ того, кого любишь. Завѣщаніе дѣлалось, не таясь, у нотаріуса, по иниціативѣ самой Маріи Ивановны, какъ удостовѣряетъ свидѣтель Кулаковъ. Каждая беременность,

каждые роды могутъ кончиться, и не рѣдко кончаются, смертью. И распоряженіе объ имуществѣ — естественная и желательная вещь. Въ обществахъ, въ которыхъ болѣе, чѣмъ у насъ, развиты гражданственность и личная иниціатива, не боятся на другой-же день послѣ свадьбы пригласить нотаріуса, распорядиться имуществомъ на случай смерти и жизни—и забыть объ этомъ. Въ завѣщаніи своемъ покойная отказала не только наличное имущество, но въ пожизненное владѣніе и родовое, которое могло ей достаться только послѣ смерти отца. Это не было, стало быть, спѣшное, такъ сказать, срочное завѣщаніе въ виду близкой кончины, а завѣщаніе, которое вообще давало ей право сказать мужу: „послѣ меня— все твое“!

Если послѣ смерти Маріи Ивановны такъ скоро возникъ вопросъ о судьбѣ ея имущества, то виною этому только Серебряковъ. Въ своей грубости онъ дошелъ до того, что въ домѣ поставилъ сыщиковъ и хотѣлъ на второй-же день выжить зятя изъ дому, требуя немедленнаго возврата всего имущества Откажись Имшенецкій поспѣшно отъ наслѣдства,— это ему поставили-бы опять въ улику. Завѣщаніе на лицо (оно нотаріальное, а не домашнее), его скрыть нельзя; отказался, значитъ—струсилъ—совѣсть не чиста!

Что касается до улики, упомянутой выше, — разорванія письма во время обыска,—то едва-ли о ней стоитъ говорить серьезно. Имшенецкій выхватилъ и пытался разорвать письмо по крайнему легкомыслію уже послѣ того, когда слѣдователь вполнѣ прочелъ его. По счастью, содержаніе его вполнѣ памятно судебному слѣдователю г. Петровскому. Въ письмѣ Ковылиной отъ 3-го марта трактовалось „о любви“ вообще, объ ея непрочности, были укоры и Имшенецкому „въ измѣнѣ“. Ничего криминальнаго оно не содержало. Подобныя письма съ отзвуками старой любви найдутся въ любомъ письменномъ столѣ новобрачнаго. Къ тому-же надо замѣтить, что обыскъ былъ 10-го іюня, а Имшенецкій уже 1-го зналъ, что по жалобѣ Серебрякова начато противъ него уголовное дѣло. Если-бы онъ считалъ отобранное письмо „уликою“, онъ имѣлъ ровно десять дней на то, чтобы уничтожить его. Письмо Ковылиной онъ разорвалъ на глазахъ слѣдователя, потому что „не хотѣлъ впутывать въ дѣло молодую дѣвушку“

Смыслъ письма возстановленъ вполнѣ и по обрывкамъ и со словъ г Петровскаго. Передъ подписью сохранилась буква „п“ и мѣсто для одного только слова „прощай“. Очевидно это было послѣднее письмо г-жи Ковылиной.

Изорвавъ письмо, Имшенецкій не только не „уничтожилъ“ улику, какъ полагаетъ г. прокуроръ, а наоборотъ—„создалъ“ улику изъ пустяка, изъ вздора, изъ ничего. Всѣ подобныя призрачныя улики, весь этотъ обвинительный миражъ, дающій съ перваго взгляда значительный оптическій эффектъ, въ сущности разсчитаны только на обманъ зрѣнія. Ему суждено безвозвратно разсѣяться, какъ только мы глубже изучимъ и пристальнѣе вглядимся въ характеры дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныя отношенія.

Постараемся прежде всего изобразить Имшенецкаго, изобразить безъ прикрасъ, безъ увлеченій и, главное, въ настоящій его ростъ, не взгромождая его на ходули титаническихъ замысловъ и побужденій, какъ это пытались сдѣлать гг. обвинители.

Нельзя не констатировать прежде всего, что, по общему отзыву родныхъ, товарищей и ближайшаго его начальника, генералъ-маіора Григорова, В. М. Имшенецкій — отличный сынъ, братъ, товарищъ и служака. Но рядомъ съ этими положительными сторонами его характера, при внимательномъ изученіи его личности, въ немъ открывается такая нравственная дряблость, такая... (обращаясь къ подсудимому) да простится мнѣ эта горькая правда, вдвойнѣ горькая для васъ въ эти тяжелыя минуты! (подсудимый плачетъ, закрывъ лицо обѣими руками) неустойчивость въ принципахъ, которая можетъ быть объяснена только неряшливостью воспитанія той цыганскаго склада семьи, въ которой онъ выросъ и воспитался.

Прекрасныя, возвышенныя, но мимолетныя побужденія уживаются въ немъ сплошь и рядомъ съ мелочнымъ резонерствомъ, съ будничными, шаблонными пожеланіями и стремленіями. Сидѣть въ самой прозаической житейской грязи и при этомъ искренно мнить себя идеально-чистымъ и нравственно изящнымъ—для него дѣло обычное.

Возьмемъ для примѣра хотя-бы случайныя его отношенія къ нѣкоей провинціальной актрисѣ. Развѣ не характерно

прочтенное здѣсь письмо таинственной „Элли“, которую онъ три года назадъ просвѣщалъ въ Минскѣ Эту, давнымъ давно искусившуюся въ тревогахъ жизни особу, онъ не въ шутку мнилъ обратить къ „высшимъ цѣлямъ“, говорилъ ей о разумномъ трудѣ, о нравственномъ саморазвитіи, приглашалъ бросить подмостки и оперетку. А, между тѣмъ, у этой особы давно уже выработалась своя собственная своеобразная мораль: съ однимъ она живетъ „изъ уваженія“, съ другимъ „ради средствъ“, а Владиміра Михайловича она приглашала раздѣлить интимно остающіеся за всѣмъ тѣмъ немногіе часы досуга Какъ видно изъ переписки, Имшенецкій сначала негодовалъ, укорялъ ее, но это нисколько не помѣшало ему поѣхать въ Минскъ и, мирясь со всѣмъ, весело провести тамъ время.

Въ Петербургѣ онъ просвѣщаетъ дѣвицъ, нетвердыхъ въ орѳографіи, и тѣ безъ ума отъ него Къ числу подобныхъ романовъ слѣдуетъ отнести и его романъ съ Ковылиною. Никакой „пылкой страсти“, никакого „огнедышащаго вулкана“ изъ себя не представлялъ, да и не могъ по самому существу своей мягкой натуры представить Владиміръ Михайловичъ. Къ тому времени, когда, по совѣту родныхъ и благоразумнаго начальника генералъ-маіора Григорова, онъ „посватался“ къ Маріи Ивановнѣ, въ расчетѣ зажить, наконецъ, сытою, обезпеченною жизнью,—его романъ съ г-жею Ковылиною угасалъ самъ собою. Это видно изъ писемъ, въ которыхъ онъ и сознается и оправдывается, увѣряя, впрочемъ, что все еще любитъ ее. Фраза, цитированная прокуроромъ: „можетъ быть, мнѣ придется жениться на дѣвушкѣ, которую я не люблю“ и т. д., понимается односторонне. Кто-же, женясь, говоритъ предмету своей прежней страсти, что женится по любви? Обыкновенно ссылаются на „обстоятельства“, на „желаніе родныхъ“ и т. п. Это самое обычное, стереотипное „оправданіе“. Ему менѣе всего вѣритъ тотъ, кто пускаетъ его въ ходъ.

Говорятъ о воплѣ истерзанной души, выразившемся въ отказѣ Имшенецкаго Ковылиной: „Лена! прости, не кляни! рука дрожитъ, сердце трепещетъ“ и т. д. Однако-же душевныя страданія не помѣшали убитому душою поручику набросать весь этотъ вопль сперва начерно (чернякъ найденъ

у Имшенецкаго при обыскѣ) на тотъ, очевидно, конецъ, чтобы „набѣло“ вышло совсѣмъ „естественно“ и „неотразимо“ Романъ его съ Ковылиной (также дѣвицею купеческаго званія) разстроился оттого, что отецъ ея, нажившійся, было, поставкою сапогъ во время войны, потерялъ затѣмъ состояніе на спекуляціи домами и не могъ дать никакого приданаго. Банальное отступленіе было прикрыто чувствительными и благородными словами.

На семью Серебрякова обратили вниманіе Владимира Михайловича домашніе и прежде всего его отецъ, который былъ долженъ нѣкоторую сумму Серебрякову и имѣлъ съ нимъ какія-то „дѣла“ Не питая никакой любви къ Маріи Ивановнѣ, Имшенецкій очень скоро порѣшилъ „сдѣлать партію“, и тотчасъ-же сдѣлалъ небольшой заемъ у будущаго тестя подъ вексель.

Послѣ грубой выходки Серебрякова, требовавшаго немедленной уплаты по векселямъ, Имшенецкій не только не порвалъ окончательно съ своей новой невѣстой, но, напротивъ, охотнѣе прежняго сталъ добиваться супружества съ Маріею Ивановною. Та писала ему жалобныя письма, винила во всемъ отца, выражала много искренней любви. Письма ея дышатъ искренностью, хотя въ нихъ не мало свойственныхъ ея средѣ и воспитанію жестокихъ словъ: „сердце раздирается“, „мѣста себѣ не нахожу“, „руки на себя наложу“ и проч. Сперва *онъ* „пренебрегалъ“ всѣмъ этимъ, хотѣлъ даже платить оскорбленіемъ, предоставлялъ мѣсто брату, онъ, молъ, такой, что „можетъ“, а я-де не могу жениться Но кончилось все это весьма благополучно. *Она* любила только его одного, она мучилась, она страдала, и онъ, поднявъ ее съ колѣнъ, повелъ къ алтарю.

Передъ стариками Ковылиными онъ необычайно малодушничалъ. Онъ скрывалъ все до послѣдней минуты, не сказалъ всей правды, вѣроятно, и самой Еленѣ Ковылиной. Этимъ я объясняю ея укорительное письмо отъ 3-го марта, полученное Имшенецкимъ уже послѣ свадьбы.

Но на основаніи всего, что извѣстно намъ о домашней жизни молодыхъ супруговъ Имшенецкихъ, я увѣренъ, что черезъ недѣлю онъ уже смаковалъ свое новое хозяйничанье, свой халатъ, свои туфли и все то мѣщанское благополучіе,

которое своимъ изобиліемъ окружало его Не будь несчастнаго случая, передо мною рисовался-бы уже Имшенецкій, округлившійся и разбогатѣвшій, довольный своимъ семейнымъ положеніемъ, играющій на рояли и, пожалуй, уже не однимъ пальцемъ...

Во имя художественной, если не простой житейской правды, я приглашаю моихъ противниковъ умѣрить краски, понизить нотосъ, изъ опасенія бульварнаго романа, далекаго отъ жизни и дѣйствительности. Демоническіе замыслы, титаническія страсти не по росту и не по плечу Имшенецкому!

Самъ г. прокуроръ не могъ не признать его личностью неустойчивою, легко поддающеюся чужому вліянію. Если-бы еще личность женщины могла овладѣть и руководить имъ.. Но такова ли личность Елены Ивановны Ковылиной? Послѣ катастрофы, очутившись нежданно въ положеніи трагическаго героя, обвиняемый въ тяжкомъ преступленіи, всѣми оставленный, да вдобавокъ еще узнавшій грустную предбрачную повѣсть своей Мани, онъ случайно опять встрѣчаетъ Ковылину, она протягиваетъ ему руку, она его жалѣетъ—и онъ снова таетъ, снова готовъ „принадлежать“ ей. Какъ школьникъ, онъ назначаетъ ей свиданіе „на Литейной“, пишетъ „о любви вообще“, о томъ, что „литература“, въ скобкахъ „романы“, основана на любви, и надѣется, что теперь, когда онъ такъ несчастливъ, онъ въ ней найдетъ „все или почти все, что только душа (его) жаждетъ“. И это убійца, пишущій своей „соучастницѣ“, особѣ, которая, по выраженію его же письма, „фактически“ ему еще не принадлежала!

Я допускаю преступленіе ради беззавѣтной любви и неутолимой страсти. Но въ подобныхъ обстоятельствахъ не сочиняютъ гимназическихъ посланій на тему „о любви вообще“, а пишутъ и говорятъ коротко и прямо: „свершилось, я перешагнулъ черезъ этотъ ужасъ, возьми—я твой!“

Нѣтъ, гг. судьи, Имшенецкій — не титанъ-преступникъ, перешагнувшій спокойно черезъ подобный „ужасъ“: онъ не болѣе какъ жалкая, безпомощная игрушка „печальнаго сцѣпленія грустныхъ обстоятельствъ“, и къ этой послѣдней роли, какъ нельзя болѣе, подходитъ его безвольная и дряблая натура.

Относительно-же подразумѣваемаго обвинителями вліянія

на него личности г-жи Ковылиной, — можно-ли серьезно объ этомъ говорить? Вы сами видѣли и слышали ее здѣсь. Каково могло быть это вліяніе? Каково ея развитіе? На основаніи самаго поверхностнаго анализа личности этой простоватой, хотя, быть можетъ, и способной быть весьма преданной любимому человѣку дѣвушки, на основаніи того, какой она представляется изъ ея же интимной переписки съ Имшенецкимъ, я вправѣ просить васъ, гг. судьи, даже какъ-нибудь случайно, по ошибкѣ, не смѣшать дѣвицы Елены Ковылиной съ леди Макбетъ.

Совершенно особнякомъ стоитъ въ настоящемъ дѣлѣ эпизодъ щекотливаго свойства. Мы изслѣдовали его на судебномъ слѣдствіи при закрытыхъ дверяхъ. О немъ я долженъ сказать нѣсколько словъ. Теперь уже для всѣхъ очевидно и безспорно, что покойная Имшенецкая вышла замужъ не „невинной“ дѣвушкой. У нея былъ до брака ребенокъ. Въ дѣвичьемъ ея прошломъ оказалось пятно, которое, если-бы о немъ зналъ Имшенецкій ранѣе, способно было внести въ отношенія молодыхъ супруговъ и много осложненій и много затаенной вражды. Одного этого факта было бы достаточно, чтобы зародить въ васъ, судьяхъ, предположеніе: не здѣсь ли разгадка печальной драмы, не здѣсь ли настоящій мотивъ преступленія? Женитьба на нелюбимой дѣвушкѣ тягостна и безъ того, а тутъ еще она сопровождалась обиднымъ для чести и супружескаго достоинства разоблаченіемъ послѣ брака. Это уже—пытка. Скорѣе, нежели голая корысть, подобный глубокій мотивъ могъ вызвать ужасное преступленіе.

Къ счастью, однако, для Имшенецкаго, онъ *ничего не зналъ* о печальномъ прошломъ своей, внушавшей ему всегда только жалость, хотя и не любимой Мани. Объ этомъ мы имѣемъ неопровержимыя свидѣтельства отъ поручика Кулакова, присяжнаго повѣреннаго Майзеля, акушерки Никандровой и, наконецъ, самого Серебрякова. Впервые изъ протокола вскрытія трупа покойной жены своей и заключенія экспертовъ Имшенецкій узналъ, что былъ не первымъ, кому принадлежала его жена. Это открытіе потрясающимъ образомъ подѣйствовало на него. Оно способствовало много и тому, что тутъ же разомъ, у едва погребеннаго послѣ вскрытія трупа жены, воскресли и вспыхнули въ немъ всѣ его воспомина-

нія о чистой и дѣвственной его привязанности къ Еленѣ Ковылиной, противъ которой онъ поступилъ такъ вѣроломно. Его естественно потянуло именно къ ней съ новою, неудержимою силой.

Были намеки со стороны гг обвинителей, намеки, впрочемъ, скорѣе фривольнаго, нежели доказательнаго значенія: „Какъ-же это такъ?.. видавшій виды офицеръ, не мальчикъ Первая ночь... и такое странное ослѣпленіе“? Гг. акушеры и судебные врачи должны были при закрытыхъ дверяхъ высказать свое заключеніе и по этому вопросу. Я не стану воспроизводить его здѣсь во всѣхъ интимныхъ подробностяхъ, напомню вамъ только рѣшающій ихъ выводъ Этотъ выводъ таковъ: и очень доблестный и храбрый офицеръ можетъ оказаться большимъ простакомъ передъ маленькими женскими хитростями... Первая брачная ночь нерѣдко служитъ тому самымъ наглядньмъ доказательствомъ.

Итакъ, гг судьи, на основаніи тщательнаго, копотливаго изслѣдованія самаго факта паденія въ воду покойной, я вправѣ былъ утверждать, что убійство не доказано Теперь я вправѣ утверждать, что не доказанъ и злой умыселъ со стороны Имшенецкаго, а это подтверждается изслѣдованіемъ самой его личности и тѣхъ условій его новой семейной жизни, которыя ставились ему въ улику. При такихъ данныхъ обвиненіе, предъявляемое къ нему,– обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ жены, грозящее ему каторжными работами безъ срока,—голословно и *не доказано*. Это понимаетъ, очевидно, и г прокуроръ Настаивая на двухъ-трехъ сомнительныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, онъ ссылается затѣмъ лишь на свое „личное внутреннее убѣжденіе“. Этотъ пріемъ столь-же мало соотвѣтствуетъ задачѣ обвиненія, какъ еслибы защита стала клясться и божиться передъ вами, удостовѣряя божбою невинность своего кліента.

Сознаетъ это и повѣренный гражданскаго истца, такъ долго и такъ краснорѣчиво обѣщавшій намъ доказать обвиненіе, что, наконецъ, самъ онъ, да и всѣ мы на минуту готовы были повѣрить, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе. Но на повѣрку весь обвинительный силлогизмъ его свелся къ слѣдующей простѣйшей, мало убѣдительной, формулѣ: „чѣмъ, хуже, тѣмъ лучше“! Нѣтъ доказательствъ—и не надо! Будь

очевидцы даже того, что онъ не столкнулъ жены, а она упала сама,—тѣмъ виновнѣе Имшенецкій, тѣмъ искуснѣе обставлено имъ преступленіе! Поистинѣ, ужасная постановка обвиненія... ужасная, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, если-бы вы захотѣли принять ее. Но вы ее не примете! Ваша судейская мудрость и опытность подскажутъ вамъ, въ какой мѣрѣ мало пригодна подобная формула вины Имшенецкаго, въ какой мѣрѣ она опасна, въ какой мѣрѣ она, наконецъ, недостойна великаго дѣла правосудія!

Но кто яснѣе всѣхъ сознавалъ несостоятельность обвиненія—это самъ Серебряковъ. Серебряковъ, возбудившій дѣло и приложившій всѣ старанія, чтобы обставить его „по своему“, обставить надежно

Изъ уваженія къ слову „человѣкъ“, къ звуку „отецъ“ я, вѣрю, я хочу вѣрить, что мотивы, руководившіе имъ, были не исключительно корыстнаго свойства (желаніе заставить Имшенецкаго отказаться отъ завѣщаннаго ему покойною имущества). Я готовъ допустить, что онъ желаетъ только „отомстить“ смерть безвременно погибшей дочери. Но если даже такъ,—къ какимъ ужаснымъ пріемамъ онъ прибѣгаетъ?! Даже въ отдаленную и мрачную эпоху кровавой мести,—пріемы эти показались-бы возмутительными. Онъ, на основаніи завѣдомо ложныхъ данныхъ, хотѣлъ создать осужденіе Имшенецкаго, хотѣлъ ввести правосудіе въ заблужденіе. Всю свою семью, дрожащую при видѣ его могучаго кулака, всѣхъ своихъ „молодцовъ“ и нѣсколько наемныхъ лжесвидѣтелей въ родѣ знаменитаго, достаточно памятнаго вамъ свидѣтеля Виноградова, онъ привелъ сюда, въ судъ для подкрѣпленія созданнаго его мрачнымъ воображеніемъ обвиненія.

Во время судебнаго слѣдствія я уже имѣлъ случай отмѣтить и констатировать рядъ отдѣльныхъ, якобы изобличающихъ Имшенецкаго эпизодовъ, созданныхъ Серебряковымъ на основаніи завѣдомо ложныхъ данныхъ. Теперь я лишь бѣгло напомню ихъ вамъ. Сами обвинители, которымъ Серебряковъ въ своемъ беззастѣнчивомъ усердіи оказывалъ поистинѣ медвѣжьи услуги, не рѣшались ссылаться на эти эпизоды. Серебряковъ, а съ его словъ и домашніе его (отношенія которыхъ къ главѣ семьи достаточно характеризуются письмомъ младшей дочери Александры къ покойной Имше-

нецкой, изъ котораго мы узнаемъ, что старуху-жену онъ формально истязалъ, а взрослаго сына своего скупостью и самодурствомъ довелъ до идіотизма), пытались утверждать, что въ церкви, во время вѣнчанія Имшенецкаго, Ковылина будто-бы подходила къ жениху, дѣлала ему упреки, такъ что Имшенецкому сдѣлалось дурно и т. д

Весь этотъ драматическій эпизодъ оказался просто измышленнымъ. Генералъ-маіоръ Григоровъ, бывшій въ церкви въ качествѣ посаженнаго отца, священникъ, весь причтъ и еще множество лицъ, присутствовавшихъ при вѣнчаніи, удостовѣрили, что ничего подобнаго не было Имшенецкій, какъ удостовѣрилъ намъ докторъ Коганъ, въ день свадьбы былъ дѣйствительно боленъ, поутру у него былъ жаръ, но это не помѣшало вѣнчанію и въ церкви ему не дѣлалось дурно.

Второй эпизодъ, идущій изъ того-же источника, касается будто-бы попытокъ покойной произвести по настоянію мужа выкидышъ. Для этого якобы она ходила въ баню, принимала капли и т. п. Это обстоятельство совершенно опровергнуто показаніями Кулакова, акушерки Никандровой и фармацевтическимъ изслѣдованіемъ капель, которыя принимались покойною. Въ баню, какъ это выяснено слѣдствіемъ, покойная приходила исключительно для того, чтобы принимать тепловатыя ванны, что по отзыву эксперта-акушера представлялось по ея состоянію полезнымъ, а капли давались ей для возбужденія аппетита и состояли изъ настойки безвредныхъ травъ на винномъ спиртѣ.

Третье обстоятельство воспроизводилось здѣсь въ слѣдующемъ видѣ. Сынъ Ивана Серебрякова, Василій (тотъ самый забитый и испитой субъектъ, съ трясущимися руками, который давалъ здѣсь съ трудомъ свои показанія) будто-бы слышалъ отъ Кулакова, что покойная „трижды“ въ этотъ вечеръ отказывалась ѣхать на лодкѣ (словно предчувствовала, бѣдная!– пояснялъ Серебряковъ), но мужъ (у котораго уже очевидно созрѣлъ адскій замыселъ) все-таки „принудилъ“ ее сѣсть въ лодку. Я уже дѣлалъ въ началѣ моей рѣчи фактическія ссылки по этому предмету. Кулаковъ прямо утверждаетъ, что съ Василіемъ Серебряковымъ онъ „никогда ни о чемъ не разговаривалъ“, потому что тотъ вѣчно пьянъ и съ нимъ вообще разговаривать невозможно.

Объ истязаніяхъ, которыя будто-бы терпѣла покойная послѣ 28-го мая, было уже достаточно говорено. Эти обстоятельства пытался намъ удостовѣрить такой свидѣтель, какъ обѣсновавшійся здѣсь въ ожиданіи принятія присяги, Виноградовъ Однако же на судѣ онъ не рѣшился выступить въ роли явнаго лжесвидѣтеля и почти вовсе отступился отъ своихъ первоначальныхъ показаній у слѣдователя.

Чтобы закончить характеристику мрачной подозрительности г. Серебрякова, мнѣ слѣдуетъ еще упомянуть о ссылкѣ его на показаніе дворника дома покойной Имшенецкой о томъ, будто-бы Елена Ковылина, вслѣдъ за катастрофой 31-го мая, „посѣщала тайно Имшенецкаго“ въ его квартирѣ Дворникъ никогда не называлъ Ковылиной: онъ ея вовсе не знаетъ. Онъ говорилъ только о „высокой молодой блондинкѣ“. Хотя г-жа Ковылина блондинка „не высокая“, все-же могло оставаться подозрѣніе. Но и это обстоятельство блистательно разъяснилось на судѣ. При предъявленіи дворнику свидѣтельницы г-жи Орловой, родной сестры подсудимаго, свидѣтель именно въ ней призналъ ту таинственную незнакомку, которая неоднократно посѣщала Имшенецкаго во время его болѣзни Нужно ли еще прибавлять, что г-жи Ковылиной въ то время и въ Петербургѣ не было?

Однако довольно, г.г. судьи! Если бы я хотѣлъ продолжать оцѣпивать по достоинству всѣ обвинительные пріемы мстителя-отца, предъявившаго здѣсь искъ за похороны своей родной дочери,—я не могъ бы сдержать долѣе своего негодованія... Мимо! Скорѣе и дальше отъ этой мрачной личности и всего ею нагроможденнаго нечистыми руками! Я возвращаюсь къ моимъ естественнымъ противникамъ, съ которыми только и возможна достойная борьба..

Итакъ, минуя улики и доказательства, васъ приглашаютъ на основаніи внутренняго убѣжденія — этого „высшаго разума“, какъ выразился г. прокуроръ,—обвинить Имшенецкаго, забывая, что этотъ высшій разумъ внутренняго убѣжденія, по мысли законодателя, и долженъ быть основанъ на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Другой мой противникъ дѣйствуетъ еще рѣшительнѣе. Онъ вызываетъ изъ могилы тѣнь умершей и холоднымъ призракомъ смерти хочетъ запугать ваше воображеніе. Но онъ забываетъ, что

быть можетъ единственные спокойные и счастливые дни своей недолгой жизни эта несчастная провела *съ нимъ*, своимъ предполагаемымъ убійцею и врагомъ Объ этомъ намъ говорятъ свидѣтели единогласно. И я желалъ бы вызвать ее сюда, и кто знаетъ, на чью сторону стала бы ея блѣдная тѣнь, за кого бы стали молить ея безкровныя уста!

Есть вещи священныя, злоупотреблять которыми не слѣдуетъ Когда ведешь борьбу,—надо вести ее равнымъ оружіемъ. Ссылка на мертвое доказываетъ только безсиліе живого.

Я кончаю. Я не позволю себѣ навязывать вамъ своего „внутренняго убѣжденія“ пусть оно останется тамъ, гдѣ ему и быть надлежитъ—не на языкѣ только, а въ глубинѣ моего сердца, въ глубинѣ моей совѣсти Одну лишь увѣренность послѣ восьми дней, проведенныхъ передъ лицомъ вашимъ, г.г судьи, позволю я себѣ громко высказать: я убѣжденъ, что приговоръ вашъ будетъ и глубоко продуманъ и глубоко справедливъ!

Совѣщаніе судеи длилось шесть часовъ. Былъ уже четвертый часъ ночи, когда блѣдные и видимо утомленные судьи вышли изъ совѣщательной комнаты. Нервно истомившаяся публика съ тревогой и давкой кинулась въ зало засѣданія. Подсудимый занялъ свое мѣсто и старался казаться спокойнымъ. Но лицо его выражало невыносимое страданіе. Предсѣдатель громкимъ голосомъ сталъ читать резолюпію и, когда дошелъ до словъ «и признавая виновнымъ», взглянулъ на подсудимаго, такъ какъ тотъ зашатался и едва удержался на ногахъ. Вся зала какъ одинъ человѣкъ болѣзненно ахнула. Скоро, однако, всѣ облегченно и радостно вздохнули. Резолюція была дочитана до конца, и стало ясно, что подсудимый обвиненъ лишь въ неосторожномъ пользованіи для катанія слишкомъ валкой лодкой, послѣдствіемъ чего была смерть его жены, въ преднамѣренномъ же ея утопленіи онъ оправданъ.

Судъ приговорилъ поручика Имшенецкаго къ содержанію на гауптвахтѣ на три недѣли и къ церковному покаянію.

Дѣло московскихъ купцовъ братьевъ Александра и Ивана Поповыхъ, обвиняемыхъ въ мошенничествѣ.

4 Мая 1888 года зало III-го уголовнаго отдѣленія московскаго окружнаго суда было переполнено своеобразно-смѣшанною публикою торговцевъ разнаго вида и наименованія. Тутъ были и торговые аристократы, господа коммерсанты, представители солидныхъ московскихъ фирмъ, и юркіе и изобрѣтательные мелкіе торговцы, только-что начинающіе свою дѣятельность. Всѣхъ интересовалъ исходъ судебно-криминальной борьбы, затѣянной извѣстною московской фирмой «Бр. К. и С. Поповы» съ москательщиками братьями Александромъ и Иваномъ Поповыми, начавшими незадолго передъ тѣмъ торговать «чаями» подъ фирмою «Бр. А. и И. Поповы». Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу тогдашній предсѣдатель московскаго окружнаго суда В. Н. Лавровъ, а оффиціальнымъ обвинителемъ выступилъ товарищъ прокурора И. Е. Горштейнъ.

Повѣреннымъ гражданскаго истца г. Абрикосова, единственнаго владѣльца богатой фирмы «Бр К. и С. Поповы», явился, присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли три лица: московскій 1-й гильдіи купецъ Александръ Петровичъ Поповъ, младшій братъ его, купецъ 2-й гильдіи, Иванъ Петровичъ Поповъ и крестьянинъ Матвѣй Ивановъ Ботинъ. Былъ преданъ суду еще и четвертый обвиняемый крестьянинъ Вонифатій Хохловъ, но ко дню засѣданія онъ сошелъ съ ума, и дѣло о немъ было выдѣлено. Защитниками братьевъ Поповыхъ выступили присяжные повѣренные В. И. Высоцкій и Н. П. Карабчевскій; Ботина защищалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго В. Е. Курловъ.

Сущность дѣла постараемся изложить возможно сжато:

Въ 1843 году коллежскій совѣтникъ Константинъ Абрамовичъ Поповъ, совмѣстно съ братомъ своимъ Семеномъ Абрамовичемъ Поповымъ, учредилъ въ Москвѣ для торговли чаемъ «торговый домъ» подъ фирмою «братья К. и С. Поповы». Въ теченіе многихъ лѣтъ этотъ торговый домъ пользовался среди торговцевъ и потребителей самой почетной репутаціей, но въ концѣ семидесятыхъ годовъ стали распространяться слухи о недоброкачественности чая, продаваемаго этою фирмою. Нѣкоторое время спустя «торговый домъ» узналъ, что москательный торговецъ, купецъ

Александръ Петровъ Поповъ, учредившій въ Москвѣ въ 1878 году торговый домъ подъ наименованіемъ «Александръ Поповъ и К°», производитъ также торговлю чаемъ, причемъ продаваемый имъ чай обертываетъ въ этикеты и бандероли, схожіе съ этикетами и бандеролями торговаго дома «братья К. и С. Поповы».

Въ виду сего, по заявленію торговаго дома «братья К. и С. Поповы», въ 1880 году производилось полицейское дознаніе, а потомъ и предварительное слѣдствіе, объ употребленіи торговымъ домомъ «Александръ Поповъ и К°» поддѣльныхъ этикетовъ и бандеролей, но дѣло это, по опредѣленію московскаго окружнаго суда отъ 28-го іюля того-же года, было прекращено на томъ основаніи, что между этикетами и бандеролями, употреблявшимися Александромъ Поповымъ и торговымъ домомъ «братья К. и С. Поповы», не было обнаружено полнаго тождества.

Послѣ такого исхода этого дѣла торговый домъ «братья К. и С. Поповы» нашелъ нужнымъ замѣнить свои этикеты и бандероли и въ 1882 г. испросилъ у департамента торговли и мануфактуръ разрѣшеніе на употребленіе новаго рисунка на этикетахъ и банделяхъ. Но когда новый рисунокъ былъ пущенъ въ обращеніе, Александръ Поповъ сдѣлалъ и для себя этикеты и бандероли похожаго рисунка, обозначивъ на нихъ свою фирму подъ наименованіемъ «торговый домъ братья Поповы въ Москвѣ». Между тѣмъ, такого торговаго дома законнымъ порядкомъ имъ учреждено не было.

Тогда, по ходатайству торговаго дома «братья К. и С. Поповы», московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ сообщило объ этомъ прокурору окружнаго суда, и на этотъ разъ Александръ и его братъ Иванъ Поповы были преданы суду за открытіе торговаго дома безъ соблюденія предписанныхъ въ законѣ правилъ. Приговоромъ окружнаго суда, состоявшимся 9-го апрѣля 1883 года, Поповы были признаны по этому дѣлу виновными и приговорены къ штрафу по 200 рублей съ каждаго.

11-го ноября того-же года Александръ и Иванъ Поповы въ прошеніи, поданномъ въ московскую купеческую управу, заявили объ открытіи ими торговаго дома подъ фирмой «братья А. и И. Поповы» для производства торговли чаемъ, сахаромъ и колоніальными товарами.

Къ этому времени торговый домъ «братья К. и С. Поповы» перешелъ въ «товарищество чайной торговли и складовъ», которое, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 18-го Марта 1883 года устава, открыло свои дѣйствія съ 1-го іюня того-же года, причемъ для обертки чая ввело въ употребленіе другіе, соотвѣтствующіе новому наименованію фирмы этикеты. Александръ и Иванъ Поповы измѣнили и свои этикеты и ввели въ употребленіе новые этикеты, весьма схожіе съ этикетами товарищества, съ такой разницей, которую возможно обнаружить, однако, при внимательномъ разсмотрѣніи.

Въ началѣ Января 1886 года почетный гражданинъ Леонидъ Филипповъ и крестьянинъ Гавріилъ Одинцовъ заявили московскому оберъ-полиціймейстеру, что въ чайномъ складѣ «братьевъ А. и И. Поповыхъ», гдѣ они находились на службѣ, постоянно подмѣшивается въ настоящій чай, такъ-называемый, рогожскій чай, и въ подтвержденіе своего заявленія

сослались на то, что въ складѣ имѣется въ данное время три бочки такого рогожскаго чая, вѣсомъ по 30 пудовъ въ каждой бочкѣ.

Вслѣдствіе сего 8-го января чинами московской сыскной полиціи въ помѣщеніи чайнаго склада торговаго дома «А. и И. Поповы» былъ произведенъ внезапный обыскъ, причемъ были найдены: а) въ холодной кладовой три ящика, зашитые въ рогожу и обвязанные веревками, вѣсомъ 25 пудовъ, и двѣ бочки приблизительно 40-ведерной емкости, упакованныя такимъ-же образомъ, вѣсомъ 43 п. 20 ф. По вскрытіи этихъ ящиковъ и бочекъ, они оказались наполненными капорской травой, называемой также Иванъ-чаемъ; б) далѣе, въ развѣсочномъ отдѣленіи склада, подъ грудой пустыхъ ящиковъ, были усмотрѣны два ящика съ такой-же капорской травой, вѣсомъ 3 п. 24 ф. и, наконецъ, в) въ смежномъ отдѣленіи склада, сортировочномъ, оказалось 8 ящиковъ съ чаемъ, въ которомъ, по мнѣнію присутствовавшихъ спеціалистовъ чайнаго дѣла, замѣчалась подмѣсь той-же капорской травы, или какого-либо другого суррогата.

Вскорѣ было установлено, что поставщиками капорскаго чая для Поповыхъ были Чистяковъ, Хохловъ и еще Ботинъ изъ Петербурга. Хохловъ доставлялъ капорскій чай въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. Въ теченіе второй половины 1885 года Чистяковъ доставилъ Поповымъ капорскаго чая до 700 пудовъ. Въ книгахъ капорская трава записывалась обыкновенно подъ наименованіемъ «синій сандалъ».

19-го февраля 1886 года правленіе «товарищества братьевъ К. и С. Поповыхъ» заявило судебному слѣдователю, что крестьянинъ Матвѣй Ивановъ Ботинъ предлагалъ служащему въ товариществѣ приказчикомъ и живущему въ Петербургѣ мѣщанину Андрееву пріобрѣсти у него, Ботина, два письма торговаго дома «А. и И. Поповыхъ» къ нему, Ботину, въ которыхъ говорится о высылкѣ Поповымъ капорской травы Впослѣдствіи письма эти были пріобрѣтены «товариществомъ» у Ботина и представлены къ дѣлу. Оба эти письма—одно отъ 30-го апрѣля, а другое отъ 18-го мая 1885 г.—писаны на бланкахъ торговаго дома «брат. А. и И. Поповыхъ» и подписаны—первое за бр. А. и И. Поповыхъ—Покровскимъ, а второе—А. Поповымъ. Содержаніе перваго письма таково: «Милостивый государь! Настоящимъ письмомъ просимъ васъ выслать намъ пудовъ 20 товара, только нѣтъ-ли, который болѣе лежалый?». Далѣе слѣдуетъ подпись. Во второмъ-же письмѣ сказано: «Милостивый государь! Препровождая при семъ къ вамъ переводное письмо на г-жу Попову въ 330 р., прошу васъ выслать намъ еще товару пудовъ 60, но только такого, какой отъ васъ получили, и ящики закупорить получше». Подписано «А. Поповъ». Письма эти были осмотрѣны экспертами, которые признали, что первое изъ нихъ несомнѣнно писано служащимъ у Поповыхъ Михаиломъ Ивановымъ Покровскимъ и имъ-же подписано. А второе письмо писано тѣмъ самымъ почеркомъ, коимъ писаны многія письма, оттиски которыхъ имѣются въ копировальной книгѣ А. и И. Поповыхъ, подпись-же «А. Поповъ» сдѣлана самимъ Александромъ Поповымъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1885 года Ботинъ былъ въ Москвѣ, желая получить съ Александра Попова деньги за высланный ему товаръ, но По-

новъ находился въ это время на Нижегородской ярмаркѣ, а братъ его Иванъ отвѣтилъ, что безъ брата Александра онъ ничего не знаетъ. Не получивъ отъ Поповыхъ и послѣ того слѣдовавшихъ ему денегъ, Ботинъ, для возмѣщенія понесенныхъ имъ убытковъ, рѣшился продать оставшіяся у него въ рукахъ два письма торговаго дома «бр. А. и И. Поповы» товариществу «К. и С. Поповыхъ», и продалъ ихъ Андрееву за 400 рублей.

Несмотря на неправильное и небрежное веденіе Александромъ и Иваномъ Поповыми торговыхъ книгъ, эксперты-бухгалтеры нашли возможнымъ вычислить количество чая, поступившаго на приходъ и расходъ по складу братьевъ Поповыхъ за время съ 1-го апрѣля 1885 г. и по 7-е февраля 1886 года, въ каковой день судебнымъ слѣдователемъ было опредѣлено путемъ осмотра наличное количество чая въ складѣ Поповыхъ. Послѣ подробнаго и всесторонняго изученія преподавателемъ бухгалтеріи при московскомъ коммерческомъ училищѣ Зоринымъ и бухгалтеромъ чайной фирмы Климушина, Красовскимъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, имѣющихся при дѣлѣ торговыхъ книгъ, счетовъ и другихъ документовъ, эксперты пришли къ слѣдующимъ выводамъ: въ теченіе указаннаго времени поступило чая на приходъ, считая въ томъ числѣ и то количество, которое оказалось въ складѣ 7-го февраля,—789,633¼ ф. Въ эту-же цифру эксперты включили 5,700 ф. въ видѣ привѣса на чай, купленный Поповыми у разныхъ конторъ и торговцевъ, считая привѣсъ въ размѣрѣ 1% на все пріобрѣтенное ими количество. За тотъ же срокъ Поповыми продано 837,497¾ ф. Такимъ образомъ, оказывается, что въ расходъ поступило болѣе, чѣмъ имѣлось въ приходѣ, на 48,314½ ф. Къ такому-же приблизительно заключенію пришелъ и бухгалтеръ торговаго дома «Расторгуевъ и К°», также производившій экспертизу ранѣе Зорина и Красовскаго.

Помимо изложеннаго, осмотромъ книгъ установлено, что чай Поповыхъ шелъ въ продажу преимущественно подъ этикетами, имѣющими наибольшее сходство съ этикетами товарищества «К. и С. Поповыхъ».

Во время производства слѣдствія по настоящему дѣлу товарищество «братьевъ К. и С. Поповыхъ» купило въ разныхъ городахъ въ чайныхъ магазинахъ Александра и Ивана Поповыхъ 13 ящиковъ чая на сумму 855 р. 98 к., которые и представило судебному слѣдователю для изслѣдованія качества чая.

По произведенной судебнымъ слѣдователемъ чрезъ профессоровъ московскаго университета Тихомірова и Горожанкина и чайныхъ торговцевъ экспертизѣ, оказалось, что изъ представленныхъ 13-ти ящиковъ—въ десяти чай имѣетъ примѣсь кипреи или капорской травы, въ большемъ или меньшемъ количествѣ; въ нѣкоторыхъ обнаружена незначительная примѣсь названнаго суррогата, а въ другихъ эта примѣсь доходитъ до 5, 10, 11 и даже 40 процентовъ.

Равнымъ образомъ подмѣсь капорской травы оказалась въ фунтовомъ ящикѣ съ чаемъ, взятомъ при обыскѣ 4-го января изъ тѣхъ 8-ми ящиковъ, которые были найдены въ сортировочномъ отдѣленіи склада Поповыхъ и оставлены имъ на сохраненіе въ неопечатанномъ видѣ.

Привлеченные къ слѣдствію по обвиненію въ продажѣ чая съ под-

мѣсью капорской травы на сумму болѣе 300 р. и въ употребленіи при продажѣ чая этикетовъ и бандеролей, имѣющихъ большое сходство съ этикетами и бандеролями товарищества братьевъ К. и С. Поповыхъ, съ цѣлью ввести въ обманъ покупателей относительно достоинства продаваемаго ими чая, Александръ и Иванъ Поповы не признали себя виновными въ этомъ дѣяніи.

Кромѣ чая братья Александръ и Иванъ Поповы производили торговлю и другими предметами, какъ-то: оподельдокомъ, мятными каплями, мыломъ, сургучемъ, масломъ касторовымъ, лакомъ, синькой, причемъ по утвержденію обвинительнаго акта, для обмана покупателей пользовались такими-же средствами, какъ и при продажѣ чая. По обыску, произведенному судебнымъ слѣдователемъ 1-го февраля 1886 года въ помѣщеніи склада обвиняемыхъ, были взяты къ дѣлу образцы всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, которые впослѣдствіи были осмотрѣны и изслѣдованы профессоромъ Тихоміровымъ и провизоромъ Юргенсъ, причемъ оказалось:

1) Составъ подъ названіемъ «бальзамъ оподельдокъ» въ стклянкѣ, обернутой въ бумагу, по наружности которой идетъ надпись «составленный преемникомъ Моренкова, докторомъ Алякритскимъ», а въ срединѣ, въ видѣ печати, кружокъ, по ободку коего напечатано «съ дозволенія правительства», а посреди кружка—«бальзамъ оподельдокъ Моренкова». По снятіи этой обертки, подъ нею оказалось печатное «описаніе оподельдока г. Моренкова, составленнаго по методѣ доктора Алякритскаго съ дозволенія правительства», занимающее собою 4 страницы печатнаго текста. Въ концѣ этого описанія или наставленія имѣется подпись «Моренковъ». Въ стклянкѣ, по изслѣдованію названныхъ выше экспертовъ, оказалась смѣсь такихъ веществъ, которыя употребляются обыкновенно для приготовленія оподельдока, но составъ этотъ, тѣмъ не менѣе, не удовлетворяетъ своему лечебному назначенію по той причинѣ, что въ него введено нашатырнаго спирта болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и употребленное для приготовленія состава было дурного качества. 2) Эссенція перечной мяты въ пузырькахъ съ бумажными обертками, по которымъ напечатано: «эссенція перечной мяты или пепермонтная Моренкова, составляемая съ дозволенія медицинской конторы». Подъ оберткой имѣется печатное объясненіе подъ заглавіемъ: «описаніе эссенціи перечной мяты Моренкова, составляемой съ дозволенія медицинской конторы». Въ концѣ описанія—печатная подпись «Моренковъ». Пузырекъ или стклянка съ этой эссенціей имѣетъ на стеклѣ рельефныя надписи со всѣхъ 4-хъ сторонъ на англійскомъ языкѣ. По сличеніи двухъ пузырьковъ съ настоящей англійской мятной эссенціей оказалось, что стклянки, употребляемыя для эссенціи Поповыми, сходственны со стклянками съ настоящей англійской эссенціей; эти послѣднія имѣютъ тѣ-же самыя рельефныя надписи одинаковаго содержанія. Такимъ образомъ стклянки Поповыхъ, очевидно, составляютъ подражаніе стклянкамъ, употребляемымъ для настоящей англійской мятной эссенціи. По изслѣдованію продаваемой Поповыми мятной эссенціи, она оказалась весьма плохого качества, такъ какъ приготовлена на такомъ слабомъ спиртѣ, который для этого препарата не допускается, и кромѣ того, количество эфирнаго мятнаго масла, введеннаго въ эссен-

цію, крайне недостаточно. А въ одномъ изъ пузырьковъ, вмѣсто эссенціи, оказалась простая мятная вода. 3) По осмотру экспертами продаваемаго Поповыми касторовaго масла, они нашли, что какъ самая стклянка, такъ и этикетъ на ней на англійскомъ языкѣ составляютъ подражаніе или поддѣлку подъ стклянку и этикеты настоящаго англійскаго касторовaго масла, а при сличеніи масла Поповыхъ съ англійскимъ оно оказалось гораздо ниже и желтѣе, соотвѣтствуя второму сорту касторовaго масла. 4) По осмотру этикетовъ, употребляемыхъ Поповыми для изготовляемаго ими лака, обнаружено, что этикеты эти имѣютъ большое сходство съ этикетами извѣстнаго фабриканта Якова Тихонова, причемъ эксперты заявили, что этикеты Поповыхъ суть не что иное, какъ копія съ этикетовъ Тихонова, воспроизведенныхъ посредствомъ перевода на прозрачную бумагу, съ нѣкоторыми ничтожными измѣненіями. Наконецъ, 5) на этикетахъ, которые Поповы употребляли для синьки, имѣются гербы англійскій и французскій и надпись на русскомъ и англійскомъ языкѣ. Этикеты для мыла бѣлаго и яичнаго украшены великокняжескимъ гербомъ въ видѣ горностаевой мантіи, а на коробкахъ для сургуча изображенъ гербъ города Москвы; на самомъ-же сургучѣ имѣется на одной палочкѣ оттискъ Императорской короны, на другой—какой-то иностранной короны и надписи на англійскомъ языкѣ.

Изъ имѣющихся при дѣлѣ торговыхъ книгъ видно, что съ 1-го апрѣля 1885 года по 1-е февраля 1886 года обороты торговаго дома братьевъ А. и И. Поповыхъ съ оподельдокомъ, каплями Моренкова и касторовымъ масломъ выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: для перваго — въ суммѣ 642 р. 5 к., для капель—въ количествѣ 712 р. и, наконецъ, для касторовaго масла—въ 973 р. 41 к. Какое-же количество было продано ими лака—изъ дѣла не видно.

Спрошенные по поводу описанныхъ злоупотребленій Александръ и Иванъ Поповы, отрицая свою въ нихъ виновность, показали:

Первый—что найденные при обыскѣ оподельдокъ и мятныя капли Моренкова приготовлялись не имъ, Поповымъ, а остались послѣ его зятя Соболева, умершаго три года тому назадъ. Что-же касается употребленія для касторовaго масла англійскихъ этикетовъ и англійскаго герба, на этикетахъ для синьки—французскаго и великобританскаго гербовъ, на коробкахъ для мыла—великобританскаго герба, на сургучѣ—Императорской и иностранной короны, — то все это онъ, Поповъ, допускалъ по недоумѣнію, не зная, что не имѣетъ права на этикетахъ для своихъ издѣлій употреблять эти украшенія и знаки. Наконецъ, относительно продажи лака подъ этикетами, скопированными съ этикетовъ фирмы Тихонова, Поповъ объяснилъ, что производилъ и производитъ лаку гораздо болѣе, чѣмъ фирма Тихонова, и притомъ лучшаго качества; обозначать-же на этикетахъ для лака «изъ лавки Тихонова» считалъ себя въ правѣ на томъ основаніи, что приготовлялъ лакъ по заказу купца Григорія Иванова Тихонова.

Такія-же приблизительно объясненія даны и другимъ обвиняемымъ—Иваномъ Поповымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ добавилъ, что все настоящее дѣло до него нисколько не касается, такъ какъ въ торговомъ домѣ онъ участвуетъ только для видимости, все-же дѣло ведетъ его братъ

Александръ. Послѣдній имѣетъ въ дѣлѣ до милліона, а онъ всего одну тысячу рублей, состоитъ у брата на службѣ въ качествѣ приказчика и получаетъ отъ него жалованье въ размѣрѣ 7.000 р. въ годъ.

Въ виду этихъ данныхъ обвиняемые и были преданы суду за мошенничество, т. е. по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1666 и 1671 ст. Улож. о Наказ.

Засѣданіе затянулось на нѣсколько дней, такъ какъ стороны съ большою настойчивостью и энергіею допрашивали свидѣтелей и экспертовъ, заключеніе которыхъ имѣло по дѣлу преимущественное значеніе.

Пренія начались лишь послѣ обѣденнаго перерыва 6 мая. Гг. обвинители поддерживали обвиненіе съ большою настойчивостью. Представитель гражданскаго иска присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако съ большимъ блескомъ и страстностью закончилъ свою обвинительную рѣчь слѣдующими словами: «отъ васъ мы ожидаемъ, что вы не дадите злу пересилить правду и отстоите ее отъ хитроумныхъ способовъ, на которые такъ изобрѣтательна нажива!»

Изъ защитниковъ первымъ говорилъ присяжный повѣренный В. И. Высоцкій; вслѣдъ затѣмъ была произнесена приводимая ниже защитительная рѣчь.

Рѣчь въ защиту братьевъ А. и И. Поповыхъ.

Гг. Присяжные засѣдатели! Въ защиту Поповыхъ мнѣ приходится говорить вторымъ, вслѣдъ за моимъ товарищемъ, преслѣдующимъ со мною одну общую задачу. Это обязываетъ меня быть краткимъ.

Я отказался бы вовсе отъ права слова, если бы не сознавалъ, не чувствовалъ, что дѣло далеко еще не выяснено и именно съ той его стороны, съ которой оно наиболѣе нуждается въ выясненіи.

Здѣсь, въ этомъ залѣ, куда двери широко открыты для всѣхъ,—суетное царство, царство слова и показныхъ эффектовъ, но тамъ, въ совѣщательной комнатѣ, гдѣ вы въ тишинѣ дѣйствуете, начнется ваше настоящее дѣло. Вотъ почему, сохраняя все спокойствіе и хладнокровіе въ пылу словесныхъ распрей съ наиболѣе сильными противниками, я испытываю неизмѣнное, неизгладимое никакою привычкою чувство щемящаго безпокойства на сердцѣ въ ту минуту, когда вы уда-

ляетесь въ вашу совѣщательную комнату для постановленія приговора, Я мысленно слѣдую за вами. Я представляю себѣ васъ сразу покинутыми, оставленными наединѣ съ своею совѣстью, съ роковымъ вопроснымъ листомъ передъ глазами и съ мучительною жаждою постановить возможно справедливый приговоръ, чему мы здѣсь, занятые каждый своими интересами, не всегда даже способствуемъ. Здѣсь вы слушатели наши, которыхъ мы стараемся склонить и острымъ словомъ и ораторскимъ эффектомъ, тамъ—вы наши строгіе критики-судьи. Только тамъ вы отрѣшаетесь отъ всѣхъ случайныхъ наносныхъ впечатлѣній, тамъ только оцѣниваете вы по достоинству то, что вамъ на помощь въ вашемъ трудномъ дѣлѣ и что ненужный баластъ, который смѣло можно выбросить за бортъ.

Возьму для примѣра настоящій процессъ. Боже мой, сколько въ немъ лишняго, что не имѣетъ для васъ, да и ни для кого ровно, никакой цѣны. Припомнимъ, напримѣръ, экспертизу почтеннаго профессора по вопросу о распознаваніи капорской травы и настоящаго чая. Ученая, обстоятельная экспертиза, сопровождавшаяся микроскопическими демонстраціями, отнявшая у васъ много времени, вызвавшая выраженіе публичной благодарности со стороны суда. Казалось бы, на этомъ можно успокоиться!.. Нѣтъ, вы помните, тотъ же экспертъ съ неудержимымъ краснорѣчіемъ пустился трактовать о вопросахъ, уже прямо выходящихъ изъ предѣловъ его компетенціи. Онъ бы никогда не кончилъ, еслибы не былъ, наконецъ, остановленъ предсѣдателемъ. Онъ трактовалъ и о наличности преступленія въ данномъ дѣлѣ, и объ общественномъ его значеніи. Вы все это слушали терпѣливо, а между тѣмъ все это ораторствованіе излишній, непригодный баластъ. Мало знать тонкости, отличія, видоизмѣненія зазубринъ листа чая и листа капорской травы, чтобы считать себя въ правѣ разрѣшать уже затѣмъ однимъ махомъ всѣ самые спорные вопросы юридическаго и соціальнаго свойства. А между тѣмъ, время и вниманіе ваше отнято, и вамъ предстоитъ лишняя работа: отдѣлаться отъ случайнаго наноснаго впечатлѣнія, которое, въ сущности, не должно было имѣть мѣста.

Да одно ли это? Въ этомъ процессѣ черезчуръ много наноснаго, случайнаго, лишняго, могущаго только усложнить

и затруднить вашу задачу. Вдоль всего настоящаго процесса красною, примѣтною нитью идетъ то, что, въ сущности, должно было быть устранено изъ чистаго дѣла правосудія: борьба двухъ конкурирующихъ торговыхъ фирмъ, борьба не на животъ, а на смерть, борьба, которая уже не разбираетъ средствъ. Въ высшей степени невыгодное для подсудимыхъ впечатлѣніе должны были произвести на васъ тѣ средства, которыя они пускали въ ходъ для того, чтобы бороться съ всемогущею фирмою „К. и С. Поповы". Вамъ предъявлялись послѣдніе этикеты, на которыхъ обвиняемые печатали „Контора и Складъ", причемъ заглавныя буквы печатались крупно а все остальное изображалось мелкимъ шрифтомъ Явно, что здѣсь былъ расчетъ на подражаніе. Это—некрасивый пріемъ. но не было поддѣлки, такъ какъ рядомъ съ этимъ тутъ-же печаталось, что это именно чаи „А. и П. Поповыхъ". Вмѣстѣ съ чувствомъ возмущенія, негодованія, которое въ васъ могутъ вызывать подобныя торгашескія продѣлки, съ спокойствіемъ, приличествующимъ судьямъ, припомните, однако, всю исторію борьбы двухъ фирмъ, вспомните, что эти весьма схожіе этикеты появились только въ самое послѣднее время, когда отношенія двухъ фирмъ обострились до послѣдней степени, когда не столько имѣлась въ виду уже выгода и конкурренція, сколько желаніе во что бы то ни стало насолить другъ другу.

Не такъ было вначалѣ, лѣтъ восемь назадъ. Припомните: кто первый бросилъ тогда перчатку, кто въ своей мнительной претенціозности дошелъ до назойливости, чтобы не сказать болѣе? Жили нѣкогда два брата К. и С. Поповы, они создали, развили и упрочили фирму своею честностью, своимъ личнымъ трудомъ, своею личною заботливостью. Имъ не страшна была конкурренція, не страшно было подражаніе внѣшности, такъ какъ работа ихъ говорила сама за себя. Но тѣ времена прошли, оба брата умерли. Наслѣдникамъ дорога была только фирма, внѣшность, оболочка, наслѣдіе, которое они сжали. не посѣявъ. Достаточно сказать, что въ настоящее время во главѣ „товарищества", чуть ли не акціонернаго предпріятія, стоитъ вовсе не Поповъ, потомокъ родоначальниковъ фирмы Поповыхъ, а г. Абрикосовъ, который ни съ Китаемъ, ни съ чаями до сихъ поръ дѣла не имѣлъ. Съ 1880 г. появились

на горизонтѣ чайной торговли „братья А. и И. Поповы“, не фиктивные какіе-либо „братья“, измышленные нарочито для подобнаго случая, нѣтъ — настоящіе, родные, кровные, въ надлежащихъ метрикахъ отмѣченные — братья Александръ и Иванъ Поповы. Этого оказалось уже достаточнымъ для того, чтобы фирма „К. и С. Поповы“, въ лицѣ своего представителя г. Абрикосова, забила сутяжническую тревогу. Отчего— „братья Поповы“? какіе „братья Поповы“? зачѣмъ „братья Поповы“?. Началось дѣло въ судѣ, кончившееся незначительнымъ штрафомъ для А. и И Поповыхъ, въ виду того, что они открыли торговлю подъ фирмою „братья А. и И. Поповы“, не дождавшись оффиціальнаго утвержденія ихъ торговаго дома. Утвержденіе не замедлило затѣмъ послѣдовать. Послѣ такого оффиціальнаго признанія наименованія фирмы со стороны департамента мануфактуръ и торговли, представитель фирмы „бр. К. и С. Поповы“ еще болѣе обезпокоился. Все его раздражало, все казалось преступнымъ посягательствомъ на его права. Возникъ новый процессъ. „Товарищество“ затѣяло дѣло о „поддѣлкѣ“ этикетовъ. Дѣло это кончилось прекращеніемъ уголовнаго преслѣдованія. Судъ не усмотрѣлъ никакой поддѣлки.

По требованію прокурора, здѣсь представлялись эти этикеты. Обвинитель настаивалъ на ихъ большомъ сходствѣ, почти на полномъ тождествѣ. Любопытно прослѣдить, какъ предвзятость помогаетъ намъ видѣть то, что мы хотимъ видѣть и чего нѣтъ въ дѣйствительности. Гг. обвинители заявляли вамъ: „полное сходство“: у братьевъ К. и С. на одной сторонѣ обертки рисунокъ зданія склада, у А. и И. — тоже, съ разницей въ направленіи вѣтра, который относитъ дымъ изъ трубы въ другую сторону; на томъ мѣстѣ, гдѣ у К. и С. напечатано „Москва“, у А. и И. стоитъ „С.-Петербургъ“, гдѣ у К. и С. изображена „колокольня Ивана Великаго“, у А и И. „Александровская колонна“. Вы видите, какое смѣлое и поспѣшное отождествленіе: Петербургъ—не Москва; въ географическомъ отношеніи они раздѣлены протяженіемъ въ 600 верстъ—дистанція огромнаго размѣра, въ политическомъ и историческомъ ихъ значеніи также наблюдается существенное различіе, скорѣе говорящее объ антагонизмѣ, нежели о тождествѣ... То-же должно сказать и о насильственномъ сбли-

женіи Александровской колонны съ Иваномъ Великимъ. Ни въ архитектурѣ, ни въ историческихъ моментахъ ихъ созиданія, ни въ мѣстѣ ихъ сооруженія нельзя найти даже поверхностной аналогіи.

Но это не смущаетъ моихъ противниковъ, они чрезмѣрно стараются каждый разъ, когда рѣчь идетъ объ уличеніи въ чемъ-либо злополучныхъ братьевъ А. и И. Поповыхъ. Имъ ставится на счетъ, напримѣръ, и то обстоятельство, что въ Москвѣ они открыли магазинъ „на той же улицѣ“, чуть ли не въ томъ же домѣ, гдѣ и магазинъ К. и С. Поповыхъ. Ну что-же? Конечно они сдѣлали это въ цѣляхъ конкурренціи и этого не скрываютъ. Коммерческій разсчетъ, желаніе барыша—единственный двигатель торговли. Можетъ быть это претитъ чутко развитому моральному чувству, но что же подѣлаешь, на то и „коммерція“! Вспомните, какою коммерческою моралью въ совершенно аналогичномъ случаѣ руководилась сама почтеннѣйшая фирма „К и С. Поповыхъ“, когда имъ понадобилось стереть съ лица земли въ Петербургѣ скромный издавна существующій магазинъ Елизаветы Дормидонтовны Поповой, у Полицейскаго моста, единственной кровной родственницы „настоящихъ“ Поповыхъ.

Гг. обвинители, нѣсколько стѣсненные поддержкою иныхъ своихъ свидѣтелей, не отрицая ихъ полной нравственной испорченности, старались доказать вамъ, что если эти люди и представляются низко павшими въ нравственномъ отношеніи, то это объясняется-де тѣмъ, что они видѣли только дурные примѣры, служа у А. и И. Поповыхъ. Тамъ они и развратились! Но припомнимъ то служебное положеніе, которое занимали эти лица въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у А. и И. Поповыхъ, и вамъ легко будетъ оцѣнить подобный аргументъ по достоинству. Филипповъ состоялъ пѣвчимъ въ церковномъ хорѣ Поповыхъ и кромѣ того, какъ сапожникъ по профессіи, шилъ сапоги на рабочую артель; ни къ капоркѣ, ни вообще къ торговлѣ Поповыхъ онъ никакого касательства не имѣлъ. Ларинъ и Одинцовъ также были въ хорѣ пѣвчихъ, за что и получали жалованіе. Но свидѣтели нужны были для дѣла и ихъ сдѣлали въ интересахъ „К. и С. Поповыхъ“ „свидѣтелями“. Кромѣ этихъ, якобы, „очевидцевъ“ того, какъ настоящій чай смѣшивался съ капорскимъ

и затѣмъ продавался, свидѣтелей болѣе не имѣется Идея превращенія этихъ честныхъ людей въ наемныхъ сыщиковъ и соглядатаевъ всецѣло принадлежитъ фирмѣ „К. и С. Поповы“. Имѣя деньги, можно позволить себѣ всякую роскошь, вплоть до покупки не только „мертвой“, но „живой“ человѣческой души. Такова мораль почтеннѣйшихъ московскихъ коммерсантовъ.

Фактъ продажи мѣшаннаго чая, подъ видомъ настоящаго, пытались установить на предварительномъ слѣдствіи еще инымъ путемъ. Приводила въ исполненіе эту попытку не слѣдственная власть, обставляя ее всѣми требуемыми закономъ гарантіями, а все та же фирма „К. и С. Поповы“. Она услужливо подносила г. судебному слѣдователю уже готовыя улики и доказательства. Рѣчь идетъ о партіяхъ чая, закупленныхъ агентами „К и С. Поповыхъ“ и доставленныхъ къ слѣдователю уже въ раскупоренныхъ ящикахъ или въ ящикахъ со сплющенными пломбами, которыя подсудимые категорически не признаютъ за пломбы своей укупорки

Вы слышали здѣсь показаніе г. Перлова Онъ удостовѣряетъ, что, при отпускѣ чая въ подобныхъ ящикахъ, магазинъ всегда налагаетъ явственное клеймо своей фирмы. Отрицаніе подсудимыми принадлежности имъ содержимаго этихъ ящиковъ находитъ, такимъ образомъ, себѣ оправданіе въ самомъ способѣ пріобщенія ихъ къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства. Черезъ сколько рукъ прошли эти ящики ранѣе, чѣмъ попали къ слѣдователю? Ихъ закупали якобы „на мѣстѣ“,—въ Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ. Дѣлали это какіе-то евреи, агенты „К. и С. Поповыхъ“. Отсюда ихъ выслали не прямо къ слѣдователю, а къ господамъ Поповымъ въ Москву, въ ихъ главную контору. Тутъ ящики (не всѣ, утверждаетъ г. Абрикосовъ) были вскрываемы. Убѣждались точно ли чай содержитъ примѣсь капорской травы. Когда въ этомъ „убѣдились“, препроводили ящики къ слѣдователю, предварительно подвергнувъ ихъ новой укупоркѣ. Смѣю васъ завѣрить, что по мысли закона не такъ производится слѣдствіе, не такъ собираются улики, не такъ пріобщается къ дѣлу вещественное доказательство, имѣющее значеніе поличнаго! Въ распоряженіи слѣдователя большія средства, огромная власть для раскрытія преступленія. Въ

его распоряженіи и явная, и тайная сыскная полиція. Если слѣдователь находилъ необходимымъ для дѣла закупить въ иногородныхъ магазинахъ Поповыхъ подозрительный чай. онъ могъ это сдѣлать при помощи своихъ агентовъ, которые доставили бы чай въ неприкосновенности. Онъ могъ, наконецъ, поручить мѣстнымъ слѣдователямъ произвести выемки, обыски. Этими средствами онъ не стѣснялся широко пользоваться здѣсь, въ Москвѣ, окруживъ домъ и склады Поповыхъ цѣлой ротой солдатъ.

Перехожу теперь къ другому интересующему меня вопросу—вопросу о наличности въ данномъ дѣлѣ вообще какого либо преступнаго элемента. Отъ васъ требуютъ категорическаго отвѣта: да, или нѣтъ? Для этого вамъ поставятъ вопросы, въ которыхъ воспроизведутъ цѣлый рядъ фактическихъ признаковъ дѣянья. И тутъ начнутся ваши истинныя затрудненія, ваша настоящая работа. Вы не школьники, отвѣчающіе только на заданный урокъ, вы свободные судьи, обнимающіе сознательно и разумомъ и сердцемъ назрѣвающій въ вашей совѣсти роковой отвѣтъ. Но мыслима-ли успѣшность подобной работы, пока вы не овладѣете вполнѣ всѣми скрытыми логическими и юридическими тонкостями предлагаемаго вамъ вопроса? Къ сожалѣнію, весьма нерѣдко заинтересованныя въ исходѣ процесса стороны умышленно скрываютъ отъ васъ кое-что, въ надеждѣ, что вы попадетесь почти противъ воли въ юридическую ловушку: дадите желаемое обвиненіе, сами не разсчитывая его дать. Нужно ли говорить, какъ подобный пріемъ мало соотвѣтствуетъ чистому дѣлу правосудія, которое вы призваны творить.

Въ нашемъ дѣлѣ также очень не легко разобраться во всѣхъ недомолвкахъ по постановкѣ обвиненія. Съ одной стороны, вамъ говорятъ: подражаніе этикетамъ—это не преступленіе, мы приводимъ его лишь для нравственной характеристики подсудимыхъ; съ другой—ставя это „непреступное“ подражаніе въ связь съ подмѣсью капорки, настаиваютъ, что вы имѣете дѣло именно съ полнымъ составомъ преступленія мошенничества. Нѣсколько далѣе, изъ устъ другого обвинителя вы узнаете, что собственно по нашему дѣйствующему закону это, пожалуй, и „не преступленіе“, но вы должны все-таки обвинить, ибо тогда законодатель на вашъ спросъ

въ видѣ обвинительнаго приговора, отвѣтить предложеніемъ новаго карательнаго закона. Столь тонкой эрудиціи остается противопоставить лишь простой здравый смыслъ.

Г. прокуроръ въ своей рѣчи въ одномъ весьма патетическомъ мѣстѣ съ негодующимъ сарказмомъ обрушился на подсудимыхъ за то, что, желая подражать оберткамъ Тихоновскаго лака, имѣющаго медаль за всероссійскую выставку, Поповы воспроизводили такіе же точно ободки медалей измѣнивъ лишь изображеніе и надпись въ поддѣльныхъ медаляхъ. Они воспроизводили, какъ замѣтилъ я во время предъявленія вамъ этикетовъ, миѳологическаго бога Меркурія, бога торговли. Г. прокуроръ поставилъ мнѣ на видъ неполноту подобной миѳологической справки. „Защитникъ забылъ добавить,— сказалъ вамъ г. прокуроръ—что этотъ богъ былъ вмѣстѣ богомъ лжи и плутовства.“ Совершенно вѣрно! И это значеніе этикета какъ нельзя лучше отвѣчало дѣйствительно торгашескимъ пріемамъ Поповыхъ. Но за то, по крайней мѣрѣ,—послѣдовательно и откровенно. Не ждите иного: содержимое вполнѣ соотвѣтствуетъ девизу оболочки Но древній Олимпъ, кромѣ бога Меркурія, зналъ и иныхъ боговъ. Онъ зналъ въ числѣ другихъ богиню могучую и величавую, съ повязкою на глазахъ въ знакъ безпристрастнаго спокойствія, съ отточеннымъ мечемъ въ одной рукѣ, съ вѣсами въ другой, не склонявшими иначе своей стрѣлки, какъ въ сторону строгой справедливости. Эта богиня— Ѳемида, богиня правосудія! Ея изображенію такъ же, какъ и изображенію бога Меркурія на этикетахъ поповскаго лака, приличествуетъ, чтобы содержаніе того, къ чему прикладывается ея штемпель, ея этикетъ, строго соотвѣтствовало божественному облику правосудія. Подъ флагомъ плутоватаго бога, все можетъ сойти съ рукъ, и все—„позволено“. Но когда претендуешь держать въ рукахъ знамя этой властной богини, тогда уже не мѣсто натяжкамъ и недомолвкамъ, тогда уже постыдно было бы пытаться провозить грузъ юридической контрабанды подъ флагомъ непререкаемой истины.

Я хочу этимъ сказать, что вы въ правѣ не только ожидать, вы въ правѣ требовать отъ насъ прямыхъ, категорическихъ разъясненій вопросовъ, которые вамъ будутъ предложены на разрѣшеніе.

Первый вопросъ, вопросъ о чаѣ, какъ и всѣ послѣдующіе относительно разныхъ снадобій, продававшихся въ москательныхъ лавкахъ Поповыхъ, подводятся подъ юридическое понятіе мошенничества. Характернстическимъ признакомъ этого преступленія считается *обманъ*. Въ немъ средство похищенія чужого имущества, чужихъ денегъ. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что общежитейское понятіе обмана, мошенничества, гораздо шире понятія юридическаго, уголовно наказуемаго обмана. Всякая ложь на языкѣ общежитейскомъ есть уже обманъ. Съ точки зрѣнія юриста только обманъ, дѣлающій передачу имущества психически обязательной, является наказуемымъ обманомъ. Съ этой точки зрѣнія и надо установить провѣренные и доказанные факты по отношенію къ тому или другому обвиненію. Затѣмъ уже дадимъ себѣ отчетъ въ ихъ логической и юридической конструкціи.

Что же несомнѣнно доказано по дѣлу о капорскомъ чаѣ? Первоначально, ранѣе вступленія въ дѣло въ качествѣ гражданскаго истца фирмы „К. и С. Поповыхъ“, все дѣло имѣло скромный и сдержанный характеръ, вполнѣ отвѣчающій своему внутреннему содержанію. На обложкѣ слѣдственнаго производства оно значилось „дѣломъ объ оказавшейся въ значительномъ количествѣ въ складѣ „А и И. Поповыхъ“ капорской травѣ“. И точно всѣ доказательства, собранныя помимо „К. и С. Поповыхъ“ (объ этихъ доказательствахъ шла уже рѣчь), исчерпываютъ лишь одинъ фактъ, фактъ нахожденія въ заарестованныхъ бочкахъ капорской травы, купленной отъ Ботина. Не констатировано ни одного случая продажи мѣшаннаго чая подъ видомъ настоящаго, не указанъ ни одинъ покупатель, сдѣлавшійся жертвою обмана со стороны Поповыхъ. При троекратномъ обыскѣ не найдено вовсе приготовленнаго для продажи мѣшаннаго чая. При такихъ условіяхъ мы не въ правѣ раздувать значенія факта нахожденія капорскаго чая въ складѣ „А. и И. Поповыхъ“, тѣмъ болѣе, что въ законѣ этотъ фактъ самъ себѣ находитъ свое самостоятельное опредѣленіе. Въ уставѣ врачебномъ (т. XIII, ст. 875, по прод. 1868 г.) содержится слѣдующее постановленіе: „запрещается торговля спитымъ чаемъ и чаемъ капорскимъ (именуемымъ Иванъ-чай), равно какъ и приго-

товленіе такихъ чаевъ для продажи въ видѣ промысла“ Виновные въ такой торговлѣ или приготовленіи для продажи, подлежатъ отвѣтственности по ст. 115 уст. о наказ., нал. мир. суд., при чемъ не имѣетъ никакого значенія, на сумму менѣе или болѣе 300 руб. продано такого чая.

Зато продажа мѣшаннаго чая, сопровождаемая положительнымъ удостовѣреніемъ, что чай продается настоящій, безъ всякой подмѣси, наказуема, какъ мошенничество Но припомните, что, по показанію даже наиболѣе неблагопріятныхъ свидѣтелей, мѣшанный чай шелъ при продажѣ цѣною не выше 1 р. 50 к. за фунтъ. Настоящій чай стоилъ бы самому оптовому покупателю дороже, какъ это удостовѣрили эксперты. Итакъ, если даже допустить случаи продажи Поповыми партій подобнаго дешеваго чая, то, очевидно, что партіи были проданы розничнымъ торговцамъ, ничуть не заблуждавшимся относительно дѣйствительнаго качества чая. Самая цѣна товара уже указывала ясно на то, что это не чистый китайскій чай Достойно вниманія и то обстоятельство, что до возникновенія настоящаго дѣла сама фирма „К. и С Поповы“ имѣла у себя въ продажѣ „дешевый“ чай, который безъ подмѣси могъ продаваться развѣ только въ убытокъ себѣ.

Г. повѣренный фирмы, пытаясь доказать, что нахожденіе капорской травы въ складѣ „А. и И. Поповыхъ“ само по себѣ уже свидѣтельствуетъ о цѣли (обманномъ сбытѣ), ради которой она тамъ хранилась, аргументировалъ слѣдующаго рода логическою демонстраціею. Всѣ люди въ одинаковыхъ условіяхъ дѣйствуютъ приблизительно одинаково. Отъ внѣшней обстановки, отъ внѣшнихъ фактовъ мы въ правѣ дѣлать выводы въ область внутренней, скрытой дѣятельности человѣка. Разъ у Поповыхъ найдена капорка, а они торговцы чаемъ, значитъ, они капорку сбывали подъ видомъ чая. Съ аргументаціею, какъ вещью острою, надо обращаться осторожно Если эту-же аргументацію примѣнить къ несомнѣнному факту торговли „К и С. Поповыми“ (до возбужденія этого дѣла, послѣ того они уже не торгуютъ чаемъ дешевле 1 р 80 к.) „дешевыми“ чаями, то по формулѣ г Плевако мы можемъ прійти къ неожиданному открытію. Дешевый чай не могъ быть настоящимъ. Торговля не за тѣмъ ведется, чтобы тор-

говать себѣ въ убытокъ Всѣ люди, будучи поставлены въ одинаковыя условія, дѣйствуютъ приблизительно одинаково. И выйдетъ, что довѣрители почтеннаго оратора сами же торговали мѣшаннымъ чаемъ, продавая „дешевые“ сорта И дѣйствительно подобная торговля велась почти всѣми чайными магазинами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Никто не заблуждался насчетъ того, что ниже 1 р 50 к. за фунтъ нельзя получить чая настоящаго. Возбуждались иногда дѣла, но всегда отвѣтственность формулировалась лишь по признакамъ 115 ст уст. о наказ Только на долю злополучныхъ Поповыхъ впервые выпало болѣе тяжкое и позорное обвиненіе—обвиненіе въ мошенничествѣ.

Въ свое время, прислушиваясь къ обвинительному акту, вы, вѣроятно, уже замѣтили, что подсудимымъ ставится въ счетъ продажа такого дешеваго мѣшаннаго чая въ оболочкахъ, весьма подходящихъ къ оболочкамъ „К и С. Поповыхъ“. Въ этомъ и видятъ способъ обмана покупателя, предрѣшая заранѣе вопросъ о томъ, что „извѣстная въ Москвѣ“ фирма „К и С. Поповы“ могла продавать только хорошій чай. Но допустить правильность такой постановки возможно лишь при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ. Первое условіе,—чтобы оболочки не только „походили“, но были прямо тождественны, и, второе,—чтобы путемъ сравнительной экспертизы чая всѣхъ сортовъ той и другой фирмъ слѣдствіе установило, что чай „К. и С.“—хорошъ, а „А. и И.“—дуренъ. Но ни то, ни другое не установлено.

Г. судебный слѣдователь, ставя обвиненіе по признакамъ мошенничества, счелъ излишнимъ изслѣдовать достоинства чая „К. и С. Поповыхъ“. Сама же фирма, въ лицѣ своихъ представителей, заботилась о многомъ, но скромно обошла вопросъ о достоинствѣ своего собственнаго чая. Она думаетъ, что ей можно повѣрить на слово относительно ея непорочности. Г. повѣренный гражданскаго истца въ своей рѣчи поднялся до поэтическихъ образовъ и уподобленій. Александра Попова, какъ представителя фирмы „А. и И. Поповыхъ“, онъ зло уподобилъ новѣйшему алхимику Фаусту, который вмѣщалъ въ себѣ-же и лукаваго Мефистофеля—современный духъ наживы. Я радъ воспользоваться этимъ уподобленіемъ, чтобы еще рельефнѣе оттѣнить развиваемое

мною юридическое положеніе о необходимости второго элемента для наличности мошенничества.

Пусть „А. и П. Поповы“—Фаустъ и Мефистофель... Пусть они покушались на честь и невинность фирмы „К. и С. Поповыхъ“, представителя которой, г. Абрикосова, правильно будетъ, поэтому, продолживъ сравненіе, уподобить Гетевской Маргаритѣ. Но вотъ тутъ-то и начинается недоразумѣніе.. Эта Маргарита, претендующая на то, что она обольщена, по меньшей мѣрѣ, невинности своей не доказала. (Усиленный смѣхъ и движеніе въ публикѣ).

Предсѣдатель. Г. защитникъ, я не позволю смѣяться надъ потерпѣвшимъ лицомъ!

Карабчевскій Я лишь развилъ сравненіе, допущенное повѣреннымъ этого же потерпѣвшаго лица по адресу подсудимыхъ... Или надъ подсудимыми смѣяться можно?!

Предсѣдатель. Продолжайте.

Карабчевскій Г. повѣренный гражданскаго истца дѣлалъ ссылки на иностранныя законодательства и въ особенности на образцы рѣшеній французскихъ судовъ, строго преслѣдующихъ всякую попытку посягательства на права и интересы той или другой фирмы. Если-бы и у насъ были изданы соотвѣтствующіе законы, оставалось бы только радоваться и пользоваться ими. Но стремясь къ европейскимъ идеаламъ, мой уважаемый противникъ, повидимому, допускаетъ достиженіе ихъ не вполнѣ европейскими средствами. Цитируя вамъ тотъ или другой образчикъ рѣшеній французскихъ судовъ по дѣламъ такого рода, г. повѣренный заканчивалъ каждую цитату словами: и такой-то судъ, разсмотрѣвъ жалобу такой-то фирмы, приказалъ „не писать болѣе на своихъ этикетахъ того-то“. Присоединялось еще право искать убытки. Да, и только! Вамъ же предлагаютъ восполнить пробѣлъ нашего законодательства не европейскими, а доморощенными радикальными мѣрами: обвинить человѣка въ ненадлежащемъ преступленіи, за которое слѣдуетъ ссылка въ Сибирь!..

Предсѣдатель. Г. защитникъ, вы не должны указывать на наказаніе!

Товар. прокурора. Я прошу занести эти слова въ протоколъ.

Карабчевскій. Далеко не вѣрно и то положеніе, что торговая фирма у насъ безсильна, будто бы, противъ всякихъ посягательствъ на ея честь и доброе имя. Поддѣлка, т. е. ложное воспроизведеніе этикетовъ и знаковъ фирмы, у насъ наказуема. Наказуемъ при этихъ условіяхъ и сбытъ дурного товара, подъ видомъ хорошаго. Въ параллель примѣрамъ, приведеннымъ обвинителемъ изъ практики судовъ иностранныхъ, я сошлюсь на недавній процессъ у насъ, въ Петербургѣ, фирмы „братьевъ Елисѣевыхъ“ Мнѣ удалось по этому дѣлу добиться обвинительнаго приговора, въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, и я не страшусь, тѣмъ не менѣе, упрека въ непослѣдовательности, выступая теперь защитникомъ Поповыхъ. Въ томъ дѣлѣ былъ законченный, неоспоримый составъ мошенничества Тамъ было не легкомысленное или даже злоумышленное только „подражаніе“ этикетамъ для рекламы, напоминающее мнѣ рекламы спичечнаго фабриканта, просящаго не смѣшивать его шведскія спички со спичками Лапшина. Противъ такихъ рекламъ, противъ подобныхъ подвоховъ всегда защищаться и бороться можно, хотя бы путемъ простого газетнаго разъясненія, путемъ гласности. Въ процессѣ Елисѣевыхъ были попросту „фальшивые“ этикеты, старыя пробки и старые ярлыки Елисѣевыхъ, содержимое при этомъ оказалось вовсе не виномъ, а какою-то зловредною бурдою. Тутъ были всѣ признаки преступленія, которое только судебнымъ путемъ возможно было разоблачить и доказать. Елисѣевы, въ отличіе отъ „К и С. Поповыхъ“, не уклонились отъ тщательной экспертизы ихъ собственныхъ винъ, напротивъ, они ей подверглись, они доказали, что торгуютъ только настоящимъ, чистымъ виномъ.

Ополчаться уголовными карами, выводить цѣлыя роты солдатъ противъ А. и И. Поповыхъ за то только, что они прибѣгали къ рыночнымъ средствамъ рекламы, зазывая въ свою лавочку,—не есть ли стрѣляніе изъ пушекъ по воробьямъ. Все это дѣло нестерпимо раздуто и муссировано, благодаря щедрости и вліянію фирмы „К. и С. Поповыхъ“. Не всѣ ли рыночники, торговцы извѣстнаго сорта, поступаютъ точно такъ, какъ поступали А и И. Поповы? И не всегда даже въ своихъ интересахъ, а просто по традиціи, по недостатку раз-

витія, по близорукости въ пониманіи своей истинной пользы. Подкрѣплю свою мысль примѣромъ. Во время одного изъ обысковъ у Поповыхъ, слѣдователь отобралъ у ихъ приказчика Покровскаго письмо совершенно частнаго, даже интимнаго характера, писанное къ нему нѣкіимъ Цауломъ, главнымъ приказчикомъ чайнаго магазина „А. и И. Поповыхъ“ въ Вильнѣ Это письмо конечно не разсчитывало попасть на судъ и быть оглашеннымъ Искренности пріятельскихъ изліяній вѣрить можно Этотъ Цаулъ въ письмѣ къ Покровскому изливаетъ свою желчь и досаду на Александра Попова. „Чай прекрасный,—пишетъ онъ,—покупатели хвалятъ, но смущаются несообразною нелѣпостью этикетовъ. Какіе-то „высочайшіе чаи“, „контора и складъ“, — просто приходится быть дуракомъ передъ покупателемъ, когда главное пропагандировать буквы „А. и И. Поповы“, чтобы убѣдились, что чай дѣйствительно хорошій“. Это-ли еще не достаточно краснорѣчивое доказательство того, что въ извѣстной сферѣ торговаго міра все еще рудиментарно живетъ наслѣдственный девизъ истаго русскаго человѣка купеческаго званія „не обманешь—не продашь“. Обманъ безполезенъ, вреденъ даже, но... такъ дѣлали отцы, такъ завѣщали и намъ. Не уголовными карами, а просвѣщеніемъ надо бороться съ подобнымъ зломъ. Надо, чтобы „темное царство“ перестало, наконецъ, быть темнымъ.

Перехожу къ разбору другихъ обвиненій, предъявленныхъ къ Поповымъ. Здѣсь еще менѣе, чѣмъ по торговлѣ чаемъ, усматриваю я наличность какого-либо преступленія, а тѣмъ болѣе преступленія мошенничества. „Тихоновскій лакъ“, „касторовое масло“, „оподельдокъ“ и „капли Моренкова по рецепту доктора Алякритскаго“,—могу васъ увѣрить,—ничего криминальнаго въ себѣ не заключаютъ

Лакомъ торговали подъ девизомъ „изъ лавки Тихонова“, и, дѣйствительно, лавченку эту А. Поповъ содержалъ на имя нѣкоего Тихонова. Представитель настоящаго „Тихоновскаго лака“, г Гельтищевъ, весьма былъ изумленъ, когда г. судебный слѣдователь вызвалъ его свидѣтелемъ и настойчиво приглашалъ, чтобы тотъ заявилъ себя „потерпѣвшимъ“. Г. судебный слѣдователь „по особо важнымъ дѣламъ“ тутъ, однако, ничего не добился. Гельтищевъ съ упорствомъ стоитъ

и теперь на своемъ: во-первыхъ, разсуждаетъ онъ, этикеты „только схожи“, а во-вторыхъ,—„у насъ свой лакъ, у нихъ—свой, у нихъ свои покупатели, а наши при насъ и останутся, такъ какъ товаръ нашъ знаютъ!“ Разсуждая столь резонно, онъ такъ и не пожелалъ быть „потерпѣвшимъ“; ну, а безъ потерпѣвшаго, какой ужъ можетъ быть „криминалъ“. Тутъ очевидное недоразумѣніе.

Изъ области торгово-промышленной мнѣ предстоитъ войти въ область москательной фармакопеи и народной медицины. На очереди: „оподельдокъ“, „капли Моренкова“ и „касторовое масло“. Несмотря на угрозу обвинительнаго акта тою же 1666 ст. улож. о наказ., едва ли можно безъ улыбки говорить о преступленіи и въ этой области дѣятельности Поповыхъ. Установлено цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, что рѣшительно всѣ москательщики города Москвы торгуютъ всѣми тѣми снадобьями, которыя отобралъ судебный слѣдователь въ лавкѣ Поповыхъ, и торговля эта ведется подъ столь-же фантастическими этикетами

Экспертъ,—тотъ самый почтенный профессоръ, о которомъ я упоминалъ уже выше,—заявилъ вамъ здѣсь, что это все-таки преступленіе.. противъ медицины. Онъ пояснилъ, что средства эти, будучи хотя и безвредными, вмѣстѣ съ тѣмъ б е з п о л е з н ы, такъ какъ мало удовлетворяютъ своему цѣлебному назначенію. Я подробно сталъ разспрашивать тогда г. ученаго медика. Первый вопросъ, который я позволилъ себѣ предложить ему, былъ таковъ: аллопатъ онъ или гомеопатъ? Вопросъ этотъ его крайне обидѣлъ, онъ даже не хотѣлъ отвѣчать на него... Наконецъ онъ мнѣ отвѣтилъ. Мы узнали, что онъ—аллопатъ, при чемъ не хочетъ и слышать о гомеопатіи. Тогда я уже сталъ развивать свою мысль далѣе. Я спросилъ, извѣстно ли эксперту, что гомеопатическія аптеки торгуютъ и продаютъ свои крупинки довольно дорого. Оказалось, что г. экспертъ считаетъ это также шарлатанствомъ и о б м а н о м ъ. О водѣ барона Вревскаго онъ и слушать не хотѣлъ. Эксперта-гомеопата въ залѣ суда не оказалось, почему я долженъ былъ удовлетвориться этой экспертизой. Однако-же, ни гомеопатическая фармакопея, ни водица барона Вревскаго не считаются уголовно-наказуемымъ обманомъ. И очень понятно почему,—потому что никто не обязываетъ

васъ вѣрить этимъ средствамъ и покупать ихъ. Вамъ не выдаютъ ихъ обманно за то, чего въ дѣйствительности они не представляютъ. „Ежели съ вѣрою, такъ поможетъ“,—вотъ все, что вамъ говорятъ Народная медицина имѣетъ также свою „вѣру“ и свои „средства“.

Выяснено, что уже три четверти вѣка гг. московскіе москательщики непзмѣнно снабжаютъ тою же касторкою, тѣмъ же ополъдьдокомъ, тѣми же моренковыми каплями всю неграмотную матушку-Русь. Достоинство этихъ снадобій—дешевизна Дюжина стклянокъ капель стоитъ, напримѣръ, двадцать копѣекъ.

Послушаемъ теперь ученую критику г. эксперта. Относительно касторовагo масла центръ преступленія онъ видитъ въ томъ, что, будучи второго сорта, оно облекается въ фантастическіе ярлыки, схожіе съ аптечными, хотя и продается по 30 к., въ то время, какъ въ аптекахъ въ продажѣ имѣется лишь первый сортъ цѣною 85 коп. Однако, гдѣ же обманъ, гдѣ же похищеніе денегъ путемъ обмана? Сообразно съ пониженіемъ достоинства, понижается и цѣна. Упрекъ, который можно сдѣлать этому популярному лѣкарству, заключается лишь въ сравнительной слабости его проноснаго эффекта. Точка зрѣнія аллопатическая. Но кто-же мѣшаетъ удвоить порцію? Относительно безвредныхъ мятныхъ капель Моренкова г. экспертъ и такого упрека сдѣлать не могъ, такъ какъ и аптечныя мятныя капли отъ нихъ не далеко ушли по своей совершенной невинности

За то ополъдьдокъ гг. московскихъ москательщиковъ рѣщительно перещеголялъ аптечный прототипъ свой. По отзыву г. эксперта, настоящій аптечный ополъдьдокъ служитъ для втираній противъ ревматическихъ болей, но цѣлебнаго его свойства наука не признаетъ Иное дѣло „поповскій ополъдьдокъ“: благодаря присутствію въ немъ мыла дешевыхъ сортовъ, онъ можетъ (по отзыву того-же эксперта) раздражить, вызвать красноту на очень нѣжной кожѣ; дѣйствіе его при усердномъ натираніи можетъ сравниться съ дѣйствіемъ хорошаго горчишника. Теперь я понимаю, почему онъ идетъ такъ ходко и за поясъ заткнулъ аристократическій, аптечный ополъдьдокъ. Грубая мозолистая кожа простолюдина не страдаетъ раздражительною воспріим-

чивостью и ей пришлось по вкусу это энергичное средство. Дешево, и сердито! Дайте за ту-же цѣну настоящаго „опо-дельдока“, потребитель сочтетъ себя по истинѣ обманутымъ...

Продолжать-ли далѣе, гг присяжные? Мнѣ стыдно отнимать ваше время, задерживать ваше вниманіе. Надо совершенно не знать жизни, надо намѣренно укрываться отъ нея въ область юридическихъ туманныхъ фикцій, чтобы серьезно поддерживать и создавать подобныя обвиненія.

Въ заключеніе моей рѣчи мнѣ остается еще выполнить одну спеціальную обязанность: напомнить вамъ, что вы судите здѣсь не фирму „А. и П. Поповы“, а двухъ отдѣльныхъ живыхъ людей, — Александра Попова и Ивана Попова. Въ уголовномъ дѣлѣ каждый отвѣчаетъ только за себя. Весь этотъ процессъ носилъ на себѣ такой торгашески-вывѣсочный характеръ, что мы перестали отличать людей по ихъ именамъ, называя просто буквами Въ чемъ бы вы ни признали виновнымъ Александра Попова, не забудьте въ вашей совѣщательной комнатѣ и про Ивана. Всѣми дѣлами завѣдывалъ, всѣмъ распоряжался Александръ. Иванъ, хотя и состоялъ въ компаніи, фактически исполнялъ служебную и незначительную роль. Нахожденіе капорскаго чая въ складѣ до него относиться не могло, такъ какъ онъ находился при другомъ дѣлѣ.. Гг. обвинители такъ увлеклись, что забыли даже доказать виновность каждаго подсудимаго въ отдѣльности Вы этого не забудьте! Въ теченіе длиннаго процесса они оба неотлучно были передъ вами, каждый съ своими собственными заботами, думами и опасеніями... Не забудьте, что вашъ приговоръ для каждаго изъ нихъ будетъ приговоромъ.

На основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, вынесеннаго ими послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія, была объявлена такая резолюція суда:

1) Московскаго 1-й гильдіи купца Александра Петрова Попова, 40 лѣтъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію съ послѣдствіями по 47 ст. ул.;

2) крестьянина Царскосельскаго уѣзда, Сосноцкой волости. деревни Черной, Матвѣя Иванова Ботина, 32 лѣтъ, заключить въ тюрьму на 2 мѣсяца;

3) Московскаго 2-й гильдіи купца Ивана Петрова Попова, 28 лѣтъ, на основаніи I п. 771 ст. уст. угол. суд., считать по суду оправданнымъ; равнымъ образомъ, считать по суду оправданнымъ и означеннаго выше Александра Петрова Попова по обвиненіямъ въ мошенничествахъ по продажѣ ополъльдока, эссенціи перечной мяты, касторовато масла и лака

Дѣло Ольги Палемъ.

Дѣло это въ первый разъ слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ 14 по 18 февраля 1895 г., но завершилось окончательно лишь 1 ноября 1896 года.

Оно дважды разбиралось «по существу» присяжными засѣдателями и дважды восходило на разсмотрѣніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Приведемъ здѣсь лишь существенныя обстоятельства дѣла въ томъ освѣщеніи, въ какомъ они были изложены въ обвинительномъ актѣ при первомъ разборѣ дѣла, такъ какъ полагаемъ, что всѣ затѣмъ сколько-нибудь характерныя подробности, выяснившіяся уже на судебномъ слѣдствіи, нашли себѣ мѣсто въ печатаемой ниже защитительной рѣчи.

Вечеромъ 16 мая 1894 г., около 11 часовъ вечера, въ гостиницу «Европа», что у Чернышева моста, пришелъ студентъ института путей сообщенія и потребовалъ комнату получше. Корридорный показалъ ему № 21. Оставивъ номеръ за собою, студентъ пошелъ за ожидавшею его на подъѣздѣ дамою, лицо которой было покрыто густою черной вуалью. Пришедшіе поужинали и заперлись въ номерѣ, гдѣ вскорѣ все затихло.

Утромъ, 17 мая, корридорный по звонку вошелъ въ номеръ и по приказанію студента подалъ чай, и по уходѣ его номеръ вновь былъ запертъ извнутри. До часу пополудни изъ номера не было слышно никакого шума, а затѣмъ раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, потомъ щелкнулъ замокъ двери—и изъ номера выбѣжала женщина, окровавленная, съ крикомъ: — «Спасите, я совершила преступленіе и себя ранила, скорѣе доктора и полицію, я доктору все разъясню». Затѣмъ она упала на полъ и все молила позвать поскорѣе доктора, повторяя: «я убила его и себя».

Прибѣжавшая на крикъ прислуга нашла въ номерѣ безъ признаковъ жизни студента, плавающимъ въ лужи крови, тутъ же на креслѣ валялся револьверъ съ тремя заряженными патронами и двумя пустыми гильзами.

Преступница была страшно взволнована. Съ помощью суетившейся въ корридорѣ прислуги она сѣла на стулъ и все говорила: «Тутъ никто не виноватъ, рано или поздно такъ должно было случиться!»

Когда явился докторъ Зельгеймъ, то принужденъ былъ дать раненой свою визитную карточку, такъ какъ она не вѣрила, что онъ докторъ. По осмотрѣ ея раны докторъ сказалъ (рана была на лѣвой сторонѣ груди)

ей, что она можетъ скоро умереть, почему, если у нея есть на душѣ что-либо, то пусть скажетъ. Неизвѣстная объяснила, что она изъ Симферополя, зовутъ ее Ольгою Палемъ, что ни документовъ, ни денегъ она не имѣетъ и что родителямъ ея давать знать не нужно, а надо телеграфировать въ Москву, въ «Лоскутную» гостиницу, или, чрезъ Владиміра Абрамовича, нѣкоему Василію Кандинскому, въ немедленномъ пріѣздѣ котораго она и выражаетъ увѣренность.

На дальнѣйшіе вопросы Зельгейма Палемъ объяснила, что убитый, «студентъ Довнаръ, жилъ съ нею и оказался самымъ низкимъ, сквернымъ человѣкомъ». Она съ большимъ негодованіемъ и злостью бранила его: по ея словамъ, она наповалъ застрѣлила Довнара за то, что онъ назвалъ ее самымъ дурнымъ словомъ, потомъ она уже выстрѣлила въ себя.

Войдя въ номеръ, докторъ увидѣлъ, что убитый Довнаръ лежитъ въ лужѣ крови, а на креслѣ, возлѣ двери, брошенъ револьверъ, въ которомъ было три заряженныхъ патрона и двѣ разряженныя гильзы. При входѣ полицейскаго пристава Хоменко, Палемъ, принимая его, повидимому, за доктора, сказала: «Слава Богу, что пришелъ докторъ. Я могу сказать, что убила подлеца, котораго я содержала, помѣстила въ институтъ, любила больше всего на свѣтѣ, отдала ему свою честь, свою жизнь, а онъ— подлецъ! Фамилія его Довнаръ, жилъ онъ въ Демидовскомъ переулкѣ, № 4, а я — въ Пале-Роялѣ». На вопросъ Хоменко, какъ случилось, что она убила? Палемъ отвѣчала: «Я хотѣла давно себя убить, но боялась Бога и надѣялась на исправленіе Довнара. Сегодня же онъ назвалъ меня незаслуженно такимъ позорнымъ именемъ, что я, не разбирая куда, не желая его убить, выстрѣлила въ него, причемъ онъ моментально упалъ, тогда я, желая умереть, выстрѣлила и въ себя».

Ольга Палемъ отвезена была въ Маріинскую больницу. При ней найдена была коробка и 4 патрона, кожаный бумажникъ съ 9 руб. 60 коп. и нѣсколько почтовыхъ марокъ. Въ больницу привезена она была въ тяжеломъ и возбужденномъ состояніи и все спрашивала: «скоро-ли она умретъ». Она жаловалась на судьбу и все окружающее.

Осмотромъ трупа убитаго Довнара установлено, что почти на границѣ шеи и волосистой части головы на полвершка ниже затылочнаго бугра, нѣсколько вправо отъ срединной линіи тѣла, имѣется пулевое отверстіе, діаметромъ въ одинъ сангиметръ. Смерть послѣдовала отъ безусловно смертельной раны, нанесенной сзади на довольно близкомъ разстояніи, приблизительно на одинъ вершокъ отъ головы.

Исторія знакомства Палемъ съ Довнаръ въ Одессѣ изложена въ обвинительномъ актѣ довольно подробно.

Случайность столкнула Палемъ съ семьей Довнаръ, жившей съ нею на одномъ дворѣ. Ольга Палемъ, подъ фамиліей Поповой, занимала красивую квартиру, и съ своего балкона часто заговаривала съ меньшимъ сыномъ Довнаръ, которому дарила иногда и игрушки, и лакомства. Не зная предосудительныхъ похожденій молодой женщины, мать Довнара не протестовала, когда сынъ ея, Александръ Довнаръ, зашелъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Палемъ поблагодарить за вниманіе къ брату. Съ этого и началось знакомство. Потомъ молодой человѣкъ сталъ сопровождать свою новую зна-

комую, когда она каталась верхомъ, заходилъ къ ней на чашку чаю, и тамъ, слушая разсказы о горькой судьбѣ ея, въ концѣ-концовъ увлекся молодою собесѣдницей. А она ему разсказывала сказки, что она дочь магометанки, изъ древней дворянской крымской семьи, что ея мать была похищена богачемъ евреемъ Палемъ. Отъ послѣдняго та будто бы бѣжала къ милліонеру Василію Павловичу Попову, извѣстному въ Крыму, который и былъ ея отцомъ. При этомъ Ольга Палемъ не жалѣла красокъ на детали, разсказывая о жизни своей матери, и увѣряла, что сама привыкла въ дѣтствѣ къ роскоши въ домѣ Попова. Она даже увѣряла при началѣ знакомства, что сама она замужемъ, но разошлась съ мужемъ и получаетъ отъ него большія средства.

На спросъ Палемъ, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ Кандинскому, она объяснила, что ни въ какихъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ не состояла. Г. Кандинскій былъ ей вмѣсто отца, обращался съ нею, какъ съ дочерью, потому что она, принявъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ православіе, должна была отречься отъ родителей.

Въ Одессѣ, по словамъ матери Довнаръ, Палемъ неоднократно дѣлала Довнару сцены ревности и однажды на каткѣ направила въ него револьверъ, который однимъ изъ товарищей Довнара былъ у нея отнятъ и переданъ Довнару. Когда послѣдній пріѣхалъ домой, то за нимъ слѣдомъ въ квартиру ворвалась Палемъ и, упавъ передъ его матерью на колѣни, говорила, что не будетъ требовать отъ Довнара ни брака, ни средствъ къ жизни, а желаетъ только любви «Саши». Мать Довнара попросила ее удалиться.

По показанію свидѣтеля Шелейко, Палемъ дѣлала Довнару скандалы, когда онъ не оставался у ней на долгое время. При одномъ скандалѣ она схватила ножъ, крича, что зарѣжется. Шелейко хотѣлъ отнять у нея ножъ, но безуспѣшно, при этомъ онъ порѣзалъ себѣ пальцы; Палемъ потомъ сама бросила ножъ, говоря, что изъ-за такого дурака, какъ Довнаръ, рѣзаться не стоитъ.

Въ 1891 г. Довнаръ и Палемъ уже въ Петербургѣ. Сначала пріѣхалъ Довнаръ, а вслѣдъ за нимъ и Палемъ. 1 сентября онъ поступилъ въ медицинскую академію, но затѣмъ передумалъ относительно образованія и въ сентябрѣ 1892 года, въ числѣ 70, получившихъ высшіе баллы на конкурсномъ экзаменѣ, былъ принятъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія.

Студентъ Милицеръ, зайдя какъ-то на квартиру Довнара и не заставъ его дома, встрѣтилъ тамъ Палемъ, и съ этихъ поръ познакомился съ нею. Она разсказала ему свое прошлое, и изъ словъ ея видно, что она, по происхожденію,—татарская княжна, была замужемъ за Кандинскимъ, но бракъ ихъ разстроился, такъ какъ оказалось, что въ дѣлѣ о разводѣ съ своею первою женою онъ принялъ вину на себя. Потомъ она стала жаловаться на грубое обращеніе съ ней Довнара и въ заключеніе просила помочь ей устроить бракъ съ Довнаромъ, но Милицеръ отказался. По субботамъ къ Довнару приходилъ вечеромъ и проводилъ воскресенье учившійся въ Петербургѣ малолѣтній братъ его Викторъ, который разсказываетъ, что Палемъ къ брату его Александру относилась не хорошо, постоянно кричала на него, ругала, когда онъ долго ходилъ за газетой, и дѣлала скандалы, когда онъ засиживался у товарищей, съ которыми го-

товился къ экзамену. Во время этихъ экзаменовъ Милицеръ разъ 5 или 6 заходилъ къ Довнару и всякій разъ слышалъ, какъ Палемъ бранила его, отъ этихъ ссоръ Довнаръ, самъ никогда не оскорблявшій Палемъ, иногда убѣгалъ въ гостиницу. Палемъ ѣздила туда за нимъ и со скандаломъ привозила его домой. На совѣты разойтись Довнаръ отвѣчалъ, что боится жалобы Палемъ по начальству.

Осенью 1893 г. пріѣхала изъ Одессы мать Довнара, по второму мужу Шмидтъ, и остановилась въ ихъ квартирѣ въ домѣ Ратькова-Рожнова, у Кокушкина моста. Она замѣтила Довнару, что у него нехорошій видъ а бывшая въ комнатѣ Палемъ возразила, что видъ у него хорошій; на вопросъ г-жи Шмидтъ: «что это значитъ?» Палемъ сказала, что Довнаръ принадлежитъ ей, и если она захочетъ, то онъ броситъ институтъ и уѣдетъ съ нею за границу; потомъ она съ крикомъ схватила подсвѣчникъ и хотѣла наносить имъ удары Довнару и себѣ

Вскорѣ послѣ этой сцены Довнаръ заболѣлъ тифомъ и его отправили въ Александровскую больницу. Туда являлась Палемъ, дѣлала сцены матери Довнаръ и кричала: «ты все-таки будешь моимъ», «не дамъ я тебя», давая при этомъ понять, что готова на всякія крайности. Вслѣдствіе этого швейцару больницы было запрещено пускать ее. Въ бытность Довнара въ больницѣ, Милицеръ встрѣтилъ Палемъ на улицѣ и упрекалъ ее за то, что она, наговоривъ столько ему о своей любви къ Довнару, старалась вредить ему. Палемъ отвѣтила, что ненавидитъ Довнара, что ей нужна только его фамилія, а не онъ самъ, и кончила словами: «пусть женится, а потомъ убирается къ чорту». Но Довнаръ и не думалъ жениться, хотя очень часто выдавалъ Палемъ за свою жену Онъ даже письма, въ ея отсутствіе, адресовалъ на имя Ольги Васильевны Довнаръ. Все это страшно запутывало отношенія и, въ концѣ концовъ, создало настоящій адъ, въ которомъ заживо кипѣли и Довнаръ, и Палемъ.

Наконецъ, послѣ колебаній, Довнаръ рѣшилъ разстаться съ Палемъ. Въ декабрѣ 1893 года онъ подалъ прошеніе петербургскому градоначальнику, прося объ удаленіи ея изъ его квартиры и о принятіи мѣръ къ охраненію его имущества и бумагъ. Просьба его была уважена, и когда въ присутствіи командированнаго для этой цѣли чина полиціи производилась разборка имущества, то Палемъ все, что могла, брала себѣ, и Довнаръ безпрекословно уступалъ этой женщинѣ. Уступчивость его поражала присутствующихъ; что же касается Палемъ, то она была страшно возбуждена и говорила, что никогда не проститъ ему этого поступка и не забудетъ его. Довнаръ же разсказалъ, что прожилъ съ ней три года въ страшныхъ мученіяхъ, проживъ до пяти тысячъ въ годъ, и расходится, желая найти спокойствіе и поправить свое матеріальное положеніе.

Но попытка Довнара сдѣлать рѣшительный шагъ не повела къ желанному исходу. Палемъ жаловалась правителю канцеляріи института путей сообщенія на Довнаръ. Послѣ рѣзкой ссоры, при чемъ Палемъ бранила не только Довнаръ, но и его мать, они помирились и тутъ-же въ канцеляріи выдали другъ другу расписки, въ которыхъ Довнаръ обѣщалъ «не покидать Палемъ и жить съ нею въ одной квартирѣ, если она не будетъ жаловаться по начальству и требовать насильственнаго брака»

а Палемъ, что она «такому обѣщанію подчиняется». Вскорѣ послѣ этого Довнаръ уѣхалъ съ матерью въ отпускъ въ Одессу. По пріѣздѣ въ Одессу г-жа Шмидтъ пошла въ станціонную уборную. Здѣсь Палемъ, неожиданно явившаяся и, какъ оказалось, пріѣхавшая въ одномъ съ ними поѣздѣ, подбѣжала къ Шмидтъ и сказала: «Прощай, вѣдьма, будешь всю жизнь помнить меня. Твоя любовь погубитъ Сашу». Въ Одессѣ возобновились сцены ревности. Матеранскій, товарищъ Довнара, утверждаетъ, что въ этотъ пріѣздъ сожительство съ Палемъ измучило Довнара физически и нравственно.

Въ Петербургѣ въ началѣ 1894 года и до роковой развязки Палемъ не переставала преслѣдовать Довнаръ. Она жаловалась на Довнара по начальству, требуя, чтобы Довнаръ возстановилъ ея репутацію, далъ ей свою фамилію. Просьба эта оставлена была безъ послѣдствій. Въ февралѣ Палемъ представила петербургскому градоначальнику письма Довнара за два года, прося сохранить ихъ, такъ какъ она собирается возбудить противъ Довнара дѣло. Кромѣ того, со дня разрыва съ Довнаромъ, она его осаждала письмами, посылаемыми и по почтѣ, и съ посыльными. Она продолжала жаловаться на молодого человѣка его товарищамъ и одному изъ нихъ Панову какъ-то сказала: «живой или мертвый, а Довнаръ будетъ мой». Тотъ обратилъ вниманіе на эту угрозу и передалъ ее Довнару, который только разсмѣялся, промолвивъ:—«Жидовка эта способна лишь на кляузы, комедіи, притворство и ложь».

Наканунѣ катастрофы, 16 мая, Довнаръ, въ веселомъ и шутливомъ настроеніи духа, зашелъ къ своему товарищу Панову, которому, между прочимъ, сказалъ, что вечеромъ долженъ увидѣться съ Ольгою Палемъ, и читалъ Панову письмо, въ которомъ она сообщала, что у нея чахотка и она съ гвардейскимъ поручикомъ Лопатинымъ уѣзжаетъ въ Италію, почему и проситъ Довнара притти проститься съ нею въ послѣдній разъ. Пановъ убѣждалъ Довнара не ходить, но тотъ отвѣтилъ, что было бы съ одной стороны черезчуръ жестоко не проститься съ женщиной, съ которой былъ такъ долго въ близкихъ отношеніяхъ, а съ другой—онъ окончательно могъ оправиться предъ начальствомъ поступкомъ Палемъ, которая бросила его и уѣхала съ офицеромъ.

Около 7 часовъ вечера Довнаръ ушелъ и его свидѣтель болѣе не видѣлъ и лишь черезъ день прочиталъ въ газетахъ объ убійствѣ.

Ольга Палемъ предстала передъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ студента Довнара.

Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу въ засѣданіи 14—18 февраля 1895 г. предсѣдатель Окружнаго Суда Н. Д. Чаплинъ, обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Башиловъ и повѣреннымъ гражданской истицы, матери убитаго Довнара, выступилъ присяжный повѣренный П. Е. Рейнботъ.

Въ виду болѣзненно-нервнаго состоянія подсудимой, засѣданіе въ первый день вовсе не могло продолжаться и послѣ опроса Палемъ, оно было прервано до слѣдующаго дня. Съ 15 февраля засѣданіе снова возобновилось, при чемъ приходилось дѣлать довольно частые перерывы, такъ какъ съ подсудимой дѣлались нерѣдко дурноты и истерическіе припадки. Пренія, начавшись около часа дня, продолжались до ночи. Печатаемая ниже рѣчь заняла засѣданіе 18 февраля отъ 6 до 9 час. вечера.

Рѣчь въ защиту Ольги Палемъ.

Гг. присяжные засѣдатели!

Менѣе года тому назадъ, 17 мая, въ обстановкѣ довольно специфической трактирно-петербургской, съ осложненіями въ видѣ эсмарховской кружки на стѣнѣ и роспитой бутылки дешеваго шампанскаго на столѣ, стряслось большое зло. На грязный трактирный полъ упалъ ничкомъ убитый наповалъ молодой человѣкъ, подававшій самыя блестящія надежды на удачную карьеру, любимый семьей, уважаемый товарищами, здоровый и разсудительный, обѣщавшій долгую и благополучную жизнь. Рядомъ съ этимъ пошла по больничнымъ и тюремнымъ мытарствамъ еще молодая, полная силъ и жажды жизни женщина, тяжело раненая въ грудь, теперь измученная нравственно и физически, ожидающая отъ васъ рѣшенія своей участи. На протяженіи какой-нибудь тальной секунды, отдѣлившей два сухихъ коротких выстрѣла, умѣстилось столько зла, что немудрено, если изъ него выросло то „большое", всѣхъ интересующее дѣло, которое вы призваны теперь разрѣшить.

Господинъ представитель обвиненія былъ правъ, говоря, что наша работа, наши односторонніе усилія выяснить передъ вами истину,—есть только работа для васъ вспомогательная, я бы сказалъ—работа черновая. Отъ нея, какъ отъ черновыхъ набросковъ, можетъ не остаться никакихъ слѣдовъ въ окончательномъ актѣ судейскаго творчества—въ вашемъ приговорѣ. Господинъ прокуроръ, ссылаясь на то, что это дѣло „большое", просилъ у васъ напряженія всей вашей памяти, онъ разсчитывалъ, что въ восполненіе допущенныхъ имъ фактическихъ пробѣловъ вы придете ему на помощь. Я вынужденъ разсчитывать на нѣчто большее. Это не только „большое дѣло" по обилію матеріала, подлежащаго вашей оцѣнкѣ, оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, очень сложное, очень тонкое и спорное дѣло. Въ немъ много мѣста для житейской и нравственной оцѣнки подробностей, для психологическаго анализа характеровъ лицъ и положеній. Чѣмъ глубже станетъ проникать вашъ разумъ, чѣмъ

шире распахнется ваше сердце, тѣмъ ярче, тѣмъ свѣтлѣе выступитъ въ этомъ дѣлѣ нужное и главное, что ляжетъ въ основу не механической только работы вашей памяти, а творческой, сознательной духовной работы вашей судейской совѣсти

Для каждой творческой работы первое и главное условіе—внутренняя свобода. Если предвзятыя положенія вами принесены уже на судъ, моя работа будетъ безплодна Это предубѣжденіе, враждебное судейскому убѣжденію, вы зоветъ въ васъ только сухое раздраженіе противъ всего, что я скажу вамъ, противъ всего, что я могу сказать въ качествѣ защитника Палемъ. Безплодная и тяжкая работа! Она только измучаетъ насъ. Второе и главное условіе правильности вашей судейской работы: осторожное, критическое отношеніе къ матеріалу, подлежащему вашей оцѣнкѣ, также будетъ вами забыто. Все замѣнитъ собою готовый шаблонъ, готовая схема предвзятыхъ положеній, которыми именно въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, такъ соблазнительно и такъ легко щегольнуть. Для этого не нужно ни напряженія ума, ни колебаній совѣсти, не нужно даже детальнаго изученія обстоятельствъ дѣла Достаточно одной только самоувѣренной смѣлости

И въ положеніи защитника сенсаціонно-кроваваго и вмѣстѣ любовнаго дѣла, гдѣ фигурируетъ „покинутая“, пожалуй „обольщенная“, пожалуй „несчастная“, во всякомъ случаѣ „такъ много любившая и такъ много страдавшая“ женщина,—готовый шаблонъ, ходячее положеніе съ нѣкоторымъ разсчетомъ на успѣхъ могли-бы быть выдвинуты передъ вами. Защитительная рѣчь могла бы явиться живописною иллюстраціей, варіаціей на давно знакомую тему: „ей отпустится многое за то, что она много любила!“ Самый трескъ двухъ эффектно и безстрашно повторившихся отъ нажатія женской руки выстрѣловъ могъ-бы, пожалуй, въ глазахъ защиты кристаллизовать весь химическій процессъ любовно-трагическаго событія чуть-ли не въ кристаллъ чистѣйшей воды. Можно было-бы при этомъ сослаться кстати, въ смыслѣ сочувственнаго подтвержденія развиваемой теоріи, на трепетныя женскія руки, тянувшіяся къ больничной койкѣ Палемъ, чтобы съ благодарностью „пожать руку убійцѣ“.

Вмѣстѣ съ защитою преступницы это было-бы попутно и апологіей преступленія Свидѣтельствуя о значительной адвокатской близорукости, подобная попытка навязать вамъ такое предвзятое положеніе несомнѣнно должна была-бы вами быть отвергнута съ неподдѣльнымъ негодованіемъ.

Но рядомъ съ этимъ и всякая иная попытка провести вашимъ приговоромъ лишенный жизненной правды парадоксъ или сухой, мертвенный шаблонъ, откуда бы такая попытка ни исходила, должна встрѣтить съ вашей стороны столь же рѣшительное противодѣйствіе. Такой шаблонъ совершенно равноцѣнный первому, только что намѣченному мною, здѣсь и пытались проводить. Не справляясь съ фактами, мало того, совершенно игнорируя ихъ, пытались, во что бы то ни стало, идеализировать покойнаго Довнара, чтобы отстоять положеніе, что онъ явился жертвою, систематически затравленной Палемъ И все это строилось исключительно на какомъ-то отвлеченномъ академическомъ положеніи, что онъ былъ еще въ возрастѣ „учащагося“, она же по метрическому свидѣтельству двумя годами старѣе его Когда сталкивались съ фактами весьма некрасивыми, не подлежавшими фактическому опроверженію, ихъ старались обойти или устранить столь же академичными, лишенными всякой жизненной правды положеніями

Выяснилось цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, что покойный, скромный и приличный на людяхъ, не стѣснялся въ присутствіи безхитростной прислуги проявлять довольно жесткія черты своего характера. Иногда онъ избивалъ Палемъ до крови, до синяковъ, пуская при этомъ въ ходъ швабру, однажды изломалъ на ней ножны своей старой шашки студента медика. Это отвергается, и какими-же соображеніями? Довнаръ былъ, будтобы, для этого физически слишкомъ слабъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ два его друга-товарища: Пановъ и Матеранскій. Пришлось прибѣгнуть къ заключенію врача-эксперта, производившаго осмотръ его трупа, для того, чтобы оградить показанія четырехъ свидѣтельницъ, бывшихъ въ услуженіи у Довнаръ и Палемъ (Садовской, Тютиной, Шварковой и Гусевой), отъ подозрѣнія въ лжесвидѣтельствѣ Хотя, спрашивается, во имя чего и въ чьихъ интересахъ

стали-бы эти простыя, религіозныя женщины сочинять небылицы и такъ грубо нарушать святость присяги? Экспертъ удостовѣрилъ намъ (то-же самое подтверждаетъ и медицинскій актъ осмотра трупа), что покойный Довнаръ, будучи умѣреннаго тѣлосложенія, тѣмъ не менѣе, былъ правильно развитъ, обладалъ нормальной физической силой, и говорить о его безсиліи маневрировать шваброй или разбить въ куски старыя ножны грошовой шашки—наивно и смѣшно

Та же прислуга удостовѣрила намъ, что еще въ 1892 году, въ разгаръ совершенно мирнаго сожительства на одной квартирѣ гг. Довнара и Палемъ, Довнаръ послѣ какого то кутежа и ночи, проведенной внѣ дома, вскорѣ заболѣлъ таинственною болѣзнью Онъ скрывалъ ее отъ Палемъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣла, наконецъ, и она Тогда они оба стали лѣчиться. Этому не хотѣли вѣрить. Искали косвеннаго опроверженія этого обстоятельства въ письмѣ, представленномъ г. Матеранскимъ, хотя, казалось бы, это письмо только подтверждало правильность показанія прислуги И что-же оказалось? Вскрытіемъ трупа покойнаго установленъ не только слѣдъ бывшей приблизительно два года назадъ болѣзни, о которой говорила намъ здѣсь стиравшая у нихъ бѣлье свидѣтельница Тютина, но установлено также существованіе новой болѣзни, неизлѣченной окончательно къ моменту его послѣдняго, какъ вы знаете,—все еще „любовнаго“ свиданія съ г-жею Палемъ.

Относительно „ученическаго возраста“ Довнара также существуетъ значительная идеализація. Фактъ тотъ, что онъ погибъ на двадцать шестомъ году своей жизни. Съ г-жею Палемъ его романъ продолжался около четырехъ лѣтъ, стало быть, и возникъ онъ, и продолжался, и такъ печально кончился, во всякомъ случаѣ, уже въ періодъ полнаго его гражданскаго совершеннолѣтія. Но что такое возрастъ самъ по себѣ? Бываютъ дѣти до сѣдыхъ волосъ, неисправимые и благородные идеалисты, которые не хотятъ знать прозы жизни и ея не знаютъ, несмотря ни на какой житейскій опытъ. Таковъ ли былъ покойный Довнаръ?

Постигаю всю отвѣтственную щекотливость характеристики нравственной физіономіи покойнаго, которую мнѣ предстоитъ сдѣлать Мать убитаго, Александра Михайловна

Шмидтъ, въ лицѣ своего повѣреннаго, разрѣшила здѣсь „нападать“ на умершаго въ виду того, что именно въ лицѣ этого повѣреннаго она предусмотрѣла возможность и необходимость отраженія всякаго неправильнаго нападенія Это выраженіе было-бы неумѣстно въ моихъ устахъ, я не призванъ дѣлать на кого-либо „нападенія“, я только защищаю подсудимую. И чтобы отрѣзать самому себѣ разъ и навсегда пути къ произвольнымъ и пристрастнымъ выводамъ, я не буду пользоваться для характеристики покойнаго Довнара инымъ матеріаломъ, кромѣ собственныхъ его писемъ и притомъ представленныхъ къ слѣдствію его-же матерью, къ которой всѣ они писаны Такихъ писемъ шестнадцать. Въ трехлѣтней перепискѣ ихъ должно было накопиться гораздо больше, но мнѣ именно и важно то, что сортировка этихъ писемъ сдѣлана самою г-жею Шмидтъ, что они находятся въ нашемъ распоряженіи не только вслѣдствіе ея собственнаго желанія, по ея санкціи, но даже и по ея собственному выбору. Это ограждаетъ насъ отъ всякихъ нареканій въ пользованіи ненадежнымъ или сколько-нибудь сомнительнымъ матеріаломъ.

Какою же личностью обрисовывается передъ нами покойный Александръ Довнаръ въ этихъ собственноручныхъ его задушевныхъ посланіяхъ къ матери въ томъ двадцатидвухъ и двадцатипяти-лѣтнемъ „ученическомъ“ возрастѣ, который протекаетъ для него въ Петербургѣ?

Всѣ мы были молоды и многіе изъ насъ помнятъ и любятъ свою молодость за ту горячую волну свѣтлыхъ сновъ и золотыхъ надеждъ, которымъ никогда не суждено было сбыться

Довнара, съ первыхъ шаговъ его въ Петербургѣ, мы застаемъ чуждымъ какихъ бы то ни было, не говорю уже несбыточныхъ мечтаній, но просто молодыхъ и радужныхъ надеждъ. Онъ весь terre à terre. Желанія его предусмотрительны, средства практичны, пріемы осторожны и цѣлесообразны. Ему не нравится возиться надъ трупами покойниковъ, но это физическое отвращеніе онъ готовъ преодолѣть. Онъ домогается перейти изъ медицинской академіи въ институтъ инженеровъ путей сообщенія по соображеніямъ иного, чисто карьернаго свойства, которыя онъ съ пунктуальною и явственною настойчивостью

излагаетъ въ письмахъ къ матери. Карьера практикующаго врача, бѣгающаго собирать по визитамъ рубли и полтинники, его положительно отталкиваетъ. Онъ излагаетъ съ большою эрудиціею свой взглядъ на этотъ чисто жизненный и практическій вопросъ. Общественное положеніе инженера путей сообщенія, хотя-бы и средней руки, рисуется ему обставленнымъ гораздо большими матеріальными удобствами и приманками Карьера „зауряднаго врача“, и съ точки зрѣнія матеріальной, и въ смыслѣ „положенія его въ обществѣ“, оцѣнивается имъ въ параллели съ карьерою столь-же „зауряднаго инженера“ по истинѣ съ изумительною для его „ученическаго возраста“ виртуозностью. Но этого мало— какое познаніе людей съ ихъ большими и малыми слабостями обнаруживаетъ онъ тотчасъ же, какъ только эти люди могутъ оказаться ему пригодными для какихъ либо практическихъ цѣлей. Онъ отлично понимаетъ и учитъ даже свою мать, какъ именно слѣдуетъ понимать различіе между „благовидной“ и „неблаговидной“ взяткой и какихъ результатовъ можно достигнуть и тою и другою. Онъ готовъ проскучать нѣсколько вечеровъ, составляя партію въ винтъ для важной старушки, очень напыщенной родственницы, но которая можетъ за такую скромную услугу замолвить, гдѣ нужно, при случаѣ, слово. Онъ любитъ и цѣнитъ только „прикладныя науки“, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, для чего онѣ пригодятся въ жизни,—поэтому отъ курса, проходимаго въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ въ совершенномъ восторгѣ.

Вспоминая объ „университетской наукѣ“ (ранѣе медицинской академіи онъ два года былъ еще въ Одессѣ на математическомъ факультетѣ), онъ говоритъ о ней едва не съ раздраженіемъ Тамъ слишкомъ много „чистой“ науки, отвлеченнаго теоретичнаго, слишкомъ много „лишняго“, того, что Богъ вѣсть когда и для чего „въ жизни“ пригодится. Математическія познанія, о чемъ онъ самъ съ жестокой иронией шутитъ въ письмахъ къ матери, пригодились ему, опять таки только для практической и весьма опредѣленной цѣли. Съ педантичною и пунктуальною точностью онъ провѣряетъ денежный отчетъ, представленный за время управленія его собственною матерью принадлежащимъ ему „наслѣдственнымъ

капиталомъ“ въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ рублей и какъ дважды два четыре, путемъ довольно сложнаго, впрочемъ, „учета процентовъ“ и „провѣрки по биржевымъ бюллетенямъ потерь на курсѣ“ бумагъ — доказываетъ ей, что „его капитала должно было бы на пятьсотъ рублей оказаться больше Г-жа Шмидтъ тотчасъ-же поспѣшила съ нимъ въ этомъ согласиться, немедленно дославъ эти деньги.

Чтобы покончить съ этой какъ-бы прирожденной или, по крайней мѣрѣ, всосанной съ молокомъ матери „практической складкой“, присущей современному намъ молодому человѣку въ лицѣ Александра Довнара, вспомнимъ еще о закладной, подъ которую онъ такъ удачно, вслѣдъ за расхожденіемъ съ г-жею Палемъ, при посредствѣ той-же г-жи Шмидтъ, своей матери, пристроилъ остаточный свой капиталъ въ суммѣ 9,500 рублей. Въ трехъ слѣдовавшихъ въ погоню одно за другимъ письмахъ, онъ настаивательно и въ то-же время въ высшей степени практично — выдержано обставляетъ дѣло, научая мать, какъ именно можно поприжать нуждающагося въ деньгахъ южанина помѣщика съ тѣмъ, чтобы отдать ему деньги подъ вторую закладную не по $8^1/_2\%$ годовыхъ, предлагаемыхъ помѣщикомъ, а по 10%. При этомъ онъ знаетъ и то, кому можно „довѣриться“ въ осмотрѣ предлагаемаго въ залогъ имѣнія, и какъ нужно „обождать“, пока нуждающійся, чтобы „перехватить“ эту сумму, не повыситъ предлагаемаго процента до десяти годовыхъ. Финансовые его расчеты и указанія осуществились блистательно, Уроки и наставленія, преподанные матери, не прошли даромъ. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ г-жа Шмидтъ, жалуясь на то, что она совсѣмъ „замучилась“ съ этимъ торгомъ по закладной, тѣмъ не менѣе, торжественно объявляетъ сыну, что финансовая смѣта на предстоящій годъ блистательно осуществляется, согласно его предначертаніямъ. Онъ будетъ получать 950 рублей въ годъ процентовъ на свой капиталъ. Имѣніе оказалось цѣннымъ, вполнѣ обезпечивающимъ вторую закладную, и прижатый къ стѣнѣ минувшимъ неурожаемъ помѣщикъ согласился дать десять годовыхъ

Всѣ приведенныя мною выдержки изъ писемъ Александра Довнара устраняютъ, мнѣ кажется, всякую возможность

излишней идеализаціи „ученическаго возраста“ покойнаго. Было-бы вполнѣ близоруко на этомъ предвзятомъ положеніи строить всѣ выводы объ отношеніяхъ его къ г-жѣ Палемъ. Говорить объ „обольщеніи г-жою Палемъ покойнаго Довнара, объ эксплоатаціи его житейской неопытности“, такъ же неумѣстно, какъ идеализировать самою же Палемъ и допускать, что она могла явиться „жертвою обольщенія“ со стороны Довнара Дѣло, очевидно, происходило совершенно иначе. И вся задача ваша въ томъ и состоитъ, чтобы понять, какъ „это“ въ дѣйствительности происходило Убитый былъ, конечно очень молодого возраста. Но, по указаннымъ мною соображеніямъ, этотъ возрастъ не имѣетъ въ дѣлѣ рѣшительнаго значенія. Александръ Довнаръ обладалъ во всякомъ случаѣ и достаточнымъ знаніемъ людей и достаточнымъ знаніемъ жизни. Трезвость и практичность взглядовъ, присущихъ ему именно для столь молодого „ученическаго“ возраста, представляются просто изумительными Если онъ въ виду своихъ двадцати двухъ—двадцати шести лѣтъ по праву можетъ быть именуемъ человѣкомъ молодымъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это былъ, во всякомъ случаѣ, „молодой изъ раннихъ“ Итакъ, этотъ второй возможный для разрѣшенія настоящаго дѣла шаблонъ оказывается также непригоднымъ. Не въ разницѣ возраста двухъ любовниковъ приходится намъ искать разгадку всей этой сложной драмы.

Согласно предначертанному мною плану рѣчи, въ этой первой ея части мнѣ хотѣлось-бы разъ и навсегда покончить передъ вами, гг присяжные засѣдатели, со всѣми подобными насильственно выдвигаемыми на нашемъ пути помѣхами и положеніями. Напрасно васъ хотятъ задержать ими и забаррикадировать дорогу. Съ ними надо раздѣлаться, чтобы затѣмъ уже свободно вступить въ область чистыхъ фактовъ, доказанныхъ положеній и строго-логическихъ выводовъ. Только перешагнувъ черезъ нихъ, начнется ваша настоящая судейская работа.

Имѣете-ли вы дѣло въ лицѣ подсудимой (да простится мнѣ это новое повтореніе ни на чемъ неоснованнаго, оскорбительнаго для чести несчастной женщины предположенія!) — съ женщиною продажной, съ женщиною публичной? Недоговоренный, но тѣмъ еще болѣе тягостный

для ея чести намекъ, занесенъ и на страницы обвинительнаго акта. Шла рѣчь о фотографической карточкѣ г-жи Палемъ, которую покойный Довнаръ, совмѣстно съ другомъ дѣтства своимъ, г. Матеранскимъ, разыскалъ въ одномъ изъ одесскихъ притоновъ По письмамъ мы знаемъ, что эти розыски производились уже въ то время, когда „борьба“ между г-жею Палемъ и г Довнаромъ началась, и когда этотъ послѣдній, согласно совѣтамъ и указаніямъ своей матери, г-жи Шмидтъ, весьма настойчиво отыскивалъ по возможности „полнаго“ доказательства, могущаго окончательно скомпрометировать безпокоившую его любовницу въ глазахъ институтскаго начальства и С.-Петербургскаго градоначальника, передъ которымъ въ то время уже велось ходатайство „о выселеніи“ г-жи Палемъ.

Прочтенный передъ вами обвинительный актъ утверждалъ со словъ гг. Довнара и Матеранскаго, что будто бы осталось невыясненнымъ, по какому именно случаю и какимъ путемъ эта карточка очутилась въ неприглядномъ притонѣ падшихъ созданій. Зародилось естественное подозрѣніе: не имѣлъ-ли самый оригиналъ непосредственной связи съ названнымъ постыднымъ убѣжищемъ Что-же оказалось на дѣлѣ? Еще на предварительномъ слѣдствіи весь этотъ эпизодъ былъ въ сущности выясненъ сполна Одесскій фотографъ Горѣлинъ и хозяйка убѣжища г-жа Эдельгеймъ раскрыли всѣ обстоятельства, касающіяся злополучной фотографіи г-жи Палемъ И что-же? Эти свидѣтели вызваны на судъ только по ходатайству защиты. Безъ этой предосторожности указаніе обвинительнаго акта оставляло-бы широкое поле догадкамъ. Свидѣтель Горѣлинъ выяснилъ, къ какому именно времени относится его работа, и вмѣстѣ удостовѣрилъ, что фотографія снята имъ „съ порядочной женщины“, съ лично ему извѣстной г-жи Палемъ. Свидѣтельница Эдельгеймъ удостовѣрила, что эта карточка была подарена какимъ-то „мужчиной“ одной изъ ея дѣвицъ, Ермолиной, большой любительницѣ красивыхъ женскихъ лицъ и фотографій.

Если вспомнить при этомъ „розыски“ г. Матеранскаго по притонамъ съ цѣлью выручить изъ бѣды своего „попавшагося въ ловушку“ товарища, то нахожденіе именно имъ подобной фотографіи въ помянутомъ притонѣ можно повер-

нуть оружіемъ противъ кого угодно, только не противъ самой г-жи Палемъ. Нужно-ли упоминать еще о всевозможныхъ справкахъ полиціи одесскаго градоначальства, касавшихся этого предмета. Отзывъ получился, кажется, достаточно полный и достаточно благопріятный для г-жи Палемъ. Припомните еще показаніе бывшаго здѣсь свидѣтелемъ одесскаго полицейскаго пристава, г Чабанова, и картина получится законченная. Онъ положительно отвергаетъ всякую догадку, всякое предположеніе о подобной „карьерѣ“ г-жи Палемъ

За что же, спрашивается, комокъ грязи такъ безпощадно публично брошенъ въ лицо молодой женщины? Характеризуя прошлое подсудимой, г. товарищъ прокурора нашелъ возможнымъ выразиться, что оно такъ непригляднo и такъ позорно, что онъ спѣшитъ закрыть его „дымкою“ изъ опасенія оскорбить чье-либо нравственное чувство. Напрасныя искусственныя предосторожности. Эта „дымка“ можетъ развѣ имѣть значеніе того куска флера, которымъ обыкновенно пользуются для изумительныхъ „чудесъ“ черной магіи. Тамъ нерѣдко увѣряютъ тоже, что именно подъ этимъ чернымъ флеромъ скрыто если не все, то во всякомъ случаѣ нѣчто удивительное. Смѣло срывайте это таинственное покрывало—подъ нимъ не окажется ровно ничего. Съ этимъ вопросомъ разъ и навсегда надо покончить и возстановить безцеремонно и безжалостно поруганную честь женщины. Г-жа Палемъ никогда не торговала своими ласками, никогда не была продажною женщиною и вполнѣ понятенъ тотъ протестующій, нервный вопль ея, который раздался со скамьи подсудимыхъ, когда чтеніе обвинительнаго акта впервые коснулось передъ вами этого, столь больного и вмѣстѣ столь позорнаго для чести женщины мѣста. Въ качествѣ подсудимой по настоящему дѣлу она должна была незаслуженно вынести и это тяжелое оскорбленіе.

Идемъ далѣе. Если не „продажная“, не „публичная“, что намъ, повидимому, теперь готовы уступить, то во всякомъ случаѣ „доступная“, „ходившая по рукамъ“, и если припомнить характеристику, сдѣланную двумя свидѣтелями, гг. Материнскимъ и Милицеромъ,—просто-на-просто фривольная и „безнравственная“ женщина. Такъ-ли? Оправдается-ли такая характеристика, если мы прослѣдимъ отношенія Палемъ къ

мужчинамъ, начиная съ перваго, г. Кандинскаго, которому она досталась молодою, семнадцатилѣтнею дѣвушкою.

Свѣдѣнія о ея „доступности“ распространились изъ того-же источника, откуда направлялись и предыдущія, и опять таки во имя спасенія „молодого человѣка“ отъ происковъ домогавшейся женитьбы „интриганки“ Кличъ былъ кликнутъ г-жею Шмидтъ, матерью молодого человѣка, къ родственникамъ и товарищамъ его Таковы гг Шелейко, Матеранскій, Милицеръ, Пановъ Съ тѣхъ поръ и пошла молва о безнравственности г-жи Палемъ. Наперерывъ г-жѣ Шмидтъ спѣшили доставить тѣ или другія свѣдѣнія. Онѣ-же послужили матеріаломъ и для характеристики г-жи Палемъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Всмотримся въ нихъ ближе

За время сожительства ея съ Кандинскимъ, какъ удостовѣряетъ это самъ г. Кандинскій и его ближайшій пріятель полковникъ Калеминъ, поведеніе г-жи Палемъ съ этой стороны было безукоризненно Несмотря на двусмысленное свое положеніе, въ качествѣ живущей на отдѣльной квартирѣ одинокой особы, посѣщаемой уже не молодымъ человѣкомъ, она ведетъ образъ жизни скромный, замкнутый, не заставляющій о себѣ говорить. По слѣдующимъ отношеніямъ г Кандинскаго къ Палемъ, по тону его показанія, по свидѣтельству, наконецъ, его друга Калемина, мы въ правѣ заключить, что г-жа Палемъ, разставшись два года спустя съ Кандинскимъ, оставила по себѣ наилучшія воспоминанія Гг. Кандинскій и Калеминъ и до сихъ поръ относятся къ подсудимой не только съ расположеніемъ и пріязнью, но и съ безусловнымъ уваженіемъ За время сожительства съ Кандинскимъ, несмотря на крайнюю молодость г-жи Палемъ, на нее не легло и тѣни подозрѣнія ни въ развращенности, ни въ фривольности ея поведенія.

Затѣмъ, начиная съ лѣта 1889 г , она остается свободною, еще болѣе одинокою, нѣсколько обезпеченною матеріально, молодою, красивою женщиною, обращающею на себя вниманіе, вызывающею со всѣхъ сторонъ ухаживанія, собирающею вокругъ себя цѣлую толпу молодежи. Она начинаетъ вращаться въ обществѣ молодыхъ студентовъ, офицеровъ, юнкеровъ, гимназистовъ. Они устраиваютъ для нея кавалькады, сопровождаютъ ее верхами на загородныя прогулки, вводятъ ее на студенческія вечеринки, танцовальные вечера; въ об-

ществѣ ея шумно, весело, и главное молодо и непринужденно. Если бы г-жѣ Палемъ были присущи тѣ развращенныя наклонности, на которыя указывало обвиненіе, конечно, картина ея „паденія“ получилась-бы довольно мрачная, такъ какъ никакихъ внѣшнихъ сдерживающихъ препятствій не существовало. Наперерывъ преслѣдуемая ухаживаніями, брошенная одна въ кругъ маловоспитанной молодежи, совершенно свободная, независимая, она, конечно, легко могла-бы „пойти по рукамъ“. И тѣмъ не менѣе, наперекоръ всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, по рукамъ она не пошла. Всѣ ея обличители, гг. Шелейко, Матеранскій, Милицеръ, отдѣлываются общими фразами, собственными своими умозаключеніями, ссылками на слухи, но фактовъ не приводятъ никакихъ.

Одинъ лишь свидѣтель, студентъ Зарифи, подъ присягою намъ удостовѣрилъ здѣсь, что, послѣ того, какъ г-жа Палемъ разошлась съ Кандинскимъ, и ранѣе своего знакомства съ Александромъ Довнаромъ, она была съ нимъ, Зарифи, въ близкихъ отношеніяхъ, что связь длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Открытіе это, со словъ того-же Зарифи, было сдѣлано имъ близкимъ г. Довнара уже въ періодъ ихъ борьбы съ г-жею Палемъ. Г-жа Палемъ вовсе отрицаетъ эту связь. Опросомъ г. Зарифи, между прочимъ, выяснилось, что по дѣлу одной особы въ Одессѣ, искавшей содержанія на ребенка, онъ уже являлся какъ свидѣтель въ интересахъ защиты несправедливо обвинявшагося своего товарища въ обольщеніи молодой дѣвушки. Показаніемъ г Зарифи невинность дѣвушки была низведена со своего пьедестала. Товарищъ его выигралъ дѣло. Прямолинейное стремленіе къ истинѣ несомнѣнно присуще г. Зарифи.

Спорить по существу противъ его показанія я не стану. Къ величайшему стыду и даже нѣкоторому позору г-жи Палемъ, оправдываемому развѣ только тогдашнею ея молодостью, я готовъ признать, что она, дѣйствительно, увлекшись физическими данными г. Зарифи, нѣкоторое время питала къ нему страсть нѣжную. Что-же дальше? Самъ г. Зарифи удостовѣряетъ, что эта мимолетная, кратковременная связь, оставаясь исключительно „на почвѣ любовной“, оставила въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, не причинивъ ему ни нравственнаго, ни

матеріальнаго ущерба. Во всякомъ случаѣ это было до знакомства г-жи Палемъ съ Довнаромъ, до знакомства-же этотъ мимолетный романъ умеръ своею естественною смертью. Довольно скоро съ обѣихъ сторонъ послѣдовало самое рѣшительное и быстрое охлажденіе. Послѣ того, кромѣ покойнаго Довнара, вы не назовете мнѣ болѣе ни одного мужчины, близкаго г-жѣ Палемъ. И г товарищъ прокурора и г. повѣренный гражданской истицы должны были категорически признать, что на протяженіи всѣхъ четырехъ лѣтъ сожительства съ Довнаромъ, г-жа Палемъ оставалась безусловно ему вѣрна.

Какое-же употребленіе можно сдѣлать изъ «компрометирующихъ“ г-жу Палемъ показаній гг Шелейко, Матеранскаго и нѣкоторыхъ другихъ друзей покойнаго? Судите сами И г. Шелейко, и г Матеранскій, характеризуя вольность обращенія г-жи Палемъ съ мужчинами, особенно настойчиво ссылаются на нѣкоего Леонида Лукьянова, съ которымъ она будто-бы ѣздила на три дня въ Аккерманъ, а лѣтомъ, живя на дачѣ у родителей Лукьянова, позволяла себѣ, будто-бы, дебоши, скандалы и т. п. По счастію Леонидъ Лукьяновъ былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи и его показаніе было здѣсь оглашено. Трудно себѣ представить доказательство, идущее болѣе въ разрѣзъ съ намѣреніями тѣхъ, кто на него ссылается. Леонидъ Лукьяновъ, — теперь молодой офицеръ, тогда еще только юнкеръ. Все его показаніе судебному слѣдователю дышитъ едва-ли не влюбленнымъ восторгомъ по адресу г-жи Палемъ. Видно, что и до сихъ поръ онъ не вспоминаетъ о ней безъ затаеннаго волненія. Свидѣтельствуя настойчиво объ исключительно платоническихъ своихъ ухаживаніяхъ за молодою женщиною, заявляя категорически, что она *никогда* ему не принадлежала, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ о своихъ молодыхъ впечатлѣніяхъ съ какою-то чистою и задушевною радостью. Онъ сопровождалъ ее на прогулки, оказывалъ ей всевозможныя мелкія услуги, провожалъ ее въ Аккерманъ, съ нею ему бывало и „сладко и жутко“, „она могла увлечь на все“, но всѣ эти увлеченія не вышли за предѣлы совершенно платоническаго и безкорыстнаго флирта, если хотите, даже „влюбленія“. Обѣ стороны сохранили другъ о другѣ, во всякомъ случаѣ,

только свѣтлыя и радужныя воспоминанія. И въ разлукѣ они остались друзьями. Вотъ каковъ отзывъ Леонида Лукьянова о Палемъ, того самого Леонида Лукьянова, на котораго такъ неуклюже, такъ не кстати пытались дѣлать ссылки гг. Шелейко и Матеранскій.

Рядомъ съ этимъ припомните показанія барона фонъ-Сталь, который также сознается, что въ свое время, считая г-жу Палемъ „доступною“, пытался ухаживать за нею, ухаживалъ весьма настойчиво, но однако не добился взаимности. Итакъ, гдѣ же порочно развращенная Палемъ, прошлое которой должно быть стыдливо закрыто „дымкой“?

Женщина, какъ всѣ женщины. Доступная для того, кѣмъ увлечена или кого полюбила, и гордая и неприступная для того, кто не сумѣлъ внушить ей чувство. На этомъ можетъ помириться любая, самая щепетильная, самая горделивая женская нравственность. Внѣ этихъ предѣловъ она являлась бы уже лицемѣріемъ.

Но имѣются еще указанія гг. Милицера и Матеранскаго о томъ, что въ обществѣ Довнара и въ присутствіи г-жи Палемъ они, свидѣтели, не воздерживались и отъ скоромнаго анекдота, и отъ вольнаго слова, что сама она держала себя непринужденно, не стѣсняясь иногда ни позою, ни выраженіемъ. Не забудьте, гг. присяжные, что это студенты—среда интеллигентная. Я спрашиваю васъ, на кого должна быть возложена нравственная отвѣтственность за тонъ, за моральный уровень бесѣды, за разговоры, которые при этомъ велись, за характеръ самого времяпрепровожденія? Неужели на Палемъ? Для нея было достаточно присутствія Довнара, ея сожителя, болѣе развитаго и интеллигентнаго, чтобы считать такое обращеніе въ средѣ его друзей за нормальный тонъ, за настоящую студенческую, товарищескую непринужденность и веселость.

Г. Милицеръ идетъ, впрочемъ, нѣсколько далѣе. Если г-жа Палемъ рисуется намъ въ пересказѣ имъ одной сцены и не вполнѣ въ роли разнузданной жены Пентефрія, то все-же онъ, Милицеръ, не отрицаетъ присутствія въ себѣ элементовъ добродѣтели Іосифа прекраснаго. Эту сцену впервые привелъ свидѣтель въ своемъ показаніи здѣсь на судѣ, позабывъ разска-

зать о ней судебному слѣдователю, хотя и былъ допрошенъ имъ дважды. Къ счастію, мы не читали только показанія этого свидѣтеля, мы слышали его и видѣли сами. Онъ даже и не скрываетъ того озлобленнаго раздраженія, которое питаетъ къ г-жѣ Палемъ Такое раздраженіе вполнѣ законно, я бы сказалъ болѣе, оно вполнѣ заслужено. Мы знаемъ, что г-жа Палемъ, видя въ Милицерѣ помѣху своему счастью, дошла до Геркулесовыхъ столбовъ: она не остановилась передъ заявленіями по начальству о политической неблагонадежности этого студента Вы можете понять, какія непріятности могли угрожать ни въ чемъ неповинному молодому человѣку. Хоть кого это взбѣситъ. Милицеръ по праву не можетъ говорить равнодушно о г-жѣ Палемъ Жаль только, что раздраженіе отразилось и на его свидѣтельскомъ показаніи.

Но если, разсказывая о сценѣ, бывшей съ глазу на глазъ, между нимъ и Палемъ, онъ, какъ свидѣтель, со всѣмъ своимъ раздраженіемъ и неудовольствіемъ на подсудимую, почти безусловно внѣ нашего контроля,—зато, по счастью, для оцѣнки достовѣрности показанія этого свидѣтеля, въ той части его, гдѣ онъ ссылается на отзывъ князя Туманова о г-жѣ Палемъ, мы просто обременены доказательствами очевидной неправдивости его показанія. Давая свое первое показаніе здѣсь на судѣ, свидѣтель Милицеръ, безпощадно изобличая г-жу Палемъ, сослался, между прочимъ, и на отзывъ о ней князя Туманова. Выходило, что этотъ отзывъ характеризуетъ полную ея распущенность и „доступность“. Князь Тумановъ—также студентъ института путей сообщенія, также товарищъ покойнаго Довнара, и его отзывъ могъ въ вашихъ глазахъ имѣть серьезное значеніе.

Когда дня два спустя послѣ допроса г. Милицера, князь Тумановъ давалъ свои показанія, всѣ взоры невольно вопросительно обратились на г-на Милицера. Что за мистификація, что за загадка? Князь Тумановъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ полною и беззавѣтною искренностью, повѣдалъ намъ объ отношеніяхъ покойнаго Довнара къ г-жѣ Палемъ. Съ его точки зрѣнія, Довнаръ „невозможно“ велъ себя по отношенію къ этой женщинѣ. Все время выдавая ее за свою жену, онъ затѣмъ безпощадно и, унижая ея человѣческое достоинство, грубо раз-

стался съ нею. По мнѣнію князя Туманова, четыре года безъ-завѣтной любви и вѣрности со стороны женщины, несмотря ни на какое ея прошлое, давали ей право разсчитывать на замужество и, будь онъ, свидѣтель, въ положеніи покойнаго Довнара, онъ считалъ-бы своею нравственною обязанностью жениться на такой женщинѣ, какъ г-жа Палемъ.

Показаніе свидѣтеля, данное имъ подъ присягою, слишкомъ расходилось съ тѣмъ отзывомъ, который ему же влагалъ въ уста г. Милицеръ. Что же обнаружилось на очной ставкѣ, данной обоимъ свидѣтелямъ? Г. Милицеръ поспѣшилъ отречься. „Тогда“, т. е въ то время, когда они оба бывали въ обществѣ Довнара и Палемъ, князь Тумановъ „дѣйствительно ничего подобнаго ему не говорилъ“. Но дѣло было такъ: въ свидѣтельской комнатѣ, уже здѣсь, въ зданіи суда, онъ, Милицеръ, перечислялъ князю Туманову всѣ пороки г-жи Палемъ и ему „показалось“, что князь Тумановъ съ нимъ вполнѣ согласился во мнѣніи относительно г-жи Палемъ, и даже выразился приблизительно такъ: „въ такомъ случаѣ жаль, что я за ней не поухаживалъ, если она такая!» Кн. Тумановъ и въ этой послѣдней редакціи приписываемую ему фразу безусловно отвергаетъ. Но оставимъ это. Вдумайтесь только въ собственное сознаніе г. Милицера, и вы поймете, какъ мало отвѣчаетъ поведенію достовѣрнаго и безпристрастнаго свидѣтеля на судѣ все поведеніе г. Милицера. Несмотря на строгое предостереженіе предсѣдателя не имѣть никакихъ разговоровъ по дѣлу съ другими свидѣтелями, г. Милицеръ систематически ораторствуетъ во вредъ г-жи Палемъ въ свидѣтельской комнатѣ, съ очевиднымъ разсчетомъ повліять на другихъ свидѣтелей. Потомъ онъ выдаетъ за достовѣрное то, о недостовѣрности чего онъ, за краткостью времени, даже не имѣлъ возможности забыть. Разговоръ свой съ княземъ Тумановымъ онъ выдаетъ за отзывъ, слышанный (такъ выходило по первоначальному его показанію) два года назадъ. Счастье, что князь Тумановъ на лицо, и что весь этотъ характерный эпизодъ могъ своевременно быть обнаруженъ. Думаю, что со свидѣтелемъ Милицеромъ намъ болѣе не придется считаться

Чтобы покончить съ вопросомъ о женской нравственности г-жи Палемъ, намъ остается еще сказать два слова о

томъ, какъ самъ Довнаръ смотрѣлъ на свои отношенія къ ней, какъ къ женщинѣ.

Здѣсь обнаруживались благородныя попытки уяснить себѣ путемъ вопроса нѣкоторыхъ свидѣтелей, какія именно фазы развитія пережила любовь Довнара къ Палемъ, къ какимъ моментамъ можно было бы пріурочить его увлеченіе, его охлажденіе и, наконецъ, разочарованіе, — словомъ, всѣ стадіи, черезъ которыя прошли его чувства къ ней. Къ этому любопытному изслѣдованію намъ еще придется вернуться. Пока напомню только то авторитетное заключеніе ближайшихъ друзей Довнара, гг. Матеранскаго и Милицера, которое вы здѣсь слышали. Они, повидимому, очень удивлены самою постановкою подобнаго вопроса, „о любви“, объ увлеченіи и т. п. отвлеченностяхъ. Четыре года человѣкъ прожилъ съ женщиною бокъ-о-бокъ, его отношенія не были куплей-продажей,—казалось-бы, вопросъ естественный, самъ собою напрашивающійся на разрѣшеніе, но, по категорично выраженному мнѣнію этихъ молодыхъ людей, о чувствѣ, о любви тутъ не можетъ быть вовсе и рѣчи. Все дѣло, согласно ихъ воззрѣніямъ, сводилось къ тому, что покойный Довнаръ очень опасался болѣзни и избѣгалъ продажныхъ женщинъ, а съ г-жею Палемъ, которая къ тому же денегъ не требовала и физически ему нравилась, былъ вполнѣ гарантированъ

По истинѣ ужасная, безпощадно-мрачная характеристика нравственнаго облика покойнаго. Я не вѣрю его друзьямъ. Не вѣрю, чтобы въ подобную схему укладывались дѣйствительно всѣ любовныя отношенія современнаго молодого человѣка. Вѣдь если всю фактически провѣренную исторію Довнара и Палемъ уложить въ эту, предлагаемую гг. Матеранскимъ и Милицеромъ, нравственную схему, получится по истинѣ нѣчто чудовищное „боюсь болѣзни, ищу себѣ порядочную женщину, она мнѣ ничего не стоитъ, живу съ нею четыре года, снабжаю ее болѣзнью и самъ ухожу!“ Гг. Матеранскій и Милицеръ... Вы просто не подумали, до чего договорились. Покойный былъ гораздо лучше, гораздо выше того, что предположили о немъ его благородные друзья.

Попутно слѣдуетъ еще остановиться на вопросѣ: по праву-ли г-жа Шмидтъ, въ своихъ прошеніяхъ и отзывахъ, тре-

тировала г-жу Палемъ въ качествѣ „шантажистки“, „лгуньи“ и, наконецъ, „авантюристки“? Все это до извѣстной степени поддерживалось также на судѣ, все это также вошло въ характеристику г-жи Палемъ.

Начнемъ съ — „шантажистки“. По точному значенію слова — терминъ, связанный съ понятіемъ о денежной эксплоатаціи, намекъ на что-то корыстное и грязное. Ну, въ этомъ отношеніи за насъ, слава Богу, все прошлое г. Палемъ и безстрастныя, но краснорѣчивыя цифры, удостовѣренныя притомъ актомъ бухгалтерской экспертизы. Въ прошломъ г-жи Палемъ былъ г. Кандинскій, человѣкъ весьма состоятельный, весьма дорожащій своею коммерческою и всякою иною репутаціею. Объектъ ужъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе Довнара пригодный для эксплоатаціи въ денежномъ отношеніи. Десятки тысячъ легко могли перейти въ карманъ г-жи Палемъ, если бы она только этого настойчиво хотѣла. Что же мы видимъ? Сочтя своею нравственною обязанностью помогать Палемъ въ денежномъ отношеніи, г. Кандинскій ограничивается весьма скромною субсидіею, которая со всѣми экстренными выдачами по случаю ея болѣзни достигаетъ цифры всего только семи тысячъ рублей, и то лишь въ послѣдніе годы.

Затѣмъ идутъ годы сожительства г-жи Палемъ съ Довнаромъ. Установить точно, сколько за тѣ-же годы прожилъ самъ Довнаръ, довольно трудно, такъ какъ мать его, г-жа Шмидтъ, утверждаетъ, что и она изъ своихъ личныхъ средствъ помогала сыну. Допустимъ Но помощь эта во всякомъ случаѣ не могла быть сколько-нибудь значительною Лично г-жа Шмидтъ вовсе небогатая женщина: кромѣ Александра, у нея еще трое дѣтей. Стало быть, главнымъ образомъ, онъ жилъ на проценты съ своего личнаго капитала въ пятнадцать тысячъ рублей, который въ то время еще не былъ удачно пристроенъ изъ десяти процентовъ годовыхъ и заключался въ обыкновенныхъ процентныхъ бумагахъ, приносящихъ не болѣе пяти процентовъ. Затѣмъ безспоренъ фактъ, что къ сентябрю 1893 года, т. е. къ моменту разрыва и начала военныхъ дѣйствій между Довнаромъ и Палемъ, — это удостовѣрено оффиціальной справкой государственнаго банка, — капиталъ

г Довнара еще равнялся 14 тысячамъ рублей. Итакъ, за четыре года своего сожительства съ Палемъ, большею частью на одной квартирѣ, этимъ разсчетливымъ молодымъ человѣкомъ „изъ капитала“ прожито „съ женщиной“ не болѣе одной тысячи рублей. Причтите это къ полученнымъ имъ процентамъ, разбейте на четыре года и вы убѣдитесь, что этой цифры, при поѣздкахъ Довнара въ Одессу, въ Крымъ и т. п., едва достаточно для своего собственнаго существованія. Не желая размѣнивать бумагъ, онъ, какъ мы знаемъ, бралъ иногда деньги взаймы и у г. Кандинскаго. Онъ такъ и остался ему долженъ сотню, другую рублей.

Для того, чтобы судить, насколько Палемъ самостоятельно обходилась „своими средствами“ и насколько мелочные счеты дѣлали скорѣе Довнара ея должникомъ, нежели устанавливали обратное, казалось-бы гораздо болѣе естественное положеніе вещей, достаточно вспомнить нѣкоторые эпизоды. Въ Курскѣ, очутившись безъ денегъ, Палемъ телеграфируетъ, по настоянію Довнара, Кандинскому, и тотъ по телеграммѣ переводитъ Довнару 40 руб.; Матеранскому (свидѣтелю по дѣлу) по протекціи тотъ же Палемъ, какъ пріятелю Довнара, г. Кандинскій ссужаетъ безвозвратно 50 руб. Уже послѣ того, какъ Довнаръ и Палемъ, разойдясь на разныя квартиры, все еще отъ времени до времени продолжаютъ сходиться на „любовныя“ свиданія, г-жа Палемъ тратитъ свои деньги За двѣ недѣли до убійства, чтобы съѣздить со своимъ „милымъ Сашей“ на острова, она закладываетъ вещи на нѣсколько десятковъ рублей. Она передѣлываетъ ему пальто на свой счетъ, находя, что пуговицы и значки потускнѣли и все пальто надо заново освѣжить, такъ какъ совершенно неприлично въ немъ показываться на улицу. Наконецъ, характерная, хотя, быть можетъ, и мелочная подробность, указывающая во всякомъ случаѣ на то, что покойный Довнаръ не привыкъ справляться съ содержимымъ своего кошелька, когда бывалъ въ обществѣ Палемъ Послѣ убійства оказалось, что въ гостинницѣ „Европа“, гдѣ они пробыли всю ночь и полъ-дня, они ужинали и пили шампанское, правда, дешевое, весь счетъ былъ поданъ на 8 р. 50 к Въ карманѣ убитаго оказалось всего только три рубля. въ кошелькѣ подсудимой отыскалось 9 р. 50 к. Нѣтъ, грязный

денежный вопросъ лучше не поднимать въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы мы его ни перетряхивали, какъ бы усердно ни выворачивали карманы обоихъ, ничего, служащаго къ обвиненію г. Палемъ, мы изъ нихъ не вытряхнемъ. Если даже признакомъ искренности чувства къ любимому человѣку не считать безкорыстія, все же, по отношенію къ Довнару, Палемъ была безкорыстна Хотите считать этотъ фактъ безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи, не имѣющимъ ровно никакого значенія для освѣщенія истинныхъ отношеній двухъ любовниковъ, — я согласенъ. Не говорите только, что Палемъ эксплоатировала денежныя средства Довнара, не называйте ее больше „шантажисткой".

Палемъ — лгунья Вотъ, наконецъ, твердый и сильный выводъ обвиненія изъ данныхъ судебнаго слѣдствія, противъ котораго я безсиленъ возражать. Палемъ дѣйствительно лгунья, такъ какъ вѣрно, что она не всегда говоритъ правду Постараюсь выразиться, однако, точнѣе, возможно точнѣе Это очень важно Говоря правду, всю правду, какая она есть, Палемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, восполняетъ ее обыкновенно и ложью. По отзыву доктора Руковича, она такъ нервна, такъ воспріимчива и такъ легко возбудима, что на другой день вѣритъ тѣмъ подробностямъ, которыя сама сочинила только наканунѣ Потомъ она уже твердитъ и повторяетъ это, какъ настоящую правду. Для обыкновенныхъ лжецовъ нужна прежде всего память; Палемъ своей собственной лжи никакъ, если-бы даже того хотѣла, забыть не можетъ. Разъ осѣнила ее эта „ложь", она не отречется уже отъ нея ни за что, даже если-бы вели ее на плаху. Въ этой области она во всякомъ случаѣ феноменъ. Рядомъ съ такою проникновенною и убѣжденною ложью, въ нѣкоторыхъ пунктахъ та-же Палемъ до странности, до абсурда вѣритъ въ правду. Она вовсе не понимаетъ шутки, не понимаетъ всей пустопорожней условности нѣкоторыхъ серьезныхъ лишь по формѣ, а вовсе не по содержанію своему вещей. Пожалѣйте ее „условно", хоть-бы для видимости только,—она заплачетъ настоящими слезами, скажите ей „шутливо" непріятность,—она оскорбится до глубины души, разскажите ей самое невѣроятное приключеніе серьезнымъ тономъ—она повѣритъ ему безусловно.

Она страстно, повидимому, хочетъ и ищетъ правды, но

рядомъ съ этимъ лжетъ. Ей нужна та правда, какой она хочетъ У нея есть предвзятыя положенія, отъ которыхъ она не отступится ни за что. Съ большимъ напряженіемъ я вдумывался въ этотъ характеръ, въ этотъ безалаберный комокъ нервовъ, гдѣ сплетено столько здравыхъ и вмѣстѣ столько больныхъ комбинацій Отъ этой работы я ощутилъ только утомленіе и раздраженіе Нѣтъ никакой возможности отдѣлить всѣ симпатичныя, чисто-женственныя черты ея характера отъ отрицательныхъ. Ее приходится принимать такою, какова она есть, считаться со всѣми особенностями ея характера и ранѣе, чѣмъ выдать ей аттестатъ, имѣть ихъ всѣ въ виду

Каковъ-же, однако, общій тонъ, общее направленіе ея лжи? Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить извѣстной руководящей идеи. Эта руководящая идея до странности, до фотографической подражательности оказывается присущею въ корнѣ своемъ всей, такъ называемой, интеллигентной или „высшей“, словомъ — „цивилизованной“ средѣ современнаго общества. Всѣ мы страдаемъ нѣкоторою маніею величія, всѣ хотѣли-бы прослыть не тѣмъ, что есть только въ дѣйствительности

Надо при этомъ отмѣтить слѣдующую особенность какъ бы двоящейся индивидуальности г-жи Палемъ. Всѣ простые малообразованные люди, съ которыми ее сталкиваетъ судьба, достаточно не нахвалятся ея простотою, сердечностью, отзывчивостью. Четверо прислугъ, простыхъ женщинъ, не могли здѣсь безъ слезъ говорить о ней; имъ ея жалко, по ихъ мнѣнію, это добрая, въ высокой мѣрѣ хорошая, простая, глубоко-несчастная женщина То-же повторяется съ прислугою „Пале-Рояля“, гдѣ г-жа Палемъ жила послѣдніе два мѣсяца. Когда узнали тамъ объ убійствѣ, всѣ плакали по ней, начиная отъ управляющаго, швейцара и кончая посыльнымъ, стоящимъ на ближайшемъ посту. Простыя арестантки Гордина и Мина Тамберъ не нахвалятся достаточно ея простотою, душевностью. По ихъ отзыву, сидя въ тюрьмѣ, она „всѣ глаза выплакала по убитомъ“, терзаясь о немъ и о случившейся съ нею бѣдѣ. И вотъ, та-же Палемъ, какъ только попадаетъ въ „цивилизованное“ общество, въ кругъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, тотчасъ же становится не похожею на себя. Она тотчасъ-же начинаетъ производить

впечатлѣніе „актрисы“; въ словахъ ея начинаетъ звучать фальшь, въ движеніяхъ —поза, въ выраженіяхъ чувствъ—аффектація. Она тотчасъ-же на котурнахъ и въ маскѣ Во всемъ ея поведеніи какъ-бы иллюстрируются однажды сорвавшіяся у нея на допросѣ судебнымъ слѣдователемъ слова. приведенныя и въ обвинительномъ актѣ: „вы хотите поставить меня слишкомъ низко, а я ставлю себя слишкомъ высоко“. Она вся на сторожѣ, и впечатлѣніе дисгармоніи, аффектаціи, неестественности и лжи слѣдуетъ за нею.

Очевидно, она хотѣла-бы иного. Искусство „казаться, а не быть“ только потому и цѣнно, и цѣлесообразно, и преднамѣренно, что оно „искусство“ Чтобы имѣть успѣхъ, оно должно казаться естественнымъ, прирожденнымъ. У нея этого не выходитъ. Поднявшись изъ низшей среды въ среду цивилизованныхъ людей, она—не такъ-ли было-бы и съ дикаремъ?—конечно живѣе и воспріимчивѣе наблюдала и про себя отмѣтила все то, къ чему мы давнымъ давно присмотрѣлись, что составляетъ для насъ обычное, незамѣчаемое уже нами вовсе явленіе „Казаться, а не быть“ — вотъ своекорыстный лозунгъ общежительнаго притворства, который мы носимъ такъ легко, какъ будто онъ намъ прирожденъ. Для нея это новинка, открытіе, недостижимый идеалъ. Это надо „усвоить“. сдѣлать своею „второю натурою“. Въ этой средѣ, куда ее подняла общественная волна, безъ этого, рѣшила она, не проживешь. И вотъ то, что вокругъ нея всѣ носятъ такъ граціозно, элегантно и легко, — дается ей съ большимъ напряженіемъ, съ громадными усиліями, безъ всякаго чувства мѣры, съ явнымъ вредомъ для собственныхъ интересовъ и во всякомъ случаѣ безъ всякой пользы для себя.

Если въ средніе вѣка всѣ рыцари легко и красиво носили свои кованые латы, щиты, мечи и тяжелое оружіе, того-же нельзя было сказать о лицахъ другихъ сословій. Какой-нибудь бюргеръ или вилланъ былъ-бы смѣшонъ и неуклюжъ въ этихъ кованыхъ доспѣхахъ. Такъ и здѣсь. По содержанію своему ложь г-жи Палемъ самая обычная, ходячая, въ ней только немного присущаго всѣмъ стремленія хоть на вершокъ казаться выше своей собственной головы, по выраженію-же, по формѣ—она вычурна, ходульна, экстравагантна и неестественна.

По обвинительному акту Палемъ значится, напримѣръ, двадцать восемь лѣтъ; ей хотѣлось-бы имѣть только двадцать пять. Чтобы доказать это, она сплетаетъ цѣлую маловѣроятную исторію. По медицинскому акту осмотра ей, однако, столько и даютъ доктора (это не съ каждой женщиной въ подобныхъ замѣшательствахъ относительно исчисленія лѣтъ можетъ случиться) Она мѣщанка, низкаго происхожденія, ей, самое бо̀льшее, можетъ быть незаконно, пришлось заполучить чуточку дворянской крови въ свои жилы, а ей мерещится уже цѣлая татарско-княжеская эпопея, цѣлая легенда, хотя она еврейка и этого не отрицаетъ Къ ней были милостивы кое-кто изъ высокопоставленныхъ лицъ, она обобщаетъ это до грандіозной, до феноменальной лжи, и пишетъ совершенно серьезно Кандинскому: „вся петербургская знать на моей сторонѣ“. Смѣшно, вычурно и не можетъ принести ей ничего, кромѣ вреда А между тѣмъ, то же самое въ видѣ тонкихъ намековъ, лукавыхъ и граціозныхъ недомолвокъ, не оттѣненное, не подчеркнутое театрально, благодаря нѣкоторой фактической почвѣ въ основѣ ея разсказовъ, несомнѣнно могло-бы сдѣлать свое дѣло.

Лгать легко, походя, непринужденно, весело, но, вмѣстѣ, съ тактомъ, съ глубоко затаеннымъ разсчетомъ, съ чувствомъ мѣры—развѣ не черта „таланта“ и „виртуоза“, характерная для нашего времени, развѣ это не современное намъ оружіе, которое бряцаетъ не такъ громко, какъ средневѣковое, но зато въ иныхъ случаяхъ еще исправнѣе, еще надежнѣе служитъ и для самообороны и для измѣнническаго нападенія. Но для этого надо родиться въ готовыхъ рамкахъ, въ готовой средѣ всевозможныхъ условностей, гдѣ ими насыщенъ самый воздухъ. Г-жа Палемъ очевидно не обладаетъ такою необходимою подготовкой. Ложь ея—ложь тяжелая, громоздкая, мало цѣлесообразная и издали примѣтная. Она любитъ „удивительныя“ исторіи, которыя въ большинствѣ случаевъ только тѣшатъ ея собственное раздраженное воображеніе. Когда-же она вздумаетъ солгать, въ надеждѣ слукавить, ложь ея видна насквозь, какъ наивное лукавство дикаря. Какъ разобраться во всей этой путаницѣ противорѣчивыхъ наслоеній въ характерѣ г-жи Палемъ, — не знаю. Знаю только одно, и это пока очень важно. Ложь ея безвредна. Она не умѣетъ обма-

нывать Это большое счастье. Отдѣлить правду отъ лжи во всѣхъ оттѣнкахъ настоящаго дѣла, благодаря именно этой чертѣ ея характера, намъ не представится ни малѣйшаго труда

Наконецъ, еще одинъ послѣдній эпитетъ, эпитетъ въ устахъ обвиненія по адресу г-жи Палемъ—„авантюристка!“ Конечно, при этомъ имѣютъ въ виду стремленіе, очень настойчивое стремленіе г-жи Палемъ стать законною женою Довнара Г. врачъ Руковичъ выразился, что это стремленіе ея было „неосуществимое“ Теперь судить легко, такъ какъ мы знаемъ, что оно дѣйствительно не осуществилось. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что два года Довнаръ многимъ выдавалъ ее за свою жену, мы знаемъ, что, переписываясь до 1893 г. съ нею, онъ ей иначе не адресовалъ писемъ, какъ: „Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ“. Онъ разлакомилъ ее. Она съ мужествомъ и терпѣніемъ карабкалась по призовому столбу, на вершинѣ котораго было „честное имя жены любимаго человѣка“.

Безотносительно къ грустному финалу всей этой печальной трагедіи, скажите мнѣ: развѣ идея, запавшая ей въ голову, сама по себѣ такъ абсурдна, такъ чудовищна, такъ незаконна? За что-же клеймить Палемъ названіемъ авантюристки? Вѣдь четыре года вѣрной любви и безупречнаго сожительства—не „авантюра“, не маскарадное приключеніе. Почему же Довнаръ былъ такъ недосягаемъ? Мало-ли всѣми уважаемыхъ лицъ (не чета Довнару), женатыхъ на неравныхъ себѣ по общественному положенію? Своимъ честнымъ именемъ безъ ложнаго стыда и робости они дали и имя и положеніе въ обществѣ такимъ женщинамъ, которыя, не случись этого, такъ же назывались бы „авантюристками“. Стремленіе Палемъ стать женою того, кого она любила, съ кѣмъ прожила „вѣрою и правдою“ четыре года, само по себѣ законно, понятно, естественно. Было-бы, наоборотъ, дико и странно, если-бы честная женщина объ этомъ не мечтала, если-бы она къ этому страстно не стремилась. Все, что хотите, только не „авантюристка“, только не обвиненіе ее въ жаждѣ новыхъ впечатлѣній и какихъ-то экстравагантныхъ, невѣроятныхъ и „невозможныхъ“ приключеній. Она хотѣла для каждой женщины самаго близкаго, простого,

естественнаго. Она хотѣла любви любимаго человѣка и права не стыдиться своей собственной любви къ нему. Она хотѣла смотрѣть всѣмъ честно въ глаза. Только объ этомъ одномъ мечтала она и, какъ я постараюсь вамъ это доказать, она вправѣ была такъ мечтать.

Теперь, если и самое событіе, печальное событіе 17 мая, ставится ей на счетъ, какъ новое приключеніе „авантюристки“. Но будемъ-же справедливы Рана, нанесенная ею самой себѣ, была дѣйствительно кровавая, неподдѣльная, дѣйствительно грозившая ей вѣрною смертью. Спаслась она только чудомъ. Г. товарищъ прокурора, характеризуя грѣховную преступность самоубійцъ, громитъ ихъ эгоизмъ, говоря, что они думаютъ только о себѣ, нисколько не заботясь объ окружающихъ. Они забываютъ даже о тѣхъ, кому сами дороги, кому близки, кому приходится оплакивать ихъ преступную, безвременную кончину. Не тутъ-ли мы подходимъ къ настоящей чертѣ „авантюризма“, дѣйствительно присущей несчастной Палемъ. Она смѣло могла стрѣлять въ себя и застрѣлиться, вовсе не думая о томъ, что поступаетъ эгоистично. Вокругъ нея не было близкихъ, ее некому было пожалѣть. Одна,—какъ вѣтеръ въ полѣ.

Гг. присяжные засѣдатели, весь полемическій элементъ моей рѣчи исчерпанъ. Вы должны мнѣ простить нѣкоторую настойчивость и нѣкоторую горячность, съ которыми я отстаивалъ иныя боевыя позиціи, неправильно, по моему мнѣнію, занятыя нападающими. Я не вышелъ изъ предѣловъ необходимой обороны. Теперь, когда всѣ основные, принципальные счеты сведены съ противниками, я охотно бросаю всякое оружіе. Мнѣ предстоитъ другая, болѣе мирная, но, можетъ быть, еще болѣе тяжелая задача. За мною сидитъ Палемъ, на мнѣ лежитъ отвѣтственность за ея судьбу. О Палемъ и о ея судьбѣ я долженъ повести вамъ рѣчь... Будьте терпѣливы, господа, и будьте снисходительны. Время вашему приговору наступитъ своимъ чередомъ, теперь пока—время защиты.

Въ Симферополѣ, отъ еврейскихъ родителей, родилась дѣвочка, по имени Меня, по отчеству Мордковна, по фамили Палемъ. Если вѣрить точности раввинской справки о рожденіи еврейскаго ребенка, это было въ концѣ 1865

года. Отецъ ея, Палемъ, былъ въ то время зажиточный человѣкъ. Торговля его шла бойко и, несмотря на то, что семья его была довольно значительная, онъ имѣлъ возможность дать ей вполнѣ приличную обстановку, окруживъ ее всѣми условіями матеріальнаго довольства. Меня, обожаемая матерью, росла живымъ, бойкимъ, привѣтливымъ и ласковымъ ребенкомъ. Въ семьѣ ее любили и только всегда опасались за ея здоровье

Она не была похожа на другихъ дѣтей. То задумчивая и грустная, то безумно шаловливая и веселая, она нерѣдко раздражалась истерическими припадками и даже впадала въ обморочныя состоянія. Заботливо перешептываясь между собою, родители рѣшали, что ея „не надо было раздражать". Они давали ей свободу. Безъ всякихъ учителей дѣвочка умудрилась какъ-то научиться читать и писать по русски, хотя всѣ остальныя дѣти въ семьѣ учились исключительно только по еврейски. Годамъ къ тринадцати стройную и граціозную, одѣтую прилично, „какъ барышня", Меню Палемъ часто можно было видѣть на бульварѣ и въ городскомъ саду въ обществѣ подростковъ-гимназистокъ. Сначала игры, потомъ бесѣды и, наконецъ, самая тѣсная дружба съ многими дѣвочками мѣстной интеллигентной среды.

Надо знать югъ съ его живою, общительною жизнью на „вольномъ воздухѣ", подъ яркими лучами всѣхъ равно согрѣвающаго солнца, чтобы повѣрить Палемъ, что тамъ, въ средѣ русской учащейся молодежи она, со своею живостью и экспансивною отзывчивостью, не встрѣчала ни косыхъ взглядовъ, ни пренебрежительныхъ оттѣнковъ въ обращеніи Вырываясь изъ замкнутыхъ условій существованія довольно заскорузлой и ветхозавѣтной еврейской семьи, она чувствовала себя на волѣ, дышала полною грудью Такъ продолжалось года три Изъ нея сформировалась красивая, по своему умная и милая дѣвушка. Кое-чему она подучилась, однако, немногому; зато она съ упоеніемъ зачитывалась всякимъ романическимъ бредомъ, который ей безъ разбора подсовывали разные, столь-же юные, какъ и она сама, просвѣтители ея и просвѣтительницы.

На пятнадцатомъ году жизни, согласно ея показанію, ей запала мысль принять православіе. Образъ распятаго „за всѣхъ"

Христа и торжественная обстановка православнаго богослуженія—тронули ея сердце, смутили ея воображеніе. Таясь отъ родителей, она задумала „перемѣнить вѣру“. Съ точки зрѣнія ветхозавѣтной еврейской семьи это было страшнымъ грѣхомъ, за который не прощаетъ Адонаи, богъ мститель, до седьмого колѣна. И теперь, въ своемъ показаніи, данномъ судебному слѣдователю въ Симферополѣ, старикъ Мордка Палемъ съ сокрушеніемъ добавляетъ: „и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ счастье меня покинуло. Я разворился и впалъ въ нищету со всею своею семьею“ Теперь вы можете себѣ вообразить, хотя бы приблизительно, какой душевной борьбы, какихъ напряженныхъ усилій воли стоило 16-лѣтней дѣвушкѣ, таясь отъ всѣхъ, добиться осуществленія своего завѣтнаго желанія. Случается нерѣдко, что молодыя еврейки, влюбившись въ православныхъ, бѣгутъ съ ними, и тогда дѣло „перемѣны вѣры“ совершается легко и быстро въ чаду любовныхъ волненій, но исключительно подъ вліяніемъ неотступной необходимости вступленія въ бракъ. Ничего подобнаго не было здѣсь. Мы не знаемъ никого, кто-бы въ этомъ направленіи просвѣщалъ шестнадцатилѣтнюю Меню. Актъ принятія православія былъ актомъ личной ея душевной жизни, онъ потребовалъ отъ нея подъема всѣхъ лучшихъ ея нравственныхъ силъ, и онъ-же привелъ и поставилъ ее лицомъ къ лицу съ самыми трудными и роковыми вопросами открывшейся передъ нею новой жизни. Не случись этого, она осталась бы въ семьѣ въ обычныхъ условіяхъ существованія патріархальной мѣщанской еврейской среды, вѣроятно, вышла бы замужъ за еврея, создала бы свою семью и состарилась бы такъ-же быстро и незамѣтно, какъ состарилась ея мать, нѣкогда красавица, Геня Пейсоховна Палемъ.

Судьба сулила ей иное. Съ семьею пришлось разстаться. Старики не проклинали свою, нѣкогда любимую Меню, но не хотѣли жить съ вновь нареченною Ольгою. Отъ своего крестнаго отца, генералъ-маіора Василія Попова, извѣстнаго крымскаго богача,—лица, судя по отзыву мѣстной хроники, весьма самобытнаго и своеобразнаго,—она получила „на зубокъ“ пятьдесятъ рублей и право именоваться, если не его фамиліей „Поповой“, то во всякомъ случаѣ его отчествомъ „Васильевною“.

Съ такимъ легковѣснымъ багажемъ отправилась она въ Одессу Оставаться въ Симферополѣ, въ той же еврейской, отнынѣ враждебной ей средѣ, было уже немыслимо. Въ Одессѣ у нея не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. Вспомните показаніе Бертига На первыхъ порахъ она пыталась пристроиться къ какой-нибудь, хотя-бы черной, хотя-бы тяжелой работѣ. Она поступила въ горничныя. Пробыла нѣсколько дней и была отпущена, такъ какъ оказалось, что она не умѣла ни за что взяться, была бѣлоручкой. Потомъ мы видимъ ее нѣкоторое время продавщицей въ табачной лавочкѣ. По отзыву полицейскаго пристава Чабанова, въ то время она была бѣдно одѣта, зато отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, была энергична и весела. Въ ея поведеніи нельзя было отмѣтить ничего предосудительнаго.

Потомъ, спустя нѣкоторое время, въ 1887 г., тотъ-же приставъ Чабановъ сталъ встрѣчать ее уже „хорошо одѣтою“. Онъ замѣтилъ, что она съ тѣхъ поръ очень измѣнилась и физически и нравственно: похудѣла, осунулась, поблѣднѣла, стала капризной, нервной и раздражительной. Поговаривали, что она „сошлась“ съ нѣкіимъ Кандинскимъ, лицомъ „солиднымъ“, занимавшимъ въ городѣ довольно видное общественное положеніе Она жила на отдѣльной квартирѣ, но онъ навѣщалъ ее. Такъ продолжалось два года до лѣта 1889 года. Она томилась, скучала. Положеніе „содержанки“ и сожительство съ пожилымъ человѣкомъ, начавшимъ „съ отеческихъ ласкъ“ и попечительнаго къ ней отношенія, и кончившимъ тѣмъ, что взялъ ее къ себѣ въ любовницы, не удовлетворяло ея. Она нервничала, болѣла, ее тянуло прочь изъ этой искусственно наложенной, гаремно-филантропической обстановки.

Составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о томъ, что за личность г. Кандинскій, довольно мудрено. Мы имѣемъ даже собственноручныя его посланія и къ Палемъ, и къ покойному Довнару, но, къ сожалѣнію, въ нихъ слишкомъ много говорится „о погодѣ“. Во всякомъ случаѣ, это, что называется, человѣкъ въ высшей степени „корректный“ Слишкомъ глубоко и откровенно ставить вопросы онъ не любитъ; но разъ вопросъ назрѣвалъ самъ собою, онъ пы-

тается разрѣшить его по возможности „прилично“, т.-е. все-таки по-человѣчески. И на томъ спасибо.

Въ лицѣ г-жи Палемъ онъ, разумѣется, не нашелъ и не могъ найти того, чего искалъ. Ему, дѣловому и занятому человѣку, заѣзжавшему „отдохнуть“ къ своей возлюбленной между двумя коммисейскими засѣданіями или по дорогѣ изъ конторы на биржу, требовалось совсѣмъ иное Своимъ постояннымъ нравственнымъ безпокойствомъ, своими нервными приступами и чувствомъ неудовлетворенности, она и его „разстраивала“, дѣлала его нервнымъ, безпокойнымъ, чуть не больнымъ. На выручку пришелъ его добрый пріятель, открытая и честная душа,—полковникъ Калеминъ. Онъ порѣшилъ, что это надо „уладить“, и дѣйствительно уладилъ все ко взаимному удовольствію. По его словамъ, съ „Ольгой Васильевной“ (Палемъ), которую онъ хорошо узналъ за эти два года, „добрымъ и ласковымъ словомъ можно было подѣлать рѣшительно все, что угодно“. Рѣшено было, что въ интересахъ здоровья и общаго нравственнаго благополучія, г-жа Палемъ и Кандинскій должны разстаться. При этомъ бравый полковникъ порѣшилъ, что его пріятель долженъ „навсегда обезпечить“ молодую, одинокую, брошенную на произволъ житейскихъ превратностей дѣвушку. Онъ вручилъ нѣкоторую сумму денегъ, на первыхъ порахъ что-то около двухъ тысячъ, въ полученіи которой г-жа Палемъ дала приблизительно такую расписку: „получила то, что мнѣ обѣщалъ г. Кандинскій, никакихъ претензій не имѣю“ Это—дѣловая аккуратность, присущая бухгалтерскому складу ума г. Кандинскаго. На все у него имѣются номерки, расписки, квитанціи. Всѣ его выдачи Палемъ и даже Довнару проведены по его торговымъ книгамъ.

Въ сущности подобная расписка, выданная притомъ несовершеннолѣтнею, отъ возможности заявленія „претензій“ отнюдь не ограждала. Если-бы г-жѣ Палемъ были присущи какія-либо своекорыстныя, не говорю уже „шантажныя“, стремленія, она въ то время съ большимъ юридическимъ основаніемъ, чѣмъ когда либо, могла бы возбудить дѣло объ обольщеніи несовершеннолѣтней, сопровождая его всевозможными денежными требованіями. Ни о чемъ подобномъ

даже мысли не возникало. Г. Калеминъ „отечески“ и „дружески“ самъ уговаривалъ ее не отказываться отъ денежнаго вспомоществованія, предназначеннаго ей Кандинскимъ. Это подтвердилъ свидѣтель Калеминъ здѣсь, на судѣ, какъ равнымъ образомъ удостовѣрялъ онъ и то, что г Кандинскій нравственно считаетъ себя обязаннымъ и понынѣ, при всякихъ тяжелыхъ для г-жи Палемъ обстоятельствахъ, приходить ей на помощь.

Послѣ разрыва той любовной связи, которая только тяготила обоихъ, между г-жею Палемъ и Кандинскимъ установились, повидимому, гораздо болѣе дружескія, болѣе человѣческія отношенія. Письма ихъ дышатъ непринужденною нѣжностью и пріязнью. Она называетъ его „милымъ котомъ“, иногда „котомъ сибирскимъ“; онъ ее— „милымъ Марусенкомъ“, или просто „Марусенкомъ“, а то еще, по ея еврейскому имени „Меня“ или „Маріама“, которое ему больше нравилось.

Осенью 1889 года мы застаемъ г-жу Палемъ по прежнему въ Одессѣ, живущею въ домѣ Вагнера, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ во дворѣ занимала квартиру семья Довнаръ или (по второму мужу Александры Михайловны)— Шмидтъ. Вслѣдствіе „малодушной щепетильности, изъ нежеланія прослыть происхожденія еврейскаго“, какъ значится въ отношеніи Одесскаго градоначальника на имя С.-Петербургскаго градоначальника, затребовавшаго въ 1893 году (вслѣдствіе прошенія г-жи Шмидтъ о высылкѣ Палемъ изъ Петербурга) свѣдѣнія о личности подсудимой, г-жа Палемъ въ то время, съ вѣдома мѣстной полиціи, называлась по фамиліи своего крестнаго отца Ольгою Васильевною Поповой Жизнь г-жи Поповой или Палемъ была въ то время вся на виду у семейства Довнаровъ. Прислуга г-жи Шмидтъ, Шваркова, скоро съ разрѣшенія своей хозяйки перешла въ услуженіе къ г-жѣ Палемъ на лучшее жалованье Благодаря молодости, красотѣ, независимому и самостоятельному образу жизни Ольги Васильевны, всѣ въ домѣ скоро на нее обратили вниманіе. И надо отмѣтить, что это „общее вниманіе“ было къ ней въ ту пору весьма благосклонно. Маленькія дѣти г-жи Шмидтъ подходили къ балкону элегантной дамы и, назы-

вая ее „милой madame Поповочкой“, выпрашивали у нея сладости и игрушки.

Скоро познакомился съ Ольгой Васильевной и Александръ Довнаръ, въ то время студентъ перваго курса математическаго факультета, молодой человѣкъ двадцати одного года. Онъ явился „съ визитомъ“, благодарить за вниманіе, оказанное его младшимъ братьямъ. Знакомство началось. Александръ Довнаръ сталъ франтить и заботиться о своей наружности. Онъ подстригъ себѣ какимъ-то особеннымъ фасономъ бороду и говорилъ товарищамъ, что „Ольгѣ Васильевнѣ такъ нравится лучше“. У Ольги Васильевны была страсть, пріобрѣтенная ею еще въ Крыму. Она до безумія любила лошадей и обожала верховую ѣзду Александръ Довнаръ тотчасъ-же почувствовалъ неодолимое влеченіе къ манежу и выѣзженнымъ подъ мундштукъ наемнымъ скакунамъ. Осенью, когда настали чудные, ласкаемые южнымъ солнцемъ дни, стали ѣздить за городъ Мать Довнара, со всѣми своими приспными, выходила на крыльцо и любовалась, пока кавалькада во дворѣ готовилась къ отъѣзду. „Затянутую въ рюмочку“, граціозную и изящную амазонку, вскакивавшую на лошадь въ своемъ черномъ элегантномъ нарядѣ, она привѣтствовала поощрительной улыбкой, обмѣнивалась съ нею нѣсколькими фразами, провожала дружескимъ кивкомъ головы. По замѣчанію свидѣтеля Пляшевскаго, мѣстнаго околодочнаго надзирателя, на глазахъ котораго все это происходило, Александра Михайловна Шмидтъ вообще всѣми мѣрами „поощряла сближеніе своего сына съ г-жею Палемъ“.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ Наконецъ, однажды, Александръ Довнаръ, взволнованный, точно окрыленный какою-то неслыханною радостью, разыскиваетъ своего пріятеля Матеранскаго и изливается передъ нимъ До сихъ поръ онъ зналъ только продажныхъ женщинъ, наконецъ, и у него романъ. Онъ старается казаться немножко равнодушнымъ, немножко фатомъ, но изъ всѣхъ его молодыхъ поръ, помимо его воли, такъ и бьетъ живая и свѣтлая радость, „торжество любви“. Начинается между пріятелями обмѣнъ мыслей и подъ конецъ, по обычаю всѣхъ молодыхъ людей, пикантное смакованіе подробностей. Сна-

чала она его отвергла, даже „разсердилась“, но онъ обнималъ ея колѣна и... Конечно, онъ „вовсе ея не любитъ“ (какъ-же, не на таковскаго напала!): но она интересна, очень интересна..... какъ женщина особенно. .. что-то удивительное... Притомъ, это ровно ничего ему не будетъ стоить. Во всякомъ случаѣ кладъ, сущій кладъ! И пріятель, нервно потягиваясь и тревожно потирая свои отчего-то похолодѣвшія руки, не сразу, но все-же подъ конецъ соглашается, что это точно „кладъ“.

Около двухъ лѣтъ въ Одессѣ, сначала въ домѣ Вагнера, потомъ въ домѣ Горѣлина, и, наконецъ, на дачѣ, продолжается безсмѣнно связь г-жи Палемъ съ Александромъ Довнаромъ. Все это происходитъ на глазахъ Александры Михайловны Шмидтъ и ея семьи Александръ Довнаръ всюду публично показывается объ руку съ Ольгой Васильевной, раскланивается со своими знакомыми мужчинами и дамами, ни мало не стѣсняясь. Встрѣтивъ гдѣ-то въ театрѣ Ольгу Васильевну со студентомъ Довнаромъ приставъ Чабановъ, потерявшій было ее изъ виду, раскланивается съ нею и спрашиваетъ: „какъ поживаете, какъ ваше здоровье, Ольга Васильевна?“ „Отлично,—весело и оживленно отвѣчаетъ та,—вотъ мой женихъ“, и знакомитъ его съ Довнаромъ. Кандинскому г-жа Палемъ представляетъ Александра Довнара также въ качествѣ жениха. Они заходятъ иногда къ нему въ гости, вмѣстѣ провожаютъ его на пароходъ. Родственники и товарищи Довнара, гг. Шелейко, Матеранскій,—свои люди въ квартирѣ г-жи Палемъ. Они у нея обѣдаютъ, завтракаютъ заходятъ, не стѣсняясь, когда вздумается. Все это дѣлается въ томъ же домѣ, гдѣ проживаетъ и г-жа Шмидтъ (сначала въ домѣ Вагнера, а потомъ опять вмѣстѣ въ домѣ Горѣлина). Прислуга, всѣ домашніе, весь дворъ знаютъ объ этой связи. Каждая ссора между любовниками, каждая „вспышка у домашняго очага“ обсуждается сообща мать вставляетъ свое авторитетное слово, высказываетъ свое мнѣніе. Однажды г-жа Палемъ, приревновавъ своего „Сашу“ къ двоюродной сестрѣ его, г-жѣ Круссеръ, устроила ему цѣлую публичную „сцену“ на каткѣ. Съ нею былъ револьверъ, которымъ она ему пригрозила. Полиція вспо-

лошилась, затѣяла составлять протоколъ о „покушеніи на убійство", но г-жа Шмидтъ вмѣшалась въ дѣло и, какъ дважды два, доказала слишкомъ бдительнымъ властямъ, что это была простая „вспышка ревности со стороны г-жи Палемъ". Отобранный отъ нея револьверъ оказался даже незаряженнымъ!

Насъ интересовалъ вопросъ, знала-ли г-жа Шмидтъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло ея сынъ въ лицѣ Ольги Васильевны Поповой, зналъ-ли самъ Довнаръ, что это Палемъ, а не Попова, и какъ долго „удивительная исторія" о татарско-княжескомъ происхожденіи, сочиненная подсудимою, могла играть ту или другую роль въ его глазахъ. На этотъ счетъ намъ даетъ самыя точныя и положительныя указанія тотъ-же ближайшій пріятель Довнара, г. Матеранскій Въ Одессѣ ни для кого не составляла тайны прежняя связь Палемъ съ Кандинскимъ. Г. Кандинскій былъ въ городѣ слишкомъ замѣтнымъ человѣкомъ Лишь на самыхъ первыхъ порахъ Александръ Довнаръ заносилъ въ свой дневникъ разсказы г-жи Палемъ о ея княжескомъ происхожденіи, но и то сопровождалъ ихъ критическимъ замѣчаніемъ: „сколько во всемъ этомъ натяжекъ"! Чрезъ какіе-нибудь полгода ихъ сожительства—это положительно удостовѣрилъ г. Матеранскій—Довнаръ да и всѣ окружающія его лица знали, что Ольга Васильевна родомъ еврейка, что фамилія ея Палемъ, что она изъ Симферополя, что деньги, которыя она проживаетъ, она получаетъ отъ Кандинскаго за его прежнюю къ ней любовь. Всѣ эти открытія ни въ чемъ не измѣнили отношеній Александра Довнара. Мы имѣемъ еще болѣе совершенное, такъ сказать, документальное доказательство тому, что ни малѣйшаго ослѣпленія у Довнара на этотъ счетъ не было, да и быть не могло. Лѣтомъ 1890 года Палемъ съ Довнаромъ ѣздили вмѣстѣ въ Симферополь, чтобы обмѣнять ея паспортъ. Мѣщанскій староста Жуковъ помнитъ этотъ пріѣздъ Ольги Васильевны, которую зналъ раньше дѣвочкой. Она явилась въ мѣщанскую управу настоящею „барышнею" въ сопровожденіи студента, котораго называла своимъ женихомъ. Студентъ видѣлъ ея паспортъ и зналъ, что рѣчь идетъ о дочери еврейскихъ родителей Палемъ, принявшей въ 1884 году православіе.

О незаконномъ происхожденіи Ольги Васильевны по отцу и о правѣ ея на фамилію Попова толковали разно. Полковникъ Калеминъ, напримѣръ, вполнѣ увѣренъ, что происхожденіе Ольги Васильевны именно таково. Какъ бы то ни было, Одесса (разумѣя кругъ такъ называемаго „высшаго общества“) вовсе ужъ не такой большой городъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Въ концѣ концовъ это все-таки настоящая „провинція“, гдѣ, то и дѣло, на улицахъ раскланиваются, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга въ лицо То, что извѣстно было о г-жѣ Палемъ всему городу, не могло не быть извѣстно Довнару, не могло быть скрыто и отъ г-жи Шмидтъ. Два года сожительство Довнара съ г-жею Палемъ при такихъ условіяхъ продолжалось на глазахъ Александры Михайловны Шмидтъ, и она была въ полномъ восторгѣ отъ „удачи“ своего сына. Нужно ли прибавлять, что за все это время г-жа Палемъ жила исключительно на „свои средства“ и не стоила Александру Довнару ни одной копѣйки

Наступила осень 1891 года Довнару предстояло поступить въ медицинскую академію, надо было ѣхать въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ Мѣсяца два, три спустя, Ольга Васильевна Палемъ, продавъ тому же Кандинскому всю свою обстановку, стоившую ей больше пяти тысячъ рублей, за тысячу четыреста рублей, катитъ также въ Петербургъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Довнара къ матери изъ Петербурга онъ, между прочимъ, вскользь о ней упоминаетъ: „Ольги Васильевны въ Петербургѣ нѣтъ. Что ей за охота переселяться съ благодатнаго юга въ это туманное болото“. Звучитъ какъ бы досадное сожалѣніе, что ея съ нимъ нѣтъ. Петербургъ вообще ему не нравится, онъ на первыхъ порахъ чувствуетъ себя въ немъ одиноко и не по себѣ Между тѣмъ, Ольга Васильевна, разметавъ свое, такъ или иначе, свитое на благодатномъ югѣ гнѣздо, летитъ тѣмъ временемъ на туманное болото.

Они поселяются вмѣстѣ на Кирочной, занимаютъ одну общую небольшую квартиру. Отнынѣ начинается та совмѣстная жизнь, которую мы прослѣдили во время судебнаго слѣдствія, благодаря удостовѣреніямъ и справкамъ адреснаго стола Прислугѣ, швейцару, дворникамъ Довнаръ выдавалъ Палемъ за свою жену. Тайна подъ сурдину открывается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходится предъявлять свой документъ.

Тамъ она значится: „Симферопольская мѣщанка Ольга Васильевна Палемъ“ Письма, получаемыя ею, адресуются. „Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ“ Во время своихъ отлучекъ самъ Александръ Довнаръ ей пишетъ не иначе Ежемѣсячныя присылки денегъ отъ Кандинскаго адресуются Довнару „съ передачей Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ“ Прислуга ихъ зоветъ „бариномъ“ и „барынен“. Жалованье ей платитъ „барыня“, на расходъ даетъ „барыня“. за квартиру дѣлаютъ взносы дворникамъ (какъ случится) то „баринъ“, то „барыня“ Словомъ, если не бракъ форменный и законный, то во всякомъ случаѣ нѣчто большее „огражденія себя отъ случайнаго заболѣванія“, полный конкубинатъ, сожительство самое тѣсное

Въ эту первую зиму 1891—92 года живутъ они довольно ладно. Ссоры и даже драки бываютъ, но зато примиренія слѣдуютъ бурныя, страстныя, совсѣмъ какъ у влюбленныхъ. То приревнуетъ она его и расцарапаетъ ему лицо, то не сдержится онъ и форменно ее поколотитъ. При людяхъ всегда сдержанный и скромный, наединѣ онъ доходилъ до неистовства и иногда пускалъ въ ходъ швабру, ножны старой шашки и т п Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ четыре свидѣтельницы, жившія у нихъ поочередно въ услуженіи. Словомъ, всѣ „права любви“, сознаваемыя самцомъ, законнымъ обладателемъ самки, находили себѣ полное и всестороннее проявленіе въ отношеніяхъ Александра Довнара къ Палемъ Съ другой стороны и она, то покорная до униженія, то бурная и неистовая, не знала никакого удержу, не признавала никакихъ границъ въ выраженіи той любовной гаммы, въ которой заключительной, послѣдней ноткой, по отзыву той-же прислуги, наблюдавшей поневолѣ ихъ интимную жизнь, всегда и неизмѣнно бывалъ одинъ и тотъ-же стонущій вопль: „Саша, люблю!“. Къ веснѣ 1892 года они оба нѣсколько расшатали свое здоровье. Особенно подалась она. Стала кашлять, чувствовать боль въ груди и недомогать Онъ очень сталъ безпокоиться. Тотчасъ повелъ ее самъ по докторамъ, выдавая всюду за жену, совѣтовался, оставался съ докторомъ наединѣ, прося „открыть ему всю правду“, вообще очень тревожился Пришлось изслѣдовать мокроту, являлось даже предположеніе, не чахотка-ли? Къ счастью коховскихъ бациллъ не открыли Всѣ врачи констатировали единогласно

чрезмѣрно развившееся малокровіе и значительное разстройство нервъ, граничащее съ форменною истеріею Совѣтовали пить кумысъ, набраться силъ, пожить въ деревнѣ, съѣздить къ Крымъ, вообще нагулять силъ и здоровья.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Матеранскому Александръ Довнаръ съ безпокойствомъ говоритъ о расшатанномъ здоровьи Ольги Васильевны. Ей самой, когда она уѣхала пить кумысъ въ Словушку, онъ шлетъ восторженныя и нѣжныя посланія „Онъ теряетъ голову“ отъ безпокойства, онъ „безъ ужаса“ не можетъ подумать о неблагопріятномъ исходѣ ея болѣзни, онъ умоляетъ, заклинаетъ, требуетъ, чтобы она пила кумысъ исправно, чтобы оставалась, какъ можно дольше, въ сосновомъ лѣсу, на чистомъ воздухѣ, и вообще вся, и духомъ и тѣломъ, ушла бы въ заботы о своемъ здоровьи. Нельзя представить себѣ болѣе нѣжныхъ болѣе пламенныхъ и вмѣстѣ болѣе трогательныхъ посланій.

Нужно-ли прибавлять, что всю эту „музыку“ или, если хотите, — весь этотъ „ядъ любви“ она жадно впиваетъ подъ тѣнью старыхъ, живительныхъ сосенъ, предварительно срывая съ каждаго такого посланія конвертъ, на которомъ почеркомъ любимаго человѣка твердо и четко начертано: „Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ“. Гордая и счастливая, она пробѣгаетъ строку за строкой, слово за словомъ, но и между строками и между словами находитъ только одно: „онъ любитъ, онъ мой!“. Я думаю, что она была права: онъ дѣйствительно любилъ ее и думалъ самъ, что принадлежитъ ей навсегда

Къ веснѣ того же 1892 года, кромѣ ея болѣзни, у него была еще и другая большая забота. Мы знаемъ, что именно къ этому времени онъ твердо порѣшилъ бросить медицинскую карьеру и, во что бы то ни стало, поступить въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Достигнуть этого можно было только съ большимъ трудомъ и при вполнѣ благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Желающихъ держать конкурсный экзаменъ въ августѣ 1892 года записалось семьсотъ человѣкъ, вакансій же было только семьдесятъ. Быть зачисленнымъ сверхъ комплекта возможно было только по усмотрѣнію высшаго начальства и притомъ при чрезвычайныхъ и особен-

ныхъ обстоятельствахъ. Ольга Васильевна живо раздѣляла опасенія и тревоги своего возлюбленнаго. Уже съ весны стали подумывать, какъ бы „похлопотать“, „заручиться“, обставить возможно благопріятнѣе шансы на успѣхъ. Между Кандинскимъ и Довнаромъ затѣвается по этому поводу оживленная переписка. Мать молодого человѣка, Александра Михайловна Шмидтъ, дѣлаетъ Кандинскому визитъ въ его конторѣ и совѣтуется съ нимъ, какъ лучше обставить дѣло. Кандинскій добываетъ рекомендательныя письма къ институтскому начальству отъ князя Юрія Гагарина, извѣстнаго въ Одессѣ доступнаго и обязательнаго аристократа, сверхъ того добываетъ письмо извѣстнаго на югѣ строителя инженера г. Шевцова. Этого оказывается мало

Тогда Ольга Васильевна Палемъ, надѣвъ свой самый скромный и вмѣстѣ парадный нарядъ, отправляется къ одному высокопоставленному лицу, знавшему ее нѣсколько по Одессѣ. Она проситъ „за своего мужа“, съ которымъ тайно обвѣнчана, такъ какъ студентамъ не позволяютъ жениться. Противъ собственнаго ея ожиданія, ея смиренная и скромная просьба и „маленькая ложь“ имѣютъ громадный успѣхъ. Вслѣдъ за этимъ самъ Довнаръ представляется высокопоставленному лицу и получаетъ весьма вѣское рекомендательное письмо, о которомъ намъ говорилъ здѣсь инспекторъ института г. Кухарскій Подробности же мы знаемъ изъ письма самого Довнара.

Почти все лѣто прошло для Александра Довнара въ страшной тревогѣ и о здоровьи Ольги Васильевны, и еще больше о результатахъ предстоявшаго ему конкурснаго экзамена Тревога эта сказывается въ каждомъ его письмѣ къ ней. Письма эти полны какимъ-то заразительнымъ, дѣйствующимъ на нервы читателя волненіемъ. Надежда попасть въ институтъ и вмѣстѣ страсть къ ней, этой можетъ быть тяжкой больной, можетъ быть умирающей вдали отъ него женщинѣ, сплетаются въ его душѣ какъ-то непостижимо цѣпко, словно два ухватившихся другъ за друга бойца, собирающихся биться на смерть. Никогда еще его письма къ ней не были такъ оживленны, такъ жгучи, такъ выразительны и, вмѣстѣ, такъ полны содержанія. Онъ засыпаетъ ее самыми страстными, самыми жгучими ласками: „Оликъ мохнатикъ“, „Кошечка Оля“, „До-

рогой Котикъ", „Дорогой жучекъ мохнатый", „Дружокъ мой, Оля"—такъ и пестрятъ черезъ двѣ строки въ третью. На всѣ ея заботы и опасенія онъ отвѣчаетъ одно: „Дурочка, какъ ты можешь вообразить себѣ, чтобы я тебя бросилъ". Въ припадкѣ малодушныхъ опасеній за исходъ конкурсныхъ экзаменовъ, онъ въ одномъ письмѣ ей откровенно пишетъ: „если порѣжусь, пріѣзжай похлопотать. Только и надежды!"

Экзамены пошли благополучно. Къ Ольгѣ Васильевнѣ Довнаръ (я не обмолвился—Довнаръ, а не Палемъ) стали долетать изъ Петербурга краткія, но тѣмъ болѣе выразительныя телеграммы: „математика—5. Саша"; „физика—4" и т. д. Наконецъ, и послѣдняя ликующая телеграмма: „принятъ, зачисленъ въ комплектъ". Тогда уже пошелъ общій радостный обмѣнъ телеграфныхъ привѣтствій. Кандинскій поздравлялъ Довнара, Довнаръ—Кандинскаго; г-жа Шмидтъ благодарила всѣхъ. Ольга Васильевна ликовала и принимала поздравленія.

Словно очнувшись отъ тяжкаго кошмара, взявъ изъ своего капитала нѣсколько денегъ, чувствуя, что настоящая гора свалилась у него съ плечъ, Довнаръ изъ Петербурга мчится прямо въ Славуту къ своей „кошечкѣ Олѣ", которая тѣмъ временемъ набиралась силъ и здоровья на средства, ассигнованныя ей на лѣченье Кандинскимъ. Отсюда они ѣдутъ въ Крымъ, совершаютъ настоящее свадебное путешествіе, на обратномъ пути съѣзжаются съ Матеранскимъ, который проситъ Ольгу Васильевну „похлопотать" въ Петербургѣ о предоставленіи ему права поступить въ Кіевскій университетъ; въ Курскѣ сидятъ нѣсколько дней безъ денегъ, пока ихъ не выручаетъ переводомъ по телеграфу Кандинскій, и, наконецъ, возвращаются въ Петербургъ на зимнія квартиры.

Квартира, разумѣется, нанимается общая, хозяйство идетъ опять попрежнему. Самочувствіе Довнара прекрасное. Онъ добился желанной цѣли. Прикладныя науки, преподаваемыя въ институтѣ, ему необыкновенно нравятся, онъ какъ бы предчувствуетъ заранѣе полный успѣхъ, полную побѣду на вновь избранномъ имъ поприщѣ. Закадычнаго друга своего Матеранскаго, какъ бы въ туманномъ провидѣніи своего свѣтлаго будущаго, онъ наставительно вразумляетъ: „свѣтъ уважаетъ только успѣхъ и, пожалуй, хорошо дѣлаетъ!" Матеранскій въ это время, какъ то странно выбитый изъ колеи,

оставшись не „у дѣлъ“, былъ весьма пессимистически настроенъ и мечталъ убраться изъ Одессы, „хотя бы на Сахалинъ“.

Такъ начался академическій 1892—93 годъ для вновь испеченнаго студента института инженеровъ путей сообщенія, Александра Довнара. Теперь событія уже пойдутъ быстрѣе. Всю зиму Довнаръ и Ольга Васильевна по прежнему вмѣстѣ. Онъ знакомитъ съ нею нѣкоторыхъ своихъ новыхъ товарищей. Изъ нихъ выдѣляется студентъ Милицеръ, пріобрѣтающій въ концѣ концовъ надъ Довнаромъ огромное вліяніе. Ему Ольгу Васильевну онъ и не пытается выдавать за свою жену, онъ откровенно объясняетъ, что „живетъ съ барынькой“. Палемъ чувствуетъ себя нѣсколько растерянной, какъ бы выбитой изъ колеи; она тревожно прислушивается къ происходящимъ вокругъ нея новымъ разговорамъ, къ тону, который пытается принимать съ нею иногда „Саша“, и все, какъ будто, чего-то понять не можетъ. Не то, чтобы Довнаръ вовсе охладѣлъ къ ней, нѣтъ; но какая-то не то пренебрежительная, не то равнодушная нота начинаетъ звучать въ его голосѣ. Она прислушивается и не вѣритъ своимъ ушамъ. Желая возбудить его ревность и вмѣстѣ, быть можетъ, поймать на удочку „коварнаго друга“, чтобы открыть на него „Сашѣ“ глаза, она начинаетъ грубо заигрывать и кокетничать съ Милицеромъ въ присутствіи самого Довнара. Послѣдній остается равнодушнымъ и только вызывающе посмѣивается.

Иногда молодость, впрочемъ, беретъ свое. На Александра Довнара вдругъ находятъ снова приступы влюбленія, онъ снова зоветъ ее своимъ „жучкомъ мохнатымъ“, снова нѣжитъ, ласкаетъ и страстно цѣлуетъ. Тогда она, въ свою очередь, начинаетъ приступать къ нему: „женись на мнѣ... женись, ты обѣщалъ... Ты увидишь, какая я буду тогда, увидишь!“ Онъ отдѣлывается или шуткой, или ссылается на то, что студентамъ вступать въ законный бракъ не дозволяется. Такъ проходитъ зима. Они ссорятся, дерутся. Каждый разъ, когда онъ, по случаю совмѣстныхъ занятій для подготовленія къ репетиціямъ, засиживается подолгу у Милицера, она подкарауливаетъ его и дѣлаетъ ему сцены тутъ-же на улицѣ. Разъ съ визгомъ и воплями она гонится

за нимъ по всей Николаевской улицѣ, крича, что не пуститъ его больше къ этому „поляку“, который вооружаетъ его противъ Россіи и желаетъ отнять его отъ нея—Палемъ. На другой день Довнаръ оправдывался передъ Милицеромъ въ своемъ постыдномъ для мужчины бѣгствѣ: „по неволѣ побѣжишь. Моя Ольга Васильевна добиралась вчера до моей физіономіи“.

Господа присяжные засѣдатели, вдумайтесь въ то, что я пока разсказалъ, а разсказалъ я только то, что несомнѣнно доказано и вами провѣрено. Видите ли вы преднамѣренную, тонкую, разсчетливую интриганку, разставляющую сѣти, чтобы добыть себѣ мужа? Ужели, если-бы это было такъ, Палемъ не могла бы пересилить себя, не могла бы затаить свою злобу къ Милицеру, не могла бы притвориться всегда ровно любящей, покорной и самоотверженной? Если вести игру, такъ надо вести ее до конца! Но въ томъ-то и бѣда, что Палемъ никакой игры не вела и неспособна была ее вести. Она слишкомъ много и слишкомъ долго любила Довнара. Въ этомъ она видѣла всѣ свои права на него и проявляла ихъ съ чисто женскою безпощадною логикою, съ рискомъ прослыть безумною и попасть въ сумасшедшія. Иногда, избивая ее жестоко, онъ такъ и приговаривалъ: „сумасшедшая“!

Въ мартѣ 1893 года произошло одно обстоятельство, на первый взглядъ и не Богъ знаетъ какой важности, однако хлынувшее настоящею цѣлебною волною на порядкомъ таки истерзанную душу Ольги Васильевны. Послѣ удачнаго поступленія Александра Довнара въ институтъ инженеровъ путей сообщенія и такъ удачно добытаго ею для этой цѣли рекомендательнаго письма, къ ней отъ времени до времени стали обращаться родственники Довнара съ просьбами оказать то ту, то другую услугу. О томъ, что она „хлопотала“ о разрѣшеніи поступить свидѣтелю Матеранскому въ Кіевскій университетъ, мы уже знаемъ; другой родственникъ, также свидѣтель по настоящему дѣлу, поручикъ Шелейко, желая перейти на службу въ пограничную стражу, тоже разсчитывалъ на ея содѣйствіе. Но теперь черезъ сына къ ней обращалась съ просьбою сама мать Довнара, Александра Михайловна Шмидтъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Младшаго сына Виктора или попросту „Виву“, какъ звали его въ семьѣ, задумали опредѣлить въ морской корпусъ. Для этого его

нужно было взять въ Одессѣ, довезти мальчика до Петербурга, здѣсь сперва подготовить за лѣто, а потомъ похлопотать и объ опредѣленіи его въ корпусъ. Александра Михайловна Шмидтъ почему-то разсудила, что всего удачнѣе это можетъ выполнить сожительница ея сына, Ольга Васильевна Палемъ. Надо-ли говорить, съ какою готовностью, съ какимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ самоотверженіемъ Палемъ взялась исполнить съ такимъ довѣріемъ возложенную на нее миссію. Она на свои собственныя средства тотчасъ же полетѣла въ Одессу. Здѣсь она, очевидно, видѣлась (и не разъ) и бесѣдовала съ Александрою Михайловною. Объ этомъ довольно знаменательномъ свиданіи теперь благоразумно умалчиваютъ всѣ родственники—свидѣтели (постороннихъ при этомъ не было), но вѣдь не могло-же быть иначе. Не въ видѣ-же „клади“ безмолвно сдали г-жѣ Палемъ на руки тринадцатилѣтняго мальчика. Очевидно, давались при этомъ и наставленія, и порученія, и совѣты, и провожали сообща обоихъ на вокзалъ.

По двумъ, уцѣлѣвшимъ случайно въ бумагахъ покойнаго Довнара, письмамъ г-жи Шмидтъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Палемъ мы можемъ возстановить даже общій характеръ ихъ взаимныхъ въ то время отношеній. Мать пишетъ гласной сожительницѣ своего сына: „Милая Ольга Васильевна“ и подписывается: „уважающая Васъ Александра Шмидтъ“. Въ одномъ письмѣ она благодаритъ Ольгу Васильевну за выполненное ею порученіе; въ другомъ проситъ: „балуйте моего Виву, заботьтесь о бѣдномъ мальчикѣ“.

Господа присяжные засѣдатели, ужели мы можемъ пройти мимо этого факта, не запечатлѣвъ, и не отмѣтивъ его особенно въ нашей памяти. Сколько нужно довѣрія, сколько нужно глубочайшаго, — скажу больше, — безграничнаго уваженія къ женщинѣ, стоящей по внѣшнимъ условіямъ въ такомъ щекотливомъ, въ такомъ двусмысленномъ положеніи относительно г-жи Шмидтъ, какъ стояла г-жа Палемъ въ качествѣ любовницы ея старшаго сына, чтобы ей же, этой самой женщинѣ, безъ страха, безъ колебаній довѣрить участь младшаго, малолѣтняго сына. И „Вива“, по желанью матери, впредь до поступленія въ подготовительный пансіонъ г. Ивановскаго, поселяется на об-

щей квартирѣ брата и г-жи Палемъ и привязывается къ послѣдней, какъ къ родной. Лѣтомъ, когда „Вива“ попадаетъ на Сиверскую, на дачу съ пансіономъ г-на Ивановскаго, Александра Михайловна Шмидтъ пишетъ изъ Одессы „милой“ Ольгѣ Васильевна: „какъ жаль, что вы съ Сашей поселяетесь въ Шуваловѣ. Вивѣ такъ трудно будетъ пріѣзжать къ вамъ“, и затѣмъ идетъ цѣлый панегирикъ ея добротѣ и душевнымъ качествамъ. И опять всѣми буквами: „уважающая васъ Александра Шмидтъ“. Спрашивается, какъ двигалась по бумагѣ рука той-же Александры Шмидтъ, когда, спустя полгода, она писала въ своемъ прошеніи градоначальнику: „Нѣкая особа, по фамиліи Палемъ“ и т. д. „Нѣкая особа!“ Если и „нѣкая“, то во всякомъ случаѣ такая, передъ которой вы не разъ расписывались въ уваженіи! Поручаютъ-ли матери „нѣкоей особѣ“ судьбу своихъ малолѣтнихъ дѣтей на далекой чужбинѣ?.. Это ужъ вы разсудите сами, господа присяжные засѣдатели!...

Лѣтнее житье на дачѣ сравнительно прошло мирно и счастливо для Александра Довнара и для Палемъ. Послѣдняя передъ лѣтними вакаціями сдѣлала, впрочемъ, первую безтактную вылазку передъ институтскимъ начальствомъ по адресу Милицера. Она упросила не посылать Довнара на практическія занятія въ одной группѣ съ Милицеромъ, и эта просьба была уважена. Она ссылалась на то, что Довнаръ вовсе не говоритъ по-польски, а Милицеръ его за это преслѣдуетъ, стыдитъ, заставляетъ изучать польскій языкъ и къ тому-же разстраиваетъ ихъ семейное счастье. Довнаръ попалъ въ одну группу съ студентомъ Пановымъ и, повидимому, былъ даже нѣсколько радъ отдохнуть отъ дружеской опеки Милицера. По единогласному отзыву дворника дачи, дачной хозяйки и прислуги, „молодые господа“ на этотъ разъ жили такъ дружно и согласно, что ни разу не подрались и даже ссорились „рѣдко“. Разъ, впрочемъ, онъ ее приревновалъ къ какому-то дачному донъ-жуану, и она была въ восторгѣ. На глазахъ свидѣтельницы Власовой онъ ухватилъ ее за горло, какъ-бы собираясь задушить. Она упала передъ нимъ на колѣни, вовсе не защищаясь, и въ какомъ-то блаженномъ изступленіи твердила: „мой! мой!... Люблю тебя, Саша, люблю!..“ Она убѣдилась, что онъ все еще любитъ ее и была на седьмомъ небѣ.

Такъ минуло лѣто, второе лѣто, которое Александръ Довнаръ не проводилъ у родныхъ въ Одессѣ. На зиму Довнаръ и Палемъ стали опять вить себѣ гнѣздо въ Петербургѣ. Квартира была нанята поближе къ институту, у Кокушкина моста, въ домѣ Ратькова-Рожнова. На первыхъ порахъ у нихъ не было прислуги, и имъ взялась прислуживать жена швейцара, свидѣтельница Садовская. Пока „документъ“ Палемъ не былъ предъявленъ, и она и ея мужъ полагали, что это „либо мужъ съ женой, либо братъ съ сестрой“. Обходились они, по наблюденію свидѣтелей Садовскихъ, другъ съ другомъ очень вѣжливо и ласково: она ему: „Саша“, „Сашенька“, а онъ ей—„Оля“, „Оленька“. Письма получались или на его имя, или на имя Ольги Васильевны Довнаръ. Ходилъ къ нимъ въ отпускъ часто гимназистъ „Вива“, который, вмѣсто корпуса, попалъ въ гимназію. Квартира была ими занята съ 15 августа и болѣе мѣсяца въ ней царили тишина, миръ и благодать. Александръ Довнаръ посѣщалъ аккуратно институтъ, а Ольга Васильевна сидѣла все больше дома. Занималась она рукодѣльемъ и очень заботилась объ убранствѣ квартиры. Сама шила шторы, налаживала занавѣси, приколачивала гардины, развѣшивала по стѣнамъ фотографіи. Въ сентябрѣ прошелъ слухъ, что ждутъ изъ Одессы „мать“. Стали даже готовить для нея комнату... На этомъ пока и остановимся.

Мы знаемъ, что Александра Михайловна Шмидтъ дѣйствительно вскорѣ пріѣхала въ Петербургъ и остановилась именно въ ихъ квартирѣ. Мы знаемъ, что, спустя какихъ нибудь два дня, между нею и Ольгою Васильевною разыгралась какая-то невозможно-дикая сцена, послѣ которой разрывъ наступилъ полный, и съ обѣихъ сторонъ была объявлена непримиримая война. Остается одно неяснымъ: какимъ образомъ г-жа Шмидтъ вообще остановилась на мысли хотя-бы временно поселиться подъ однимъ кровомъ съ г-жею Палемъ? Она знала, что квартира столько-же ея, сколько и сына. Она знала, что хозяйство ведется сообща на средства того и другого. Остается допустить, что къ моменту ея пріѣзда отношенія къ г-жѣ Палемъ были наилучшія и что за послѣдніе два года она вполнѣ успѣла свыкнуться съ мыслью, что для ея сына эта женщина нѣчто больше

простой „любовницы“, нѣчто больше „нѣкоей особы“, которую въ каждую данную минуту можно вышвырнуть на улицу. Къ сожалѣнію, г-жа Александра Шмидтъ на судъ не прибыла, и эта важная сторона вопроса осталась невыясненною. Отмѣчаю только одно: г-жу Шмидтъ „ждали“, „готовили“ ей комнату и, судя по всему (не случись той сцены, о которой рѣчь впереди), она разсчитывала погостить здѣсь значительное время.

Съ другой стороны заслуживаетъ вниманія и другая сторона вопроса. Какъ поступила-бы, какъ должна была-бы поступить на мѣстѣ Ольги Васильевны Палемъ всякая другая, здравомыслящая женщина, особливо если-бы это была ловкая авантюристка, разсчетливо ведущая одну игру: женить на себѣ Александра Довнара? Къ этому моменту шансы ея были просто блестящи. Подумайте только: общая квартира ея и Довнара; въ этой квартирѣ младшій сынъ г-жи Шмидтъ „Вива“—свой человѣкъ; мать не опасается за его нравственность, напротивъ, въ Ольгѣ Васильевнѣ она видитъ самое заботливое, самое родственное къ нему участіе, которымъ сама, какъ мать, въ высшей степени дорожитъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ и лично въ ту-же квартиру, пріѣзжаетъ прямо съ вокзала, со всѣмъ багажемъ и вещами, съ очевиднымъ намѣреніемъ расположиться. Для нея никѣмъ инымъ какъ все тою-же Ольгою Васильевною Палемъ, заботливо приготовлена комната. Казалось-бы, на лицо полная санкція, полное признаніе того непреложнаго факта, что отношенія ея сына къ Палемъ покоятся на основаніяхъ нравственныхъ, прочныхъ, неспособныхъ смутить „ни сна невиннаго ребенка“, ни заставить сжаться болью сердце любящей матери. Подумайте: во всякой мало-мальски нравственной средѣ отсюда до женитьбы, до торжественнаго узаконенія подобной связи — шагъ только одинъ и притомъ шагъ естественный, невольный.

Такъ и взглянули на это нѣкоторые, наиболѣе „чистые сердцемъ“. Вспомните хотя-бы показаніе почтеннаго свидѣтеля г. Рудковскаго, родственника Довнара, который отдавалъ со своею супругою визитъ Александрѣ Михайловнѣ Шмидтъ въ эту квартиру. Онъ, не обинуясь, заявилъ намъ: „этимъ фактомъ совмѣстнаго проживанія г-жа Шмидтъ, по моему мнѣнію, санкціонировала то, что до тѣхъ поръ до-

ходило до насъ только въ видѣ слуховъ. Съ этой поры и я и жена моя стали рѣшительно на сторону Ольги Васильевны Палемъ во всѣхъ ея послѣдующихъ столкновеніяхъ съ г-жею Шмидтъ, такъ какъ признавали за нею нравственное право считать себя невѣстой Александра Довнара". При нѣкоторой моральной чуткости, возможно-ли быть иного мнѣнія? Припомните также категорическое заявленіе князя Туманова, товарища Довнара: „Довнаръ долженъ былъ жениться на Ольгѣ Васильевнѣ. Если бы я былъ на его мѣстѣ, я считалъ-бы это своею нравственною обязанностію".

Итакъ, съ точки зрѣнія боевой, нравственно-боевой, если можно такъ выразиться, позиція, занимаемая въ ту пору Ольгой Васильевной Палемъ, была необыкновенно выгодная. Если-бы въ ея планы входили какіе-либо тонкіе разсчеты, какое-либо лукавство, преслѣдуй ее больше мысль о самой женитьбѣ, нежели о любви и неизмѣнномъ и безраздѣльномъ обладаніи сердцемъ своего „ненагляднаго Саши", ей было бы ясно, что надо теперь дѣлать. Ей оставалось бы только разстилаться ковромъ передъ столь милостиво пожаловавшей подъ ея кровъ будущей свекровью своей. стараться изучить всѣ ея слабыя струны, угождать ея требованіямъ, ея вкусамъ, ласкаться, унижаться, притворствовать и терпѣть до конца, пока, наконецъ. ласкою и смиреніемъ не было бы побѣждено сердце г-жи Шмидтъ. Во всякомъ случаѣ, такъ должна была бы поступать на ея мѣстѣ всякая, „задумавшая женить на себѣ Довнара".

Но вся бѣда Ольги Васильевны Палемъ въ томъ и заключалась, что она ровно ничего не „задумывала", она просто любила Александра Довнара и, по наивной слѣпотѣ всякаго любящаго сердца, „права любви" ставила превыше всего.

Въ Милицерѣ она уже имѣла своего заклятаго и непримиримаго врага. На лѣто ей удалось его „устранить", теперь онъ появился снова. Опасенія совмѣстнаго вліянія со стороны этого несимпатичнаго ей товарища „Саши" и матери на Довнара мучили ее и безпокоили. Къ сожалѣнію, подробности сцены, разразившейся на второй же день по пріѣздѣ г-жи

Шмидтъ, нами недостаточно провѣрены. Мы кое-что о ней знаемъ только изъ письменнаго показанія г-жи Шмидтъ и со словъ швейцара Садовскаго и его жены. Судя по словамъ г-жи Шмидтъ, все дѣло вышло изъ за сущаго пустяка. Александра Михайловна что-то высказала по поводу „нехорошаго вида“ своего сына (вскорѣ онъ дѣйствительно заболѣлъ тифомъ): Палемъ мигомъ вспыхнула и заняла боевую позицію. Она приняла это за упрекъ себѣ, за намекъ на то, что она недостаточно за нимъ ухаживаетъ, недостаточно заботится о здоровьи своего „Саши“. Слово за слово, столкновеніе приняло самые угрожающіе размѣры. Неистовствуя, колотя себя въ грудь тяжелымъ мѣднымъ подсвѣчникомъ, никому не давая къ себѣ подступиться, Палемъ вопила: „не отдамъ, никому его не отдамъ. Онъ мой, мой! Вы всѣ противъ меня, я васъ ненавижу?...“ и стала осыпать мать, въ присутствіи сына упреками и оскорбленіями. Потомъ она метнулась на балконъ пятаго этажа, желая броситься съ него внизъ головой, но ее удержали. Тогда г-жа Шмидтъ, также раздраженная и не помня себя, велѣла младшему сыну „Вивѣ“ кликнуть швейцара и приказала тому: „пошлите за полиціей, позовите околоточнаго, она сумасшедшая, ее нужно запереть въ сумасшедшій домъ!“ На это умный петербургскій швейцаръ дипломатично отвѣтилъ: „если сумасшедшая, такъ лучше послать бы, сударыня, за докторомъ, полиціи тутъ дѣлать нечего“.

Сцена эта разыгралась около двѣнадцати часовъ дня, а въ тотъ же день вечеромъ г-жа Шмидтъ уже выѣхала въ меблированныя комнаты на Подъяческую. Вива и Александръ Довнаръ остались еще въ квартирѣ, причемъ, по показанію швейцара Садовскаго, около восьми часовъ вечера, когда онъ входилъ, чтобы подать самоваръ, Палемъ и Довнаръ еще ссорились. Онъ грозилъ ей, что „уйдетъ къ матери“, а она его „не пускала“. Въ двѣнадцать часовъ ночи Вива, возвращаясь въ училище, на ходу обнадежилъ Садовскаго, сказавъ ему: „теперь все у нихъ спокойно, помирились, будутъ спать!“

Съ этой поры война можетъ считаться объявленною. Два враждебныхъ лагеря расположились неподалеку другъ отъ друга: одинъ на Подъяческой, другой — у Кокушкина моста. Трудно было бы съ достовѣрностью предсказать конеч-

ный исходъ борьбы, если бы не одно случайное обстоятельство, которое, чрезвычайно осложнило дѣло. Александръ Довнаръ захворалъ довольно серьезно, онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Г-жа Палемъ позвала доктора Морица, къ которому случалось обращаться и раньше, и настаивала, чтобы больного лѣчили дома, обѣщая самый заботливый, самый аккуратный за нимъ уходъ. Но докторъ Морицъ совѣтовалъ положить его въ Александровскую больницу, такъ какъ въ квартирѣ ихъ не было даже ванны, а больница располагала всѣми необходимыми удобствами.

Скрѣпя сердце, Палемъ согласилась, но выговорила себѣ право „во всякое время“ являться къ больному, чтобы дежурить подлѣ него. Считая ихъ „за мужа съ женою“ и замѣчая „ласковое ихъ другъ къ другу отношеніе“, докторъ охотно пообѣщалъ ей это. Въ больницу сама г-жа Палемъ доставила больного въ каретѣ. На первыхъ порахъ всѣ въ больницѣ такъ и называли ее „женою Довнара“; самъ больной сестрѣ милосердія, г-жѣ Михайловой, выдывалъ ее за жену.

Между тѣмъ, въ больницѣ стала навѣщать сына и мать. Однажды у постели больного одновременно сошлись г-жа Шмидтъ и г-жа Палемъ. Тотчасъ же разыгралась бурная сцена, при чемъ всѣ, наконецъ, узнали, что это „вовсе не жена“. Кончилось тѣмъ, что Палемъ перестали пускать къ больному, такъ какъ на этомъ настаивала мать въ заботахъ о спокойствіи выздоравливающаго сына. Ольга Васильевна была въ отчаяніи. Уязвленная въ самое сердце, она металась, какъ обезумѣвшая. Тайкомъ она однажды пробралась въ больничную комнату Довнара, потомъ каждый день являлась въ контору больницы справляться о его здоровьи. Она смутно понимала, что ея „Сашу“ насильственно берутъ отъ нея, что его отнимаютъ. Она галлюцинировала. По временамъ ей чудилось, что вся эта болѣзнь и больница только притворство и предлогъ. Ей начинало казаться, что всѣ подкуплены матерью, и докторъ Морицъ, и сестра милосердія, всѣ, всѣ, до одного человѣка. Ей вездѣ мерещилась „интрига“ Милицера и матери, которые между собою познакомились, стакнулись и рѣшили самымъ коварнымъ, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ покончить съ нею и съ ея отношеніями къ Александру.

Въ концѣ сентября она является къ дѣлопроизводителю канцеляріи института инженеровъ путей сообщенія, г. Кухарскому, и горько жалуется на судьбу. Жалобы ея формулируются такъ: и она, и Александръ Довнаръ страстно любятъ другъ друга; онъ бы давно на ней женился, но какъ студентъ, не могъ сдѣлать этого, а теперь Милицеръ и мать его препятствуютъ этому браку и хотятъ ихъ разлучить навсегда. По своему существу жалоба, едва ли не отвѣчала въ то время дѣйствительному положенію вещей. Еще въ больницѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сестра милосердія, Довнаръ называлъ ее „Оличкой“, успокаивалъ ее и вообще весьма нѣжно относился къ ней.

Г. Кухарскій внимательно ее выслушиваетъ, участливо киваетъ головой, обѣщаетъ ей „всякое содѣйствіе“ и обнадеживаетъ, что поговоритъ съ Довнаромъ, когда тотъ явится въ институтъ. Разсказъ г-жи Палемъ производитъ на него впечатлѣніе, и онъ выноситъ изъ свиданія съ ней одно твердое убѣжденіе, которое остается и понынѣ при немъ, что она „страстно и безумно любила Александра Довнара“.

Тѣмъ временемъ, Довнаръ выходитъ изъ больницы и попадаетъ прямо къ матери на Подъяческую. Тщетно Ольга Васильевна въ назначенный день ѣдетъ за нимъ въ каретѣ въ больницу. Горе и отчаяніе ея не знаютъ границъ и предѣловъ. Она падаетъ духомъ, не спитъ ночи напролетъ, мечется, плачетъ, молится Богу, чтобы онъ сдѣлалъ „чудо“— вернулъ ей ея Сашу,—это удостовѣряютъ свидѣтели Садовскіе. Между тѣмъ, судьба стережетъ ее и готовитъ новый ударъ.

Переселившись на Подъяческую, Александра Михайловна Шмидтъ сразу попадаетъ въ „хорошую компанію“. Въ „семейныхъ меблированныхъ комнатахъ“ она знакомится съ нѣкоторыми „весьма приличными“ жильцами. Тѣ заинтересовываются ея дѣлами, ея заботами и узнаютъ объ „интриганткѣ“ и „авантюристкѣ“, эксплоатирующей ея сына студента, узнаютъ о „нѣкоей особѣ“, г-жѣ Палемъ. Всѣ наперерывъ соболѣзнуютъ и подаютъ совѣты несчастной матери. Это все истые петербуржцы, и совѣты ихъ самые тонкіе, деликатные, столичные. Всего можно достигнуть безъ лишней огласки, стоитъ только подать умѣючи соотвѣтственное прошеніе. На такихъ, какъ Палемъ (ка-

кая-то симферопольская мѣщанка!) всегда управа найдется, очень съ нею не станутъ церемониться. И вотъ тутъ то на Подъяческой сочиняется и подписывается г-жею Шмидтъ весьма характерное прошеніе на имя г. С.-Петербургскаго Градоначальника, въ которомъ, не щадя, разумѣется, красокъ, расписываются на четырехъ страницахъ всѣ доблести „нѣкоей особы Палемъ“. Прошеніе это подается 8-го октября, когда Довнаръ лежалъ еще въ больницѣ, а Палемъ, ничего не подозрѣвавшая, все еще проживала на общей ихъ квартирѣ въ ожиданіи, что возлюбленный ея къ ней вернется.

Разумѣется, идутъ справки, но затѣмъ резолюція слѣдуетъ быстро. Въ виду того, что Александръ Довнаръ совершеннолѣтній и ни о чемъ подобномъ самъ не ходатайствуетъ, г-жѣ Шмидтъ въ просимомъ отказываютъ. При этомъ на поляхъ прошенія остается слѣдъ благородной мысли читавшаго это прошеніе: „тутъ ничѣмъ этимъ помочь нельзя“. Но вотъ новый, уже болѣе тяжкій ударъ. Самъ Александръ Довнаръ, очевидно еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, малодушно подпавшій этическимъ воззрѣніямъ Подъяческой улицы, подаетъ 18 ноября аналогичное прошеніе. Дѣло принимаетъ болѣе серьезный для г-жи Палемъ оборотъ. Въ виду благопріятныхъ отзывовъ, полученныхъ отъ полиціи одесскаго градоначальства относительно ея нравственности, рѣчь пока не идетъ объ ея высылкѣ изъ столицы, но вслѣдствіе настоятельныхъ требованій г-на Довнара резолюція приблизительно слѣдуетъ такая: выселить г-жу Палемъ изъ квартиры Довнара (квартира, дѣйствительно, была на его имя) и раздѣлить ихъ имущество, какъ на томъ настаиваетъ проситель.

Господа присяжные засѣдатели! Свидѣтель Туцевичъ, полицейскій офицеръ, былъ командированъ для приведенія въ исполненіе этого распоряженія. Вы безъ сомнѣнія помните его разсказъ. Признаюсь, я выслушивалъ его съ глубокимъ внутреннимъ содроганіемъ, хотя самъ разсказъ былъ весьма сдержанъ и коротокъ и носилъ на себѣ оболочку весьма полированной оффиціальности. Подчиниться надо было, иначе грозила высылка изъ Петербурга. Съ 10 часовъ утра до 8-ми вечера происходилъ „дѣлежъ“ имущества и

„разъѣздъ“ двухъ любовниковъ на глазахъ полицейскаго офицера. Г-жа Палемъ то „помогала“ Довнару укладывать его вещи, то металась и плакала, то говорила ему дерзости и укоряла его, взваливая всю вину на мать. Студентъ Довнаръ держалъ себя въ это время очень „серьезно“, а главное, „очень прилично“. Онъ уступалъ ей нѣкоторыя вещи, на которыхъ была ея вышивка, но тутъ-же подъ сурдину, оправдываясь въ глазахъ полицейскаго офицера, говорилъ неправду. Такъ онъ увѣрялъ г-на Туцевича, что она „раззоряла его“, что онъ „проживалъ съ нею по пяти тысячъ въ годъ“. Вы знаете, что это ложь!

Въ конечномъ результатѣ и послѣ его (какъ онъ самъ удостовѣряетъ это въ письмахъ къ матери) дорого стоившей ему „судебно-полицейской жизни“ въ 1893—94 году, возникшей по поводу его „дѣлъ съ г-жею Палемъ“, у Довнара все еще изъ пятнадцати тысячъ осталось девять тысячъ пятьсотъ рублей. Къ осени же 1893 года, когда только что началась эта его „судебно-полицейская жизнь“, у него было четырнадцать тысячъ. Вспомните при этомъ показаніе г-на Будковскаго относительно билета въ пять тысячъ рублей, принадлежавшаго Довнару, но хранившагося у Палемъ. Какъ только между ними начались первые нелады, она тотчасъ-же, по собственному своему почину, возвратила его ему. Это было еще задолго до подачи прошенія къ градоначальнику, какъ только пріѣхала въ Петербургъ мать Довнара.

Г-нъ Туцевичъ свидѣтельствуетъ намъ, что распоряженіе относительно г-жи Палемъ было въ точности приведено имъ въ исполненіе. Изъ квартиры она была удалена въ тотъ же самый день, но вещи, и его и ея, пока остались. Его имуществомъ заполнены были „парадныя“ комнаты; ей отведена была кухня. Ключъ отъ парадной двери Довнаръ взялъ съ собой, ей дали ключъ отъ кухни.

По свидѣтельству г-на Туцевича она выходила изъ квартиры взволнованная, потрясенная. Я думаю! Изъ насиженнаго гнѣзда, свитаго ею съ такимъ стараніемъ, съ такою заботою, изъ квартиры, гдѣ каждый уголъ былъ ей дорогъ и милъ, гдѣ на стѣнѣ каждый гвоздь былъ вбитъ ея собственною рукою, — ее выбрасывали прямо на улицу, какъ не выбрасываютъ и послѣднюю негодную тварь. Будь

она даже та „продажная женщина“, о которой говорить здѣсь больше не рѣшаются, развѣ такъ разстаются, развѣ такимъ способомъ „отдѣлываются“ и отъ продажной женщины? А вѣдь съ этою женщиною, какъ ни какъ, онъ прожилъ четыре года, и, по собственному сознанію гг. обвинителей, эта женщина была ему вѣрна. Съ собакою, которая четыре года покорно лижетъ вашу руку, не разстаются такъ, какъ разстался Довнаръ съ Палемъ!

Онъ жилъ теперь уже у матери, онъ вырвался изъ ея „тенетъ“, изъ ея „сѣтей“. Чего же еще ему было нужно? Зачѣмъ же понадобилось выбрасывать ее на улицу изъ квартиры, которая, притомъ, наполовину была ея собственною. И потомъ — этотъ „раздѣлъ“. Поистинѣ что-то ужасное! Или нравственное чутье можетъ до такой степени притупиться, и даже вовсе исчезнуть, атрофироваться? Разъ вы считаете ее только любовницей, отъ которой пришла пора отдѣлаться, такъ оставьте-же ей хоть тотъ жалкій скарбъ, который за эти годы сожительства вы сами натаскали въ ея нору. Нѣтъ, спорятъ изъ-за каждой вещи: кѣмъ куплена? Одинъ изъ благородныхъ жильцовъ съ Подъяческой, г-нъ Тихоцкій, сопровождаетъ на другой день г. Довнара „по парадной“ въ запертую на ключъ квартиру. Вещи осматриваются, оцѣниваются, ихъ насчитываютъ на пятьсотъ рублей. Часть перевозятъ.

Не говорите мнѣ послѣ этого, что Палемъ была „неровня“ кому-то, что она не смѣла въ сущности даже и „мечтать“ о замужествѣ и о такомъ мужѣ, какъ Довнаръ. Неправда! Такъ можно дѣлиться только съ равной. Даже ваши мелочные, грошовые счеты вы съ нею сводили, какъ сводятъ ихъ только равный съ равнымъ. Все время вы стояли съ нею на равной ногѣ, ни на одну секунду вы не были выше!

Послѣ всего случившагося, положеніе Палемъ оказалось совершенно критическимъ. Выбитая изъ колеи, выброшенная изъ насиженнаго угла, безъ друзей, безъ знакомыхъ, нравственно истерзанная, она кидалась ко всѣмъ, къ первому встрѣчному, кто только не отказывался ее слушать: „помогите, защитите, научите, что мнѣ дѣлать!“ И ее охотно многіе слушали.

Этимъ многимъ, оцѣнивая все, что случилось, всю совокупность обстоятельствъ, все фатальное сцѣпленіе позднѣйшихъ случайностей, я бы, невольно не безъ горькой иронiи, теперь ска-

залъ: „что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь“, и при этомъ также невольно бы вспомнилъ мудрое изреченіе, положенное резолюціею на первомъ прошеніи г-жи Шмидтъ: „этимъ тутъ помочь нельзя“. Но ее слушали и жалѣли. Да надо же правду сказать, и не пожалѣть было нельзя. А вы, быть можетъ, вспомните ту характеристику, которую я сдѣлалъ раньше относительно нѣкоторыхъ особенностей психическаго склада характера подсудимой: „пожалѣйте ее изъ вѣжливости, изъ приличія только, она заплачетъ настоящими горючими слезами“. Такъ и случилось. Лучше бы ужъ она встрѣтила вездѣ сразу суровый и непреклонный отпоръ. По крайней мѣрѣ разомъ одинъ конецъ былъ-бы всѣмъ ея мученіямъ. Переболѣло бы, потосковало бы сердце, да можетъ быть и очнулось-бы: кого любила? Кому отдала лучшіе годы жизни? На кого возлагала всѣ надежды? Кому вѣрила, на кого молилась?.. Мало-ли такихъ „разбитыхъ сердецъ“ носятъ въ себѣ люди, мало-ли „несбывшихся надеждъ“ разсѣяно по бѣлу свѣту? И ничего, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Не всѣ же кончаютъ самоубійствомъ, не всѣ попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Такъ могло случиться и съ Палемъ.

Къ сожалѣнію, „случилось“ иначе. По странному, противорѣчивому несовершенству условій нашей жизни, всѣ эти „участія“ по моему глубокому убѣжденію, имѣли для нея совершенно обратное и скорѣе всего пагубное значеніе.

Послѣ того административнаго способа, какимъ врасплохъ напали на Палемъ, съ ея стороны было вполнѣ естественно негодовать, возмущаться, жаловаться, искать защиты. Во всѣхъ своихъ жалобахъ она, однако, всюду выгораживаетъ самого Александра Довнара. Она видитъ въ немъ только безхарактернаго и малодушнаго человѣка, который подпалъ всецѣло вліянію матери и Милицера. Въ подтвержденіе своихъ словъ она показываетъ письма своего „Саши“, и изъ нихъ дѣйствительно нельзя не убѣдиться, что онъ адресовалъ ихъ ей, какъ своей женѣ, что онъ любилъ ее горячо и страстно. Она желала-бы только возмездія для Милицера и матери Довнара, такъ какъ они дѣйствительно глубоко, кровно оскорбили ее. По иниціативѣ г. Кухарскаго все институтское начальство заинтересовывается личностью и поступками Довнара. Естественно возникаетъ даже вопросъ:

можетъ-ли быть терпимъ въ средѣ студентовъ молодой человѣкъ съ подобной нравственной физіономіей? Самъ директоръ института, почтенный г. Герсевановъ, въ нѣсколько пріемовъ долго и внимательно выслушиваетъ г-жу Палемъ, призываетъ выслушать ее и нѣсколькихъ профессоровъ и, наконецъ, снабжаетъ ее своей визитной карточкой, на которой рекомендуетъ „защиту ея интересовъ“ своему родственнику, извѣстному, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ адвокату и опытному юристу, присяжному повѣренному С. А. Андреевскому. Всѣ находятъ ее „обиженною“, всѣ готовы принять ея сторону, но не знаютъ только, какъ за это дѣло взяться. Даже юристъ въ затрудненіи, хотя принципіально онъ находитъ, что тутъ можно было-бы поднять судебное дѣло. Онъ даже направляетъ г-жу Палемъ къ прокурору. Въ концѣ концовъ изъ всего этого ровно ничего существеннаго для нея не выходитъ, но никто не отказываетъ ей въ „нравственной поддержкѣ“, въ словѣ участія и сожалѣнія.

Всѣ эти господа находятъ теперь, что это ихъ участіе, эти ихъ разговоры, эти ихъ академическія выворачиванія вопроса на разные лады были лишь успокоительными рецептами, въ прописке которыхъ не откажетъ ни одинъ докторъ самой трудной и безнадежной больной. Въ ихъ глазахъ для болѣзни, гдѣ единственный цѣлитель—время, въ этихъ участливыхъ рецептахъ не было ничего вреднаго, ничего, кромѣ aquae destillatae, въ достаточной мѣрѣ разсыропленной. Къ сожалѣнію я никакъ не могу согласиться съ этимъ. Зная теперь складъ ума и характера г-жи Палемъ, не понимающей никакихъ словъ, сказанныхъ такъ себѣ, для видимости, на вѣтеръ, все принимающей за самую чистую монету, я нахожу, что это былъ разсыропленный ядъ, который она медленно глотала. Конечно, предвидѣть этого было невозможно. Но вы встаньте только въ положеніе тяжко оскорбленной женщины, которой сочувствуютъ такія лица, какъ гг. Герсевановъ, Андреевскій, Кухарскій и еще многіе другіе. Могла-ли она сомнѣваться, что идетъ прямой дорогой.

Не лучше-ли было-бы, если-бы безъ всякой сентиментальности ей разомъ открыли глаза на грязную прозу жизни.

Ей могли приблизительно сказать такъ: „симферопольская мѣщанка Ольга Палемъ, ты мечтаешь о недостижимомъ. Разъ тебя толкнули по наклонной плоскости внизъ, катись безмолвно до самой глубины пропасти. Мало-ли такихъ, какъ ты? Не цѣпляйся по-пусту за выдающіяся на твоемъ пути препятствія, не рви своихъ ногтей, не кровавь своихъ рукъ, мы безсильны помочь тебѣ!“ Это было-бы жестоко, но это была-бы правда. Но они тоже люди и имъ захотѣлось пожалѣть ее. Это была большая ошибка: несовершенства жизни требуютъ холодныхъ сердецъ.

Недоразумѣнія г-жи Палемъ съ Александромъ Довнаромъ, вѣроятно, благодаря отсутствію въ то время г-жи Шмидтъ, которая успѣла вернуться въ Одессу, завершились въ стѣнахъ канцеляріи института въ концѣ ноября 1893 года слѣдующей, странной, чтобы не выразиться иначе, формулою. Послѣ очень продолжительнаго личнаго объясненія между собою въ присутствіи г. Кухарскаго Довнаръ и Палемъ пришли къ „миролюбивому соглашенію“. Довнаръ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы сожительствовать по прежнему съ Ольгой Васильевной Палемъ, почему обязывается ея „не бросать“, она-же, въ свою очередь, обязуется не требовать отъ него насильственнаго брака „и не подавать никуда жалобъ“. Въ этомъ смыслѣ съ той и съ другой стороны были выданы даже „подписки“, тутъ-же, въ присутствіи дѣлопроизводителя канцеляріи. Разберитесь во всемъ этомъ, если можете, гг. присяжные засѣдатели, я рѣшительно безсиленъ помочь вамъ. Я только констатирую фактъ.

Можно было заранѣе предсказать, что это явится наименѣе удачнымъ паліативомъ для подобной, во всякомъ случаѣ, очень обострившейся и очень осложнившейся болѣзни. Время показало это. Но пока „любовная пара“ прямо изъ стѣнъ институтской канцеляріи дружно направляется въ поиски за квартирой. На этотъ разъ имѣется, однако, въ виду нанять „двѣ“ меблированныя комнаты, хотя и въ одномъ общемъ корридорѣ, по возможности рядомъ, но съ двумя самостоятельными входами. Такое расположеніе двухъ смежныхъ комнатъ, съ промежуточною дверью между ними, которая могла бы при надобности открываться и соединять

воедино обѣ половины помѣщенія, находятъ на Фонтанкѣ въ меблированныхъ комнатахъ нѣкоего г. Саросѣка.

Этотъ почтенный квартирохозяинъ, весьма дорожащій добрымъ реноме своихъ меблированныхъ комнатъ, весьма обстоятельно доложилъ намъ все, чему былъ свидѣтелемъ. Пришли они зимою, въ концѣ 1893 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Каждый нанялъ комнату для себя и каждый за нее сталъ платить отдѣльно Комната Довнара была въ одно окно и стоила ему шестнадцать рублей въ мѣсяцъ, комната г-жи Палемъ—въ два окна, стоила ей двадцать восемь рублей. Промежуточныя двери часто открывались и, такимъ образомъ, составлялось одно общее помѣщеніе. Какой-то товарищъ Довнара (очевидно г. Милицеръ) не разъ желалъ проникнуть къ Довнару, но г-жа Палемъ рѣшительно воспротивилась этимъ свиданіямъ. Кончилось тѣмъ, что, по настояніямъ Ольги Васильевны, этого господина перестали даже вовсе принимать, и онъ переговаривался съ Довнаромъ записками, которыя заносилъ самъ. Ссоры между расположившимися въ столь тѣсномъ сосѣдствѣ любовниками случались не рѣдко. Довнаръ обыкновенно не поднималъ голоса, но Ольга Васильевна при подобныхъ обстоятельствахъ не стѣсняясь шумѣла на всю квартиру. Нерѣдко, однако, она жаловалась, что Довнаръ ее бьетъ и щиплетъ втихомолку. Чтобы возбудить ревность „Саши“, котораго она, по наблюденію г. Саросѣка, все-таки очень любила, она выходила иногда на площадку лѣстницы и кокетничала, громко разговаривая, съ сосѣдними жильцами, молодыми людьми. Какъ аккуратному квартирохозяину, г. Саросѣку такіе безпорядки вообще не нравились, но онъ отчасти все-таки жалѣлъ Ольгу Васильевну. Видимо она была несчастлива, часто плакала и очень убивалась о томъ, что Довнаръ на ней никогда не женится, хотя раньше хотѣлъ жениться и даже обѣщалъ ей это. Зная, что г-жа Палемъ имѣетъ нѣкоторыя „свои средства“, г. Саросѣкъ пытался отвлечь ее отъ Довнара, говоря, что она еще молода, и даже самъ вызывался найти ей жениха. Ольга Васильевна, однако, слышать не хотѣла. Она твердила свое: если Довнаръ не будетъ ей принадлежать, ей никого не нужно .. она покончитъ съ собой.

Передъ самымъ Рождествомъ произошла бурная сцена.

Довнаръ порѣшилъ выбраться. Несмотря на ея просьбы, моленія, заклятія, оставивъ ее въ истерическомъ припадкѣ, онъ уѣхалъ. Князь Тумановъ, товарищъ Довнара, жившій въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, принялся ее отхаживать. Пришлось поднять на ноги всю квартиру, посылать за докторомъ и въ аптеку. Призванный врачъ, г. Твирбутъ, констатировалъ глубокое разстройство нервовъ, прописалъ абсолютный покой, велѣлъ класть холодные компрессы на голову и т. п. Всю ночь съ нею провозились. Тутъ намъ приходится отмѣтить одну подробность въ высокой мѣрѣ характерную. Однимъ штрихомъ она рисуетъ въ свою очередь двойственность отношеній самого Довнара къ Палемъ. Среди ночи вдругъ раздался звонокъ. На звонокъ выходитъ дежурившій у больной князь Тумановъ. Онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія: передъ нимъ Довнаръ только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ выѣхавшій отсюда со всѣмъ своимъ багажемъ Что такое? Что случилось? Услыхавъ отъ князя Туманова, что докторъ запретилъ впускать теперь кого-либо къ Ольгѣ Васильевнѣ, Довнаръ безмолвно стоитъ нѣкоторое время. Наконецъ, онъ проситъ князя Туманова „передать ей вотъ это“. Что такое Мѣшокъ съ апельсинами „по случаю наступающаго праздника“. Князь Тумановъ только руками развелъ. Такъ какъ г-жа Палемъ ночь провела очень дурно, и припадки съ нею возобновлялись, то онъ не рѣшился тогда же разсказать ей о приходѣ Довнара. Только на другое утро онъ передалъ ей пакетъ съ апельсинами и сказалъ, что это принесъ Довнаръ. Она не повѣрила и расплакалась. Она была убѣждена, что князь Тумановъ самъ купилъ апельсины и разсказываетъ ей небылицы, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь. Въ тотъ же день опять заходитъ Довнаръ. Какъ только Палемъ увидала его, такъ утверждаетъ свидѣтель,—она „ужасно обрадовалась“ и „моментально выздоровѣла“. Когда онъ ушелъ, ей стало опять худо. Такъ совершилось ихъ второе, довольно болѣзненное разставанье, по поводу котораго, кипя своимъ честнымъ, молодымъ и благороднымъ негодованіемъ, князь Тумановъ не находитъ достаточно словъ, чтобы всецѣло осудить Довнара и встать на защиту Ольги Васильевны.

Меблированныя комнаты г. Саросѣка, разъ въ нихъ не было ея „Саши“, моментально опостыли Палемъ, и она поспѣшила выбраться. На Рождествѣ Довнаръ ѣздилъ въ Одессу и Палемъ издали слѣдила за нимъ. Въ его отсутствіе она совершенно падаетъ духомъ и впадаетъ въ какое-то глубоко-мрачное религіозное настроеніе. Нѣтъ той часовни, въ которой-бы она не побывала, нѣтъ того чудотворнаго образа, которому-бы она не помолилась. Мысль о Довнарѣ, исключительно о Довнарѣ, ни о чемъ больше, преслѣдуетъ ее, мучитъ, терзаетъ. Нервная система ея начинаетъ пріобрѣтать рѣшительно какую-то сверхчувственную виртуозность. Она руководится инстинктами, предчувствіями, и они не обманываютъ ея Вы, вѣроятно, припомните эпизодъ, произведшій здѣсь такую сенсацію. О немъ разсказывалъ намъ Милицеръ. Возвращаясь изъ Одессы, полный всевозможныхъ совѣтовъ и предостереженій своихъ домашнихъ по адресу „негодной интриганки“, Довнаръ, опасаясь, чтобы Палемъ его не вздумала встрѣтить на Варшавскомъ вокзалѣ, пересаживается на станціи Александровской въ поѣздъ Царскосельской желѣзной дороги. Первая, кого онъ встрѣтилъ на платформѣ Царскосельскаго вокзала—была Ольга Васильевна Палемъ.

Но увы! теперь уже Александръ Довнаръ былъ слишкомъ подъ вліяніемъ домашнихъ толковъ и розысковъ относительно „нравственности“ г-жи Палемъ. Его уже успѣли слишкомъ враждебно къ ней настроить. Забывъ и о своей „подпискѣ“, данной институтскому начальству, въ которой онъ обязывался „не бросать“ ея, имѣя при томъ въ карманѣ рекомендательное письмо къ нѣкоему всесильному одесскому адвокату, проживающему большую часть времени въ Петербургѣ, а про запасъ еще и фотографическую карточку г-жи Палемъ, добытую имъ, какъ намъ уже извѣстно, совмѣстно съ г. Матеранскимъ въ извѣстномъ притонѣ, онъ, повидимому, твердо порѣшилъ раздѣлаться на этотъ разъ съ нею окончательно. Свиданіе было сухо и не обѣщало впереди ничего радостнаго, хотя къ чести Довнара слѣдуетъ отмѣтить, что онъ все-таки не счелъ возможнымъ послѣдовать во всей точности находчивому совѣту своей матери, преподанному ему въ одномъ изъ писемъ ея, относящихся именно къ

этому времени: „если на улицѣ встрѣтишь эту интриганку, отвернись, какъ будто ты ея вовсе не знаешь“. Было легче написать это, чѣмъ сдѣлать. И Довнаръ со своимъ практическимъ складомъ ума отлично понималъ это.

Г-жа Палемъ тѣмъ временемъ опять наняла себѣ меблированную комнату и поселилась у нѣкоей г-жи Николаевой. Вы видѣли ее здѣсь въ качествѣ свидѣтельницы. Она намъ подробно разсказала о томъ, что творилось съ Ольгою Васильевною подъ ея гостепріимнымъ кровомъ. Всю свою бѣду Палемъ въ какой-то упорной наивности продолжала приписывать исключительно матери Довнара, г-жѣ Шмидтъ. Она не щадила черныхъ красокъ для обрисовки ея нравственной физіономіи, не стѣснялась въ словахъ для ея характеристики. Александра Довнара она, напротивъ, всячески щадила и выгораживала. Ночи проводила она безъ сна и молилась безъ конца. Ее не покидали надежды, что рано или поздно ея Саша вернется къ ней. На г-жу Николаеву, особу, по ея собственному признанію, крайне нервную и очень сердобольную, одинъ видъ душевныхъ мукъ, переживаемыхъ несчастною Палемъ, производилъ удручающее впечатлѣніе. Она сама едва не заболѣла.

Къ этому же времени относится одно привходящее обстоятельство, которое я опять таки вынужденъ поставить, въ качествѣ противорѣчивой житейской неожиданности, въ нѣкоторую связь съ „несовершенствами жизни“. Г-жа Палемъ поѣхала въ Кронштадтъ. Въ ея тяжеломъ, жаждавшемъ религіознаго успокоенія настроеніи это было такъ понятно, такъ естественно. Смятеніе духа, казалось бы, искало авторитетнаго пастырскаго слова утѣшенія, жаждало молитвы, требовало высшаго, чуждаго земныхъ тревогъ, участія и соболѣзнованія. Можно было ожидать, что она возвратится оттуда, если и не совершенно воскресшею духомъ по слову высшей благодати, то, во всякомъ случаѣ, нѣсколько умиротворенною, духовно просвѣщенною и успокоенною. Въ рукахъ ея можно было ожидать всего, чего угодно: образка, просфоры, молитвы... только не того рекомендательнаго письма къ г. министру путей сообщенія, съ которымъ она вернулась въ Петербургъ.

И начались опять ея хожденія по канцеляріямъ и пріі-

емнымъ. Ее выслушивали, ей соболѣзновали, даже обнадеживали. Одно время возникла, было, мысль: все ея дѣло, какъ „дѣло чести“, отдать на судъ не формальный, судъ товарищей студента Александра Довнара. Кто знаетъ, можетъ быть, это и былъ бы наилучшій исходъ. Вѣдь существуютъ же „проклятые вопросы“, которые могутъ рѣшаться только на судѣ чести. Судъ равныхъ, судъ товарищей такъ или иначе сказалъ бы свое рѣшающее слово и, быть можетъ, нравственно успокоилъ бы ту и другую сторону. Но и на этотъ разъ, пожалуй, утопическія, но, во всякомъ случаѣ, благородныя и добрыя намѣренія разбились о прозу жизни. Одесскій адвокатъ, проживающій въ Петербургѣ, взявшій подъ свое покровительство интересы Довнара, принялъ своевременно свои мѣры. Черезъ своего знакомаго, свидѣтеля г. Бухарина, дѣло было соотвѣтственнымъ образомъ „передоложено“, и интересы г-жи Палемъ и корпоративной чести товарищеской среды были отставлены въ сторону. Дѣло получило исходъ прямо противоположный первоначально намѣченному, не выходя притомъ изъ сферы негласныхъ, канцелярскихъ отписокъ. Какъ торжествующе писала потомъ Александра Михайловна Шмидтъ сыну, оттѣняя въ письмѣ заслуги рекомендованнаго ею адвоката, „ей (т. е. Палемъ) вездѣ было отказано“. Но этимъ не кончились злоключенія г-жи Палемъ и „судебно-полицейскій“ азартъ самого Довнара, руководимый предусмотрительною тактикою неявившагося сюда на судъ, хотя и вызывавшагося въ качествѣ свидѣтеля, адвоката, къ тому времени еще не остылъ. 12-го февраля 1894 года черезъ агента сыскной полиціи, г. Красова, дававшаго намъ здѣсь свои показанія, у г-жи Палемъ отобрали письма, ея собственныя письма, писанныя ей Александромъ Довнаромъ, и нѣсколько писемъ къ ней его матери, г-жи Шмидтъ. Предоставляю вамъ судить, гг. присяжные, о значеніи подобнаго шага. Если мои письма „ровно ничего не доказываютъ“, если мое дѣло правое, если я чистъ и правъ, то пусть ихъ читаютъ хоть на площади. Чѣмъ больше людей ихъ прочтетъ разомъ, тѣмъ быстрѣй разойдется молва о моей правотѣ. Казалось бы такъ. Стало быть, письма что-нибудь доказывали. Г. Красовъ на что ужъ, кажется, человѣкъ по своей профессіи притерпѣвшійся, а и тому было немножко

жутко исполнять порученіе. Ужъ очень плакала, ужъ очень убивалась Ольга Васильевна, она цѣловала письма Довнара и, рыдая, говорила: „и это она (разумѣя мать) у меня отнимаетъ!“

Живой обмѣнъ мыслей по поводу побѣды, столь блистательно и столь рѣшительно одержанной надъ беззащитною женщиною, возникшій тотчасъ въ перепискѣ между сыномъ и матерью, вамъ, навѣрное, гг. присяжные засѣдатели, памятенъ: „судебно-полицейскія“ усилія, о которыхъ столь демонстративно Довнаръ писалъ г-жѣ Шмидтъ, наконецъ, окончились Возникалъ еще только вопросъ, нельзя ли повліять и на г. Кандинскаго, чтобы онъ, съ своей стороны, „поменьше давалъ денегъ Палемъ“, въ разсчетѣ, что при такихъ условіяхъ она вынуждена будетъ „сойтись“ съ кѣмъ-нибудь, т. е., попросту, итти на содержаніе. Съ точки зрѣнія матери, обмѣнивающейся на счетъ этого задушевными своими мыслями съ сыномъ, для окончательнаго „исхода дѣла“, это было бы самое полезное. Шли, впрочемъ, и болѣе благодушные, подъ конецъ лишь нѣсколько обострившіеся переговоры матери съ сыномъ о томъ, не поднести ли столь успѣшно дѣйствующему адвокату, сверхъ положеннаго ему вознагражденія, еще какой-либо „приличный“ подарокъ или хотя бы „сотню дорогихъ сигаръ“. Практическія соображенія г-жи Александры Шмидтъ, однако, и здѣсь взяли верхъ. Она находила, что, во-первыхъ, „Палемъ все-таки не выслали изъ Петербурга“ и что, такимъ образомъ, высшій результатъ ходатайства все же долженъ почитаться неосуществленнымъ; во-вторыхъ, что уплаченнаго деньгами гонорара, по ея мнѣнію, вполнѣ достаточно и что, наконецъ, въ третьихъ, она (въ качествѣ тонкаго знатока людскихъ слабостей) знаетъ отлично, что „эти господа“ (т. е. адвокаты), любятъ иногда разыгрывать изъ себя grands seigneur'овъ и щегольнуть великодушіемъ, защищая дѣло „изъ одной только чести“... Адвокатъ, который вышеуказаннымъ образомъ защищалъ дѣло Александра Довнара, по благородному убѣжденію его матушки, главнымъ образомъ дѣйствовалъ „изъ чести“. Онъ поквитался за то подаркомъ и сигарами. Но несомнѣнно, при немъ остается еще и слава.

Г. Кандинскій, тотъ не внялъ внушеніямъ г-жи Шмидтъ, онъ,

дѣйствительно, къ чести его, не только не отвернулся отъ г-жи Палемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, но, наоборотъ, успокаивалъ ее, какъ умѣлъ, совѣтовалъ „бросить все“, оставить Петербургъ и возвратиться въ Одессу. Въ концѣ февраля г-жа Палемъ побывала въ Одессѣ. Кандинскій ахнулъ, увидѣвъ ее. Она была на себя непохожа. Желтое лицо, съ провалившимися лихорадочно-блестящими глазами, возбуждало и ужасъ, и сожалѣніе. Она состарилась за одну зиму на нѣсколько лѣтъ Другого разговора, какъ о монастырѣ и о самоубійствѣ, у нея не было. Тщетно Кандинскій пытался отвлечь ея мысли, заставить ее чѣмъ-нибудь интересоваться, она ничего не слушала, ничего не понимала. Пробывъ нѣсколько дней въ Одессѣ, она безумно стосковалась и помчалась опять въ Петербургъ.

Тутъ и начинается послѣдній актъ печальной драмы, гг. присяжные засѣдатели. Вамъ уже недолго дарить меня вниманіемъ. Долженъ-ли я перечислять отзывы всѣхъ врачей, прошедшихъ передъ нами, называть свидѣтелей гг. Пастернацкаго, Морица, Зельгейма, Твирбута и другихъ, чтобы имѣть право сказать, что въ то время въ лицѣ подсудимой Палемъ мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ нервно-больной. Самъ г. экспертъ Руковичъ, полицейскій врачъ, вызванный обвинительною властью, не смѣетъ отрицать этого На основаніи всего прошлаго подсудимой онъ, напротивъ, самъ констатируетъ у нея наличность истеріи и особаго, несомнѣнно-болѣзненнаго неврастеническаго состоянія. Въ качествѣ эксперта, дающаго здѣсь свое „научное“ заключеніе, онъ лишь провозглашаетъ абсолютную разграниченность двухъ самостоятельныхъ сферъ, нервной и психической дѣятельности человѣка. Онъ выражается весьма категорично, утверждая, что констатированныя имъ нервныя болѣзни у г-жи Палемъ (неврастенія и истерія) не имѣютъ ничего общаго съ психическою дѣятельностью субъекта вообще.

Не слишкомъ-ли категорично, не слишкомъ-ли самоувѣренно сказано? Судъ отказалъ мнѣ въ вызовѣ болѣе авторитетныхъ спеціалистовъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, находя, что вопросъ исчерпанъ и исчерпанъ отрицательно, въ смыслѣ отсутствія какого-либо болѣзненнаго психоза у подсудимой. Пусть такъ! Да позволено мнѣ будетъ, однако, не

согласиться съ заключеніемъ г. Руковича въ той его части, гдѣ онъ возводитъ глухую стѣну между болѣзненностью нервною и психическою. Не надо быть медикомъ, чтобы понимать, что живой организмъ не складная машина, которую можно развинтить по частямъ. Нельзя снять голову, достать сердце, выложить нервы и сказать, что это и есть живой организмъ. Всякому понятно, что если мозгъ воспринимаетъ ощущенія и раздраженія нервами и если нервы больны, то и раздраженія и ощущенія не могутъ передаваться по такимъ проводникамъ правильно. Здѣсь свѣтитъ электричество;—конечно, не тѣ проволоки, которыя идутъ по стѣнамъ, но попробуйте ихъ надрѣзать, — мы останемся въ потемкахъ. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что подсудимая сумасшедшая или безумная. Совсѣмъ нѣтъ. Я только утверждаю, что, задолго до катастрофы, нервная ея болѣзненность констатирована несомнѣнно. Оцѣнивая всѣ ея поступки, всѣ ея душевныя движенія, упускать этого изъ виду невозможно. Упади всѣ событія, о которыхъ я велъ рѣчь, на здоровую почву, на организмъ жизнедѣятельный, нормальный, легко стряхивающій съ себя всѣ гнетущія, тяжелыя ощущенія, картина навѣрное получилась бы совершенно иная. Но мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ болѣзненно-нервнымъ, измотавшимъ послѣдніе остатки своихъ душевныхъ силъ. Такою вы ее и берите, отправляясь за поисками того, съ чѣмъ мы должны имѣть дѣло, на почвѣ юридическихъ фикцій и построеній.

Г. прокуроръ утверждаетъ, что тутъ—самое грозное убійство, убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, убійство—месть. Но вѣдь месть злорадствуетъ, месть торжествуетъ, въ этомъ ея пища. А, между тѣмъ, секунду вслѣдъ за тѣмъ она спѣшитъ убить и себя, самою себя отдать въ пищу червямъ. Какая месть! Когда было злорадствовать, когда торжествовать? И еще не просто месть, а „преднамѣренная“, „заранѣе обдуманная“. Что-же, спрашивается, тутъ „обдуманно“? Еще говорятъ: заманила его подъ „вымышленнымъ предлогомъ“. Хорошъ „вымышленный“ предлогъ... Постель смята, вся ночь проведена вмѣстѣ, на стѣнѣ—эсмарховская кружка. Спрашивается, для чего-бы понадобилась еще и эта послѣдняя прозаическая предосторожность, если-бы „заранѣе“ было рѣшено

умереть и убить. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, съ этимъ обвиненіемъ въ преднамѣренномъ убійствѣ вамъ ровно нечего дѣлать, отъ него отступился даже г. представитель гражданскаго иска, повѣренный матери убитаго.

Далѣе слѣдуетъ также умышленное, также намѣренное, но лишь возникшее по внезапному умыслу убійство на почвѣ нормальнаго, здороваго (физіологическаго, а не патологическаго) аффекта, то, что нашимъ закономъ именуется „въ запальчивости и раздраженіи“. Это также преступленіе тяжкое и съ нимъ считаться надо Человѣкъ, совершившій его сознательно, вполнѣ отвѣтственъ за свои дѣйствія. Подсудимая утверждаетъ, что она не хотѣла убить Довнара, намѣренія покуситься на его жизнь не было, она стрѣляла, не помня себя, и, увидавъ, что онъ убитъ, рѣшилась покончить съ собою.

Съ десяти часовъ вечера 16-го мая до четырехъ часовъ слѣдующаго дня, они оставались вдвоемъ, съ глазу на глазъ. Свидѣтелемъ между ними былъ только одинъ Богъ. Какое-же право мы имѣемъ безусловно отвергать ея объясненіе. Если дѣло было именно такъ, какъ она объясняетъ,—она не убійца, она несчастная, мы надъ нею рыдать должны, какъ рыдала съ нею вмѣстѣ запертая въ камерѣ арестантка Гордина, которой она не разъ говорила: „подумай, какая я несчастная и какой на мнѣ грѣхъ; я не хотѣла, а рука моя убила человѣка и человѣка любимаго“!..

Докажите-же, что она убійца, что она хотѣла этого убійства. А револьверъ, возразятъ мнѣ, револьверъ, который она пріобрѣла заранѣе, а нѣкоторыя ея выраженія и слова, сказанныя до и послѣ убійства? А фраза, знаменательная фраза, произнесенная ею въ присутствіи прибывшаго въ гостиницу пристава: „рано или поздно это должно было случиться“. Случилось, стало быть, это и было именно то, чего она хотѣла.

Придется опять вернуться къ анализу фактовъ, опять серьезно и добросовѣстно вдуматься въ обстановку, въ которой совершилась двойная бѣда: убійство и покушеніе на самоубійство.

Мы знаемъ, что съ марта (послѣ своей одесской поѣздки) подсудимая поселилась въ одномъ изъ номеровъ люднаго

Пале-Рояля. Въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, въ комнатѣ пятаго этажа она поселилась настоящей отшельницей. При ней, въ качествѣ прислуги, стиравшей ей бѣлье, Анна Власова помѣстила свою четырнадцатилѣтнюю дочь Софью Власову. Дѣвочка жила въ одной комнатѣ съ „барышней", и отъ нея мы знаемъ подробно, какъ проводила свое время Палемъ, каковы были ея думы и заботы. Она много молилась, часто плакала, иногда работала, читала, гадала на картахъ. Каждый день около часа дня ѣздила въ Казанскій соборъ и брала дѣвочку съ собою. Тамъ она опускалась на колѣни и подолгу не поднимала головы. Дома въ ея обстановкѣ на первомъ планѣ были чтимые ею образа и фотографическій портретъ отца Іоанна Кронштадтскаго съ собственноручною его надписью. Рядомъ съ этимъ при ней всегда былъ револьверъ. По показанію г-жи Будковской, которая принимала въ ней нѣкоторое участіе, недѣли за двѣ до убійства, Палемъ была у нея, заходила на нѣсколько минутъ. Свидѣтельница замѣтила очень тревожное и мрачное ея настроеніе. Она попробовала, было, заговорить съ нею о Довнарѣ, старалась ее успокоить, говоря, что ужъ изъ одного самолюбія покинутая женщина должна бы побороть себя или хоть сдѣлать видъ, что переноситъ разлуку равнодушно; но Палемъ расплакалась, перебила ее тономъ, въ которомъ г-жа Будковская почувствовала предвѣстіе какого нибудь ужаснаго несчастья и сказала ей: „прощайте, не поминайте меня лихомъ. Помолитесь обо мнѣ"! Г-жа Будковская тогда-же поняла, что Ольгу Васильевну преслѣдуетъ идея о самоубійствѣ, и что она борется съ нею.

Кажущаяся двойственность въ настроеніи молодой женщины не должна смущать насъ. Съ одной стороны—молитва, съ другой—револьверъ. Лишь съ перваго взгляда это можетъ казаться несовмѣстимымъ. Когда человѣкъ уже весь во власти глубокаго упадка духа, когда онъ изнемогаетъ подъ бременемъ своихъ мучительныхъ сомнѣній, и вѣра и отчаяніе одинаково близки, одинаково доступны ему. Весь вопросъ, что пересилитъ, чьей отдастся онъ власти.

Вы знаете, что револьверъ она первоначально пріобрѣла еще въ Одессѣ. Это былъ дрянной, грошовый бульдогъ, купленный ею за четырнадцать рублей. За эту цѣну нельзя имѣть порядочнаго револьвера. Недѣли за двѣ до 17-го мая, она обмѣ-

няла его въ магазинѣ Лежена на небольшой, вполнѣ исправный револьверъ системы Смитъ Вессонъ. Можно твердо рѣшиться на самоубійство и сознательно итти на него, но искалѣчить себя, только поранивъ, благодаря случайности дрянного оружія, согласится не всякій. Этого и боялась Палемъ. Она слышала и отъ Довнара, что ея револьверъ—бульдогъ никуда не годится. На эту тему разговоръ подсудимая, по ея словамъ, вела съ убитымъ въ послѣдній разъ не далѣе, какъ недѣли за три до происшествія. Намъ, знающимъ всѣ подробности дѣла, и это, приводимое ею, обстоятельство не можетъ представиться невѣроятнымъ, оно намъ не кажется даже страннымъ. Достовѣрно извѣстно, что въ этотъ послѣдній періодъ ихъ отношеній они дѣйствительно встрѣчались, видѣлись, не говоря уже о томъ, что они очень часто переписывались. Благодаря показаніямъ студента Панова, письмамъ, найденнымъ по обыску въ комнатахъ Довнара и Палемъ, а также нѣкоторымъ письмамъ этой послѣдней, отобраннымъ также по обыску у г. Кандинскаго, мы можемъ съ достаточно жизненными подробностями возстановить картину тѣхъ отношеній, которыя установились между Палемъ и Довнаромъ на протяженіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ и которыя существовали вплоть до 16-го мая.

Довнаръ поселился въ Демидовомъ переулкѣ, въ квартирѣ г. Аничкова. По показанію послѣдняго, здѣсь г-жа Палемъ никогда не видѣлась съ Довнаромъ. Но письма получались и по почтѣ и черезъ посыльнаго, и онъ отвѣчалъ на нихъ. По показанію дѣвочки Саши Власовой, разъ или два Ольга Васильевна ѣздила въ Демидовъ переулокъ вмѣстѣ съ нею. Она заходила въ квартиру г. Аничкова съ запиской, послѣ чего какой-то молодой господинъ выходилъ къ г-жѣ Палемъ. Они о чемъ-то тихо разговаривали, какъ бы условливались, и г-жа Палемъ возвращалась назадъ Студентъ Пановъ, стоявшій въ то время особенно близко къ Довнару, положительно удостовѣряетъ, что въ то время они видѣлись и даже сходились отъ времени до времени на „свиданія“. Зная всю предыдущую ихъ трагикомедію, Пановъ дивился и спрашивалъ Довнара, какъ могло „это“ продолжаться, когда Палемъ всего мѣсяцъ назадъ подавала столь оскорбительную для его, Довнара, чести жалобу самому ми-

нистру путей сообщенія. Довнаръ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, причемъ однако замѣтилъ: „Мало-ли что, да она это такъ, отъ отчаянія подавала“.

Въ высшей степени цѣнная фраза покойнаго, едва-ли не разомъ озаряющая всю глубину той несомнѣнной привязанности къ нему Палемъ, въ которую до конца вѣрилъ и не могъ не вѣрить самъ Довнаръ. На письменномъ столѣ убитаго было найдено множество ея писемъ за послѣднее время. Надъ этими не всегда выдержанными въ смыслѣ стиля и орѳографіи посланіями пытались поглумиться, подчеркивая ихъ малограмотность. Для меня-же именно эта ихъ малограмотность и цѣнна. Виртуозность стилиста можетъ иногда замаскировать ложь, скрасить и невыгодную правду, ну, а ужъ здѣсь все наголо. Если бы даже хотѣла, не сумѣла бы! И что-же: прозвучала-ли при чтеніи этихъ писемъ хотя бы одна фальшивая нота, слышалась-ли въ нихъ замаскированная злоба, чуялась-ли худо скрытая жажда мести? Ничего похожаго. Отъ начала и до конца письма эти: берущая за сердце тоска по любимомъ человѣкѣ. Звучатъ они просто, задушевно, какъ можетъ звучать только искреннее чувство. Онъ занятъ экзаменами, она заботится тѣмъ временемъ о передѣлкѣ его пальто, шлетъ ему перышки отъ ея „птичекъ“ на счастье и не тревожитъ его призывами на свиданье. Пановъ говорилъ намъ, что недѣли за двѣ, за три до убійства они ѣздили вмѣстѣ на острова. Она заложила для этого нѣкоторыя свои вещи, и вотъ въ ея письмѣ попадается такая фраза: „Милый, я такъ счастлива, я такъ много дышала тобою вчера!“. Онъ ей нуженъ, какъ воздухъ! Мы имѣемъ указаніе, что не только она ему, но и онъ ей назначалъ иногда свиданія. Разъ его письмо не застало ея дома, она съ дѣвочкой Сашей ѣздила въ баню. И вотъ на другой же день она шлетъ ему полное отчаянія посланіе, въ которомъ не находитъ словъ, чтобы выразить всю свою обиду за то, что она не пришла на его зовъ.

Въ то-же время, по единогласному отзыву всей прислуги Пале-Рояля, Палемъ все это время ведетъ совершенно монастырскій образъ жизни. Ни одинъ мужчина не переступаетъ порога ея комнаты. Она не ночуетъ дома только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этому событію въ теченіе дня предше-

ствуетъ форсированная гоньба двухъ посыльныхъ, занимающихъ свои посты у Демидова переулка и на углу Пушкинской и Кузнечнаго. Еще за три дня до убійства такое экстраординарное происшествіе имѣло мѣсто.

А револьверъ?—спрашиваете вы. При такихъ свиданіяхъ—причемъ-же револьверъ? Во все это время онъ былъ неизмѣнно съ нею. Отчасти ей нельзя было бросать его въ номерѣ, такъ какъ тамъ оставалась дѣвочка, отчасти она намѣренно, если хотите, сознательно „носилась“ съ нимъ. Въ томъ ея душевномъ состояніи, о которомъ мы уже говорили достаточно, это былъ ея вѣрный другъ, вѣрное прибѣжище, къ которому можно всегда, во всякую минуту, прибѣгнуть, разъ станетъ ужъ очень невыносимо. Въ концѣ поста она говѣла и для причастія заказала себѣ бѣлое платье. Изъ намековъ въ письмѣ къ Кандинскому можно заключить, что она глядѣла на это бѣлое, разложенное передъ нею красиво сшитое платье „словно подвѣнечное“ для ея „несчастной свадьбы“ и думала, что оно станетъ погребальнымъ саваномъ. Мысль о самоубійствѣ ея не покидала, скажу больше—она преслѣдовала ее.

И насколько мы можемъ судить по намекамъ свидѣтеля Панова, покойный Довнаръ зналъ объ этой ея „игрѣ“ съ револьверомъ и даже не разъ говорилъ съ нимъ по этому поводу. Сама г-жа Палемъ положительно удостовѣряетъ, что для Довнара не было тайной, что она хочетъ застрѣлиться. Вѣрилъ-ли онъ ей безусловно или нѣтъ, не берусь рѣшить, но только все-же слѣпота его въ значительной мѣрѣ непонятна. Онъ словно дразнилъ ее, подбодрялъ ее: „гдѣ тебѣ, не застрѣлишься—комедія!“

Не допускаю, не хочу допустить и на секунду мысли, чтобы при этомъ гдѣ-нибудь, даже въ самомъ зломъ и самомъ потаенномъ изгибѣ его души шевелилось злорадное ожиданіе: „а чего добраго застрѣлится, съ нея станетъ... тѣмъ лучше, раздѣлаюсь навсегда!“ Это было-бы слишкомъ ужасно.

Но я васъ спрашиваю: что такое съ его стороны эти свиданія, всѣ эти уступки послѣ всего, что было? Вѣдь разойтись окончательно онъ, повидимому, давно рѣшилъ. Послѣ экзаменовъ, которые кончались въ маѣ, опять предстоялъ

отъѣздъ. Предстояло разстаться, рѣшено было и раньше порвать разъ и навсегда. Вѣдь не мальчикъ онъ былъ, ему шелъ двадцать шестой годъ. Студентомъ-медикомъ ему было отвратительно и жутко копаться во внутренностяхъ мертваго человѣка. Какъ же не щадилъ онъ живого? Какъ могъ онъ не понимать, что живое мясо, ужъ если его рѣзать, надо рѣзать разомъ, а не пилить его, не мучить, не истязать. Вѣдь передъ нимъ было живое существо... Палемъ на ногахъ уже шатало, достаточно было дуновенія, чтобы ее свалить, а онъ твердилъ ей все свое: „игра!“.

Или, можетъ быть, моя догадка невѣрна, и я клевещу на покойнаго? Я былъ бы радъ. Можетъ быть, въ глубинѣ его сердца, напротивъ, шевелилось иногда раскаяніе и обида на самого себя за все зло, которое онъ причинилъ этой, несомнѣнно его любившей, женщинѣ. Можетъ быть, не смѣя самому себѣ въ томъ признаться, онъ все еще любилъ ее и втайнѣ проклиналъ себя за то, что такъ малодушно, такъ позорно поддался въ отношеніи къ ней чужому руководству и чужому вліянію. Какъ знать! Есть одна фраза, брошенная имъ однажды Панову, надъ которою хотѣлось бы призадуматься. Зная экзальтированный характеръ Палемъ и то, что она вѣчно носитъ съ собою револьверъ, Пановъ какъ то предостерегъ Довнара. Онъ совѣтовалъ ему не ходить на подобныя свиданія, говоря, что она легко можетъ застрѣлить его. Вотъ, что онъ отвѣчалъ на это Панову: „я былъ бы радъ, если бы это случилось, только разомъ, безъ страданій“. Съ этого свиданія онъ вернулся благополучно, но слова его оказались пророческими: онъ дѣйствительно умеръ разомъ и безъ страданій

Теперь и разсудите, какъ же „это“ случилось въ злополучное 17-е мая. Какъ случилось? Ставьте рядомъ все, что угодно: намѣренность, случайность, неосторожность—результатъ будетъ одинъ, а мы только и знаемъ, что результатъ Догадки — и то, что говорилъ вамъ прокуроръ, и то, что сказалъ вамъ гражданскій истецъ, и то, что я могу вамъ сказать—одинъ результатъ ясенъ—„доигрались“.—„Рано или поздно это должно было случиться!“ говоритъ вамъ женщина черезъ силу, зажимая собственную кровоточащую рану у самаго сердца, а вы ей въ отвѣтъ:—убійца!

Но зато, когда та же самая женщина на больничной койкѣ, впервые придя въ себя, единственно близкому и вѣрному ей человѣку, Кандинскому, откровенно пишетъ: „Саша убитъ случайно. Хотѣла только себя!“ —ей не вѣрятъ. Разсудите! Вы видите, какое трудное это дѣло. Захотите-ли вы обрушить на голову этой несчастной всю тяжесть, всю вину за случившееся,—это ваше дѣло, дѣло вашей совѣсти, но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, уйти изъ этой залы съ увѣренностью, что я исполнилъ свой долгъ.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей постановлены были судомъ слѣдующіе вопросы:

1) Виновна-ли подсудимая симферопольская мѣщанка Ольга Васильевна Палемъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни студента Александра Довнара, купила револьверъ съ патронами, съ заряженными пулями, пригласила Довнара для свиданія въ гостиницу «Европа», взяла съ собою револьверъ съ патронами и въ номерѣ гостиницы 17-го мая выстрѣлила въ него, Довнара, изъ револьвера въ голову сзади, на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ, въ то время, когда Довнаръ повернулся къ ней спиною, и этимъ выстрѣломъ тогда же на мѣстѣ лишила его жизни, причинивъ смертельное поврежденіе головы?

2) Если подсудимая Палемъ не виновна по первому вопросу, то не виновна-ли она въ томъ, что 17-го мая 1894 г., въ номерѣ гостиницы «Европа», по набережной рѣки Фонтанки въ Петербургѣ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но, однако, не случайно, въ состояніи запальчивости и раздраженія отъ нанесеннаго ей Довнаромъ оскорбленія, съ цѣлью лишенія его жизни, выстрѣлила Довнару въ голову и этимъ выстрѣломъ тогда же на мѣстѣ лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

Защита просила поставить еще вопросъ о томъ, не находилась-ли подсудимая при совершеніи преступленія въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства, согласно 754 ст. у. у. с. и согласно признакамъ, предусмотрѣннымъ 96 ст. улож. о нак.

Нѣкоторые присяжные засѣдатели присоединились къ этому ходатайству.

Окружный судъ послѣ долгаго совѣщанія отказалъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, на томъ основаніи, что выдѣленіе вопроса о невмѣняемости требуетъ предварительнаго освидѣтельствованія въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ 353 ст. у. у. с., чего въ данномъ случаѣ исполнено не было.

Въ два часа ночи присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго со-

вѣщанія, признали подсудимую невиновной во возведенномъ на нее обвиненіи.

По выслушаніи приговора, встрѣченнаго публикою шумными рукоплесканіями, съ Ольгою Палемъ сдѣлался истерическій припадокъ.

18-го февраля ночью состоялся этотъ оправдательный приговоръ, а уже 21-го февраля въ № 40 «Правительственнаго Вѣстника» появилось правительственное сообщеніе нижеслѣдующаго содержанія: «Министръ юстиціи, обративъ вниманіе на условія, при которыхъ судебное засѣданіе с.-петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу мѣщанки Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, закончилось въ ночь на 19-е сего февраля оправдательнымъ приговоромъ, несмотря на наличность тяжкаго преступленія, — поручилъ прокурорскому надзору озаботиться принесеніемъ на упомянутый приговоръ кассаціоннаго протеста въ Правительствующій Сенатъ, на разсмотрѣніе котораго дѣло это поступитъ въ непродолжительномъ времени».

21-го марта того же года дѣло, по протесту товарища прокурора и по кассаціонной жалобѣ повѣреннаго гражданскаго истца, уже докладывалось въ уголовномъ кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго И. И. Розинга. Докладывалъ дѣло сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ сенаторъ А. Ѳ. Кони.

Въ протестѣ на приговоръ суда прежде всего указывалось на нарушенія 762 ст. уг. суд. Изъ дѣла видно, что, послѣ оглашенія предсѣдателемъ проектированныхъ вопросовъ, защитникъ подсудимой ходатайствовалъ о постановкѣ вопроса о томъ, не совершила-ли Палемъ преступнаго дѣянія въ припадкѣ умопомраченія, и къ этой просьбѣ защитника присоединились четыре присяжныхъ засѣдателя. На это предсѣдатель заявилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что такъ какъ по дѣлу, во время предварительнаго слѣдствія, не было произведено спеціальнаго изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей Ольги Палемъ по 353—355 ст. у. у. с., то въ настоящемъ положеніи дѣла вопросъ по 96 ст. улож. о наказ. не можетъ быть поставленъ. Хотя такимъ заявленіемъ предсѣдателя, сдѣланнымъ отъ имени суда, ходатайства защиты и присяжныхъ засѣдателей устранялись, тѣмъ не менѣе, предсѣдатель предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ удалиться для совѣщанія о томъ, настаиваютъ-ли они на постановкѣ вопроса объ умопомраченіи Палемъ. Такое общее совѣщаніе присяжныхъ послѣдовало въ нарушеніе 762 ст. у. у. с., по которой право дѣлать замѣчанія на проектъ вопросовъ принадлежитъ каждому присяжному засѣдателю въ отдѣльности и потому не можетъ быть поглощаемо мнѣніемъ большинства. Между тѣмъ, такое поглощеніе въ данномъ случаѣ несомнѣнно послѣдовало, такъ какъ послѣ общаго совѣщанія старшина объявилъ, что присяжные отказываются отъ постановки третьяго вопроса.

По этотъ отказъ на словахъ, получившійся путемъ неправильнаго примѣненія 762 ст. у. у. с., не означалъ еще собою отказа нѣкоторыхъ присяжныхъ отъ ихъ мнѣнія, которое выразилось въ ихъ заявленіи о томъ, что они присоединяются къ защитнику по вопросу объ умопомраченіи.

Если эти присяжные уступили давленію большинства, отказавшись отъ постановки своего вопроса, то при этомъ они и въ заключительномъ словѣ предсѣдателя не получили никакого разъясненія о томъ, какъ-же имъ слѣдуетъ поступить съ возникшимъ у нихъ сомнѣніемъ въ психической ненормальности обвиняемой. Поэтому при постановкѣ вердикта, четыремъ присяжнымъ засѣдателямъ, оставалось лишь присоединиться къ голосамъ за оправданіе, и такимъ образомъ легко могло образоваться не согласное съ убѣжденіемъ совѣсти присяжныхъ и съ требованіемъ 804 и 666 ст. у. у. с., раздѣленіе ихъ голосовъ, давшихъ перевѣсъ въ сторону оправдательнаго вердикта. Такой вердиктъ является, при указанныхъ судопроизводственныхъ условіяхъ, логическимъ послѣдствіемъ непредоставленія судомъ присяжнымъ засѣдателямъ законнаго исхода для возникшаго среди нихъ сомнѣнія въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемой.

Нарушена также 549 ст. у. уг. суд., такъ какъ судъ обязанъ былъ послѣ заявленія присяжныхъ обсудить вопросъ по существу, т. е., направить-ли дѣло для изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей Палемъ или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что на судѣ допрашивался свидѣтель Зельгеймъ и экспертъ Руковичъ и др. о состояніи умственныхъ способностей Палемъ.

Нарушена также и ст. 619 у. уг. суд., такъ какъ судъ, выслушавъ ходатайство присяжныхъ о постановкѣ третьяго вопроса, долженъ былъ спросить заключенія товарища прокурора именно по этому ходатайству, а вмѣсто того судъ тотчасъ удалился для совѣщанія. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи суда въ зало засѣданія и прежде объявленія его опредѣленія, товарищъ прокурора просилъ судъ выслушать его заключенія, но предсѣдатель отказалъ въ этомъ, заявивъ, что опредѣленіе суда уже постановлено. Въ этомъ отказѣ и заключается нарушеніе 619 ст. у. у. с., ибо частное опредѣленіе суда не приравнивается къ состоявшемуся и подписанному приговору и могло быть измѣнено по соображенію съ доводами заключенія товарища прокурора, которое судъ обязанъ былъ выслушать и обсудить, какъ отнестись къ вопросу о порядкѣ производства дѣла.

Кромѣ того, въ заключительномъ словѣ предсѣдательствующаго, прокурорскій протестъ усматриваетъ существенное нарушеніе 1 п. 812 ст. уст. уг. суд. А именно, два вопроса, поставленные на разрѣшеніе присяжныхъ, имѣли своимъ предметомъ сознательное причиненіе О. Палемъ Довнару, съ намѣреніемъ его убить, тѣлесныхъ поврежденій, отъ которыхъ онъ умеръ. Такое содержаніе вопросовъ обязывало предсѣдательствовавшаго, въ виду 812 ст. у. у. с., разъяснить присяжнымъ ихъ права давать ограничительные отвѣты о виновности и отвергать намѣреніе на лишеніе жизни въ томъ случаѣ, если присяжные признаютъ это доказаннымъ. Палемъ выстрѣлила въ Довнара хотя и сознательно, но не съ цѣлью его убить. Изъ удостовѣренныхъ судомъ замѣчаній товарища прокурора на протоколъ судебнаго засѣданія, однако, видно, что предсѣдатель въ своей рѣчи не коснулся возможности такого ограничительнаго отвѣта, чрезъ что присяжные засѣдатели, если-бы они признавали Палемъ виновною въ причиненіи Довнару раны, послѣдствіемъ которой была

его смерть, безъ намѣренія лишить его жизни, не оставалось иного выхода, какъ, слѣдуя разъясненію предсѣдателя, отвѣтить отрицательно на оба вопроса, предложенные ихъ разрѣшенію. Между тѣмъ, по обстоятельствамъ дѣла и, въ виду объясненія самой Палемъ, которая отрицала только свое намѣреніе убить Довнара и заявила, что для нея случайной была лишь смерть Довнара, а не направленный въ него выстрѣлъ, у присяжныхъ засѣдателей дѣйствительно могло сложиться убѣжденіе въ виновности, опредѣленной въ 1484 ст. улож. о наказ., но для выраженія этого убѣжденія присяжнымъ не было разъяснено установленнаго закономъ способа.

Гражданскій истецъ въ своей жалобѣ указываетъ также, что предсѣдателемъ не было разъяснено, что присяжные имѣютъ право давать ограничительные отвѣты. Такое разъясненіе особенно необходимо было въ дѣлѣ Палемъ, ибо она сама, какъ удостовѣрялось прочитаннымъ на судѣ ея письмомъ къ Кандинскому, писанному уже послѣ совершенія преступленія, говоритъ: «Саша убитъ совершенно случайно, такъ какъ я хотѣла только себя и то не убить, а только поранить, чтобы у него явилось раскаяніе и угрызеніе совѣсти, для того, чтобы онъ на мнѣ женился... къ несчастью, въ это утро онъ слишкомъ сильно вызывалъ во мнѣ ревность и, не щадя, меня оскорблялъ, какъ только могъ. Я, не помня себя отъ самаго сильнаго оскорбленія, выхватила револьверъ... была-ли цѣль убить, или попугать его—не помню, помню только, что я выстрѣлила, онъ упалъ».

Въ дѣлѣ видно нарушеніе п. 540 ст. уст., такъ какъ послѣ заявленія присяжными ходатайства о постановкѣ особаго вопроса по признакамъ 96 ст. улож., судъ обязанъ былъ, въ виду рѣшенія сената по дѣлу Сергѣева (Кас. рѣш. за 1862 г. № 20), остановить разсмотрѣніе дѣла и о ясно выраженномъ мнѣніи четверыхъ присяжныхъ засѣдателей о томъ, что преступленіе совершено Палемъ въ состояніи болѣзненнаго умопомраченія,—представить судебной палатѣ.

Заявленіе защиты и присяжныхъ о необходимости обсудить вопросъ о вмѣняемости прямо вытекало изъ допущеннаго судомъ въ засѣданіи допроса доктора Руковича, какъ значится въ протоколѣ засѣданія, дававшаго заключеніе—«о психическомъ состояніи подсудимой». Разъ означенный вопросъ былъ предметомъ судебнаго слѣдствія, вопросъ о вмѣняемости подлежалъ обсужденію присяжныхъ засѣдателей, и если для этого требовалось соблюденіе порядка, установленнаго 353—355 ст. у. у. с., то и надлежало соблюсти этотъ порядокъ путемъ представленія дѣла въ судебную палату, а отнюдь не вліять на убѣжденіе присяжныхъ черезъ разъясненіе имъ тяжелыхъ для Палемъ послѣдствій ихъ требованія, клонившагося, очевидно, въ пользу подсудимой.

Въ виду опредѣленія судебной палаты о преданіи Палемъ суду безъ освидѣтельствованія ея въ состояніи умственныхъ способностей и согласно 549 ст. у. у. с., иного способа дѣйствій суда и не могло послѣдовать, но приводимыми кассаторомъ въ своей жалобѣ выписками изъ слѣдственнаго производства, онъ доказываетъ, что судебная палата упустила изъ виду цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на необходимость подвергнуть Палемъ освидѣтельствованію въ порядкѣ 353 и слѣд. ст. у. у. с., тѣмъ

болѣе, что на точномъ основаніи 355 ст. въ случаяхъ, въ сей статьѣ указанныхъ, для обязательнаго освидѣтельствованія подсудимой достаточно наличности обстоятельства — «дающаго поводъ предполагать, что обвиняемый учинилъ преступное дѣяніе въ припадкѣ болѣзни, или совершеннаго безпамятства». Что Палемъ была въ болѣзненномъ состояніи, гражданскій истецъ въ своей жалобѣ подтверждаетъ свидѣтельскими показаніями и письмами обвиняемой.

Свидѣтельствованіе Палемъ посредствомъ наблюденія надъ нею психіатровъ и заключеніе врачей-спеціалистовъ по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ давало-бы, пишетъ гражданскій истецъ, возможность и право оспаривать возбужденное защитникомъ и возникшее у нѣкоторыхъ присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе о невмѣняемости ея. Основывать-же свои возраженія на основаніи одного убѣжденія и весьма категорическаго, но мало мотивированнаго заключенія полицейскаго врача-хирурга, представляется противозаконнымъ. Оставляя безъ разсмотрѣнія этотъ вопросъ при утвержденіи обвинительнаго акта, судебная палата нарушила 531, 534 и 353—356 ст. у. у. с. На основаніи этихъ же статей при предварительномъ производствѣ слѣдовало подвергнуть изслѣдованію психическое состояніе подсудимой.

Наконецъ, кассаторъ видитъ нарушеніе при предварительномъ слѣдствіи и ст. 358 и 449 уст., такъ какъ слѣдователь дѣлалъ обыски, выемки и пріобщилъ къ дѣлу многія письма и другіе документы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу.

Кассаторы просятъ, по изложеннымъ соображеніямъ, отмѣнить не только приговоръ суда, но и самое опредѣленіе палаты, какъ преждевременное.

Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу Ольги Палемъ.

Господа сенаторы!

Ольгѣ Палемъ законные представители общественной совѣсти — присяжные засѣдатели — вынесли оправдательный вердиктъ. Оправдательные приговоры присяжныхъ засѣдателей, согласно постановленіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ кодексовъ, почитаются безусловно, скажу больше,— священно-неприкосновенными. Французскій уголовный процессъ вовсе не знаетъ кассаціи оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, настолько, съ одной стороны, велико довѣріе къ голосу общественной совѣсти, настолько, съ другой, личность оправданнаго гуманно защищена отъ новыхъ домогательствъ прокурорской власти. Если даже прокуроръ находитъ, что при постановленіи приговора были

допущены тѣ или другія нарушенія, онъ можетъ жаловаться кассаціонному судилищу, но жалоба эта, по своимъ послѣдствіямъ, не касаясь вовсе личности разъ оправданнаго, имѣетъ характеръ чисто академическій. Это называется кассаціею во имя закона, въ интересахъ будущихъ дѣлъ подобной же категоріи, когда имѣется въ виду истолковать процессуальное нарушеніе въ интересахъ устраненія подобнаго же нарушенія впредь

Нашъ уголовный процессъ къ сожалѣнію не ограждаетъ столь неприступною крѣпостью личность, которую уже однажды согражданe, по долгу присяги и совѣсти, признали невиновною, и не знаетъ вовсе рѣшеній верховнаго кассаціоннаго судилища исключительно въ интересахъ и во имя закона. Тѣмъ не менѣе, согласно взгляду лучшихъ коментаторовъ нашихъ процессуальныхъ законовъ, каковы покойный профессоръ Чебышовъ-Дмитріевъ и сенаторъ Буцковскій, и нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства какъ бы сознательно выдвигаетъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей на высшую, по сравненію со всѣми другими судебными приговорами, процессуальную ступень. Онъ намѣренно окружаетъ его ореоломъ нѣкотораго торжественнаго сіянія, въ надеждѣ, что его благотворное вѣяніе тотчасъ же всѣми будетъ должнымъ образомъ почувствовано и воспринято. Такой взглядъ названныхъ коментаторовъ, раздѣляемый мною, они основываютъ на сопоставленіи велѣній, какъ-бы съ перваго взгляда противорѣчивыхъ. ст. 819, 771 и 958 уст. угол. суд. Всѣ эти статьи говорятъ о порядкѣ объявленія резолюцій и приговоровъ, основанныхъ на вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей. И среди нихъ ст. 819, словно почетный стягъ, высоко поднимаетъ (чтобы видно было всѣмъ вокругъ) оправдательный вердиктъ присяжныхъ засѣдателей По всякому иному ихъ вердикту судъ въ правѣ удалиться для совѣщанія, онъ спрашиваетъ заключенія прокурора, мнѣнія сторонъ; по силѣ 818 ст. уст. уг. суд. судъ своимъ единогласнымъ рѣшеніемъ можетъ даже вовсе отвергнуть ихъ вердиктъ, если признаетъ, что ими осужденъ невинный. Но по оправдательному рѣшенію присяжныхъ засѣдателей законъ не допускаетъ ни колебаній, ни разсужденій, ни совѣщаній. Согласно 819 ст, тотчасъ же по провозглашеніи

присяжными вердикта, оправдывающаго подсудимаго, предсѣдатель, не справляясь ни съ чымъ мнѣніемъ, даже съ мнѣніемъ своихъ естественныхъ совѣтниковъ-членовъ тогоже присутствія, обязанъ немедленно собственною своею единоличною властію объявить оправданнаго свободнымъ отъ суда, а если онъ былъ въ предварительномъ заключеніи, то и отъ содержанія подъ стражей.

Коментаторы полагаютъ что законодатель сдѣлалъ это „и для того, чтобы показать неизмѣнность подобнаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей“ Въ этомъ взглядѣ есть глубокій нравственный смыслъ, который сознается, пока къ сожалѣнію, лишь въ болѣе культурныхъ обществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли даже мысленно допустить такую власть или такое лицо, которое, не дѣйствуя внѣ закона, могло бы аннулировать, уничтожить значеніе оправдательнаго приговора присяжныхъ засѣдателей? Нѣтъ! Обвинительный приговоръ можетъ быть аннулированъ прощеніемъ потерпѣвшаго, если дѣло производилось въ порядкѣ частнаго обвиненія, милостью верховной власти—во всѣхъ другихъ случаяхъ. Онъ можетъ быть сведенъ „на нѣтъ“ въ порядкѣ примѣненія судомъ наказанія. Но оправдательный приговоръ—это своего рода святыня, которая не терпитъ никакого посторонняго, произвольнаго прикосновенія. И нашъ процессуальный законъ охраняетъ его въ этомъ отношеніи, независимо отъ того, нравится-ли онъ кому или не нравится по существу Оправдательный приговоръ присяжныхъ можетъ быть отмѣненъ только въ кассаціонномъ порядкѣ, но онъ не можетъ быть ни измѣненъ, ни опороченъ, ни аннулированъ. Для этого не существуетъ власти.

Кассація приговора совсѣмъ иное дѣло. Здѣсь велѣнія закона ясны, опредѣленны, категоричны. Серьезные кассаціонные поводы должны быть на лицо, нарушенія формъ или матеріальнаго закона, подобно библейскимъ пророческимъ камнямъ, должны, такъ сказать, вопить о себѣ сами, такъ какъ, согласно 912 ст. уст. уг. суд., лишь „существенныя“ нарушенія формъ или закона могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для отмѣны приговора въ кассаціонномъ порядкѣ. Всякая иная отмѣна приговора была бы произволомъ, а стало быть была бы незаконна. При ка-

кихъ же условіяхъ возможна кассація вами, гг. сенаторы, приговора, и представляются ли эти условія на лицо въ настоящемъ дѣлѣ?

Чтобы всесторонне освѣтить тѣ указанія кассаторовъ, совокупность которыхъ такъ или иначе формулируется ими въ видѣ отдѣльныхъ нарушеній или кассаціонныхъ поводовъ, намъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, придется коснуться главныхъ стадій нашего уголовнаго процесса и особливо положенія „сторонъ“ въ томъ его кассаціонномъ фазисѣ, который въ настоящее время передъ вами. Извѣстно, что въ предѣлахъ предварительнаго слѣдствія и вплоть до открытія публичнаго судебнаго засѣданія, процессъ нашъ протекаетъ въ формѣ негласнаго и односторонняго, такъ называемаго „инквизиціоннаго“, производства. Обвиняемый, лишенный защиты, къ тому-же сплошь и рядомъ лишенный свободы,— скорѣе вещь, объектъ для изслѣдованія и для экспериментовъ слѣдственной и прокурорской власти, нежели лицо со всѣми атрибутами личности, съ правами самозащиты и самооправданія. Правильнымъ или неправильнымъ подвергается онъ манипуляціямъ, дѣлаютъ ли надъ нимъ то, что нужно по закону или то, что по закону вовсе не нужно, соблюдены ли гарантіи, предписанныя закономъ,—все это для него сплошь и рядомъ остается непроницаемой загадкой вплоть до того момента, когда онъ, наконецъ, увидитъ „свѣтъ Божій“ въ публичномъ засѣданіи, увидитъ своихъ судей и своего защитника. Во весь этотъ, иной разъ весьма длинный и, во всякомъ случаѣ, „темный“ періодъ процесса, роль представителя прокурорскаго надзора рѣзко обозначена, и отнюдь не какъ „стороны“ въ процессѣ, но исключительно, какъ „представителя власти“. Онъ наблюдаетъ за производствомъ слѣдствія, часто даже направляетъ его и нерѣдко просто-на-просто ведетъ на помочахъ судебнаго слѣдователя. Онъ—власть, власть односторонняя, непререкаемая и грозная.

Съ открытіемъ судебнаго засѣданія картина разомъ мѣняется. Стоитъ припомнить только содержаніе 630, 745, 740, 860 и многихъ другихъ статей нашего устава уголовнаго, чтобы притти къ заключенію, что роль прокурора и всей судебной процедуры тотчасъ-же видоизмѣняется. Душные своды инквизиціонной процедуры рушатся сами собою, какъ-бы по мановенію

волшебнаго жезла невидимой, благодѣтельной феи,—разомъ наступаетъ свѣтъ, гласность и „всевозможныя“ средства оправданія для подсудимаго. Призракъ отвлеченной власти въ лицѣ прокурора, если не исчезаетъ вовсе, то, во всякомъ случаѣ, весьма затуманивается, и на его мѣсто выступаетъ живая фигура „стороны“ въ процессѣ, фигура „обвинителя“ со всѣми атрибутами индивидуальной личности, со своею сокровенною личною „совѣстью“, о которой упоминаетъ, между прочимъ, ст. 740 уст. уг суд., такъ какъ прокуроръ—гласитъ законъ—долженъ заявить суду „по совѣсти“, если не находитъ основаній къ обвиненію. Тотчасъ-же, въ качествѣ другой „стороны“, столь же равноправной (630 ст. уст. угол. суд) выступаетъ защитникъ и самъ подсудимый, уже не въ видѣ „матеріала для изслѣдованія“, а въ качествѣ живого элемента въ процессѣ, въ качествѣ полноправной личности Такъ наступаетъ та стадія процесса, которая, въ противоположность предварительнымъ одностороннимъ манипуляціямъ слѣдователя и давленіямъ прокурорской власти, является уже равноправною и откровенною борьбою, равноправнымъ „состязаніемъ сторонъ“, какъ выражается самъ законъ. Процессъ перестаетъ быть инквизиціоннымъ, онъ именуется отнынѣ „обвинительнымъ“. Все, что было *до* опредѣленія судебной палаты о преданіи суду, весь результатъ предварительнаго слѣдствія какъ-бы вбирается въ себя этимъ актомъ обвинительной камеры. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній своихъ, правительствующій сенатъ категорически призналъ, что жалобы на дефекты предварительнаго слѣдствія разрѣшаются окончательно судебною палатою.

По силѣ 912 ст. уст. уг. суд. только нарушенія предѣловъ власти подвѣдомственныхъ сенату судебныхъ мѣстъ во всякомъ случаѣ подлежатъ исправленію. Со стороны кассаціоннаго сената во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не только предѣлы его вмѣшательства, но и предѣлы его компетенціи строго намѣчены обязательными ограниченіями, предписанными закономъ. Кассаціонный сенатъ—инстанція кассаціонная, а не ревизующая. Въ предѣлахъ провѣрки соблюденія процессуальныхъ формъ въ особенности, эта кассаціонная функція сената строго проведена и до конца выдержана въ нашемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Всѣ указанія кассаторовъ по настоящему дѣлу сводятся къ нарушеніямъ процессуальнымъ, которыя должны быть „существенны“ для того, чтобы влечь за собою кассацію. Но и этого мало; сверхъ того эти указанія должны исходить отъ „сторонъ“ и ни отъ кого болѣе, а по силѣ 909 ст. уст угол суд. только сторона, дѣйствительно обиженная, дѣйствительно стѣсненная въ условіяхъ состязательной борьбы, въ правѣ разсчитывать на кассацію и при томъ лишь въ предѣлахъ возстановленія ея нарушенныхъ правъ, а не правъ противника, и лишь такихъ ея правъ, въ осуществленіи которыхъ ей, тѣмъ не менѣе, было отказано. Нарушеніе, которое могло, напримѣръ, стѣснять лишь защиту, не можетъ вовсе служить поводомъ кассаціи ни для прокурора, ни для гражданскаго истца. Цѣлымъ рядомъ рѣшеній правительствующаго сената ($^{68}/_{489}$, $^{74}/_{505}$ и многихъ другихъ) признано, что отказъ въ удовлетвореніи какого-либо ходатайства защиты можетъ послужить поводомъ кассаціи лишь въ ея интересахъ, а не въ интересахъ противниковъ. Въ этой закономѣрной равноправности сторонъ—весь духъ, вся суть состязательнаго процесса, иначе мы опять вернемся къ мрачнымъ формамъ инквизиціоннаго процесса, гдѣ вмѣсто опредѣленныхъ правъ и обязанностей сторонъ, служащихъ единственно-законнымъ рычагомъ для направленія дѣла, явится новая сила, сила посторонняго усмотрѣнія, воздѣйствія случайнаго, отъ которыхъ ни оборониться, ни защититься равнымъ оружіемъ невозможно.

Наши судебные уставы не знаютъ произвольной формы кассаціи. Въ основѣ кассаціоннаго производства, равнымъ образомъ, лежитъ строго состязательное начало закономѣрной и откровенной борьбы, причемъ ваше присутствіе, въ качествѣ верховнаго судилища, только безпристрастно рѣшаетъ: кого-же въ борьбѣ стѣснили, чьи права урѣзали, кому связали руки и сказали: борись? Если подобное нарушеніе имѣло мѣсто,—поводъ кассаціи на лицо; внѣ этого, внѣ осязательности повода, нарушающаго равноправность сторонъ въ процессѣ, не можетъ быть и кассаціи. При этомъ, само собою разумѣется, было-бы странно говорить о стѣсненіи права стороны, цитируя „нарушенія“, вовсе ея не коснувшіяся и ни въ чемъ не препятствовавшія ей итти своею, разъ избранною, дорогою къ опредѣленной, намѣчен-

ной своимъ собственнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, цѣли. Въ подобномъ случаѣ велѣніе 909 ст. уст. угол. суд. должно-бы было найти у васъ свое полное примѣненіе. Но и этого мало; такъ какъ инициатива кассаціоннаго производства всецѣло предоставлена по закону „сторонамъ“ въ процессѣ, то лишь въ предѣлахъ жалобы или протеста каждой такой стороны вы въ правѣ обсуждать кассаціонныя нарушенія. Г. товарищъ прокурора требуетъ въ своемъ протестѣ только отмѣны приговора суда; господинъ же повѣренный гражданской истицы идетъ далѣе, требуя отмѣны самого опредѣленія судебной палаты о преданіи подсудимой суду. Если вы удовлетворите послѣднее ходатайство, пріурочивъ его и къ интересамъ прокурорской власти, вы поступите, на мой взглядъ, неправильно. Такой порядокъ, какъ противорѣчащій закону, поколебалъ бы главные устои уголовнаго судопроизводства, посягнулъ бы на самую архитектуру судебнаго построенія, выведеннаго знаменитыми судебными уставами 20-го ноября 1864 года.

Всѣ эти соображенія общаго характера необходимо имѣть въ виду при анализѣ тѣхъ „нарушеній“, на наличность которыхъ ссылается, съ одной стороны, г. товарищъ прокурора въ своемъ кассаціонномъ протестѣ, съ другой—гражданскій истецъ въ своей жалобѣ.

Прежде всего они сходятся на одномъ общемъ указаніи. Для выраженія убѣжденія въ виновности Ольги Палемъ по 1484 ст. ул. о нак., пишетъ въ своемъ протестѣ г. товарищъ прокурора,— г. предсѣдателемъ не было разъяснено установленнаго закономъ способа ограничивать отвѣты. Вручая присяжнымъ вопросный листъ,—поясняетъ г. повѣренный гражданской истицы,—онъ не разъяснилъ имъ ихъ права дать на каждый изъ вопросовъ ограничительный отвѣтъ и, между прочимъ, отвергнуть умыселъ на убійство. Сдѣлай онъ это, получилась бы виновность подсудимой въ нанесеніи раны, при чемъ смерть явилась бы лишь случайнымъ результатомъ. Въ этомъ оба кассатора усматриваютъ серьезное нарушеніе 812 ст. уст. уг. суд. Протоколомъ удостовѣрено, однако, соблюденіе г. предсѣдателемъ ст. 801—805 уст. угол. суд., удостовѣрено, что общія понятія о правѣ давать ограничительные отвѣты преподаны присяжнымъ. По поводу перваго вопроса имъ,

напримѣръ, было разъяснено, что если они отвергнутъ предумышленіе и найдутъ, что Палемъ совершила просто умышленное убійство, то должны будутъ путемъ ограничительнаго отвѣта отбросить введенный въ вопросъ признакъ „заранѣе обдумано“. Кажется,—ясно. Итакъ, предсѣдатель не только объяснилъ присяжнымъ ихъ общее право давать ограничительные отвѣты, путемъ исключенія отдѣльныхъ словъ въ редакціи вопросовъ, но на живомъ примѣрѣ показалъ и технику подобнаго рода ограничительныхъ отвѣтовъ. Поводъ, стало быть, сводится къ указанію на отсутствіе еще какого-то спеціальнаго поясненія, т. е. по-просту на отсутствіе наведенія присяжныхъ на мысль о возможности, путемъ ограничительнаго отвѣта, установить виновность въ болѣе легкомъ, чѣмъ убійство, преступленіи, именно, въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1484 ст. улож. о нак.

Вчитайтесь, гг. сенаторы, въ самый текстъ вопросовъ, и вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что подобная попытка г. предсѣдателя была-бы, по меньшей мѣрѣ, безплодна и, по большей мѣрѣ,—незаконна и совершенно неумѣстна. Для наличности преступленія, предусмотрѣннаго 1484 ст., необходимо, чтобы въ вопросѣ заключалось спеціальное намѣреніе нанесенія раны. Это установлено твердо Сенатомъ въ рѣшеніяхъ его 1871 года, № 165, по дѣлу Черткова, 71 года, № 930, по дѣлу Тищенко, 74 года, № 401, по дѣлу Андреева и многихъ другихъ.

Теперь попробуемъ поступить по рецепту кассаторовъ, выдѣляя изъ вопроса признаки путемъ ограничительнаго отвѣта. Отбросимъ намѣреніе на убійство,—не останется никакого намѣренія, спеціально требуемаго для нанесенія именно раны. Можно будетъ толковать отвѣтъ, какъ неосторожное, случайное и всякое иное нанесеніе раны, но, во всякомъ случаѣ, изъ отвѣта не выйдетъ того, чего требуетъ 1484 ст. уложенія. Если, минуя выраженіе „съ цѣлью лишенія жизни“ (что въ вопросѣ отожествлено съ понятіемъ о „намѣреніи“), остановиться затѣмъ лишь на самомъ способѣ дѣйствія, опять таки никакъ не втиснешь содержанія вопроса въ рамки желаемой кассаторами статьи закона. Останется: „выстрѣлила въ него изъ револьвера въ голову“. Если къ такому голому описанію факта пріурочить предполагаемое

намѣреніе, то опять естественно всплываетъ намѣреніе на убійство, а отнюдь не намѣреніе нанести исключительно рану, такъ какъ, если стрѣляютъ на близкомъ разстояніи и при томъ въ г о л о в у и если при этомъ подразумѣвать намѣренность именно такого способа дѣйствія, то можно говорить только объ убійствѣ или покушеніи на это преступленіе, но отнюдь не о самобытномъ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1484 статьею Такимъ образомъ, и путемъ ограниченія вопроса, присяжные могли притти лишь къ двумъ положеніямъ: „да“ или „нѣтъ“. Они избрали послѣднее, признавъ, очевидно, что тотъ психологическій моментъ, который обусловилъ собою смертельный выстрѣлъ въ Довнара, исключалъ преступную намѣренность Палемъ и долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ простого случая или неосторожности.

Можно было-бы, пожалуй, еще выкроить особый вопросъ по признакамъ 1484 ст., формулируя его приблизительно такъ: виновна-ли въ томъ, что стрѣляла съ намѣреніемъ поранить, но случайно попала въ голову, отъ чего произошла смерть и т. д. Но все это можно было, именно, только „выкроить“. Ни стороны, ни судъ, ни присяжные не находили, чтобы этотъ вопросъ вытекалъ изъ обстоятельствъ дѣла. Но если бы даже онъ и „вытекалъ“, то это давало-бы лишь право г. товарищу прокурора и г. повѣренному гражданской истицы просить, на основаніи 751 и 752 ст. уст. угол. суд., о постановкѣ именно подобнаго дополнительнаго вопроса. Ни о чемъ подобномъ гг. кассаторы не ходатайствовали. Почему же они теперь жалуются? Предполагаютъ, что въ отвѣтѣ г-жи Палемъ—„я вовсе не хотѣла убить Довнара“—само собою заключено сознаніе ея въ преступленіи по признакамъ 1484 ст. улож. о наказ.,—но это чудовищная натяжка. Въ письмѣ къ г. Кандинскому, которое въ подтвержденіе своей мысли цитируетъ въ жалобѣ повѣренный гражданской истицы, заключается какъ разъ обратное утвержденіе: „Саша убитъ совершенно случайно“—вотъ что утверждаетъ г-жа Палемъ. Гдѣ-же основаніе влагать въ эти слова „намѣреніе“, а вѣдь именно намѣреніе-то совершенно необходимо для обвиненія кого-либо по 1484 статьѣ уложенія. Очевидно въ письмѣ говорится о томъ, что самый выстрѣлъ случаенъ, почему обви-

няемая, необинуясь, всѣ естественныя послѣдствія такого выстрѣла называетъ также „случайными“. Признавай она намѣренность выстрѣла, едва-ли ей даже пришло-бы въ голову относить смерть Довнара на счетъ простой „случайности“ Юристы только и притомъ, какъ мы видимъ, запоздало могутъ додуматься до такого хитраго и противоестественнаго комбинированія причины со слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, приписываемое г. предсѣдателю нарушеніе 812 ст. уст. уг. суд. вовсе не имѣло мѣста. Оно было-бы на лицо, но лишь въ одномъ случаѣ: если бы г. предсѣдатель вздумалъ усвоить себѣ юридическія воззрѣнія гг. кассаторовъ и поступить согласно ихъ, къ счастью лишь нынѣ предлагаемому, рецепту.

Вторымъ кассаціоннымъ поводомъ выдвигается тотъ эпизодъ, который, собственно, и можетъ быть названъ „условіями, при которыхъ завершилось дѣло Палемъ“. Эпизодъ, отнынѣ знаменательный; самъ по себѣ, однако, весьма заурядный и ничтожный. Сущность его такова. При постановкѣ вопросовъ защита заявила свое скромное ходатайство о дополненіи вопроснаго листа третьимъ вопросомъ, вопросомъ о вмѣненіи по признакамъ 96 ст. ул. о нак. Она находила, что, по силѣ 763 ст. уст. угол. суд., ей принадлежитъ право возбудить вопросъ: не совершила-ли свое дѣяніе Палемъ въ состояніи болѣзненнаго умопзступленія? Суду, разсматривающему дѣло по существу, принадлежитъ исключительно право рѣшить окончательно „вытекаетъ-ли подобный вопросъ изъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла или не вытекаетъ“. Въ сотнѣ рѣшеній сената выражено, что вопросы по существу дѣла вовсе не подлежатъ повѣркѣ со стороны кассаціонной инстанціи. Казалось-бы дѣло ясно. Судъ, с о г л а с н о выраженному мнѣнію теперешнихъ кассаторовъ, въ то время обвинителей, рѣшилъ и притомъ „окончательно“, что такой вопросъ „не вытекаетъ“ изъ обстоятельствъ дѣла и въ ходатайствѣ защиты о т к а з а л ъ. Спрашивается: на что-же могутъ претендовать господа жалобщики? Невѣроятно, а, между тѣмъ, именно, такъ: на то, что судъ и х ъ-ж е п о с л у ш а л ъ, ихъ-же удовлетворилъ, поступивъ во всемъ согласно съ ихъ требованіемъ. Но на это—развѣ можно жаловаться? Ст. 909 уст. угол. суд. безусловно это возбраняетъ. Жаловаться въ кассаціонномъ порядкѣ,—да и въ апелляціонномъ и во всякомъ другомъ,—

можетъ лишь тотъ, кого въ чемъ-либо не удовлетворили, кого стѣснили. Иначе при чемъ же равноправность, гдѣ-же состязательный процессъ? Каждая „сторона“ въ процессѣ должна, прежде всего, знать твердо, чего она хочетъ, чего требуетъ, къ чему стремится. Иначе возможно-ли съ нею „состязаться?“ Какъ бороться внѣ правилъ и условій честной и откровенной борьбы? Вѣдь это будетъ уже не борьба, а скорѣе одностороннее нападеніе на того, кому предварительно свяжутъ еще руки. Ст. 763, дозволяющая защитѣ просить о постановкѣ вопроса объ обстоятельствахъ, исключающихъ вмѣненіе, есть привилегія защиты. Теперь эту привилегію превращаютъ для нея въ privilegium odiosum! Сами протестовали, сами возражали, сами отняли у насъ эту процессуальную льготу, а теперь намъ-же хотятъ поставить ее на счетъ. Это не состязаніе, это не равноправность сторонъ! Выворачивайте, какъ угодно, тотъ процессуальный эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь, изъ него ни прокуроръ, ни гражданскій истецъ (въ томъ насъ категорически удостовѣряетъ 909 ст. уст. угол. суд) не въ правѣ извлечь для себя никакого кассаціоннаго повода. Но именно изъ этого эпизода, какъ изъ рога изобилія, посыпались всѣ „поводы“. Г. товарищъ прокурора ссылается на нарушеніе 762, 549 и 804 ст. уст. угол. суд., а г. повѣренный гражданской истицы забирается еще глубже въ дебри казуистики и требуетъ не только отмѣны приговора окружнаго суда, но и самаго преданія суду, указывая на нарушенія 353—355 и 531 ст. уст. угол. суд.

Посмотримъ-же, чего и на какихъ основаніяхъ въ правѣ домогаться передъ вами гг. кассаторы?

Они указываютъ на то, что, когда предсѣдатель, во исполненіе 762 ст. уст. угол. суд., предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ высказаться, не имѣютъ-ли они съ своей стороны какихъ-либо возраженій противъ редакціи вопросовъ, то нѣкоторые изъ присяжныхъ (заявило о томъ двое) какъ-бы присоединились къ ходатайству защиты о постановкѣ дополнительнаго вопроса Тогда, ранѣе чѣмъ постановить свое опредѣленіе по поводу ходатайства защиты, судъ поручилъ г. предсѣдателю разъяснить присяжнымъ значеніе подлежащихъ статей закона, на которыя сослался защитникъ. Были

разъяснены, такимъ образомъ, 96 ст. улож. о нак., 353 и 355 ст. уст. угол. суд. Противу правильности преподанныхъ г. предсѣдателемъ разъясненій никто не спорилъ. Послѣ этого, т. е., именно послѣ того, когда присяжные дали себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ чемъ заключалось ходатайство защиты, предсѣдатель вручилъ имъ самый проектъ вопросовъ и, строго держась текста 762 ст., пригласилъ ихъ „обдумать“ проектъ вопросовъ и заявить, желаютъ-ли они его дополненія. Послѣ пятиминутнаго обсужденія, присяжные единогласно заявили, что возраженій не имѣютъ и дополнять вопросы добавленіемъ вопроса, о которомъ заявляла защита, съ своей стороны не находятъ нужнымъ. Послѣ этого судъ удалился для совѣщанія и вынесъ опредѣленіе, которымъ отказалъ защитѣ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, какъ не вытекающаго изъ обстоятельствъ дѣла, и съ тѣмъ вмѣстѣ утвердилъ уже извѣстный проектъ вопросовъ. Спрашивается, гдѣ-же и въ чемъ нарушенія? Въ разъясненіи присяжнымъ законовъ и ихъ правъ? Въ приглашеніи „обдумать“? Надѣюсь, что все это лишь вящія гарантіи правильнаго отправленія правосудія, а ужъ конечно не нарушенія. Не торопить-же предсѣдателю присяжныхъ, не играть же съ ними въ темную.

Говорятъ, что, отказавшись отъ постановки вопроса о невмѣненіи по болѣзни подсудимой, присяжные затѣмъ, именно своимъ отвѣтомъ „не виновна“, и сказали, что она больна психически. Гг. сенаторы, просмотрите списокъ присяжныхъ засѣдателей, рѣшавшихъ дѣло, вы имѣете передъ собою безусловно интеллигентныхъ людей. Что за самоувѣренная прозорливость, что за искусственное превращеніе присяжныхъ тотчасъ-же въ „малыхъ ребятъ“, какъ только они скажутъ свое, а не то, что мы хотимъ имъ навязать. Всякое судебное опредѣленіе мы обязаны истолковывать логично, пока это возможно. А въ данномъ случаѣ логика и послѣдовательность въ мышленіи присяжныхъ—на лицо. Не находя достаточныхъ основаній признавать наличность „психической болѣзни“, они вовсе отказываются отъ постановки подобнаго вопроса, но, разъ они вопроса сознательно не ставятъ, нелогично умозаключать, что именно на него-то они и отвѣчаютъ. Защита вѣдь не на этомъ и строила свое оправданіе Палемъ, она ссыла-

лась на случайность самаго выстрѣла, лишившаго Довнара жизни. Если я возбудилъ вопросъ о психическомъ состояніи Палемъ, то лишь попутно, быть можетъ отъ излишней мнительности, изъ нежеланія рѣшить этотъ вопросъ самолично, такъ какъ на все, могущее отразиться на судьбѣ обвиняемой, защитникъ обязанъ своевременно обратить вниманіе суда.

И это мое ходатайство имѣло именно такой смыслъ: „я сомнѣваюсь, здорова-ли? не выдѣлить-ли объ этомъ вопросъ?“ На это обвинители мнѣ возражаютъ: „пустяки, совершенно здорова, вопроса даже быть не можетъ!“ И судъ и присяжные соглашаются съ ихъ мнѣніемъ. Присяжные „не желаютъ“ дополнительнаго вопроса, а судъ, въ силу дискреціонно предоставленной ему въ томъ власти, мнѣ „отказываетъ“. Теперь я спрашиваю, какова-же роль кассаторовъ, настаивающихъ теперь на этомъ „нарушеніи?“ Тамъ, гдѣ было „существо“ дѣла, гдѣ каждый „по совѣсти“ долженъ былъ высказать свое мнѣніе и убѣжденіе о подсудимой и о ея винѣ, гг. обвинители стѣною шли, устраняя самый вопросъ о психической болѣзни, не допуская о ней даже и мысли, и доказывая полную и безусловную виновность Палемъ въ убійствѣ. Теперь-же, когда „существа“, нѣтъ, но зато нужна, во что-бы то ни стало, „кассація“,—вспоминаютъ, что „она, быть можетъ, и сумасшедшая“. А какъ-же эту „быть можетъ,— сумасшедшую“ вы съ легкимъ сердцемъ, безъ дальнихъ справокъ предлагали отправить на каторгу. Вѣдь, — шутка сказать,—на что вы шли!

Нѣтъ, гг. сенаторы, уступить этотъ „поводъ“ въ пользу кассаторовъ невозможно, невозможно столько-же по основаніямъ нравственнымъ, сколько и юридическимъ.

Изъ круга того-же эпизода г. товарищъ прокурора извлекъ для себя еще одно „нарушеніе“, а именно нарушеніе 619 ст. уст. уг. суд.

Передъ тѣмъ, какъ присяжные засѣдатели удалились обдумать проектъ вопросовъ, ему, г. товарищу прокурора, не было разрѣшено г. предсѣдателемъ дать свое „заключеніе“ въ качествѣ „блюстителя закона“. По справкѣ съ закономъ оказывается, однако, что въ тотъ моментъ процесса, о которомъ идетъ рѣчь, г. прокуроръ былъ вовсе не „блюстителемъ за-

кона", а „стороною въ дѣлѣ". Онъ возражалъ по существу и высказалъ свое мнѣніе, давать-же „заключеніе" права не имѣлъ. Блюсти законы въ тотъ моментъ лежало исключительно на обязанности суда. 619 ст. у. у. суд., разъясненная рѣшеніями правительствующаго сената (68/88. 68/489 и 74/605), прямо запрещаетъ прокурору давать свои „заключенія" относительно постановки вопросовъ, она требуетъ отъ него лишь „мнѣнія", какъ отъ „стороны". Въ этомъ глубокій смыслъ и глубокая разница. „Блюстителю закона" на его „заключеніе" защитникъ возражать не въ правѣ противоставлять-же заявленіямъ и мнѣніямъ обвинителя свои возраженія и мнѣнія онъ не только можетъ, но и долженъ. И такъ противное, т. е, допущеніе г. товарища прокурора къ дачѣ своего „заключенія", явилось бы нарушеніемъ закона Это нарушеніе благополучно и своевременно устранено г. предсѣдателемъ.

Наконецъ, протестъ г. товарища прокурора указываетъ на 549 статью. Открылись на судѣ „новыя обстоятельства" о психически-болѣзненномъ состояніи Палемъ, почему судъ обязанъ былъ процессъ пріостановить и все дѣло представить въ судебную палату, отъ которой бы и зависѣло все дальнѣйшее его направленіе. Какія-же это „новыя" обстоятельства? Просьба защиты о постановкѣ вопроса? Одно голословное заявленіе защиты, отвергнутое судомъ, какъ это разъяснено уже сенатомъ (76 г., № 48, по дѣлу Челова), никоимъ образомъ не есть „обстоятельство", требующее представленія дѣла въ палату. Самъ судъ рѣшаетъ, основательно-ли подобное заявленіе защиты или нѣтъ. Притомъ мое указаніе на возможность психической болѣзни у Палемъ, если и признать его за „обстоятельство", все-же обстоятельство отнюдь „не новое". Еще во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій я подавалъ прошеніе о вызовѣ трехъ экспертовъ-психіатровъ, но судъ мнѣ въ этомъ отказалъ. Наконецъ, что обстоятельства, могущія дать поводъ подозрѣвать въ Палемъ психически-больную не новы, — лучшимъ доказательствомъ служитъ кассаціонная жалоба гражданскаго истца, который, сдѣлавъ выписки изъ двѣнадцати свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, именно

въ виду того, что эти обстоятельства „не новыя“, ходатайствуетъ съ своей стороны объ отмѣнѣ самаго преданія суду въ виду нарушенія судебною палатою ст. 531, 353 и 355 уст. угол. суд. Такимъ образомъ, сами обвинители никакъ не столкуются, что-же для нихъ „ново“ и что „не ново“.

Но всѣ эти ихъ искреннія или только кажущіяся недоразумѣнія для насъ все-таки безразличны. Пока сенатъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ кассаціонной инстанціи (а законы именно такъ велятъ), ревизовать дѣло, вторгаться въ его существо, рѣшать, что въ дѣлѣ ново и что старо,—онъ вовсе не въ правѣ. Это безповоротно предоставлено инстанціямъ, рѣшающимъ дѣло по существу, т. е. окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ. Положеніе это подкрѣпляется и рѣшеніями самого правительствующаго сената ($^{67}/_{471}$, $^{70}/_{519}$, $^{71}/_{1762}$), который призналъ, что судить о значеніи того фактическаго матеріала, который имъ не провѣряется и всесторонне не изслѣдуется, по меньшей мѣрѣ, невозможно. Такимъ образомъ, и этотъ послѣдній „кассаціонный поводъ,“ пріурочиваемый къ эпизоду о постановкѣ вопросовъ, представляется, съ законной точки зрѣнія, призрачнымъ.

Остается затѣмъ еще указаніе гражданскаго истца на то, что судебная палата нарушила 531 ст. уст. угол. суд., не исключивъ изъ дѣла „излишній“ матеріалъ. Этотъ излишекъ, по мнѣнію кассатора, сбилъ съ толку присяжныхъ, затемнилъ дѣло, развлекъ ихъ вниманіе. Признаюсь, всѣ подобныя ламентаціи я нахожу и непослѣдовательными и глубоко-неискренними. Что-нибудь одно: или присяжные—судьи, которымъ мы вѣримъ и которыхъ ничто не собьетъ съ толку, разъ имъ присущи нравственное чутье и совѣсть; или ихъ участіе въ дѣлахъ насъ только тяготитъ и стѣсняетъ. Упраженіе въ искусствѣ брать ихъ подъ свою опеку, въ качествѣ малолѣтнихъ, едва-ли отвѣчаетъ и назначенію и достоинству этого авторитетнаго института. Судъ только и дорогъ правосудною независимостью и самостоятельностью своихъ сужденій. Если изъ суда нужно дѣлать нѣчто опекаемое и ведомое на помочахъ, то не все-ли намъ равно, будутъ ли присяжные, или ихъ вовсе не будетъ. Разъ этотъ институтъ все еще не вышелъ изъ-подъ опеки, все еще признается „экзотическимъ“ растеніемъ, все еще требуетъ „ревизіи“ своихъ

рѣшеній, тщетно устанавливать границы того, что для него можетъ быть полезно и что вредно. Опекать судью—это все равно, что судить вмѣсто него. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ: судили, кажется, люди интеллигентные, добросовѣстные, съ величайшимъ вниманіемъ проникались своею задачею, „по крайнему разумѣнію, по чистой совѣсти“ разрѣшили дѣло, какъ клялись передъ Богомъ. Оказывается—не хорошо, все на смарку, не годится! Заново подсудимую лишимъ защитника, отмѣнимъ преданіе суду, посадимъ ее снова въ тюрьму (не бѣда, что сами подозрѣваемъ въ ней больную), сызнова начнемъ слѣдственныя манипуляціи и все это во имя того, что въ дѣлѣ будто-бы слишкомъ много „лишняго“, черезъ чуръ многое раскрылось для присяжныхъ.

Но хотя бы вспомнили то, что вся грамотная Россія читала „дѣло Палемъ“, и укрыть въ ея дѣлѣ для суда общественной совѣсти ничего не придется и впредь. И самый поводъ кассаціи оказывается, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, безпредметнымъ. Но и съ формальной стороны онъ неправиленъ. То, что признается нынѣ „излишнимъ“, оглашалось и читалось по требованію самихъ-же обвинителей. Тогда они еще разсчитывали доказать виновность Палемъ „въ заранѣе обдуманномъ убійствѣ изъ мести“—и доказательства требовались довольно сложныя. Чѣмъ же, однако, повинна Палемъ, что доказательства эти неожиданно стали въ ея защиту? Только съ этого момента кассаторы стали находить, что они „излишни“.

Господа сенаторы! Я кончаю свои объясненія. Или я ослѣпъ и ничего не вижу, или мой выводъ неотразимо правиленъ: въ дѣлѣ абсолютно отсутствуютъ поводы для кассаціи приговора. Пойти по стопамъ кассаторовъ значило-бы врѣзаться въ самое существо дѣла, пренебрегая всѣми законными предѣлами кассаціоннаго производства. Заранѣе прошу Васъ, г. первоприсутствующій, разрѣшить мнѣ воспользоваться правомъ послѣдняго слова. Я чутко и съ напряженнымъ вниманіемъ стану прислушиваться къ тѣмъ разъясненіямъ, которыя будутъ намъ здѣсь преподаны въ заключеніи г. представителя закона. Быть можетъ послѣ этого я уловлю, наконецъ, все, сокрытое для меня пока, значеніе указываемыхъ намъ поводовъ. Передъ глазами моими, не-

ожиданно для меня самого, быть можетъ, откроются новыя юридическія „перспективы“ и вообще болѣе широкіе горизонты. Но пока я лишь испытываю нетерпѣливое волненіе отъ опасенія, исчерпана-ли мною вся задача. Одна мысль, что я, быть можетъ, сказалъ не все, что слѣдуетъ сказать по этому дѣлу, способна повергнуть меня въ отчаяніе.

У Митермайера, извѣстнаго нѣмецкаго юриста, въ его „Руководствѣ къ судебной защитѣ“ есть, между прочимъ, указаніе на то, что защитительныя рѣчи адвоката, кромѣ всякихъ иныхъ видовыхъ подраздѣленій, могутъ еще подраздѣляться на торжественныя (sollenis) и обыкновенныя (minus sollenis). Признаюсь, вплоть до сегодняшняго дня я считалъ, что всѣ эти клички и подраздѣленія—не болѣе, какъ хитроумныя выдумки ученаго нѣмца по страсти къ педантизму и поменклатурѣ. Когда защищаешь свободу, честь, вообще интересы живого человѣка, казалось мнѣ, защита всегда дѣло одинаково важное, одинаково серьезное, одинаково торжественное. Въ эту минуту я чувствую, что ошибался. Теперь я совершенно увѣренъ, что бываютъ защиты именно „торжественныя“, когда всѣ, безъ остатка, силы радъ-бы былъ отдать ради достиженія именно „торжества“ правосудія. Задача необыкновенно тяжелая выпала мнѣ сегодня на долю. Я поднимаю свой голосъ, слабый голосъ, въ защиту не только интересовъ той несчастной, которой грозятъ новыя бѣды, но и въ защиту независимости и неприкосновенности другого болѣе могучаго голоса—голоса общественной совѣсти.

Правительствующій Сенатъ, послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія, опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда и опредѣленіе судебной палаты о преданіи суду за нарушеніемъ 539 и 534 ст. уст. уг. суд. отмѣнить и передать дѣло въ С.-Петербургскую судебную палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и дальнѣйшаго производства, въ установленномъ закономъ порядкѣ.

Въ тотъ-же день Ольга Палемъ была вновь арестована. При дослѣдованіи дѣла, для изслѣдованія состоянія ея умственныхъ способностей, она была помѣщена на испытаніе въ больницу Св. Николая Чудотворца. Врачи-

психіатры нашли, что преступленіе было ею совершено въ припадкѣ умоизступленія, но окружный судъ съ этимъ не согласился и Ольга Палемъ была вновь предана суду. Во второй разъ она судилась въ Спб. окружномъ судѣ 18-го августа 1896 года.

Присяжные признали ее виновною въ убійствѣ не преднамѣренномъ и совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи и дали ей снисхожденіе. Судъ, на основаніи этого вердикта приговорилъ ее къ десятимѣсячному тюремному заключенію. Принесенная на этотъ приговоръ кассаціонная жалоба Правительствующимъ Сенатомъ была оставлена безъ послѣдствій.

Дѣло дворянина Александра Шишкина.

Землевладѣлецъ елисаветградскаго уѣзда, дворянинъ Александръ Константиновичъ Шишкинъ былъ преданъ суду елисаветградскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ покушеніи на убійство корнета запаса арміи Николая Павловскаго.

Дѣло это слушалось въ г. Елисаветградѣ 20-го ноября 1896 года подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда И. В. Янчевскаго.

Обвиненіе поддерживали прокуроръ суда М. М. Сергѣевъ и присяжный повѣренный Л. А. Куперникъ въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, корнета Н. Павловскаго.

Для ознакомленія читателей съ обстоятельствами этого весьма несложнаго дѣла приводимъ здѣсь текстуально прочитанный на судѣ обвинительный актъ.

Въ ночь на 3-е февраля 1896 года, часовъ около двухъ по-полуночи, въ переднюю елисаветградскаго общественнаго собранія вбѣжалъ съ улицы корнетъ запаса арміи Николай Павловскій и обратился къ находившемуся въ передней греческо-подданному Василію Валетта съ вопросомъ: «Здѣсь Шишкинъ?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, Павловскій сбросилъ пальто и быстро направился въ залъ, гдѣ въ то время былъ балъ-маскарадъ, привлекшій многочисленную публику. Въ большомъ залѣ собранія, у колонны арки, отдѣляющей залъ отъ гостиной, стоялъ, опираясь о колонну, дворянинъ Александръ Шишкинъ и смотрѣлъ въ глубь зала по направленію къ мѣсту, гдѣ раздавались призы за лучшіе костюмы. Павловскій прошелъ быстро чрезъ залъ и, подойдя къ Шишкину, незамѣчавшему его приближенія, со словами: «ты здѣсь, мерзавецъ?» съ размаха нанесъ Шишкину ударъ правою рукою по лицу, сбоку. Ударъ былъ такъ силенъ, что Шишкинъ, какъ снопъ, повалился на полъ, а затѣмъ, вскочивъ на ноги, выхватилъ изъ бокового кармана платья револьверъ и выстрѣлилъ въ удалявшагося въ толпу Павловскаго. Выстрѣлъ этотъ не попалъ по

назначенію, такъ какъ стоявшій вблизи Шишкина мѣщанинъ Моисей Бардахъ толкнулъ его въ локоть правой руки, вслѣдствіе чего выстрѣлъ направился вверхъ. Послѣ этого выстрѣла Павловскій, находившійся отъ Шишкина приблизительно шагахъ въ двѣнадцати упалъ, а затѣмъ немедленно поднялся и, согнувшись, опустилъ голову и, прикрывая ее руками, направился къ выходу, стараясь спрятаться въ публику. Вслѣдъ за этимъ, Шишкинъ произвелъ еще два выстрѣла, изъ коихъ послѣднимъ причинилъ проходившему въ это время чрезъ залъ дворянину Дунинъ-Жуковскому легкую рану въ нижней трети праваго бедра. Шишкинъ и Павловскій задержаны были полиціей, и порядокъ былъ возстановленъ. Все изложенное выше, при слѣдствіи, удостовѣрено свидѣтелями: Бридинымъ, Рѣзниковымъ, Федоровымъ, Боровичко, Киденко, Каменичнымъ, Буйницкой, Жуковскимъ и Бардахомъ. При осмотрѣ помѣщенія общественнаго собранія обнаружены были два произведенныя револьверными пулями углубленія: одно въ основаніи хоръ, *находящееся въ разстояніи около полутора аршина* отъ колонны, у которой стоялъ Шишкинъ, другое въ разстояніи приблизительно четырехъ съ половиною аршинъ отъ двери, ведущей изъ залы въ переднюю—въ потолкѣ. Въ первомъ изъ этихъ углубленій найдена сплюснутая пуля; пуля, попавшая въ ногу Жуковскому, пробивъ съ одной стороны платье, и пронзивъ насквозь мягкія части бедра, опустилась въ чулокъ потерпѣвшаго, гдѣ и была найдена. Револьверъ, брошенный Шишкинымъ послѣ выстрѣла на полъ, въ суматохѣ кѣмъ-то поднятъ и разыскать его не удалось. По предъявленіи двухъ найденныхъ пуль эксперту Кульчицкому, послѣдній призналъ, что пули эти принадлежатъ револьверу калибра № 320, сила боя котораго такова, что на разстояніи пятнадцати шаговъ пробиваетъ деревянную доску въ полдюйма. Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго въ покушеніи на убійство Николая Павловскаго, дворянинъ Александръ Шишкинъ не призналъ себя виновнымъ и показалъ, что еще въ 1894 году, 24-го апрѣля, онъ, Шишкинъ, съ женою, и знакомые ихъ Дмитріевы и Стенбокъ-Ферморъ, Фоссъ и другіе, послѣ окончанія спектакля въ театрѣ пришли ужинать въ гостиницу Маріани, гдѣ размѣстились за свободнымъ столомъ. Въ томъ-же ресторанѣ находился за однимъ изъ сосѣднихъ столовъ совершенно незнакомый тогда Шишкину корнетъ запаса Павловскій, въ обществѣ двухъ другихъ офицеровъ и еще какого-то господина. Спустя нѣсколько минутъ послѣ появленія Шишкина, за столомъ этимъ стала раздаваться грубая, нецензурная брань. Бранился Павловскій. Озадаченные неожиданной непріятностью, Шишкинъ и его спутники предложили дамамъ удалиться въ отдѣльный кабинетъ: когда они уходили изъ ресторана, Павловскій продолжалъ произносить непечатную брань, прямо обращая ее къ удалявшимся. Этимъ, однако, Павловскій не удовлетворился и, спустя нѣсколько минутъ, сталъ стучать въ дверь кабинета и требовать, чтобы ее открыли, угрожая въ противномъ случаѣ выломать дверь. Скандалъ началъ принимать столь крупные размѣры, что находившимся въ кабинетѣ дамамъ пришлось спасаться чрезъ окно и ночью искать убѣжища у ближайшихъ знакомыхъ. Вслѣдъ за этимъ Павловскій вступилъ въ пререканія съ гр. Стенбокъ-Ферморомъ, старавшимся удержать его, и нанесъ ему ударъ шашкою по головѣ. Когда-же въ гостиницу вновь явился

Шишкинъ съ приглашенными на помощь людьми, Павловскій произвелъ по немъ выстрѣлъ изъ револьвера, послѣ чего былъ связанъ, обезоруженъ и преданъ въ распоряженіе прибывшихъ въ гостиницу властей. Павловскій тогда-же угрожалъ убить Шишкина, гдѣ-бы онъ его ни встрѣтилъ. На другой день къ Шишкину явился отъ имени Павловскаго его родственникъ, Вальчевскій, съ просьбою покончить это дѣло миромъ. Дѣло было улажено и Павловскій съ своей стороны обязался честнымъ словомъ оставить Шишкина въ покоѣ и никакихъ насильственныхъ дѣйствій противъ него не предпринимать; повидимому, исторія была окончена; однако, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Шишкинъ получилъ вызовъ на дуэль отъ какого-то неизвѣстнаго поручика Бѣлехова, прибывшаго съ Кавказа и требовавшаго удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное Павловскому. Считая такое замѣстительство несообразностью, Шишкинъ высказалъ свое мнѣніе по этому поводу Бѣлехову, который тогда потребовалъ возвращенія «слова», даннаго Павловскимъ, на что Шишкинъ отвѣтилъ, что «для человѣка, находящаго обходъ честному слову, его не существуетъ, и онъ съ своей стороны таковое возвращаетъ». Послѣ этого самъ Павловскій присылалъ Шишкину вызовъ на дуэль, на что Шишкинъ не согласился, указавъ вызывавшему, что онъ вовсе не оскорблялъ его, а лишь самъ долженъ былъ защищаться, и предложилъ разобраться третейскимъ судомъ. Съ этого времени Павловскій сталъ систематически преслѣдовать его, и травля эта закончилась эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто въ общественномъ собраніи. Получивъ столь тяжкое оскорбленіе, онъ, Шишкинъ, выстрѣлилъ въ обидчика три раза изъ имѣвшагося при немъ револьвера Объясненіе обвиняемаго о предшествовавшихъ послѣднему столкновенію обстоятельствахъ въ общихъ чертахъ находитъ себѣ подтвержденіе въ протоколѣ осмотра дѣла елисаветградскаго окружнаго суда о корнетѣ запаса Николаѣ Павловскомъ, обвинявшемся въ покушеніи на убійство дворянина Шишкина. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, номерной гостиницы «Грандъ-Отель» Василій Варчанъ показалъ, что еще въ восемь часовъ вечера 2-го февраля, Павловскій явился въ гостиницу и по доскѣ пріѣзжающихъ справлялся, въ какомъ номерѣ остановился Шишкинъ. Въ виду изложеннаго, предается суду елисаветградскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дворянинъ Александръ Константиновичъ Шишкинъ 29-ти лѣтъ, по обвиненію его въ томъ, что въ ночь на 3-е февраля 1896 года, въ городѣ Елисаветградѣ, въ общественномъ собраніи, получивъ отъ корнета запаса арміи Николая Павловскаго ударъ по лицу, въ намѣреніи лишить обидчика жизни, въ запальчивости или раздраженіи, произвелъ по Павловскомъ три выстрѣла изъ револьвера, но намѣренія своего въ исполненіе не привелъ по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ. Преступленіе это предусмотрѣно 9 и 2 частью 1455 ст. улож. о наказаніяхъ.

Рѣчь въ защиту А. К. Шишкина.

Гг. присяжные засѣдатели!

Я ни на секунду не сомнѣваюсь въ томъ, что всѣмъ намъ равно присущее чувство правды, простое и безхитростное, давно уже подсказало вамъ разгадку этого несложнаго дѣла. Но въ дѣлахъ судебныхъ, повидимому, одного простого чувства правды мало. Каждое явленіе живой дѣйствительности, носящее на себѣ хотя-бы только внѣшніе признаки нарушенія писаннаго закона, становятся достояніемъ юристовъ, подобно тому, какъ мертвое тѣло, найденное при сомнительныхъ условіяхъ — достояніемъ полицейскихъ врачей и хирурговъ. Нѣтъ нужды, что смерть явно послѣдовала отъ удара камнемъ въ голову—хирургъ вскроетъ и грудную полость, распотрошитъ всѣ внутренности, чтобы убѣдиться, что и легкія, и сердце, и печень на своемъ мѣстѣ. Его ножъ, пила и скальпель не угомонятся до тѣхъ поръ, пока не кончится вся эта круговая, печальная, не рѣдко совершенно безцѣльная работа. Мы, юристы, отъ хирурговъ отличаемся развѣ только тѣмъ, что оперируемъ не надъ трупомъ, а надъ живымъ организмомъ, въ которомъ бьется и трепещетъ еще живое сердце.

Мои почтенные противники: прокуроръ и повѣренный гражданскаго истца, въ качествѣ заправскихъ юристовъ, проявили безпощадность хирурговъ при анализѣ событія, имѣвшаго мѣсто 2-го февраля 1896 года въ клубѣ общественнаго собранія г. Елисаветграда. Въ поведеніи Александра Шишкина, вызванномъ тяжкимъ оскорбленіемъ, полученнымъ имъ отъ отставного корнета Павловскаго, они не видятъ и не хотятъ видѣть ничего другого, кромѣ умышленнаго покушенія на убійство, хотя и совершеннаго въ запальчивости и раздраженіи, но все-же совершеннаго сознательно, съ цѣлью лишить жизни человѣка.

Забывая на минуту всѣ перепетіи, всѣ предшествующія моменту выстрѣловъ отношенія Павловскаго къ Шишкину, и я остановлюсь пока только на строго-юридической точкѣ зрѣнія. Но и съ этой формальной стороны въ дѣйствіяхъ

Шишкина невозможно усмотрѣть покушенія на убійство. Имѣется на лицо только самозащита человѣка, потрясеннаго тяжкимъ ударомъ, неизвѣстно какъ и откуда исходящимъ, неизвѣстно чѣмъ еще впереди угрожавшимъ. Нашъ законъ знаетъ „необходимую оборону“, онъ позволяетъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою жизнь, здоровье, свободу. Правда, въ законѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, спеціальнаго указанія на право защиты такимъ-же путемъ своей чести. Но вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что ударъ, сбивающій васъ съ ногъ, ударъ, за которымъ вы не знаете, не послѣдуетъ-ли тотчасъ-же другой, еще болѣе сильный и притомъ со стороны человѣка, завѣдомо для васъ обладающаго феноменальной физической силой и вдобавокъ носящаго всегда въ карманѣ револьверъ—такой ударъ, нанесенный вамъ притомъ измѣнически, когда вы еще не разглядѣли противника, заключаетъ въ себѣ элементы не простого оскорбленія и насилія, а явной, реальной угрозы не только вашей чести, но и вашей тѣлесной неприкосновенности, вашему здоровью, если не самой жизни. На такой ударъ, какъ на нападеніе дикаго звѣря, законный отвѣтъ—пуля, если по счастью имѣется при васъ револьверъ.

Но, возразятъ мнѣ, законъ говоритъ о необходимой оборонѣ при условіи, когда нельзя ожидать защиты отъ „ближайшаго начальства“, когда человѣкъ одинокъ въ своемъ безсиліи, когда онъ застигнутъ въ уединенномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ лѣсу... Въ лѣсу?! Но развѣ здѣсь былъ не живой лѣсъ безучастныхъ и равнодушныхъ людей, для которыхъ нравственные интересы и опасенія ближняго совершенно чужды? Развѣ не около двухъ лѣтъ въ глазахъ всего города г. Павловскій безнаказанно занимался выслѣживаніемъ и травлей мирнаго, скромнаго и душевно измученнаго Шишкина? Развѣ этотъ послѣдній не обращался и къ „ближайшему“ и къ болѣе высокому начальству съ ходатайствами и просьбами обуздать г. Павловскаго, отобрать у него оружіе, защитить отъ его посягательствъ? Развѣ не всему городу были вѣдомы, а можетъ быть и „любезны“ безнаказанныя буйныя выходки г. Павловскаго? Развѣ терпимо въ сколько-нибудь культурной странѣ, чтобы нравственная распущенность своеобразнаго трактирнаго бретера могла держать въ осадѣ цѣ-

лый городъ, цѣлый Елисаветградскій уѣздъ? Въ клубъ проникаетъ господинъ, не снабженный даже входнымъ билетомъ, онъ врывается почти насильно. Въ толпѣ всѣ знаютъ, что онъ пробирается съ явно-враждебными намѣреніями по отношенію къ Шишкину, и никому до этого нѣтъ дѣла, никто не отрезвляетъ, не останавливаетъ, не выпроваживаетъ его. Обстановки какого дремучаго лѣса вамъ еще надобно для наличности всѣхъ условій необходимой самообороны? Предупреждены и власти, предупреждено и общество. Если они безсильны оградить и защитить безопасность моей личности, тѣмъ хуже для нихъ, я вынужденъ защищаться самъ. Я только въ своемъ правѣ.

Какъ усугубляющее вину Шишкина обстоятельство выдвигаютъ то, что онъ стрѣлялъ въ многочисленномъ собраніи, стрѣлялъ въ клубѣ, что это угрожало опасностью многимъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ капель воистину невинно пролитой крови почтеннаго господина Дунина-Жуковскаго, котораго шальная пуля легко ранила въ икру, и, который, какъ человѣкъ разсудительный, никакой претензіи къ Шишкину не имѣетъ, выстрѣлы эти, по счастью, никому вреда не причинили. Но если Шишкинъ стрѣлялъ въ клубѣ въ многолюдномъ собраніи, то, вѣдь, тутъ-же на глазахъ этихъ самыхъ людей и нападали на него, тутъ-же сшибли его съ ногъ. Если это—клубъ, который нельзя иначе посѣщать, какъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, то пусть-же господа члены и гости его пеняютъ на самихъ себя. Они жнутъ то, что посѣяли. Во всякой другой болѣе культурной странѣ такой фактъ, какъ нанесеніе удара кулакомъ въ клубѣ, въ публичномъ мѣстѣ, вызвалъ-бы общій протестъ, общее негодованіе. Онъ былъ-бы квалифицированъ какъ грубое насиліе, авторъ котораго навсегда былъ-бы отвергнутъ обществомъ. Но здѣсь все „дѣло“ получило, наоборотъ, интересъ пикантнаго скандала, заполнившаго собою на многіе дни безнадежную плоскость и пустоту общественныхъ интересовъ.

Но есть и другія соображенія, исключительно юридическаго свойства, въ силу которыхъ вы должны отвергнуть наличность сознательнаго покушенія на жизнь Павловскаго. Еще не поднявшись съ пола, оглушенный, ошеломленный

жестокимъ ударомъ, Шишкинъ сталъ стрѣлять. Онъ выпустилъ три заряда. Легко понять то взбаломученное душевное состояніе, въ которомъ онъ находился. Въ подобномъ положеніи люди иногда и сами на себя отъ стыда и позора за незаслуженное оскорбленіе способны наложить руки. Чего-же-бы вы хотѣли: чтобы этотъ молодой человѣкъ, симпатичный, полный жизни и свѣтлыхъ надеждъ, и притомъ человѣкъ семейный, убилъ-бы себя тутъ-же на мѣстѣ? Это болѣе бы удовлетворило васъ? Но оставаться спокойнымъ, бездѣйствовать, не реагировать на полученное публично оскорбленіе, онъ былъ не въ силахъ. Онъ сталъ стрѣлять. Зачѣмъ? Куда? Развѣ онъ могъ дать себѣ въ ту минуту надлежащій отвѣтъ! Предположеніе, что онъ могъ желать убить своего обидчика, конечно, болѣе или менѣе правдоподобно. Оно напрашивается само собою. Но столь-же естественно могъ онъ желать только его ранить, только напугать, только оградить себя отъ дальнѣйшаго нападенія. Онъ стрѣлялъ, и г. Павловскій въ это время, закрывши голову руками, спотыкаясь, падая, чуть-ли не на четверенькахъ, „благородно“ отступалъ и ретировался. Изъ трехъ пуль, выпущенныхъ г. Шишкинымъ, ни одна не пролетѣла даже близко отъ г. Павловскаго. Какое-же основаніе имѣемъ мы заявлять о цѣли „лишить жизни“ Павловскаго и признавать наличность такого умысла доказанною?

Съ достовѣрностью мы можемъ сказать одно: Шишкинъ стрѣлялъ въ отвѣтъ на оскорбленіе, дабы реабилитировать себя въ глазахъ того-же многолюднаго собранія, среди котораго имъ было получено тяжкое оскорбленіе. Наконецъ онъ могъ, а пожалуй, даже долженъ былъ стрѣлять, чтобы дать острастку, чтобы дать знать Павловскому, что всякая дальнѣйшая попытка къ нападенію не пройдетъ уже для него безнаказанной. Пули, летѣвшія въ разныя стороны, въ карнизы хоръ, въ потолокъ, въ ногу г Дунинъ-Жуковскаго, не свидѣтельствуютъ-ли намъ о томъ, что стрѣлявшій былъ въ томъ разстроенномъ душевномъ состояніи, въ томъ явномъ затемненіи сознанія, когда вообще о какомъ-либо сознательномъ намѣреніи, а стало быть, о намѣреніи лишить жизни именно г. Павловскаго, не могло быть и рѣчи. Оглушенный невыносимо тяжкимъ оскорбленіемъ, несчастный стрѣлялъ, благо при немъ былъ револьверъ, съ той-же рефлекторной

послѣдовательностью, съ той-же животной логикой, съ которой мы кричимъ и неистовствуемъ, когда уже не въ силахъ ни скрыть, ни побороть невыносимой боли. Вспомнимъ показанія свидѣтелей. Сдѣлавъ подъ-рядъ три шальныхъ выстрѣла, не попавшихъ въ Павловскаго, Шишкинъ даже не бросается вслѣдъ за нимъ, не нагоняетъ его, чтобы выпустить еще пулю сзади въ упоръ, на что имѣлъ еще всю возможность. Очнувшись, онъ, дрожащій и блѣдный, самъ отбрасываетъ отъ себя револьверъ и безнадежно рыдаетъ, ломая руки.

Я покончилъ съ юридической стороной дѣла. Съ увѣренностью скажу, что не только среди васъ, присяжныхъ засѣдателей, но и среди коронныхъ судей не нашлось-бы такого, который рѣшился-бы подписать Шишкину обвинительный приговоръ. Это совершенно неповинный и притомъ несчастный человѣкъ. Благодаря присутствію въ этомъ дѣлѣ повѣреннаго гражданскаго истца, задача моя, однако, далеко не исчерпана.

Не отрицая того, что непосредственно нападеніе г. Павловскаго вызвало всю катастрофу, въ видѣ выпущенныхъ Шишкинымъ трехъ револьверныхъ зарядовъ, представитель интересовъ г. Павловскаго находитъ, тѣмъ не менѣе, что вся нравственная вина за происшедшее падаетъ все-же на Шишкина и что онъ одинъ будто-бы виновникъ всѣхъ недоразумѣній, выросшихъ на „полѣ чести“, на каковомъ полѣ довѣритель его имѣетъ претензію считать себя едва-ли не монополистомъ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ именно заключаются прерогативы такого самовольно отмежеваннаго себѣ привилегированнаго положенія на полѣ чести, а пока подробно остановимся на столкновеніи 24-го апрѣля 1894 года, которое, по мнѣнію моего противника, послужило главною, если не исключительною причиною послѣдняго нападенія г. Павловскаго.

Что-же случилось въ это знаменательное по мнѣнію защитника интересовъ г. Павловскаго число? Право, ничего особеннаго, если не считаться съ незамѣтно, безслѣдно и безнадежно промелькнувшимъ для насъ цѣлымъ полустолѣтіемъ со временъ безсмертнаго Гоголя. Разыгралась одна изъ тѣхъ печальныхъ исторій, которая характеризуетъ нашу провинцію все еще чертами великаго автора „Мертвыхъ душъ“.

Компанія приличныхъ людей, проживающихъ въ качествѣ

пригородныхъ землевладѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ, въ обществѣ своихъ дамъ, возвратилась со спектакля въ гостиницу и въ ожиданіи, пока запрягаютъ лошадей, расположилась въ ресторанѣ гостиницы „Маріани“, посѣщаемомъ преимущественно мѣстными помѣщиками. Рѣшили поужинать. Казалось-бы, чего естественнѣе и невиннѣе? Кому могло притти въ голову предвкушать опасность какого-либо столкновенія, а тѣмъ болѣе столкновенія на „полѣ чести“. Когда идешь вкусить только тѣлесной пищи, позабываешь на минуту о духовной... Но монополисты поля чести, во вкусѣ г. Павловскаго, поистинѣ безжалостны, они не дадутъ вамъ спокойно проглотить даже куска. Они хронически одержимы „зудомъ“ чести. Съ первою-же выпитою рюмкою очищенной вѣчно клокочущій въ ихъ груди вулканъ „чести“ начинаетъ изрыгать непечатныя ругательства, не стѣсняясь ни публичностью мѣста, ни обществомъ дамъ. Съ этого вѣдь все началось. Мѣстные землевладѣльцы гг. Стембокъ-Ферморъ, Дмитріевъ и Шишкинъ, со своими женами едва успѣли занять мѣсто въ общей залѣ ресторана „Маріани“, какъ вдругъ съ сосѣдняго стола, занятаго компаніей какихъ-то офицеровъ, раздалась непечатная брань, грубая, пьяная, нецензурная. „Подобными словами“, какъ доложила прислуга, „выражался“ корнетъ запаса арміи г. Павловскій по адресу своихъ собутыльниковъ. Можете себѣ представить смущеніе мирной компаніи. Мужчины не знаютъ куда глядѣть, куда спрятать свои залитыя краской стыда лица; дамы инстинктивно чуютъ тревогу... Является естественное побужденіе оставить общую залу, уйти куда-нибудь, скрыться, перейти въ отдѣльную комнату. Но едва успѣваютъ они покинуть свои мѣста, едва доходятъ до дверей корридора, какъ имъ вслѣдъ несется уже пьяный возгласъ: „что, испугались!?“ Возгласъ сопровождается ассортиментомъ самыхъ отборныхъ русскихъ словъ. Поле „чести“ остается за г. Павловскимъ.

Но исторія далеко не кончена. Не таковъ г. Павловскій „герой“, чтобы довольствоваться столь малой побѣдой. Его изволите видѣть, „оскорбили“ тѣмъ, что покинули залу, „погнушались его обществомъ“. По правиламъ чести, выработаннымъ кодексомъ господъ типа Павловскаго, сквернословіемъ этихъ господъ вы должны упиваться безропотно до конца,

пока они не соблаговолятъ выкинуть вамъ еще новую какую-нибудь штуку, пожалуй, еще и почище. То, что слѣдуетъ далѣе, не находитъ уже себѣ достаточно жесткихъ словъ для оцѣнки. Совершенно напрасно г. повѣренный Павловскаго снисходительно называетъ все это „маленькимъ скандаломъ“. Разыгралось въ сущности нѣчто очень большое по нравственному своему безобразію.

Едва компанія достигла корридора, какъ се настигаетъ г. Вальчевскій, родственникъ и собутыльникъ Павловскаго, и предупредительно сообщаетъ: „Развѣ вы не знаете, господа, съ кѣмъ имѣете дѣло? Это Павловскій, самъ Павловскій!“ Слѣдуетъ краткій и быстрый пересказъ всѣхъ причиненныхъ имъ на своемъ вѣку членовредительствъ и учиненныхъ въ Елисаветградѣ скандаловъ. „Онъ обидѣлся, что вы ушли... Онъ всегда вооруженъ шестиствольнымъ револьверомъ. Онъ васъ не оставитъ въ покоѣ. Прячьтесь, спасайтесь, — онъ идетъ вамъ вслѣдъ!“

Наступаетъ моментъ ужаса и всеобщей паники. Еще бы!.. Самъ Павловскій оскорбленъ въ своей чести!.. Компанія удаляется въ отдѣльный кабинетъ. Запираютъ дверь на замокъ. Тщетная предосторожность! Своимъ огромнымъ всесокрушающимъ кулакомъ Павловскій принимается колотить въ дверь. Дверь трещитъ и начинаетъ поддаваться. Дамы доведены почти до обморочнаго состоянія. Тогда черезъ окно ихъ высаживаютъ во дворъ и тайно уводятъ въ квартиру ближайшихъ знакомыхъ. Вдругъ кто-то говоритъ: „а гдѣ-же Стенбокъ-Ферморъ?“ Оказывается, что несчастный замѣшкался какъ-то въ корридорѣ и попался „въ передѣлку“ къ г. Павловскому, собутыльники котораго, вмѣсто того, чтобы удержать его, разбѣжались. Шишкинъ, устроивъ дамъ, возвращается въ корридоръ, чтобы, если еще возможно, выручить товарища. Онъ встрѣчаетъ его выбѣгающимъ изъ корридора въ убійственно-жалкомъ видѣ. Несчастный весь растерзанъ, полбороды нѣтъ, на лицѣ красная полоса. Сначала съ оголенной шашкой, а потомъ уже въ рукопашную накинулся на него Павловскій и... разумѣется, „поле чести“ и на этотъ разъ осталось за нимъ.

Завидѣвъ Шишкина, Павловскій оставляетъ убѣгающаго Стенбокъ-Фермора, хватаетъ за лацканы сюртука Шишкина

и требуетъ уже отъ него „объясненій“. Какія, казалось бы, ужъ тутъ могли быть объясненія!? Но Шишкинъ еще находчиво отвѣчаетъ: „вы оскорбили дамъ непечатною бранью!“ Неистощимая гибкость діалектики г. Павловскаго въ вопросахъ, сопряженныхъ съ интересами чести, оказывается, однако, неистощимою. Одною рукой онъ приподнимаетъ фуражку и торжественно изрекаетъ: „передъ дамами извиняюсь!“, а другою—правой, лѣзетъ къ себѣ въ карманъ брюкъ, вынимаетъ револьверъ и грозно произноситъ: „а съ вами, милостивый государь, я раздѣлаюсь!“ По счастью для Шишкина, который вовсе не обладаетъ нужною для общенія съ гг. Павловскими физической силой, въ эту минуту коридоръ былъ уже заполненъ пріѣхавшею съ помѣщиками изъ деревень прислугою, которая естественно была привлечена всѣмъ этимъ шумомъ и скандаломъ. Видя поднятый на себя револьверъ, Шишкинъ рванулся и крикнулъ бывшимъ тутъ-же людямъ: „возьмите его!“ Нѣсколько человѣкъ кучеровъ кинулось на Павловскаго и въ то-же мгновеніе раздался выстрѣлъ. Шишкинъ, не задѣтый пулей, вышелъ изъ коридора; тогда люди схватили, связали Павловскаго и обезоружили. Тѣмъ временемъ Шишкинъ послалъ за полиціей, за воинскимъ начальникомъ, и когда власти прибыли, о происшествіи произвели дознаніе, составили протоколъ и заарестовали Павловскаго.

Вотъ та „кровная обида,“ которую не могъ никакъ простить Шишкину г. Павловскій, которая, по соображеніямъ моихъ противниковъ, не могла быть ни забыта, ни прощена истиннымъ дворяниномъ, и бывшимъ военнымъ... Но я васъ спрашиваю, что-же дѣлать съ субъектомъ, хотя-бы и дворянскаго происхожденія, начавшимъ въ своемъ пьяномъ возбужденіи безсмысленными ругательствами и кончившимъ выстрѣломъ изъ револьвера въ упоръ? Грустно, конечно, что ни дворянское происхожденіе, ни служебное прошлое г. Павловскаго, не воспрепятствовали ему дойти до подобнаго состоянія озвѣренія, но разъ онъ уже дошелъ до него, поздно загораживаться этими почетными атрибутами своей личности, безжалостно имъ-же самимъ попранными. Что мною правильно анализированъ и понятъ весь инцидентъ перваго столкновенія Павловскаго съ Шишкинымъ, который

ранѣе того никогда съ Павловскимъ даже и не встрѣчался, подтверждается и всѣмъ дальнѣйшимъ, имѣвшимъ мѣсто вслѣдъ за событіемъ 24-го апрѣля. Мы знаемъ, что протоколъ дознанія былъ препровожденъ судебному слѣдователю. Мы знаемъ, что на основаніи этого дознанія, а отнюдь не по жалобѣ Шишкина возникло формальное предварительное слѣдствіе по обвиненію Павловскаго въ покушеніи на жизнь Шишкина произведеннымъ выстрѣломъ изъ револьвера.

Затѣмъ картина вдругъ рѣзко мѣняется. Воинственный дотолѣ Павловскій, при приближеніи первой дѣйствительно грозящей ему опасности, въ видѣ серьезнаго уголовнаго обвиненія весьма быстро смягчается, укрощается, я-бы сказалъ даже — падаетъ духомъ. Перспектива скамьи подсудимыхъ вовсе ему не улыбается, и вотъ между враждующими устанавливается „соглашеніе“. Павловскій обязывается „честнымъ словомъ“ не возбуждать болѣе никакихъ исторій въ видѣ угрозъ и вызововъ на дуэль противъ своихъ мнимыхъ обидчиковъ Шишкина и Стенбокъ-Фермора, взамѣнъ чего тѣ обѣщаютъ смягчать свои показанія относительно выстрѣла и сдѣлать все отъ нихъ зависящее, дабы дѣло о покушеніи на убійство было прекращено. Соглашеніе блистательно осуществилось. Уголовное дѣло за недоказанностью преступленія прекращается.

Тутъ дѣйствительно имѣла мѣсто та ложь, на которой такъ настаивалъ повѣренный гражданскаго истца; но я васъ спрашиваю, кто воспользовался выгодами подобной лжи? Для кого она была нужна? Въ чьихъ интересахъ она была придумана? Если гг. Шишкинымъ и Ферморомъ руководило только естественное чувство жалости къ участи молодого человѣка, то уже далеко не столь благородное побужденіе руководило Павловскимъ. Чтобы спастись отъ отвѣтственности, онъ призывалъ благодѣтельную ложь своихъ противниковъ и самъ въ слѣдующихъ, болѣе, чѣмъ откровенныхъ показаніяхъ, данныхъ судебному слѣдователю, выяснялъ истинную свою роль въ столкновеніи 24-го апрѣля. Его показаніе было здѣсь читано. На 18-мъ листѣ прекращеннаго производства вотъ въ какихъ выраженіяхъ г. Павловскій говоритъ о самомъ себѣ: „Я былъ такъ пьянъ, въ та-

комъ отуманенномъ состояніи, что ничего почти не помню". Далѣе: „Я не помню, чтобы они—Шишкинъ и Ферморъ—меня чѣмъ-либо оскорбили, что бы вызвало съ моей стороны покушеніе на убійство". И еще: „Я самъ душевно сильно страдаю за все происшедшее и сожалѣю о немъ". Казалось-бы, чего-же лучше? Дѣлу конецъ Конецъ тѣмъ болѣе безповоротный, что въ добавленіе ко всему онъ и передъ Шишкинымъ обязался своимъ честнымъ словомъ не поднимать болѣе старыхъ счетовъ.

Итакъ, прошлое умерло, погребено, и на него навалена еще надгробная плита въ видѣ „честнаго слова" чуткаго въ вопросахъ чести человѣка, какимъ хотѣли изобразить передъ вами г. Павловскаго. Тѣмъ лучше! Шишкину можно спать спокойно Честное слово противника вещь не малая... Его не сдвинуть съ мѣста никакими рычагами софизмовъ, толкованій и обходовъ.

Дѣйствительно на протяженіи шести мѣсяцевъ все было спокойно. Шишкинъ встрѣчалъ Павловскаго, Павловскій Шишкина, но они даже не кланялись. Но вотъ Павловскій съѣздилъ на Кавказъ. На тотъ „погибельный" Кавказъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, еще бродятъ беззвучною толпою духи и тѣни героевъ Марлинскаго съ безсмертной тѣнью Лермонтовскаго Грушницкаго во главѣ, и для Шишкина, убаюканнаго на время честнымъ словомъ Павловскаго, вновь наступаетъ пробужденіе отъ сладкаго, но не продолжительнаго сна. Что-же случилось? Ровно ничего новаго, кромѣ того, что поручикъ Бѣлеховъ съ Кавказа пріѣхалъ вмѣстѣ съ г. Павловскимъ и потребовалъ отъ Шишкина... „сатисфакціи". Въ чемъ именно? Да, все въ томъ-же оскорбленіи, нанесенномъ бывшему офицеру и дворянину 24-го апрѣля 1894 года. Было предложено: или драться съ нимъ, Бѣлеховымъ, или „возвратить" Павловскому его честное слово.

Г. Шишкинъ развелъ руками: драться съ совершенно неизвѣстнымъ ему лицомъ онъ рѣшительно отказался, такъ какъ ни самъ его ничѣмъ не обидѣлъ, ни обиженнымъ въ свою очередь себя не чувствовалъ, и заявилъ, что предоставляетъ г. Павловскому отнынѣ распоряжаться своимъ честнымъ словомъ по собственному его усмотрѣнію. Послѣ этого Шишкину оставалось только воскликнуть: „прости покой!" И, дѣйствительно, покой былъ утраченъ навсегда. Мирный

сельскій хозяинъ, отецъ трехъ малыхъ дѣтей, мужъ, человѣкъ общества, онъ сдѣлался какой-то ходячей мишенью для прицѣловъ Павловскаго. Вызовы на дуэль въ различной формѣ, чрезъ разныхъ лицъ отъ имени Павловскаго такъ и сыпались на него. Нравственно измученный, совершенно сбитый съ толку всевозможными совѣтами участливыхъ людей, всегда готовыхъ заварить кашу, которую не имъ придется расхлебывать, Шишкинъ одно время готовъ былъ даже принять вызовъ Павловскаго, который, между тѣмъ, предусмотрительно упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль. Но, наконецъ, Шишкинъ очнулся, отъ дуэли отказался, и взамѣнъ предложилъ третейскій судъ и всякое иное возможное удовлетвореніе.

Оказывается, что Павловскому только этого и надо было. Вы, безъ сомнѣнья, помните то возмущающее душу письмо, которымъ отвѣчалъ Павловскій на эту попытку примиренія. Дворянинъ и бывшій офицеръ, Павловскій предлагалъ такому-же дворянину и бывшему офицеру Шишкину подвергнуться... двадцати пяти ударамъ розогъ при свидѣтеляхъ и корреспондентахъ отъ газетъ!!! Что сказать о подобномъ попираніи человѣкомъ въ самомъ себѣ всякаго человѣческаго достоинства... „Человѣку“ это предлагалъ другой „человѣкъ“, прикрывающійся девизомъ возстановленія своей собственной поруганной человѣческой чести. Право, господа, чѣмъ-то невыразимо дикимъ, почти забавно-дикимъ, начинаетъ вѣять отъ всей этой исторіи, къ которой такъ нелѣпо пристегнуты разговоры о „чести“, о „чувствѣ чести“, чувствѣ великомъ, которое, однако, въ своемъ чистомъ видѣ всегда и прежде всего является лишь спутникомъ сознанія и въ себѣ, и въ другихъ, истиннаго человѣческаго достоинства... Что-же мы видимъ здѣсь? Большими буквами выведено слово „честь“, и чего только за этимъ словомъ не скрыто?!

Чтобы не выходить изъ области Кавказскихъ горъ, мнѣ невольно приходитъ на память воинственная, но дикая племенная горсть хевсуровъ. Когда вы видите на ихъ живописныхъ лохмотьяхъ всюду изображеніе креста, а на ихъ самодѣльныхъ мечахъ и доспѣхахъ исковерканныя латинскія надписи съ громко звучащими девизами, вамъ невольно приходитъ на мысль: не крестоносцы-ли это, движимые живою вѣрою, все еще продолжающіе итти на освобожденіе гроба

Господня?.. Но знатоки края и нѣкоторые ученые этнографы васъ отрезвятъ своей остроумной догадкой. Потерпѣвшіе кораблекрушеніе крестоносцы были выброшены нѣкогда на берега Кавказа; тѣснимые другими племенами, они подались въ ущелье дикихъ горъ, здѣсь поженились на туземкахъ и народилось особое племя. Они испытали на себѣ всю эволюцію обратнаго развитія—регресса. Они одичали. Это—х е в с у р ы! Кресты, которые вы видите нашитыми у нихъ на груди, достались имъ отъ предковъ, но живую вѣру, которую тѣ имѣли въ своей груди, они утратили. Они не знаютъ больше живого Бога и поклоняются идоламъ. Благородныхъ девизовъ, которые начертаны на ихъ бряцающемъ оружіи, имъ даже не прочесть. Они не понимаютъ больше ни смысла ихъ, ни значенія, — это д и к а р и въ полномъ значеніи слова. Полно значенія слово „честь“, но уберемъ его вовсе изъ этого дѣла, какъ ненужное украшеніе, столь-же ненужное, какъ полустертый девизъ на мечѣ одичалаго хевсура.

Единственное объясненіе поведенія Павловскаго, на которомъ я-бы всего охотнѣе остановился, было-бы предположеніе о нервной и психической его болѣзненности. Но свидѣтельство г. врача Загорскаго, попутно оцѣнившаго и свое собственное лѣченіе въ триста рублей, удостовѣряетъ намъ, что это нервное состояніе наступило лишь послѣ выстрѣла Шишкина. Въ такомъ случаѣ Павловскій долженъ явиться нравственно отвѣтственнымъ за все свое предыдущее поведеніе, прикрываемое имъ девизомъ чести.

Чтобы основательно судить, въ чемъ заключалось это поведеніе, достаточно одного послѣдовательнаго перечня его дѣяній. Непечатная брань по адресу ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ, избіеніе г. Фермора, изуродованіе его бороды, стрѣляніе въ Шишкина, принятіе проценія своихъ собственныхъ винъ, нарушеніе даннаго честнаго слова, выслѣживаніе Шишкина въ теченіе болѣе года съ револьверомъ въ рукахъ и, наконецъ, нападеніе на него врасплохъ 2-го февраля въ общественномъ клубѣ.

Выстрѣлы Шишкина, по указанію допрошенныхъ здѣсь свидѣтелей, какъ и слѣдовало ожидать, все-же отрезвили Павловскаго. Насколько онъ гордо наступалъ, настолько-же проворно и ловко пятился назадъ, извиваясь, присѣдая и

опасливо закрывая голову руками... Онъ растерянно выскочилъ изъ клуба, позабывъ надѣть даже шапку. Вашъ приговоръ невольно будетъ обнимать собою и нравственную оцѣнку дѣйствій Павловскаго. Надо надѣяться, что онъ еще болѣе отрезвитъ его. Вы заставите его попятиться еще далѣе...

Прошу васъ вынести Шишкину оправдательный приговоръ.

Послѣ весьма краткаго совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли для Шишкина оправдательный вердиктъ.

Дѣло мултанскихъ вотяковъ.

Для ознакомленія читателей со всѣми характерными подробностями этого рѣдкаго въ судебной практикѣ дѣла мы цѣликомъ печатаемъ здѣсь обвинительный актъ. Въ немъ съ большою тщательностью собраны и перечислены всѣ, такъ называемыя, «улики» противъ обвиняемыхъ, въ немъ-же изложены и данныя, приведшія обвинительную власть къ заключенію о существованіи «человѣческихъ жертвоприношеній» съ религіозною цѣлью у вотяковъ.

Утромъ 6-го мая 1892 года по пѣшеходной, непроѣзжей въ лѣтнее время, дорогѣ изъ деревни Чульи въ деревню Аныкъ Старотрыкской волости, въ двухъ верстахъ отъ первой деревни и въ трехъ отъ села Стараго Мултана, на болотистой мѣстности, въ податномъ лѣсномъ участкѣ крестьянъ деревни Чульи, дѣвочкою Марфою Куприяновой Головизниной усмотрѣнъ былъ трупъ неизвѣстнаго человѣка безъ головы. Трупъ лежалъ поперекъ дороги и замѣченъ былъ Головизниной еще въ полдень 5-го мая, когда она проходила изъ деревни Чульи въ починокъ Петровскій, но тогда трупъ былъ прикрытъ сверху полой азяма, почему она и приняла его за спящаго человѣка. Возвращаясь обратно, Головизнина нашла неизвѣстнаго лежащимъ на томъ же мѣстѣ, только пола азяма была кѣмъ-то откинута и видно было отсутствіе головы. Около трупа слѣдовъ крови не обнаружено, кромѣ незначительнаго количествъ на воротѣ рубашки и на одной (правой) полѣ азяма, прикрывавшей отрѣзанное отверстіе шеи и нѣсколькихъ пятенъ на другой полѣ того же азяма, образовавшихся какъ бы отъ обтиранія объ него окровавленныхъ рукъ. Трупъ былъ одѣтъ въ обыкновенное крестьянское платье: коричневый зипунъ и синепрядильные рубашку и штаны. На ногахъ лапти, онучи и чулки; изъ нихъ лапти и онучи надѣты наскоро, повидимому, уже на мертваго, такъ что у одной ноги пятка выступила за край лаптя и вся обувь, несмотря на всю, окружающую трупъ, грязь, совершенно сухая. За плечами котомка съ разными вещами, въ томъ числѣ съ двумя удостовѣреніями сельскаго старосты деревни завода Ныртовъ Абдинской волости Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи отъ 25-го ноября 1879 г. и 15-го іюля 1891 года на имя крестьянина той же деревни Конона Дмитріева Матюнина и подверженности его падучей болѣзни. Возлѣ трупа синій холщевый кошель, татарская теплая шапка, мѣдный крестъ съ перерваннымъ гайтаномъ и посохъ. Вся обстановка, при которой найденъ трупъ вдали отъ селеній, отсутствіе крови

въ окружности и безпорядокъ въ одеждѣ, особенно въ обуви, не оставляли никакого сомнѣнія, что трупъ перенесенъ сюда уже послѣ убійства, причемъ невольно обращало на себя вниманіе нахожденіе трупа именно на пѣшеходной дорогѣ, гдѣ присутствіе его неминуемо рано или поздно должно было обнаружиться, тогда какъ окружающая лѣсная и болотистая мѣстность благопріятствовала болѣе удобному, если не полному, сокрытію трупа отъ постороннихъ лицъ. При судебно-медицинскомъ вскрытіи оказалось: трупъ очень крѣпкаго (атлетическаго) тѣлосложенія. Головы и шеи нѣтъ. На нижней части живота имѣются, числомъ до десяти буроватыя пятнышки дымчатаго цвѣта, величиною отъ горошины до лѣсного орѣха, проникающія всю толщину кожи до подкожной клѣтчатки. На обѣихъ голеняхъ спереди и сзади кровоподтеки въ видѣ небольшихъ кровяныхъ свертковъ; на нижнихъ третяхъ ихъ, у лодыжекъ при разрѣзахъ выступаетъ блѣдно-красноватая жидкость и мягкія части въ этомъ мѣстѣ какъ бы отечны. Мышцы туловища, конечностей и паренхиматозные органы малокровны и даже большія вены пусты, спавшіяся, не содержатъ крови. На два поперечныхъ пальца выше ключицы по горизонтальной плоскости отнята шея вмѣстѣ съ головой. Мѣста отдѣленія влажны, гладки, ровны, повидимому, произведены однимъ круговымъ разрѣзомъ острымъ ножемъ. Кожа съ поверхностными слоями мышцъ кругомъ отсепарована спереди до ключицы и сзади между лопатокъ до пятаго грудного позвонка; послѣдній въ верхней части перерубленъ по косогоризонтальному направленію сзади и снизу, спереди и кверху. Пять лѣвыхъ реберъ и четыре правыхъ отрублены почти непосредственно у позвоночника и такимъ образомъ продѣлано большое отверстіе въ грудную полость. Мѣста отдѣленія реберъ и позвоночника гладки, ровны (безъ осколковъ), повидимому, дѣланы топоромъ со стороны спины. Грудная полость совершенно пуста безъ легкихъ, сердца и его оболочекъ. Грудобрюшная преграда цѣла; проходящія чрезъ нее пищеводъ, аорта съ лимфатическимъ протокомъ и нижняя полая вена перерѣзаны непосредственно у грудобрюшной преграды безъ всякаго поврежденія послѣдней. Въ остальномъ, кромѣ явленій малокровія, ничего не обнаружено. На основаніи данныхъ вскрытія врачъ заключилъ, что смерть покойнаго послѣдовала отъ тяжкой, безусловно смертельной раны шеи какимъ-либо острымъ рѣжущимъ орудіемъ, причемъ, по всей вѣроятности, уже у мертваго, изъ трупа вырубленъ позвоночникъ и вырѣзаны внутренности грудной полости. Найденныя на голеняхъ поврежденія могли произойти или во время предсмертной борьбы съ убійцами, или при подвѣшиваніи во время самаго убійства съ цѣлью обезкровливанія трупа, если бы къ тому случилась надобность. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что покойный дѣйствительно происходилъ изъ крестьянъ деревни завода Ныртовъ по имени Кононъ Дмитріевъ Матюнинъ, по удостовѣренію его жены Степаниды Никитиной Матюниной, какъ неспособный къ занятію полевыми работами, вслѣдствіе страданія падучей болѣзнью, пропитывалъ себя сборомъ милостыни и съ этою цѣлью на Ѳоминой недѣлѣ 1892 года отправился въ предѣлы Малмыжскаго уѣзда. Здѣсь покойнаго видѣли въ послѣдній разъ въ селѣ Старомъ Мултанѣ въ понедѣльникъ, 4-го мая, свидѣтели Никита Николаевъ Ворончихихъ около семи ча-

совъ вечера, когда Матюнинъ проходилъ по деревнѣ, и Евдокимъ Павловъ Шутовъ нѣсколько позже, предъ наступленіемъ ночи. По словамъ Шутова, Матюнинъ былъ выпивши, поздоровался съ свидѣтелями и остался лежать на бревнахъ противъ дома крестьянина Степана Мурина Во вторникъ, 5-го мая, между 8—9-ью часами утра крестьянская дѣвица Пелагея Дмитріева Кобылина, проходя съ мельницы Щербакова по той самой дорогѣ, гдѣ въ полдень того же дня Марфа Головизнина усмотрѣла трупъ Матюнина, послѣдняго не видала, изъ чего, само собою, слѣдуетъ, что убійство Матюнина имѣло мѣсто въ ночь на 5-е мая въ с. Старомъ Мултанѣ, гдѣ покойный оставался ночевать, и что трупъ его былъ вывезенъ на пѣшеходную дорогу между восемью часами утра и полднемъ 5-го мая. Вмѣстѣ съ тѣмъ нищенское состояніе покойнаго, не имѣвшаго никакихъ цѣнностей, на которыя могъ бы польститься убійца, наконецъ, цѣлость всей бывшей съ нимъ одежды, оставленіе трупа на дорогѣ, гдѣ присутствіе его не могло быть незамѣченнымъ и, главнымъ образомъ, самый способъ убійства, соединенный съ обезкровливаніемъ трупа, вырѣзываніемъ изъ него грудныхъ внутренностей и головы, указывали, что убійство Матюнина совершено умышленно и притомъ съ какою-либо религіозною или суевѣрною цѣлью, для которой необходима была кровь покойнаго и его внутренности. Такою цѣлью, по собраннымъ свѣдѣніямъ, могло быть единственно принесеніе его въ жертву вотскимъ языческимъ богамъ, для котораго нужны какъ внутренности, такъ и кровь приносимой жертвы. Сами вотяки, въ томъ числѣ и обвиняемые, признаютъ существованіе среди нихъ, особенно въ сѣверной части Малмыжскаго уѣзда, наряду съ христіанскимъ вѣроученіемъ, остатковъ прежнихъ ихъ вѣрованій въ языческихъ боговъ, изъ коихъ главными считаются «Курбанъ», «Ангасъ» и «Чупканъ». Богамъ этимъ въ опредѣленное время—въ Пасху, въ Петровъ день, въ Покровъ, въ Крещеніе, въ Михайловъ день и послѣ яровой пашни—совершаются особыя моленья на особо отведенныхъ для сего мѣстахъ—мольбищахъ или въ особо приспособленныхъ для сего мірскихъ шалашахъ, которыхъ, смотря по величинѣ, можетъ быть нѣсколько и обыкновенно сопровождаются принесеніемъ въ жертву живыхъ животныхъ: утокъ, гусей, барановъ и т. п. Для совершенія моленія избираются особые жрецы, изъ нихъ главный именуется «бодзимъ-восясь», безъ него не можетъ быть и моленья, за нимъ слѣдуютъ: «тыръ-восясь», въ родѣ нашего дьякона, и затѣмъ два «пакчи-восясь», младшихъ жреца. Послѣдніе помогаютъ главному жрецу, придерживая жертву въ то время, когда «бодзимъ восясь» рѣжетъ ее и собираетъ выпускаемую изъ жертвы кровь. Самое жертвоприношеніе заключается въ томъ, что у жертвы подрѣзывается горло и дается стечь крови въ особую чашку; кровь эта затѣмъ варится и съѣдается. Внутренности животнаго сжигаются на кострѣ, а туловище съ остальными костями варится въ котлахъ и тутъ же поѣдается. Главную часть жертвы составляетъ голова, костякъ, который зарывается на мѣстѣ мольбища около очага. По словамъ свидѣтеля — очевидца священника с. Стараго Мултана Ивана Алексѣева Ергина, онъ, будучи приглашенъ на одно изъ такихъ моленій, засталъ группу человѣкъ въ сорокъ вотяковъ, впереди которыхъ одинъ за другимъ стояли три вотяка. Саженяхъ въ

трехъ отъ впереди стоящаго на землѣ были разостланы скатерти и на нихъ разложены хлѣбы; на каждомъ хлѣбѣ лежала густая яичница, а около нѣкоторыхъ бурачки съ какою-то жидкостью. Справа и слѣва отъ описаннои группы горѣло по костру, надъ которыми висѣли котлы съ варившимся въ нихъ мясомъ зарѣзанныхъ животныхъ. Около одного костра лежали голова и ноги барана и тутъ же на жерди висѣли его легкія. Около другого костра лежалъ зарѣзанный, но еще не ободранный бычекъ. Впереди стоявшій вотякъ произносилъ по-вотски какія-то слова и наклонялъ голову, что повторяли и всѣ присутствовавшіе. Затѣмъ онъ отрѣзалъ ножемъ часть хлѣба и яичницы, бросилъ ихъ въ огонь и туда же плеснулъ ложку крови отъ зарѣзанныхъ животныхъ, собранную въ особую чашку. То же самое стали продѣлывать и всѣ остальные, кромѣ лишь плескапія крови. Свидѣтель спросилъ, что же дѣлается съ собранною кровью, на что получилъ отвѣтъ, что ее варятъ и съѣдаютъ. Послѣ того присутствовавшіе подходили къ сидящему позади всѣхъ на особой лавочкѣ вотяку—«тыръ-восясю» и давали ему по куску яичницы и хлѣба, при этомъ нѣкоторые клали ему на скатерть мѣдныя монеты, какъ объяснили свидѣтелю, для покупки жертвеннаго животнаго къ слѣдующему моленью. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, обыкновенныхъ моленій, черезъ извѣстные промежутки времени, года черезъ четыре—пять, совершаются особыя моленья, преимущественно въ годины несчастій—бездождія, неурожая и т. п. самому главному богу «злому духу Курбану». Тогда приносятся въ жертву какія-либо крупныя животныя въ родѣ быка. Послѣдній разъ такое молепье происходило въ с. Мултанѣ года за четыре до убійства Матюнина въ шалашѣ крестьянина Дмитріева и тогда принесенъ былъ въ жертву быкъ. Наконецъ, по удостовѣренію свидѣтелей, слышавшихъ объ этомъ отъ самихъ же вотяковъ, лѣтъ черезъ сорокъ или болѣе въ исключительныхъ случаяхъ въ года полнаго неурожая или мора на людяхъ, какими по справедливости могутъ считаться для Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи 1891 и 1892 годы, приносится тому же Курбану для умилостивленія его и человѣческая жертва. По словамъ свидѣтеля Львовскаго, слышавшаго объ этомъ отъ одного стараго вотяка, такая жертва намѣчается особымъ колдуномъ съ указаніемъ подробныхъ примѣтъ жертвы. По этимъ примѣтамъ жрецы должны розыскать подходящее лицо, и разъ оно найдено, оно не можетъ уйти отъ рукъ вотяковъ, которые тѣмъ или другимъ путемъ заманятъ его къ себѣ и принесутъ въ жертву. При этомъ жертву предварительно моютъ и подвѣшиваютъ въ шалашѣ, послѣ чего наносятъ ей небольшіе уколы въ различныхъ частяхъ тѣла для полученія капель крови и принятія ея внутрь. Засимъ вся кровь собирается въ особую посудину, въ родѣ корыта, для совершенія общаго для нѣсколькихъ селеній моленія, а трупъ переносится въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ былъ по нахожденіи его, непремѣнно преданъ землѣ по христіанскому обряду, безъ чего самая жертва не будетъ принята Курбаномъ и онъ замучаетъ участниковъ ея. Существованіе такого повѣрья о погребеніи жертвы вполнѣ объясняетъ оставленіе трупа Матюнина на дорогѣ, гдѣ онъ не могъ быть не найденъ, а также присутствіе при немъ креста и до нѣкоторой степени подтверждается сло-

вами одного изъ старомултанскихъ крестьянъ по имени Сергѣя въ разговорѣ его съ крестьяниномъ Тарасомъ Санниковымъ по поводу замѣчанія послѣдняго о томъ, почему не зарыли трупъ Матюнина, развѣ это не дозволяетъ ихъ законъ, на что Сергѣй отвѣтилъ: «въ томъ-то и дѣло, что законъ не позволяетъ». Хотя вотяки упорно отрицаютъ существованіе у нихъ человѣческихъ жертвоприношеній, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію и подтверждено показаніемъ свидѣтеля девяносто пяти лѣтняго старика Устина Данилова Иванцова, у котораго лѣтъ сорокъ тому назадъ вотяки деревни Позяна хотѣли принести въ жертву его племянника, но не исполнили этого только потому, что бывшія съ Иванцовымъ женщины, его жена и работница, успѣли во-время скрыться, и вотяки, опасаясь, что онѣ дадутъ знать надлежащимъ властямъ, отступились отъ Иванцовыхъ. По этому случаю производилось дѣло, которое, при старыхъ порядкахъ судопроизводства, кончилось ничѣмъ за примиреніемъ съ потерпѣвшимъ. Такъ же кончились и два случая, разсказанные священникомъ Михаиломъ Якимовымъ. Присутствуя въ качествѣ депутата, при обслѣдованіи ихъ, свидѣтель, тѣмъ не менѣе, вынесъ полное убѣжденіе въ существованіи среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній. Сопоставляя вышеизложенное съ результатами вскрытія трупа Матюнина и всей обстановкой нахожденія трупа его, нельзя не притти къ заключенію въ полной тождественности способа умерщвленія его съ тѣми, какіе практикуются при вотскихъ жертвоприношеніяхъ какъ надъ животными, такъ, по разсказамъ самихъ вотяковъ, и надъ людьми, а слѣдовательно и въ совершеніи убійства его именно вотяками с. Стараго Мултана для принесенія въ жертву ихъ языческимъ богамъ. Что убійство Матюнина совершено именно старомултанскими вотяками, это до нѣкоторой степени подтверждается всѣмъ образомъ дѣйствій ихъ и разговорами нѣкоторыхъ изъ нихъ по поводу этого убійства. По словамъ свидѣтельницы Авдотьи Савватеевой Шумаковой, видѣвшей въ понедѣльникъ, 4-го мая, сидѣвшаго на бревнахъ около дома Степана Мурина нищаго, похожаго по одеждѣ на Матюнина, когда она передала объ этомъ семейнымъ Мурина, къ ней приходилъ сельскій староста Андріанъ Александровъ (онъ-же пакчи-восясь въ шалашѣ Моисея Дмитріева) и угрожалъ ей, чтобы она уѣзжала изъ ихъ селенія, если она будетъ показывать противъ нихъ. Такія же угрозы сдѣланы были и по отношенію свидѣтеля Ѳомы Щербакова за то, что онъ отказался дать ложное показаніе въ пользу мултанскихъ вотяковъ. По удостовѣренію свидѣтеля къ нему два раза приходили вотяки с. Стараго Мултана, первый разъ Степанъ и Самсонъ Максимовы и Максимъ Гавриловъ, а второй разъ, при бытности у него плотниковъ Остапина и Сапожникова, тотъ же Степанъ Максимовъ и Сергѣй Тарасовъ упрашивали его показать, что покойный Матюнинъ заходилъ къ нему въ тотъ день, когда какой-то нищій ночевалъ въ деревнѣ Кузнеркѣ у Николая Санникова, именно, во вторникъ, 5-го мая. Щербаковъ отказался дать ложное показаніе. Засимъ, обвиняемый по настоящему дѣлу, Василій Кузьминъ Кузнецовъ, зазвавъ къ себѣ въ домъ командированнаго для производства дознанія по этому дѣлу урядника Жукова, упрашивалъ его какъ нибудь оправдать его по убійству нищаго, за что далъ ему десять рублей и обѣщалъ собрать еще двадцать пять рублей. Хотя

Кузнецовъ и отрицаетъ это обстоятельство, объясняя, что деньги уряднику далъ взаймы, но спрошенный по ссылкѣ его свидѣтель Павелъ Пивоваровъ обстоятельства этого не подтвердилъ. Далѣе крестьянинъ с. Стараго Мултана Андріанъ Ивановъ по прозванію Талья, при свидѣтеляхъ Кузьмѣ и Никифорѣ Плотниковыхъ прямо высказался, что убійство Матюнина сдѣлали можетъ быть два—три дома, а изъ-за нихъ весь міръ страдаетъ. Другой крестьянинъ того же села, Николай Сергѣевъ, при свидѣтелѣ Дмитріи Муринѣ, въ разговорѣ о случившейся на улицѣ телѣгѣ съ кладью, прикрытою пологомъ, на замѣчаніе, ужъ не мертваго ли везутъ въ ней, проговорилъ: «будетъ, одного провожали», намекая этимъ на вывозъ трупа Матюнина. Наконецъ, при розыскахъ во дворѣ крестьянина Моисея Дмитріева, гдѣ имѣется мірской шалашъ для ветскихъ моленій, найдено заложенное досками корыто со слѣдами приставшей къ нему крови и въ клѣти пологъ съ такими-же пятнами, относительно которыхъ онъ объяснилъ, что кровь въ корытѣ образовалась отъ лежавшей въ немъ солонины, а на пологѣ отъ клоповъ. По изслѣдованіи въ медицинскомъ совѣтѣ, кровь какъ въ корытѣ, такъ и на пологѣ оказалась отъ млекопитающихся животныхъ. При этомъ обнаружено было, что корыто со дна соскабливалось и обмывалось водой, слѣды которой остались въ видѣ кровяной полосы вдоль одного края корыта, и тутъ-же приставшіе волосы, сходные по строенію съ волосами людей. Хотя при сличеніи этихъ волосъ съ волосами Матюнина, найденными на трупѣ его, они оказались несходными, тѣмъ не менѣе, присутствіе волосъ въ корытѣ, въ связи съ нахожденіемъ такихъ-же волосъ въ шалашѣ Моисея Дмитріева, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что корыто это употреблялось для собиранія крови отъ жертвенныхъ животныхъ, а никакъ не для храненія солонины, какъ объясняетъ Моисей Дмитріевъ. По осмотру шалаша послѣдняго полъ его, особенно ближе ко входу, оказался сырымъ, какъ-бы нарочно замытъ водой, между тѣмъ какъ на остальныхъ частяхъ, подъ скамейками и у стѣнъ, онъ былъ совершенно сухъ. У одной стѣны, около очага, отрытъ закопанный въ землю костякъ головы быка, принесеннаго въ жертву, по собственному признанію Моисея Дмитріева, года за четыре передъ тѣмъ. На двухъ перекладинахъ, проходящихъ вдоль всего шалаша, найдено множество волосъ отъ животныхъ, въ томъ числѣ одинъ волосъ, по изслѣдованію врачебнаго отдѣленія, вполнѣ сходный по толщинѣ, окраскѣ и структурѣ его съ волосами Матюнина, приставшими къ его трупу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ показанія свидѣтеля Емельяна Щербакова обнаружилось, что онъ во вторникъ, 5-го мая, около девяти часовъ утра, возвращался съ мельницы Ѳомы Щербакова по Тыловыльской дорогѣ и, проѣхавъ полевыя ворота крестьянъ с. Стараго Мултана, саженяхъ въ десяти отъ воротъ, встрѣтилъ Моисея Дмитріева съ женой Василисой Гордѣевой, которые везли что-то весьма тщательно и со всѣхъ сторонъ, какъ обыкновенно не закрываютъ мѣшки съ хлѣбомъ, завернутое въ пологъ. Встрѣтивъ свидѣтеля, Моисей Дмитріевъ, видимо, растерялся и даже покраснѣлъ, затѣмъ, спросивъ, свободно ли на мельницѣ, поѣхалъ дальше. Между тѣмъ, по удостовѣренію Ѳомы Щербакова, его на мельницѣ въ тотъ день совсѣмъ не было. По произведенному осмотру, оказалось, что за полевыми ворота-

ми, по ту сторону ихъ, имѣется поворотъ вправо на Чульинскую дорогу проходящую глухимъ лѣсомъ, вблизи мѣста нахожденія трупа Матюнина, всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, и къ послѣднему съ дороги ведутъ нѣсколько пѣшеходныхъ тропинокъ. Сопоставляя эти данныя со временемъ появленія трупа Матюнина на пѣшеходной дорогѣ изъ деревни Чульи въ деревню Аныкъ, между восемью часами утра и полднемъ 5-го мая, нельзя не притти къ убѣжденію, что Моисей Дмитріевъ при встрѣчѣ съ Емельяномъ Щербаковымъ везъ не что иное какъ завернутый въ пологъ трупъ Матюнина, который затѣмъ, свернувъ на Чульинскую дорогу, при помощи своей жены, а можетъ быть, и другихъ ожидавшихъ его въ лѣсу лицъ, по тропинкѣ перенесъ на мѣсто его нахожденія. Этимъ вполнѣ устанавливается какъ участіе въ убійствѣ Моисея Дмитріева и его жены Василисы Гордѣевой, пынѣ уже умершихъ, такъ и совершеніе самого убійства въ с. Старомъ Мултанѣ, именно въ шалашѣ Моисея Дмитріева. Изъ другихъ лицъ участіе Дмитрія Степанова, состоящаго бодзимъ-восясь, главнымъ жрецомъ, въ шалашѣ Моисея Дмитріева, безъ котораго не можетъ быть и самаго моленія, а также Андріана Александрова, пякчи-восяся въ томъ-же шалашѣ, непосредственнаго помощника главнаго жреца, не подлежитъ сомнѣнію по самому характеру исполняемыхъ ими обязанностей вотскихъ жрецовъ, чего они не отрицаютъ и сами. При этомъ становятся вполнѣ понятными угрозы со стороны послѣдняго по адресу свидѣтельницы Шумаковой, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ убійствѣ Матюнина. Засимъ, временно задержанный по подозрѣнію въ томъ-же убійствѣ состоящій бодзимъ-восясемъ на мольбищѣ Киремети, Михаилъ Титовъ въ разговорѣ его съ волостнымъ старшиною Попугаевымъ указалъ еще нѣсколько лицъ изъ числа участниковъ убійства. По словамъ Попугаева, желая содѣйствовать обнаруженію виновныхъ, онъ обратился къ Титову съ предложеніемъ за извѣстное вознагражденіе съ виновниковъ убійства, способствовать оправданію ихъ, съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ ему этихъ лицъ для заключенія съ ними сдѣлки. Титовъ первоначально уклонялся назвать имена участниковъ, затѣмъ сталъ говорить, что въ убійствѣ участвовали его дѣдъ Андрей Григорьевъ, по прозвищу Акмаръ, отецъ сельскаго старосты Александръ Ефимовъ, сотскій Семенъ Ивановъ, онъ же Семенъ Красный, земскій ямщикъ Тимоѳей Гавриловъ и братъ послѣдняго Максимъ Гавриловъ. Титовъ называлъ еще нѣсколько лицъ, но свидѣтель не могъ запомнить имена ихъ; записать-же было нельзя, такъ какъ Титовъ, замѣтивъ намѣреніе Попугаева взять бумагу для записи, прекратилъ разговоръ. По словамъ Титова, убійство совершено было или въ шалашѣ Моисея Дмитріева, или въ шалашѣ Семена Иванова, но онъ навѣрное не знаетъ, потому что самъ въ убійствѣ не участвовалъ. Относительно всѣхъ указанныхъ Титовымъ лицъ установлено, что они самые вліятельные изъ вотяковъ с. Стараго Мултана, безъ которыхъ не рѣшается ни одно общественное дѣло, всѣ они принадлежатъ, т. е. ходятъ на моленье въ шалашъ Моисея Дмитріева, чего не отрицаютъ они и сами. Кромѣ того, въ отношеніи Тимоѳея Гаврилова, показаніемъ пристава 3-го стана Тимоѳеева обнаружено, что въ ночь на 5-е мая, собственно рано утромъ, въ то время, когда свидѣтель проѣздомъ останавливался въ с. Старомъ Мултанѣ ночевать,

онъ прибѣгалъ къ нему спрашивать, когда и куда онъ поѣдетъ. Тимоѳеевъ объясняетъ такую заботливость Гаврилова, не практиковавшуюся никогда до того времени, не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чтобы, освѣдомившись о времени и направленіи его проѣзда, предупредить лицъ, вывозившихъ въ то утро изъ с. Стараго Мултана трупъ убитаго Матюнина; и такое объясненіе вполнѣ согласуется съ установленнымъ на слѣдствіи временемъ увоза трупа по Тыловыльской дорогѣ около девяти часовъ утра, уже послѣ отъѣзда станового. При этомъ Тимоѳеевымъ обращено было вниманіе еще и на то обстоятельство, что въ числѣ ночныхъ караульныхъ оказался самый богатый, занимающійся торговлей и имѣющій гильдейскія права, вліятельнѣйшій изъ вотяковъ и даже церковный староста Василій Кузьминъ Кузнецовъ. На вопросъ пристава, зачѣмъ онъ въ караулѣ и развѣ за него некому караулить изъ числа бѣдныхъ, которымъ за это платится не больше трехъ копѣекъ, Кузнецовъ отвѣтилъ, что все равно проводить ночь. Между тѣмъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, Кузнецовъ раньше того времени никогда самъ въ караулъ не ходилъ и даже считалъ это для себя унизительнымъ, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію священниковъ с. Стараго Мултана, въ то время у Кузнецова была тяжко больна его жена, которая вскорѣ и померла. При этомъ священникъ Ергинъ добавилъ, что хотя Кузнецовъ и состоялъ церковнымъ старостой, но въ церковь почти не ходилъ, придерживаясь болѣе вотскихъ моленій. Наконецъ, самъ Кузнецовъ подкупалъ урядника Жукова, чтобы оправдаться въ убійствѣ, о чемъ упомянуто выше. Тотъ-же Татовъ, спрошенный приставомъ 4-го стана Шмелевымъ, а затѣмъ и при допросѣ его на слѣдствіи, показалъ, что еще за двѣ недѣли до убійства Матюнина дѣдъ его Акмаръ ходилъ къ Моисею Дмитріеву и по возвращеніи оттуда передавалъ ему, что онъ засталъ у Моисея мясника Кузьму Самсонова, которые сговаривались припести въ жертву какого-нибудь нищаго. Затѣмъ, дня черезъ два послѣ убійства Татовъ, какъ-то идя по улицѣ, увидалъ шедшихъ съ пестерями за спиной Моисея Дмитріева и Кузьму Самсонова, и отъ жены Моисея узналъ, что они носили тогда прятать отрѣзанную голову нищаго. При этомъ жена Моисея передавала ему, что зарѣзали нищаго ея мужъ и Кузьма. Что касается до послѣдняго, то съ момента самаго убійства Матюнина въ народѣ держался упорный слухъ о томъ, что рѣзалъ нищаго Кузьма Самсоновъ, извѣстный за лучшаго мясника въ с. Старомъ Мултанѣ. Въ пользу такого мнѣнія говорилъ и самый способъ вырѣзыванія внутренностей изъ трупа, произведенный искусной и опытной, въ такого рода операціяхъ, рукою, какою могъ обладать только мясникъ, одинаково хорошо владѣющій какъ ножемъ, такъ и топоромъ. При обыскѣ въ домѣ его найдены рубашка и шганы съ пятнами на нихъ крови млекопитающихъ, относительно которыхъ онъ объяснилъ, что кровь на нихъ попала въ то время, когда онъ въ деревнѣ Кутеркѣ рѣзалъ быка и телушку у крестьянъ Дмитрія Ѳадеева и Тимоѳея, по отчеству не извѣстнаго. Но такое объясненіе его не согласуется съ присутствіемъ крови на правомъ плечѣ рубашки, тогда какъ, по собственному признанію Самсонова, онъ въ то время былъ одѣтъ въ полушубокъ и, кромѣ того, сверху въ зипунъ Тимоѳея. Засимъ свидѣтель Алексѣй Ивановъ Сгуковъ удостовѣрилъ, что Кузьма

Самсоновъ лично сознавался ему въ убійствѣ Матюнина. По словамъ Дмитрія Мурина, которому Стуковъ разсказывалъ объ этомъ болѣе подробно и безъ всякихъ стѣсненій, сознаніе это было сдѣлано во время страды, когда Стуковъ и Самсоновъ сошлись вмѣстѣ обѣдать. При этомъ Самсоновъ жаловался, что богатые вотяки подговорили его за деньги зарѣзать нищаго, а теперь ничего ему не даютъ. Въ томъ-же смыслѣ при свидѣтельницѣ Елизаветѣ Муриной высказывалась мачиха Самсонова, во время ссоры съ женой послѣдняго, что «Кузька рѣзалъ, а Васька (Василій Кондратьевъ) за ноги держалъ». Относительно Василія Кондратьева при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія выяснилось, что онъ въ день убійства Матюнина, 4-го мая, былъ суточнымъ, у коего, по принятому среди крестьянъ обычаю, признаваемому самимъ Кондратьевымъ, должны были ночевать всѣ нищіе, остающіеся на ночь въ деревнѣ, а слѣдовательно ночевалъ и Матюнинъ, котораго передъ ночью видѣлъ лежащимъ на бревнахъ противъ дома Мурина свидѣтель Шутовъ. По осмотру дома Кондратьева оказалось, что онъ стоитъ въ глухомъ проулкѣ въ двадцати двухъ саженяхъ отъ шалаша Моисея Дмитріева, отдѣляясь отъ послѣдняго однимъ огородомъ, причемъ отъ дома до шалаша можно пройти, не будучи никѣмъ замѣченнымъ; при этомъ мальчикъ, сынъ умершаго Моисея Дмитріева, Константинъ Моисеевъ, разсказалъ, что онъ вечеромъ въ день убійства, проходя по проулку, встрѣтилъ шедшаго съ большой улицы по направленію какъ разъ отъ того мѣста, гдѣ на бревнахъ лежалъ вечеромъ, 4-го мая, покойный Матюнинъ, сотскаго Семена Краснаго, который велъ съ собой какого-то нищаго. Свидѣтель не обратилъ на это вниманія, предположивъ, что сотскій ведетъ нищаго на ночлегъ къ суточному. Хотя Семенъ Ивановъ и отрицаетъ это обстоятельство, но такое отрицаніе еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ велъ тогда именно Матюнина, откуда Кондратьевъ свободно могъ отправить его спать въ шалашъ Моисея Дмитріева, гдѣ его и зарѣзали. Кромѣ этихъ лицъ изъ показаній свидѣтелей Дмитрія и Константина Муриныхъ обнаружилось еще участіе крестьянина Андріана Андреева, состоящаго тыръ-восясемъ при мольбищѣ Киремети. По словамъ Константина Мурина, какъ-то великимъ постомъ въ 1892 году, присутствуя на сходкѣ, онъ слышалъ, какъ Андріанъ Андреевъ по-вотски передалъ своимъ однодеревенцамъ, что онъ видѣлъ сонъ, что «чего-то надо молить», т. е. принести въ жертву, но не сказалъ, кого молить, отозвавшись, что онъ не можетъ этого сказать, потому что на сходѣ есть лишніе люди,—намекая этимъ на него. Передавая объ этомъ своему родственнику Дмитрію Мурину, свидѣтель болѣе подробно разсказывалъ, что Андріанъ Андреевъ прямо говорилъ, что ему во снѣ было видѣнье, причемъ богъ открылъ ему, что для избавленія отъ голода и болѣзней надо: кыкъ-пыдесъ ванданы куле, т. е. рѣзать двуногаго. Съ этого момента и слѣдуетъ считать зародившеюся среди старомултанскихъ вотяковъ мысль о принесеніи въ жертву человѣка, которая осуществилась лишь 4-го мая надъ покойнымъ Матюнинымъ. Наконецъ, содержавшійся въ малмыжскомъ тюремномъ замкѣ, нынѣ умершій Моисей Дмитріевъ арестанту Якову Готовѣ, пользовавшемуся особымъ его расположеніемъ, сознаваясь въ убійствѣ, передавалъ, что убійство это совершено при участіи его и Степана Дмитріева въ собственномъ его ша-

лашѣ. Для этого, покойнаго Матюнина, который почти безотлучно жилъ въ с. Старомъ Мулганѣ, пьянаго завели въ шалашъ. Здѣсь его обернули новиной и подвѣсили къ балкѣ, послѣ чего всѣ участники, въ числѣ до пятнадцати человѣкъ, «тыкали» (кололи) его, добывая въ особыя чашечки капли крови. Потомъ ему отрѣзали голову, но куда дѣвали ее, онъ не знаетъ, внутренности сожгли, а трупъ вывезли на болото. При этомъ Моисей Дмитріевъ описывалъ мѣсто, по которому на жердяхъ несли трупъ Матюнина, какъ разъ согласно съ дѣйствительнымъ мѣстомъ нахожденія трупа и данными мѣстнаго осмотра. Далѣе Моисей передавалъ, что среди вотяковъ издавна существуетъ обычай жертвоприношенія, по примѣру древнихъ святыхъ, сжигавшихъ своихъ сыновей въ жертву Богу. О времени и примѣтахъ жертвы вотяки узнаютъ отъ особаго «ворожца», къ которому обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ постигнетъ какое-нибудь несчастье. Ворожецъ, погадавъ на мѣдныхъ деньгахъ, называетъ, какая должна быть жертва, и его указанія исполняются безпрекословно, до такой степени строго, что вотяки готовы принести въ жертву своихъ родныхъ, если для человѣческой жертвы не найдется подходящаго изъ постороннихъ. Относительно участниковъ Моисей Дмитріевъ называлъ только себя и Дмитрія Степанова, затѣмъ, когда въ тюремный замокъ были заключены Василій Кондратьевъ и Василій Кузьминъ Кузнецовъ, высказался, что первый изъ нихъ участвовалъ въ убійствѣ, а послѣдній стоялъ на караулѣ.

На основаніи этого, Дмитрій Степановъ, Андріанъ Александровъ, Семенъ Ивановъ, Василій Кондратьевъ, Кузьма Самсоновъ, Василій Кузьминъ Кузнецовъ, Андрей Григорьевъ, Александръ Ефимовъ, Тимоѳей и Максимъ Гавриловы и Андріанъ Андреевъ были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ, виновными себя не признали, и объяснили: Дмитрій Степановъ, не отрицая состоянія своего въ званіи бодзимъ-восися въ шалашѣ Моисея Дмитріева и участія какъ главнаго жреца въ приносимыхъ во время моленій жертвахъ, что человѣческихъ жертвъ у вотяковъ не существуетъ, и покойнаго Матюнина онъ никогда въ жертву не приносилъ; Василій Кондратьевъ—что онъ въ день убійства ѣздилъ въ с. Старый Трыкъ къ земскому начальнику для полученія въ ссуду хлѣба, откуда вернулся поздно ночью. Но такія объясненія его нисколько не исключаютъ возможности участія его въ убійствѣ, тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію свидѣтеля Стяжкина, раздача хлѣба производилась всегда утромъ, такъ что Кондратьевъ имѣлъ достаточно времени возвратиться изъ Трыка, отстоящаго всего въ семнадцати верстахъ отъ Стараго Мултана, еще до вечера; Василій Кузнецовъ—что онъ ходилъ на караулъ по случаю усталости его работника, только что вернувшагося съ полевыхъ работъ, и какъ до того времени, такъ и послѣ не разъ бывалъ въ караулѣ, но такое заявленіе его относительно пребыванія въ караулахъ до убійства Матюнина осталось ничѣмъ не подтвержденнымъ. Остальные, кромѣ голословнаго отрицанія виновности, никакихъ объясненій къ оправданію своему не представили. Въ виду изложеннаго, крестьяне села Стараго Мултана, Старотрыкской волости, Малмыжскаго уѣзда: Андріанъ Андреевъ, 38 л., Дмитрій Степановъ, 31 г., Андріанъ Александровъ, 43 л., Кузьма Самсоновъ, 40 л., Василій Кондратьевъ,

37 л., Семенъ Ивановъ, 50 л., Василій Кузьминъ Кузнецовъ, 39 л., Андрей Григорьевъ, 90 л., Александръ Ефимовъ, 60 л., и Тимоѳей, 35 л., и Максимъ, 31 г., Гавриловы, обвиняются въ томъ, что въ ночь на 5-е мая 1892 года, въ шалашѣ при домѣ крестьянина села Стараго Мултана Моисея Дмитріева, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и по предварительному между собою соглашенію, съ цѣлью принесенія въ жертву вотскимъ языческимъ богамъ, лишили жизни крестьянина деревни завода Ныртова, Казанской губерніи, Конона Дмитріева Матюнина, вырѣзавъ у него голову съ шеей и грудными внутренностями. Преступленіе это предусмотрѣно 1454 ст. ул. о нак. Посему и на основаніи 201 ст. уст. угол. суд. Андріанъ Андреевъ, Дмитрій Степановъ, Андріанъ Александровъ, Кузьма Самсоновъ, Василій Кондратьевъ, Семенъ Ивановъ, Василій Кузьминъ Кузнецовъ, Андрей Григорьевъ, Александръ Ефимовъ и Тимоѳеи и Максимъ Гавриловы преданы суду сарапульскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Печатаемая ниже защитительная рѣчь была произнесена при третьемъ и послѣднемъ разбирательствѣ этого, необычнаго въ судебной практикѣ, дѣла въ городѣ Мамадышѣ въ судебномъ засѣданіи, продолжавшемся съ 28-го мая по 4-е іюня 1896 года.

Ранѣе при двукратномъ разсмотрѣніи того же дѣла послѣдовали обвинительные приговоры, дважды кассированные Правительствующимъ Сенатомъ.

Третье разбирательство этого дѣла происходило подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя казанскаго окружнаго суда И. Р. Завадскаго. Обвинителями выступили: товарищъ прокурора судебной палаты г. Симоновъ и товарищъ прокурора сарапульскаго окружнаго суда г. Раевскій, выступавшій обвинителемъ во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ и наблюдавшій ранѣе за производствомъ предварительнаго слѣдствія.

Въ защитѣ обвиняемыхъ, кромѣ неутомимаго частнаго повѣреннаго сарапульскаго окружнаго суда М. І. Дрягина, дважды защищавшаго подсудимыхъ и дважды добивавшагося отмѣны обвинительныхъ приговоровъ, принялъ на этотъ разъ участіе и извѣстный нашъ писатель В. Г. Короленко, положившій всю душу въ это дѣло и произнесшій прекрасную рѣчь въ защиту мирнаго вотскаго племени, чуждаго въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ изувѣрства и кровавыхъ заблужденій.

Рѣчь въ защиту мултанскихъ вотяковъ.

Гг. присяжные засѣдатели!

Всякая мысль о возможности „короткой расправы“ въ этомъ дѣлѣ должна быть оставлена. Укоръ г. товарища

прокурора, обращенный къ обвиняемымъ за то, что они дважды „не подчинились“ обвинительнымъ о нихъ приговорамъ и дважды „добились отмѣны“ Правительствующимъ Сенатомъ этихъ приговоровъ, требуетъ серьезнаго разъясненія. Сравнивая требованіе о возмездіи, предъявляемое имъ нынѣ, съ требованіемъ кредитора объ уплатѣ долга, которому давно наступилъ уже срокъ платежа, обвинитель ставитъ на счетъ подсудимыхъ и всѣ наросшіе по ихъ винѣ будто-бы проценты, т. е. долговременное содержаніе ихъ подъ стражею. Еще въ 1894-мъ году—заявилъ вамъ торжественно г. товарищъ прокурора—правосудіе сказало о нихъ рѣшительное слово и вольно имъ было не склонить передъ нимъ свои повинныя головы!

Гг. присяжные, на вашу долю выпадаетъ поистинѣ героически-отвѣтственная задача Вашего приговора ждетъ нетерпѣливо и жадно цѣлая Россія. Изъ душной и тѣсной залы этого засѣданія онъ вырвется настоящимъ вѣстникомъ правды, вѣстникомъ разума. Обычная формула вашей присяги „приложить всю силу разумѣнія“ превращается, такимъ образомъ, въ настоящій подвигъ, въ торжественный передъ лицомъ всего русскаго общества обѣтъ напречь всѣ ваши духовныя силы, отдать ихъ безъ остатка на разрѣшеніе этого злополучнаго и темнаго дѣла. И вотъ въ такую-то минуту вамъ говорятъ: дѣло уже дважды разрѣшено, русло готово, вамъ остается только послѣдовать примѣру прежнихъ присяжныхъ—подтвердить ихъ обвинительные приговоры. Но въ томъ и несчастіе, что прежніе приговоры текли по заранѣе готовому руслу, а что это были за русла—объ этомъ сказалъ свое слово Сенатъ. Не вѣрно и сопоставленіе этого дѣла съ простыми гражданскими интересами, подлежащими ликвидаціи по соглашенію сторонъ. Въ дѣлѣ гражданскомъ, денежномъ, благодаря простой оплошности отвѣтчика, благодаря его юридической безпомощности дѣйствительно, весьма нерѣдко и безденежныя обязательства и подложный вексель превращаются въ неоспоримый исполнительный листъ. Тамъ кредиторъ сводитъ только свои личные счеты съ должникомъ. Интересы уголовнаго правосудія иного порядка. Все общество, какъ одинъ человѣкъ, заинтересовано въ правильномъ отправленіи уголовнаго пра-

восудія. Для него, какъ и для государственной власти, гораздо противнѣе осужденіе невиннаго, нежели даже оправданіе виновнаго. Вотъ почему говорить о „строптивости“ должниковъ—подсудимыхъ, упорно заявляющихъ о своей невинности, несмотря на двукратное „виновны“ присяжныхъ, не приходится. Эти приговоры отмѣнены Правительствующимъ Сенатомъ, а высота и авторитетность этого правительственнаго учрежденія порукой вамъ въ томъ, что эти приговоры дѣйствительно состоялись при условіяхъ, въ такой мѣрѣ противныхъ законному порядку, что не могли почитаться въ силѣ непререкаемыхъ судебныхъ рѣшеній.

Вашъ судъ, гг. присяжные—судъ особенный. Ни одно судебное мѣсто не пользуется такимъ довѣріемъ законодателя, какъ вы. Вы—не мотивируете вашихъ рѣшеній, на васъ нѣтъ апелляціи, ваши вердикты—окончательныя рѣшенія. Но именно въ силу особо-важныхъ и отвѣтственныхъ функцій, возложенныхъ на васъ, законодатель требуетъ одного (и требуетъ этого не отъ васъ, а скорѣе отъ насъ, сторонъ, и суда короннаго, дающихъ вамъ матеріалъ для сужденія по дѣлу)—чистоты и законности средствъ, предлагаемыхъ вамъ для обнаруженія истины. Кассируя вашъ приговоръ, сенатъ осуждаетъ въ сущности не васъ, а насъ—и стороны и судъ за то, что мы всѣ не сумѣли или не хотѣли обнаружить предъ вами всей истины въ предѣлахъ дѣйствительно предписаннаго и охраняемаго закономъ порядка. Поэтому поймите, насколько, именно послѣ двухъ кассацій обвинительныхъ приговоровъ, выростаетъ значеніе предстоящаго вамъ судейскаго труда, сколько вниманія, осторожности, прозорливости вы должны внести въ дѣло, чтобы добиться, наконецъ, истины.

Настолько-же отвѣтственною становится и наша задача. Вы, какъ младенцы „чистые сердцемъ“, приходите въ судъ, не зная вовсе обстоятельствъ дѣла. Мы заранѣе изучили его, и знаемъ его сильныя и слабыя мѣста. Давая вамъ якобы готовую картину преступленія—мы отлично понимаемъ, что это только отраженіе волшебнаго фонаря, что фигуры во весь ростъ получаются только на стѣнѣ при искусственномъ освѣщеніи, а тамъ, внутри фонаря—только маленькія лубочныя картинки... Такъ и въ этомъ дѣлѣ!

Мы всѣ не разъ содрагались отъ потрясающей картины: „обезглавленный нищій виситъ повѣшенный за ноги на балкѣ шалаша Моисея Дмитріева... Изъ него источаютъ кровь“. Но очнитесь! Гдѣ виситъ нищій? Точно-ли на балкѣ шалаша Дмитріева?.. Пока еще нѣтъ, слава Богу! Это-то и нужно доказать. Пока онъ виситъ только.. на языкѣ каторжника свидѣтеля Головы, да въ воображеніи обвинительной власти, если не считать при этомъ эффекта бенгальскаго освѣщенія, вносимаго „свѣтомъ науки“ (въ лицѣ г. профессора Смирнова) въ темныя дебри вотской миѳологіи. Факты, которые именно в ы д о л ж н ы п р и з н а т ь, р а з р ѣ ш и т ь и д о к а з а т ь,—вамъ выдаютъ за нѣчто ранѣе доказанное и просятъ принять безъ повѣрки.

Въ самомъ дѣлѣ· въ чемъ состояла вся рѣчь г. товарища прокурора, какъ не въ повторномъ рисованіи все одной и той-же картины мрачнаго жертвоприношенія въ надеждѣ, что она, наконецъ, неизгладимо врѣжется въ ваше воображеніе. Свое требованіе „обвините“—онъ сводитъ къ безспорному требованію по исполнительному листу. Но кто далъ ему въ руки этотъ исполнительный листъ и кто повѣритъ ему на слово, что въ основѣ его требованія неоспоримый, а не безденежный документъ? Я первый этому не вѣрю и заявляю объ этомъ громогласно. Я докажу вамъ, что требованіе обвинительной власти основано на недоразумѣніи въ своихъ кредиторскихъ правахъ, и мы, какъ отвѣтчики, ни въ чемъ передъ нею неповинны.

Я не стану вамъ навязывать готовыхъ выводовъ. Не въ этомъ должна заключаться наша работа. Мы не должны забѣгать впередъ и мѣшать активной, въ данномъ случаѣ, героически-активной работѣ вашей собственной совѣсти и вашего собственнаго разума. Источникъ истины долженъ проложить свое собственное русло. Для этого надо отнестись критически ко всему, что вамъ здѣсь сказали и скажутъ и только тогда поставить с в о е, а не чужое р ѣ ш е н і е. Мы здѣсь только помощники ваши въ отысканіи истины и должны страшиться лишь одного: „соблазнить одного изъ малыхъ сихъ“. Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, при его огромномъ общественномъ значеніи, при туманности слѣдственнаго матеріала подобное опасеніе ненапрасно. Будьте

осторожны и будьте внимательны! А кто изъ насъ, борющихся предъ вами, согрѣшитъ на этомъ пути, тому воистину, по слову евангелія, „лучше жерновъ на шею и въ воду“, нежели быть пособникомъ тяжкаго неправосудія.

Первый вопросъ, надъ которымъ вамъ придется задуматься: какова цѣль, гдѣ мотивъ преступленія? Такія тяжкія преступленія, какъ убійство, безъ достаточнаго мотива не совершаются. И вотъ, подходя уже къ этому первому вопросу, вамъ придется тотчасъ сдѣлать шагъ назадъ. Чѣмъ же доказано, что вотяки приносятъ человѣческія жертвоприношенія? Какъ называется тотъ богъ, которому они заклали въ жертву Матюнина?

По обвинительному акту, со словъ арестанта Головы, конкурирующаго въ знаніи вотской этнографіи съ самимъ профессоромъ Смирновымъ, такимъ богомъ значится богъ „Курбанъ“. На слѣдствіи обнаружилось, однако, совершенно явственно, что „Курбаномъ“ зовется всякая жертва, но бога такого нѣтъ и не было въ вотской миѳологіи. А между тѣмъ обвиненіе должно быть доказано во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ. Докажите-же, какому богу „замоленъ“ Матюнинъ, куда, по какому адресу возносился тотъ „чадъ отъ сжигаемой человѣческой жертвы“, которымъ такъ неотступно раздражали, такъ, пугали ваше и безъ того подавленное воображеніе?

Можетъ быть „Киреметю“, можетъ быть „Акташу“, спѣшитъ подсказать обвиненію г. экспертъ Смирновъ. Хорошо! Но тогда забывается вотъ что: боги Киреметь и Акташъ, сохранившіе въ себѣ элементы злыхъ или вѣрнѣе „опасныхъ“ для людей божествъ, изслѣдованы достаточно. Весь ритуалъ ихъ культа удостовѣренъ и экспертомъ Верещагинымъ и и свидѣтелемъ священникомъ Ергинымъ. Имъ молятся всегда внѣ усадебной осѣдлости, въ лѣсу, на особомъ мѣстѣ, которое такъ и называется „киреметищемъ“. Именно таинственность этихъ жертвоприношеній въ удаленныхъ мѣстахъ и породила въ старину всѣ толки о принесеніи вотяками человѣческихъ жертвъ. Но вѣдь вы утверждаете, что въ данномъ случаѣ жертва принесена не на „киреметищѣ“, не въ лѣсу, а въ мирномъ шалашѣ Моисея Дмитріева. Въ этихъ шалашахъ „страшные“ боги Киреметь

и Акташъ (о послѣднемъ, кстати сказать, именно въ Мултанѣ и понятія не имѣютъ) не живутъ, ихъ такъ близко къ себѣ вотякъ и не подпуститъ. Шалаши (съ иконами Св. Николая Чудотворца по угламъ), такъ называемые, родовые шалаши, въ одномъ изъ которыхъ и предполагается совершеніе убійства, предназначены для иныхъ мирныхъ боговъ—пестуновъ и охранителей рода. Какъ-же возможно тамъ молиться Кипреметю—злому богу? Г. Смирновъ снова приходитъ на помощь обвиненію. Родовые боги „весною улетаютъ на цвѣты, шалаши пустуютъ“... отчего-же не помолиться и Кипреметю? Но „киреметище“—спеціальный храмъ этого бога—лѣсъ остается на мѣстѣ подъ открытымъ небомъ Для чего-же „бога“, во что-бы то ни стало, надо выселить изъ его вѣковой необъятной квартиры и упрятать, хотя-бы временно, въ душный и чадный шалашъ?.. Согласится-ли самъ „Киреметь“ на такое неожиданное переселеніе?—г. Смирновъ объ этомъ, очевидно, не подумалъ.

Еще одна столь же явная несообразность этнографическаго характера. Установлено, что въ Мултанѣ два родовыхъ шалаша: учурскаго и будлуцкаго племенъ. Изъ семидесяти семи вотскихъ дворовъ Мултана тринадцать принадлежатъ къ учурскому племени, остальные къ будлуцкому. Установлено положительно, что каждое племя молится только въ своемъ шалашѣ, и въ чужой вовсе не ходитъ. Этой этнографической тонкости обвиненіе, очевидно, не знало, когда сажало на скамью подсудимыхъ изъ семи подсудимыхъ двухъ учурскаго и пятерыхъ будлуцкаго племени. Что же выходитъ? Что при принесеніи самой важной, человѣческой жертвы весь ритуалъ, всѣ самыя коренныя обрядовыя традиціи безпощадно нарушаются. Выходитъ простое убійство, угодное не столько богу Кипрметю, сколько обвиненію Но вѣдь обвиненіе начало съ того, что доказывало именно наличность жертвоприношенія, т. е. акта строго-религіознаго, основаннаго на всѣхъ суевѣріяхъ глубокой старины, совершеннаго по всей строгости правилъ и обрядовъ, свято хранимыхъ преданіемъ. И вотъ едва сдѣланъ первый шагъ къ повѣркѣ обвиненія, оно уже должно попятиться, отречься отъ самого себя, отступиться отъ религіознаго ритуала и искать у податливой этнографической

экспертизы г. Смирнова милостиваго разрѣшенія совершить жертвоприношеніе, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни божествомъ, лишь бы жертва оказалась принесенною.

Намъ извѣстно, что изъ трупа Матюнина вынуты сердце и легкія, но печень оставлена. А между тѣмъ намъ извѣстно также, что при вотскихъ жертвоприношеніяхъ печень является весьма существенною частью жертвы, приносимой богамъ Этнографы ставятъ печень наравнѣ съ сердцемъ и затѣмъ уже перечисляютъ другія части тѣла, отдаваемыя богамъ Г. Смирновъ, не зная, какъ въ этомъ случаѣ поправить дѣло, сослался на этнографа г. Кузнецова. Но ссылка его оказалась просто невѣрною. При такой системѣ доказательствъ рѣшительно все можно доказать. Гдѣ пробѣлъ въ фактахъ, тамъ подмѣшиваютъ экспертизы, гдѣ безсильна экспертиза, тамъ факты обходятся, игнорируются и извращаются. И все это лишь для того, чтобы, схвативъ Матюнина, привести его въ шалашъ Моисея Дмитріева и, именно тамъ, обезглавивъ, подвѣсить.

Но былъ ли онъ дѣйствительно въ шалашѣ Моисея Дмитріева и вообще въ Мултанѣ-ли онъ обезглавленъ? Если-бы это второе положеніе было доказано—я бы уступилъ гг. обвинителямъ всю ненадежность перваго звена той цѣпи, которая ими скована для подсудимыхъ. На этомъ второмъ надежномъ звенѣ обвиненіе могло бы удержаться. Но вы сейчасъ увидите, что и это второе главнѣйшее звено, какъ затѣмъ и третье, и четвертое, и всѣ послѣдующія, совершенно перержавлены и никуда негодны. Они только декоративно подвѣшены другъ къ другу. А когда мы говоримъ о цѣпи косвенныхъ уликъ, мы разумѣемъ нѣчто дѣйствительно крѣпкое, цѣльное, неразрывное, могущее мертвою хваткою захватить преступленіе. Но здѣсь этого нѣтъ. Всѣ улики разсыпаются въ прахъ при первомъ же энергичномъ къ нимъ прикосновеніи

Итакъ, гдѣ-же, какъ и когда убитъ Матюнинъ?

Тутъ мы вступаемъ, гг. присяжные, въ область того слѣдственнаго матеріала, который особенно драгоцѣненъ для судьи, когда не имѣется прямыхъ уликъ, а есть только улики косвенныя, т. е. есть едва примѣтные слѣды, случайно оставленные преступникомъ и преступленіемъ. Очень немногое без-

спорно въ этомъ дѣлѣ и это-то немногое и есть тотъ пунктъ, отъ котораго мы должны отправляться. Мы не отойдемъ въ сторону, чтобы не заблудиться, до тѣхъ поръ, пока не захватимъ руководящую нить. Это безспорное,—трупъ Матюнина на болотной лѣсной тропѣ, ведущей изъ деревни Оныкъ въ деревню Чулью. Его впервые видитъ дѣвушка Головизнина около полудня пятаго мая. Побудемъ-же около него возможно дольше. Это очень важно.

Прежде всего: когда пятаго мая трупъ видитъ Головизнина, былъ онъ съ головой или безъ головы? Мы даже этого не установили. Дѣвушка была совсѣмъ близко отъ него. Обойти сторонами мѣшала болотина, дорога шла по настланному бревеннику. Поперекъ самой дороги ничкомъ лежалъ Матюнинъ И вотъ она „не замѣтила“, чтобы онъ былъ безъ головы. Кое-кому она, однако, разсказывала, что голова несомнѣнно была, и даже „свѣсилась“ къ болоту. Она приняла сперва Матюнина просто за спящаго. Зато на другой день, шестого, возвращаясь по той-же дорогѣ, она уже сразу и несомнѣнно видитъ, что головы нѣтъ, что голова стрѣзана. Теперь я спрашиваю васъ. доказано-ли даже первое положеніе обвиненія, что трупъ Матюнина обезглавленнымъ перенесенъ на тропу? Это утвержденіе покоится на показаніи одной Головизниной, но именно этого-то главнаго Головизнина и не подтверждаетъ.

Но мнѣ скажутъ, это придирка. Нельзя требовать отъ молодой дѣвушки, которая оробѣла и растерялась, чтобы она замѣтила: была-ли у человѣка голова? Прекрасно, но вѣдь ее спрашивали обвинители: были-ли мокры и грязны у убитаго лапти, и она отвѣчала, что были мокры, такъ какъ носками они упирались въ болотную „мочевину“, но что грязи на нихъ она не замѣтила. Но уступимъ и въ этомъ. Будемъ только строго-дословно толковать показаніе Головизниной. Была-ли голова или нѣтъ?—вычеркнемъ это изъ ея показанія, но зато уже въ полной мѣрѣ воспользуемся тѣмъ, что въ этомъ показаніи имѣется несомнѣннаго. Она потому и не замѣтила головы, что на мѣстѣ, гдѣ приходилась голова, была „закинута пола азяма“, задѣланнаго за лямки котомки на спинѣ. На другой день, шестого—„пола азяма уже была откинута“ и она видитъ зіяющую рану; для нея становится несомнѣннымъ, что человѣкъ обезглавленъ. Теперь спраши-

вается: кто-же на протяженіи сутокъ, отдѣлявшихъ оба путешествія Головизниной, нашелъ возможнымъ заниматься туалетомъ распростертаго Матюнина? Не злой-же духъ Курбанъ, которому по предположенію обвинительной власти нищій былъ принесенъ въ жертву? Кто-же тотъ человѣкъ или тѣ люди, которые съ пятаго на шестое мая любопытствовали около Матюнина? Страннымъ представляется слѣдующее: за цѣлыя сутки никто изъ Чульинскихъ и Онькскихъ крестьянъ, кромѣ одной дѣвочки, не проходитъ болѣе этой тропой, хотя намъ извѣстно, что въ лѣтнюю пору именно по этой тропѣ сообщаются не только эти двѣ деревни, но ходятъ и на толчеи, и на мельницу Ѳомы Щербакова и въ починокъ Петровскій. И, вотъ, никто изъ мѣстныхъ жителей не объявляется видѣвшимъ трупъ на протяженіи трехъ сутокъ, т. е. до появленія полиціи, которая, какъ извѣстно, прибыла въ лицѣ урядника Соковникова лишь восьмого мая, а въ лицѣ пристава Тимофеева, составившаго первый офиціальный актъ о мѣстонахожденіи, одеждѣ и положеніи трупа, лишь десятаго мая.

Я дѣлаю слѣдующій выводъ: къ трупу въ теченіе всѣхъ этихъ дней подходили люди, но подходили, очевидно, не спроста, иначе бы объявили объ этомъ. Что касается до „туалета“ покойнаго, то на протяженіи этихъ пяти дней онъ претерпѣваетъ несомнѣнныя и поистинѣ загадочныя превращенія. Изъ разсказа Головизниной мы знаемъ, что кто-то накидываетъ и откидываетъ полу азяма. Урядникъ Соковниковъ и Сосипатръ Кобылинъ видятъ на трупѣ азямъ накинутымъ на плечи и лишь нѣсколько заправленнымъ за лямки. Въ актѣ (первомъ офиціальномъ актѣ, имѣющемся по дѣлу) г. пристава Тимофеева отъ 10-го мая мы уже читаемъ, что трупъ „одѣтъ въ зипунъ на рукавахъ“. Чтобы устранить эту бьющую въ глаза несообразность, вносимую въ планъ обвиненія первыми же шагами слѣдствія, г. товарищъ прокурора счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть въ рѣчи своей къ самымъ смѣлымъ и неожиданнымъ попыткамъ найти новый ключъ къ пониманію офиціальныхъ актовъ слѣдственнаго производства, и притомъ такому пониманію „навыворотъ“, чтобы читать въ нихъ именно то, чего они въ себѣ не содержатъ. Этимологія и грамматика оказались, однако, не столь покладистыми въ интересахъ проку-

рорской власти, какъ нѣкоторые свидѣтели, готовые отречься даже отъ того, что они сами же удостовѣряли ранѣе на предварительномъ слѣдствіи, и въ актѣ г. Тимофеева, по русски—мы все же, худо ли хорошо,—читаемъ, что зипунъ былъ одѣтъ на рукава.

Всѣ эти мелочи обстановки и одежды трупа для насъ важны, чтобы наглядно доказать вамъ, какъ на протяженіи съ пятаго по десятое мая трупъ, находясь внѣ всякой офиціальной охраны, былъ доступенъ каждому для всевозможныхъ манипуляцій. Если обвиненіе серьезно допускаетъ, что среди бѣлаго дня сперва по большой дорогѣ, а затѣмъ тропою мултанскіе вотяки на протяженіи нѣсколькихъ верстъ могли безнаказанно транспортировать обезглавленный трупъ по чужой землѣ, то я спрашиваю: какое серьезное возраженіе можетъ противопоставить г. обвинитель нашему предположенію, что кому либо изъ окрестныхъ, мѣстныхъ жителей было все время (пять дней) и удобство продѣлать надъ трупомъ рѣшительно все, что было угодно? При такой постановкѣ вопроса получаетъ значительную долю вѣроятія и то предположеніе, что Головизнина пятаго видѣла Матюнина съ головой и что онъ былъ обезглавленъ лишь съ пятаго на шестое. Послѣ того съ седьмого на восьмое Соковниковъ и Кобылинъ уже видятъ кругомъ „траву притоптанною“,—а этого признака не чѣмъ инымъ, какъ именно присутствіемъ около самаго трупа не объявившихся на слѣдствіи людей, мы объяснить не можемъ.

Ставить на мѣсто гипотезы обвиненія — что это „дѣло вотяковъ“—свою собственную гипотезу мы вовсе не призваны. Но какъ не замѣтить, что при подобныхъ условіяхъ была полная возможность поддѣлать трупъ такъ, чтобы затѣмъ валить вину на вотяковъ.

Человѣческій умъ такъ устроенъ, что во слѣдъ за устарѣлой формулой физическаго закона, тоже—„боится пустоты“. И въ самомъ дѣлѣ только сильный умъ можетъ сказать себѣ сознательно: „не знаю“ и поставить точку. Собственно говоря, такую точку должны поставить и вы. Васъ будутъ спрашивать не о томъ: „кто убилъ Матюнина?“ — для этого нужно было бы начать все предварительное слѣдствіе заново. Васъ будутъ только спрашивать: не убили ли вотъ

эти, что сидятъ у меня за спиной? И для того, чтобы сознательно отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ вамъ напомнить двѣ возможныя диллемы, на которыя были отчасти намеки съ одной стороны въ экспертизѣ этнографа г. Верещагина, съ другой въ экспертизѣ судебнаго врача г. Минкевича, производившаго вскрытіе трупа.

Г. Верещагинъ тотъ прямо допускаетъ убійство какимъ-либо суевѣрнымъ изувѣромъ Матюшина во время его припадочныхъ судорогъ на дорогѣ. Существуетъ (и у русскихъ крестьянъ) повѣріе, что если отсѣчь голову у человѣка во время агоніи, эпидемія прекратится И въ Онькѣ и въ Чульѣ, гораздо сильнѣе нежели въ Мултанѣ, гдѣ собственно эпидеміи не было, въ тотъ годъ свирѣпствовалъ тифъ. Экспертъ г. Минкевичъ съ точки зрѣнія медицинской возможности не отрицаетъ подобнаго же обезглавленія. Но повторяю — все это только предположенія, едва ли для васъ нужныя и полезныя. Это—гаданіе.

Вернемся къ фактамъ. Вернемся къ трупу, все еще лежащему на болотной тропѣ, и не уйдемъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не исчерпаемъ до конца нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ указаній, таящихся на немъ самомъ. По странной и неисповѣдимой игрѣ судьбы въ настоящемъ дѣлѣ всѣ усилія обвиненія и предварительнаго слѣдствія были какъ разъ обратны: оставить трупъ въ забвеніи и забросѣ, уйти подальше отъ него, и все свое вниманіе сосредоточить на Мултанѣ. Не въ этомъ ли таится коренная и увы! — для участи подсудимыхъ — роковая ошибка всего настоящаго дѣла? Соберемъ же немногія драгоцѣнныя крупицы, не въ конецъ утраченныя предварительнымъ слѣдствіемъ. Ихъ немного, но онѣ очень цѣнны.

Извлечемъ все, что возможно изъ перваго офиціальнаго акта осмотра трупа на мѣстѣ. Относительно самаго мѣста, гдѣ найденъ трупъ, сказано кратко: „болотное мѣсто“. И на этомъ пока спасибо. Далѣе: „одѣтъ въ зипунъ на рукавахъ“— это уже намъ пригодилось. Еще: „внутри отверстія“ (отрѣза горла)—„масса запекшейся крови“, „ничего не видно — вынуты ли внутренности или нѣтъ“. Это очень, очень важно. Г. товарищъ прокурора, понявъ это, не даромъ пытался и на слѣдствіи, и въ своей рѣчи ослабить свидѣтельскими по-

казаніями значеніе этого положительнаго указанія въ официальномъ актѣ. Онъ прибѣгалъ къ особому этимологическому и грамматическому толкованію, подобно тому, какъ это уже было дѣлаемо съ выраженіемъ „одѣтъ въ зипунъ на рукавахъ“. Грамматика наука не столь точная, какъ, напримѣръ математика, но все же это „наука“, и нѣкоторыя ея основныя правила для всѣхъ обязательны Отъ фразы „масса запекшейся крови“ до „полнаго обезкровленія трупа“ все же останется пропасть, если даже въ угоду г. товарищу прокурора подъ словомъ „масса“ разумѣть не количество, т. е. обилие, а лишь в е щ е с т в о запекшейся крови И тогда смыслъ фразы останется тотъ, что за веществомъ запекшейся крови нельзя было черезъ отверстіе шеи разглядѣть, вынуты ли внутренности. И такъ в е щ е с т в о (пусть, вещество!) запекшейся крови и притомъ въ такомъ количествѣ, чтобы заполнить отверстіе, имѣется на лицо. Далѣе кромѣ нѣсколькихъ, „какъ бы пористыхъ“ на животѣ знаковъ, актъ отъ 10-го мая констатируетъ, что на тѣлѣ „нигдѣ болѣе никакихъ знаковъ“ не имѣется. Вы знаете, что потомъ, черезъ мѣсяцъ, когда вскрываютъ трупъ, находятъ уже „слѣды какъ бы подвѣшиванія“ на ногахъ. Но объ этомъ послѣ. Теперь же, чтобы исчерпать данныя перваго официальнаго акта осмотра трупа и мѣстности, гдѣ онъ найденъ, позвольте напомнить вамъ еще одну подробность. На томъ какъ разъ мѣстѣ, гдѣ приходилась шея убитаго—„въ грязи притоптаны пучки отрѣзанныхъ волосъ“. Извѣстно, что эти вьющіеся волосы именно съ головы убитаго Матюнина.

Объ этомъ обстоятельствѣ вы забыли, неправда-ли? Немудрено! Г. товарищъ прокурора такъ тщательно обходилъ его молчаніемъ въ своей рѣчи. Какъ будто этихъ предательскихъ волосъ вовсе не имѣлось? А между тѣмъ вдумайтесь только въ эту характерную подробность. Волосы не налипли вмѣстѣ съ кровью къ шеѣ покойнаго, они не пристали къ одеждѣ его, они попали сзади не случайно—нѣтъ, они цѣльнымъ отрѣзаннымъ клокомъ п р и с т а л и к ъ з е м л ѣ. Вы помните, что покойный носилъ волосы ниже плечъ; подъ однимъ плечомъ какъ разъ и найденъ этотъ клокъ. Что же это доказываетъ? Ужели ничего? Я думаю—все! Ему р ѣ з а л и г о л о в у з д ѣ с ь н а м ѣ с т ѣ и прядь

волосъ, придавленная его плечомъ, приходившимся къ землѣ, осталась уликою совершеннаго именно здѣсь преступленія. Иначе какъ объясните вы нахожденіе волосъ здѣсь? Ихъ принесли за нѣсколько верстъ вмѣстѣ съ трупомъ вотяки? Но даже по всеобъемлещему ритуалу г. эксперта Смирнова такая своеобразная подробность никакимъ религіознымъ требованіемъ объяснена быть не можетъ.

Но развѣ и другія подробности не говорятъ намъ, что Матюнинъ обезглавленъ тамъ, гдѣ его случайно застигли? Вспомните кошель на поясѣ, почти зажатый въ его рукѣ, вспомните котомку за плечами съ паспортомъ и удостовѣреніемъ больницы, гдѣ значится, что это именно такой-то „Матюнинъ“. Вѣдь если бы вотяки принесли его въ Мултанѣ въ жертву и раздѣвали тамъ донага, какъ предполагаетъ обвиненіе, имѣли бы они время, по крайней мѣрѣ, на то, чтобы заглянуть въ котомку, выбрать удостовѣренія о личности убитаго и уничтожить ихъ, чтобы тождество личности, по крайней мѣрѣ возможно позднѣе было обнаружено. Вѣдь они же совершали свое преступленіе „заранѣе обдуманно“,—это была бы такая естественная предосторожность. Или злой богъ Курбанъ, самъ доселѣ никѣмъ не удостовѣренный, требуетъ непремѣнно полицейскаго удостовѣренія о личности приносимой ему жертвы?

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ громоздить обвиненіе, минуя всѣ эти жизненныя, напрашивающіяся на размышленіе подробности, забывая о волосахъ, о зажатой въ рукѣ котомкѣ, о паспортахъ, доказывающихъ, что онъ обезглавленъ тамъ, гдѣ случайно застигнутъ, и именно въ томъ положеніи, какъ лежалъ. Но г. обвинитель стоитъ на другомъ: лапти у него оказались не въ грязи и слабо подвязанными—это доказываетъ, что онъ не шелъ по этой тропѣ, а былъ сюда перенесенъ мертвымъ. Этотъ аргументъ заслуживалъ бы самаго серьезнаго вниманія, еслибы кто-либо намъ удостовѣрилъ, что уже пятаго мая, т. е. въ самый первый день его появленія на тропѣ, лапти были дѣйствительно и совершенно сухи и вовсе слабо подвязаны. Но вѣдь ничего безспорнаго мы и по этому поводу въ дѣлѣ не находимъ. По показанію Головизниной она „не замѣтила“ приставшей грязи на лаптяхъ, и только; но она же удостовѣряетъ, что лапти должны были

быть мокры, такъ какъ носками они лежали прямо въ водѣ. Далѣе, по условіямъ болотной тропы, на которой былъ настланъ бревенникъ, дорога могла быть только мокрою, но отнюдь не грязною, такъ какъ, по указанію свидѣтелей, мѣсто было настоящее лѣсное болото, „мшистое“ и съ „мочевиной“; о какой же липкой, дорожной грязи здѣсь можетъ итти рѣчь? Далѣе, когда и чѣмъ установлено, что лапти какъ бы были сдвинуты, точно его пробовали тащить за ноги? Только актомъ 10-го мая пристава Тимофеева. Но вѣдь до того прошло пять дней. Что трупъ за это время и трогали и переодѣвали, это не подлежитъ сомнѣнію, это нами доказано. Конечно и лапти могли не остаться неприкосновенными.

Такимъ образомъ, не только ничто не исключаетъ возможности того, что Матюнинъ именно пятаго мая шелъ по этой тропѣ, здѣсь же упалъ въ припадкѣ падучей болѣзни, здѣсь же, можетъ быть, умеръ отъ удушенія въ припадкѣ болѣзни, и затѣмъ (на это указываетъ отсутствіе на верхнихъ частяхъ тѣла знаковъ насилія) уже мертвый или только въ состояніи „шока“, въ безсознательномъ состояніи былъ обезглавленъ, но, напротивъ, все наталкиваетъ на подобное предположеніе.

А экспертиза,—возразятъ мнѣ,—заключеніе слѣдующихъ лицъ, показанія трехъ уѣздныхъ врачей, которыхъ мы, сурово отклонивъ экспертизу двухъ профессоровъ судебной медицины, столь внимательно здѣсь выслушали?

Перехожу къ оцѣнкѣ выводовъ гг. уѣздныхъ врачей.

Ихъ было трое и они нѣсколько разошлись въ своихъ заключеніяхъ. Не могу не выдѣлить на первый и притомъ почетный планъ экспертизы г. Минкевича. Насколько несложная практика уѣзднаго врача позволила ему добросовѣстно оріентироваться въ настоящемъ исключительномъ спорномъ казусѣ, онъ попытался это сдѣлать. Двое другихъ гг. Крыловъ и Аристовъ обладаютъ гораздо большимъ научнымъ самомнѣніемъ, они въ своей области, пользуясь настоящимъ дѣломъ, пожелали открыть Америку, и открыли прижизненное обезкровленіе обезглавленнаго Матюнина путемъ подвѣшиванія его за ноги. Кстати по этому поводу отмѣтимъ маленькую подробность: вышина балки, на

которой предполагаютъ подвѣшиваніе, отъ земли два съ четвертью аршина; трупъ Матюнина безъ шеи и головы два аршина; кладите на голову и шею полторы четверти— окажется, что надо было гвоздями прибить подошвы Матюнина къ балкѣ, чтобы подсунуть чашку или корыто для собиранія крови, если же подвѣсить его на веревкѣ, какъ предполагало все время обвиненіе,—то Матюнинъ головою уперся бы въ землю и операція обезглавленія и собиранія крови стала бы уже совершенно невозможною.

Г. Минкевичъ выдвигаетъ нѣсколько судебно-медицинскихъ положеній, съ которыми мы могли-бы охотно согласиться, если-бы... если-бы самое вскрытіе трупа не имѣло мѣсто лишь спустя мѣсяцъ послѣ его нахожденія. Актъ вскрытія помѣченъ четвертымъ іюня 1893 года. Этимъ объясняются многія недомолвки г. Минкевича, вскрывавшаго трупъ, „хорошо сохранившійся въ снѣгу“, но все-же далеко уже не свѣжій. Совершенно случайно нѣкоторые свидѣтели обронили намъ кое-что и по этому поводу. Послѣ акта десятаго мая пристава Тимофеева, официальныя свѣдѣнія переносятъ насъ непосредственно къ четвертому іюня, когда трупъ Матютина (наконецъ-то, слава Богу!) поступилъ въ законное обладаніе судебной власти. Но гдѣ-же онъ находился весь этотъ мѣсяцъ? Отчасти странствовалъ и даже претерпѣвалъ невзгоды. Это мы узнали случайно. Ни актовъ, ни протоколовъ по этому поводу не имѣется. Прежде всего полиція для чего-то перенесла его съ Чулынской на Мултанскую землю; развѣ только для неослабнаго символическаго внушенія: „твоя отъ твоихъ“!.. Въ тѣнистомъ мѣстѣ вырыли яму, на дно насыпали немного снѣгу (такъ заочно училъ въ подобныхъ случаяхъ поступать уѣздный врачъ,—не разорваться ему на весь уѣздъ!) и положили безголоваго Матюнина.

По схемѣ обвиненія выходило, что здѣсь подъ охраною строгаго сельскаго караула трупъ и пролежалъ до прибытія слѣдователя и врача т. е. до четвертаго іюня. Но кое-кто изъ свидѣтелей мужичковъ—православныхъ, что „спроста“ называется, сболтнулъ на судѣ. Сболтнули, будто трупъ „тѣмъ временемъ“ сталъ попахивать. Когда это замѣтили, урядникъ Соковниковъ „сказалъ кому-то“, чтобы яму открыли и еще подкинули снѣгу. Открыли и подкинули Однако, кто именно открывалъ и под-

кидывалъ—неизвѣстно. „Всѣмъ міромъ—вообще.“ Урядникъ Соковниковъ вовсе это отрицаетъ и даже на очной ставкѣ остался при своемъ, не сморгнувъ глазомъ. Узнали мы и еще кое-что о трупѣ. Яма была застлана досками, а наверху досокъ былъ слой земли насыпанъ. „Дощечка, вишь, подломилась“—земля и посыпалась. Тогда уже безъ всякаго приказа урядника яму раскрыли, трупъ вынимали, и „маненичко потничкомъ поочистили“. Потомъ опять „честь честью“ въ яму обратно положили. И въ первомъ и во второмъ случаѣ насколько это доступно крестьянскому носу, не то чтобы сильно разило, а все-таки „духъ былъ“. Вотъ что мы знаемъ о трупѣ до момента вскрытія его. Прибавьте къ этому предшествующее пятидневное лежаніе его на дорогѣ на „вольномъ воздухѣ“ и вы будете достаточно вооружены противъ нѣкоторыхъ доводовъ г-на Минкевича, основанныхъ, исключительно, на отрицаніи и самомалѣйшихъ признаковъ гнилостнаго разложенія въ „хорошо“ сохраненномъ трупѣ Матюнина.

Если сдѣлать эту оговорку, то затѣмъ уже можно принять хотя бы и цѣликомъ экспертизу г. Минкевича. Для насъ отъ этого не послѣдуетъ никакого вреда.

Слѣды отъ прижизненныхъ уколовъ на животѣ отрицаютъ единогласно всѣ три эксперта. За слѣды уколовъ, но уже совершенно безнадежно, держится одинъ только г. товарищъ прокурора, и то затѣмъ, чтобы не дискредитировать показанія важнаго свидѣтеля обвиненія. Вспомните показаніе арестанта Головы, онъ прямо говоритъ: „кололи ножами и кровь цѣдили въ чашечки“.

Далѣе всѣ три эксперта согласны еще въ одномъ: что судя по ровности краевъ отрѣза, голова была отнята разомъ однимъ круговымъ обрѣзомъ, и судя по кровяному (кровоподтечному) цвѣту поверхности отрѣза, это было сдѣлано прижизненно.

На этомъ пока и остановимся. Даже въ предѣлахъ данной экспертизы обвиненіемъ еще ровно ничего не доказано. Какъ общее правило, кровоподтеки въ мѣстахъ отрѣза дѣйствительно могутъ свидѣтельствовать о прижизненности отрѣза. Но, во-первыхъ, какъ свидѣтельствуетъ Касперъ, возможны и исключенія, т. е. такіе же кровоподтеки наблюдаются иногда

и въ посмертныхъ отрѣзахъ, и, во-вторыхъ, гипостазы, т. е посмертные кровоподтеки по наружному виду ничѣмъ не отличаются отъ прижизненныхъ; ихъ можно отличить лишь путемъ хотя бы простѣйшаго изслѣдованія, путемъ орошенія и промыванія, рекомендуемаго, напримѣръ, экспертомъ Крыловымъ, но даже и этотъ способъ изслѣдованія въ данномъ случаѣ примѣненъ не былъ. Имѣя затѣмъ въ виду, что протоколъ вскрытія даетъ намъ лишь описаніе цвѣта самаго мѣста отрѣза, говорить вообще о кровоподтекахъ—произвольно. Самъ г. Минкевичъ по памяти лишь четыре года спустя припоминаетъ кровоподтечность въ самой толщѣ отрѣза, въ актѣ-же, составленномъ на мѣстѣ, объ этомъ ничего не говорится.

Если это такъ, и если допустить при этомъ извѣстное состояніе гнилостности трупа хотя бы въ мѣстѣ отрѣза, тогда краснота и самая ровность и гладкость отрѣза явятся уже сами по себѣ понятными. Это будутъ явленія равномѣрнаго посмертнаго загниванія краевъ, тѣмъ болѣе понятныя, что ровность и гладкость прижизненнаго отрѣза всей толщи шеи мнѣ вообще представляется недопустимой. Обязательно отрѣзъ будетъ бугристый и неровный, такъ какъ если отнять голову при жизни, то всѣ неравномѣрно напряженные мускулы ослабнутъ и никогда не дадутъ картины гладко-полированнаго отрѣза. Иное дѣло, когда рѣжутъ мясо, т. е. уже мертвое тѣло, обрѣзъ дѣйствительно получается правильный и ровный. Но пускай даже,—такъ угодно обвиненію—обрѣзъ головы будетъ прижизненнымъ, это еще ни въ чемъ ровно не умаляетъ шансовъ защиты. Если допустить, что Матюнина въ состояніи безсознательности и обморока, что называется, „дорѣзали“, несомнѣнно останется картина явленій прижизненнаго отрѣза, на чемъ настаиваютъ гг. эксперты.

Далѣе гг. эксперты уже совершенно расходятся. Г. Минкевичъ безусловно отступается отъ предположенія о жертвоприношеніи путемъ искусственнаго обезкровленія, господа-же эксперты Крыловъ и Аристовъ вѣшаютъ несчастнаго Матюнина за ноги, отрѣзываютъ у него, уже подвѣшаннаго, голову, и, въ угоду обвиненію, опорожниваютъ ее до дна на подобіе откупоренной бутылки.

Все это, однако, не такъ хитро и страшно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, гг. присяжные засѣдатели.

Не смущайтесь ни „имбибіаціями“, ни „гипостазами“ г. Крылова, ни кабинетными опытами, продѣланными уже послѣ второго разбирательства дѣла г Аристовымъ. Въ концѣ концовъ вы судьи и надъ экспертами, такъ какъ экспертиза есть лишь одинъ изъ видовъ судебныхъ доказательствъ, подлежащихъ вашей окончательной судейской провѣркѣ. Насколько сумѣю, помогу вамъ разобраться и съ этимъ матеріаломъ. Весь сыръ боръ съ „обезкровленіемъ“ загорѣлся изъ-за того, что по протоколу вскрытія трупъ значится „весьма малокровнымъ“. На ногахъ найдены были „какъ бы подтеки“, это подало поводъ допустить подвѣшиваніе за ноги, а такъ какъ, судя „по предварительнымъ свѣдѣніямъ“, включеннымъ слѣдователемъ въ самый актъ осмотра, легенда о вотскомъ жертвоприношеніи была къ тому времени уже готова, то и получилась экспертиза, поддерживаемая и теперь гг. экспертами Аристовымъ и Крыловымъ и заключающаяся въ томъ, что Матюнина искусственно обезкровили, предварительно отрѣзавъ голову и подвѣсивъ за ноги.

По счастью единственно цѣнный для насъ экспертъ, какъ непосредственно самъ производившій вскрытіе, г. Минкевичъ отъ такой экспертизы отрекся и всячески самъ отъ нея открещивается. Онъ объясняетъ все дѣло гораздо проще: во-первыхъ, о „полномъ обезкровленіи“ при жизни не можетъ быть вовсе рѣчи, такъ какъ по акту пристава Тимофеева, какъ никакъ, въ грудной полости значится „масса запекшейся крови“. Если этой запекшейся крови не оказалось при вскрытіи, то, имѣя въ виду небрежный способъ храненія трупа, неоднократный его переносъ, чистку вѣникомъ и прочее, г. Минкевичъ допускаетъ нынѣ, что комки запекшейся крови легко могли быть утрачены. Ему, какъ мѣстному уѣздному врачу, знающему хорошо полицейскіе и деревенскіе пріемы храненія „вещественныхъ доказательствъ“, разумѣется, и книги въ руки. Во-вторыхъ, малокровность тканей всего трупа онъ объясняетъ и извѣстною степенью гнилостнаго его состоянія, причемъ тѣмъ болѣе охотно дѣлаетъ намъ эту уступку, что самъ своими глазами видѣлъ трупъ и ощупывалъ его своими собственными руками, чего не могли сдѣлать ни г. Аристовъ, ни г. Крыловъ, довольствующіеся только протоколомъ вскрытія того-же г. Минкевича. Въ третьихъ, г. Минкевичъ, по-

ложительно отрицаетъ слѣды какого-либо подвѣшиванія на ногахъ; на голеняхъ онъ нашелъ лишь кровоподтеки, которые скорѣе свидѣтельствуютъ о томъ, что Матюнина могли держать за ноги, съ извѣстнымъ насиліемъ, если онъ находился въ лежачемъ положеніи. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи насиліе это могло имѣть мѣсто при всякомъ убійствѣ, а не съ цѣлью жертвоприношенія, ибо ритуалъ, установленный обвиненіемъ, требуетъ непремѣнно подвѣшиванія.

Но возвратимся къ явленію обезкровленія. Слушая экспертовъ гг. Крылова и Аристова, можно было подумать, что вся наша кровеносная система есть простая система водопроводныхъ трубъ: стоитъ только открыть кранъ и кровь потечетъ, пока не вытечетъ до послѣдней капли. Однако-же мы знаемъ, что это совсѣмъ не такъ. Найдите вашъ пульсъ и вы убѣдитесь, что кровь идетъ по артеріямъ толчками, а не катится ровною струею. Движеніе ея зависитъ прежде всего отъ дѣятельности сердца, а также и отъ живой, эластичной подвижности самыхъ проводниковъ. Если дана задача возможно полнѣе обезкровить человѣка или животное, это вовсе не значитъ: рѣжь голову и опрокидывай вверхъ ногами. И при подобной, хотя и весьма энергической операціи, если дѣятельность сердца сразу остановится, крови вытечетъ очень небольшое количество, такъ какъ, повторяю снова, самое движеніе ея, и стало быть и истеченіе обусловливается не чѣмъ инымъ, какъ работою сердца, подобной работѣ насоса. Стало быть обезкровленіе, и притомъ полное, зависитъ только отъ двухъ условій: первое—надо, чтобы былъ разрѣзъ, т. е. отверстіе, откуда кровь могла-бы вытекать, и второе—надо, чтобы при этомъ возможно долѣе сердце продолжало работать. Оставьте человѣка въ такомъ положеніи и онъ истечетъ кровью, хотя-бы его никто не подвѣшивалъ за ноги. Думаю, наоборотъ, что вертикальное положеніе, прямо противоположное нормальному положенію нашего организма, можетъ только способствовать моментальному прекращенію дѣятельности сердца.

Теперь припомните положеніе, въ которомъ на тропѣ находился трупъ Матюнина въ первый день, когда его видѣла Головизнина. Ноги его лежали выше, чѣмъ было мѣсто,

гдѣ приходилась голова. Если допустить, что онъ былъ зарѣзанъ или „прирѣзанъ“ именно здѣсь, то получится полная возможность „прижизненнаго обезкровленія“. на которой настаиваютъ гг. эксперты Крыловъ и Аристовъ, если допустить, конечно, то-же, что они обязаны допустить и въ первомъ случаѣ, т. е. что послѣ перваго пораненія сердце нѣкоторое время еще продолжало работать. Но если такъ, куда-же дѣвалась кровь? Ея не нашли здѣсь, на мѣстѣ. На этомъ очень настаиваетъ обвинительная власть.

Посмотримъ, такъ-ли? На воротѣ рубахи кровь оказалась, и ее оказалось ровно столько, сколько должно было оказаться при условіи отсѣченія свѣсившейся внизъ головы. На азямѣ кровь также нашлась. Но этого мало. На томъ-же азямѣ нашлось и нѣчто другое, что, равнымъ образомъ, должно навести насъ на размышленія. По протоколу пристава Тимофеева оказывается, что на полѣ азяма замѣченъ какъ-бы слѣдъ отъ обтиранія окровавленной руки. Не есть-ли это опять-таки указаніе на то, что убійство совершено именно здѣсь и что убійца второпяхъ обтиралъ свою окровавленную руку. Если-бы убійство было методичнымъ жертвоприношеніемъ, сопровождавшимся раздѣваніемъ донага Матюнина, подобнаго слѣда никакъ не получилось-бы. Палачъ или рѣзецъ могъ-бы, не торопясь, омыть свои руки въ самомъ шалашѣ. Что касается до предположенія, что на самомъ мѣстѣ, гдѣ найденъ лежащимъ Матюнинъ, должны-бы остаться цѣлыя лужи крови, если-бы онъ былъ убитъ на этомъ мѣстѣ, то объ этомъ стоитъ поговорить.

Мы уже нѣсколько разъ воспроизводили условія мѣстности, гдѣ былъ найденъ Матюнинъ. Къ сожалѣнію, мы должны довольствоваться только свидѣтельскими показаніями. Въ актѣ пристава Тимофеева сказано весьма кратко: „болотное мѣсто“. Судебный слѣдователь надумалъ осмотрѣть мѣстность и, единственно со словъ земскаго начальника, г. Львовскаго, нанести на планъ, отрицаемую подсудимыми „лѣтнюю“ тропинку на мултанскую дорогу, лишь въ январѣ 1893 года. Стояла глубокая зима, болото было сковано льдомъ и устлано снѣгомъ,—протоколъ явился, такимъ образомъ, „пѣвцомъ зимой погоды лѣтней“. Изъ этого протокола, при всемъ желаніи, мы ровно ничего извлечь не

можемъ. Посмотримъ, что говорятъ на этотъ счетъ свидѣтели: Головизнина, Кобылина и даже урядникъ Соковниковъ? Матюнинъ лежалъ поперекъ тропки, на самыхъ бревешкахъ, которыя были далеко короче его собственнаго роста. Отрѣзъ приходился на самомъ болотѣ, тамъ, гдѣ была „мочевина“, т. е. сплошное топкое мѣсто, а по показанію Головизниной,—тутъ были и проточные ключи. Можно-ли, при такихъ условіяхъ, найти, спустя пять дней, „лужи крови“, —предоставляю судить вашей собственной прозорливости. Искать „крови“ въ проточной, текучей водѣ, не то-же-ли самое, что искать вѣтра въ полѣ?

Останься предварительное слѣдствіе подольше на мѣстѣ у трупа, многое-бы намъ еще могло пригодиться; пригодились-бы, пожалуй, и тѣ щепки съ кровавыми каплями, которыя подбирали на тропѣ вотяки и которыя приставъ тутъ-же выкидывалъ въ воду, „убѣдившись“, что это „вовсе“ не кровь. Но вы на этомъ-же дѣлѣ убѣдились, какъ трудно по одному наружному виду отличать кровяныя пятна. На пестеряхъ Моисея Дмитріева приставъ и урядники нашли кровь; по изслѣдованію оказалось, что это ягодный сокъ. Такъ-же легко было ошибиться и въ обратную сторону. И чему могли помѣшать эти несчастныя щепки, если-бы онѣ были здѣсь въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ? Но ихъ нѣтъ, и г. товарищъ прокурора негодуетъ и вотякамъ-же ставитъ находчиво въ улику: они, дескать, хотѣли „сбить съ толку власти“, они чуть-ли не противодѣйствовали правосудію. Какъ видите и до этого можно договориться!

Искусственное вскрытіе полости спины до пятаго позвонка включительно и вынутіе внутренностей, несомнѣнно, послѣдовало спустя нѣкоторое время послѣ обезглавленія. Это было уже продѣлано надъ мертвымъ. Доказывается это аргументаціею самой-же экспертизы. Если кровавый цвѣтъ отрѣза шеи свидѣтельствуетъ, по ея мнѣнію, о прижизненности отрѣза, то о чемъ должна свидѣтельствовать безцвѣтность такихъ же отрѣзовъ, но только на спинныхъ мускулахъ? Очевидно, о неодновременности той и другой операціи. Когда-же могла совершиться эта послѣдняя операція? Эксперты заключаютъ, что „вскорѣ“ и основываютъ это заключеніе на слѣдующемъ единственномъ аргументѣ. Для

вынутія „въ цѣломъ видѣ“ сердца и поочередно обоихъ легкихъ понадобилось-бы, послѣ отсепарованія кожи спины и прорубанія отверстія въ ребрахъ и позвоночникѣ, значительно раздать ребра, а вмѣстѣ оттянуть и кожу. Если-бы это было сдѣлано уже въ періодъ трупнаго окоченѣнія, то кожа, потерявъ эластичность, не сократилась-бы вновь, и не приняла-бы прежняго своего вида. Но все это заключеніе покоится на положеніи, что сердце и легкія непремѣнно нужно было достать въ цѣломъ видѣ. Это одно только и дѣлало обязательнымъ растягиваніе отверстія Но кто-же намъ сказалъ, что для того, кто этимъ дѣломъ занялся, именно это, а не иное было нужно?

На мой вопросъ эксперты удостовѣрили, что если не дорожить цѣлостью внутреннихъ органовъ, то ихъ можно было достать по частямъ, ни мало не увеличивая и безъ того достаточнаго отверстія и не оттягивая кожи. Для того, кто преслѣдовалъ только одну задачу опустошить грудную полость, не заботясь вовсе о содержимомъ, ту-же операцію возможно было продѣлать когда угодно и въ самый день смерти, и черезъ десять дней. Что и требовалось доказать.

Теперь еще одна маленькая оперативная подробность, наводящая, однако, на большія размышленія. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы вотяки при своихъ жертвоприношеніяхъ берегли кожу или шкуру животнаго. Да и мудрено хранить ея цѣлость, когда обязательно отрѣзывается голова Относительно человѣческихъ жертвоприношеній въ доисторическія времена есть, наоборотъ, указанія, что прежде всего сдиралась кожа. Даже для г. Смирнова не совсѣмъ понятна сложная предосторожность даннаго случая, когда то, что нужно для жертвоприношенія, какъ-бы ворується и вынимается тайкомъ. Пожалуй, и самъ Киреметь не потерпѣлъ-бы такого двуличія! Разъ рѣзали голову, что ужъ тутъ жалѣть кожу груди или спины для того, чтобы извлечь внутренности. Ритуалъ жертвоприношенія допущенному въ данномъ случаѣ пріему прямо противорѣчитъ. Сохраненіемъ цѣлости кожи спины, глазъ начальства, равнымъ образомъ, отвести невозможно, ибо трупъ, во всякомъ случаѣ изуродованъ, вскрывать его обязательно станутъ. Для вотяковъ.

если ужъ они приносили жертву, подобная маскировка прямая безсмыслица и даже своего рода кощунство.

Гдѣ-же разгадка? Кому нужна была подобная, *видимая цѣлость кожи* спины? Отвѣтъ, полагаю, можетъ быть только одинъ: тому, кто зналъ, что трупъ уже видѣли ранѣе (урядникъ и понятые его раздѣвали) съ цѣлою спиною, и кто желалъ извлечь внутренности такимъ путемъ, чтобы можно было полагать, что эти внутренности уже ранѣе, до наружнаго осмотра были извлечены. Мнѣ кажется, я не ошибаюсь. При этомъ припомните неожиданную подробность въ туалетѣ Матюнина, по акту пристава Тимофеева отъ десятаго мая. Трупъ оказывается вдругъ одѣтымъ „въ азямъ на рукавахъ“. Если сообразить, что отъ вырубленныхъ позвонковъ, частей реберъ и ключицъ вся фигура убитаго должна была расхлябаться и измѣниться, то и эта туалетная подробность, направленная къ сохраненію, по крайней мѣрѣ, цѣлости фигуры покойнаго, найдетъ свое объясненіе

Нужно-ли мнѣ продолжать, гг. присяжные засѣдатели? Не становится-ли для васъ яснымъ то, что для меня уже ясно давно. Вотскаго жертвоприношенія я не вижу. Его— нѣтъ! Но за то я вижу нѣчто другое: какая-то *сложная поддѣлка* подъ что-то хитросплетенное, но смутное въ представленіи самихъ виновниковъ, если не убійства, то обезглавленія и опустошенія грудной клѣтки несчастнаго Матюнина. Вотъ заключеніе, къ которому насъ приводитъ подробное изслѣдованіе трупа и самое мѣсто его нахожденія, а какимъ образомъ слѣдствіе непосредственно оттуда перекинулось прямо въ Мултанъ и уже не вышло оттуда, это должно составить послѣдующую часть моей къ вамъ рѣчи.

Прежде всего: существуютъ-ли вообще у вотяковъ человѣческія жертвоприношенія? Я знаю одного ученаго, который уйдетъ изъ этой залы засѣданія вполнѣ убѣжденный въ томъ, что существуютъ. Этотъ ученый профессоръ исторіи казанскаго университета и вмѣстѣ нашъ экспертъ г. Смирновъ. До настоящаго дѣла онъ сомнѣвался: у него было въ распоряженіи лишь три литературныхъ указанія по этому предмету, но и тѣ относятся къ давнему времени. Убѣдило его мултанское дѣло и еще нѣкоторыя послѣдующія „свѣдѣнія“, собранныя по поводу этого-же дѣла. Это

измѣнило и поколебало даже его принципіальный взглядъ на явленія, такъ называемыхъ, историческихъ „переживаній". Изъ его собственныхъ сочиненій я почерпнулъ, что „переживаніе",—уцѣлѣвшая форма, когда духъ уже отлетѣлъ. Это своего рода окаменѣлыя древности, или скелетъ допотопнаго мамонта, по которымъ мы судимъ о томъ, что было, но чего уже нѣтъ. Оказывается, впрочемъ, что я не совсѣмъ правильно понялъ профессора. Теперь въ его глазахъ „переживаніе" это своего рода „доисторическая отрыжка", возникающая реально, заново, во всей своей плоти и крови. Такъ какъ, по его образному опредѣленію, принесеніе въ жертву живыхъ существъ богамъ—есть, въ сущности, „трапеза боговъ вмѣстѣ съ людьми", ибо богу отдается лишь лучшая часть жертвы, а остальное съѣдается людьми, то, по его-же формулѣ, настоящее мултанское дѣло, есть какъ-бы непосредственный ростокъ каннибализма, т. е. ростокъ тѣхъ временъ, когда еще люди спокойно поѣдали другъ друга.

Вы видите, какое усиліе воображенія мы должны сдѣлать, чтобы перенестись въ глубь исторіи, далеко назадъ, въ область мрака и невѣжества... Но мы съ вами люди не ученые, намъ даже страшно заглянуть въ такую глубину. Едва-ли, впрочемъ, къ тому представится и серьезная надобность, такъ какъ, въ концѣ концовъ, весь фактическій матеріалъ, послужившій основаніемъ для выводовъ г. профессора, почерпнуть имъ все-таки здѣсь, изъ того-же мултанскаго дѣла, которое мы имѣемъ право всесторонне и безъ указаній г. профессора обсуждать и судить

Разъ на основаніи показаній такихъ свидѣтелей, какъ гг. Новицкій, Львовскій, Рагозинъ и другіе, экспертъ строитъ цѣлый научный выводъ, мы не только въ правѣ, мы просто обязаны пойти своею дорогою, пожелавъ на будущее время и большей проницательности и большей осторожности въ оцѣнкѣ явленій живой дѣйствительности ученому профессору. Только органическою близорукостью спеціалиста-ученаго къ живымъ явленіямъ, прошедшимъ передъ нами, я объясняю себѣ „ужасную" экспертизу г. Смирнова о наличности человѣческаго жертвоприношенія въ настоящемъ дѣлѣ.

Прежде всего я обязанъ вамъ заявить, что за все время нахо-

жденія вотской народности въ составѣ русскаго государства ни судебнымъ, ни административнымъ порядкомъ ни разу не былъ еще офиціально констатированъ хотя бы одинъ случай человѣческаго жертвоприношенія. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго духовенство преслѣдовало вотяковъ за принесеніе въ жертву животныхъ, по этому поводу возбуждались дѣла; но и въ то время, какъ это видно, между прочимъ, изъ представленнаго нами къ дѣлу ученаго сообщенія въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, не было и намека на человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Оказывается, такимъ образомъ, что лишь въ концѣ нынѣшняго вѣка вамъ предстоитъ открыть своего рода Америку: впервые офиціально признать, что у вотяковъ дѣйствительно существуетъ кровавая человѣческая жертва. На помощь идутъ, правда, еще повсюду циркулирующіе „слухи“, особенно расправившіе крылья по поводу Мултанскаго дѣла, но слухи, „неизвѣстно откуда исходящіе“ (это вамъ скажетъ даже г. предсѣдатель), не составляютъ вовсе судебнаго матеріала. Притомъ же, какъ это видно изъ статьи г. Магницкаго, на которую намъ разрѣшено ссылаться, самое происхожденіе подобнаго рода слуховъ, издавна циркулирующихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ вотяки, достойно быть само предметомъ научно-бытоваго изслѣдованія По указанію почтеннаго этнографа г. Магницкаго легенды о вотскихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ особенно пришлись на руку нѣкоторымъ становымъ и исправникамъ добраго стараго времени, которыхъ народъ мѣтко прозвалъ „живоглотами“. Одинъ изъ такихъ живоглотовъ, по словамъ того-же г. Магницкаго, невозбранно срывалъ огромные куши съ вотяковъ, затѣвая при помощи своихъ писарей, разсыльныхъ и другихъ подставныхъ лицъ „дѣла“ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Нужно-ли добавлять, что все это были искусственно создаваемыя „дѣла“, имѣвшія своей подкладкой явное вымогательство.

Показаніе свидѣтеля, священника Якимова, какъ-бы воочію подтверждаетъ правильность нашей исторической справки. Онъ самъ былъ „депутатомъ“ отъ духовнаго вѣ-

домства по двумъ дѣламъ, очевидно, возникшимъ на той-же почвѣ. Въ одномъ случаѣ, лишенный правъ вотякъ, отбывшій арестантскія роты и не принятый въ прежнее общество, донесъ на вотяковъ-односельцевъ, что его хотѣли „замолить". Донесеніе было вполнѣ голословно, тѣмъ не менѣе нарядили слѣдствіе, давшее поводъ исправнику и слѣдователю благополучно получить весьма крупныя взятки съ оговоренныхъ вотяковъ. Другой разсказанный тѣмъ же священникомъ случай, окончившійся столь же крупной взяткой, вызванъ былъ опять-таки совершенно голословнымъ заявленіемъ какого-то вотяка о томъ, что его „хотѣли односельцы молить". Заявленіе было сдѣлано мѣстному священнику, который и поднялъ „дѣло". Когда пріѣхали власти, вотякъ отъ всего отперся и сослался даже на то, что онъ ничего не помнитъ, такъ какъ въ то время страдалъ бѣлою горячкою. Вотъ по поводу этого-то случая свидѣтель священникъ Якимовъ, только замѣчаетъ: „едва-ли священникъ не отличилъ бы бредъ бѣлогорячешнаго отъ здравомыслящаго заявленія". Но г. товарищъ прокурора въ обвинительномъ актѣ влагаетъ въ уста этого свидѣтеля уже цѣлую сентенцію, полную обобщеній и язвительности и притомъ по адресу... (неправда-ли, неожиданно?) вотяковъ. При прежнихъ-де судебныхъ порядкахъ дѣла о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ кончались всегда взятками, но священникъ Якимовъ вынесъ, однако же, полное убѣжденіе въ существованіи подобныхъ жертвоприношеній.

Къ сожалѣнію, священникъ Якимовъ на судъ не явился, мы не имѣли потому возможности съ надлежащею полнотою и опредѣлительностью возстановить всѣ его этнографическія воззрѣнія на предметъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы считаемъ своимъ долгомъ удостовѣрить передъ вами, что прочтенное здѣсь показаніе этого свидѣтеля не содержитъ въ себѣ того, что пріурочено къ нему вполнѣ произвольно обвинительнымъ актомъ. На нашъ же взглядъ самое существо фактическихъ указаній, даваемыхъ намъ священникомъ Якимовымъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ, уже цитированный нами взглядъ г. Магницкаго на всѣ прежнія дѣла такого рода. И тутъ мы видимъ, что на почвѣ „теоріи вѣроятности", основанной на слухахъ о вотскихъ жертво-

приношеніяхъ, сводились, во-первыхъ, всевозможные личные счеты съ вотяками, а во-вторыхъ, что, на основаніи простыхъ, голословныхъ заявленій подобнаго сорта „дѣла“ неукоснительно возникали и если умирали затѣмъ естественною своею смертью, то лишь послѣ того, когда надлежащая „взятка“ была даваема всѣмъ тѣмъ, кто на нее имѣлъ право. Въ недоброе старое время въ этомъ и заключался е с т е с т в е н н ы й, т. е. нормальный, порядокъ теченія судебно-административныхъ дѣлъ. Было-бы странно для вотяковъ ждать исключенія.

Однако, намъ возражаютъ указаніемъ не на слухи только, но и на живыхъ свидѣтелей Мы слышали здѣсь гг. Иванцова, Рагозина, Львовскаго, Новицкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Не вѣрить имъ, по мнѣнію обвинителя, нѣтъ уже рѣшительно никакого основанія: они давали показанія подъ присягой. Прекрасно. Мы и не думаемъ заподозрѣвать ихъ въ клятвопреступленіи, но мы желаемъ и должны дать себѣ точный и ясный отчетъ въ ихъ разсказахъ „по существу“, т. е. въ доказательномъ значеніи этихъ разсказовъ, принятыхъ пока на вѣру.

Начнемъ со стапятилѣтняго, бѣлаго какъ лунь, старца Иванцова, отъ дряхлости возсѣвшаго здѣсь посреди залы съ видомъ „вѣщаго баяна“, поющаго вамъ о сѣдой старинѣ. Разсказъ его относится ко времени за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Откуда и какимъ образомъ добытъ слѣдствіемъ этотъ столѣтній старецъ, которому въ пору поистинѣ только „спокойно умереть“, мы не знаемъ. Мы видѣли и слышали его всего лишь на протяженіи нѣсколькихъ минутъ и даже не можемъ опредѣленно судить, не имѣемъ-ли мы въ лицѣ Иванцова дѣло съ совершенно уже выжившимъ изъ ума по дряхлости лѣтъ старцемъ, такъ какъ, кромѣ „удивительнаго“ разсказа о вотякахъ, мы ничего отъ него не добились. Разсказъ-же самъ по себѣ—поистинѣ „удивителенъ“. Дѣло, выходитъ, было. такъ. Онъ съ женою, свояченицею, золовкою и подросткомъ племянникомъ проѣзжалъ какъ-то въ телѣгѣ вотскою деревнею. Вдругъ за околицею ихъ останавливаетъ цѣлая толпа вотяковъ и требуетъ выдачи парня племянника, желая его „замолить“, т. е. принести въ жертву. Бабы, испугавшись, разбѣгаются, а онъ съ племянникомъ „вырываются“ и ѣдутъ домой.

Я васъ спрашиваю, правдоподобенъ-ли подобный разсказъ? На глазахъ пяти постороннихъ лицъ вотяки съ насиліемъ желаютъ схватить жертву. Не проще-ли для этой исторіи поискать иного объясненія. Иванцовъ не поясняетъ, откуда они возвращались, не съ базара-ли, и не были-ли выпивши. Ихъ задрали, можетъ быть, такъ же выпившіе, какъ они сами, вотяки, и въ этомъ вся исторія. Для насъ важно одно, что Иванцовъ тогда-же затѣялъ „дѣло“ противъ вотяковъ, окончившееся на деньгахъ миромъ. Вотяки ему „за обиду“ заплатили, такъ какъ судомъ (даже прежнимъ, дореформеннымъ судомъ) было признано, что тутъ было простое насиліе и драка. Очевидно, Иванцовъ тогда-же присочинилъ, для вѣрности своего „дѣла“, что молъ „хотѣли замолить“ и теперь уже помнитъ объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ. Какъ-бы то ни было, этотъ вѣковой старецъ единственный свидѣтель-очевидецъ, единственный свидѣтель не по слуху, дошедшему къ намъ изъ третьихъ рукъ. Это очень поучительно. Вы теперь видите, воочію, какъ важно допскаться до первоисточника слуховъ Иванцовъ на лицо, онъ и передаетъ намъ самъ, якобы видѣнное и слышанное имъ, и тѣмъ не менѣе мы не вѣримъ, не можемъ вѣрить ему. Что-же сказать объ остальномъ матеріалѣ, предлагаемомъ вамъ обвиненіемъ, матеріалѣ собранномъ, что называется, „съ борка да съ сосенки“, передаваемомъ изъ третьихъ рукъ, отъ имени лицъ, которыхъ мы съ вами не видѣли, не слышали, и никогда не увидимъ и не услышимъ.

Постараемся разобраться и въ этомъ матеріалѣ. На первое мѣсто г. товарищъ прокурора выдвигаетъ разсказы двухъ должностныхъ лицъ, двухъ земскихъ начальниковъ, и притомъ, какъ подчеркнулъ г. обвинитель въ своей рѣчи,— земскихъ начальниковъ двухъ разныхъ уѣздовъ. Послѣ такого, нѣсколько торжественнаго и, во всякомъ случаѣ, офиціальнаго вступленія, незнакомый съ обстоятельствами дѣла, слушатель, естественно подготовляется получить отъ гг. земскихъ начальниковъ, и притомъ двухъ, различныхъ уѣздовъ, болѣе или менѣе драгоцѣнныя свѣдѣнія о вотскихъ жертвоприношеніяхъ, какъ результатъ внимательнаго ихъ наблюденія надъ бытомъ вотяковъ, отчасти, можетъ быть,

даже и по долгу службы. Подобныя указанія могли-бы быть, конечно, весьма цѣнны. Но вотъ по очереди являются гг. земскіе начальники различныхъ уѣздовъ: господа Львовскій и Новицкій,—и васъ постигаетъ не только полное разочарованіе, но вами овладѣваетъ еще недоумѣніе. Да полно, это-ли точно гг. земскіе начальники и притомъ двухъ различныхъ уѣздовъ?

Одинъ — г. Львовскій. Вы, безъ сомнѣнія, его помните. Онъ игралъ уже нѣкоторую роль на предварительномъ слѣдствіи. Какъ бывшій землемѣръ, онъ наносилъ на планъ въ разгарѣ зимы „лѣтнюю“ болотную тропу, для слѣдователя, который предполагалъ, что вотяки подвезли трупъ со стороны Мултана. Этой тропы, какъ удостовѣрилъ самъ г. Львовскій, онъ лично не промѣрялъ и по ней вовсе не проходилъ, но нанесъ на планъ „со словъ“, бывшихъ тутъ, русскихъ крестьянъ, которые „всѣ“ говорили, что такая тропа лѣтомъ дѣйствительно бываетъ. Это тотъ самый г. Львовскій, который позднѣе одолжилъ приставу Шмелеву по знакомству и пріятельству чучело медвѣдя, служащее у него для поддержанія чубуковъ, тростей и зонтовъ, съ тѣмъ, чтобы г. Шмелевъ на немъ приводилъ къ своей кощунственной присягѣ несчастныхъ мултанскихъ вотяковъ. Наконецъ, тотъ г. Львовскій, который попутно здѣсь на судѣ далъ намъ добрый судебно-медицинскій совѣтъ. Онъ укорилъ слѣдователя за то, что тотъ отправляетъ всѣ подозрительныя пятна во врачебную управу для какого-то микроскопическаго изслѣдованія. По мнѣнію г. Львовскаго, это совершенно излишне и не вѣрно. Гораздо вѣрнѣе: „предложить сытой собакѣ лизнуть“ подозрительное пятно: если не станетъ лизать и отвернетъ морду, заключайте смѣло, что кровь человѣческая! Таковъ г. Львовскій.

Я не басни вамъ разсказываю. Но вотъ, что разсказываетъ намъ г. Львовскій, какъ случай изъ области принесенія вотяками человѣческой жертвы. По дорогѣ сюда въ судъ онъ остановился попить чайку у знакомаго мельника, и вотъ, за чаемъ они разговорились по-пріятельски. Зачѣмъ и куда, молъ, ѣдете? Мельникъ сказалъ: „а вотъ лѣтъ десятокъ назадъ тоже нашли безголоваго купца. Говорили,—ограбили, однако, я вѣрно знаю, что это дѣло вотяковъ и слѣдствіе даже въ ту пору было“. Новость, какъ видите, самая свѣжая

и горячо поданная. Я разспросилъ и записалъ со словъ г. Львовскаго все: мѣсто происшествія (оказалось яринскій уѣздъ), имя мельника и всѣ обстоятельства, указывающія, въ предѣлахъ какого слѣдственнаго участка могло производиться самое слѣдствіе по поводу этого убійства. Затѣмъ, имѣя въ виду, что десять лѣтъ назадъ уже дѣйствовали здѣсь новыя судебныя учрежденія, я ходатайствовалъ передъ судомъ о наведеніи необходимыхъ справокъ и объ истребованіи къ дѣлу подлиннаго слѣдственнаго производства Судъ мнѣ въ этомъ отказалъ, находя, что новаго, по дѣлу доказательства, разсказъ г. Львовскаго не представляетъ. Я очень благодаренъ суду. Если бы это было доказательство, мы могли бы его опровергнуть и несомнѣнно опровергли бы и судъ не отказалъ бы намъ въ столь явно законномъ ходатайствѣ. Теперь-же вы въ правѣ просто вычеркнуть изъ своей памяти весь неумѣстный разсказъ г. Львовскаго. Мало ли какихъ, за чашкою чая, пустыхъ и вздорныхъ, между двумя пріятелями, разговоровъ не бываетъ. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ судебное засѣданіе по столь серьезному дѣлу обращать въ складочное мѣсто пріятельской болтовни. Если-бы что-либо, подобное разсказанному г. Львовскимъ, могло дѣйствительно имѣть мѣсто и было бы констатировано слѣдствіемъ, неужели вы думаете, что за эти четыре года прокуратура не вывела бы подобнаго дѣла на справку. Вѣдь вытребовали-же дѣло изъ архангельской соединенной палаты о случаѣ суевѣрнаго убійства самоѣдомъ на Новой Землѣ—случаѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго отношенія къ настоящему дѣлу Здѣсь, въ своемъ судебномъ округѣ не трудно было-бы отыскать подходящее дѣло вотяковъ. Вы видите, судъ самъ своимъ опредѣленіемъ торжественно предрѣшаетъ: вычеркнуть весь разсказъ г Львовскаго, какъ негодный балластъ изъ системы доказательствъ. Что же намъ-то остается съ нимъ дѣлать?

Послушаемъ теперь земскаго начальника другого уѣзда, г. Новицкаго. Если г. Львовскій почерпнулъ свои разсказы въ пріятельской бесѣдѣ съ знакомымъ мельникомъ, то г. Новицкій заимствовалъ ихъ изъ источника еще болѣе интимнаго. въ кругу еще болѣе тѣсномъ, вполнѣ семейномъ. Не былъ онъ въ то время и не мечталъ даже еще стать земскимъ начальникомъ, такъ какъ и самихъ

земскихъ начальниковъ въ то время еще не существовало. Было это лѣтъ сорокъ назадъ и самъ г. Новицкій вихрастымъ юношей бѣгалъ тогда, если не въ одной рубашенкѣ по двору, то, во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ видимыхъ атрибутовъ будущей власти. Дѣдушка г. Новицкаго, діаконъ, по разстройству своего здоровья, оставленный за штатомъ, повидимому, былъ природнымъ меланхоликомъ, не любившимъ много разговаривать. Но иногда онъ неожиданно оживлялся и тогда въ кругу семьи разсказывалъ страшныя исторіи, между прочимъ и про вотяковъ. Тринадцатилѣтній внукъ, запомнившій два такихъ разсказа своего дѣдушки, пришелъ сюда на судъ и, спустя сорокъ лѣтъ, намъ ихъ пересказалъ, попросивъ за это, какъ водится, у суда прогоновъ и прочихъ, какія слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ свидѣтелю, издержекъ. Я спрашивалъ свидѣтеля: не помнитъ-ли онъ, кстати, и какихъ-нибудь „бабушкиныхъ“ сказокъ, но оказалось, что его бабушка скончалась ранѣе и онъ самое ее еле припоминаетъ.

Я едва сдерживалъ негодованіе, г г. присяжные! Вспомните, что за всѣми этими бабушкиными и дѣдушкиными сказками идетъ дѣло о головахъ этихъ несчастныхъ, идетъ дѣло о томъ, чтобы пригвоздить къ позорному столбу цѣлое мирное и доброе племя нашихъ инородцевъ. Неужели можно спокойно выслушивать всѣ эти росказни изъ тысячи и одной ночи? А чѣмъ же, какъ не сказками вѣетъ отъ показанія г. Новицкаго? Мы не могли равнодушно его слушать, мы опускали глаза, намъ было неловко и стыдно за разсказчика.

Что же именно разсказалъ намъ дѣдушка г. Новицкаго? Разсказы эти очевидно ярко запечатлѣлись въ умѣ внука. Въ нихъ форма художественно слита съ содержаніемъ, причемъ одно стоитъ другого. Лѣтъ сорокъ назадъ — такъ, повидимому, обыкновенно начиналъ дѣдушка г. Новицкаго, случилось ему быть въ вотской деревнѣ. Случайно онъ приложилъ глазъ къ щели одного забора и увидѣлъ, что среди полнѣйшей тишины творится что-то необычайное. Посреди двора стоитъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, за нимъ сидятъ старѣйшіе, все сѣдые вотяки въ бѣлыхъ одеждахъ и точатъ огромные ножи. На концѣ стола, также въ бѣлой одеждѣ, сидитъ связанный по рукамъ и ногамъ не-

обыкновенно блѣдный „черный брюнетъ (волосокъ къ волоску!)“. Отъ ужаса дѣдушка г. Новицкаго, попятился и, не поднявъ никакой тревоги, не давъ знать властямъ, хотя дѣло происходило посреди населенной деревни, бѣжалъ. Когда онъ благополучно выбрался на дорогу, вдругъ послышался среди ночнаго мрака „душу раздирающій, нечеловѣческій вопль“. Тутъ и точка. Далѣе г. Новицкій не могъ ничего намъ пояснить. Донесъ ли, наконецъ, его дѣдушка властямъ? Почему не кричала жертва ранѣе, хотя ротъ у связаннаго человѣка не былъ, повидимому, ни завязанъ, ни забитъ, во избѣжаніе крика? Слышанный вопль—былъ ли воплемъ убиваемой жертвы и убили ли ее въ концѣ концевъ? Не былъ ли это какой-нибудь символическій обрядъ, такъ какъ связанный все-таки „сидѣлъ“, а стало быть не былъ насильно удерживаемъ другими, въ этой позѣ? Однимъ словомъ, всевозможныя попытки серьезно отнестись къ показанію г. Новицкаго, были нами безплодно исчерпаны. Г. Новицкій знаетъ только то, что у него былъ меланхолическій дѣдушка, который ему это разсказалъ.

Мы не могли добиться отъ свидѣтеля даже указаній, отъ какой именно болѣзни скончался его дѣдушка, не страдалъ ли онъ прогрессивнымъ параличемъ, не замѣчалось ли въ немъ вообще болѣзненнаго ослабленія умственныхъ способностей. Немудрено, что тринадцатилѣтнему мальчику были чужды всѣ эти вопросы и наблюденія. Но какъ же въ почтенномъ возрастѣ не задуматься надъ всѣмъ этимъ и съ легкимъ сердцемъ притти съ подобными показаніями на судъ?

Второй разсказъ дѣдушки г Новицкаго—буквальная копія перваго, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу конныхъ вотяковъ, везшихъ также сидѣвшую на конѣ связанную жертву. Опять тѣ же бѣлыя одежды, тѣ же старцы, та же страшная блѣдность жертвы и, наконецъ, для послѣдняго эффекта тотъ же „нечеловѣческій, душу раздирающій вопль“ въ то время, когда дѣдушка г. Новицкаго благополучно уже выбирается въ безопасное мѣсто. Вновь остается тайной: принесена ли въ дѣйствительности жертва или только символически продѣланъ какой-то странный обрядъ жертвоприношенія? Это послѣднее, еще лучшее соображеніе, которымъ можно было бы поддер-

жать достовѣрность подобныхъ разсказовъ, но гг. обвинители выдаютъ ихъ за непререкаемыя доказательства двухъ дѣйствительно совершонныхъ человѣческихъ жертвоприношеній. Бѣдный меланхолическій дѣдушка г. Новицкаго! Заставляя подчасъ своими вымышленными „страшными“ разсказами присмирѣть шалуна-внука, онъ и не подозрѣвалъ, конечно, что этими же сказками, пятьдесятъ лѣтъ спустя вздумаютъ пугать взрослыхъ и серьезныхъ людей. И гдѣ же пугать? —на судѣ!..

Показанія слѣдующаго „сказателя“ о вотякахъ, свидѣтеля Кобылина, заключаютъ въ себѣ уже поистинѣ этнографическіе перлы. Этотъ Кобылинъ, изъ числа немногихъ русскихъ крестьянъ села Мултана. Выяснено, что не задолго до случая съ нахожденіемъ трупа Матюнина, онъ перессорился съ наиболѣе видными вотяками Мултана, изъ-за неправильнаго присвоенія себѣ остатковъ зернового хлѣба сельскаго продовольственнаго магазина, причемъ мултанцы подавали на него жалобу земскому начальнику. Будучи-ли отъ природы краснорѣчивъ, или подъ вліяніемъ раздраженія на своихъ односельцевъ, онъ много ораторствовалъ во время предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу и результатомъ его краснорѣчія явилось установленіе обвинительнымъ актомъ того, якобы общеизвѣстнаго положенія, что вотяки „вообще приносятъ человѣческія жертвы“, что они „источаютъ кровь“ и употребляютъ ее съ религіозными цѣлями, причемъ извѣстная періодичность (каждые сорокъ лѣтъ) подобныхъ жертвоприношеній обязательна.

Ближайшее изслѣдованіе показанія Михаила Кобылина способно было вызвать, однако, полное разочарованіе не столько въ насъ, которые ему никогда не вѣрили, сколько въ тѣхъ, которые въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія ему слѣпо довѣряли На поставленный ребромъ вопросъ: откуда онъ почерпнулъ приводимыя имъ свѣдѣнія? Кобылинъ даже не сослался на свои личныя наблюденія надъ односельцами вотяками, онъ оказался слишкомъ порядочнымъ или слишкомъ простоватымъ для того, чтобы нагромоздить еще и подобную ложь Ларчикъ открывался гораздо проще. Михаилъ Кобылинъ, лѣтъ десятокъ тому назадъ, случайно подобралъ эти этнографическія свѣдѣнія на большой дорогѣ,

отъ какого-то — по его подлинному выраженію — „дураковатаго“ нищаго вотяка, съ которымъ разговорился въ пути. Предоставляю вамъ судить о доказательномъ значеніи подобныхъ разсказовъ бродячихъ юродивыхъ и дураковатыхъ нищихъ. Для этнографическихъ сказаній „дураковатыхъ“ нищихъ есть несомнѣнно своя публика и своя аудиторія, но ужъ, конечно, не зало судебныхъ засѣданій, гдѣ по всеобщему убѣжденію мы „раскрываемъ истину“. Итакъ показаніе Михаила Кобылина мы можемъ смѣло оставить за стѣнами этой залы, тамъ, на большой дорогѣ, откуда оно къ намъ собственно и пришло

Къ району той-же „большой дороги“, по которой изъ вѣка въ вѣкъ наша матушка-Русь бродячая несетъ свое горе и нужды, свои надежды и радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свою непроглядную слѣпоту, должно быть отнесено нами и показаніе Ермолая Рыболовца. Этотъ видѣлъ тоже нищаго „со скрюченною шеею“, и этотъ нищій, чтобы разжалобить его, повѣдалъ ему, что въ дѣтствѣ его „тыкали ножами вотяки для добычи крови“. Единственныя реальныя, относительно этого нищаго, указанія свидѣтеля заключаются въ томъ, что онъ встрѣчалъ этого нищаго еще лѣтъ десять назадъ въ мамадышскомъ уѣздѣ и что его звали Николаемъ. Предварительное слѣдствіе не попыталось розыскать его. Вы, мѣстные старожилы, можетъ быть, знавали также этого нищаго, тогда вамъ и книги въ руки. Замѣчу только, что относительно „добычи крови чрезъ посредство уколовъ“ для жертвоприношеній не настаиваетъ даже и г. этнографъ Смирновъ. Ну, а то, что счесть за басню о вотякахъ рѣшается самъ профессоръ г-нъ Смирновъ, дѣйствительно должно быть баснословно.

Остается еще свидѣтель Рагозинъ—урядникъ. Одинъ изъ многихъ урядниковъ, работавшихъ по этому мултанскому дѣлу, гдѣ на каждаго изъ подсудимыхъ приходилось чуть ли не по цѣлому уряднику. Они имѣли досугъ и рвеніе не только вращаться, такъ сказать, вокругъ преступленія и преступниковъ для собиранія уликъ, но и отвлекаться въ область этнографическихъ развѣдокъ о вотякахъ вообще. Вотъ что повѣдалъ намъ г. Рагозинъ: въ одной мѣстности (уѣздъ и волость имъ къ счастью указаны) лѣтъ двадцать на-

задъ утонулъ въ прудѣ ребенокъ. Во время производства мултанскаго дѣла, до него „дошли слухи“, что этотъ ребенокъ утонулъ только „якобы“, а въ дѣйствительности его „закололи вотяки“. Онъ произвелъ (спустя двадцать лѣтъ) дознаніе, но по дознанію „ничего не могло быть обнаружено“. Однако, мать ребенка была розыскана и спрошена Рагозинымъ. Она „упорно“ стояла на томъ, что сынъ ея дѣйствительно утонулъ и былъ похороненъ покойнымъ ея мужемъ на погостѣ сосѣдняго села. Могилу она забыла и указать не можетъ. Все это „въ виду слуховъ“ продолжало казаться очень подозрительнымъ Рагозину и онъ „думаетъ“, что старуха можетъ быть боится вотяковъ и потому не показываетъ правды. Почему, на какомъ основаніи онъ такъ „думаетъ“—это его тайна. Подозрительная бдительность полицейскаго стража въ служебномъ отношеніи можетъ снискать себѣ даже и поощреніе, но здѣсь-то, на судѣ, что намъ съ нею дѣлать? За каплю достовѣрности, могущей пролить свѣтъ на истинное возникновеніе всего настоящаго дѣла, мы бы охотно отдали всю эту ненасытимую подозрительность, которая, какъ зловѣщій кошмаръ, держитъ въ своихъ безобразныхъ когтяхъ это несчастное дѣло.

А между тѣмъ, развѣ не характерно, что несмотря на всю подозрительность, несмотря на то, что разслѣдованіе по дѣлу совсѣмъ было приняло характеръ повальнаго „слова и дѣла“—въ результатѣ все-таки—ничего, ничего и ничего! Ни одного констатированнаго факта. Ничего, кромѣ болтовни, даже не молвы стройной и могучей, идущей стихійно всесокрушающей волной неизвѣстно какъ и откуда, а именно болтовни, коварной и злой, источникъ которой можетъ быть каждый разъ пойманъ и раздавленъ, какъ давятъ пресмыкающееся, готовое ужалить васъ въ пяту.

Въ началѣ судебнаго засѣданія, когда въ дополненіе всѣхъ этихъ слуховъ—„устныхъ свидѣтельствъ о вотскихъ жертвоприношеніяхъ“, гг. обвинители предъявили суду два судебныхъ архивныхъ дѣла, и заявили, что и въ нихъ содержится указаніе на принесеніе человѣческихъ жертвъ, мы были нѣсколько смущены. Мы естественно предполагали, что эти „дѣла“ имѣютъ хотя бы нѣкоторое отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Оказалось, однако, что въ одномъ случаѣ

идетъ рѣчь о казанскомъ татаринѣ, какомъ-то дикомъ изувѣрѣ, если не вовсе помѣшанномъ, заманившемъ дѣвочку, зарѣзавшемъ ее и вынувшемъ сердце съ цѣлью излѣчить имъ умирающаго сына. Дѣло не покоится даже на религіозной почвѣ. Рѣчь идетъ объ единичномъ изступленномъ и суевѣрномъ изувѣрствѣ, которое возможно, какъ исключеніе, какъ уродство во всякой темной средѣ, будь—то среда русскихъ, татаръ, вотяковъ — безразлично. Но г. прокуроръ ссылкою на это дѣло хотѣлъ подкрѣпить обвиненіе противъ вотяковъ, пытался доказать, что ихъ религіозный строй не чуждъ такихъ же явленій кроваваго звѣрства, вообще возможныхъ въ дѣйствительной жизни. Прекрасно! Но возможность такихъ исключительныхъ явленій, какъ убійство магометанниномъ христіанина съ суевѣрною цѣлью, доказываетъ только, что и Матюнина могъ-бы убить подобный же изувѣръ, хотя бы и татаринъ, но вѣдь не доказываетъ-же это того, что магометанская религія требуетъ вообще человѣческихъ жертвъ. А при чемъ тутъ вотяки и ихъ религія, ужъ и вовсе непонятно.

Другое судебное дѣло прислали намъ изъ Новой Земли. Тамъ, въ одинокомъ чумѣ, какой-то черемисъ изъ тряпокъ сдѣлалъ себѣ идола и принесъ ему въ жертву молодую дѣвушку, которая случайно забрела къ нему. Провѣдавъ объ этомъ, сосѣди, такіе же черемисы какъ онъ, съ возмущеніемъ тотчасъ-же выдали его русскимъ властямъ. Итакъ вы видите, что даже тамъ, среди грозно-царящей ночи, духовный мракъ не безъ просвѣта. Человѣческая жертва— не культъ, не религія, не вѣрованіе цѣлой народности или хотя бы только горсти людей. Это единичный случай, случай безобразный, но исключительный Злой изувѣръ долженъ былъ самъ выдумать и состряпать себѣ бога изъ тряпокъ и лохмотьевъ, чтобы утолить его невинною человѣческою кровью. Ни въ преданіяхъ своей старины, ни въ окружающей средѣ своихъ единовѣрцевъ—онъ уже не находилъ матеріала для своего кроваваго религіознаго сумасбродства. Какъ-же вы хотите, чтобы вотякъ, творящій крестное знаменіе, вотякъ, просвѣщенный ученіемъ Христа, вотякъ, живущій столѣтія среди русскихъ, не ушелъ въ своемъ духовномъ развитіи далѣе одичалаго черемиса Новой Земли, оди-

ноко обезумѣвшаго въ своемъ чумѣ отъ леденящаго холода, мрака и безсилія обезпечить свое существованіе? И тамъ это показалось для остальныхъ черемисъ дикимъ и неслыханнымъ варварствомъ, а мы серьезно пытаемся здѣсь „по суду“ доказать, что вся вотская народность повинна въ человѣческой крови!

Гг присяжные, вы, какъ люди безхитростные, можете однако, задаться вопросомъ: слухи, говоръ, молва, — откуда все это? Пожалуй: нѣтъ дыма безъ огня, и еще: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ! Смѣю васъ увѣрить, что молва и сплетня живутъ гораздо болѣе сложною психическою, духовною жизнью, нежели это можетъ показаться съ перваго взгляда. Тутъ одной народной мудрости мало. Вопросъ ждетъ еще своего великаго психолога и изслѣдователя. Мнѣ кажется, что до первоисточника молвы труднѣе докопаться, нежели до центра земли. Возьмемъ хотя бы слѣдующій историческій примѣръ. Знаете-ли вы религію чище, гуманнѣе, возвышеннѣе въ своихъ основахъ нежели христіанство? Нѣтъ! Допустите-ли вы, христіане, чтобы васъ можно было заподозрить въ принесеніи человѣческихъ жертвъ? Нѣтъ! Но вы были заподозрѣны въ этомъ, васъ жгли и мучили, и легенда о вашихъ тайныхъ изувѣрствахъ коварно облетѣла весь языческій міръ!

Подъ руками у меня сочиненіе извѣстнаго апологета (защитника) христіанства—Тертуліана, писателя конца втораго вѣка, учителя святаго Кипріана, чтимаго и нашею церковью. Нѣкогда язычникъ, онъ впослѣдствіи страстно предался ученію Христа и со всѣмъ пыломъ своего пламеннаго краснорѣчія „оборонялъ“ христіанство отъ дикихъ нападокъ язычества. На страницѣ 18-ой своей „Апологіи христіанства“ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „говорятъ, что во время нашихъ таинствъ умерщвляемъ дитя, съѣдаемъ его (это приписывали, въ этомъ обвиняли чистыхъ послѣдователей Христа!) и послѣ столь ужаснаго пиршества предаемся кровосмѣсительнымъ удовольствіямъ, между тѣмъ какъ участвующія въ пиршествѣ собаки опрокидываютъ подсвѣчники и, гася свѣчи, освобождаютъ насъ отъ всякаго стыда“...

Можно-ли себѣ представить „молву“, „народный говоръ“,

идущій далѣе въ своей чреватой гоненіями и всякими бѣдами клеветѣ. Тотъ-же Тертуліанъ продолжаетъ: „одна молва въ состояніи насъ обвинять!“ и тутъ-же прибавляетъ: „но свойство молвы всему свѣту извѣстно. Одинъ изъ вашихъ же поэтовъ (Вергилій, онъ обращается къ Римлянамъ) именуетъ ее зломъ быстрѣйшимъ изъ всѣхъ золъ. Почему именуетъ онъ ее зломъ, если не потому, что она всегда почти обманчива. „Она и тогда даже обманчива, когда возвѣщаетъ истину, потому что всегда ее искажаетъ, или уменьшая или же увеличивая. Но что говорю? Молва питается единственно ложью. Она существуетъ только тогда, когда ничего не доказываетъ; какъ же скоро, что доказала, то бытіе ея прекращается, она исполнила свое дѣло. Она передала намъ происшествіе, ею возвѣщаемое, съ тѣхъ поръ мы уже знаемъ и прямо другъ другу сообщаемъ. Не говоримъ уже: слухъ носится, что такое-то дѣло случилось въ Римѣ, но просто: то-то случилось въ Римѣ, и прочее“. Какъ ни быстра, какъ ни шумна бываетъ молва и какое бы основаніе она ни имѣла, но извѣстно, что она должна происходить отъ одного человѣка и отъ него переноситься изъ устъ въ уста, отъ слуха до слуха, какъ черезъ свои проводники. Но темнота и невѣрность ея происхожденія сопровождаются столь общею огласкою, что никому и въ мысль не приходитъ узнать, не зараженъ ли корень ея ложью. Это, однакоже, случается или по зависти или по сильному подозрѣнію, или по свойственной людямъ склонности ко лжи. Молвѣ не можетъ вѣрить умный человѣкъ, заканчиваетъ свою тираду противу этого—увы!—не языческаго лишь бича, Тертуліанъ. потому что онъ никогда не вѣритъ тому, что сомнительно“.

Вы, надѣюсь, также не повѣрите подобной „молвѣ“ и съ тѣмъ большимъ вниманіемъ прислушаетесь къ одинокому трезвому возгласу, которымъ здѣсь закончилъ свою прекрасную экспертизу такой знатокъ вотской народности, какъ этнографъ отецъ-діаконъ Верещагинъ. Скромный сельскій дѣятель, посвящающій досуги свои этнографическимъ изслѣдованіямъ и литературнымъ трудамъ, онъ, вопреки мнѣнію профессора Смирнова, въ живой и прочувствованной рѣчи изложилъ намъ итоги своихъ наблюденій надъ вотяками, разсказалъ о ихъ вѣрованіяхъ, описалъ ихъ жертвоприношенія и на

основаніи своихъ живыхъ наблюденій пришелъ къ продуманному и категорическому заключенію: „вотскіе боги не требуютъ человѣческихъ жертвъ!“. На основаніи слѣдственнаго матеріала, на основаніи всего изученнаго вами, я думаю и вамъ, положа руку на сердце, не остается иного исхода, какъ столь же продуманно и прочувствованно во всеуслышаніе объявить вашимъ приговоромъ: „вотскіе боги не требуютъ человѣческихъ жертвъ!“

Гг. присяжные засѣдатели, перехожу къ послѣдней, заключительной части моей рѣчи. Щадя ваше вниманіе, я старался касаться только самаго нужнаго, главнаго, но, несмотря на это, рѣчь моя затянулась. Не сѣтуйте на меня! Мнѣ страшно подумать, что оборвется моя рѣчь, быть можетъ раздастся вашъ обвинительный приговоръ, прозвучитъ въ ушахъ этихъ несчастныхъ еще разъ „виновны“, и тогда уже некому и негдѣ будетъ поднять въ защиту ихъ голосъ. Пока я говорю, я знаю—они еще не осуждены, и вотъ мнѣ хочется говорить безъ конца, потому что всѣмъ существомъ своимъ я чувствую и понимаю, что они не должны быть осуждены.

Изъ десяти подсудимыхъ, первоначально привлеченныхъ къ настоящему процессу, уцѣлѣло семеро. Одинъ умеръ, томясь въ тюрьмѣ, двое другихъ вытянули у судьбы счастливый жребій, они оправданы еще при первомъ разбирательствѣ дѣла. Остаются эти семеро, перевѣдавшіеся со всѣми муками продолжительнаго подслѣдственнаго сидѣнія, со всѣми ужасами и тревогами двукратнаго, тягостнаго обвиненія. Они ждутъ отъ васъ новаго рѣшенія своей участи съ тѣмъ безмолвнымъ упорствомъ надежды, свойственной простымъ людямъ, которая никогда не покидаетъ воистину чистыхъ сердцемъ, воистину невинныхъ людей.

Все, что я говорилъ вамъ пока въ ихъ защиту, для нихъ самихъ было непонятно и чуждо. Какое дѣло имъ до того: гдѣ, когда и въ какомъ видѣ найденъ былъ трупъ Матюнина? Обезглавленъ-ли онъ при жизни, или же у мертваго отнята у него голова? Видѣла-ли Головизнина его пятаго мая съ головой или это былъ уже обезглавленный трупъ? Кто правъ изъ экспертовъ-врачей: Минкевичъ, Аристовъ или Крыловъ? Съ процессуальной точки зрѣнія для нихъ оди-

наково чуждъ и другой вопросъ, такъ долго, такъ всесторонне нами изслѣдовавшійся, вопросъ о возможности человѣческаго жертвоприношенія у вотяковъ вообще. То или иное разрѣшеніе этого вопроса не исчерпываетъ все-таки обвиненія, направленнаго противъ вотяковъ именно села Мултана, не говоря уже о подсудимыхъ въ частности и о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Я увѣренъ, что они всѣ семеро встрепенутся только тогда, когда я сейчасъ стану называть ихъ родное село, начну перекликать ихъ поименно каждаго въ отдѣльности: Дмитрій Степановъ, Кузьма Самсоновъ, Семенъ Ивановъ, Василій Кондратьевъ, Василій Кузнецовъ, Андріанъ Андреевъ, Андрей Григорьевъ—онъ-же, дѣдушка Акмаръ! Это естественно, это понятно! Намъ предстоитъ судить не абстрактно-типичнаго вотяка, воспроизведеннаго научною экспертизою г. Смирнова въ его профессорскомъ кабинетѣ, подобно вагнеровскому гомункулусу, а живыхъ людей съ плотью и кровью, притомъ каждаго въ отдѣльности со всѣми осложненіями индивидуальной личности каждаго изъ нихъ, со строгимъ отчетомъ передъ своей судейской совѣстью: чѣмъ же доказывается вина каждаго изъ этихъ подсудимыхъ? Мой отвѣтъ ясенъ: ничѣмъ!

Но вы слышали здѣсь двѣ обвинительныя рѣчи, вамъ перечислялись улики общія и направленныя спеціально противъ того или другого лица, у васъ требовали осужденія всѣхъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, начиная отъ Дмитрія Степанова, „бодзимъ-восяся“ родового шалаша, и кончая старикомъ Акмаромъ. Намъ стало быть необходимо считаться и съ тѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ, изъ котораго гг. обвинителями столь искусно соткана цѣпкая паутина, окутавшая село Мултанъ и наиболѣе видныхъ его представителей, посаженныхъ на скамью подсудимыхъ.

На минуту дѣлаемъ обвиненію уступку, уступку съ точки зрѣнія защиты огромную... въ сущности невозможную. Пусть трупъ Матюнина будетъ дѣломъ рукъ вотяковъ. Что-же дальше? Въ дѣлѣ уголовномъ каждый отвѣчаетъ только за себя. Какихъ вотяковъ? Почему именно на селѣ Мултанѣ были сосредоточены всѣ подозрѣнія? Почему слѣдствіе не сдѣлало ни шагу въ сторону, почему сосредоточили всѣ усилія

подобрать именно улики противъ мултанскихъ вотяковъ? Откровенное объясненіе такому явленію мы находимъ въ одной изъ рѣчей нашихъ противниковъ. Но это объясненіе едва-ли можетъ удовлетворить васъ.

Когда обнаружили изуродованный трупъ Матюнина, то окрестное русское населеніе, и въ особенности населеніе деревни Аныкъ, на чьей землѣ нашли трупъ, стало тотчасъ же шумѣть: „это дѣло вотяковъ!“ Вы, быть можетъ, слышали выраженіе „сухая бѣда“, и знаете что это такое? Крестьяне, на чьей землѣ найдется трупъ, истинные мученики, ихъ наряжаютъ въ караулы, зовутъ понятыми при вскрытіи и слѣдствіи, таскаютъ по допросамъ. Въ доброе старое время при подобной напасти, форменно откупались отъ наѣзда властей, это собственно и называлось „сухою бѣдою“. Неповинные въ крови все же платили деньги и откупались отъ бѣды „насухо“, чтобы она къ нимъ не прилипла. Иногда цѣлымъ сходомъ постановлялось тайно вывезти трупъ на чужую землю и этимъ отвезти отъ себя око начальства.

Страхъ предъ слѣдственными экспериментами мѣстныхъ приставовъ и урядниковъ, не безъ основанія, конечно, держится и до сихъ поръ весьма упорно въ нашей крестьянской средѣ. Отжила свой вѣкъ, можетъ быть, „сухая“ бѣда, но самая бѣда, т. е. слѣдственная напасть осталась. Никому не хочется быть прикосновеннымъ къ кровавому, уголовному дѣлу. И вотъ аныкскіе крестьяне первые, подъ вліяніемъ простого чувства самосохраненія, промолвили вѣщее слово: „вотяки!“ Вы помните первоначальные розыски на болотной тропѣ и въ лѣсу, когда искали голову. Были тутъ и русскіе и вотяки. Русскіе безъ дальнѣйшихъ околичностей смекнули тотчасъ, что это „не иначе, какъ вотяки!“, а вотяки указывали на окровавленныя щепочки, ведущія къ деревнѣ Аныкъ и на мельницу. Впослѣдствіи, спустя мѣсяцъ, когда обнаружилось, что трупъ къ тому-же и обезображенъ по ритуалу, созданному тутъ-же возникшей молвой, дѣло вотяковъ было окончательно проиграно. Пущенные заранѣе въ ходъ, толки, въ качествѣ субъективныхъ предчувствій аныкскихъ крестьянъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, прямо-таки „чудесно“ совпали съ обнаруженными вскрытіемъ объективными признаками. Судебному слѣдователю не оставалось ничего иного,

какъ взяться прямо за вотяковъ, не утруждая себя ни непосредственнымъ изученіемъ мѣста происшествія, ни провѣркою первыхъ, ближайшихъ къ происшествію слѣдственныхъ дѣйствій полицейскихъ властей Крылатое слово „вотяки“ было во-время сказано и до конца безповоротно дѣлало свое дѣло.

Но почему-же Мултанъ? Мало-ли вотскихъ деревень въ округѣ? Почему именно село Старый Мултанъ, гдѣ испоконъ вѣка неслыхано было о такихъ дѣлахъ, гдѣ старикъ священникъ живетъ сорокъ лѣтъ, священникъ, который не вызванъ сюда обвинителями, чтобы изобличить свою заблудшую паству? Защита хотѣла его вызвать, но судъ призналъ, что его показаніе будетъ несущественнымъ Спрашиваю опять: почему-же Мултанъ? Одинъ изъ гг товарищей прокуроровъ, выступающій уже въ третій разъ обвинителемъ по дѣлу мултанскихъ вотяковъ, сказалъ вамъ: „такъ какъ село Старый Мултанъ ближе всего къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ Матюнина, то естественно, что подозрѣніе прежде всего пало на вотяковъ села Мултана“. Если-бы село Мултанъ была единственная вотская деревня на всю округу, я-бы готовъ былъ допустить, что предположеніе, дѣйствительно, возникло „естественно“. Но вѣдь это не такъ. Кругомъ живутъ вотяки. Одна деревня ближе, другая нѣсколько дальше, и въ разстояніи отъ пяти до двадцати верстъ отъ аныкской земли, я могъ-бы насчитать вамъ десятокъ вотскихъ поселковъ. Земля Стараго Мултана непосредственно граничитъ съ землею села Аныка, и я, наоборотъ, думаю, что, при заранѣе обдуманномъ и правильно вылившемся преступномъ намѣреніи, естественнѣе предположить, что повинная въ жертвоприношеніи вотская деревня постаралась-бы завести возможно дальше отъ себя трупъ. Здѣсь-же трупъ оставляется въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ совершенія предполагаемаго преступленія. Какъ будто преступники были заинтересованы въ скорѣйшемъ открытіи ихъ преступленія.

Разъ мултанцы (какъ допускаетъ обвиненіе) на протяженіи двухъ, трехъ верстъ среди бѣла дня имѣли полную возможность перевезти трупъ, они могли еще съ большимъ удобствомъ сдѣлать то-же самое ночью, но ужъ отвезти его

за десятокъ верстъ. Во всякомъ случаѣ, аргументъ, что ближайшая вотская деревня является съ тѣмъ вмѣстѣ и наиболѣе подозрительной, не выдерживаетъ и малѣйшей критики. Въ двухъ верстахъ отъ Стараго Мултана есть село Новый Мултанъ, однако-же, его не заподозрѣли; еще въ двухъ верстахъ новая деревня и т. д. Подозрѣніе высказано было на село Старый Мултанъ аныкскими крестьянами, которымъ это было, конечно, всего сподручнѣе и ближе, а полицейскія власти восприняли это положеніе уже какъ непреложное, на немъ и успокоились.

Рутина и умственная вялость—могучіе факторы нашей общественной жизни. А дѣло раскрытія сложнаго и таинственнаго преступленія всегда дѣло живое, всегда дѣло трудное, требующее экстраординарнаго напряженія умственныхъ способностей и умѣнья властно ориентироваться въ томъ сложномъ взаимодѣйствіи внѣшнихъ силъ, которыя, быть можетъ, намѣренно, быть можетъ, сознательно влекутъ васъ на ложный путь. Мы знаемъ, что въ теченіе мѣсяца слѣдственно-судебная власть была въ выжидательномъ положеніи, работала одна полиція. Вы видѣли ея представителей здѣсь въ лицѣ хотя-бы пристава г. Тимофеева и другихъ; вы сами можете .и : судить о степени умственной самостоятельности и прозорливости этихъ лицъ.

Итакъ, близость Мултана сама по себѣ ровно ничего не доказываетъ, если не доказываетъ какъ разъ обратнаго: т. е. того, что къ своей собственной границѣ преступникъ никогда не подкинетъ трупа, и, наоборотъ, постарается отвезти его возможно далѣе.

Второе соображеніе столь-же общаго характера, указывающее будто-бы именно на село Мултанъ, какъ на повинное въ принесеніи человѣческой жертвы, равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики. Г. обвинитель нарисовалъ вамъ мрачную картину голоднаго года, онъ указалъ вамъ на то, что кругомъ стали свирѣпствовать эпидеміи Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напастей, утверждалъ онъ, зародилась среди мултанскихъ вотяковъ мысль принести необычную человѣческую жертву, чтобы умилостивить боговъ. Справками, добытыми изъ мѣстной земской управы, намъ къ счастью удалось доказать, что именно въ этотъ годъ всеобщаго бѣд-

ствія, село Старый Мултанъ сравнительно благоденствовало. Изъ семидесяти вотскихъ дворовъ только тринадцать семей вынуждены были воспользоваться ссудою хлѣба по случаю неурожая. Въ то-же время кругомъ по русскимъ деревнямъ всѣ почти поголовно, кромѣ деревенскихъ кулаковъ, прибѣгали къ помощи и ссудамъ не только на сѣмена, но и для пропитанія. Когда мы пожелали объяснить себѣ причину такого явленія, оказалось, что Старый Мултанъ вообще не бѣденъ запасливыми и зажиточными людьми. А, по удостовѣренію мѣстнаго земскаго начальника, болѣе зажиточные вотяки никогда не прочь помочь въ нуждѣ своимъ неимущимъ односельчанамъ. Такимъ образомъ, и бытовыя условія Мултана отнюдь не были таковы, чтобы не противостоять голодному году безъ какихъ-либо чрезвычайныхъ, экстравагантныхъ мѣръ. По удостовѣренію той-же земской управы, эпидеміи въ Мултанѣ въ томъ году вовсе не было, такимъ образомъ, и въ этой части соображеніе г. обвинителя лишено вовсе фактическаго основанія.

Далѣе, г. обвинитель, со словъ Михаила Кобылина, утверждаетъ, что мултанскіе старики вообще „толковали объ утратѣ вѣры“, и въ томъ онъ видитъ уже предзнаменованіе будущей человѣческой жертвы. Но я васъ спрашиваю: гдѣ-же старики не хвалятъ старины, гдѣ они не осуждаютъ ворчливо молодежь, гдѣ не толкуютъ они объ утратѣ вѣры? За этимъ собственно въ село Мултанъ еще не стоило ходить.

Правда, тамъ въ качествѣ единственнаго въ своемъ родѣ экземпляра, нашелся девяностолѣтній старецъ Акмаръ, едва передвигающій ноги. Но этотъ „дѣдушка Акмаръ“, съ его слезящимися, красными глазами и трясущеюся сѣдою головою, навсегда останется живымъ укоромъ правосудію. Послѣ всего, что вы здѣсь слышали о немъ, вы должны будете признать вмѣстѣ со мною, что единственными уликами противъ него являются его сѣдины. Жестокія улики! По сказанію эксперта Смирнова, въ случаяхъ подобныхъ настоящему (разумѣй—общественнаго жертвоприношенія у вотяковъ), обыкновенно самый древній и самый уважаемый старикъ „тіунъ“ или „ворожецъ“ предрекаетъ необходимость принесенія чрезвычайной жертвы. Такъ какъ Акмаръ оказался самымъ старымъ въ Мултанѣ, то его посадили

на скамью подсудимыхъ. Безъ него роли оказались-бы нераспредѣленными.

Но мы тщетно искали здѣсь подтвержденія тому, чтобы дѣдушка Акмаръ среди вотяковъ почитался „тіуномъ“—„ворожцомъ“. Двое свидѣтелей подтвердили только, что онъ считался знахаремъ и лѣкаремъ, но этой славой пользовался онъ, главнымъ образомъ, среди русскихъ, которые сами лѣчились у него отъ лихорадки и другихъ внутреннихъ болѣзней. Въ улику ему ставятъ то, что когда урядники схватили и посадили передъ допросомъ въ темную племянника его Михаила Титова, онъ успѣлъ ему черезъ кого-то шепнуть: „скажи, что ты молодъ и ничего не знаешь, а я старъ и никуда не хожу!“ Но вѣдь такъ и было, такъ и есть въ дѣйствительности. Титова застращали урядники, привлекли въ качествѣ обвиняемаго, заставили кое-что наболтать, но въ концѣ концовъ онъ былъ освобожденъ. Какъ только его освободили и стали спрашивать, какъ свидѣтеля, онъ тотчасъ-же заявилъ, что его била и притѣсняла полиція, заставляя оговаривать односельчанъ. Въ результатѣ-же относительно Титова выяснилось какъ разъ то, что подсказывалъ ему дѣдушка Акмаръ. Онъ не только молодъ, но и, дѣйствительно, ничего не „понимаетъ“, такъ какъ и съ виду и по существу—это психически больной, весьма странный субъектъ, отъ самаго рожденія. Это знаетъ вся деревня, какъ знаетъ она, равнымъ образомъ, и то, что дѣдушка Акмаръ послѣдніе пять, шесть лѣтъ по слабости здоровья и преклонности лѣтъ, точно „никуда не ходитъ“ и доживаетъ свой вѣкъ на печи. Я намѣренно началъ съ Акмара—послѣдняго на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы имъ первымъ и какъ можно скорѣе вы могли облегчить свою совѣсть.

Вторымъ за нимъ сидитъ Андріанъ Андреевъ. Ему снился сонъ, и въ этомъ вся его бѣда. „Страшный“ сонъ, прибавляетъ г. обвинитель, но къ словамъ свидѣтелей эта прибавка произвольна. Дмитрію Мурину какой-то подростокъ сообщалъ, что лежа на печкѣ въ избѣ, гдѣ была сходка вотяковъ, онъ слышалъ, какъ Андріанъ Андреевъ будто-бы сказалъ: „мнѣ снился сонъ“, а на разспросы, какой сонъ, повотски отвѣчалъ: „кыкъ пыдесъ ванданы кулесъ!“ Въ буквальномъ переводѣ это значитъ: „надо молить дву-

ногаго". Не пугайтесь гг. присяжные! Отъ этого до человѣческой жертвы все-таки еще очень далеко. Эксперты согласно указывали вамъ на крайнюю бѣдность вотскаго языка Словомъ „нога" обозначается также и лапа у птицъ. Подъ „двуногими" они разумѣютъ также и птицъ. По свидѣтельству эксперта Верещагина у вотяковъ приносятся двоякаго рода жертвы: четвероногихъ (телятъ, овецъ) и двуногихъ (гусей, утокъ, куръ). Когда говорятъ о жертвѣ-птицѣ, всегда говорятъ „кыкъ пыдесъ", не обозначая детально, что это именно гусь или утка.

Г. экспертъ Смирновъ по поводу этого „кыкъ пыдесъ" приводитъ то, согласное съ его теоріею и весьма остроумное соображеніе, что первоначально „кыкъ пыдесъ" обозначало, вѣроятно, настоящаго двуногаго т. е. человѣка, приносимаго въ жертву. Этотъ настоящій двуногій смѣнился, впослѣдствіи, именно птицею, ради внѣшняго признака, въ отличіе отъ четвероногаго. Иначе экспертъ не можетъ себѣ объяснить, почему въ родовыхъ шалашахъ приносятъ обыкновенно въ жертву бычка или овцу, на кирметищѣ-же болѣе грозному богу—только гуся, утку или курицу. На этомъ я могъ-бы попутно поймать г. эксперта: „двуногаго" по его собственному сознанію (тѣмъ болѣе двуногаго настоящаго!), не „молятъ" вовсе въ родовомъ шалашѣ, его молить могли-бы только на кирметищѣ.. Но въ настоящую минуту, изъ заключенія этнографической экспертизы, мнѣ важенъ другой выводъ. Говоря: „кыкъ пыдесъ, ванданы кулесъ"—вотякъ въ настоящее время разумѣетъ предстоящее принесеніе въ жертву птицы. Если это такъ, чего-же намъ тревожиться! Очередь жертвы опредѣляется сномъ или предзнаменованіемъ. Это тоже извѣстно. А послѣ видѣннаго въ посту Андріаномъ Андреевымъ сна, на пасху, несомнѣнно, была приносима въ жертву птица. Что „вѣщій", или какъ угодно г. прокурору, „страшный" сонъ Андріана Андреева вовсе не знаменовалъ собою убійство Матюнина, подтверждается отчасти и протекшимъ временемъ. Объ этомъ снѣ шла рѣчь въ началѣ марта, а Матюнинъ найденъ обезглавленнымъ пятаго мая. Для рѣшающей судьбу человѣка, во всякомъ случаѣ, одной улики въ видѣ сна, хотя-бы и страшнаго, недостаточно. А другой какой-либо улики противъ Андріана Андреева намъ не представлено.

Перехожу къ Василію Кузнецову. Это третій съ конца подсудимый. Человѣкъ онъ состоятельный, торговый, нѣсколько даже образованный и, вдобавокъ ко всему, церковный староста мѣстной православной церкви Какъ умудрилось сложиться противу него, минуя всѣ эти бытовыя рамки, обвиненіе, рѣшительно недоумѣваю. По собственному сознанію г. обвинителя, противъ Кузнецова первоначально возникли лишь „легкія подозрѣнія“. Чѣмъ они усилились впослѣдствіи, мы увидимъ, а пока остановимся на нихъ Вы знаете, гг присяжные, что въ самую ночь предполагаемаго убійства въ Мултанъ, проѣздомъ по дѣламъ службы, заѣзжалъ приставъ Тимофеевъ. Онъ даже ночевалъ въ волостной квартирѣ. Впослѣдствіи онъ припомнилъ, что на этотъ разъ въ ночномъ караулѣ былъ Василій Кузнецовъ. Позднѣе, когда началось дознаніе по матюнинскому дѣлу, стали гадать, съ чего-бы это онъ въ ту ночь самолично былъ въ караулѣ? Нанять за себя другого очень не дорого стоитъ, а человѣкъ онъ состоятельный. Кузнецовъ далъ посильное объясненіе. Его хворая жена плохо спитъ по ночамъ, и ему не спалось въ ту ночь; работникъ умаялся на полевой работѣ, онъ и вышелъ за него покараулить. Казалось-бы понятно и просто. Но разъ зародились подозрѣнія, хотя-бы только „легкія“, отъ нихъ не такъ-то просто отдѣлаться.

По поводу этой улики, такъ бросившейся въ глаза приставу Тимофееву, случайно заночевавшему въ ту ночь въ Мултанѣ, мнѣ невольно приходитъ на умъ иное соображеніе. Здѣсь г. товарищъ прокурора, рисуя передъ вами не одинъ разъ самую картину жертвоприношенія съ такою живостью и увлеченіемъ, какъ будто онъ самъ при ней присутствовалъ, восклицалъ: „и чадъ и дымъ отъ человѣческой жертвы возносился и т. д.“ Въ самомъ дѣлѣ, гг. присяжные, если отрѣшиться отъ романтическихъ пріемовъ обработки судебнаго матеріала и заняться этимъ реалистически, намъ можетъ очень пригодиться и этотъ „чадъ и дымъ“ отъ жертвы. По смыслу заключенія г. эксперта Смирнова, каждое жертвоприношеніе есть въ сущности „трапеза боговъ съ людьми“. То, что отдается богамъ—тутъ же обязательно сжигается. Такъ поступаютъ обыкновенно съ внутренностями, какъ наиболѣе

цѣнною частью жертвы. Итакъ этотъ „чадъ и дымъ“—не метафора, не гипербола, которою угодно было лишь украсить свою рѣчь г. обвинителю. Вы знаете, гдѣ расположенъ шалашъ, относительно котораго поддерживается предположеніе, что именно тамъ совершено жертвоприношеніе. Онъ почти въ самомъ центрѣ села и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ становой квартиры, гдѣ въ ту ночь расположился приставъ Тимофеевъ. При дѣйствительномъ сожиганіи всѣхъ внутренностей, только что извлеченныхъ изъ Матюнина, на простомъ очагѣ, посреди шалаша, въ которомъ нѣтъ никакой вытяжной трубы, смѣю васъ увѣрить, если не метафорическій „чадъ и дымъ“, то самый реальный смрадъ горѣлаго несомнѣнно разнесся бы по деревнѣ. Посреди ночи, въ пору необычную, это не могло бы не обратить на себя вниманія. Когда въ вотскихъ шалашахъ приносится обычная жертва, объ этомъ знаетъ обыкновенно вся деревня, потому что выпивается при этомъ „кумышка“ (водка), ведутся хороводы, на улицѣ идетъ гульба. Тогда никто не удивляется, если пахнетъ изъ шалаша горѣлымъ. Но посреди тихой ночи, столь необычное явленіе ужели никѣмъ не было бы замѣчено? Тотъ же приставъ Тимофеевъ, пріѣхавшій въ ночь, ужели-бы не обратилъ на это вниманія? А между тѣмъ никто (не говорю уже о вотякахъ), никто изъ русскихъ обывателей села Мултана, не исключая и усерднаго Дмитрія Мурина, ни единымъ словомъ не обмолвились объ этомъ обстоятельствѣ. Никто не видѣлъ огня въ шалашѣ, никто не примѣтилъ таинственно пробиравшихся къ нему фигуръ, никто даже обоняніемъ своимъ не почуялъ того, что именно въ эту ночь вотскіе боги упивались „чадомъ и дымомъ“ человѣческой жертвы Какъ хотите, гг. присяжные засѣдатели, но эти „отрицательныя“ улики заставляютъ призадуматься гораздо болѣе, нежели тѣ „легкія подозрѣнія“, которыя возбудилъ собою невинный ночной караулъ Василія Кузнецова.

Но эти „легкія“, по сознанію самого г. обвинителя, подозрѣнія, по его же мнѣнію, усилились, благодаря нѣкоторымъ послѣдующимъ обстоятельствамъ. Эти обстоятельства нижеслѣдующаго свойства. Мы знаемъ, что не только въ періодъ дознанія, но и въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу, въ селѣ Мултанѣ настоящимъ военнымъ

постомъ смѣнялись партіи урядниковъ и приставовъ, „собиравшихъ нужныя по дѣлу свѣдѣнія“. Ниже намъ придется еще характеризовать и прослѣдить всю, такъ сказать, „эволюцію“ этого полицейскаго сыска. Намъ придется начать съ періода дѣятельности „проницательныхъ“, но еще робкихъ и сдержанныхъ урядниковъ Соковникова и Попугаева, оттершихъ своею старательностью и рачительностью самого пристава Тимофеева, чтобы кончить затѣмъ всесокрушающимъ патискомъ г. Шмелева, „пристава другого уѣзда“, спеціально командированнаго по этому дѣлу и сдѣлавшаго, какъ извѣстно, весьма важное этнографическое открытіе относительно чудодѣйственнаго значенія медвѣжьяго чучела для вотяковъ Но все это—послѣ. Пока отмѣтимъ только, что въ переходную эпоху между періодомъ, когда слѣдствіе уже все намѣтило и еще ровно ничего не открыло (періодъ пристава Тимофеева и урядниковъ Соковникова и Попугаева) и послѣдующимъ (Шмелева), когда все открытое оказалось лишь искусно подогнаннымъ подъ ранѣе намѣченное, въ село Мултанъ былъ командированъ урядникъ Жуковъ. Послѣ явныхъ дѣйствій Соковникова и Попугаева, клонившихся единственно къ тому, чтобы запугать и сбить съ толку молодежь и заставить ее проболтаться, Жуковъ явился таинственно, безъ шуму, и повелъ иную политику.

Вы знаете, что онъ явился въ Мултанъ, по его собственному показанію, „какъ-бы на постоянное жительство“. Онъ нанялъ себѣ квартиру, перезнакомился съ обывателями, втирался въ дружбу, въ знакомства. Постарался онъ сблизиться, между прочимъ, и съ Кузнецовымъ. По показанію этого послѣдняго, показанію отчасти подтвержденному свидѣтелемъ, Жуковъ попросилъ у него въ займы „на мундиръ“. Тотъ далъ ему десять рублей. Жуковъ просилъ еще восемнадцать рублей, Кузнецовъ обѣщалъ, но въ концѣ концовъ не далъ Урядникъ Жуковъ представилъ, спустя нѣкоторое время, десять рублей по начальству и объяснилъ на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь на судѣ, что Кузнецовъ подкупалъ его этими десятью рублями, чтобы тотъ „выпуталъ его изъ дѣла“. Если бы это даже было такъ, какая же эта улика? И не десять рублей охотно заплатитъ состоятельный человѣкъ, чтобы разсѣять сгустившіяся надъ нимъ „легкія“ подозрѣ-

нія. Но самая ничтожность предполагаемой взятки, по столь серьезному для Кузнецова дѣлу, заставляетъ вѣрить разсказу въ версіи подсудимаго. Еще менѣе вѣроятно, чтобы Кузнецовъ не далъ просимыхъ дополнительно восемнадцати рублей, если бы искренно довѣрялся Жукову и вѣрилъ въ его мощь „выпутать его изъ дѣла“. Вся эта исторія въ качествѣ улики, долженствовавшей усилить „легкія“ подозрѣнія противу Кузнецова, и стоившей ему въ дѣйствительности преданія суду, не доказываетъ ли только еще лишній разъ, что подозрѣнія, лишенныя основанія, въ сущности, самыя упорныя. Они ростутъ съ энергіею отчаянія, по мѣрѣ того, какъ теряютъ надежду найти себѣ подтвержденіе. Вы видѣли сами, какъ изъ „легкихъ“ они превратились въ „сильныя“ и притомъ изъ подозрѣній—въ улики.

Страшно подумать, но именно эти „улики“ стоили Кузнецову дважды выслушанныхъ имъ обвинительныхъ приговоровъ. Въ настоящемъ засѣданіи появилось еще и нѣчто дополнительное. Но и это новое опять-таки свидѣтельствуетъ лишь о необходимости усилить все тѣ-же прежнія, „легкія подозрѣнія“. Было вызвано нѣсколько человѣкъ свидѣтелей, которые должны были удостовѣрить, что Кузнецовъ уже послѣ перваго и втораго суда надъ нимъ, когда онъ послѣ кассаціи былъ опять на свободѣ, якобы „сознавался“ въ своемъ участіи въ убійствѣ Матюнина. Со словъ причетника Богоспасаева пошелъ объ этомъ говоръ, и это пересказывали здѣсь нѣкоторые урядники. Интересъ сосредоточился, такимъ образомъ, на личности Богоспасаева. Установлено, что это человѣкъ по отношенію къ спиртнымъ напиткамъ очень „слабый“. Онъ самъ призналъ это здѣсь, и разсказалъ, что послѣ перваго и втораго суда надъ вотяками онъ въ разныхъ попутныхъ кабакахъ останавливался и пилъ, пилъ и останавливался. Когда онъ „балябалъ“ (по его подлинному выраженію) объ этомъ дѣлѣ, вокругъ него собирались и слушали. Слушали и сельскія власти. Разъ онъ расхвастался, что будто ему вотяки сами сознались въ убійствѣ. Это подхватили урядники и вотъ появились „вновь открывшіяся обстоятельства“. Но вы сами и видѣли и слышали здѣсь Богоспасаева. Будучи трезвымъ, и послѣ присяги, онъ смиренно сознался, что въ пьяномъ видѣ „просто балябалъ“, т. е. городилъ вздоръ. Съ вотяками онъ

не видался и никакого „сознанія“ они ему не дѣлали. Г. товарищъ прокурора, однако, усиленно доказывалъ здѣсь, что тогда, т. е. въ пьяномъ видѣ, онъ „не просто балябалъ“, а изрекалъ самую истину, но зато здѣсь на судѣ покрываетъ вотяковъ и не говоритъ всей правды. Мудрено, однако, объяснить вотъ что: съ чего бы это вотяки, не сознающіеся на судѣ, стали бы Богоспасаеву, человѣку чужому, дѣлать признанія? Какіе мотивы и побужденія могли заставить Кузнецова сознаваться ему въ своей винѣ? Г. товарищъ прокурора намъ этого не пояснилъ. Не пояснилъ онъ намъ и того, какъ можно тому повѣрить, чтобы ѣдучи уже сюда на судъ, тотъ-же Кузнецовъ въ „Медовыхъ Ключахъ“, въ трактирѣ, человѣку, котораго видитъ впервые, на протяженіи какихъ-нибудь пяти минутъ объяснилъ „все дѣло, по которому ѣдетъ“, и объяснилъ будто-бы его именно въ томъ смыслѣ, что онъ въ немъ участвовалъ Вы, разумѣется, по достоинству оцѣните показанія этихъ „новыхъ“ свидѣтелей, появившихся, какъ подкрѣпленіе, уже при третьемъ (и надо думать, послѣднемъ!) усиліи обвинителей доказать основательность своихъ. все тѣхъ-же „легкихъ“ подозрѣній

Еще одно послѣднее соображеніе по поводу всѣхъ подобныхъ признаній и полупризнаній, разсыпаемыхъ якобы подсудимыми направо и налѣво, и почему-то именно передъ послѣднимъ рѣшительнымъ разборомъ ихъ дѣла. Желая оправдать въ вашихъ глазахъ отсутствіе въ дѣлѣ уликъ сколько-нибудь вѣскихъ, прямыхъ и рѣшительныхъ, гг. обвинители оттѣняли передъ вами скрытность вотяковъ, общность ихъ интересовъ и таинственность самихъ жертвоприношеній. Они утверждали, что если на протяженіи вѣковъ не удалось ни разу вполнѣ констатировать случая человѣческаго жертвоприношенія, то это потому, что именно сплоченная скрытность вотяковъ, ихъ молчаніе, умѣнье все сохранить въ тайнѣ тому препятствовали. Подите-же, вѣрьте чему нибудь! Теперь у тѣхъ-же обвинителей, тѣ-же вотяки выходятъ нелѣпыми, вздорными болтунами, упорно запирающимися лишь на судѣ, но въ то же время болтающими и въ „Медовыхъ Ключахъ“, и Богоспасаеву, и каторжнику Голова, и первому встрѣчному уряднику, безъ всякой нужды, безъ всякаго вызова, единственно только для того, чтобы эти сви-

дѣтели явились сюда на судъ и подкрѣпили противъ нихъ обвиненіе, благополучно витавшее до сихъ поръ лишь на крыльяхъ „легкихъ подозрѣній“. О Кузнецовѣ мнѣ сказать вамъ больше нечего, гг присяжные засѣдатели. Развѣ прибавить только, что обвиненіе, направленное именно противъ него, вдвойнѣ обидно Мы слышали здѣсь, мы знаемъ, что именно Кузнецовъ и настолько христіанинъ и настолько развитъ, что не только „легкія“, но даже и болѣе сильныя подозрѣнія должны были бы разбиться о личность заподозрѣннаго. Участіе его въ подобной каннбальской „трапезѣ съ богами“ было бы явленіемъ уже просто необъяснимымъ и чудовищнымъ Гг. обвинители не пытались дать намъ какихъ-либо основательныхъ объясненій по этому предмету. Въ своемъ увлеченіи они просто съ легкимъ сердцемъ допускаютъ чудовищное.

Намъ остается разсѣять „подозрѣнія“ относительно четырехъ остальныхъ подсудимыхъ. Ихъ виновность опредѣляется, такъ сказать, теоретически; по готовой схемѣ ихъ офиціальнаго положенія. Дмитрій Степановъ—состоялъ „бодзнмъ восясемъ“, т. е главнымъ жрецомъ въ родовомъ шалашѣ Моисея Дмитріева Если жертвоприношеніе свершилось именно въ этомъ шалашѣ,—участіе Моисея Дмитріева болѣе чѣмъ вѣроятно. Василій Кондратьевъ въ ночь убійства былъ на очереди суточнаго, обязаннаго призрѣвать и пускать къ себѣ въ домъ на ночлегъ всѣхъ нищихъ. Если нищій Матюнинъ былъ въ ту ночь дѣйствительно зарѣзанъ въ Мултанѣ, то убійство это не могло совершиться безъ вѣдома, или даже безъ участія суточнаго. Кузьма Самсоновъ — мясникъ, и говорятъ, мясникъ весьма искусный. По заявленію обвинительнаго акта „самый способъ“ вырѣзыванія внутренностей изъ трупа „произведенъ искусной рукой, какой могъ обладать только мясникъ, одинаково хорошо владѣющій какъ ножемъ, такъ и топоромъ“. Отсюда уже виновность Кузьмы Самсонова — „очевидна“. Наконецъ, Семенъ Ивановъ, или какъ его всѣ здѣсь называли, Семенъ Красный—сотскій; на его обязанности лежало разводить нищихъ по „суточнымъ“ домамъ и, стало быть, Матюнинъ также не могъ миновать его рукъ. Согласимся, что все это имѣло бы нѣкоторое значеніе но.. лишь въ томъ случаѣ, если бы было, по крайней мѣрѣ,

доказано. что четвертаго мая въ селѣ Мултанѣ былъ нищій, что онъ остался тамъ ночевать, и что это былъ именно Матюнинъ. Это главное положеніе обвиненія должно, во всякомъ случаѣ, стоять твердо и крѣпко, какъ дубъ, такъ какъ всѣ остальные дополнительные выводы играютъ роль только обвивающаго его плюща, т. е паразита, не имѣющаго самостоятельной жизни и значенія

Много трудилось обвиненіе надъ установленіемъ того факта, что, именно, нищаго Матюнина видѣли наканунѣ въ Мултанѣ. Но я ссылаюсь на рѣчь моего неутомимаго товарища по защитѣ г. Дрягина, напоминаю вамъ ее и думаю, что на этомъ пунктѣ нами ничто не уступлено обвиненію. Въ количественномъ отношеніи мы располагаемъ такимъ же матеріаломъ, какъ и гг. обвинители, но въ качественномъ отношеніи можно ли серьезно положиться на свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что видѣнный ими четвертаго мая въ Мултанѣ нищій былъ именно Матюнинъ? Они говорятъ о сходствѣ одежды, о ростѣ, соотвѣтствующемъ найденному трупу, и только; но то-же самое говорятъ свидѣтели, отецъ и сынъ Синиковы, и ихъ работникъ Михайловъ, удостовѣряющіе, что именно такого вида и роста нищій ночевалъ въ Кузнеркѣ. Но сверхъ этихъ общихъ примѣтъ, они удостовѣряютъ еще и нѣчто болѣе важное, а именно, что по разсказу этого нищаго онъ былъ изъ Ныртовъ и страдалъ падучею болѣзнью. Какъ извѣстно, именно Матюнинъ былъ изъ Ныртовъ и страдалъ падучею болѣзнью. Другого, хотя бы самозванца, съ подобными же примѣтами слѣдствіе намъ не открыло и свидѣтелямъ не предъявило, а пока этого не сдѣлано, я въ правѣ утверждать, что по всѣмъ общимъ и индивидуальнымъ признакамъ съ наибольшею вѣроятностью должно утверждать, что съ четвертаго на пятое мая Матюнинъ провелъ ночь въ Кузнеркѣ. Если это такъ, то онъ не могъ быть убитъ въ Мултанѣ. По сопоставленіи же времени, когда ночевавшій въ Кузнеркѣ нищій отправился на утро въ путь, со временемъ обнаруженія обезглавленнаго мертвеца на чулійской тропѣ, оказывается, что, именно здѣсь, до девяти часовъ утра, онъ могъ быть застигнутъ, убитъ и обезглавленъ.

Разъ, такимъ образомъ, падаетъ самая достовѣрность пребыванія жертвы убійства въ селѣ Мултанѣ, нужно-ли говорить

о недостовѣрности самаго обвиненія? Это фундаментъ, на которомъ строилось все зданіе; отнимите его, зданіе должно рухнуть Намъ останется только бродить среди его развалинъ, изучать по уцѣлѣвшимъ остаткамъ архитектурныя цѣли и пріемы строителей, дивиться энергіи и смѣлости, съ которой возводилось самое зданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ горько сѣтовать на совершенную непригодность подобнаго сооруженія для вѣчныхъ цѣлей правосудія. Вы знаете, что эти злополучныя развалины, едва-ли страшныя намъ теперь даже своею декоративною мрачностью, успѣли, тѣмъ не менѣе, дважды придавить этихъ несчастныхъ. Это было какое - то ослѣпленіе, что-то стихійное! Напуганное воображеніе судей несло ихъ въ сторону отъ правосуднаго разрѣшенія дѣла. Словно очнувшись отъ тяжкаго кошмара, благодаря двукратной кассаціи сенатомъ, это дѣло только теперь попало въ сферу настоящаго судейскаго спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія. И вы также видите всѣ мрачныя декоративныя стороны дѣла, но теперь онѣ уже не порабощаютъ и не пугаютъ насъ, напротивъ, мы сохранили еще настолько присутствіе духа, чтобы успѣть заглянуть и за эти декораціи, обойти ихъ кругомъ, чтобы увидѣть, по крайней мѣрѣ, всѣ стойки и пружины, на которыхъ онѣ были утверждены. Гдѣ подвѣшенный, обезглавленный трупъ нищаго Матюнина на балкѣ шалаша Моисея Дмитріева? Куда онъ дѣвался? Осталась пыльная (въ моментъ осмотра) балка съ налипшими кое-гдѣ волосками животныхъ, балка, на которую могли перекидывать свѣжо снятыя шкуры животныхъ, но подвѣсить къ которой обезглавленнаго Матюнина не было и физической возможности. Куда дѣвались эти „какъ-бы человѣческіе волосы“, сходные съ Матюнинскими? Медицинскій департаментъ и врачебная управа ихъ не признали тождественными съ волосами Матюнина, а съ человѣческими лишь постольку схожими, поскольку схожи съ ними волосы нѣкоторыхъ животныхъ вообще. Въ корытѣ запекшаяся кровь (съ такими-же налипшими волосками) не признана человѣческою. Правда, ее не давали лизать сытому псу, по умудренному судейскимъ опытомъ совѣту земскаго начальника Львовскаго, но зато ее посылали для микроскопическаго и химическаго изслѣдованія во врачебную управу. Нанесенной зимою, при со-

дѣйствіи земскаго начальника Львовскаго, на планъ лѣтней тропинки, на которой будто-бы пятаго мая пробирались вотяки со своею кровавою ношей, въ натурѣ вовсе не оказалось. Пробовали еще изслѣдовать д в а пестеря, съ которыми видѣли куда-то шедшими седьмого мая Моисея Дмитріева и Кузьму Самсонова, такъ какъ полагали, что этимъ способомъ вынесена изъ Мултана голова, отрѣзанная у Матюнина. Почему въ двух ь? Или голову рѣшились разрубить пополамъ? Это секретъ обвиненія. Но по изслѣдованіи во врачебномъ управленіи оказалось, что и эти крестьянскіе походные чемоданы повинны лишь въ лѣсной малинѣ, а отнюдь не въ человѣческой крови.. Пологъ со слѣдами кровяныхъ пятенъ былъ найденъ въ клѣти на палатяхъ, гдѣ спала жена Моисея Дмитріева во время женской болѣзни. И таковы всѣ улики сколько-нибудь матеріальнаго, вещественнаго характера. Химія и микроскопъ, не справляясь, разумѣется, съ охотницкими экспериментами г. земскаго начальника Львовскаго, безпощадно начисто, наголо, какъ никому не нужный соръ, смели всѣ эти улики.

И вотъ остаются одни „разговоры“, улики, которыя принято почему-то называть уликами психологическаго свойства. На нихъ, къ сожалѣнію, не изобрѣтено еще ни микроскопа, ни химическаго анализа. А жаль! Тогда воочію, безъ всякаго умственнаго напряженія, вы увидѣли бы, изъ какого отброса, изъ какихъ, незаслуживающихъ вашего вниманія, составныхъ частей и элементовъ, извѣстныя жизненныя условія создаютъ ихъ. Несчастный Старый Мултанъ, разъ заподозрѣнный, сдѣлался (подобно случайно ослабѣвшему организму) жертвою размноженія самой опасной, самой злокачественной бактеріи, бактеріи психическаго свойства. За нимъ не только наблюдали, слѣдили за каждымъ его движеніемъ, за малѣйшимъ его вздохомъ, но прямо таки прививали вокругъ всеобщее недовѣріе къ нему и позорное соглядатайство за нимъ, такъ что къ концу слѣдствія невозможно было уже разобраться, въ чемъ собственно задача слѣдствія: открыть ли истинныхъ виновниковъ убійства Матюнина, независимо отъ того, кто бы они ни были, или все исчерпывалось ближайшею и единственною цѣлью, какъ-нибудь обосновать и оправдать выпавшее на долю села Мултана

подозрѣніе. Я долженъ дать вамъ отчетъ въ высказанной только что мысли, и я надѣюсь, что въ оцѣнкѣ остающагося матеріала обвиненія, мы съ вами не разойдемся.

Какъ ни обильны и ни разнохарактерны на первый взглядъ всѣ тѣ разговоры и слухи, на которые указываютъ намъ въ видѣ дополнительныхъ уликъ, не трудно замѣтить, однако, что разбросаны они не случайными крапинками, какъ брызги отъ живой дѣйствительности. Напротивъ, въ различныхъ пластахъ и наслоеніяхъ предварительнаго слѣдствія, они залегли настоящими гнѣздами. Чтобы оцѣнить ихъ бытовое и юридическое значеніе, приходится, такимъ образомъ, уподобиться геологу, изучающему происхожденіе тѣхъ или другихъ залежей въ неразрывной связи съ происхожденіемъ и наслоеніемъ самыхъ пластовъ, въ которыхъ онѣ содержатся.

Мы не разъ уже имѣли случай упоминать, что вмѣсто единичнаго полицейскаго дознанія, которое, при нормальномъ ходѣ вещей, обыкновенно предшествуетъ формальному слѣдствію, въ настоящемъ случаѣ было нѣсколько сопутствующихъ самому слѣдствію дознаній. Вотъ эти-то дознанія, представляющіяся какъ бы громоздящимися другъ на друга пластами, и содержатъ, по мнѣнію обвинительной власти, тѣ драгоцѣнныя розсыпи „слуховъ“, „разговоровъ“, „оговоровъ“, „признаній“ и „полупризнаній“, которыя нашли себѣ такое почетное мѣсто какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ равно и при судоговореніи.

Область дознанія, по своимъ размѣрамъ съ лихвою покрывшая все предварительное слѣдствіе, должна быть распредѣлена нами по періодамъ. Это облегчитъ задачу изслѣдованія самаго матеріала, доставленнаго этимъ дознаніемъ. Притомъ-же это совершенно необходимо, такъ какъ со смѣною лицъ, производившихъ его, мѣнялись самые пріемы, открывались новыя перспективы, измѣнялись и назрѣвали результаты. Вы знаете, что самые сочные и зрѣлые плоды отъ древа истины доставлены намъ пришедшимъ послѣднимъ. „приставомъ другого уѣзда“ г. Шмелевымъ, уже къ концу слѣдствія, послѣ того, когда усилія Соковникова, Попугаева, Тимофеева и Жукова оказались недостаточными. Одно это знаменательное явленіе должно уже возбудить нѣкоторое

недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить себѣ, что, послѣ двухъ лѣтъ почти безплодной работы слѣдствія, г. Шмелевъ приходитъ, видитъ и... если не побѣждаетъ, то добываетъ столь капитальныя улики, какъ показаніе каторжника Голова, свидѣтельствующаго о сознаніи Моисея Дмитріева, отыскиваетъ (послѣ двухъ лѣтъ) прилипшій къ балкѣ настоящій волосъ Матюнина и собираетъ кое-какіе оговоры о признаніяхъ и полупризнаніяхъ разныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Магъ и чародѣй!— возразятъ мнѣ. Но такое возраженіе только усилитъ необходимость разобраться въ пріемахъ самаго чародѣйства, такъ какъ въ опыты черной магіи люди благомыслящіе не вѣрятъ болѣе, а мы всѣ здѣсь призваны быть благомыслящими.

Область уголовнаго разслѣдованія, гг. присяжные засѣдатели, еще сравнительно недавно была самою мрачною страницею человѣческой дѣятельности Кровавыя пытки, истязанія, одиночное заключеніе—все это считалось, отчасти считается и теперь, лучшимъ источникомъ раскрытія истины въ уголовномъ дѣлѣ. Но все же мы нѣсколько прогрессировали— намъ совѣстно, по крайней мѣрѣ открыто, объявлять, что истина, добытая такимъ путемъ, есть истина. И вотъ мы знаемъ, что нашъ писанный законъ, уставъ уголовнаго судопроизводства съ брезгливою гуманностью отталкиваетъ отъ себя всѣ, не только насильственные, но и даже просто нечистоплотные пріемы разслѣдованія уголовнаго преступленія. Оно и понятно. Какъ можетъ общество, стремящееся только искоренить и пресѣчь зло, только защититься отъ него, создавать по этому-же поводу новое свое зло, болѣе опасное уже потому, что оно возведено въ систему, что оно захватываетъ весь общественный строй? Большое горе и несчастіе—преступленіе, но преступные или безнравственные пріемы раскрытія его — еще бо́льшее горе и несчастіе. Это аксіома, которою проникнутъ весь гуманный духъ нашихъ судебныхъ уставовъ. Это идеалъ, это твердыя пожеланія законодателя—они и вылились въ законѣ. Но кромѣ закона есть жизнь, и путеводныя ихъ линіи не всегда между собою совпадаютъ. Бываетъ, что нравственный подъемъ общественной жизни превосходитъ самыя высокія требованія закона. Это радужные и свѣтлые моменты расцвѣта обще-

ственной совѣсти и мысли. Но бываетъ и иное! Медлительно и тягостно длящееся усыпленіе нравственныхъ идеаловъ, когда самъ гуманный законъ кажется нещужной болѣе обузой. Тогда линія жизни падаетъ очень низко и выбраться на твердую почву закона становится уже подвигомъ.

По поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, съ которыми я обращался здѣсь къ этимъ, производившимъ дознаніе по мултанскому дѣлу, лицамъ, мнѣ было замѣчено, что „полицейскія дознанія вообще производятся внѣ всякихъ правилъ", что правила эти будто-бы и не предусмотрѣны закономъ. Положеніе, съ которымъ я рѣшительно не могу согласиться. Не говоря уже объ общихъ законахъ, о службѣ гражданской и нѣкоторыхъ статей уложенія о наказаніяхъ, карающихъ служебныя преступленія, я могъ-бы сослаться спеціально и на уставъ уголовнаго судопроизводства, который цѣлымъ рядомъ статей (252—261, 300 и 483—488) положительно нормируетъ и держитъ, такъ сказать, въ уздѣ дѣятельность полиціи по производству дознаній. Поэтому, если въ настоящемъ дѣлѣ значеніе полицейскихъ дознаній является дѣйствительно преобладающимъ и заграждающимъ то немногое, что добыто слѣдствіемъ, то разгадку этому слѣдуетъ искать въ чемъ угодно, но отнюдь не въ несовершенствѣ или, будто-бы даже, отсутствіи самаго закона. Законъ—есть, и онъ-то и рекомендуетъ крайне осторожное и недовѣрчивое отношеніе къ даннымъ, добываемымъ дознаніемъ, требуя каждый разъ самой тщательной судебной повѣрки. А насъ здѣсь хотятъ увѣрить, что показанія этихъ гг. приставовъ и урядниковъ, „производящихъ .свои дознанія внѣ всякихъ правилъ", даютъ наилучшій по своей надежности матеріалъ для разрѣшенія дѣла

Отъ этихъ общихъ соображеній умѣстно перейти къ оцѣнкѣ результатовъ судебно-полицейской дѣятельности тѣхъ именно приставовъ и урядниковъ, которые собственно создали и принесли сюда на судъ весь нужный обвиненію матеріалъ.

Періодъ первый. Дѣятельными раскрывателями преступленія являются на первыхъ порахъ мѣстный урядникъ Соковниковъ и расторопный, всюду сопутствующій ему волостной старшина Попугаевъ. Мы уже знаемъ, какъ тщательно они охраняли трупъ, какъ позволяли провѣтривать его, чистить

вѣникомъ.. По части „психологическихъ уликъ“ они съ чистосердечнымъ рвеніемъ восприняли лишь вопль аныкскихъ крестьянъ „вотяки!“ и съ священною неприкосновенностью передали его по инстанціямъ. По части розысковъ въ Мултанѣ, они ограничились тѣмъ, что напугали малолѣтняго Константина Моисеева и добились отъ него, что онъ видѣлъ какого-то нищаго, котораго велъ Семенъ Красный, а придурковатаго Титова посадили въ холодную и хотѣли уже отправлять въ острогъ, но онъ во-время наболталъ кое-что, что имъ показалось, однако, вполнѣ достаточнымъ для дальнѣйшаго хода слѣдствія. Спрошенный у судебнаго слѣдователя, въ качествѣ свидѣтеля, Титовъ немедленно отъ всего отрекся и тутъ-же заявилъ, что его били и стращали. Пробовали они еще подсаживать коего-кого изъ мултанскихъ подростковъ, чтобы тѣ слушали, что станутъ говорить между собою въ „холодной“, предварительно заарестованные и посаженные вмѣстѣ, мултанскіе вотяки; но и изъ этихъ похвальныхъ пріемовъ „производимаго внѣ всякихъ правилъ“ дознанія ровно ничего не вышло, кромѣ, разумѣется, развращенія крестьянскихъ подростковъ. Но о такихъ пустякахъ, само собою разумѣется, говорить не стоитъ!

Затѣмъ, наступаетъ второй періодъ дознанія. На сцену выступаетъ болѣе высокій полицейскій чинъ, мѣстный приставъ г. Тимофеевъ. Онъ немного всюду запаздываетъ. Онъ и къ трупу прибылъ только на пятый день для составленія своего знаменитаго акта осмотра, отъ 10-го мая, послужившаго, какъ извѣстно, неисчерпаемымъ матеріаломъ для филологическихъ и грамматическихъ споровъ и изысканій. Съ появленіемъ, г. Тимофеева, не любящаго окидывать взоромъ слишкомъ далеко вокругъ себя, разъ зародившіяся подозрѣнія только упорствуютъ, стоятъ на мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ ни впередъ. Мултанъ—сказано, такъ, стало быть, Мултанъ въ отвѣтѣ и будетъ. Если-бы было подсказано названіе другого села, г. Тимофеевъ смѣнилъ-бы только земскихъ лошадей и поѣхалъ-бы дальше. Но остановиться пришлось въ Мултанѣ. И вотъ кромѣ попытокъ объясненія всѣхъ самыхъ невинныхъ явленій въ жизни мултанскихъ вотяковъ, съ точки зрѣнія самой подозрительной, въ этотъ періодъ дознанія въ сущности ничего новаго не открывается.

Но зато съ рачительностью и неослабнымъ служебнымъ рвеніемъ все истолковывается въ смыслѣ самомъ подозрительномъ, все подгоняется подъ заранѣе готовую мѣрку. Въ Мултанѣ четвертаго мая былъ несомнѣнно какой-то нищій. Этой несомнѣнности достаточно, чтобы нищій этотъ оказался именно Матюшинымъ. Въ тотъ голодный годъ нищихъ бродило множество и навѣрное въ то-же четвертое мая ихъ прошло черезъ Мултанъ не одинъ человѣкъ, но съ этими соображеніями вовсе не желаетъ справляться г. Тимофеевъ. Каждый нищій, видѣнный четвертаго мая въ „преступномъ“ Мултанѣ, для него—Матюшинъ.

Моисей Дмитріевъ съ женою среди бѣла дня по главной улицѣ села везутъ пятаго мая какую-то кладь, покрытую брезентомъ,—для г. Тимофеева этихъ свѣдѣній болѣе нежели достаточно. Это **вывозили трупъ** Матюшина. Естественное соображеніе о томъ, что была уже цѣлая ночь въ запасѣ, чтобы вывезти трупъ, не подвергаясь опасности каждую секунду быть открытыми, для него не существуетъ. Два вотяка бредутъ куда-то шестого или седьмого мая съ пестерями за спиной (мѣстные крестьяне ходятъ всюду съ пестерями, какъ наши русскіе съ котомками за плечами) это,—**выносили отрубленную голову Матюшина**. И подобная проницательная догадливость идетъ красною нитью черезъ все дознаніе г. Тимофеева. Онъ твердъ и рѣшителенъ въ своихъ выводахъ. Онъ ищетъ и находитъ. Онъ находитъ и волосы, и кровь, „пріобщаетъ къ дѣлу“ и пестеръ, и грязное корыто, и пологъ, служившій въ клѣти подстилкою. Все это оказывается впослѣдствіи, по возвращеніи изъ медицинскаго департамента и врачебной управы, ненужнымъ хламомъ, но онъ свое дѣло сдѣлалъ. Совѣсть его чиста. Чиста уже по крайней мѣрѣ потому, что никакой сознательной фальши въ дѣло онъ не внесъ, никого онъ не притѣснилъ, никому угрозъ не дѣлалъ, ни у кого не выпытывалъ и не выматывалъ сознанія. И на этомъ, этому ревностному, но скромному служакѣ, приходится сказать спасибо.

Но вотъ г. Тимофеевъ мало по малу удаляется, устраняется отъ мултанскаго дѣла, самая идея котораго, однако, не только не падаетъ, не ослабѣваетъ отъ всѣхъ неудачъ слѣдственныхъ розысковъ, но, наоборотъ, тутъ-то и разго-

рается самымъ яркимъ пламенемъ. Творцомъ слѣдующаго періода дознанія, третьяго по счету, долженъ почитаться урядникъ Жуковъ. Это тотъ свидѣтель Жуковъ, который съ скромными пріемами мирнаго обывателя, затѣялъ якобы надолго поселиться въ Мултанѣ. Онъ сталъ заводить знакомства. Результаты дѣятельности этого доморощеннаго сельскаго Лекока настолько сами по себѣ ничтожны, что могли-бы быть пройдены вовсе молчаніемъ. Онъ кое-гдѣ подслушалъ, кое-что слышалъ, обо всемъ этомъ намъ повѣдалъ, но все его показаніе, въ цѣломъ, свидѣтельствуетъ лишь о сплошной пустотѣ и безсилии собранныхъ имъ „якобы уликъ“. Если дѣятельность этого зауряднаго полицейскаго сыщика должна быть нами отмѣчена, то лишь потому, что въ этотъ періодъ уже проявилась положительная тенденція не только къ розыску уликъ, но и къ созданію таковыхъ. Такъ эпизодъ со взяткою, будто-бы предложенною ему Кузнецовымъ и представленною затѣмъ по начальству, есть уже до извѣстной степени осуществленіе той назрѣвшей идеи дознанія, что пустоту нужно наполнить, во что бы то ни стало. Появленіе и затѣмъ безслѣдное исчезновеніе Жукова, съ его мягкими кошачьими пріемами сельскаго сыщика, неувѣнчавшимися достаточнымъ результатомъ, вноситъ поэтому въ дознаніе лишь трепетъ какого-то предчувствія и тревожнаго ожиданія. Чувствуется, что не все кончено. Жуковъ выступаетъ только предтечею самого грознаго г. Шмелева, того „пристава другаго уѣзда“, который славился на всю округу своимъ неотвратимымъ сыскнымъ рвеніемъ.

Онъ пришелъ. Пришелъ со всѣми специфическими пріемами нашего обычнаго доморощеннаго сыскнаго рвенія. Тутъ и превышеніе власти, и угрозы, и насилія, и наконецъ, кощунственная присяга на чучелѣ медвѣдя. Я говорю только о томъ, о чемъ имѣю право говорить. Это установлено слѣдствіемъ и подтверждено документами. Предоставляю вамъ самимъ, знающимъ лучше меня сельскую жизнь, возстановить во всѣхъ подробностяхъ въ вашемъ воображеніи осложненія и детали почтенной дѣятельности г. Шмелева, о которыхъ намъ запрещено говорить... Запретъ умѣстенъ. Объ этомъ можно говорить лишь съ чувствомъ величайшаго негодованія или не говорить вовсе!

Теперь взглянемъ на результаты этой „энергичной“ дѣятельности. Надо поистинѣ, преклониться передъ стойкой выносливостью простыхъ людей, побывавшихъ въ передѣлкѣ у г. Шмелева. Въ былое время съ „виски“ и съ „дыбы“ каялись-же въ мнимыхъ преступленіяхъ ни въ чемъ неповинные люди Надо изумляться, какъ вотяки выдержали „натискъ“ г. Шмелева, какъ мало сравнительно наболтали они, какъ сдержанно и осторожно давали свои показанія. Всплыли наружу только разсказы о томъ, что „Кузька рѣзалъ, Васька за ноги держалъ“, или „будетъ, одного уже свезли, довольно!“ и т. д. Но всего этого, подтвержденнаго даже присягою на чучелѣ медвѣдя, оказалось все-таки слишкомъ мало. И вотъ тутъ-то начинаются тѣ настоящія „чудеса“ (т. е. успѣшные результаты) дознанія г. Шмелева, которымъ гг. обвинители придаютъ такое доказательное значеніе и о которыхъ дѣйствительно стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, появляется одинъ волосъ Матюнина Спустя два года послѣ происшествія г. Шмелевъ самолично находитъ этотъ волосъ на балкѣ шалаша Моисея Дмитріева. Это случается уже послѣ того, когда слѣдователь многократно дѣлалъ осмотры и не нашелъ ничего, кромѣ того, что нашелъ. Но г. Шмелевъ „случайно“ находитъ одинъ волосъ и притомъ именно волосъ Матюнина. О пріобщеніи этого драгоцѣннаго вещественнаго доказательства къ дѣлу не составлено никакого протокола; протокола обыска, при которомъ найденъ тотъ-же волосъ, равнымъ образомъ, не имѣется. Вся сила единственно въ г. Шмелевѣ. Насъ приглашаютъ безъ всякой критики повѣрить его свидѣтельскому показанію.

Но будетъ-ли это посильнымъ бременемъ для судейской совѣсти? Нельзя-же забыть, что шалашъ и злополучная перекладина не разъ до того тщательно осматривались, что прошло два года, что ни одного подобнаго волоса въ томъ-же шалашѣ ранѣе не усмотрѣно. Конечно, вольно вѣрить обвиненію, что г. Шмелевъ совершилъ дѣйствительно „чудо“. Но простите намъ, простымъ смертнымъ, неувлеченнымъ слѣпою вѣрою въ чудесное, нашъ скептицизмъ. Волосы Матюнина есть и найдены при трупѣ. Это порядочный пучекъ, никѣмъ несосчитанныхъ волосъ, несомнѣнно

фигурирующихъ на протяженіи всего дознанія, слѣдствія, и здѣсь, на столѣ вещественныхъ доказательствъ. „Пучекъ“ волосъ остается, конечно, пучкомъ и тогда, когда изъ него вынутъ или „затеряютъ“ одинъ волосъ... Вы видите, это такая малая величина, о которой затруднительно даже говорить. Въ рукахъ г Шмелева какъ разъ оказалась такая „малая величина“—всего только одинъ волосъ! Слѣдуетъ-ли углубляться мыслью въ источникъ происхожденія этого таинственнаго волоса? Не благоразумнѣе-ли будетъ поставить вообще крестъ на всемъ этомъ эпизодѣ и, основываясь на отсутствіи протокола обыска и пріобщенія къ дѣлу находки г. Шмелева, просто признать, что волосъ этотъ оказался „неизвѣстнаго происхожденія“. „Чудо“ г. Шмелева останется, такимъ образомъ, навсегда окутаннымъ надлежащей дымкой таинственности. Это какъ нельзя больше приличествуетъ истинному „чуду“.

Вторая главная улика, появившаяся въ мултанскомъ дѣлѣ въ періодѣ сыскной дѣятельности г. Шмелева, заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Я говорю о свидѣтельскомъ показаніи ссыльно-каторжнаго Голова, который, готовясь къ отправкѣ въ Сибирь, далъ неожиданно весьма пространное показаніе о томъ сознаніи, которое, яко-бы, сдѣлалъ ему содержавшійся съ нимъ въ тюрьмѣ Моисей Дмитріевъ, главный заподозрѣнный по мултанскому дѣлу, къ тому времени уже умершій. Мертвый, конечно, безсиленъ опровергнуть сдѣланный противъ него оговоръ. Но я думаю, что въ самыхъ подробностяхъ свидѣтельскаго показанія Голова, въ связи съ исторіею пріобщенія къ дѣлу г. Шмелевымъ этой новой, важной по дѣлу улики, мы найдемъ уже всѣ признаки искусственнаго ея созиданія. Отвѣты г. Шмелева на наши разспросы даютъ для этого достаточный матеріалъ.

Ранѣе, нежели каторжникъ Голова согласился дать свое, изобличающее мултанскихъ вотяковъ, показаніе, г. Шмелевъ по собственному его сознанію, побывалъ у него три раза въ тюрьмѣ. Узналъ-же онъ о томъ, что Голова „кое-что знаетъ по этому дѣлу“ изъ, полученнаго имъ, Шмелевымъ, анонимнаго письма. Теперь спрашивается: зачѣмъ-же понадобилось приставу трижды навѣщать каторжника въ тюрьмѣ? На это даетъ отвѣтъ тотъ-же г. Шмелевъ. По его сознанію, всѣ эти разы онъ подолгу

бесѣдовалъ съ арестантомъ и увѣщевалъ его дать показаніе слѣдователю. Итакъ показанія каторжника Голова явились результатомъ собесѣдованій и увѣщеваній энергичнаго и находчиваго пристава г. Шмелева. Вы знаете, что, по существу своему, показаніе Голова повторяетъ рѣшительно всѣ ошибки и промахи дознанія, которыхъ въ показаніи его не было-бы, если-бы это былъ дѣйствительный пересказъ сознанія самого Моисея Дмитріева. Въ показаніи рѣчь идетъ и о не существующей тропѣ, по которой понесли трупъ, и объ „источеніи крови“ путемъ уколовъ живота, слѣдовъ которыхъ по конечному заключенію экспертовъ вовсе не оказалось. Чего не знаетъ дознаніе, того не знаетъ и Голова. О томъ ему „не сознавался“ Моисей Дмитріевъ. Напримѣръ: куда дѣвали отрѣзанную голову?

Какова-же цѣна всему этому показанію? Отъ кого почерпнулъ нужныя для своего показанія свѣдѣнія каторжникъ Голова? Отъ кого онъ могъ ихъ почерпнуть?.. Отвѣтъ кажется ясенъ Г. Шмелевъ можетъ торжествовать и радоваться своимъ служебнымъ успѣхамъ, можетъ ожидать даже награды... Его „выручилъ“ каторжникъ Голова въ нужную и отвѣтственную минуту. Отплатилъ-ли несчастному каторжнику тѣмъ-же г. приставъ Шмелевъ, это дѣло его совѣсти. Но дѣло вашей совѣсти въ совершенно равной мѣрѣ—не повѣрить ни каторжнику Голова, ни приставу Шмелеву, такъ какъ рѣшительно не представляется никакой возможности разобраться: гдѣ кончается одинъ свидѣтель и начинается другой... Они стоятъ другъ друга и восполняютъ другъ друга.

Нужно-ли мнѣ продолжать, гг. присяжные засѣдатели? Не довольно-ли? Подобно вамъ, я вижу ихъ (указываетъ на скамью подсудимыхъ) въ первый разъ, какъ и вы, я не руковожусь инымъ побужденіемъ, кромѣ страстнаго желанія открыть истину въ этомъ злополучномъ дѣлѣ. И не во имя только этихъ несчастныхъ, но и во имя достоинства и чести русскаго правосудія я прошу у васъ для нихъ оправдательнаго приговора!..

Послѣ совѣщанія, длившагося пятьдесятъ минутъ, присяжные засѣдатели вынесли для всѣхъ подсудимыхъ оправдательный вердиктъ.

Дѣло Вадима Бутми-де-Кацмана.

Обвинительный актъ въ слѣдующемъ видѣ излагаетъ обстоятельства этого несложнаго дѣла.

27-го іюля 1895 года, около пяти часовъ пополудни, во дворѣ общественной квартиры въ селѣ Цау Сорокскаго уѣзда, тремя послѣдовательными выстрѣлами изъ револьвера въ упоръ, дворянинъ Вадимъ Бутми-де-Кацманъ убилъ купца Ойзера Диманта. Произведеннымъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ установлено слѣдующее: 26-го іюля вечеромъ, судебный приставъ Бойченко и Димантъ прибыли въ село Цау и остановились въ общественной квартирѣ. Димантъ, имѣя при себѣ исполнительный листъ кишиневскаго окружнаго суда, отъ 21-го декабря 1893 г., о взысканіи съ дворянъ Елены Стамати и Бутми-де-Кацмановъ въ свою пользу 47687 р. 50 коп., просилъ пристава Бойченко вручить повѣстку Кацманамъ о добровольномъ исполненіи рѣшенія суда. Вручивъ повѣстку Вадиму Кацману, приставъ возвратился въ общественную квартиру. Черезъ четверть часа послѣ этого, явился туда же Кацманъ и началъ просить Диманта, не производить описи, предоставивъ имъ, Кацманамъ, возможность выпутаться изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ описями онъ ничего не добьется. Около часа продолжалась бесѣда Кацмана съ Димантомъ, но ни къ какому соглашенію они не пришли. На слѣдующій день утромъ около десяти часовъ Бойченко, Димантъ, сельскій староста Ванарчукъ и двое понятыхъ, Дмитришинъ и Юрчишинъ отправились на поле производить опись. Когда они выѣхали за деревню, ихъ нагналъ Кацманъ, ѣхавшій въ кабріолетѣ, и управляющій Гольскій—въ своемъ шарабанѣ. Въ степи Бойченко и Димантъ остановились возлѣ копенъ хлѣба и стали ихъ описывать. Въ это время Димантъ обратилъ вниманіе пристава на кабріолетъ и просилъ внести и его въ опись. Услышавъ это, Кацманъ заявилъ, что кабріолетъ не принадлежитъ ему; тѣмъ не менѣе Димантъ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, говоря, что Кацманъ можетъ судомъ исключить его изъ описи. На первомъ току описанъ былъ весь находившійся тамъ хлѣбъ, хотя Кацманъ и Гольскій заявили, что весь урожай въ имѣніи принадлежитъ Галицкому. Окончивъ здѣсь опись, всѣ отправились на второй токъ, гдѣ, по объясненію пристава Бойченко, одна поселянка заявила, что по-

ловина хлѣба принадлежитъ поселянамъ, и она разобьетъ тому голову, кто будетъ описывать этотъ хлѣбъ; при этомъ Гольскій сказалъ тои поселянкѣ: «этому паршивому жиду надо морду побить». Все это время Димантъ былъ сдержанъ и, какъ-бы, чего-то боясь, ни на шагъ не отходилъ отъ пристава. Послѣ окончанія описи всѣ отправились домой, причемъ Кацманъ пригласилъ заѣхать къ нему въ домъ, но Димантъ отказался и съ Бойченко отправился на ту же общественную квартиру. Спустя послѣ этого около часа времени, именно часовъ въ пять пополудни, туда пріѣхалъ Кацманъ и заявилъ желаніе прочесть составленную опись. Кацманъ былъ сильно взволнованъ и раза два выходилъ въ сѣни пить воду. Когда Кацманъ увидѣлъ, что въ опись внесенъ и кабріолетъ, то началъ просить исключить его, на что Димантъ отвѣтилъ: «Не только не исключу изъ описи кабріолета, но даже опишу вашу посуду и мебель». Послѣ этихъ словъ Димантъ вышелъ изъ комнаты во дворъ, а Кацманъ приступилъ къ подписи описи, но руки его такъ дрожали, что онъ обратился къ Бойченко, разрѣшить подписать опись позже и вслѣдъ за этимъ вышелъ также во дворъ. Здѣсь Кацманъ, увидѣвшій Диманта, сказалъ ему: «г. Димантъ, я прошу васъ освободить кабріолетъ», на что Димантъ не далъ отвѣта, а приказалъ позвать хозяйку общественной квартиры, чтобы расплатиться съ ней за постой. Кацманъ снова повторилъ свою просьбу, на что Димантъ, по объясненію свидѣтеля Дембицкаго, отвѣтилъ: «Вы мнѣ должны деньги, а не я вамъ», а по словамъ свидѣтеля Гольскаго, Димантъ закричалъ: «Нѣтъ, все возьму, всѣхъ васъ пущу по міру, даже пуговицы на тебѣ опишу»; по словамъ-же многихъ другихъ свидѣтелей— Димантъ не успѣлъ еще отвѣтить на вторичную просьбу, какъ Кацманъ крикнулъ: «На тебѣ кабріолетъ» и съ этими словами три раза подъ рядъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ Диманта; при этомъ первый выстрѣлъ направленъ былъ въ спину, а когда Димантъ упалъ, то еще послѣдовало два выстрѣла въ голову, при чемъ Кацманъ при каждомъ выстрѣлѣ повторялъ слова: «На тебѣ кабріолетъ». Означенными выстрѣлами Димантъ былъ убитъ на мѣстѣ. Кацманъ-же, сбросивъ съ себя парусиновую бурку, крикнулъ: «Староста, вяжите меня; теперь, господа, дѣлайте со мною, что хотите, вѣшайте или вяжите».

Все, изложенное удостовѣрили, на предварительномъ слѣдствіи въ соотвѣтствующихъ частяхъ, свидѣтели: Бойченко, Манугевичъ, Ванарчукъ, Дмитришинъ, Юрчишинъ, Гынга, Апостолъ, Рыжакъ, Дембицкій и др.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ трупа Диманта установлено, что смерть его послѣдовала отъ безусловно смертельныхъ поврежденій головнаго и спиннаго мозга, причиненнаго пулями, попавшими въ него при выстрѣлахъ въ упоръ изъ револьвера.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Вадимъ Бутми-де-Кацманъ, признавая себя виновнымъ въ убійствѣ Диманта, объяснилъ, что Димантъ ихъ разорилъ и своими дѣйствіями при описи имущества 27-го іюля привелъ его въ такое сильное раздраженіе, что онъ выхватилъ всегда бывшій при немъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него. Въ виду такого объясненія обвиняемаго, слѣдствіемъ провѣрено было имущественное положеніе Кацмановъ и обстоятельства, вызвавшія задолженность ихъ къ Диманту. при чемъ

установлено слѣдующее: у дворянъ Бутми-де-Кацмановъ два имѣнія—одно при селѣ Цау, Сорокскаго уѣзда Бессарабской губерніи, въ 2107 десятинъ, а другое Писаревка-Волоская въ Ямпольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Подольской губерніи въ 1196 десятинъ. Первое имѣніе оцѣнено государственнымъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ въ 323360 руб, а второе — бессарабско-таврическимъ земельнымъ банкомъ въ 157757 руб Первое имѣніе заложено въ дворянскомъ банкѣ въ 1887 году и взята ссуда въ размѣрѣ 198800 руб. на пятьдесятъ одинъ годъ и девять мѣсяцевъ, при чемъ по 31-е октября 1895 г. числилось капитальнаго долга и недоимокъ 209808 руб. 60 коп. Имѣніе Писаревка заложено на сорокъ три съ половиною года въ бессарабско-таврическомъ банкѣ дважды—въ 1883 г. въ 75000 руб. и въ 1887 г. въ 11000 руб., по этимъ ссудамъ на 1 октября 1895 г. числилось остальнаго капитальнаго долга и недоимокъ 84137 р. 16 к. Изъ увѣдомленія Сорокской уѣздной земской управы видно, что на имѣніи Цау числится земскихъ сборовъ съ 1891 г. 2624 р. 97 к. Независимо сего изъ сообщеній старшихъ нотаріусовъ каменецъ-подольскаго и кишиневскаго окружныхъ судовъ видно, что на имѣнія Кацмановъ Цау и Писаревку наложены слѣдующія запрещенія, кромѣ запрещеній по вышеупомянутымъ долгамъ банкамъ у кишиневскаго старшаго нотаріуса—по второй закладной Фальцъ-Фейнъ—въ 80600 р., по векселю Лейзеру Мичнику 10000 руб., за неплатежъ тому-же Мичнику по векселю 5000 р., за неплатежъ дворянину Гиллярію Федковичу 2000 р, по векселю Гендельману 500 р., по опредѣленію суда по исполнительному листу Якова Афеньева 50000 р., Софьи Бутми-де-Кацманъ 17985 руб., за неплатежъ по векселю Мордкѣ Шехтману 4160 р. и за неплатежъ по векселю купцу Зельману 560 руб. У старшаго нотаріуса подольскаго суда по второй закладной княгини Урусовой 25000 р., по векселю Гиллярію Федковичу 2000 р., по исполнительному листу Лонткевича 2080 руб., за неплатежъ по векселю Мордкѣ Шехтману 4160 руб. Такимъ образомъ стоимость обоихъ имѣній, по оцѣнкѣ, равняется 481117 руб., а долговъ на этихъ имѣніяхъ числится свыше 500000 руб. Изъ тѣхъ-же сообщеній старшихъ нотаріусовъ видно, что на имѣнія Кацмановъ со стороны Диманта наложены слѣдующія запрещенія: по исполнительному листу кишиневскаго окружнаго суда отъ 21-го декабря 1893 г. 12875 р., по исполнительному листу одесской судебной палаты отъ 2-го ноября 1894 г. 4000 руб., по исполнительному листу кишиневскаго окружнаго суда отъ 18-го марта 1895 г.—659 р., по опредѣленію того же суда 10000 руб., по опредѣленію того-же суда въ обезпеченіе взысканія съ Кацмановъ 2812 р. 50 к. и, по рѣшенію бессарабскаго коммерческаго суда, за неплатежъ Диманту 6000 руб. Кромѣ того, Димантъ предъ смертью имѣлъ исполнительный листъ отъ 21-го декабря 1893 г. о взысканіи съ Елены Стамати и Бутми-де-Кацмановъ на 47687 руб. 50 коп.

Такимъ образомъ, претензія Диманта съ Кацмановъ и Стамати опредѣляется въ 84034 руб. Въ дѣйствительности-же Димантъ требовалъ съ Кацмановъ уплаты всего 56809 руб., какъ это выяснилось при производствѣ слѣдствія. Задолженность Кацмановъ Диманту началась въ 1892 г., когда единокровный братъ Вадима Кацмана, Борисъ Стамати по довѣрен-

ности Кацмановъ, заключилъ 21-го декабря 1892 года нотаріальный договоръ съ Димантомъ о продажѣ ему 100 тыс. пудовъ пшеницы урожая 1893 года, по 70 коп. за пудъ, обязуясь эту пшеницу доставить въ Одессу къ 11-му октября 1893 г., при чемъ, въ случаѣ неисполненія условій договора, обязался неустойкою въ 2500 р. При заключеніи договора Дима̀нтъ уплатилъ 26000 руб.,—1-го мая 1893 года 12500 руб. и въ концѣ іюня того-же года 6225 руб., всего 44725 руб. По словамъ-же Стамати, онъ росписался въ полученіи при подписаніи договора 32000 руб., 1-го мая 13000 р. и въ іюнѣ 7000 руб., т. е. въ случаѣ неисполненія договора, онъ обязывался съ неустойкой въ 2500 руб. уплатить 54500 руб. Къ 1-му октября 1893 года Стамати не выполнилъ условій договора, вслѣдствіе чего, 20-го октября Димантъ сдѣлалъ у сорокскаго нотаріуса нотаріальное заявленіе, на каковое Стамати отвѣтилъ, что онъ не обязанъ исполнять договоръ, такъ какъ онъ считаетъ его неправильнымъ. Тогда Димантъ заявилъ кредиторамъ Стамати, такъ и Кацмановъ. Послѣ этого начались попытки со стороны кредиторовъ и знакомыхъ Кацмановъ, причемъ принималъ первенствующее участіе генералъ-лейтенантъ Константиновичъ (бессарабскій губернаторъ), склонить Диманта къ отсрочкѣ возбужденія иска противъ Кацмановъ и примирительному соглашенію съ послѣдними, но эти переговоры ни къ чему не привели и Димантъ предъявилъ искъ къ Кацманамъ. Рѣшеніями кишиневскаго окружнаго суда отъ 24-го марта 1894 года, 22-го сентября того-же года и отъ 26-го января 1895 года присуждено въ пользу Диманта 56899 руб. 20 коп.

Въ виду такого рѣшенія суда, со стороны знакомыхъ Кацмановъ и генералъ-лейтенанта Константиновича опять начались попытки склонить Диманта на уступки при взысканіи долга. Дѣйствительно, Димантъ, исчисляя свои претензіи въ суммѣ свыше 80 т. руб. ихъ долга за купленную пшеницу урожая 1893 г., договора по коммиссіи на 400000 пуд. разнаго хлѣба, долга по векселю въ 10 т. руб. и расходовъ по найму магазиновъ въ гор. Одессѣ для ссыпки пшеницы, согласился уменьшить свои требованія до 58 т. руб., но и эти соглашенія и уступки Диманта ни къ чему не привели и Димантъ въ іюлѣ 1895 г. приступилъ къ описи имущества Кацмановъ, но не успѣлъ этого сдѣлать. такъ какъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ должниковъ, Вадимомъ Кацманомъ. Все изложенное на предварительномъ слѣдствіи установлено осмотрами гражданскихъ дѣлъ Диманта съ Кацманами и Стамати, разныхъ переписокъ, представленныхъ къ дѣлу наслѣдниками Диманта и показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей.

Во время производства слѣдствія, родственниками обвиняемаго Кацмана заявлено было о психически ненормальномъ его состояніи. Въ виду этого Кацманъ подвергся освидѣтельствованію и испытанію въ психіатрической лѣчебницѣ. При окончательномъ освидѣтельствованіи его 3-го іюня 1896 г. эксперты-врачи пришли къ заключенію, что Вадимъ Кацманъ, какъ до совершенія убійства, такъ и въ настоящее время находится въ нормальномъ состояніи, но страдаетъ нервными болѣзнями—наслѣдственной неврастеніей и кромѣ того хронической органической болѣзнью мозга, по всему вѣроятію, опухолью; 27-го іюля 1895 года Кацманъ былъ въ ненормальномъ состояніи, такъ какъ страдалъ и страдаетъ нервными болѣзнями,

вызвавшими 27-го іюля патологическій аффектъ умоизступленія. Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ врачей о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Кацмана до совершенія имъ убійства Диманта и въ настоящее время, окружный судъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ выводъ врачей, что Кацманъ убилъ Диманта въ припадкѣ умоизступленія, произвольнымъ и не оправдывающимся ни предшествовавшими, ни сопровождавшими обстоятельствами убійство Диманта, какъ то выяснилось при производствѣ предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу, а потому призналъ, что дворянинъ Кацманъ, во время совершенія преступленія 27-го іюля 1895 года находился въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей.

На основаній изложеннаго, дворянинъ Вадимъ Бутми-де-Кацманъ, 31 года, обвиняется въ томъ, что 27-го іюля 1895 года въ селѣ Цау Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, находясь въ запальчивости или раздраженіи, тремя послѣдовательными выстрѣлами изъ револьвера убилъ купца Ойзера Диманта, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 201 ст. Уст. Угол. Суд. дворянинъ Бутми-де-Кацманъ Вадимъ Васильевъ подлежитъ суду кишиневскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Дѣло это во избѣжаніе мѣстныхъ вліяній (въ Бессарабіи Димантъ пользовался слишкомъ опредѣленною репутаціею) было перенесено въ г. Херсонъ, гдѣ и слушалось въ мѣстномъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 15, 16 и 17-го мая 1897 года. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель херсонскаго окружнаго суда П. В. Вархаловскій. Обвинялъ товарищъ прокурора В. З. Комаровскій. Со стороны гражданскихъ истцовъ, наслѣдниковъ Диманта выступили одесскіе присяжные повѣренные Ѳ. Н. Литвицкій и Г. М. Сигалъ.

Рѣчь въ защиту В. Бутми-де-Кацмана.

Гг. присяжные засѣдатели!

Судебный приговоръ, провозглашенный по сложному и трудному дѣлу, живо интересующему общественную совѣсть и даже взволновавшему общественное мнѣніе, если этотъ приговоръ основанъ на детальномъ и безукоризненномъ изученіи фактическихъ обстоятельствъ, и если въ основу его положены исключительно здоровыя нравственныя начала, долженъ быть признаваемъ „торжествомъ правосудія“. Это основа для радостнаго и свѣтлаго ликованія общественной совѣсти. Большое торжество и большая общественная ра-

дость, когда судейская совѣсть разрѣшаетъ подобное дѣло исключительно на основаніи свѣтлыхъ и чистыхъ началъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ ожидаемомъ отъ васъ приговорѣ сказалось именно подобное „торжество правосудія“ и чтобы въ немъ не было мѣста для тѣхъ ядовитыхъ рецептовъ и сомнительныхъ формулъ нравственнаго и бытоваго порядка, которыя предлагались въ интересахъ разрѣшенія именно настоящаго дѣла,—дѣла, которое, по справедливому замѣчанію г. прокурора, глубоко потрясло и взволновало общественное мнѣніе.

Дѣйствительно, и въ обществѣ и въ печати много, быть можетъ слишкомъ много, было высказываемо сужденій, которыми старались какъ-бы предрѣшить вашъ приговоръ и подсказать защитѣ мотивы для оправданія подсудимаго. Дѣло это пытались свести къ простѣйшей формулѣ, въ которой вылились будто-бы коренныя свойства племенной розни, покоющейся на вѣчной ненависти и понятномъ антагонизмѣ: еврей и христіанинъ! Этимъ думали сказать все, заранѣе предрѣшая участь еврея. Но если-бы настоящее дѣло было дѣйствительно таково, я бы не выступилъ въ процессѣ Вадима Бутми-де-Кацмана, а если и выступилъ, то первый-бы сказалъ вамъ: „защитите еврея и осудите христіанина!“ Убійство—зло. Для христіанина нѣтъ большаго зла, какъ обагрить завѣтъ любви и милосердія кровавою расплатою мести и злобы.

Другая предложенная формула: ростовщикъ и прогорѣвшій помѣщикъ, съ пистолетомъ въ рукахъ спасающій себя отъ разоренія. Въ подобномъ столкновеніи я сталъ-бы на сторону ростовщика и сказалъ-бы вамъ: не хорошъ ростовщикъ, но легкомысленнаго дворянина, безшабашно размотавшаго вслѣдъ за матеріальнымъ наслѣдственнымъ достояніемъ отцовъ и послѣднее наслѣдственное свое достояніе—честь и незапятнанное имя, вы должны покарать со всею строгостью нелицепріятныхъ судей.

По счастью, формулы, подобныя двумъ вышеприведеннымъ, развѣ только насильственно или по явному недоразумѣнію, могли бы быть втиснуты въ дѣло Вадима Бутми-де-Кацмана, убившаго Ойзера Диманта. Въ этихъ двухъ именахъ сокрыты двѣ личности съ такой яркою индивидуаль-

ною окраскою, съ такою типичною полнотою бытовыхъ и психологическихъ особенностей, что въ нихъ самихъ, въ ихъ интимномъ, личномъ столкновеніи, какъ въ таинственномъ, сказочномъ ларцѣ, сокрыты въ одно и то же время и загадка и разгадка занимающаго насъ теперь убійства. И ларчикъ этотъ, если вдуматься, какъ и слѣдовало ожидать, открывается очень просто. Въ этомъ отношеніи намъ великую услугу оказали психіатры-эксперты своимъ единогласнымъ авторитетнымъ заключеніемъ. Въ лицѣ Вадима Бутми мы имѣемъ дѣло съ натурой исключительной, болѣзненной, и это-то и должно послужить главнымъ основаніемъ для разрѣшенія вопроса о вмѣненіи ему въ вину содѣяннаго. Настоящимъ клиномъ въ существо дѣла врѣзывается вопросъ о психическомъ состояніи подсудимаго.

Вопросъ этотъ при предварительномъ слѣдствіи вызвалъ расколъ въ коллегіи врачей и юристовъ. Врачи безъ колебаній заявили „боленъ“. Юристы твердили свое: „здоровъ и подлежитъ установленному наказанію“. Не кажется-ли вамъ, гг. присяжные, страннымъ, что именно вамъ, не-спеціалистамъ, пришедшимъ изъ разныхъ слоевъ общества, предоставлено верховное разрѣшеніе подобнаго конфликта. Многіе юристы находятъ такое ваше положеніе дѣйствительно страннымъ. Иные полагаютъ, что вы должны безапелляціонно подчиняться заключенію экспертовъ. Но какъ же быть при наличности разногласій и между экспертами? Вопросъ, какъ видите, не разрѣшается столь просто. Законодатель, очевидно, питаетъ наивысшее довѣріе къ вашей добросовѣстности, къ вашему здравому смыслу, если предоставляетъ именно вамъ рѣшить этотъ нерѣдко запутанный и спорный вопросъ какимъ-то „шестымъ“ чувствомъ, инстинктивною прозорливостью вашей судейской совѣсти. По закону вы въ правѣ совершенно отвергнуть экспертизу, вы можете заподозрить ея правильность, вы обязаны войти въ критику ея выводовъ и составить свое собственное мнѣніе. Вы, быть можетъ, скажете: задача эта для насъ непосильная, мы не спеціалисты, мы безсильны противопоставить заключенію экспертовъ-спеціалистовъ свое собственное сужденіе.

Это не совсѣмъ такъ. Обратимся къ медицинской экспертизѣ въ настоящемъ дѣлѣ. Она слагается изъ двухъ частей.

Одна часть строго специальная, конечно, едва-ли подлежитъ нашей критикѣ, если мы не сомнѣваемся въ самой добросовѣстности врачей. Они говорятъ вамъ: у Вадима Бутми-де-Кацмана констатируется опухоль въ мозгу, вызывавшая и вызывающая временами острые припадки жестокой головной боли со рвотами, судорогами и состояніемъ полной безсознательности Та-же опухоль медленно, настойчиво и вѣрно ведетъ къ полной потерѣ зрѣнія. У него наслѣдственно-болѣзненная нервность организма, на почвѣ которой и развилась самая болѣзнь. Это дѣлаетъ всю нравственную сферу подсудимаго неустойчивой въ психическомъ отношеніи, легко переходящую, при наличности благопріятныхъ для того условій, въ настоящую душевную болѣзнь, въ умоизступленіе, т. е. сумасшествіе, но сумасшествіе быстрое, краткое, какъ-бы молніеносное. Въ этой строго-медицинской области умозаключеній мы, разумѣется, безсильны, мы должны принимать показаніе врачей на вѣру. Мы не можемъ отрицать ни опухоли въ мозгу, ни слѣпоты, ни болѣзненной, наслѣдственной нервной расшатанности организма у подсудимаго.

Но одной этой стороны вопроса мало. Не всѣ нервно-больные снабжены заранѣе патентомъ на психическую невмѣняемость ихъ дѣяній. Состояніе патологическаго умоизступленія должно быть точно доказано. И вотъ эксперты говорятъ вамъ: и такое состояніе доказано.

Какъ для патологическаго, такъ и для физіологическаго аффекта, нужны дѣйствительные или призрачные возбудители. Для того, чтобы упала смертоносная молнія, нужно, чтобы въ воздухѣ собралось достаточно электричества. И вотъ, эксперты психіатры именно въ личности Диманта и его отношеніяхъ къ Вадиму Бутми-де-Кацману ищутъ и находятъ тотъ матеріалъ, который собралъ грозу аффекта вокругъ заранѣе патологически обреченной личности. Если мы охотно и безпрекословно уступаемъ область медицинскаго изслѣдованія врачамъ, то зато въ области изслѣдованія бытовыхъ и психологическихъ осложненій настоящаго дѣла мы не только въ правѣ, мы обязаны составить свое собственное сужденіе. И это необходимо потому, что раньше, нежели рѣшить, что аффектъ былъ именно патологическій, необходимо точно и безспорно установить наличность самого аффекта.

Яркими и авторитетными словами, это состояніе болѣзненнаго аффекта рисуется въ слѣдующихъ характерныхъ чертахъ. „Смертельный ударъ, нанесенный въ состояніи гнѣвнаго аффекта, есть преступленіе, къ которому способны самыя благородныя натуры. Когда душой овладѣетъ въ формѣ аффекта сознаніе дѣйствительной или мнимой несправедливости, и подобно урагану, уноситъ съ собою всѣ доводы разсудка, когда гнѣвъ, при посредствѣ возбужденнаго воображенія, представляетъ обидчика предъ очами души въ самыхъ ненавистныхъ формахъ, и затѣмъ при бездѣйствіи разума, при оглушеніи разсудка, ненависть и мстительность совершаютъ извѣстный поступокъ, и лежащая въ основѣ его рѣшимость оказывается не столько слѣдствіемъ преступной воли, сколько результатомъ невиннаго, само по себѣ благороднаго, человѣчески справедливаго чувства, которое, усиливаясь по чрезмѣрной настойчивости его до степени аффекта, внезапно дѣлаетъ человѣка не тѣмъ, чѣмъ онъ обыкновенно бываетъ, и вынуждаетъ его дѣйствовать иначе, чѣмъ-бы онъ дѣйствовалъ, если-бы владѣлъ самимъ собой". Такова классическая формула аффекта вообще. Намъ предстоитъ доказать, что именно такой аффектъ былъ на лицо и въ событіи 27-го іюня. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ необходимости анализировать не только самое печальное событіе, но и тѣхъ живыхъ людей, которые его создали.

Прежде всего предъ нами встаетъ гигантская и, по отзыву всѣхъ знавшихъ покойнаго, какъ-то физически, вмѣстѣ и подавлявшая, и отталкивавшая фигура Диманта. Та фигура, мощная, широкая спина которой показалась такъ нестерпимо-ненавистной обезумѣвшему Вадиму Кацману въ тотъ моментъ, когда онъ произвелъ выстрѣлъ. Дима́нтъ, пронесшійся сокрушительнымъ вихремъ въ жизни Вадима Бутмиде-Кацмана, требуетъ и ждетъ отъ насъ и своей нравственной оцѣнки. Приходится дать отвѣтъ на вопросъ: почему именно такая личность могла и должна была произвести на подсудимаго столь сильное, отталкивающее и вмѣстѣ подавляющее впечатлѣніе?

Сюда явился, какъ вы знаете, представитель гражданскихъ истцовъ наслѣдниковъ Диманта для возстановленія чести и памяти умершаго. Здѣсь, какъ вы, вѣроятно, замѣ-

тили были приняты предосторожности, чтобы даже слово „ростовщикъ“ не звучало слишкомъ часто. И надо правду сказать: названіе „ростовщикъ“ въ примѣненіи къ Диманту ровно ничего не обозначаетъ.

Ростовщикъ по терминологіи нашего закона, это человѣкъ, торгующій деньгами, пытающійся при этомъ нажить на своемъ торговомъ оборотѣ свыше двѣнадцати процентовъ годовыхъ. Разъ взято двѣнадцать съ половиною, на лицо „ростовщикъ“, и его сажаютъ на скамью подсудимыхъ. И это только, когда торгуютъ деньгами. Но если вы торгуете другимъ, столь же ходкимъ товаромъ, наживать вы можете уже сколько угодно—хотя бы рубль на рубль. Запрета нѣтъ! Вы видите, такимъ образомъ, что ростовщикъ въ его чистомъ видѣ, совсѣмъ не такъ ужасенъ, какъ это принято обыкновенно думать, и я безъ малѣйшей ироніи публично утверждаю, что могутъ быть и „честные“, и „добрые“ ростовщики. Они взимаютъ, правда „свыше узаконенныхъ“ проценты, но за то они не тѣснятъ васъ въ тяжелую минуту, не ставятъ вамъ невозможныхъ сроковъ и не только не ищутъ вашего разоренія, а, наоборотъ, всѣми силами готовы способствовать вашему же матеріальному благополучію, чтобы, наконецъ, получить „свой капиталъ“ и „честно заработать“ свой выговоренный „процентъ“ (выше узаконеннаго), выговоренный въ такую для васъ минуту, когда ни одинъ банкъ, ни одно кредитное учрежденіе, не говоря уже о добрыхъ пріятеляхъ, не дадутъ вамъ и рубля ни за какой (что съ точки зрѣнія высшей математики, пожалуй, тоже не ниже узаконеннаго) процентъ.

Пусть же успокоится г. повѣренный гражданскихъ истцовъ, мы не станемъ называть Диманта ростовщикомъ. Сказать о человѣкѣ, который, замышляя разореніе ближняго, призываетъ Бога на помощь, какъ призывалъ его Димантъ, говоря: „да поможетъ мнѣ Богъ разорить Стамати!“ или клянется самимъ собою, говоря: „не будь я Димантъ, если я не разорю Стамати!“,—что онъ только „ростовщикъ“, значитъ еще ровно ничего о немъ не сказать и, во всякомъ случаѣ, значитъ, сказать слишкомъ мало. Димантъ не ростовщикъ, онъ — Димантъ. А это — значитъ гораздо больше!

Намъ было положительно воспрещено во время слѣдствія касаться другихъ „дѣлъ“ Диманта, кромѣ его „дѣла“ съ Стамати и Бутми, и подробно изслѣдовать происхожденіе его огромнаго состоянія. По этому предмету даны были только отрывочныя указанія свидѣтелемъ Айзенштейномъ. По его словамъ первое свое благополучіе Дима̀нтъ основалъ на разореніи нѣкогда извѣстнаго бессарабскаго богача помѣщика Ботезата. Ботезатъ сталъ нищимъ, а Ойзеръ Дима̀нтъ сразу почувствовалъ подъ ногами почву. Съ этого, выражаясь технически, онъ и „пошелъ“. Затѣмъ уже въ качествѣ „милліонера“ Дима̀нтъ самолично скачетъ отъ одного барскаго имѣнія въ другое съ исполнительными листами, въ сопровожденіи рабски преданнаго ему судебнаго пристава (въ родѣ г. Бойченко) и хватаетъ самое живое, самое насущное: неубранный еще урожай, ремонентъ, сельскохозяйственныя орудія. Что онъ дѣлаетъ? Взыскиваетъ свои деньги и свой процентъ? Нѣтъ! Онъ—разоряетъ. Видѣли-ли вы второго „милліонера“, который самолично продѣлывалъ-бы всѣ эти прелести, не гнушаясь ими, не довѣряясь при этомъ даже своимъ подручнымъ и довѣреннымъ? Сомнѣваюсь!

Вотъ вамъ въ грубыхъ чертахъ контуръ и абрисъ личности Диманта. Предсѣдательское veto безпрестанно умѣряло словоохотливыхъ свидѣтелей. Оно „ограждало“ личность умершаго и притомъ потерпѣвшаго... Это совпадаетъ, конечно, съ нравственными задачами, по формулѣ—о мертвыхъ „aut bene aut nihil“, если, конечно, не затемняетъ и не искажаетъ истины. Мы поневолѣ умѣрены въ нашихъ изысканіяхъ. Мы должны брать Диманта уже готовымъ, въ такую минуту, когда грозное предсказаніе почтеннаго его родителя, испытывавшаго, очевидно, по временамъ приступы своеобразнаго пророческаго мистицизма и (если вѣрить свидѣтелю Айзенштейну) предрекшаго будто бы своему сыну Ойзеру, что онъ „ни за что не умретъ своею смертью, если только Богъ есть“ — осталось далеко позади, въ туманномъ прошломъ, менѣе всего похожимъ на то, что оно можетъ когда-либо сбыться, ибо Ойзеръ Дима̀нтъ не сталъ ни воромъ, ни бродягою, ни ночнымъ гулякою, а наоборотъ, въ противность всему этому,—сталъ милліонеромъ.

Приведемъ показанія такихъ, ничѣмъ не заинтересован-

ныхъ въ дѣлѣ, свидѣтелей, изъ разнообразныхъ слоевъ общества, какъ господа Степановъ, Айзенштейнъ, Голумбашъ и князь Кантакузенъ, знавшихъ хорошо Диманта, а также его дѣятельность, его кредиторскіе пріемы, именно уже въ качествѣ „милліонера“. По ихъ словамъ, какъ только мало опытный въ коммерческихъ дѣлахъ Борисъ Стамати отъ себя и по довѣренности Бутми-де-Кацмановъ вступилъ въ договорную сдѣлку съ Димантомъ, по которой получилъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей съ вычетомъ впередъ ростовщическихъ процентовъ, всѣ—не только остальные кредиторы Стамати, но и люди, совершенно посторонніе, знавшіе Кацмановъ и Стамати и имъ сочувствовавшіе, тотчасъ же стали высказывать самыя тревожныя опасенія за ихъ дальнѣйшую судьбу. Димантъ самъ предложилъ свои услуги Борису Стамати, самъ шелъ навстрѣчу его „временному“ затруднительному матеріальному положенію, и именно эта, непонятная на первый взглядъ, предупредительность милліонера особенно встревожила людей дальновидныхъ и прозорливыхъ.

Денежныя дѣла Бутми-де-Кацмановъ, не говоря уже о дѣлахъ Елены Стамати, матери Бориса Стамати и родной тетки Кацмановъ, до 1892 года не только не были плохи, но были безусловно хороши. Послѣ смерти Смаранды Егоровны Бутми-де-Кацманъ ея дѣти, въ числѣ восьми человѣкъ, унаслѣдовали два прекрасныхъ имѣнія въ Каменецъ-Подольской и Бессарабской губерніяхъ, имѣнія, хотя и заложенныя въ дворянскомъ земельномъ банкѣ и обремененныя нѣкоторыми частными долгами, но все-же далеко не превышающими по своей стоимости общую сумму долговъ. По балансу, выведенному обвинительнымъ актомъ, выходило будто-бы такъ, что уже до сдѣлки съ Димантомъ пассивъ имущества Кацмановъ превышалъ въ дѣйствительности его активъ. Но это невѣрно. Дважды невѣрно! Во-первыхъ, если-бы это было такъ, то столь опытный дѣлецъ, какъ Димантъ, вовсе-бы не вошелъ съ ними въ сдѣлку. А кромѣ того, это и ариѳметически невѣрно. Рядомъ представленныхъ нами документовъ, на цифровыя данныя которыхъ мы всегда своевременно обращали ваше вниманіе, нами установлено, что стоимость недвижимаго имущества Кацмановъ,

даже по банковской его оцѣнкѣ, не менѣе какъ на сто тридцать тысячъ рублей превышала сумму не только ипотечныхъ, но и рѣшительно всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, долговъ, оставшихся послѣ покойной Смаранды Бутми-де-Кацманъ, матери подсудимаго. Къ активу необходимо еще прибавить стоимость движимости и хозяйственнаго ремонента въ обоихъ имѣніяхъ, который, по отзыву ближайшихъ сосѣдей Кацмановъ, священника Звойчинскаго и г. Голумбаша, въ имѣніи Цау до разоренія его Димантомъ, въ 1894 году, былъ образцовый и стоилъ до пятидесяти тысячъ рублей.

Такимъ образомъ, надо считать безспорно установленнымъ, что въ 1893 году, т. е. до вступленія Стамати, по довѣренности Бутми-де-Кацмановъ, въ сдѣлку съ Димантомъ, восемь человѣкъ наслѣдниковъ Смаранды Бутми-де Кацманъ, рѣшившихъ владѣть имѣніями сообща и въ равныхъ доляхъ, не умаляя долей сестеръ до законной нормы, владѣли въ сущности состояніемъ въ двѣсти тысячъ рублей, а можетъ быть, нѣсколько и большимъ, такъ какъ понятно, что банковская оцѣнка не можетъ служить предѣльною нормою дѣйствительной стоимости имѣній. Но остановимся на безспорной цифрѣ—двѣсти тысячъ рублей. На каждаго — по двадцати пяти тысячъ рублей, разумѣется это не богатство, не роскошь, не излишекъ, но, во всякомъ случаѣ, — это не нищета, не бѣдность. По отзыву такого опытнаго сельскаго хозяина, какъ г. Голумбашъ, хозяйство въ имѣніи Цау, во время завѣдыванія имъ Вадимомъ Бутми-де-Кацманомъ (подсудимымъ), велось не только расчетливо и хорошо, но даже образцово. До 1892 года, о какомъ нибудь экстренномъ займѣ для нуждъ Бутми-де-Кацмановъ или ихъ имѣній не приходилось и думать.

Въ 1892 году Бессарабію и вообще весь югъ Россіи постигъ неслыханный сплошной неурожай. Огромный посѣвъ не только въ собственномъ имѣніи, но и въ арендуемомъ, не вернулъ даже сѣмянъ. Не только не предвидѣлось никакихъ доходовъ, но приходилось настоятельно думать о займѣ для предстоявшихъ взносовъ въ банкъ и по текущимъ обязательствамъ. Въ имѣніяхъ Елены Егоровны Стамати, сосѣднихъ съ имѣніями Бутми, оказалось то же самое: нельзя было вернуть сѣмянъ.

Такимъ образомъ, началомъ денежнаго замѣшательства въ хозяйствахъ Бутми и Стамати явилась отнюдь не общая расшатанность ихъ дѣлъ, вслѣдствіе мотовства или жизни выше средствъ. Началомъ явилось — бѣдствіе, настоящее стихійное бѣдствіе, стоявшее внѣ ихъ воли и предвидѣнія. Я особенно отмѣчаю и подчеркиваю это обстоятельство такъ какъ именно въ такую минуту долженъ былъ появиться и дѣйствительно появился милліонеръ Ойзеръ Димантъ.

Не подтверждаетъ-ли одно это совпаденіе характеристику, сдѣланную свидѣтелемъ Айзенштейномъ и повторенную многими другими. Димантъ „входилъ въ дѣло" только тогда, когда его будущая жертва находилась уже въ серьезной опасности. Ссужать небольшія сравнительно суммы за узаконенные или даже нѣсколько повышенные, получаемые впередъ, проценты, онъ не особенно любилъ. По отзыву свидѣтеля Степанова онъ бывалъ „недоволенъ", когда должники ему „возвращали" занятую сумму въ срокъ. Жертва ускользала, оставляя лишь нѣсколько ничтожныхъ перушекъ въ когтяхъ хищника. Димантъ любилъ иную добычу.

Гдѣ-то въ Писаніи превосходно сказано: „обвиняю не богача, а хищника. Ты богатъ? Не мѣшаю тебѣ! Но ты грабитель? Осуждаю тебя! И богачи, и бѣдняки равно мои дѣти!"

Такимъ прирожденнымъ „хищникомъ", жаднымъ именно до кровавой добычи, рисуется въ нашемъ воображеніи убитый Димантъ.

Не буду во слѣдъ за свидѣтелемъ Айзенштейномъ (кстати сказать, соплеменникомъ Диманта, въ которомъ невозможно подозрѣвать умышленнаго лицепріятія) удаляться въ глубь отдаленнаго прошлаго, когда юный Ойзеръ даже въ глазахъ родного своего отца, не переносившаго его жестокаго и безпощадно-злого характера, унаслѣдованнаго, по словамъ свидѣтеля, отъ матери, былъ какимъ-то извергомъ-отщепенцемъ, котораго отецъ прозвалъ „солдатомъ Ойзеромъ" (солдатчина тѣхъ временъ, особенно въ глазахъ еврея, была—жестокая вещь!). Мало-ли безотчетно-злыхъ дѣтей съ плохими наслѣдственными задатками, или характеромъ, испорченнымъ воспитаніемъ? Для насъ дорогъ Димантъ—„готовый". Такимъ онъ олицетворяетъ собою безпощадную, злую стихію, кото-

рая столкнулась на одномъ пути съ другою силою, казавшеюся и слабою и безвольною, и которая, однако-же, почти безсознательно, почти противъ воли своей погубила первую...

Въ желаніи своемъ реабилитировать нравственную физіономію убитаго гг. обвинители старались свести все это дѣло къ тому, что Димантъ требовалъ будто-бы только „по договору“, а Бутми старался уклониться отъ его исполненія. По словамъ моихъ противниковъ выходитъ такъ, что Димантъ едва-ли не облагодѣтельствовалъ Стамати и Бутми-де-Кацмановъ, давъ имъ сорокъ четыре тысячи и не получивъ ихъ обратно черезъ шесть, десять мѣсяцевъ въ видѣ готовой пшеницы, какъ то было условлено.

Въ „договорѣ“ былъ назначенъ срокъ... „Договоръ“ обязывалъ... Димантъ требовалъ только „по договору“! Вольноже было не выполнить въ срокъ, „согласно договора“. Вы видите все договоръ, договоръ и договоръ!

О томъ, какой это былъ договоръ и чего желалъ Димантъ, мы еще побесѣдуемъ. Пока замѣтимъ только, что и у классическаго по своей неумолимой и жадной лютости ростовщика, шекспировскаго Шейлока, также былъ свой „договоръ“. Фунтъ мяса, который онъ требовалъ поближе отъ живого и трепещущаго сердца неисправнаго должника, былъ тоже обусловленъ договоромъ. Аргументы, приводимые моими противниками въ защиту правъ Диманта, пригодились бы, такимъ образомъ, самому Шейлоку. Онъ также „только требовалъ по договору“.

Юридическое значеніе димантовскаго договора здѣсь всесторонне изслѣдовалось и тщательно оцѣнивалось. Добивались знать отъ Стамати и наслѣдниковъ Диманта, какъ сами стороны смотрѣли на него: **какъ** на договоръ купли-продажи пшеницы урожая 1893 года, или **какъ** на договоръ коммисіи по продажѣ той же пшеницы? Въ дѣйствительности этотъ договоръ былъ не тѣмъ и не другимъ. Въ основѣ его лежало обязательство: въ уплату за полученный денежный авансъ расчитаться доставкою ста тысячъ пудовъ пшеницы по цѣнѣ момента расчета. Хотя въ текстѣ договора и говорилось, что пшеница куплена по семидесяти копеекъ за пудъ, но тутъ же въ дополнительной „обезпечительной“ запискѣ предусматривалось, что, въ случаѣ паденія цѣны, Стамати обязаны допла-

тить Диманту разницу. Въ случаѣ повышенія цѣны „разница“ шла уже въ пользу Диманта.

Если бы это былъ обычный договоръ купли-продажи, какъ на томъ настаиваютъ защитники Диманта, Стамати было бы весьма выгодно выполнить его въ срокъ, ибо уже на первое октября пшеница упала въ цѣнѣ до пятидесяти пяти копеекъ за пудъ. Если бы расчетъ могъ быть учиненъ по продажной цѣнѣ (а если это была купля-продажа, то иного расчета и быть бы не могло), то Стамати оказались бы въ чистомъ барышѣ на пятнадцать тысячъ рублей. Это не былъ и договоръ коммиссіи. Димантъ хлѣбными операціями въ ихъ чистомъ видѣ вообще не занимался. Онъ не имѣлъ ни соотвѣтствующей конторы, ни магазиновъ въ Одессѣ. Если здѣсь и было представлено письмо брата Диманта, въ которомъ говорилось о наймѣ будто-бы на данный случай магазиновъ, то не забудемъ, что такое письмо понадобилось представить въ процессѣ гражданскомъ еще при жизни Диманта, который затѣялъ искъ о своихъ „убыткахъ“. Время написанія этого „братскаго“ письма ничѣмъ ровно по дѣлу не удостовѣрено, не представлено даже почтоваго конверта, въ которомъ оно могло быть прислано.

Въ чемъ же, однако, заключается истинная сущность договора, заключеннаго Димантомъ со Стамати по довѣренности его матери Елены Егоровны и Бутми-де-Кацмановъ двадцать перваго декабря 1892 года? Отвѣтъ едва-ли можетъ представлять какія-либо затрудненія. Хотя самый текстъ договора и написанъ довольно хитро и уснащенъ всѣми крючками и петлями дамантовской предусмотрительности, тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно, что это былъ договоръ займа съ полученными впередъ процентами и съ попытками взять въ свое полное распоряженіе, какъ гарантію платежа, весь урожай 1893 года. Въ томъ году, какъ извѣстно, урожай вышелъ огромный. Дѣло усложнилось лишь тѣмъ, что, вслѣдствіе исключительныхъ атмосферическихъ и климатическихъ условій, урожай опоздалъ на цѣлыхъ полтора мѣсяца.

Изъ имѣній Стамати выговорено было доставить Диманту шестьдесятъ пять тысячъ пудовъ готовой пшеницы; изъ имѣній Бутми—всего только тридцать пять тысячъ пудовъ. И у тѣхъ, и у другихъ урожай оказался гораздо большимъ,

но на первое октября (на это число была условлена доставка смолоченнаго хлѣба Диманту по договору) было на лицо весьма незначительное количество готовой пшеницы. Можно было набрать всего нѣсколько тысячъ пудовъ. Договоръ былъ не выполненъ въ срокъ не по винѣ обязавшихся. Мало того, везти пшеницу къ Диманту, какъ онъ того требовалъ, въ то время, когда цѣна ея упала до неслыханнаго минимума и была притомъ одинакова какъ на мѣстѣ, такъ и въ Одессѣ, было-бы чистымъ безуміемъ. Поэтому Диманту въ удовлетвореніе его претензіи, какъ самъ Стамати, такъ и другіе его кредиторы, стали предлагать вполнѣ безобидныя соглашенія, по которымъ онъ, если-бы и не нажилъ, то, во всякомъ случаѣ, ровно ничего-бы не потерялъ.

Но милліонеръ Димантъ, облагодѣтельствовавшій, по словамъ моихъ противниковъ, Стамати, не пошелъ ни на какія соглашенія. Шестнадцатаго ноября 1893 года онъ уже предъявилъ въ кишиневскомъ окружномъ судѣ искъ не только къ Стамати, но и къ Бутми-де-Кацманамъ, и въ томъ-же мѣсяцѣ, въ обезпеченіе своего иска, превышавшаго немногимъ пятьдесятъ тысячъ рублей, уже описывалъ въ Плонахъ и Цау (имѣнія Стамати и Бутми) всю движимость, ремонентъ и не смолоченный, еще хранившійся въ скирдахъ огромный урожай 1893 года.

Напрасно ему предлагали всевозможныя комбинаціи, предлагали третейскій судъ, обращались къ губернатору, къ предводителю дворянства — все было напрасно, все было тщетно. Димантъ иногда хитрилъ, дѣлалъ видъ, что готовъ итти на соглашенія, но какъ только дѣло подходило къ развязкѣ, онъ ловко уклонялся въ сторону или предлагалъ такія условія мирового соглашенія, отъ которыхъ волосы вставали дыбомъ. Такъ, онъ требовалъ то девяносто, то восемьдесятъ, то семьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, или-же настаивалъ на предоставленіи въ его полное и безотчетное распоряженіе „ликвидаціи“ всего урожая 1893 года, котораго даже по низкимъ цѣнамъ того времени, оказывалось въ двухъ имѣніяхъ болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей.

Въ письмѣ своемъ къ губернатору, въ которомъ онъ прикидывается настоящимъ ягненкомъ, Димантъ жалобно во-

питъ о какихъ-то восьмидесяти тысячахъ рублей, которыя ему, яко-бы, „слѣдуютъ“ по договору. Мы знаемъ, что въ концѣ-концовъ судъ и одесская судебная палата со всѣми процентами и начетами присудили ему полностью все, что причиталось по договору, и цифра эта не превысила пятидесяти четырехъ тысячъ рублей.

Чѣмъ же объяснить возможность поддержанія подобныхъ чудовищныхъ требованій, разъ по суду даже „взыскать“ онъ могъ не болѣе пятидесяти четырехъ тысячъ рублей? Слыханное-ли дѣло, чтобы кредиторъ, серьезно желающій мирового соглашенія, могъ домогаться большаго, чѣмъ даже то, къ чему присужденъ по суду должникъ? Какой должникъ будетъ такъ простъ, чтобы уплатить почти вдвое? Оказывается, что условія нашего сельскаго задолженнаго хозяйства открываютъ поле и для подобныхъ, уже явно хищническихъ, набѣговъ. Наличныхъ денегъ для уплаты долга до реализаціи урожая у помѣщиковъ нѣтъ, и достать ихъ не откуда. И вотъ за строптивость и несговорчивость, въ видѣ устрашающей военной экзекуціи, продѣлывается съ должникомъ то, что въ январѣ 1894 года продѣлалъ Димантъ со Стамати и Бутми-де-Кацманами.

Чинить убытки отвѣтчику на многіе десятки тысячъ рублей, на сумму, большую самой стоимости своей кредиторской претензіи,—подобную роскошь можетъ дозволить себѣ только милліонеръ. Непокорившійся сразу должникъ смятъ, обезсиленъ, обезволенъ до степени безотвѣтнаго раба. Димантъ торжествуетъ и нахально требуетъ за свою претензію по исполнительному листу въ пятьдесятъ четыре тысячи восемьдесятъ тысячъ, и официально объ этомъ пишетъ губернатору. На этихъ условіяхъ онъ еще согласенъ „мириться“, иначе опять война, война безпощадная.

Достойно замѣчанія еще вотъ что. Негодовать, возмущаться за неисполненіе договора въ срокъ имѣлъ еще нѣкоторое основаніе Димантъ по отношенію къ Борису Стамати, подписавшему сдѣлку. Но по отношенію къ Бутми-де-Кацманамъ онъ и подобнаго основанія не имѣлъ. Димантъ отлично зналъ, что Бутми-де-Кацманы, обязанные по договору поставкою лишь тридцати пяти тысячъ пудовъ пшеницы изъ общаго количества ста тысячъ, сами по себѣ устояли

бы въ договорѣ, ибо эти тридцать пять тысячъ пудовъ, переведенныя на деньги, составляли не болѣе восемнадцати тысячъ рублей. На первыхъ порахъ онъ даже прекрасно сознавалъ, что подписаніе договора Стамати не только за себя, но и по довѣренности Бутми-де-Кацмана имѣло лишь значеніе обезпеченія на случай несостоятельности самого Стамати. Свои претензіи онъ первоначально и направлялъ исключительно къ Стамати.

Что же озлобило Диманта противъ Бутми-де-Кацмана? „Кровь разгорѣлась“, по выраженію одного свидѣтеля. У Диманта „кровь разгоралась“ всегда, когда надо было измыслить крючки и петли для своего незаконнаго обогащенія. Полнымъ его торжествомъ было то, что кишиневскій окружный судъ, гдѣ Бутми-де-Кацманы вовсе не защищались, присудилъ ему не только со Стамати, но и съ Бутми искомую сумму и притомъ доли отвѣтственности распредѣлилъ не въ предѣлахъ суммы недоставленнаго количества пшеницы, а, наоборотъ, всю сумму должныхъ денегъ разбилъ поголовно; на семейство Бутми пала львиная доля. Рѣшеніе это, утвержденное впослѣдствіи одесскою судебною палатою, очевидно, исходило изъ положенія, что договоръ не былъ ни договоромъ продажи, ни договоромъ коммисіи, а лишь простымъ долговымъ обязательствомъ въ суммѣ взятыхъ у Диманта денегъ. Дѣло не было перенесено въ правительствующій сенатъ, рѣшеніе палаты вошло въ законную силу, и противъ правильности его мы не будемъ спорить, если бы даже считали по существу подобный споръ возможнымъ.

Получивъ такой исполнительный листъ, Димантъ воспрянулъ духомъ. За нимъ было признано право и на предварительное исполненіе рѣшенія. Здѣсь старались объяснить дальнѣйшее „жестокое“ поведеніе Диманта по отношенію къ Бутми раздраженіемъ, вызваннымъ жалобами, поданными однимъ изъ нихъ губернатору и прокурору. Но не слѣдуетъ забывать, что уже въ январѣ 1894 года Димантъ приступаетъ къ описи, а затѣмъ и къ продажѣ всей движимости, всего ремонента и всего урожая прошлаго года въ имѣніи Цау. Урожай этотъ онъ частью сгнаиваетъ, частью за безцѣнокъ пускаетъ по вѣтру. Только въ желаніи парализовать подобные пріемы и отвратить безцѣльность разоренія, стали пода-

ваться самыя жалобы, не приведшія, впрочемъ, ни къ какому (охотно въ томъ сознаюсь!) хорошему результату. Можетъ быть, даже было-бы гораздо лучше, если-бы ихъ вовсе не было. Это отняло-бы по крайней мѣрѣ у Диманта внѣшній поводъ кичиться своимъ боевымъ девизомъ: „теперь посмотримъ, кто кого задушитъ!“...

Впрочемъ, для человѣка, который призываетъ имя Бога, когда хочетъ разорить кого-нибудь,—и клянется самимъ собою, обѣщая это выполнить, не достаточно-ли собственной злобы, не ожидая достаточнаго повода? Человѣкъ, душа котораго живетъ такими клятвами, не нуждается въ оправданіи своей злобы. Димантъ сознавалъ это отлично, гораздо лучше своихъ запоздалыхъ защитниковъ, когда восклицалъ: „не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не опишу на нихъ послѣдней пуговицы, пока Елена Егоровна Стамати не будетъ у меня кухаркой“!..

Въ самый моментъ описи, доведшей несчастнаго Вадима Бутми-де-Кацмана до позора и скамьи подсудимыхъ, развѣ не захлебывался Димантъ отъ собственной своей злобы, злобы торжествующей, ликующей, обращаясь къ подсудимому на „ты“ и осыпая его угрозами и ругательствами. Даже судебный приставъ Бойченко, рѣшившійся, въ качествѣ свидѣтеля, на судѣ все отрицать и во что-бы то ни стало отстаивать благопристойность поведенія Диманта, былъ уличенъ нами. На предварительномъ слѣдствіи, не успѣвъ еще, очевидно, хорошенько насторожиться, и этотъ свидѣтель не отрицалъ того, что на просьбу Вадима освободить отъ описи кабріолетъ, Димантъ ему отвѣтилъ: „не только не освобожу, но опишу вилки, ложки, всю мебель, сдѣлаю несостоятельнымъ и посажу въ тюрьму!“

Я васъ спрашиваю, чѣмъ могъ вызвать подобную злобу Диманта Вадимъ Бутми-де-Кацманъ, тотъ Вадимъ Бутми, который, по отзыву священника Зворжинскаго, даже при встрѣчахъ съ Димантомъ оставался, по своему обыкновенію, всегда незлобиво-кроткимъ и привѣтливымъ?

Какъ мы объяснимъ себѣ ту кровавую развязку, то „животное возбужденіе“, которое, по собственному сознанію подсудимаго, всецѣло вдругъ овладѣло имъ при видѣ ши-

рокой спины Диманта, спины, намѣревавшейся удалиться торжественно и побѣдоносно..

Приходится остановиться на характеристикѣ подсудимаго. Я не могу скрыть отъ васъ, гг. присяжные... Мною овладѣваетъ невольно какое-то глубокое волненіе каждый разъ, когда я вдумываюсь въ личность подсудимаго, даже когда только называю его по имени. Чѣмъ-то свѣжимъ и чистымъ, несмотря на всю болѣзненность, несмотря на всю расшатанность нервной системы этого почти душевно-больного, вѣетъ отъ него. Если безумцы оба, и Димантъ и Бутми, безумцы, столкнувшіеся почти стихійно на роковомъ пути, то какъ различны бываютъ проявленія одного и того-же безумія!

Вспомнимъ несложное прошлое Вадима Бутми. Рожденный и выросшій въ привычной къ роскоши и безпечной жизни богатой дворянской семьѣ, Вадимъ выдѣляется изъ всѣхъ, онъ не похожъ на другихъ. Всѣ болѣе или менѣе расшатываютъ огромное отцовское состояніе, у всѣхъ свои прихоти, свои нужды, свои затѣи. Вадимъ ничего не тратитъ на себя, онъ получаетъ скромное, но солидное образованіе, избираетъ своею спеціальностью сельское хозяйство и подготовляется къ нему не только теоретически, но и въ качествѣ практиканта, въ качествѣ простого работника. Припомните показаніе свидѣтеля Голумбаша, въ имѣніи котораго онъ, на ряду съ другими работниками, натиралъ мозоли на своихъ рабочихъ рукахъ и готовъ былъ всегда вступиться за интересы младшихъ, обиженныхъ и обездоленныхъ. Отстранивъ отъ себя всю денежную сторону хозяйства, которая ввѣрена была сначала брату его Георгію Бутми-де-Кацману, а затѣмъ родственнику Борису Стамати, онъ и у себя въ имѣніи отдается только технической сторонѣ сельскаго хозяйства. только тяжелой работѣ. Въ потѣ лица своего хотѣлъ-бы онъ не только зарабатывать хлѣбъ свой, но и трудиться на сестеръ и братьевъ, которыхъ нѣжно любитъ и которые, въ свою очередь, относятся къ нему какъ-то особенно нѣжно и бережно, инстинктивно чуя, что это натура особенная, что онъ почти „не отъ міра сего“.

Когда рѣчь заходила о распредѣленіи доходовъ или о дѣлежѣ имѣній, всѣ знали, что Вадимъ позаботится только

о другихъ и ничего не потребуетъ для себя. Онъ почти ничего на себя не тратилъ. Деликатный, сдержанный, въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ онъ руководствуется только чувствомъ справедливости. Ложь его коробитъ. Правдивъ онъ до щепетильности. Эта правдивость ощущается въ немъ съ такою силою, что, въ концѣ концовъ, даже здѣсь на судѣ ему въ качествѣ подсудимаго охотнѣе какъ-то вѣрилось, нежели всѣмъ свидѣтелямъ вмѣстѣ взятымъ. Когда возникало сомнѣніе о томъ, какъ именно происходило дѣло, спрашивали его. Всѣ заранѣе знали, что „Вадимъ“ (его къ концу процесса едва-ли не всѣ такъ попросту „дружески“ стали называть) не только не солжетъ, но даже и не попытается скрасить истины, хотя-бы она шла ему прямо во вредъ...

И вотъ такой-то воспріимчивой, деликатной и до щепетильности правдивой натурѣ пришлось пережить ту самоуправную оргію, которую чинилъ Димантъ двадцать седьмого іюля 1895 года въ имѣніи Цау при услужливомъ, рабски услужливомъ содѣйствіи судебнаго пристава Бойченко. Не стану вамъ описывать подробностей, онѣ слишкомъ тяжелы и слишкомъ характерны, чтобы ихъ можно было забыть.

Имѣніе Цау, несомнѣнно, находилось въ то время въ дѣйствительной, а не фиктивной арендѣ доктора Галицкаго, женатаго на одной изъ сестеръ Бутми. У управляющаго Гольскаго была формальная довѣренность отъ Галицкаго; всѣ мѣстные обыватели знали, что посѣвъ дѣйствительно сдѣланъ на средства Галицкаго. Но какъ-бы тамъ ни было, никто, кромѣ суда, не въ правѣ былъ рѣшить, фиктивенъ или нѣтъ подобный контрактъ. Судебный приставъ обязанъ былъ или пріостановить опись или отмѣтить, по крайней мѣрѣ, въ журналѣ о предъявленіи ему контракта. Ни того, ни другого онъ не сдѣлалъ. Онъ грубо издѣвался или отмалчивался при предъявленіи ему требованій Гольскаго и Вадима Кацмана. Но этого мало, опись судебнаго пристава Бойченко, опороченная впослѣдствіи и окружнымъ судомъ и судебною палатою, содержитъ въ себѣ поистинѣ перлы судопроизводственной неправды и крючкотворства. Стога пшеницы сосчитывались, будучи еще въ дѣйствительности несложенными. Хлѣбъ, стоявшій на корню, описывался за сыпучій, уже об-

молоченный. Подзадориваемый Димантомъ, судебный приставъ Бойченко на всѣ протесты или упорно отмалчивался или доставалъ только изъ сумки свой знакъ, на которомъ изображено „законъ“, и демонстративно показывалъ его понятымъ, которые начинали было уже терять терпѣніе и волноваться.

Мы не призваны здѣсь судить г. Бойченко какъ должностное лицо. Какъ человѣкъ, онъ, быть можетъ, въ простотѣ своей и не подозрѣваетъ всей огромной нравственной отвѣтственности, которая ложится на него въ настоящемъ дѣлѣ. Онъ, можетъ быть, въ то время и не считалъ себя даже человѣкомъ, стараясь быть только законникомъ. Если это такъ, то онъ былъ изъ тѣхъ законниковъ, о которыхъ въ писаніи мѣтко сказано: „и вамъ, законники, горе, вы налагаете на людей бремена неудобоносимыя, а сами и перстомъ однимъ не прикасаетесь до нихъ!“ Если-бы только „перстомъ однимъ“ онъ самъ держался за законность, и провѣрилъ корректность своихъ собственныхъ дѣйствій, всей мрачной исторіи, быть можетъ, не случилось-бы.

Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, изъ-за какихъ въ сущности пустяковъ, переполнившихъ чашу, вышла кровавая развязка.

Больной, раздражительный Вадимъ Бутми пріѣзжаетъ на поле и настаиваетъ только на законности пріема и счета скирдъ и хлѣба, и требуетъ внесенія въ опись контракта Галицкаго. Ему не только въ этомъ отказываютъ, но, какъ-бы въ издѣвку надъ нимъ, Димантъ кричитъ: „опишите лошадей и кабріолетъ, на которыхъ онъ пріѣхалъ, опишите кабріолетъ!“ Все это, вмѣстѣ взятое, стоитъ какихъ-нибудь пятьдесятъ рублей. Однажды оно уже продавалось по описи Диманта и было куплено съ торговъ родственницею Бутми и отдано Вадиму на прокатъ. Полу-слѣпой Бутми нуждается въ какомъ-нибудь экипажѣ, и подобная выходка милліонера Диманта до глубины души потрясаетъ его. Не то-же-ли это, что, описывая цѣнное имѣніе, сорвать съ должника еще и сюртукъ, который на немъ? Вадимъ заявляетъ, что кабріолетъ не его, и проситъ пристава не вносить его въ опись. Приставъ, повидимому, соглашается. Каково-же изумленіе Вадима Бутми, уже окончательно омраченнаго и разстроеннаго, когда, по пріѣздѣ на общественную квартиру, гдѣ безъ

его присутствія фабриковалась знаменитая опись, онъ къ довершенію всѣхъ прелестей узнаетъ, что въ самомъ концѣ описи, передъ печатью, все-таки предательски вписано: „кабріолетъ старый и пара кобылъ“.

Эта „пара кобылъ“ особенно ударяетъ ему въ голову. Да вѣдь у него „меринъ (старый меринъ) и кобыла“, а вовсе не „пара кобылъ“ Но судебный приставъ иронически покручиваетъ усъ и философски замѣчаетъ: „не все-ли это равно!“ Димантъ торопитъ и хочетъ уже уходить. Тогда, дѣлая еще надъ собою послѣднее усиліе, Бутми скороговоркою, какъ-то по-дѣтски хныча, начинаетъ молить самого Диманта: „Оставьте мнѣ кабріолетъ... прошу васъ, оставьте кабріолетъ!“. Подписать опись, опротестовать ее онъ уже не можетъ, у него неистово дрожатъ руки. Онъ не могъ вывести и перваго слова, перо у него выпало. „Оставьте кабріолетъ?“ Тогда-то Димантъ, властно потрясая воздухъ, вдругъ разражается градомъ тѣхъ ругательствъ и оскорбленій, которыя почти дословно были воспроизведены здѣсь свидѣтелями-понятыми, присутствовавшими при всей этой сценѣ. Димантъ кричитъ: „не только не оставлю т е б ѣ кабріолета, пуговицы н а т е б ѣ опишу, рубаху с ъ т е б я сниму, нищимъ т е б я сдѣлаю!“

Какъ ужаленный, метнулся подсудимый въ сторону. Всѣ присутствующіе дивятся его терпѣнію... Онъ бросается въ другую комнату, хватаетъ стаканъ съ водою, хочетъ отпить глотокъ, но зубы его не разжимаются, стаканъ расплескивается въ его рукахъ .. Онъ еще надѣется, онъ про себя еще молитъ Создателя: пошли мнѣ терпѣнія... святого терпѣнія!

Но Богъ оставилъ его... Разумъ его помутился. Димантъ тѣмъ временемъ повернулъ къ нему уже свою широкую, свою ненавистную спину. Онъ торжествующій удаляется.

„Вотъ тебѣ кабріолетъ!“ и выстрѣлъ раздался. За нимъ послѣдовали еще два выстрѣла.

Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, тотъ отчаянный вопль, который вырвался тутъ-же изъ глубины груди подсудимаго вслѣдъ за произведенными имъ выстрѣлами, изъ которыхъ два послѣднихъ были сдѣланы уже въ мертваго, повалившагося къ его ногамъ, Диманта?.. Въ этомъ воплѣ слабо теплилось сознаніе того, что только-что совершилось. Несчастный понималъ, что совершилось что-то огромное и ужас-

ное, раздавившее его самого своею тяжестью. И вотъ онъ изступленно кричитъ: „вяжите, вѣшайте, дѣлайте со мною, что хотите!“ Онъ смутно ощущаетъ и чувствуетъ, что съ нимъ въ тотъ моментъ „кончено навсегда“. Увы! Онъ почти не ошибся ..

Жестокій и тяжкій недугъ все болѣе и болѣе застилаетъ свѣтъ передъ его глазами Ему грозитъ полная слѣпота. Слѣпецъ и нищій — что можетъ быть ужаснѣе! Слѣпецъ — по волѣ Неба, нищій—по волѣ Диманта

Судите его!

Присяжные засѣдатели послѣ весьма краткаго совѣщанія вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ, встрѣченный шумнымъ сочувствіемъ, бывшей въ судѣ, публики.

Дѣло армянина Киркора Гульгульяна.

Несложныя обстоятельства этого дѣла изложены въ обвинительномъ актѣ, оглашенномъ на судѣ, въ слѣдующемъ видѣ:

Въ концѣ марта мѣсяца 1899 г. турецкій подданный, житель города Байбурта, Эрзерумскаго округа Оттоманской Имперіи, по національности турокъ, Хассанъ, сынъ Батана, Милій оглу по своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ г. Симферополь и остановился на Севастопольской улицѣ въ кофейной армянина Карабета Манутарьяна. 28-го апрѣля, вечеромъ, вышеуказанный Хассанъ Милій оглу находился въ ближайшей отъ своей квартиры харчевнѣ, принадлежащей Амету Али оглу, и оттуда послѣ ужина, часовъ въ одиннадцать, вмѣстѣ со знакомыми, пошелъ пить кофе въ кофейную своего хозяина, но по дорогѣ изъ-за забора, отгораживающаго производящуюся при домѣ Топалова съ улицы постройку, неожиданно выскочилъ какой-то человѣкъ, бросился на Хассана, ни слова не сказавъ, нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ и бросился въ бѣгство, однако, былъ немедленно настигнутъ и задержанъ съ окровавленнымъ кинжаломъ въ рукахъ городовымъ Кремлевымъ при помощи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ съ Хассаномъ Миліемъ оглу. Послѣдній, обливаясь кровью, упалъ и тутъ-же на улицѣ скончался. При судебно-медицинскомъ вскрытіи у него оказалась колотая рана, проникающая лѣвое легкое, сердце и дыхательное горло, каковую рану врачъ-экспертъ призналъ безусловно смертельной. Задержанный, оказавшійся турецкимъ подданнымъ и уроженцемъ того-же города Байбурта, армяниномъ Киркоромъ Манухъ Абаджи Гульгульянъ, какъ на дознаніи приставу Луценко, такъ равно и на предварительномъ слѣдствіи, спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, сознался въ убійствѣ Хассана Милій оглу и объяснилъ, что въ г. Симферополѣ онъ живетъ около трехъ мѣсяцевъ, занимался сапожнымъ мастерствомъ, а въ Россію онъ вообще бѣжалъ изъ Турціи еще въ 1895 году послѣ армянскихъ безпорядковъ, во время которыхъ онъ потерялъ отца и двухъ братьевъ, убитыхъ въ г. Байбуртѣ, на его глазахъ Хассаномъ Миліемъ оглу. Съ появленіемъ послѣдняго въ г. Симферополѣ имъ, Киркоромъ Гульгульяномъ, овладѣло таившееся въ немъ чувство мести за смерть упомянутыхъ родныхъ и привело его къ рѣшимости убить Хассана, для чего онъ пріобрѣлъ кинжалъ и сталъ слѣдить за нимъ, выжидая удобнаго момента, чтобы привести свое намѣреніе въ

исполненіе; наконецъ, 28-го апрѣля, ночью, онъ, вооруженный кинжаломъ, укрылся за заборомъ близъ квартиры Хассана Милій оглу, выжидая его возвращенія изъ ближайшей харчевни, и засимъ, едва Хассанъ приблизился къ нему, какъ онъ изъ-за забора бросился къ нему и нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ. Покончить-же съ нимъ на родинѣ среди турецкаго населенія у него не хватало мужества. Объясненіе обвиняемаго въ существенныхъ своихъ чертахъ подтвердилось показаніями турецко-подданныхъ Сетрака Минасова, въ кофейнѣ котораго обвиняемый проживалъ, матери Минасова Назеле, а также и другихъ армянъ, уроженцевъ г. Байбурта, проживающихъ въ г. Симферополѣ. На основаніи изложеннаго и согласно 201 ст. уст. угол. суд., турецко-подданный изъ армянъ, уроженецъ г. Байбурта, Киркоръ Манукъ-Абаджи-Гульгульянъ, 27-ми лѣтъ, подлежитъ суду симферопольскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ томъ, что въ городѣ Симферополѣ, задумавъ изъ мести лишить жизни турецко-подданнаго турка Хассана, сына Батана, Милія оглу, онъ съ той цѣлью пріобрѣлъ кинжалъ и въ ночь на 29-е апрѣля 1899 года, укрывшись за заборомъ дома Топалова на Севастопольской улицѣ г. Симферополя и выждавъ, когда Хассанъ Милій оглу проходилъ мимо него, бросился на послѣдняго и нанесъ ему кинжаломъ въ лѣвый бокъ смертельную рану, отъ каковой онъ, Хассанъ Милій оглу тотчасъ-же и скончался, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 3 ч. 1453 ст. улож. о нак.

22-го сентября 1899 года дѣло это слушалось въ симферопольскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ членъ суда А. И. Смирновъ. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Н. Д. Бѣлявцевъ. Мы выступили съ защитою по этому дѣлу по приглашенію покойнаго Г. А Джаншіева и при его авторитетной нравственной поддержкѣ.

Рѣчь въ защиту Киркора Гульгульяна.

Гг. присяжные засѣдатели!

Если-бъ мы захотѣли ограничить судебное изслѣдованіе и самый кругозоръ нашъ въ этомъ дѣлѣ исключительно тѣмъ небогатымъ матеріаломъ, который заключается въ разсказѣ подсудимаго и двухъ-трехъ свидѣтелей байбуртской рѣзни, мы очутились бы въ странномъ положеніи. Намъ показалось бы, что насъ посѣтилъ тяжелый кошмаръ, что мы пережили нехорошій сонъ, или что насъ, какъ дѣтей, пугали страшною сказкою. Гдѣ-то, не такъ далеко отъ насъ, на территоріи блистательной Порты, всего три съ половиною года назадъ,

не въ кровавой глубинѣ прошедшихъ вѣковъ, среди мирныхъ жителей городскихъ кварталовъ, населенныхъ армянами, невозбранно и безнаказанно носятся шайки вооруженныхъ людей—турокъ. Они грабятъ и превращаютъ живыхъ людей въ трупы. Никто не въ состояніи дать себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что происходитъ. Въ городѣ есть войско, есть стражи полицейскія, но они сначала бездѣйствуютъ, а затѣмъ смѣшиваются съ разбойничьими шайками и „усмиряютъ“ собственными ударами тѣхъ изъ армянъ, которые пытаются спастись. Цѣлый день идетъ рѣзня.

Отдѣльныя шайки вооруженныхъ турокъ, подъ предводительствомъ наиболѣе видныхъ по своему служебному или общественному положенію лицъ города Байбурта и его уѣзда, перерываютъ до основанія каждый армянскій домъ, извлекаютъ изъ него всѣ цѣнности, набиваютъ ими себѣ карманы, предоставляя черни грабить остальное. Скрывшихся въ домахъ армянъ безжалостно извлекаютъ изъ ихъ похоронокъ, выволакиваютъ за ноги на улицы и тутъ же убиваютъ на глазахъ обезумѣвшихъ отъ ужаса женщинъ и дѣтей.

Во главѣ одной изъ такихъ неистовствующихъ бандъ носится по городу Хассанъ Милій оглу, убитый въ Симферополѣ 29-го апрѣля 1899 года ударомъ кинжала армянина Киркора Гульгульяна. Этотъ Хассанъ, по словамъ бѣжавшихъ во время рѣзни армянъ, „порѣзалъ“ много армянъ, въ томъ числѣ нѣсколько семействъ очень богатыхъ людей, деньгами которыхъ завладѣлъ. Въ числѣ другихъ мирныхъ армянъ онъ собственноручно зарѣзалъ Манука Гульгульяна, старика, отца подсудимаго, и двухъ его братьевъ, Саркиза и Хагадура Самъ Киркоръ Гульгульянъ спасается какимъ-то чудомъ: онъ забивается подъ рундукъ, прикрытый рядномъ. До той рѣзни Гульгульяновы жили всѣ вмѣстѣ, въ собственномъ домѣ, занимались ремеслами и пользовались хорошимъ достаткомъ. Послѣ рѣзни остались: мать Киркора Гульгульяна, Сурпуга, съ четырьмя дочерьми, двадцати, восемнадцати, четырнадцати и восьми лѣтъ; онѣ стали нищими.

Рѣзня длилась цѣлый день, до самыхъ сумерекъ, причемъ убивали и женщинъ, если тѣ пытались защищать мужей армянъ или сами искали у нихъ спасенія. Уцѣлѣвшихъ отъ общей рѣзни байбуртскихъ армянъ власти „за безпорядки“

тотчасъ же забрали въ тюрьму, гдѣ они просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда наступилъ вечеръ и, насытившіеся кровью и грабежомъ, турки отхлынули отъ армянскихъ кварталовъ, чтобы разсѣяться по домамъ и кофейнямъ и предаться своему обычному кейфу, пустынные улички и закоулки Байбурта огласились заглушаемыми до тѣхъ поръ лишь страхомъ, воплями и вздохами. То армянскія женщины, накинувъ на головы черныя хламиды въ знакъ траура и печали, беззвучно выползали изъ своихъ разоренныхъ лачугъ на поиски дорогихъ труповъ. Эти трупы валялись тутъ же на улицахъ, уличные псы лизали съ камней человѣческую кровь, а женщины при мигающемъ свѣтѣ зажженной спички узнавали каждая „своихъ покойниковъ“. Тутъ-то, по словамъ бѣжавшей впослѣдствіи изъ Байбурта въ Россію старухи Назеле Минасовой, женщины обмѣнивались своими печальными вѣстями. Своей сосѣдкѣ, Сурпугѣ Гульгульянъ, Минасова разсказала, что ея, Минасовой, родственныхъ мужчинъ убила банда Измаила-Аза, и, въ свою очередь, отъ нея услышала, что мужа ея, Гульгульянъ Манука и сыновей Саркиза и Хагадура зарѣзала банда Хассана Милій оглу.

Показаніе старухи Гульгульянъ, такимъ образомъ, вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ день рѣзни самъ, укрывшійся отъ турокъ Киркоръ Гульгульянъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, не сказка ли все это? Судъ отказалъ мнѣ въ правѣ ссылаться на спеціальныя историческія сочиненія по вопросу объ армянской рѣзнѣ въ Турціи въ 1894—1896 годахъ. Я вынужденъ подчиниться такому распоряженію суда, хотя, да простится мнѣ, никакъ не могу взять въ толкъ, какимъ образомъ именно этимъ путемъ можетъ быть достигнуто „неизвращеніе судебной перспективы“.

Когда у насъ вводилось гласное и публичное судопроизводство, мы, конечно, ликовали не отъ усиленія уголовной репрессіи, а отъ ожиданія того, что только при такихъ условіяхъ судъ сумѣетъ и сможетъ ярко освѣтить истиннымъ правосуднымъ свѣтомъ не только верхушку печальнаго явленія, но и самую почву, на которой оно выросло. Всякое иное освѣщеніе общественнаго явленія (какимъ всегда является преступленіе) представляется освѣщеніемъ искус-

ственнымъ, и тогда, дѣйствительно, можетъ итти рѣчь о перспективахъ... и объ ихъ извращеніи. Возьмемъ настоящее дѣло. При искусственномъ или маломъ освѣщеніи его, оно кажется только происшествіемъ фантастичнымъ и романичнымъ, даже маловѣроятнымъ. Кровавое преступленіе Киркора Гульгульяна неожиданное, быстрое, дерзкое, совершенное на улицѣ, словно сіяніемъ молніи среди абсолютной тьмы ярко освѣщаетъ только маленькую, невзрачную, одинокую фигурку какого-то невѣдомаго намъ человѣка. Но развѣ при томъ-же мимолетномъ освѣщеніи мы не разглядѣли ничего больше? Развѣ мы не увидѣли, что эта человѣческая фигурка стоитъ надъ пропастью, вырытою вѣками, пропастью, почти бездонною... Ужели это не должно привлечь нашего вниманія? Ужели мы можемъ пройти мимо явленія историческаго характера, не пояснивъ себѣ даже его значенія, не попытавшись даже понять его, какъ отдѣльное звено въ общей цѣпи человѣческихъ страданій, именуемой дипломатично и кратко исторіею „положеніемъ армянъ въ Турціи“. Мы вмѣстѣ съ христіаниномъ армяниномъ и турецкимъ подданнымъ Киркиромъ Гульгульяномъ, обвиняемомъ въ преднамѣренномъ изъ мести убійствѣ мусульманина, природнаго турка изъ Малой Азіи, Хассана Милія оглу, стоимъ на самомъ краю исторической пропасти и не можемъ не заглянуть въ нее...

Предсѣдательствующій. Прошу васъ не касаться событій, не бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія.

Прис. пов. Карабчевскій. Я буду касаться лишь историческихъ событій, обязательно извѣстныхъ гимназисту седьмого класса. Получивъ университетское образованіе, я въ правѣ считать эти историческіе факты общеизвѣстными и не нуждающимися въ судебной повѣркѣ.

Предсѣдательствующій. Въ числѣ присяжныхъ есть лица, не получившія высшаго образованія.

Прис. пов. Карабчевскій. Тѣмъ болѣе я считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ ними этими свѣдѣніями...

Предсѣдательствующій. Продолжайте.

Прис. пов. Карабчевскій. Гг. присяжные засѣдатели, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ составъ оттоманской имперіи, со времени вторженія турокъ въ Европу, во-

шли многія народности, исповѣдующія христіанскую религію, ставшія по отношенію къ завоевателямъ-побѣдителямъ побѣжденными. Таковы: греки, сербы, болгары, босняки и армяне par excellence, ибо Малая Азія съ Арменіею во власти турокъ уже шесть вѣковъ. Историческія карты Европы испещрены, какъ іероглифами, передвигавшимися чертами завоеваній. Нѣтъ почти ни одного европейскаго государства, которое не сложилось бы путемъ завоеваній. Но, благодаря исторической культурѣ, происходила нормальная ассимиляція завоеванныхъ провинцій. И побѣжденные и побѣдители (съ осадкомъ или безъ осадка политической горечи на сердцахъ) становились въ концѣ концовъ гражданами одного государства, пріобщались къ общимъ повинностямъ, къ общей государственной службѣ и въ частной жизни, безъ различія племеннаго и религіознаго, искали и находили благоденствіе подъ сѣнью общихъ законовъ. Таковъ нормальный ходъ исторіи.

Но Турція—иное дѣло. Status quo азіатской культуры, фанатизмъ ислама, деспотическій образъ правленія, во главѣ котораго стоитъ султанъ-калифъ, т. е., глава мусульманской церкви, причемъ на знамени пророка ревнивые хранители завѣтовъ Магомета до сихъ поръ не прочь читать „смерть гяурамъ“, создали то, нѣчто особенное, маловѣроятное съ точки зрѣнія европейской культуры, съ чѣмъ цѣлая Европа, ради политическихъ соображеній терпѣливо считается, однако, уже многіе вѣка. Турецкіе подданные христіане въ общій строй государственной жизни, управленія и суда не входили, и по искреннему убѣжденію истиннаго мусульманина никогда войти не могутъ. Это райя — стадо, какъ всякое стадо, безправное; съ каждой головы берется налогъ — харадж ъ, пока головѣ позволено быть на плечахъ. Судъ по шеріату не признаетъ свидѣтелей христіанъ. Процессъ, выигранный христіаниномъ, никогда не считается рѣшеннымъ окончательно. Всегда сыщется инстанція, которая можетъ его отмѣнить. Разъ взысканная подать не считается взысканною, всегда найдется какой-нибудь охотникъ, который взыщетъ ее и во второй, и въ третій разъ. Ни духовная, ни имущественная личность христіанина не ограждена закономъ. Однимъ словомъ, это вѣчно длящееся

положеніе побѣжденныхъ и побѣдителей, а вы знаете, что побѣжденнымъ—горе!

Изъ числа подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ дольше и безнадежнѣе всѣхъ ей подвластенъ армянскій народъ. У подножія своего ветхозавѣтнаго Арарата, въ нѣкогда цвѣтущей Арменіи, онъ стоически претерпѣвалъ и претерпѣваетъ всѣ униженія рабства. Привязанный къ своей родинѣ упрямымъ инстинктомъ земледѣльца, крѣпкій чистотою семейныхъ узъ и духовныхъ началъ, привитыхъ ему христіанствомъ, каковое, какъ народъ, онъ первый же и воспринялъ, армянскій народъ, подвластный туркамъ, въ мирныхъ добродѣтеляхъ черпалъ неистощимый запасъ терпѣнья. Лордъ Байронъ (вдохновенный борецъ за греческую независимость) такъ отзывается о немъ: „трудно, быть можетъ, было бы найти другую націю, въ лѣтописяхъ которой было бы такъ мало преступленій, какъ въ лѣтописяхъ этого народа, котораго добродѣтели суть всѣ добродѣтели мирнаго времени, а пороки лишь послѣдствія того гнета, который онъ выноситъ".

О той же армянской націи историкъ Гиббонъ писалъ сто лѣтъ тому назадъ: „этой націи не давали даже пользоваться спокойствіемъ рабскаго состоянія, съ первыхъ же шаговъ своей исторіи до настоящаго момента Арменія была театромъ вѣчныхъ войнъ. Жестокая политика обезлюдила земли, находящіяся между Тавромъ и Эриванью. Ко всѣмъ несчастьямъ, общимъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, подвластнымъ Турціи, по отношенію къ армянамъ надо присоединить еще: тиранію беевъ, грабительства черкесовъ и кочевыхъ курдовъ, т. е. другими словами, надо присоединить довольно обычныя явленія рафинированнаго звѣрства на почвѣ мрачнаго фанатизма въ видѣ насильственнаго обращенія сельскаго населенія въ исламъ, похищенія дѣвушекъ и мальчиковъ для продажи ихъ въ гаремы и насилованія молодыхъ женщинъ на глазахъ ихъ мужей и отцовъ".

Предсѣдательствующій. Г. защитникъ, прошу васъ на касаться... это не было предметомъ слѣдствія и не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Прис. пов. Карабчевскій. Достаточно взглянуть на карту Малой Азіи, чтобы убѣдиться, что названныя мною племена, промышляющія разбоемъ, въ сосѣдствѣ съ Ар-

меніею, нравы ихъ также описываются въ учебникахъ географіи..

Предсѣдательствующій. Прошу васъ, продолжайте въ предѣлахъ, указанныхъ мною

Прис. пов. Карабчевскій. Я старался доказать, что армяне не склонны къ насилію вообще, я перечислялъ ихъ мирныя добродѣтели. Эти добродѣтели оказались политическими пороками. На ряду съ армянами влачили нѣкогда столь же жалкое рабское существованіе греки, сербы, румыны, болгары, словомъ, всѣ христіанскія народности, подвластныя Турціи. И что же мы видимъ? Теперь всѣ (т. е. почти всѣ) мало-по-малу освободились, встали на ноги. Всеобщее греческое возстаніе 1820—1827 годовъ было первымъ освободительнымъ пламенемъ, подогрѣвшимъ Европу. Дикія репрессіи турокъ выразившіяся въ такихъ фактахъ, какъ поголовныя избіенія всего населенія острова Хіоса, или повѣшаніе въ день св. Пасхи въ Константинополѣ въ облаченіи противъ церкви патріарха съ тремя архіепископами, вызвали вопль всеобщаго негодованія. Извѣстно, что рыцарски воинственному вмѣшательству Императора Николая Перваго закончившемуся нашими побѣдами въ Турціи и адріанопольскимъ миромъ (1829 г.), обязано новое греческое королевство своимъ бытіемъ. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія политиканской хитрости мясника Милоша обязана Сербія своему возникновенію съ наслѣдственной княжеской династіей. Но все это были пока только единичныя попытки силою или хитростью сбросить съ себя ненавистное иго рабства.

Армяне оставались стоически терпѣливыми. Самое большее, въ чемъ проявлялся ихъ протестъ, это въ періодическихъ переселеніяхъ въ предѣлы Россіи. Петръ Великій, покоривъ побережья Каспійскаго моря, спѣшитъ заселить этотъ край христіанскимъ элементомъ, армянами-колонистами, и воспользоваться ими, какъ надежною точкою опоры въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Особенное значеніе для порабощенной „райи“ и, вообще, для судебъ турецкихъ армянъ имѣли побѣдоносныя войны Екатерины Второй. Кучукъ - кайнарджинскій трактатъ 1774 года впервые ставилъ официально христіанъ Востока подъ покровительство Россіи. Постройкою на Днѣпрѣ

города Григоріополя, исключительно для эмигрировавшихъ турецкихъ армянъ, Императрица надѣялась достичь того, что, „находящіеся за границей армяне, видя благоденствіе переселенцевъ, къ нимъ присоединятся“. И, дѣйствительно, армяне массами стали переселяться въ Крымъ, „превращая пустыни въ грады“. Павелъ Первый „во вниманіе къ отличному трудолюбію, тщательному домостроительству и примѣрному поведенію“ переселившихся въ Россію турецкихъ армянъ и для привлеченія новыхъ переселенцевъ, жалуетъ имъ грамотою 28-го октября 1799 года новыя милости и преимущества. По окончаніи войны 1812 года Александръ Первый грамотою на имя всего армянскаго народа, данною въ Теплицѣ, 16-го сентября 1813 года, выражаетъ благодарность за то, что посреди смутныхъ обстоятельствъ они „пребыли тверды и непоколебимы въ своемъ усердіи къ Намъ и Престолу Нашему, жертвуя имуществомъ своимъ и всѣми средствами и самою жизнью на пользу службы Нашей и для общаго блага“. Императоръ считаетъ себя обязаннымъ засвидѣтельствовать имъ передъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую признательность и благоволеніе. Съ особенною силою сказалась привязанность армянъ къ Россіи во время войны ея съ Персіею въ 1826 году. Они массами стали переселяться въ Россію. Персидское правительство пугало ихъ крѣпостнымъ правомъ въ Россіи и рекрутчиною, но армяне отвѣчали: „лучше будемъ ѣсть сѣно въ христіанской землѣ, нежели хлѣбъ въ Персіи“. Въ турецкую войну 1828 года Порта переселила всѣхъ армянъ изъ пограничныхъ мѣстностей въ отдаленныя области, но не могла преградить путь для выраженія симпатій Россіи. По заключеніи адріанопольскаго мира армяне турецкіе массами стали выселяться въ Россію (около 90.000 душъ). Порта встревожилась, такъ какъ уходилъ самый трудолюбивый ремесленный народъ. Изъ Константинополя послали въ Эрзерумъ епископа Варфоломея, чтобы удержать армянъ отъ переселенія; но ему отвѣчали: „если бы самъ Христосъ сошелъ съ неба, чтобы уговорить насъ остаться въ Турціи, и Его бы не послушались“.

Предпослѣдняя война наша съ Турціею, которою Императоръ Николай Первый надѣялся „похоронить мертваго“, т. е. покончить съ Турціею, какъ съ европейскою державою, разъ

и навсегда, исполнила турецкихъ армянъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Армяне выказали преданность и содѣйствіе Россіи. Увы! этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Война съ „союзниками“, закончившаяся одиннадцатимѣсячною геройскою обороною и паденіемъ Севастополя, какъ извѣстно, спасла „больного человѣка“, т. е. Турцію и дала отсрочку.... подвластнымъ Турціи христіанамъ для новыхъ страданій. По окончаніи нашей крымской кампаніи турецкіе армяне подверглись страшнымъ репрессіямъ за свои симпатіи къ Россіи.

Такъ дѣло оставалось до нашей послѣдней турецкой войны съ ея кровавыми Дунаемъ, Плевною и Шипкою и побѣдоноснымъ санъ-стефанскимъ трактатомъ, ограниченнымъ впослѣдствіи берлинскимъ трактатомъ. Извѣстно, что этой послѣдней нашей войнѣ 1878 года, послѣднимъ усиліямъ окончательно освободить христіанъ на Востокѣ, предшествовала сербская война и болгарская рѣзня. Но, по крайней мѣрѣ, для этихъ и другихъ христіанскихъ народностей пролитая русскими кровь оказалась пролитою не даромъ; санъ-стефанскимъ трактатомъ установлена автономія Румыніи, Сербіи и Черногоріи, возникло и новое христіанское государство, независимое отъ прежняго своего властелина,—Болгарія.

Армяне, какъ настоящіе пасынки исторіи, и на этотъ разъ оказались въ хвостѣ историческихъ удачъ и благополучій. Но все-же санъ-стефанскій договоръ имѣлъ для армянскаго народа огромное нравственное и политическое значеніе. На страницахъ международныхъ трактатовъ о его судьбѣ заговорили впервые. Часть турецкихъ армянъ Малой Азіи перешла Россіи, а относительно другой части, оставшейся за Турціей, впервые по иниціативѣ Россіи, было выговорено право на спеціальныя реформы, ограждающія личную и имущественную безопасность армянъ. По ст. 16 санъ-стефанскаго договора Турція торжественно обязывалась передъ Россіей: „произвести безъ дальнѣйшаго отлагательства улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями областей, населенныхъ армянами и обезопасить ихъ отъ курдовъ и черкесовъ“. Берлинскій конгрессъ вырвалъ у Россіи исключительное право на такое обязательство, добытое русскою кровью, и воспроизвелъ § 16 санъ-стефанскаго договора въ § 16 берлинскаго трактата, предоставивъ не исклю-

чительно Россіи, а шести великимъ европейскимъ державамъ сообща слѣдить за выполненіемъ обязательствъ Порты и требовать ихъ выполненія. Чтобы ослабить вліяніе Россіи на Востокѣ, Европа себя поставила на ея мѣсто и, такимъ образомъ, какъ-бы поручилась торжественно за безопасность армянъ. Независимо этого, 4-го іюня 1878 года Англія отдѣльно заключила трактатъ съ Турціею, которымъ брала Малую Азію, а, стало быть, и судьбу Арменіи подъ свой великодушный протекторатъ.

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго мною, слѣдуетъ считать безспорно офиціально и документально установленнымъ, что до санъ-стефанскаго договора личная судьба каждаго армянина, жителя Малой Азіи, не была законно ограждена турецкими законами, не была обезопасена и отъ разбойныхъ нападеній сосѣднихъ курдовъ и черкесовъ. Въ Константинополѣ впослѣдствіи дѣйствовала, такъ называемая, „армянская конституція“; но это была эфемерная конституція, полная платоническихъ благопожеланій, безплодныхъ ходатайствъ, надеждъ и—только. Въ провинціяхъ никакихъ реформъ не предпринималось, несмотря на „зоркій“ надзоръ шести державъ. Если, по русской пословицѣ, у семи нянекъ дитя безъ глаза, то для несчастной Арменіи оказалось довольно и шести нянекъ для того, чтобы продолжать влачить свое прежнее бѣдственное существованіе.

Затѣмъ въ 1894, 1895 и 1896 годахъ, какъ разъ въ то время, когда послѣ шестнадцати лѣтъ безплоднаго ожиданія, стали торопить Турцію съ реформами для армянскихъ провинцій, которыя желала облагодѣтельствовать Европа, совершилось нѣчто столь дикое и неслыханное, чему не хотѣли сперва вѣрить и чему съ содраганіемъ вынуждены были, наконецъ, повѣрить. Я говорю о массовыхъ избіеніяхъ армянъ въ Сассунѣ (1894 г.), а затѣмъ послѣдовательно и во всѣхъ округахъ Малой Азіи, наконецъ, и въ Константинополѣ.

Избіеніе въ городѣ Байбуртѣ, родинѣ Киркора Гульгульяна, гдѣ отъ ударовъ убитаго имъ здѣсь Хасана Милія оглу пали его отецъ и два брата, совершилось 27-го октября 1895 года. По офиціальнымъ даннымъ, (донесенія консуловъ, англійская „Синяя“ и французская „Желтая“ книги и т. п.) установлено, что въ Байбуртѣ всѣ армяне мужскаго

пола были перебиты или заключены въ тюрьму. Эти данныя вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что мы слышали здѣсь. Разграблено было четыреста домовъ, число убитыхъ достигало до тысячи. Въ окрестностяхъ Байбурта совершенно разграблено и разрушено сто шестьдесятъ пять деревень.

Первая сассунская рѣзня была объяснена мятежемъ, яко бы со стороны самихъ армянъ, причемъ ихъ убито было десять тысячъ человѣкъ. Но мало по малу истина вскрылась. Благодаря даннымъ, разоблаченнымъ представителями державъ и частными лицами (въ ихъ числѣ съ уваженіемъ слѣдуетъ помянуть ирландца Диллона, англичанъ-супруговъ Гарриссовъ, француза Шарметана, нѣмца Лепсіуса и нашихъ русскихъ публицистовъ Джаншіева, Гольстрема, графа Комаровскаго и другихъ) получилась картина поистинѣ потрясающая. По свѣдѣніямъ, собраннымъ представителями великихъ державъ до начала 1896 года въ Малой Азіи убито 37.085 душъ, разорено и сожжено домовъ 39.749, насильственно обращено въ магометанство 40.950 человѣкъ, пущено по міру 290.300 человѣкъ. Повсюду открыты были подписки на пожертвованія въ пользу вдовъ и сиротъ армянскихъ, разрѣшенъ былъ официально такой сборъ и русскимъ правительствомъ въ 1896 году. Но самою ужасною стороною этого историческаго событія явилось то, что вся эта рѣзня оказалась повидимому не случайнымъ взрывомъ племенной или религіозной вражды, а прямо-таки организованнымъ систематическимъ массовымъ избіеніемъ армянъ на пространствѣ всей Малой Азіи. Это былъ, по своему изготовленный Востокомъ, суррогатъ такъ долго и терпѣливо ожидаемыхъ Европою реформъ для Арменіи.

Вотъ на какой исторической почвѣ выросло событіе, которое вы неожиданно призваны разсудить сегодня. На почвѣ бѣдствій всего армянскаго народа, бѣдствій, о которыхъ тотъ кого Европа привыкла звать „праведнымъ старцемъ“ — Гладстонъ, едва-ли не первый, не даромъ во всеуслышаніе провозгласилъ: „это были бѣдствія, въ которыхъ преувеличеніе невозможно, потому, что дѣйствительность превзошла самое необузданное воображеніе“!

Что мнѣ еще сказать вамъ?

Киркоръ Гульгульянъ и Хассанъ Мплій оглу случайно

встрѣтились въ Россіи, здѣсь, въ Симферополѣ послѣ трехъ лѣтъ. Хассанъ преуспѣвалъ. Нажившись на убитыхъ тамъ, у себя въ Байбуртѣ, онъ не переставалъ наживаться и на ихъ вдовахъ и сиротахъ, ссужая имъ деньги и припасы за огромные проценты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ списокъ найденныхъ при немъ документовъ, перечень векселей и обязательствъ армянскихъ женщинъ, родственники которыхъ бѣжали въ Россію. По отзыву свидѣтелей онъ былъ всегда злымъ ростовщикомъ, а послѣ Байбуртской рѣзни особенно нажился и сталъ наѣзжать въ Россію по своему законному турецкому паспорту для сбора дани и по документамъ и безъ документовъ съ армянъ, у которыхъ оставались родственники въ Байбуртѣ. Изъ страха за участь оставшихся тамъ, ему платили исправно. Неслыханная дерзость и откровенность своеобразнаго разбойно-международнаго промысла и полное безсиліе противопоставить ему что либо!

Киркоръ Гульгульянъ, разоренный, обездоленный скиталецъ, встрѣтилъ неожиданно Хассана въ кофейной Карабета и замеръ на мѣстѣ. Передъ нимъ былъ Хассанъ, тотъ самый Милій-Хассанъ, который рѣзалъ его отца и братьевъ въ ту минуту, когда, изнывая отъ страха, онъ самъ лежалъ подъ рундукомъ, не смѣя перевести дыханія. Это былъ не призракъ Хассана, это былъ самъ живой Хассанъ, отъ котораго лишь на Киркора вѣяло ужасомъ замогильнаго призрака. Призракъ заговорилъ. Онъ даже произнесъ нѣсколько словъ на человѣческомъ языкѣ: „Здравствуй!.. Я помню твою фамилію“.

Далѣе онъ не продолжалъ. Онъ—„помнилъ фамилію Гульгульяновъ“! Этого было достаточно. Участь Хассана была рѣшена.

Мы знаемъ, что Киркоръ бросился на Хассана, когда тотъ шелъ не одинъ, а въ числѣ еще другихъ пяти человѣкъ. Вмѣстѣ они составляли одну довольно компактную группу. Ночь была темная и туманная, уличные фонари едва освѣщали ихъ путь. Вы знаете, какую страшную рану нанесъ Гульгульянъ Хассану. Безъ колебаній онъ отличилъ его отъ всѣхъ другихъ, почти одинаковыхъ съ нимъ по росту и фигурамъ. Онъ не колебался и не ошибся. Хассанъ упалъ замертво на мѣстѣ. По заключенію врача-эксперта, длинный

кинжалъ прямо проникъ въ его сердце. Какъ расчиталъ и угадалъ Гульгульянъ свой ударъ въ темнотѣ, остается тайною его или Провидѣнія. Словно лезвіе мстящаго кинжала было намагничено и его притянуло къ желѣзному, не знавшему никогда состраданія, сердцу Хассана.

Теперь остается еще одинъ вопросъ: виновенъ-ли Киркоръ Гульгульянъ? Русскіе законы, въ томъ числѣ и тяжкая статья уголовнаго закона, карающаго за преднамѣренное убійство, расчитаны вообще на людскія отношенія, нормируемыя законами. Вы знаете, изъ какой пучины безправія и беззаконія вынырнулъ несчастный Гульгульянъ. Убійца его отца и братьевъ, котораго онъ увидѣлъ теперь передъ собою, не подлежалъ и не могъ подлежать никакому законному возмездію. Стало быть, несчастному оставалось-бы только „забыть“ о томъ, что его старикъ-отецъ и два брата на его-же глазахъ безжалостно зарѣзаны Хассаномъ. Но развѣ это забыть возможно? Развѣ подобныя вещи забываются?

Онъ не искалъ встрѣчи съ Хассаномъ. Ихъ свела судьба, ихъ свелъ тотъ рокъ, вѣра въ который такъ сильна на Востокѣ.

Отъ человѣка мы въ правѣ требовать лишь человѣческаго. „Забыть“, „простить“ Хассану могъ-бы развѣ „сверхъ-человѣкъ“. Не ищите его въ несчастномъ, жалкомъ Гульгульянѣ. Вашъ судъ также — только судъ человѣческій. Что сверхъ-человѣка, то уже Божье, и намъ остается только посторониться.. Посторонимся!

Послѣ двухъ минутъ совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли подсудимому оправдательный приговоръ.

Дѣло о погромахъ въ еврейской колоніи Нагартовѣ и въ посадѣ Березнеговатомъ.

Приводимъ здѣсь фактическія обстоятельства въ возможно краткомъ видѣ.

20-го апрѣля 1899 года въ посадѣ Березнеговатомъ, Херсонскаго уѣзда распространились слухи о томъ, что въ городѣ Николаевѣ русскимъ населеніемъ наканунѣ произведенъ разгромъ еврейскихъ домовъ и лавокъ. Русское населеніе посада сочувственно отнеслось къ этому событію. Мѣстный лавочникъ Лазарь Петровичъ Веремѣевъ говорилъ покупателямъ: «въ Николаевѣ бьютъ жидовъ, а здѣсь почему-то говѣютъ». 22-го апрѣля евреи колонисты заявили попечителю еврейскихъ колоній Херсонской губерніи, г. Маковецкому, что 23-го апрѣля готовится разгромъ еврейскихъ домовъ и лавокъ, и что подговариваютъ къ этому русскіе торговцы, недовольные конкуренціею евреевъ. Съ утра 23-го апрѣля (базарный день) на площади и на улицахъ посада Березнеговатаго стали собираться толпы людей. Слышались возгласы: «Надо бить жидовъ, ихъ бьютъ въ Николаевѣ». Въ девять часовъ утра мальчишки принялись опрокидывать лотки съ фруктами торговокъ-евреекъ, а потомъ швырять камни въ окна еврейскихъ лавокъ и квартиръ. Въ скоромъ времени къ мальчишкамъ присоединились и взрослые. На мѣсто безпорядковъ прибыли попечитель еврейскихъ колоній Маковецкій, земскій начальникъ Ризничъ и священникъ Иваницкій. Евреи начали запирать свои лавки. Толпа, подъ вліяніемъ уговоровъ упомянутыхъ лицъ, стала было расходиться. Лазарь Веремѣевъ, стоя на крыльцѣ своей лавки, говорилъ проходящимъ мимо: «что-же вы молчите господа? Къ намъ изъ Николаева идутъ пятьсотъ лопацановъ». Около двухъ часовъ дня снова собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. На уговоры Маковецкаго, его просили «не безпокоиться» и говорили: «нужно только разорить лавки значительныхъ торговцевъ въ посадѣ, такъ какъ они совсѣмъ задавили торговлю нашихъ мѣщанъ».

Вскорѣ изъ толпы стали отдѣляться группы людей, которыя проникли въ еврейскую колонію Большой Нагартовъ и стали выбивать тамъ окна въ еврейскихъ домахъ. На увѣщанія священника Иваницкаго послышался отвѣтъ мѣщанина Безницкаго: «Это, батюшка, не ваше дѣло, останав-

ливать насъ. Идите въ свою церковь и тамъ читайте проповѣдь, а не здѣсь. Что вы за жидовъ заступаетесь! Насъ вамъ нечего жалѣть:—не вы пойдете въ Сибирь, а мы. Тамъ намъ больше земли дадутъ, а то здѣсь жиды всю землю позабирали». Слова Безницкаго вызвали всеобщее одобреніе въ толпѣ. Увѣщанія земскаго начальника тоже не имѣли успѣха. Мѣщанинъ Нечипоренко говорилъ, что пришла бумага и что надо жидовъ бить.

Въ шесть—семь часовъ вечера толпа съ криками «бей жидовъ» двинулась въ еврейскую колонію Большой Нагартовъ. Вооруженная камнями и палками, она выбивала окна и двери въ еврейскихъ домахъ и, проникая въ квартиры, предавала уничтоженію все, что попадалось подъ руку. Евреи-колонисты попрятались, гдѣ кто могъ, а нѣкоторые скрылись изъ колоніи. Появленіе Маковецкаго, Ризнича и священника Иваницкаго не производило на толпу никакого впечатлѣнія. Леонтій Клеветенко звонилъ въ колокольчикъ и кричалъ: «ребята, работать». Василій Лунякъ уговаривалъ толпу «не оставлять ни одного дома». Другіе подбодряли себя криками «бей жидовъ». Камни, летѣвшіе изъ толпы въ еврейскіе дома, заставили попечителя, земскаго начальника и священника удалиться. Толпа разгромила сто сорокъ четыре дома колонистовъ, причинивъ убытковъ на двадцать восемь тысячъ рублей.

Въ десять часовъ вечера вся толпа, точно по сигналу, двинулась изъ колоніи въ посадъ Березнеговатый и разгромила здѣсь одиннадцать еврейскихъ лавокъ и нѣсколько квартиръ. Ночью на улицахъ посада появились повозки, и многіе стали накладывать на нихъ товары изъ еврейскихъ лавокъ и увозить ихъ въ разныя стороны. Женщины и дѣвушки участвовали наравнѣ съ другими. Всего убытковъ, причиненныхъ посаду, исчислено въ сто тысячъ рублей.

На другой день, 24-го апрѣля, колонія Нагартовъ и часть посада представляли собою картину полнаго разгрома. Улицы были покрыты пухомъ, осколками стекла и обломками оконныхъ рамъ и мебели. Въ квартирахъ все было изломано, перебито, изорвано: стулья, столы, диваны, шкафы, зеркала, лампы, посуда, бумаги, книги, картины. Среди этихъ обломковъ попадались камни до полупуда вѣсомъ. Въ большой лавкѣ Дубинскаго весь бакалейный товаръ—чай, сахаръ, кофе, табакъ, соль, крупа, мука—былъ превращенъ въ одну массу, залитую масломъ и керосиномъ. Другія лавки представляли подобную же картину.

На предварительномъ слѣдствіи нѣкоторые свидѣтели показывали, что поводомъ къ этимъ безпорядкамъ, явившимся какъ-бы отголоскомъ Николаевскаго погрома, послужила, очевидно, непріязнь русскаго населенія къ евреямъ, основанная на экономической конкуренціи и племенной враждѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, тридцать девять человѣкъ мѣщанъ и крестьянъ въ возрастѣ большей частью 17—30-ти лѣтъ (три человѣка 50—60) были преданы суду по обвиненію въ томъ, что, изъ побужденій экономическаго и національнаго характера, согласились и учинили скопомъ нападеніе на дома евреевъ, причемъ произвели поврежденіе, уничтоженіе и расхищеніе различнаго имущества, учинивъ въ то-же время и насиліе надъ нѣкоторыми евреями.

Дѣяніе это предусмотрѣно I ч. 269 ст. улож. о нак.

Дѣло это слушалось въ г. Николаевѣ 29-го марта 1900 г. особымъ присутствіемъ одесской судебной палаты. Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель одесской палаты Б. Ю. Витте, обвиненіе поддерживалъ Н. Ф. Джибели. Защищали подсудимыхъ мѣстные присяжные повѣренные, гг. Варшаверъ, Вонскій, Штейнъ и Мауреръ.

Повѣренными гражданскихъ истцовъ выступили присяжные повѣренные Л. А. Куперникъ и Н. П. Карабчевскій.

Рѣчь въ защиту потерпѣвшихъ отъ погрома въ еврейской колоніи Нагартовъ.

Г. г. судьи!

Выступая передъ вами представителемъ евреевъ-землевладѣльцевъ колоніи Нагартовъ, гдѣ разорено и разграблено сто сорокъ четыре дома и гдѣ, тѣмъ не менѣе, сумма всѣхъ убытковъ по офиціальному исчисленію простирается лишь до двадцати восьми тысячъ рублей, мнѣ не приходится выдвигать на первый планъ интересъ матеріальный и экономическій. Наоборотъ, являясь представителемъ въ концѣ разоренной деревенской бѣдноты, мнѣ хотѣлось бы выдвинуть на первый планъ интересъ бытовой и нравственный.

Каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о еврейскихъ погромахъ, выдвигается обычный укоръ евреямъ въ экономической эксплоатаціи окрестнаго русскаго населенія; племенная и религіозная рознь и вражда пристегиваются затѣмъ въ видѣ архитектурныхъ украшеній и построеніе обвиненія считается законченнымъ. Никакихъ основаній для подобнаго освѣщенія слѣдственнаго матеріала даннаго процесса какъ разъ не имѣется. Наоборотъ, здѣсь имѣется нѣчто совершенно иное.

Съ 1802-го года, т. е. съ начала столѣтія, на землѣ, принадлежащей вѣдомству государственныхъ имуществъ, поселена мирная еврейская земледѣльческая колонія. По отзыву попечителя этой колоніи, г. Маковецкаго, который одновременно является и контрагентомъ казны, въ качествѣ сбор-

щика аренды, и лицомъ, надзирающимъ за правильнымъ пользованіемъ землею и общею организаціею деревенскаго быта этой оригинальной колоніи, — евреи-землевладѣльцы вполнѣ укоренились въ своемъ оригинальномъ бытовомъ укладѣ и представляются настоящими земледѣльцами-тружениками, добывающими по завѣту Іеговы, данному первому человѣку „хлѣбъ свой въ потѣ лица своего“.

Ихъ обидчики — жители сосѣдняго посада Березнеговатаго, въ свою очередь, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, также землевладѣльцы, или, лучше сказать, дѣти патріархальныхъ землевладѣльцевъ. Вспомните Бойко, Ткаченко и другихъ почтенныхъ старожиловъ посада Березнеговатаго, которые прошли здѣсь въ качествѣ безукоризненныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей. Никакой терпкости или замѣшательства, по ихъ словамъ, въ отношеніяхъ сосѣдей земледѣльцевъ до сихъ поръ не было. Старики не знаютъ и не запомнятъ ни одного случая столкновенія съ евреями на почвѣ аграрныхъ или экономическихъ интересовъ. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія царило полное единеніе при самыхъ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ.

Общія условія быта и окружающей природы невольно, сплачивали сосѣдей. Когда мѣстность постигалъ голодъ, они голодали вмѣстѣ, когда Богъ давалъ урожай,—радовались сообща. Коровы и быки ихъ ходили въ одномъ общемъ стадѣ, на одномъ и томъ же полѣ, и когда были тощи коровы однихъ, не тучнѣлъ скотъ другихъ. Не было ни зависти, ни конкуренціи, ни обидъ. У евреевъ-колонистовъ земли не больше, чѣмъ у посадскихъ мѣщанъ, и совершенно тождественныя условія трудовой крестьянской жизни дѣлали ихъ равноправными предъ лицомъ суровой матери-кормилицы земли. Мы не слыхали здѣсь ни жалобы, ни намека на тотъ характерный признакъ „экономической вражды“, который введенъ законодателемъ въ число необходимыхъ признаковъ 269-ой статьи уложенія о наказаніяхъ.

Правда, здѣсь были показанія свидѣтелей, говорившихъ намъ о подсудимомъ Лазарѣ Веремѣевѣ, лавочникѣ изъ посада Березнеговатаго. Утверждаютъ, что подбадривая громителей еврейскихъ лавокъ въ посадѣ, онъ преслѣдовалъ извѣстную экономическую цѣль. Онъ имѣлъ въ виду отстра-

нить конкурентовъ-евреевъ. Но это уже особый способъ „экономической борьбы“. Веремѣевъ довольно типичный экземпляръ своеобразной деревенской „интеллигенціи“, которой по волѣ судьбы суждено стать первымъ вожакомъ и просвѣтителемъ темной крестьянской массы. Экономическая теорія Веремѣева, во всякомъ случаѣ, не лишена смѣлаго полета мысли и воображенія. Онъ желалъ бы, повидимому, немногаго: онъ желалъ бы, только одного, чтобы на всемъ земномъ шарѣ была одна лавка и чтобы лавка эта была Лазаря Веремѣева. Сообразно этому взгляду на занимающій насъ предметъ и преслѣдованіе, въ сущности, „мирныхъ“ цѣлей „упраздненія конкуренціи“, и самое поведеніе Веремѣева было не лишено нѣкоторыхъ „культурныхъ“ пріемовъ. Утромъ онъ подбадривалъ парней словами: „Бейте жидовъ! Что вы говѣете? Въ Николаевѣ давно разговѣлись“, днемъ подпаивалъ ихъ водкой, а къ ночи, когда толпа уже вошла во вкусъ и совершенно разнуздалась, онъ ищетъ свидѣтелей и лицемѣрно-смиренно вздыхаетъ передъ ними: „ахъ, охъ, что только дѣлаютъ. Жаль старосты нѣтъ, а то бы нарядить обходъ, живо бы все прекратилось“!

Еврейскія лавки тогда уже были разграблены и Веремѣевъ безъ ущерба для своихъ интересовъ могъ искренно желать прекращенія безпорядковъ. Но ни старосты, ни обхода не случилось и всю ночь по посаду Березнеговатому и по колоніи Нагартовъ громыхали телѣги, увозя разбросанные товары и жалкое еврейское добро. По выраженію одного изъ свидѣтелей, послѣ битвы и побѣды всю ночь продолжалось „мародерство“. По обвиненію въ разбоѣ и грабежѣ подсудимые суду не преданы, а это, кажется, единственный „экономическій признакъ“, присущій данному дѣлу.

По силѣ 269-ой статьи уложенія о наказаніяхъ приходится искать еще племенной и въ особенности религіозной розни, какъ мотивовъ преступленія. Это старая идея, и пора бы ее давно бросить. Земледѣльцы-евреи въ особенности не носятъ на себѣ никакихъ типичныхъ чертъ городской еврейской голытьбы. Они и одѣты по человѣчески, какъ одѣваются сосѣди, нѣмцы-колонисты, и сами обыватели посада Березнеговатаго, и руки у нихъ такія-же широкія, мозолистыя, рабочія.

О религіозной розни сосѣдей тоже что-то не было слышно.

Объ этомъ свидѣтельствовалъ намъ здѣсь священникъ посада Березнеговатаго о. Михаилъ Іваницкій. Евреи-колонисты называютъ мѣстнаго священника не иначе, какъ „батюшкой“, попадью „матушкой“, и отзываются о нихъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ свою очередь сами виновники разгрома проявили полную религіозную терпимость. Религіозную святыню евреевъ—синагогу, толпа не тронула, разгромивъ безпощадно частные дома

Но если это такъ, если вѣрно мое утвержденіе, что ни матеріальный гнетъ еврейскаго населенія, ни племенная вражда, ни религіозная рознь не были причинами безчеловѣчнаго разгрома, которому подверглась мирная, ни въ чемъ неповинная земледѣльческая колонія, то гдѣ же, въ чемъ искать причины и объясненія печальнаго событія? Изъ Николаева шелъ свѣтъ... Вы помните показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, не изъ евреевъ, гг. Маковецкаго, Михѣева и другихъ. Ходилъ по посаду толкъ, что изъ Николаева пришла телеграмма—„бить жидовъ“. Офиціальное разрѣшеніе на это было яко-бы дано какимъ-то генераломъ Сомовымъ. Наивная версія, не лишенная своей ужасной поучительности.

Мнѣ самому во дни первой молодости здѣсь-же въ Николаевѣ случалось слышать о „невинныхъ шуткахъ“, продѣлывавшихся, такъ называемыми, „господами“ надъ беззащитными евреями. Старикамъ-евреямъ припечатывали къ столу бороды, предварительно скрутивъ имъ назадъ руки и накормивъ рвотнымъ порошкомъ. Конечно, нравы нѣсколько смягчились. Боюсь, не приняли ли они лишь болѣе мягкія формы, оставаясь по существу столь же возмутительными.

Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ общій упадокъ нашихъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ отразился и на еврейскомъ вопросѣ. Въ этомъ, и ни въ чемъ иномъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать причины той развязной безстѣнчивости, съ которой пренебрежительное отношеніе къ евреямъ и слово „жидъ“ пестрятъ и на страницахъ газетъ извѣстнаго сорта, слышатся и на улицахъ и даже въ общественныхъ собраніяхъ публично. Явленіе совершенно невозможное въ лучшіе годы расцвѣта общественной мысли и человѣческаго духа... Оно возможно теперь!

Мы точно забываемъ, что составляя собою верхній слой

общественной среды, мы пропускаемъ въ подпочву, т. е. въ среду этихъ безграмотныхъ людей, всю умственную муть, всѣ нравственные міазмы нашей среды. Имъ однимъ за нашъ-же первородный грѣхъ приходится тяжко расплачиваться.

Весь контингентъ подсудимыхъ являетъ собою характерныя черты новѣйшей деревенской молодежи, которая, отставъ отъ завѣтовъ и вѣрованій своихъ стариковъ, уже кое-что читаетъ, кое-что слушаетъ и перетолковываетъ, разумѣется, по своему. Умы уже начали работать, но работаютъ безпорядочно и смутно. Нравственные завѣты, не выработавшись сознательно, все еще ждутъ своего пророка, своего учителя. Когда священникъ, облаченный въ эпитрахиль и съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ къ толпѣ, у него не нашлось въ запасѣ ни аргументовъ, ни божественнаго слова вдохновенія. Онъ только и могъ пригрозить толпѣ „начальство“, „розги“, „наказаніе“.

Вотъ и тутъ, и на этой скамьѣ подсудимыхъ ждутъ только наказанія. Если-бы были оправданы завѣты законодателя и надежды общества при введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ, что судъ — школа нравственности, а не мѣсто казни, я бы сказалъ всѣмъ этимъ несчастнымъ: „не ждите новаго слова и новаго еще какого-то завѣта, не ждите и иного пророка. Пророкъ былъ, и слово его уже сказано, а завѣтъ одинъ: „любите ближняго, какъ самого себя!“

Приговоромъ особаго присутствія одесской судебной палаты—одиннадцать человѣкъ изъ числа обвиняемыхъ были оправданы, остальные обвинены, въ томъ числѣ и Лазарь Веремѣевъ, признанный виновнымъ въ подстрекательствѣ. Веремѣевъ былъ приговоренъ къ заключенію въ арестантское отдѣленіе срокомъ на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ; остальные къ меньшимъ наказаніямъ. Гражданскій искъ, вслѣдствіе заявленія о томъ повѣреннымъ истцовъ,—оставленъ безъ разсмотрѣнія.

Дѣло братьевъ Скитскихъ.

Братья Скитскіе служили въ полтавской консисторіи: старшій, Степанъ, 43 л.—казначеемъ; младшій, Петръ, 30 л.—простымъ канцеляристомъ. Они обвинялись въ томъ, что изъ мести убили своего начальника, секретаря консисторіи Комарова, съ которымъ у Степана Скитскаго происходили столкновенія на служебной почвѣ. Еще въ камерѣ предавія суду по дѣлу бр. Скитскихъ предсѣдательствующій членъ—докладчикъ полагалъ обратить дѣло о нихъ къ дослѣдованію. За несогласіемъ на то двухъ другихъ членовъ харьковской судебной палаты, онъ остался при особомъ мнѣніи.

Скитскіе были преданы суду. Дѣло это трижды разбиралось «по существу» судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей. Дважды оно восходило на разсмотрѣніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Первое разбирательство происходило въ г. Полтавѣ, гдѣ засѣдала харьковская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей 17—21 марта 1898 г. Характернымъ моментомъ здѣсь явилось возобновленіе судебнаго слѣдствія, предпринятое палатой по ходатайству защиты передъ самымъ объявленіемъ резолюціи, когда уже были произнесены рѣчи сторонъ и поставлены вопросы, подлежавшіе разрѣшенію суда. Поводомъ для этого послужило врученное предсѣдателю запаснымъ старшиной заявленіе отъ одного изъ мѣстныхъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, г. Копытько, сообщавшимъ, что онъ можетъ засвидѣтельствовать alibi Степана Скитскаго. При допросѣ этого свидѣтеля выяснилось, что упомянутый запасный сословный представитель, старшина Тахтауловской волости, былъ наканунѣ на почтѣ и разсказалъ тамъ, что Скитскихъ, повидимому, осудятъ, и что возможность этого «томитъ» его, старшину, такъ какъ онъ убѣжденъ въ ихъ невиновности. Тогда свидѣтель сообщилъ ему, что знаетъ по этому дѣлу, и старшина попросилъ его написать свое заявленіе, которое и взялся передать предсѣдателю.

На этотъ разъ харьковская палата оправдала Скитскихъ. Приговоръ ея былъ обжалованъ въ кассаціонномъ порядкѣ г. прокуроромъ палаты Уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената отмѣнилъ оправдательный приговоръ по дѣлу бр. Скитскихъ, согласно съ заключеніемъ товарища

оберъ-прокурора И. Я. Фойницкаго, который, между прочимъ, усматривалъ «во всемъ приговорѣ постороннія вліянія, симпатіи и антипатіи, заимствованныя извнѣ» и поддерживалъ заявленіе кассаціоннаго протеста, что приговоръ палаты состоялся подъ давленіемъ публики, открыто выражавшей свое настроеніе въ пользу оправданія Скитскихъ.

Дѣло было передано для новаго разсмотрѣнія въ ту-же харьковскую судебную палату въ другомъ составѣ присутствія.

Вторичное разбирательство происходило въ Харьковѣ 16—20 марта 1899 г. подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя А. А. Чернявскаго. Обвиненіе поддерживалъ прокуроръ палаты В. В. Давыдовъ. Защитниками выступили, кромѣ прежняго защитника Скитскихъ, частнаго повѣреннаго г. Зеленскаго, пр. пов. Н. П. Карабчевскій и Б. П. Куликовъ. Въ залѣ суда присутствовалъ спеціально командированный чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Сѵнода г. Скворцовъ.

Существенныя обстоятельства дѣла предстали въ слѣдующемъ видѣ:

14-го іюля 1897 г. секретарь полтавской консисторіи Алексѣй Яковлевичъ Комаровъ съ утра отправился со своей дачи (въ селеніи Терновщинѣ) въ городъ на службу. Онъ обѣщалъ женѣ вернуться на этотъ разъ раньше обыкновеннаго (т. е. раньше четырехъ часовъ пополудни) и просилъ ее не выходить къ нему навстрѣчу, такъ-какъ въ окрестностяхъ появилось много собакъ.

Тщетно прождавъ до вечера возвращенія мужа, г-жа Комарова отправилась въ Полтаву той дорогой, которой обыкновенно ходилъ ея мужъ, но не нашла его ни въ консисторской квартирѣ, ни у знакомыхъ, ни у полтавскаго архіерея, преосвященнаго Иларіона. На слѣдующій день, во вторникъ 15-го іюля, она возобновила свои поиски, но—безуспѣшно. Въ то же время, по предложенію одного изъ членовъ консисторіи, на поиски отправились и чиновники. Послѣ полудня кто-то изъ нихъ нашелъ трупъ Комарова въ кустахъ, возлѣ мостика, находившагося въ семи минутахъ ходьбы отъ дачи. Убитый лежалъ лицомъ къ землѣ; на шеѣ у него была бичевка, обмотанная три раза и старательно завязанная узломъ; лицо посинѣло, языкъ былъ ущемленъ между зубами, на губахъ виднѣлась кровь; два ребра на правой сторонѣ были сломаны. Изъ вещей, бывшихъ на покойномъ, исчезли только маленькія женскія часики; въ карманѣ пиджака былъ найденъ неразряженный шестиствольный револьверъ. Въ портсигарѣ оказалась записка со словами: «Будетъ балъ: нужна закуска! О! О!!» Недалеко отъ трупа разбросаны были остатки закуски: бутылки изъ-подъ водки, куски хлѣба и колбасы, тутъ-же валялся бумажный мѣшочекъ изъ мелочной лавки. Въ травѣ были найдены очки покойнаго, а на кустѣ вывернутый его зонтикъ.

Въ тотъ-же день жена убитаго высказала подозрѣніе противъ Степана Скитскаго. Въ среду, 16-го іюля, преосвященный Иларіонъ въ своей надгробной рѣчи дѣлалъ ясные намеки на него-же. Въ восемь часовъ вечера Степанъ Скитскій былъ арестованъ.

Главныя свои силы обвиненіе черпало изъ утверждаемаго имъ факта органическаго противорѣчія между личностями Скитскаго и Комарова. Первый являлся для обвиненія представителемъ старой консисторской за-

правки, опытнымъ служакой, типомъ законовѣда—практика, готовымъ на всѣ услуги для просителей даже и внѣ своихъ служебныхъ обязанностей, хозяйничавшимъ въ консисторіи, независимо отъ своего скромнаго положенія столоначальника. Напротивъ того, Комаровъ, молодой богословъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ, побывавшій за границей и получившій при Св. Сунодѣ спеціальную подготовку къ своей должности секретаря, явился въ Полтаву съ твердымъ намѣреніемъ внести свѣтъ въ смрадную атмосферу консисторскихъ порядковъ. Его пріѣздъ низвелъ Степана Скитскаго на положеніе зауряднаго, незначущаго чиновника. Комаровъ сразу проявилъ себя суровымъ законникомъ: онъ запретилъ просителямъ непосредственно сноситься съ чиновниками, стоялъ за строгія наказанія провинившимся чинамъ духовнаго вѣдомства, былъ принципіальнымъ противникомъ развода и въ особенности тормозилъ бракоразводныя дѣла богатыхъ и знатныхъ людей. Какъ выяснилось въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса, онъ уволилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, до сорока чиновниковъ консисторіи и своею рѣзкостью застращивалъ робкихъ до того, что они по часамъ просиживали у дверей его кабинета, не рѣшаясь войти къ нему съ докладомъ.

Избалованное самолюбіе Степана Скитскаго систематически уязвлялось строгимъ, начальническимъ отношеніемъ Комарова. Послѣдній дѣлалъ ему замѣчанія и внушенія за упущенія по службѣ; въ маѣ того-же 1897 г. Степанъ Скитскій былъ лишенъ наградныхъ денегъ; въ іюлѣ ему было предложено оставить должность казначея и перейти на прежнее мѣсто столоначальника.

Это обстоятельство, по мнѣнію обвиненія, и послужило поводомъ къ совершенію преступленія, явившись послѣднимъ толчкомъ для развитія враждебныхъ и мстительныхъ чувствъ въ Степанѣ Скитскомъ.

Что касается Петра Скитскаго, то онъ признавался обвинительною властью соучастникомъ преступленія своего старшаго брата, авторитету котораго онъ, будто-бы, всецѣло подчинялся, какъ человѣкъ слабохарактерный, невѣжественный и пившій запоемъ.

На этомъ и было построено обвиненіе, подкрѣпленное рядомъ косвенныхъ уликъ. Улики эти сводились къ слѣдующему: 1) Остатки двухъ колбасъ, найденные на мѣстѣ преступленія походили на колбасу, купленную Степаномъ Скитскимъ въ колбасномъ заведеніи Лангера (единственномъ въ Полтавѣ) 13-го и 14-го іюля. 2) Точно также и корки хлѣба, найденныя тамъ-же, напоминали тотъ хлѣбъ, который Степанъ Скитскій купилъ 12-го іюля у торговца Воронеля въ количествѣ пяти съ половиною фунтовъ; изъ лавки того-же Воронеля, въ которой Степанъ Скитскій забиралъ обыкновенно разный товаръ, происходилъ и найденный на мѣстѣ преступленія бумажный пакетъ. 3) Картузъ, лежавшій тамъ-же, висѣлъ въ послѣднее время въ помѣщеніи сторожа консисторіи и подброшенъ Скитскими для того, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе. 4) Бичева, обмотанная вокругъ шеи Комарова, признана вполнѣ схожей съ бичевой, употребляемой въ консисторіи. 5) Скитскіе на предварительномъ слѣдствіи не могли доказать, гдѣ они находились 14-го іюля около трехъ часовъ дня, въ то время, когда, судя по даннымъ дѣла, умерщвленъ

Комаровъ; кромѣ того объясненія Степана Скитскаго, какъ онъ съ братомъ провели время съ двухъ часовъ и какъ онъ, Степанъ, ведъ пьянаго брата купаться къ рѣкѣ Ворсклѣ, признаны не заслуживающими довѣрія. 6) Къ смерти Комарова оба Скитскіе отнеслись равнодушно, въ розыскахъ участія не принимали, на похоронахъ не присутствовали и вообще вели себя весьма неестественно и подозрительно въ теченіе 15-го и 16-го іюля. 7) На рукахъ и ногахъ обоихъ Скитскихъ найдены царапины, которыя приписывались ими ловлѣ раковъ на Ворсклѣ 14-го іюля, но на самомъ дѣлѣ должны быть объяснены кустарниками, въ которыхъ найденъ трупъ Комарова; опухоль на рукѣ Степана Скитскаго тоже признана послѣдствіемъ отъ борьбы съ жертвой, а не отъ удара весломъ, какъ объясняли братья Скитскіе. 8) Крестьянинъ Димитрій Ткаченко удостовѣрилъ, что 14-го іюля онъ пасъ скотину въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ Комарова, и вскорѣ послѣ прохода Комарова въ ста шагахъ отъ себя видѣлъ двухъ мужчинъ, одѣтыхъ: одинъ въ свѣтломъ, а другой въ черномъ, какъ и были одѣты въ день убійства Степанъ и Петръ Скитскіе; эти люди закрывали свои лица платками. 9) Наконецъ послѣднимъ доводомъ обвиненія въ пользу того, что Комарова убили бр. Скитскіе, являлось отсутствіе указаній на то, что убійство Комарова совершено изъ другихъ побужденій, кромѣ мести, а также полное отсутствіе другихъ лицъ, кромѣ Степана Скитскаго, имѣвшихъ достаточно сильный мотивъ для убійства секретаря полтавскои консисторіи.

Медицинская экспертиза, произведенная на судебномъ слѣдствіи профессорами Патенко и Орловымъ и врачемъ Устименко пришла къ заключенію, что смерть Комарова произошла отъ асфиксіи, но удушеніе произведено не веревкой, найденной на шеѣ покойника, а чѣмъ-нибудь мягкимъ, напримѣръ, подушкой, одѣяломъ и т. п. Профессоръ Орловъ, впрочемъ, не исключалъ и той возможности, что петля играла роль орудія смерти, но не рѣшался утверждать это опредѣленно. Только врачъ Михновъ, производившій вскрытіе трупа Комарова, далъ заключеніе, что смерть произошла безусловно отъ удавленія веревкой, найденной трижды обмотанной вокругъ шеи покойнаго. При этомъ по вопросу о признакахъ такого рода смерти обнаружилось противорѣчіе между объясненіями врача Михнова на судебномъ слѣдствіи и подписаннымъ имъ протоколомъ вскрытія. Это противорѣчіе г. Михновъ объяснилъ тѣмъ, что онъ, вѣроятно, подписалъ, не читая, актъ осмотра мѣстности, составленный слѣдователемъ.

Относительно самой веревки, снятои съ шеи Комарова, эксперты по этой части, гг. Жерновой и Федоровъ, пришли къ заключенію, что она по ткани толще веревокъ, употребляемыхъ въ консисторіи. Что касается самого мѣста преступленія, ведущихъ къ нему дорогъ, а также и той дороги, по которой Скитскіе пошли изъ города купаться за нѣсколько минутъ до того момента, къ которому, по даннымъ дѣла, пріурочено было умерщвленіе Комарова, то защита въ теченіе всего судебнаго слѣдствія настойчиво и многократно ходатайствовала передъ палатой о назначеніи мѣстныхъ осмотровъ.

На эти многократныя ходатайства защиты о производствѣ мѣстнаго осмотра палата отвѣтила отказомъ.

Существеннымъ доказательствомъ въ дѣлѣ явилось новое показаніе свидѣтельницы Бородаевой. Она впервые была вызвана прокуроромъ ко вторичному разбирательству дѣла въ Харьковѣ и показала, что, незадолго до момента убійства, съ балкона своего дома она видѣла въ бинокль двухъ мужчинъ, по наружности вполнѣ схожихъ съ бр. Скитскими, спѣшившими по направленію къ тому мѣсту, гдѣ впослѣдствіи былъ найденъ трупъ Комарова.

Рѣчь въ защиту бр. Скитскихъ, произнесенная въ г. Харьковѣ.

Гг. судьи!

Если-бы въ самой краткой и вмѣстѣ самой образной формѣ я могъ выразить ту особенность душевнаго состоянія, которое испытывалъ и испытываю въ теченіе настоящаго процесса, я бы не могъ найти другого выраженія, кромѣ того, которое, именно по поводу судебной процедуры о братьяхъ Скитскихъ, было уже однажды произнесено. Когда во время суда въ Полтавѣ запасный волостной старшина спрашивалъ въ почтовой конторѣ: не знаетъ-ли кто изъ чиновниковъ, въ которомъ именно часу ушелъ Степанъ Скитскій съ почты, онъ, по словамъ свидѣтеля Воробьевскаго, прибавилъ, что опасается обвиненія Скитскихъ со стороны Особаго присутствія и что это опасеніе „томитъ“ его. Эти слова простаго русскаго, но совѣстливаго человѣка, вырвавшіяся невольно, послѣ того, какъ онъ прослушалъ все судебное слѣдствіе и пренія по настоящему дѣлу, хотѣлось бы повторить и мнѣ. Меня „томитъ“ возможность обвиненія, котораго не должно быть.

Тѣло наше „томится“, когда на долгое время поставлено искусственно въ неудобное и напряженное положеніе. То же и съ нашей душой, и она „томится“, если область духа, въ которой ей суждено дѣйствовать, обставлена искусственными условіями, благодаря которымъ она не можетъ функціонировать и работать правильно. Въ сферѣ правосудной ея работы для нея нуженъ весь просторъ, весь свѣтъ Божій, а не искусственно отмежеванное поле зрѣнія, не заранѣе данныя условія, стѣсняющія ея свободу.

Существуетъ цѣлое явленіе психическаго характера, слабо разработанное еще наукою, но имѣющее уже свое опредѣленное названіе. Это гипнозъ. Въ примѣненіи къ судейской дѣятельности проявленія его необычайны, и хотя подчасъ уловимы, но къ сожалѣнію трудно констатируемы Какъ извѣстно, простѣйшій способъ гипнотизаціи состоитъ въ томъ, что васъ заставляютъ смотрѣть непремѣнно на одну только свѣтящуюся точку и ни на что болѣе. Если въ совершенно темной комнатѣ провертѣть небольшое отверстіе и въ него пустить лучъ свѣта, въ который вы вопьетесь глазами, вы будете находиться именно въ подобномъ искусственномъ положеніи гипнотизируемаго Вы будете считать себя какъ бы въ исключительной власти этого свѣтлаго луча, хотя, сами не замѣчая того, въ дѣйствительности вы только во власти окружающей васъ тьмы. Распахните ставни, дайте ворваться въ комнату всему окружающему васъ свѣту и вы вздохнете полною грудью, васъ перестанетъ томить тягостная искусственность положенія, въ которое вы были поставлены, вы поймете, что не весь свѣтъ былъ въ той оконной дырѣ, искусно просверленной, на которую васъ заставляли такъ долго смотрѣть, а свѣтъ тамъ, гдѣ ему и быть надлежитъ—вездѣ. Успѣвайте только открывать на него глаза! Дѣло правосудія, дѣло важное, но зато, оно и трудное. Правда человѣку нужна, какъ воздухъ, безъ нея и жить не хочется и не стоитъ. А между тѣмъ: „Богъ правду видитъ, но не скоро ее скажетъ“. Именно въ залѣ судебнаго засѣданія и особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, мнѣ кажется умѣстнымъ напомнить эту предостерегающую судей формулу и остановиться на ея значеніи. Для души не только лукавой, но даже просто лѣнивой или нерадивой, въ этой формулѣ можетъ найтись своего рода успокоеніе: такъ что-же есть истина? Но это ли хотѣла сказать народная мудрость? Думаю, иное—не столько фатально-трагическое, сколько бодрящее и призывающее человѣка добывать истину, которая дается только искренно ее ищущимъ „въ потѣ лица своего“, какъ и хлѣбъ насущный.

Здѣсь рѣшается участь людей въ предположеніи, что всѣ силы разумѣнія дѣйствительно приложены къ судейской работѣ. Спеціально въ дѣлѣ Скитскихъ, гдѣ все изслѣдова-

ніе основано на явныхъ промахахъ и пробѣлахъ, а обвиненіе на данныхъ, искусственно получившихъ окраску непреложныхъ истинъ, хотя никто и не пытался ихъ серьезно провѣрять, напоминаніе о томъ, что истина дается не даромъ и только при искреннемъ желаніи ее добыть, является уже насущною необходимостью.

Первое искусственное положеніе, на которомъ зиждется обвиненіе, заключается въ утвержденіи, что среди окружавшихъ Комарова людскихъ отношеній не было ни одного такого, въ которомъ можно бы было усмотрѣть намекъ на враждебныя чувства, питаемыя къ нему кѣмъ-либо. Кромѣ Степана Скитскаго, у него враговъ не было. При этомъ попутно также утверждается безспорно, что „объ ограбленіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ похищены только золотые часы".

Въ этомъ торжественномъ, непреложномъ исключеніи всякаго предположенія о возможности иныхъ, повинныхъ въ убійствѣ Комарова, заключается основная фальшь настоящаго дѣла.

Въ подкрѣпленіе подобнаго апріорнаго положенія предварительное слѣдствіе не собрало ровно никакихъ данныхъ. Какъ будто на свѣтѣ только и были Комаровъ да Скитскій!..

Въ сущности же намъ неизвѣстна даже его семейная обстановка.

О ней свидѣтельствовала только сама г-жа Комарова и вѣрный ея спутникъ, выняньчившая ее няня, всецѣло преданная ей старуха, довольно мрачнаго и сосредоточеннаго вида. Они жили на дачѣ, въ довольно глухой мѣстности, почти въ лѣсу, только втроемъ. Кто ихъ посѣщалъ, кто бывалъ, каковы были ближайшія знакомства—для насъ безусловная тайна. Хотя трупъ былъ найденъ 15-го іюля всего въ разстояніи семи минутъ ходьбы отъ дачи, куда 14-го числа къ тремъ часамъ Комаровъ долженъ былъ возвратиться подъ домашнюю кровлю; хотя г-жа Комарова въ виду неявки мужа лишь блуждала по полямъ и оврагамъ все 14-е и утро 15-го іюля, не поднимая на ноги власти и полицію; хотя водовозы видѣли Комарова уже почти подходящимъ къ мостику, и стало быть, если онъ убитъ на дорогѣ, то могъ быть убитъ лишь вблизи дачи,—на дачу эту ни полиція, ни слѣдователь даже не

заглянули. А, между тѣмъ, одни уже заявленія г-жи Комаровой о томъ, что именно въ день убійства мужъ почему-то просилъ не встрѣчать его, когда она встрѣчала его ежедневно, доходя до мостика и далѣе, должны были обратить на себя вниманіе слѣдствія. Не дѣлаютъ простого опыта: можетъ-ли быть услышанъ крикъ покойнаго на дачѣ, гдѣ по расчету времени въ самый моментъ убійства жена г Комарова стояла на балконѣ. Въ карманѣ убитаго находятъ какую-то таинственную записку „если да“, писанную рукою г-жи Комаровой, и довольствуются лишь ея собственнымъ разъясненіемъ о значеніи записки и объ обычно употребляемыхъ ею въ перепискѣ „условно семейныхъ“ выраженіяхъ: „будетъ балъ“, „о! о!“ и т. п.

Ни переписка Комарова, ни его письменный столъ не изслѣдуются. А между тѣмъ, именно переписка его могла бы намъ дать всю картину его духовной личности, его связей, отношеній: она дала бы намъ его друзей и его недруговъ. Но все это предварительное слѣдствіе безусловно обходитъ и игнорируетъ. На жилетѣ и панталонахъ убитаго замѣчаются слѣды „сыроватой глины“, которой не было на мѣстѣ, гдѣ предполагается убійство и гдѣ найденъ трупъ, но это не только не заставило слѣдствіе осмотрѣть почву у пруда на дачѣ, но привело уже къ другому явному промаху,—не пріобщенію къ числу вещественныхъ доказательствъ платья, въ которомъ былъ найденъ убитый. Платье это для чего-то возвращается г-жѣ Комаровой (еще если бы оно было цѣнное, но это чесунчовая пара) и все та же „сосредоточеннаго вида“ старушка-няня, по словамъ одной свидѣтельницы, гдѣ-то „хоронитъ“ окровавленные остатки одежды покойнаго. Остается затѣмъ еще положиться на усиленное подчеркиваніе тою же старухой-нянеей г-жи Комаровой, что супруги жили между собою какъ голуби, что никто, рѣшительно никто, на дачѣ у нихъ не бывалъ и что они никогда, положительно никогда, между собою не ссорились. Принявъ на вѣру и эту послѣднюю черточку характеристики, мало пригодную даже для вполнѣ нормальной супружеской жизни, мы, такимъ образомъ, обязуемся вѣрить, что супружеская жизнь Комаровыхъ носила на себѣ отпечатокъ чего-то совершенно исключительнаго, высшаго и даже неземнаго. При такомъ исключитель-

номъ довѣріи къ полному благополучію въ семейной жизни супруговъ Комаровыхъ были уже, само собою разумѣется, совершенно излишни: осмотръ дачи, сохраненіе платья убитаго, осмотръ его писемъ, вообще изслѣдованіе всей его домашней обстановки.

Я не высказываю никакихъ подозрѣній. но я смѣло пускаюсь въ темную область догадокъ. Я констатирую дефекты слѣдственнаго производства тѣмъ настойчивѣе, что именно они даютъ мнѣ поводъ и основаніе для такого рода догадокъ. Изслѣдованіе дѣла въ стадіи предварительнаго слѣдствія потому и важно и необходимо, что оно прежде всего должно отнять почву у всѣхъ подобныхъ догадокъ и вѣроятій.

Идемъ далѣе. Оставимъ въ сторонѣ сферу семейныхъ и домашнихъ отношеній Комарова. Мы видѣли, въ какой мѣрѣ они мало изслѣдованы. Коснемся второй области житейскихъ отношеній покойнаго. Я говорю о его служебномъ положеніи. „Баринъ“ для консисторскихъ сторожей, безропотно носившихъ ему провизію и газеты за три версты на дачу, онъ для священниковъ и даже „благочинныхъ“ былъ грознымъ и высокомѣрнымъ секретаремъ новѣйшей формаціи, заграждающимъ рѣшительно доступъ въ консисторію. Если сводить мотивъ преступленія къ оскорбленному самолюбію или служебнымъ невзгодамъ лицъ, зависѣвшихъ отъ Комарова, то такихъ лицъ, помимо Степана Скитскаго, мы насчитаемъ слишкомъ много. Достаточно вспомнить, что за сравнительно краткій, трехлѣтній періодъ секретарства Комарова изъ полтавской духовной консисторіи ушло сорокъ человѣкъ служащихъ. Въ ихъ числѣ имѣется достаточно такихъ, которые были уволены исключительно благодаря настояніямъ Комарова. По словамъ Степана Скитскаго, многіе изъ такихъ уволенныхъ, считая себя обиженными, не стѣснялись при уходѣ открыто грозить Комарову, обѣщая съ нимъ поквитаться по своему. Изъ оглашеннаго здѣсь списка уволенныхъ Комаровымъ лицъ, я насчиталъ восемь „неизвѣстно гдѣ“ нынѣ пребывающихъ и нѣсколько человѣкъ (изъ канцелярскихъ служителей), оставшихся „безъ опредѣленныхъ занятій“ и нынѣ все еще „живущихъ при родителяхъ“.

На эту послѣднюю группу молодыхъ людей, неудачниковъ по службѣ и на безвѣстно отсутствующихъ, я поневолѣ

долженъ направить свое вниманіе Предварительное слѣдствіе обязано было обслѣдовать эту область вполнѣ возможныхъ недоброжелательствъ и затаенно-злобныхъ чувствъ противъ Комарова. Мы не знаемъ даже, не превратились-ли нѣкоторые изъ такихъ неудачниковъ въ настоящихъ бездомныхъ скитальцевъ, промышляющихъ, Богъ вѣдаетъ, чѣмъ. Подобный контингентъ полуинтеллигентнаго пролетаріата даетъ большой процентъ преступности, а въ данномъ случаѣ для преступленія былъ не только поводъ и мотивъ, могла быть и нѣкоторая матеріальная подкладка.

Среди выброшенныхъ Комаровымъ на улицу людей подобнаго типа могли быть и такіе „неизвѣстно, гдѣ нынѣ пребывающіе“ раклы (бродяги), которые, зная обычный, ежедневный путь Комарова съ дачи и обратно, могли свести съ нимъ свои личные счеты и попутно ограбить его, такъ какъ самое цѣнное, бывшее при немъ—золотые часы — все же похищены и не розысканы до сего дня. Грабить остальное не было уже смысла, такъ какъ все представляло весьма малую цѣнность, гораздо меньшую, чѣмъ похищенное Да, наконецъ. полному грабежу могли и помѣшать Если вѣрить обвиненію, нападеніе совершено было, во всякомъ случаѣ, днемъ и на проѣзжей дорогѣ, гдѣ въ эту пору года движеніе весьма значительное.

Кстати замѣчу: версія обвинителя, что похищеніе часовъ было лишь симулированіемъ грабежа, едва-ли удачна. Если бы о часахъ намъ не сказала г-жа Комарова, никто бы похищенія ихъ и не замѣтилъ; они сняты осторожно вмѣстѣ со шнуркомъ, причемъ не повреждена петля жилета. Симуляція грабежа была бы, конечно, болѣе яркой и декоративной.

Но есть и еще область служебныхъ отношеній Комарова, неизслѣдованныхъ вовсе. Она носитъ уже совершенно специфическій характеръ и являетъ оттѣнокъ сугубой таинственности, что впрочемъ вполнѣ естественно при томъ родѣ дѣлъ, которыхъ касаются эти отношенія. На первыхъ порахъ сама г-жа Комарова на ряду съ именемъ Степана Скитскаго предположительно кинула подозрѣніе и на имя лица, связаннаго съ однимъ бракоразводнымъ процессомъ. Спѣшу замѣтить, что Степанъ Скитскій никогда не завѣдывалъ бракоразводнымъ столомъ и

что, стало быть, эта область отношеній, вытекавшихъ изъ бракоразводныхъ дѣлъ, шла совершенно мимо него. Во время секретарства г. Комарова бракоразводными дѣлами завѣдывалъ г. Горностаевъ, спрошенный здѣсь въ качествѣ свидѣтеля. Отъ него мы узнали, что и въ полтавской духовной консисторіи, какъ и во всѣхъ консисторіяхъ, бракоразводныхъ процессовъ довольно. Числомъ они все растутъ и прибываютъ.

Мы узнали также, что въ самой консисторіи они дѣлились не по какимъ-либо процессуальнымъ особенностямъ и трудностямъ, а по одному лишь внѣшнему признаку: различались дѣла „знатныхъ“ лицъ и лицъ простыхъ, обыкновенныхъ. По словамъ одного изъ консисторскихъ чиновниковъ, самъ секретарь Комаровъ интересовался преимущественно только дѣлами первой категоріи. Ничего дурного я не хочу этимъ сказать. Напротивъ, на основаніи нѣкоторыхъ черточекъ, добытыхъ мною изъ показанія г-жи Комаровой, можно найти объясненіе, почему недремлющее око секретаря не упускало изъ вида именно этого рода дѣлъ. Большія суммы денегъ, обыкновенно затрачиваемыя людьми „знатными“ (т. е. по нашимъ временамъ просто богатыми), для ускоренія бракоразводнаго дѣла и достиженія желаемаго исхода, допускали возможность всякихъ злоупотребленій. Покойный Комаровъ къ тому-же былъ, кажется, принципіальнымъ противникомъ брачныхъ расторженій Напримѣръ, въ дѣлѣ Тржецякъ. вопреки рѣшеніямъ отцовъ духовныхъ, онъ далъ заключеніе объ оставленіи брака въ силѣ и съ его заключеніемъ согласился преосвященный. Правда, расторженіе брака г. Тржецякъ все-таки послѣдовало, но уже послѣ смерти Комарова, и притомъ по рѣшенію Святѣйшаго Синода

Нѣкій Ливенъ, показаніе котораго было здѣсь оглашено, также одинъ изъ кліентовъ полтавской консисторіи по бракоразводному дѣлу, возбужденному противъ него, выразилъ не только догадку, но даже прямую увѣренность въ томъ, что Комаровъ палъ именно жертвой своей исключительной стойкости по бракоразводнымъ дѣламъ. Онъ свидѣтельствуетъ намъ, что безъ вмѣшательства и, такъ сказать, законнаго покровительства и заступничества со стороны г. Кома-

рова, онъ, Ливенъ, былъ бы уже давно разведенъ на основаніи весьма сомнительныхъ данныхъ, которыхъ онъ не признаетъ правильными. Этотъ процессъ и участіе въ немъ Комарова вообще характерны. Вы слышали, что процессъ этотъ длился долго. Онъ переходилъ изъ рукъ одного бракоразводнаго мастера въ руки другого, и все не клеился. Комаровъ тормазилъ всѣ ихъ дѣйствія.

Намъ называли имена ходатаевъ: мѣстнаго Петрова (говорятъ, онъ взялъ только деньги, и ничего не сдѣлалъ), потомъ изъ петербургскихъ: Андреева, Плетнева и будущаго свидѣтеля этого бракоразводнаго процесса, фигурировавшаго здѣсь Баба-Чубарова. Только объ этой послѣдней личности намъ мелькомъ кое-что извѣстно, объ остальныхъ никакого разслѣдованія, никакого сопоставленія ихъ несомнѣнныхъ наѣздовъ въ Полтаву съ ходомъ процесса въ дѣлѣ не имѣется. Что же входило въ задачу этихъ лицъ, дѣлавшихъ несомнѣнныя облавы на г. Ливена въ Полтавѣ, слѣдившихъ за нимъ, караулившихъ его въ интересахъ спеціально бракоразводныхъ? На это есть прямыя указанія. Одинъ изъ свидѣтелей удостовѣрялъ, что лицо, заинтересованное въ благополучномъ исходѣ дѣла, не жалѣло денегъ и имѣло ихъ. Было истрачено на разныхъ ходатаевъ и устроителей, если вѣрить свидѣтелю, около пятнадцати тысячъ. Но процессъ все не двигался съ мѣста, еще не были даже допрошены свидѣтели. Комаровъ стоялъ на стражѣ законныхъ, повидимому, интересовъ г. Ливена и всѣ крючки и обходы бракоразводныхъ дѣльцовъ не подвинули дѣла ни на шагъ впередъ.

Г. прокуроръ здѣсь оспаривалъ возможность предположенія о связи этого процесса съ настоящимъ дѣломъ слѣдующимъ соображеніемъ: не проще-ли было убить самого г. Ливена, говорилъ г. прокуроръ, тогда не нуженъ былъ бы и самый бракоразводный процессъ, зачѣмъ же убивать Комарова? Боже меня упаси остановиться на соображеніи г. обвинителя. Нужно различать тѣхъ, кому нужна законная свобода отъ брачныхъ узъ, отъ тѣхъ, кому нужны только деньги, какимъ бы способомъ ихъ ни добыть. Первые могутъ быть людьми вполнѣ почтенными и высокой нравственности. Платя деньги за разводы, они не платятъ за убійство. Что касается дѣльцовъ-подрядчиковъ бракоразводныхъ дѣлъ и ихъ темныхъ агентовъ, то

вѣдь ихъ цѣль одна—получить скорѣе послѣдній и обыкновенно самый крупный кушъ за благопріятное окончаніе бракоразводнаго процесса. При чемъ же тутъ убійство Лившена? Темнымъ личностямъ оно не принесло бы ожидаемаго куша, а кромѣ „куша“ они ничего не ждали и не желали. Что Комаровъ, именно Комаровъ, а не кто другой тормазилъ ходъ этого дѣла, это ясно. Взгляните на судьбу дѣла послѣ смерти Комарова. Оно двинулось, и самъ Баба-Чубаровъ, временно одѣвшись франтомъ, сдѣлался жителемъ столичнаго города С.-Петербурга, гдѣ и былъ уже допрошенъ по своему временному, согласно постановленію полтавской духовной консисторіи, мѣсту жительства. За эту поѣздку онъ, по его собственному сознанію, получилъ соотвѣтственную денежную субсидію. Другимъ партнеромъ Бабы-Чубарова выступилъ г. Андреевъ, который до убійства Комарова, какъ извѣстно, наѣзжалъ въ Полтаву. При Комаровѣ ничего подобнаго не могло бы случиться.

Опять таки, не высказываю никакихъ опредѣленныхъ положеній, за неимѣніемъ къ тому достаточныхъ данныхъ; но я спрашиваю: неужели эти обстоятельства не требовали своевременно самаго точнаго и всесторонняго изслѣдованія? Всѣ эти указанія имѣлись въ виду при преданіи Скитскихъ суду и объ ихъ надлежащемъ разслѣдованіи тщетно подавались прошенія и заявленія женою подсудимаго Степана Скитскаго. Обстановка трупа убитаго нисколько не противорѣчитъ предположенію о возможности совершенія убійства наемными руками. Нельзя отрицать и того, что Комарову въ видѣ приманки могло быть назначено какое-либо полудѣловое, полуинтимное свиданіе и именно по дорогѣ къ дачѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ станетъ понятнымъ, почему онъ просилъ жену не выходить къ нему навстрѣчу. Если вѣрить тому, что Комаровъ дѣйствительно настоятельно просилъ жену не итти къ нему навстрѣчу въ этотъ именно день, то не будетъ-ли правильно заключить, что для этого у него было же какое-нибудь серьезное основаніе.

По нѣкоторымъ дѣламъ, какъ признала это и г-жа Комарова, мужъ ея принималъ у себя просителей на дачѣ, хотя рѣдко и неохотно. Такъ, въ это лѣто былъ у него поручикъ Терентьевъ, пріѣзжавшій откуда-то изъ-подъ Варшавы по бракоразводному дѣлу; она называла еще кого-то

другого. Можетъ быть, стѣсняясь давать служебныя аудіенціи у себя на дачѣ, онъ могъ уступить просьбѣ и назначить свиданіе у мостика, чтобы побесѣдовать, пройдя вмѣстѣ нѣсколько минутъ. Тогда можетъ быть объяснена и быстрота и неожиданность нападенія и то, что онъ не успѣлъ пустить въ ходъ, бывшій при немъ всегда, револьверъ.

Убійство, совершенное, благодаря такой приманкѣ, наемниками, не исключаетъ естественнаго объясненія факта пропажи часовъ; это могло быть самовольнымъ движеніемъ наемной руки убійцы, счастливо вознаградившей себя еще и дополнительною платою.

Вы видите, гг судьи, что болѣе или менѣе нежелательнымъ ошибкамъ не предвидится конца, и все это оттого, что предварительное слѣдствіе не ударило пальцемъ о палецъ для дѣйствительнаго разслѣдованія столь важнаго и незауряднаго явленія, какъ убійство Комарова среди бѣлаго дня на большой дорогѣ.

Оно занялось однимъ: „согласно подозрѣніямъ г-жи Комаровой“ заключили Скитскихъ въ тюрьму и стали уже исключительно заниматься собираніемъ уликъ именно ихъ и ничьей другой виновности. Самая мысль о возможности иной версіи обвиненія гналась прочь, какъ несносная докука. А между тѣмъ, я и теперь еще не кончилъ съ своими догадками, запросами и колебаніями: „Кто?..“

Разъ начата уже мною характеристика личности г. Комарова, какъ семьянина, чиновника и человѣка, она должна быть закончена. Мы не должны забыть еще одной стороны личности современнаго русскаго человѣка, той стороны, которою онъ соприкасается съ интересами общественными, и дѣлается, такимъ образомъ, самъ достояніемъ общественнымъ. На этой почвѣ симпатіи и антипатіи могутъ быть еще ярче, еще обостреннѣе, еще грознѣе, нежели въ тѣсномъ кругу интимныхъ и чисто личныхъ отношеній. Правда, наша общественная личность все еще какъ бы стелется по землѣ, но есть уже элементы, которые поднимаютъ голову. Къ числу послѣднихъ, какъ будто, принадлежалъ покойный Комаровъ. Онъ могъ имѣть враговъ идейныхъ, и потому заклятыхъ и непримиримыхъ. Обезпокоенный, повидимому, нѣкоторыми моими вопросами, обращенными къ г-жѣ Комаровой по по-

воду краткой командировки ея супруга за границу и пребыванія его въ такихъ мѣстахъ, какъ Цюрихъ, Штутгардтъ и другіе европейскіе города, гдѣ нерѣдко ютится русская учащаяся молодежь, г. прокуроръ поспѣшилъ выяснить черезъ опросъ преосвященнаго Иларіона то, несомнѣнное впрочемъ для меня обстоятельство, что г. Комаровъ въ политическомъ отношеніи былъ болѣе, чѣмъ благонадеженъ, и что совершеннѣйшій его патріотизмъ стоялъ внѣ всякихъ подозрѣній. Я не могъ бы сомнѣваться въ этомъ, если-бы даже усиленно хотѣлъ, уже послѣ одного того откровенія, которымъ мы обязаны супругѣ покойнаго.

Передаю фактъ, какъ объяснила его сама г-жа Комарова, пожелавшая возможно ярче обрисовать намъ нравственный обликъ умершаго. По поводу какого-то торжества у памятника на, такъ называемой, Шведской могилѣ, близъ Полтавы, нужны были денежныя затраты. По заявленію нѣкоторыхъ гласныхъ думы, монастырскому духовенству, въ вѣдѣніи котораго находится самая могила, слѣдовало принять въ нихъ преимущественное участіе, тѣмъ болѣе, что на это имѣется и особый капиталъ; городу-же рекомендовалось, наоборотъ, возможная экономія въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ на текущія общественныя нужды. Это событіе мѣстной жизни послужило предлогомъ г. Комарову для перваго его дебюта въ качествѣ публициста. Онъ помѣстилъ въ мѣстной газетѣ горячую статью, въ которой, по словамъ его супруги, излилъ всегда присущія его душѣ патріотическія чувства. Онъ разоблачалъ ревнителей якобы городского интереса и выводилъ ихъ на чистую воду. Онъ прозрѣвалъ все истинное, что въ нихъ таилось и что лицемѣрно лишь прикрывалось невинными и скромными на первый взглядъ соображеніями экономическаго характера. Что именно было напечатано въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“,—намъ неизвѣстно, со стилемъ г. Комарова мы не знакомы. Но идею статьи, можетъ быть, даже слишкомъ ярко, передала намъ г-жа Комарова. Чувства, волновавшія автора, она также пересказала намъ. Комаровъ безъ обиняковъ считалъ городскихъ дѣятелей, дозволившихъ себѣ нѣкоторую матеріальную разсудительность ни болѣе ни менѣе, какъ измѣнниками общегосударственнымъ интересамъ, ибо Шведская могила эмблема могущества Московскаго Государя и

русскаго Царя Петра въ самомъ центрѣ Малороссіи! Комаровъ прозрѣвалъ зловредные корни сепаратизма, тайно пускавшіе ростки украинофильства въ самомъ центрѣ городского самоуправленія.

Стоитъ-ли продолжать, стоитъ-ли еще доказывать, что поѣздка г. Комарова за границу и случайное его общеніе съ представителями учащейся молодежи въ такихъ пунктахъ, какъ Штутгардтъ и Цюрихъ, могутъ тревожить насъ совсѣмъ не съ той стороны, съ которой встревожили наши вопросы г. прокурора. Какъ далеко заходилъ уже въ то время патріотизмъ г. Комарова, мы доподлинно не знаемъ, но что вообще онъ могъ заходить очень далеко, это уже для насъ несомнѣнно. И опять новая догадка. Неожиданность, смѣлость, быстрота, съ которыми совершено убійство, не напоминаютъ-ли намъ исполнительную и непреложную точность какъ-бы приведеннаго въ исполненіе приговора. Чудится казнь, а не простое, мстительное убійство. Веревка, аккуратно наложенная три раза, и эта почти элегантная петля, напоминающая парадную петлю огромнаго галстуха, свидѣтельствуетъ о чемъ-то спокойномъ, обдуманномъ. Эксперты намъ сказали, что веревка вовсе не служила орудіемъ задушенія и смерти. Она наложена уже послѣ на мертваго. Что-же это: эмблема? Демонстративно-спокойное указаніе на то, что умерщвленный заслуживалъ именно веревки, т. е. самой лютой и вмѣстѣ самой позорной казни? Не знаю. Знаю только, что для Скитскихъ это было-бы слишкомъ тонко, и не соотвѣтствовало-бы нисколько естественному волненію людей, квитающихся лишь за свои личныя обиды и тревоги.

Кто въ правѣ сказать, что перечисленные мною поводы, мотивы и предполагаемыя условія совершенія преступленія не исчерпываютъ того фактическаго матеріала, который намъ извѣстенъ? Что же противупоставляетъ обвиненіе простору вполнѣ естественныхъ предположеній? Виновность Скитскихъ. Но чѣмъ-же она доказана? Сомнительный мотивъ, кусочки колбасы, веревки... словомъ, по мнѣнію обвинительной власти, тѣ, такъ называемыя, косвенныя улики, совокупность которыхъ должна привести къ обвиненію Скитскихъ.

Я понимаю, что въ качествѣ улики годится всякій предметъ, всякій матеріалъ: и палка, и веревка, и даже ку-

сочки колбасы, если доказано, что эти предметы дѣйствительно были въ рукахъ преступника въ моментъ совершенія преступленія. Но если и это не доказано, тогда какія-же это улики? Косвенныя улики, въ отличіе отъ прямыхъ, могутъ быть очень тонки, очень легковѣсны сами по себѣ, но одно внутреннее качество имъ обязательно должно быть присуще: онѣ должны быть математически точны. Точны въ смыслѣ своей собственной достовѣрности, качества и размѣра. Другое непремѣнное условіе: чтобы эти малыя сами по себѣ величины давали все-таки нѣкоторый реальный итогъ, чтобы онѣ составляли собою одну непрерывную цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ. Но, когда одна косвенная улика говоритъ одно, а вторая, идущая за ней, это-же самое опровергаетъ, тогда остается поговорить о колбасѣ, веревкѣ, о шапкѣ, но уже не какъ объ уликахъ, а лишь какъ о предметахъ, неизвѣстно для чего загромождающихъ столъ вещественныхъ доказательствъ.

Коснемся, напримѣръ, значенія того полинявшаго стараго картуза, который, по мнѣнію обвинителя, согласному съ утвержденіемъ чиновъ полиціи, былъ подброшенъ на мѣсто преступленія, для отвода подозрѣнія отъ обвиняемыхъ. Но, вѣдь, картузъ этотъ (если только онъ еще тотъ самый), намозолилъ глаза всей консисторіи. Всѣ, рѣшительно всѣ его видѣли въ сторожкѣ, гдѣ курили канцелярскіе чиновники, всѣ знали о его происхожденіи, всѣ посмѣялись въ свое время надъ пьянымъ Клименко, потерявшимъ свою шапку и принесшимъ взамѣнъ столь позорный головной уборъ. Подбросить эту шапку, „для отвода подозрѣнія“, значило „отвести“ подозрѣніе именно на консисторію, т. е. на самихъ себя.

То же съ бичевкой. Обвиненіе предполагало, что Скитскій прямо изъ своего казначейскаго запаса, о которомъ знали и которымъ пользовались всѣ жившіе въ консисторіи, взялъ бичевку и, хотя веревка была недостаточно крѣпка для задушенія, скрутилъ ее вдвое, чтобы она именно исходила изъ консисторіи и не только изъ консисторіи, но непремѣнно изъ его собственнаго казначейскаго кабинета. Но съ этой косвенной уликой случилось здѣсь на судѣ одно обстоятельство, благодаря которому веревку „убрали“ вовсе, если не со стола вещественныхъ доказательствъ, то изъ числа уликъ. Г. прокуроръ о ней болѣе не заикнулся. Дѣло

въ томъ, что когда экспертамъ „позволили“ сдѣлать разрѣзы въ сравниваемыхъ веревкахъ, они тотчасъ же (да и всѣ мы) воочію убѣдились, что по качеству пряжи и способу плетенія консисторскія бичевки совершенно отличны отъ бичевки, найденной на шеѣ Комарова.

Наглядная и поучительная для судьи иллюстрація того безспорнаго положенія, что точность косвенной улики, самой по себѣ взятой, должна быть взвѣшиваема на самыхъ чувствительныхъ, математически точныхъ вѣсахъ!

Не взирая на это, кусочки колбасы въ рѣчи г. прокурора остались. То, что намъ показывали здѣсь, едва-ли даже напоминаетъ теперь колбасу. Мы видѣли два ссохшихся, съежившихся, мрачнаго цвѣта огрызка неопредѣленной величины, мало поддающихся какому-либо изслѣдованію. Обвиненіе утверждаетъ, что приказчикъ Коцюра (молодой человѣкъ, вскорѣ попавшій въ тюрьму за кражу) „уличалъ“ Степана Скитскаго на предварительномъ слѣдствіи, что продалъ именно ему такой московской колбасы 13-го или 14-го іюля и притомъ въ двухъ кускахъ, сообразно остаткамъ, имъ опознаннымъ. Самъ хозяинъ магазина Лангеръ и другой приказчикъ этого не подтвердили. Они допускали лишь, что колбаса могла быть издѣліемъ ихъ заведенія. И вотъ, совершенно серьезно, настаиваютъ на этой уликѣ, хотя тотъ-же Коцюра и здѣсь на судѣ, и въ Полтавѣ отрекся самъ отъ своего первоначальнаго показанія.

Но если это „косвенная“ улика, то какъ же слабо она сама по себѣ предварительнымъ слѣдствіемъ установлена. Не взяты къ дѣлу даже образцы произведеній колбасной Лангера, чтобы экспертиза могла положительно констатировать хотя-бы путемъ лабораторнымъ тождество образцовъ. А что-бы оставалось сказать объ этой уликѣ, если-бы экспертамъ для сравненія „позволили“ разрѣзать и колбасы, какъ были разрѣзаны веревки? Пассажъ могъ выйти опять изумительный. Если при этомъ еще напомнить вамъ, что, по словамъ пристава Семенова, въ квартирѣ Степана Скитскаго также найдены были объѣдки колбасы,— надо думать, тоже, „московской“, ибо онъ покупалъ исключительно у Лангера,— и что куски эти не взяты и не осмотрѣны слѣдователемъ, то отъ косвенной улики подобнаго характера избави, Боже, всякаго юриста, всякаго, сознающаго свои обязанности су-

дебнаго дѣятеля. Отъ такихъ „косвенныхъ“ уликъ со страхомъ бѣжать надо. Надо заткнуть уши, чтобы даже не слушать о нихъ...

Итакъ, колбаса, веревка, веревка, колбаса? Засохшая корка хлѣба уже не ставится въ улику г. прокуроромъ. Свидѣтелями удостовѣрено, что подобный „развѣсный“ или „еврейскій“ хлѣбъ продавался всюду и ежедневно потреблялся всею Полтавою. Но что же дальше? Уже-ли,— ничего? Ничего! Томитъ душу это „ничего“... Да какъ же можно было предавать суду? Сидимъ день, два... „ничего!“ Вдругъ появляется свидѣтель Ткаченко, еще черезъ два дня... „новая“ свидѣтельница (это черезъ два-то года!) г-жа Бородаева. Наконецъ-то: впечатлѣніе, сенсація, улика! Что же говоритъ, однако, пастухъ Ткаченко? Черезъ часъ, а можетъ быть черезъ два послѣ прохода Комарова, по направленію „какъ-бы изъ монастырскаго лѣса“, появляются два прохожихъ. Кто-же такіе: Скитскіе? Это была бы „косвенная“ улика. Нѣтъ! Ткаченко не знаетъ, кто именно. Онъ видѣлъ ихъ въ разстояніи „гона“, что, по энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, означаетъ въ Малороссіи сто двадцать пять саженъ. Ему показалось, что эти двое, завидѣвъ его, уклонились въ сторону, какъ бы обходя то мѣсто, гдѣ онъ пасъ скотъ. Но чего же естественнѣе? Вѣдь онъ пасъ рогатый скотъ, въ стадѣ былъ быкъ, при стадѣ были собаки... Кто же полѣзетъ на стадо. Но этого мало. Лица прохожихъ были какъ бы закрыты платками. То-есть, другими словами, въ знойный іюльскій день, когда жара стояла двадцати пяти градусная, дачники или кадеты ближайшаго лагеря шли купаться, подсунувъ подъ шапки платки или полотенца, чтобы не пекло шеи и щекъ. Положимъ, но ужасъ еще въ томъ, что изъ двухъ, которыхъ Ткаченко признать не можетъ, одинъ былъ одѣть въ темное платье, а другой въ свѣтлое... Ни пуговицъ, ни покроя платья онъ не примѣтилъ, но сочетаніе свѣтлаго и темнаго сохранилось у него въ памяти.

Прекрасно, но вѣдь платье, въ которомъ были Скитскіе 14-го іюля, передъ нами. На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крови, ни слѣдовъ отъ борьбы. По этому предмету былъ тщательный розыскъ и тщательная экспертиза—платье не замыто и

не возбуждаетъ само по себѣ вообще ни малѣйшихъ подозрѣній.

А могло-ли бы оно остаться столь дѣвственнымъ, если-бы въ немъ Скитскіе убивали Комарова, да къ тому же и перетаскивали его (или вѣрнѣе, переносили, такъ какъ на мѣстности, окружающей трупъ, незамѣтно ни малѣйшаго слѣда волока) съ дороги въ укрытое мѣсто? Вѣдь убитый былъ залитъ кровавой пѣной, даже на спинѣ его, на пиджакѣ (какъ говоритъ полицеймейстеръ Ивановъ) былъ слѣдъ отъ прикосновенія окровавленной руки убійцы. Какъ же могли они не запачкаться сами, избѣгнуть хотя бы одной предательской капли крови? Наконецъ, совпаденіе темнаго и свѣтлаго въ одеждахъ двухъ лицъ развѣ само по себѣ такъ исключительно, такъ необычно? Лежащія передъ нами одежды Скитскихъ: — форменный китель и парусиновыя брюки, и коричневая, но лѣтняя пиджачная пара. Вѣдь надо же доказать, по крайней мѣрѣ, что въ Полтавѣ и ея окрестностяхъ подобное сочетаніе цвѣта одеждъ лѣтомъ возможно было только для братьевъ Скитскихъ. Ссылайте людей въ каторгу на основаніи подобной улики!

Относительно показанія г-жи Бородаевой было уже сказано однимъ защитникомъ, будетъ еще сказано другимъ. Если два года она молчала и теперь заговорила, то объясните, по крайней мѣрѣ, почему она молчала и почему заговорила? Что именно она говоритъ, ясно: когда-то, два года назадъ, она видѣла, что кто-то карабкался быстро на гору, и видѣла она это въ бинокль. Кто были эти люди—она не знаетъ. Она не смѣетъ также утверждать, что это было именно 14-го іюля. Бинокль г-жи Бородаевой не можетъ, такимъ образомъ, оказать никакой услуги правосудію.

Вотъ весь перечень косвенныхъ уликъ, если можно такъ выразиться, матеріально-объективнаго характера. Впереди еще данныя психологическаго свойства, но пока подведемъ итогъ.

На лицо какъ бы картина: „апоѳеозъ косвенныхъ уликъ!“ Въ нее твердо вѣритъ пока еще только одинъ полицеймейстеръ г. Ивановъ, да и то потому, что въ числѣ открытыхъ имъ уликъ онъ все еще считаетъ „слѣды крови“ на одеждѣ Степана Скитскаго, оказавшіеся, впрочемъ, слѣдами ржавчины отъ метал-

лическихъ пуговицъ. Въ видѣ побѣднаго стяга въ этой „кучѣ“ уликъ для него красуется еще и знаменитый „волосъ“ „повидимому убитаго Комарова“, приставшій къ подошвѣ сапога одного изъ Скитскихъ. Онъ тщательно охраненъ былъ г. Ивановымъ и даже не была повторена ошибка процесса Сарры Бекеръ—волосъ не пропалъ. Но только онъ оказался *не* Комарова. Чего же вы хотите отъ розыска и предварительнаго слѣдствія? Вы видите добрыя намѣренія, вы видите начитанность, они слѣдятъ за криминальной практикой—они знаютъ хорошо, что безъ „волоса“ нѣтъ больше на Руси выдающихся процессовъ, они доставили вамъ и волосъ? Чего еще съ нихъ спрашивать?

Г. Иванову, впрочемъ, можетъ служить извиненіемъ то обстоятельство, что онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Кременчугъ и уже ничего не зналъ о судьбѣ собранныхъ имъ уликъ. Онъ могъ торжествовать побѣду, считая въ числѣ своихъ трофеевъ и веревку, и кровь, и волосъ. Но какую побѣду можемъ торжествовать мы, судебные дѣятели, по поводу „апоѳеоза косвенныхъ уликъ“, собранныхъ по настоящему дѣлу?

Остается остановиться на психологическихъ моментахъ Они тоже выдвигаются въ качествѣ уликъ. Страшная вещь эта спеціально-криминальная психологія, особенно въ разгоряченной атмосферѣ судебнаго засѣданія. Въ ней много обрядового, сакраментальнаго, и весьма мало вдумчиваго и вѣрнаго. Глядите на Степана Скитскаго: блуждаютъ-ли его глаза? Такъ смотритъ убійца или затравленный, замученный страшнымъ подозрѣніемъ человѣкъ? А вѣдь, почти такія улики выдвигаются относительно „неестественности“ поведенія Скитскихъ въ послѣдующіе за 14-мъ іюлемъ дни и выдвигаются на основаніи наблюденія полицейскихъ чиновъ. Но объ этомъ обо всемъ придется еще сказать послѣ; въ область психологіи входитъ и предполагаемый мотивъ преступленія. Съ него и начнемъ, какъ съ главнаго.

Здѣсь давалъ свои показанія полтавскій архіерей преосвященный Иларіонъ, которому былъ подчиненъ и покойный Комаровъ и Скитскій. Вслѣдъ за даннымъ имъ показаніемъ Степанъ Скитскій указалъ на нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ это показаніе. Одна ошибка подтверждена и казначеемъ

іеромонахомъ Вонифатіемъ, согласно съ заявленіемъ Скитскаго, относительно полученія имъ непосредственно награды отъ архіерея въ размѣрѣ двадцати рублей, въ то время, когда офиціально онъ былъ лишенъ награды къ Пасхѣ по представленію Комарова. Но это не главное. Все показаніе преосвященнаго Иларіона, въ отношеніи указанныхъ имъ фактовъ, можетъ получить надлежащее освѣщеніе и нисколько не опасно для Скитскаго. Но въ показаніи этого свидѣтеля было и нѣчто другое, было извѣстное настроеніе, убѣжденіе, какъ-бы предвозвѣщающее вину Скитскаго въ тяжкомъ преступленіи...

Такъ какъ я держу рѣчь передъ Особымъ присутствіемъ, вѣдающимъ по преимуществу дѣла о должностныхъ лицахъ, то здѣсь умѣстно будетъ напомнить хотя бы содержаніе 1108 ст. уст. уг. суд. Эта статья гласитъ такъ: „начальству преданнаго суду должностнаго лица предоставляется предъявлять на судѣ свои объясненія, но уголовный судъ въ рѣшеніи дѣла не стѣсняется сими объясненіями“. Я прошу васъ только объ одномъ,—что предоставляетъ вамъ и законъ:—„не стѣсняться сими объясненіями“. Разъ вы свободно захотите анализировать это показаніе, вы, несомнѣнно, придете къ заключенію, что оно имѣетъ лишь чисто внѣшнее значеніе и въ основу вашего приговора положено быть не можетъ.

Изъ другихъ источниковъ мы слишкомъ хорошо знаемъ, какое въ дѣйствительности имѣлъ значеніе Скитскій въ консисторіи, знаемъ и причины, по которымъ Комаровъ къ Скитскому могъ питать чувства неудовольствія, но не обратно. Дѣло въ томъ что, послѣ перваго же лишенія Скитскаго награды по настоянію Комарова, Скитскій, въ качествѣ „умника“, „законника“, и человѣка „съ хитрецой“ твердо рѣшилъ жаловаться на Комарова въ Синодъ, и это свое рѣшеніе уже готовъ былъ привести въ исполненіе. Г-жа Комарова свидѣтельствуетъ намъ, что объ этомъ рѣшеніи Степана Скитскаго было извѣстно ея мужу, а написанная жалоба уже ходила по рукамъ. Если преосвященный Иларіонъ втайнѣ отъ Комарова далъ все-таки награду Скитскому, если онъ убѣждалъ его „помириться“ съ Комаровымъ, „бросить камень“, который у него на сердцѣ противъ Комарова, то смыслъ и значеніе подобнаго увѣщанія самъ по себѣ ясенъ безъ того

трагическаго оттѣнка, который ему нынѣ придается. Скитскій въ качествѣ „законника“ могъ „намутить“, могъ привлечь вниманіе начальства, могъ вызвать запросы и пререканія, которыхъ въ бюрократической средѣ всѣхъ вѣдомствъ больше всего избѣгаютъ и опасаются. Поэтому естественно, что начальникъ епархіи желалъ, во что бы то ни стало, водворить миръ и согласіе въ подвѣдомственной ему консисторіи, лишь бы избѣжать всегда нежелательныхъ, докучныхъ запросовъ высшаго начальства. Этимъ объясняется и то, что самъ Комаровъ въ началѣ іюля того-же года представляетъ Скитскаго къ очередной наградѣ и вообще желаетъ чрезъ священника Уралова съ нимъ объясниться и какъ бы помириться. Скитскій ни отъ кого не скрываетъ своихъ неудовольствій на Комарова, онъ всѣмъ говоритъ, что будетъ жаловаться, и одного этого указанія, мнѣ кажется, уже достаточно для того, чтобы этотъ моментъ взаимныхъ отношеній Скитскаго и Комарова, даже съ точки зрѣнія криминальной психологіи, получилъ совершенно нормальное разъясненіе. По характеру личности немного „законника“, немного „умника“ путь жалобъ, путь даже кляузъ указываетъ уже на исходъ, на направленіе, которое получило мстительное чувство, если таковое имѣлось дѣйствительно въ наличности. А разъ исходъ найденъ, путь намѣченъ, нелѣпо предположить, что совершилось злодѣяніе, мотивируемое именно безысходностью наростающаго мстительнаго чувства. Не таковъ человѣкъ Степанъ Скитскій, чтобы прибѣгать къ ножу или веревкѣ для мщенія, когда у него въ распоряженіи оставались еще перо, законы, и способность и умѣнье насолить врагу на почвѣ чисто законной.

Затѣмъ, второе соображеніе по адресу все той же психологіи. Я понимаю безцеремонное обращеніе съ неодушевленными предметами, но какъ безцеремонно поступило обвиненіе съ живымъ человѣкомъ, съ живой душой! Почему Петръ Скитскій безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій и доказательствъ признается „естественнымъ“ сообщникомъ Степана Скитскаго? Чѣмъ онъ проявилъ свое безусловное подчиненіе брату, откуда видно, что онъ могъ стать безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ брата? „Пойдемъ убивать!“—и онъ пошелъ. Вѣдь Комаровъ ему-то покровительствовалъ, прибавилъ жалованья.

Петръ Скитскій не питалъ и не могъ питать къ нему ни малѣйшей злобы. Да и по общему отзыву, это натура мягкая, добрая и благородная. Онъ первый бы отрезвилъ брата, сказавъ ему: „да ты съ ума сошелъ, затѣявъ подобное дѣло!“ Откуда видно, чтобы Петръ Скитскій былъ только матеріалъ слѣдствія, а не живою душою честнаго и правдиваго человѣка?

Откуда видно?. Въ дѣлѣ мы могли бы имѣть даже письменное неопровержимое доказательство, свидѣтельствующее о томъ негодованіи, которое поднялось въ его душѣ, когда приставъ Червоненко увѣрилъ его, что братъ дѣйствительно совершилъ убійство и въ этомъ сознался. При помощи намѣренно подсаженнаго къ нему полиціею и втершагося къ нему въ довѣріе арестанта Петръ Скитскій писалъ брату: „если дѣйствительно ты совершилъ убійство, я проклинаю тебя, ты наложилъ вѣчный позоръ на нашу семью ..“ Письмо перехватила, какъ и желала, полиція, оно было въ рукахъ слѣдователя, его читалъ товарищъ прокурора. Гдѣ-же оно теперь? Предъявите его въ видѣ „улики“ противъ Петра Скитскаго!

Я не стану вовсе останавливаться на „alibi“ подсудимыхъ. Оно достаточно разработано предыдущимъ защитникомъ. При необходимости, чтобы обвиненіе сперва доказало свои положенія, я считаю его даже излишнею роскошью. Несомнѣнно, что все утро 14-го іюля, какъ и всегда, Степанъ Скитскій провелъ въ бѣготнѣ по городу по казначейскимъ дѣламъ. Онъ былъ еще на почтѣ во второмъ часу, потомъ былъ въ казначействѣ, въ семинаріи и вплоть до половины третьяго его видѣли несомнѣнно въ городѣ. Хмѣльнаго Петра Скитскаго, загулявшаго послѣ ухода со службы, видѣли точно также. Затѣмъ ихъ поведеніе сводится къ тому, что, встрѣтившись у семинаріи, они пошли на Ворсклу купаться, такъ какъ, по словамъ Степана Скитскаго, братъ былъ очень выпивши и онъ, какъ бывало и раньше, повелъ его отрезвить. Передъ вечеромъ учитель, дававшій здѣсь показанія, видитъ ихъ купающимися. Они громко перекрикиваются между собою (не замѣчая его присутствія), ныряютъ, ловятъ руками раковъ и перебрасываются ими между собою. Поведеніе, едва-ли соотвѣтственное настроенію двухъ несчастныхъ,

только-что совершившихъ страшное преступленіе. Но они веселы и беззаботны, какъ дѣти. Это злодѣи особенные. Потомъ они катаются въ лодкѣ до поздней ночи, какъ случалось кататься имъ вдвоемъ и раньше. Утромъ Петръ идетъ за сдачею къ лодочнику, которой тотъ не могъ сдать наканунѣ. Этимъ заканчивается 14-е іюля, т. е. роковой день убійства.

Слѣдующій день, 15-е іюля, для Степана Скитскаго начинается довольно нормально, онъ въ консисторіи, потомъ опять въ бѣготнѣ по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. При немъ-ли въ консисторіи порѣшили итти на розыски Комарова, даже не выяснено. Онъ утверждаетъ, что ушелъ по дѣламъ ранѣе, нежели окончательно выяснилось, что Комаровъ въ консисторію не явился, и это ничѣмъ не опровергнуто. Ставить ему поэтому въ вину то, что онъ не пошелъ на розыски, не приходится, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ чиновники на эти весьма неопредѣленные поиски и отправились. Случайно пойди онъ, обвиненіе теперь-бы утверждало: „какое лицемѣріе, онъ пошелъ съ другими, онъ искалъ; искалъ, когда наканунѣ самъ пряталъ бездыханный трупъ!“ О Петрѣ даже нельзя сказать и того, чтобы онъ не ходилъ искать. Всѣ мелкіе чиновники обрадовались случайной суматохѣ, неожиданному ваканту и кинулись, кто куда И Петръ съ товарищемъ Головковымъ отправились, захвативъ бутылку водки и закуску. Въ монастырскомъ лѣсу они сдѣлали привалъ и не ихъ вина, что болѣе ретивые нашли трупъ Комарова и безъ нихъ. Затѣмъ весь этотъ день Петра, равно какъ и послѣдующій, 16-е іюля, —какъ на ладони. Цѣлою компаніею справлялись, какъ видно, поминки секретаря. Перекочевывали изъ трактира „Марсель“ въ пивную Брикера и обратно. Въ консисторіи занятій не было и вся консисторская молодежь шаталась безъ дѣла. Что касается до Степана Скитскаго, то намъ извѣстно, что 15-го съ трехъ часовъ онъ былъ уже въ монастырѣ, онъ понесъ туда медали для раздачи монахамъ. Въ монастырѣ былъ праздникъ, выносили чудотворную икону и въ тотъ день, какъ намъ засвидѣтельствовала продавщица казенной винной лавки г-жа Николаева, не мало бутылокъ водки было пронесено въ рукавахъ отцами монахами и іеромонахами за ограду монастырскую. Угостили, разумѣется, и Степана Скитскаго. Только около восьми часовъ

вечера отъ пріѣхавшаго въ монастырь „гробовщика“ Молчанова узналъ Степанъ Скитскій, что Комаровъ убитъ звѣрскимъ образомъ. По семинарскому обычаю онъ „воздѣлъ“ руки къ иконѣ и промолвилъ: „Боже мой, Боже, что теперь дѣлается на свѣтѣ!“ Г. прокуроръ думаетъ, что не будь онъ убійца, онъ сказалъ бы нѣчто иное. Что именно, г. прокуроръ, къ сожалѣнію, не поясняетъ. Но всѣ присутствующіе нашли, что слова, сказанныя Степаномъ Скитскимъ, были и „благолѣпны“, т. е. умѣстны, и что вообще ничего страннаго они въ поведеніи его не замѣтили. Я нахожу, что они правы. На обратномъ пути въ городъ Степанъ Скитскій не надолго заходилъ въ винную лавку къ г-жѣ Николаевой, по знакомству онъ бесѣдовалъ съ ней и о Комаровѣ, причемъ объяснялъ ей, что былъ съ покойнымъ не въ ладахъ. Для убійцы поведеніе, пожалуй, черезчуръ мужественное.

Затѣмъ, 16-го съ утра онъ узнаетъ, что его казначейская запечатана, и священникъ Ураловъ, со словъ преосвященнаго, приказываетъ ему „не отлучаться“. Степанъ Скитскій говоритъ: „Что? я арестованъ?“ и уходитъ тутъ же къ себѣ на квартиру, гдѣ вечеромъ его и находитъ полиція.

Собственно поведеніе Степана Скитскаго 16-го іюля, послѣ того, какъ онъ узналъ уже о томъ, что Комарова высказала подозрѣніе, а узналъ онъ это еще утромъ, едва-ли поддается даже какому нибудь демонстративному анализу. Убилъ, не убилъ—это безразлично; достаточно того, что подозрѣваютъ въ убійствѣ, что-бы быть выбитымъ изъ колеи и душевнаго равновѣсія. Виновный, пожалуй, еще менѣе, чѣмъ невинный будетъ казаться выбитымъ изъ сѣдла и потерявшимъ почву подъ ногами. Зато Петръ Скитскій не терялъ этой почвы вплоть до вечера 16-го іюля. Вопреки укорамъ г. прокурора, онъ былъ и на похоронахъ. „Пропустили“ они мимо себя процессію, и такъ какъ было жарко, то пошли съ пріятелемъ купаться на Ворсклу. Корите его въ недостаткѣ благочестія, но не обвиняйте въ убійствѣ. Вечеромъ, когда они были въ трактирѣ „Марсель“, пришла вѣсть объ арестѣ Степана Скитскаго. Вилка, которую онъ держалъ въ рукахъ, у него выпала, онъ зашатался, едва устоявъ на ногахъ... „Какъ, братъ арестованъ?“ Пріятели повели его къ себѣ ночевать. На утро его взяла полиція; въ участкѣ съ нимъ сдѣлалось что-то

въ родѣ истерики, онъ неудержимо рыдалъ... Убійцы должны имѣть нервы крѣпкіе! Это единственный выводъ, который просится изъ всего этого эпизода. У Петра нервы не убійцы.

Вотъ и все. Я кончаю, гг. судьи. Несправедливый приговоръ—огромное общественное бѣдствіе. Накопленіе подобныхъ приговоровъ въ общественной памяти и народной душѣ есть зло, такое же зло, какъ и накопленіе умственной лжи въ сферѣ умственной жизни общества и народа. Случаются судебныя ошибки, зависящія отъ роковаго неотвратимаго сплетенія неразгаданныхъ обстоятельствъ. И такія ошибки мы, юристы, справедливо именуемъ правоубійствомъ. Настоящее дѣло не представляетъ собою ничего рокового и неотвратимаго. Неправильный приговоръ не будетъ судебною ошибкою, но только ошибкою судей...

Что можете противупоставить вы въ видѣ рокового и неизбѣжнаго запросамъ и тревогамъ вашей совѣсти: огрызки колбасы, веревку?.. Столько же ради этихъ двухъ несчастныхъ, сколько и ради васъ самихъ, я прошу у васъ оправдательнаго приговора.

Особое присутствіе харьковской судебной палаты приговоромъ отъ 16/21 марта 1899 г. признало подсудимыхъ Степана и Петра Скитскихъ виновными въ томъ, что первый, состоя казначеемъ полтавской духовной консисторіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи, Алексѣя Яковлева Комарова, изъ мести къ нему, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ на служебной почвѣ, по предварительному уговору съ другимъ лицомъ, задумалъ лишить Комарова жизни, и второй въ томъ, что состоя канцелярскимъ служителемъ въ полтавской духовной консисторіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи, Алексѣя Яковлева Комарова, по предварительному уговору съ братомъ своимъ Степаномъ, находившимся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Комаровымъ, задумалъ лишить послѣдняго жизни; съ этою цѣлью они днемъ 14-го іюля 1897 года, скрывшись въ засадѣ, въ лѣсу вблизи города Полтавы, напали на Комарова, когда послѣдній шелъ на дачу Склифасовскаго, и посредствомъ задушенія лишили его, Комарова, жизни.

Преступленіе это карается каторжными работами безъ срока, но Особое присутствіе, не указывая мотивовъ, нашло возможнымъ уменьшить означенное наказаніе и приговорило подсудимыхъ къ каторжнымъ работамъ на 12 лѣтъ, причемъ изъ состава присутствія два члена палаты

А. К. Жежеро и А. Г. Казначеевъ и волостной старшина Я. Н. Усъ остались при особыхъ мнѣніяхъ о невиновности бр. Скитскихъ во взводимомъ на нихъ преступленіи.

Въ кассаціонной жалобѣ защитника (Карабчевскаго) приводилось восемь поводовъ къ отмѣнѣ постановленнаго Особымъ присутствіемъ приговора:

I. Преданіе бр. Скитскихъ суду Особаго присутствія является установленіемъ искусственной и исключительной подсудности, не оправдываемой содержаніемъ 201[1] ст. уст. уг. суд., которая въ исчерпывающемъ перечисленіи статей уложенія о наказаніяхъ опредѣляетъ компетенцію Особаго присутствія. Въ этомъ перечисленіи п. 3 ст. 1451 ул. о нак. (убійство начальника) не упоминается, и преступленіе это, по смыслу 201[1] ст., выдѣляется изъ общей подсудности лишь въ томъ случаѣ, если убійство должностнаго лица совершено при исполненіи имъ или по поводу исполненія служебныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи обвинительный актъ не дѣлаетъ никакого категорическаго указанія, по поводу исполненія какихъ именно обязанностей служебнаго свойства относительно Скитскихъ убитъ Комаровъ, и Правительствующій Сенатъ совершенно лишенъ возможности провѣрить, представляетъ ли выдвигаемый обвиненіемъ мотивъ тотъ именно «поводъ» къ совершенію убійства, который категорически долженъ быть указанъ при выдѣленіи дѣла изъ подсудности нормальной въ подсудность совершенно особую, исключительную.

II. Дѣло бр. Скитскихъ послѣ отмѣны Пр. Сенатомъ перваго оправдательнаго о нихъ приговора, состоявшагося въ г. Полтавѣ при участіи мѣстныхъ сословныхъ представителей, было назначено единоличнымъ распоряженіемъ предсѣдателя къ слушанію въ г. Харьковѣ при участіи въ составѣ присутствія сословныхъ представителей по городу-же Харькову, хотя ранѣе, согласно опредѣленія судебной палаты отъ 22-го декабря 1897 г., дѣло слушалось въ Полтавѣ, и опредѣленіе это, не взирая на то, что въ кассаціонномъ протестѣ прокурора заявлено было ходатайство о новомъ слушаніи дѣла не въ Полтавѣ, не было отмѣнено Правительствующимъ Сенатомъ.

Такое единоличное распоряженіе предсѣдателя представляется совершенно неправильнымъ, ибо въ силу 138[1] ст. учр. суд. уст. и 1050[1] ст. у. уг. суд., опредѣленіе того, подлежитъ ли дѣло слушанію въ городѣ, гдѣ учреждена палата, или въ одномъ изъ другихъ городовъ ея округа, зависитъ отъ палаты. Послѣ отмѣны перваго приговора, при вторичномъ слушаніи дѣла, прежній составъ сословныхъ представителей, согласно 1106 ст. у. у. с., долженъ былъ быть замѣщенъ однимъ изъ уѣздныхъ предводителей Полтавской губерніи, на мѣсто городского головы г. Полтавы надлежало пригласить его законнаго замѣстителя; на мѣсто прежняго волостного старшины (1105[1] ст. уст. уг. суд.)—новое лицо изъ старшинъ Полтавскаго уѣзда, избранное по жребію. Наканунѣ открытія судебнаго засѣданія защитою въ особомъ прошеніи были указаны вышеприводимыя соображенія и былъ заявленъ отводъ противъ сословныхъ представителей Харьковской губ. Но судебная палата, вопреки точному смыслу 603 ст. уст. уг. суд. (рѣш. Прав. Сен. 76/62), удалилась для совѣщанія по сему предмету вмѣстѣ съ сословными представителями, противъ коихъ

именно и былъ заявленъ отводъ, и вынесла опредѣленіе отъ имени Особаго присутствія, а не судебной палаты, хотя прошеніе было адресовано въ судебную палату, и по силѣ 1106[1] ст. у. у. с, разъясненной въ рѣш. уг. к. д. 95/18, ей одной, безъ участія сословныхъ представителей, надлежало постановить опредѣленіе по вопросу о подготовительныхъ распоряженіяхъ, признававшихся защитою неправильными. И по существу возбужденнаго вопроса Особое присутствіе постановило неправильное опредѣленіе, ибо не вошло вовсе въ оцѣнку вопроса, представлялась ли по силѣ 138[1] ст. учр. суд. уст. по данному дѣлу «надобность» открыть засѣданіе именно въ Полтавѣ.

III. Приговоръ Особаго присутствія, заканчивающійся въ резолютивной части признаніемъ вины Скитскихъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, представляетъ собою не результатъ обсужденія совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла и соображенія обвиненія со всѣми представленными по дѣлу доказательствами и уликами, а лишь односторонюю поддержку выводовъ обвинительнаго акта, покоящуюся притомъ на явномъ игнорированіи такихъ данныхъ и обстоятельствъ дѣла, обсужденіе коихъ, въ ихъ дѣйствительной совокупности, должно было неминуемо привести судей къ признанію невиновности Скитскихъ во взводимомъ на нихъ преступленіи. Такъ, палата заявляетъ прежде всего въ приговорѣ, что она устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ не подлежащее будто бы разсмотрѣнію палаты въ настоящемъ составѣ присутствія. Отсюда ясно, что палата преднамѣренно не желаетъ обсудить, насколько наличность такихъ недостатковъ и неполноты препятствуютъ раскрытію истины, къ отысканію которой она же вслѣдъ затѣмъ и вынуждена приступить. Этимъ и объясняется, что въ основу приговора кладется рядъ невѣрныхъ положеній, выработанныхъ предварительнымъ, но явно опровергнутыхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Палата говоритъ, напримѣръ, что убійство совершено «въ мѣстности довольно глухой и безлюдной», а четыре незаподозрѣнныхъ ею свидѣтеля показали, что эта мѣстность—весьма людная, проѣзжая дорога, гдѣ лѣтомъ весьма значительное движеніе. А между тѣмъ, если отвергнуть глухость и безлюдность мѣстности, то окажется, что Скитскіе (изъ коихъ одинъ въ форменномъ кителѣ) бѣгомъ (показаніе Бородаевой, принятое палатою) бѣжали на проѣзжую дорогу (къ мѣсту совершенія убійства), чтобы напасть на Комарова возможно ближе къ его собственной дачѣ, догадываясь, вѣроятно, что именно въ этотъ день г-жа Комарова (см. ея показаніе) побоится собакъ, хотя ранѣе каждый день, не боясь тѣхъ же собакъ, она обыкновенно ходила встрѣчать мужа до мостика и далѣе.

Установивъ, что убійство совершено у мостика и что трупъ «тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія», палата не обратила вниманія, что это утвержденіе рѣзко противорѣчитъ установленному слѣдствіемъ факту, что на колѣняхъ брюкъ покойнаго были слѣды сѣроватой глины, тогда какъ, по показаніямъ свидѣтелей, подтверждаемымъ протоколомъ осмотра, земля вокругъ мостика и даже во рву подъ мостикомъ была совершенно суха и отъ жары потрескалась. «Это явное противорѣчіе можетъ быть объяснено лишь предварительнымъ зарокомъ палаты не

критиковать и не оцѣнивать по достоинству недостатковъ предварительнаго слѣдствія». Обсуждая данныя, устанавливавшія выраженіе С. Скитскимъ своего неудовольствія на Комарова, палата не поясняетъ, въ какую же связь подобное явное обнаруженіе Скитскимъ своихъ недружелюбныхъ чувствъ къ Комарову можно поставить съ ея же утвержденіемъ, что вражда Скитскаго, «которая разросталась въ немъ скрытно для посторонняго наблюдателя, подготовила и мстительныя чувства».

Петру Скитскому палата приписываетъ «низкій нравственный уровень, съ характеромъ, поддающимся вліянію», между тѣмъ какъ ничего подобнаго по дѣлу не установлено.

Палата ни однимъ словомъ не касается эпизода съ письмомъ, переданнымъ П. Скитскимъ брату черезъ сыщика. По показанію Червоненко, письмо это читалъ товарищъ прокурора Дамяловскій, а затѣмъ оно было передано полиціей судебному слѣдователю; но куда затѣмъ исчезло, неизвѣстно.

Ставя въ улику Степану Скитскому его поведеніе 15-го іюля вечеромъ, послѣ возвращенія домой изъ монастыря, палата поведеніе это воспроизводитъ якобы на основаніи разсказа дежурнаго въ тотъ день чиновника консисторіи Навроцкаго, не допрошеннаго, однако, ни на предварительномъ, ни на судебномъ слѣдствіи, и въ качествѣ свидѣтеля вовсе даже и не вызывавшагося, поясняя лишь вскользь, что свидѣтель Лекторскій слышалъ этотъ разсказъ отъ Навроцкаго. Свидѣтель Шепитько, на котораго была сдѣлана прямая ссылка въ разсказѣ Лекторскаго, не только не подтвердилъ сдѣланной на него ссылки, но и прямо опровергъ обстоятельство, на которое указывалъ Лекторскій.

Приведя затѣмъ еще цѣлый рядъ противорѣчій въ выводахъ, умолчаніе и прямое игнорированіе уликъ, обстоятельствъ и доказательствъ, кассаторъ полагаетъ, что при такихъ условіяхъ приговоръ о Скитскихъ не можетъ имѣть силы и значенія судебнаго рѣшенія.

IV. Поданное защитою во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій прошеніе о производствѣ осмотра мѣстности, гдѣ было совершено преступленіе, осталось палатою неразрѣшеннымъ на томъ основаніи, что вопросъ этотъ имѣетъ быть разсмотрѣнъ въ самомъ засѣданіи Особаго присутствія. Въ засѣданіи 15-го марта Особое присутствіе отклонило ходатайство защиты за пропускомъ установленныхъ 577 и 578 ст. у. у. с. сроковъ. Но не говоря о томъ, что по смыслу 688 ст. у. у. с. вопросъ объ осмотрѣ можетъ и долженъ возникать именно на судебномъ слѣдствіи, что въ данномъ случаѣ, какъ оказалось, протоколовъ осмотра указанныхъ защитой мѣстностей вовсе не имѣется, защитнику Н. П. Карабчевскому не было вовсе объявлено о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, а защитникъ Зеленскій не пропустилъ срока при подачѣ имъ своего ходатайства. Послѣ допроса Бородаевой защита вновь возбудила то-же ходатайство, но на этотъ разъ Особое присутствіе признало его уже преждевременнымъ; при возобновленіи же ходатайства къ заключенію судебнаго слѣдствія Особое присутствіе вновь отказало на томъ уже основаніи, что показаніе Бородаевой не есть новое, только что представленное доказательство.

V. Особое присутствіе безъ всякихъ мотивовъ отклонило ходатайство

защиты о дачѣ экспертами заключенія по выслушаніи вызванныхъ свидѣтелей; ходатайство о томъ же самихъ экспертовъ, находившихъ, что иначе они не въ состояніи будутъ дать отвѣтъ на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ, было отклонено единоличнымъ распоряженіемъ старшаго предсѣдателя. Въ виду такого ограниченія, поставленнаго экспертамъ защиты, не бывшимъ при предварительномъ слѣдствіи, то мѣсто приговора Особаго присутствія, въ которомъ присутствіе заявляетъ, что оно «наиболѣе убѣждается доводами эксперта Михнова, какъ производившаго вскрытіе трупа и располагающаго болѣе точными, чѣмъ остальные эксперты, свѣдѣніями», получаетъ особливое значеніе, ибо сама палата лишила остальныхъ экспертовъ возможности имѣть столь же точныя свѣдѣнія о трупѣ отъ свидѣтелей, осматривавшихъ его (полицейскіе чины) еще ранѣе прибытія эксперта Михнова.

Въ пп. VI и VII указывается, что свидѣтельницѣ Комаровой предоставлено было привилегированное положеніе обвинительницы въ процессѣ, чѣмъ она широко пользовалась въ теченіе судебнаго слѣдствія, постоянно дѣлая заявленія, сопоставляя показанія свидѣтелей и произнося обвинительныя рѣчи противъ подсудимыхъ. Допросъ свидѣтелей протоіереевъ происходилъ въ присутствіи свидѣтеля преосвященнаго Иларіона, занимавшаго особое мѣсто въ залѣ засѣданія. Іерархически ему подчиненные свидѣтели эти видимо робѣли, торопились и стѣснялись давать свои показанія, касавшіяся тѣхъ же предметовъ, коихъ касался преосвященный. Просьба защитника (Карабчевскаго) объ устраненіи такого ненормальнаго порядка отклонена была предсѣдателемъ. Наконецъ, п. VIII отмѣчаетъ, что Особое присутствіе палаты, во время совѣщанія, пользовалось фотографическими снимками, которые во время судебнаго слѣдствія ни сторонамъ, ни суду предъявлены не были, и не исключена возможность, что судебное рѣшеніе о виновности Скитскихъ, мало и односторонне обоснованное въ мотивированномъ приговорѣ могло именно сложиться подъ впечатлѣніемъ пользованія внѣсудебными доказательствами, которыя въ освѣщеніи сторонъ, быть можетъ, потеряли бы все свое таинственное и, нерѣдко именно потому, неотразимое значеніе. Одного подобнаго подозрѣнія вполнѣ достаточно для того, чтобы вся совѣщательная дѣятельность судей при постановленіи приговора лишилась того необходимаго довѣрія, которымъ законъ облекаетъ эту торжественную стадію уголовнаго процесса, ибо тайна судейскаго совѣщанія неприкосновенна и провѣрка того обстоятельства, какую именно роль сыграли эти внѣсудебныя доказательства при совѣщаніи судей, абсолютно невозможна.

По этимъ соображеніямъ защитникъ (Карабчевскій) просилъ отмѣнить приговоръ Особаго присутствія и дать дѣлу дальнѣйшее законное направленіе.

Дополнительная кассаціонная жалоба защитника Петра Скитскаго, пр. пов. Куликова, отмѣчала встрѣчающіяся въ приговорѣ существенныя противорѣчія съ протоколомъ засѣданія, съ самимъ собою и съ собственными выводами.

Частный повѣренный Зеленскій въ своей кассаціонной жалобѣ касался неправильностей полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія.

Дѣло докладывалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената 29-го сентября 1899 года. Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ Н. С. Таганцевъ, докладывалъ дѣло сенаторъ М. Г. Акимовъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій

Рѣчь, произнесенная въ Сенатѣ по дѣлу бр. Скитскихъ.

Гг. сенаторы!

Въ виду подробнаго изложенія мною въ самой жалобѣ доводовъ относительно каждаго изъ намѣченныхъ въ ней кассаціонныхъ нарушеній, а также въ виду того, что жалоба присяжнаго повѣреннаго Куликова привходитъ лишь въ качествѣ дополненія третьяго пункта моей жалобы, я коснусь въ моей рѣчи одновременно обѣихъ жалобъ, и притомъ лишь настолько, насколько изложенное въ нихъ можетъ требовать развитія и поясненія. Что касается до кассаціонной жалобы третьяго защитника Скитскихъ, г. Зеленскаго, трактующей объ отмѣнѣ преданія суду въ виду неполноты и недостатковъ предварительнаго слѣдствія, то я не стану вовсе касаться ея, тѣмъ болѣе, что г. Зеленскій находится здѣсь, и если пожелаетъ, можетъ представить лично свои объясненія Правительствующему Сенату.

Начну съ перваго пункта моей жалобы. Обвинительный актъ устанавливаетъ, что убійство Комарова учинено Скитскими „изъ мести, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ на служебной почвѣ“. 3 п. 1451 ст. улож. о наказ. по которой квалифицируется это преступленіе, говоритъ объ убійствѣ подчиненнымъ начальника или рабочимъ господина и т. п. въ томъ же смыслѣ усиленія наказанія, какъ и ст. 1449 говоритъ объ убійствѣ отца или матери. Говоря о послѣднемъ преступленіи, будетъ правильно выразиться, что оно есть преступленіе, возникающее на „семейной почвѣ“ и инымъ оно быть и не можетъ, какъ равно, правильно говоря о специфическомъ преступленіи—убійствѣ подчиненнымъ начальника — выразиться, что преступленіе это непремѣнно предполагаетъ „служебную почву“, ибо внѣ

официально-служебной сферы нѣтъ подчиненныхъ и начальниковъ. Но мнѣ могутъ возразить: это не болѣе, какъ неточная и неполная формулировка обвинительнымъ актомъ обвинительнаго пункта, повторенная въ столь же неудачной редакціи въ вопросахъ и въ резолютивной части приговора. Въ виду Особаго присутствія были очевидно фактическія данныя того, что убійство, согласно признакамъ 201[1] ст. уст. уг. суд., было совершено „при, или по поводу исполненія Комаровымъ своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей“ и невнесеніе этого признака упущено лишь по оплошности или недоразумѣнію. Смѣю думать, что это не такъ, не говоря уже о томъ, насколько мы въ правѣ приписывать судебному мѣсту столь существенные промахи по оплошности или недоразумѣнію.

Возьмемъ то мѣсто изъ приговора, которое по существу воспроизводитъ психологическіе моменты преступнаго событія, т. е. провѣримъ: что же именно по внутреннему существу дѣянія приписывается подсудимымъ? Мы читаемъ: „анализируя всѣ вышеприведенные мелочные факты (отзывы, слова, сказанныя Степаномъ Скитскимъ и проч.) изъ области отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и оцѣнивая ихъ со стороны внутренняго значенія, Особое присутствіе палаты не можетъ не притти къ заключенію, что въ совокупности своей они указываютъ на постепенно все болѣе и болѣе развивавшіяся въ Скитскомъ чувства недружелюбія къ Комарову, перешедшія затѣмъ во вражду, которая, разростаясь въ немъ, скрытно для посторонняго наблюдателя, подготовила и мстительныя чувства“... И только! Если сократить многословіе и постараться то же самое выразить возможно кратко, пришлось бы сказать: „служа съ нимъ вмѣстѣ, возненавидѣлъ человѣка“.

Но развѣ въ этомъ заключаются признаки 201[1] ст. уст. уг. суд., измѣняющей самую подсудность за убійство. Эта статья закона основана на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 9-го мая 1878 года. Изъ отчета Государственнаго Совѣта за тотъ же годъ можно усмотрѣть и мотивы, приведшіе законодателя къ необходимости измѣненія подсудности нѣкотораго рода дѣлъ въ интересахъ вящей охраны и огражденія власти въ лицѣ ея должностныхъ агентовъ. Новый порядокъ подсудности былъ установленъ въ

разсужденіе того, что ранѣе (при изданіи судебныхъ уставовъ) невозможно было предвидѣть чрезмѣрнаго проявленія случаевъ насилія и сопротивленія правительственнымъ органамъ, и что послѣдовательное повтореніе подобныхъ преступленій, а также обнаруживавшаяся при совершеніи оныхъ необычайная дерзость указывали на недостаточность способовъ, коими располагало правительство для борьбы съ ними. Итакъ, въ чемъ же центръ тяжести исключительной подсудности для такого рода дѣлъ? Очевидно въ томъ намѣреніи преступника или вѣрнѣе въ томъ animus'ѣ самаго преступленія, которое, въ томъ или иномъ видѣ насилія надъ должностнымъ лицомъ содержится. Вотъ почему законъ, говоря „при" или „по поводу исполненія служебныхъ обязанностей" имѣетъ въ виду не лицо, а то служебное дѣйствіе его, или рядъ дѣйствій, протестомъ противъ коихъ является насиліе или даже самое убійство.

Представимъ себѣ убійство подчиненнымъ начальника изъ ревности, изъ корысти, изъ какихъ угодно побужденій, но только не во имя противодѣйствія его „порядку управленія", налицо будетъ все тотъ же 3 п. 1451 ст. улож. о наказ. (убійство начальника), но не будетъ, конечно, особой подсудности, опредѣляемой 201[1] ст. уст. уг. суд. Выраженіе—„отношенія, возникшія на служебной почвѣ", по своей неопредѣленности ровно ничего не даетъ и дать не можетъ. Представимъ себѣ такой хотя бы, совершенно невозможный въ дѣйствительности, но, логически вообразимый случай: зная, что по порядкамъ даннаго вѣдомства помощникъ непремѣнно замѣщаетъ начальника послѣ его смерти, помощникъ отравляетъ начальника, чтобы занять его мѣсто. Это будетъ чудовищное преступленіе, это будетъ 3 п. 1451 ст., т. е. убійство начальника, это будетъ несомнѣнно „и на служебной почвѣ",—но это не будетъ, однако, 201[1] ст. уст. уг. суд., съ ея чрезвычайною и исключительною подсудностью. Нужно ли мнѣ еще добавлять, что всякій сепаратный законъ, всякое исключеніе изъ общаго правила, а таковымъ именно и является ст. 201[1]—по отношенію къ ст. 200 и 201 того же устава угол. суд. согласно нашимъ основнымъ законамъ, не терпитъ вовсе распространительнаго толкованія и должна быть строго примѣняема лишь въ точно указанныхъ случаяхъ.

Высказанныя выше соображенія укрѣпляютъ меня въ убѣжденіи о совершенной правильности перваго тезиса, выставленнаго въ моей кассаціонной жалобѣ, т. е. въ томъ, что преданіе суду Скитскихъ Особому присутствію харьковской судебной палаты, взамѣнъ преданія ихъ нормальному суду, т. е. полтавскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, неправильно и не обосновано закономъ.

Перехожу ко второму кассаціонному нарушенію. Здѣсь прежде всего возникаетъ повидимому вопросъ относительно самой достовѣрности сдѣланнаго мною указанія. До перваго разбора дѣла въ Полтавѣ состоялось или нѣтъ особое опредѣленіе судебной палаты о необходимости открыть засѣданіе именно въ Полтавѣ, а не въ Харьковѣ? Изъ доклада можно было понять, что такого опредѣленія, какъ это полагаетъ и Особое присутствіе, вовсе, будто бы, не было. Однако же, на чьей сторонѣ недоразумѣніе? И въ чемъ собственно самое недоразумѣніе? Вѣдь, того безпорнаго факта, что въ первый разъ дѣло разбиралось именно въ Полтавѣ никто же отрицать не станетъ. Нельзя отрицать и содержанія 138[1] ст. учр. суд. установленій, которая гласитъ: „засѣданія по дѣламъ, означеннымъ въ ст. 201[1] уст. уг. суд. открываются или въ томъ городѣ, гдѣ учреждена палата, или же, въ случаѣ надобности, въ одномъ изъ городовъ подсуднаго ей округа по опредѣленію о семъ палаты“. Итакъ, безъ особаго опредѣленія палаты дѣло не могло быть назначено въ г. Полтавѣ. Да такое опредѣленіе и имѣется въ дѣлѣ, но лишь съ маленькою канцелярскою погрѣшностью. Это—опредѣленіе отъ 22-го декабря 1897 года. Оно составлено по печатному бланку и послѣ словъ „засѣданіе открыть въ г.“ (т. е. въ городѣ), самый городъ не проставленъ. Конечно, погрѣшность, свидѣтельствующая о небрежности, при составленіи судебныхъ актовъ, дѣло нежелательное, но ее всего менѣе можно поставить въ вину кассатору; во всякомъ случаѣ еще менѣе, чѣмъ ту случайную ошибку переписчика въ нумераціи статьи, заговорившей вдругъ, ни съ того ни съ сего, въ дѣлѣ Скитскихъ „о церковномъ покаяніи“, когда они грѣха не совершили, ошибку, констатированную, однако, г. сенаторомъ-докладчикомъ.

Наконецъ, если бы „открытіе засѣданія“ въ первый разъ по опредѣленію палаты именно въ г. Полтавѣ, все

таки, нуждалось въ офиціальномъ подтвержденіи, то и таковое имѣется налицо. Открытіе засѣданія имѣло мѣсто именно въ г. Полтавѣ, стало быть, опредѣленіе значенія буквы „г“ послѣ словъ „открыть засѣданіе“, по меньшей мѣрѣ, въ смыслѣ апостеріорнаго его толкованія не можетъ уже встрѣчать сомнѣнья. Въ предложеніи г. прокурора палаты отъ 16-го января 1899 года на имя г. старшаго предсѣдателя палаты (передъ вторичнымъ назначеніемъ къ разбору дѣла о Скитскихъ) прямо значится, что дѣло въ первый разъ слушалось въ Полтавѣ, но что теперь онъ, прокуроръ, проситъ распоряженія предсѣдателя о томъ, чтобы дѣло не слушалось въ Полтавѣ, а слушалось въ Харьковѣ, и выставляетъ при этомъ два основанія: во-первыхъ—неудобство пополненія сословныхъ представителей, во-вторыхъ—совершенно неприличное поведеніе полтавской публики, бывшей въ судѣ при первомъ разборѣ дѣла. Недоразумѣніе съ точки зрѣнія фактической должно, такимъ образомъ, считаться устраненнымъ. Теперь возникаетъ уже чисто юридическій и притомъ капитальный вопросъ: какъ далеко простирается единоличная власть предсѣдателя въ дѣлѣ „открытія засѣданія“ въ томъ или другомъ городѣ, причемъ, сообразно съ этимъ, измѣняется и составъ сословныхъ представителей. На предложеніи г. прокурора имѣется никѣмъ не подписанная помѣтка—„имѣть въ виду при назначеніи дѣла къ слушанію“, а затѣмъ ниже, уже за подписью г. предсѣдателя: „назначить въ Харьковѣ“.

Обращаясь къ тексту 138[1] ст. учр. суд. установленій, я прежде всего нахожу, что неправильно было бы толковать его (какъ это дѣлаетъ Особое присутствіе) въ томъ смыслѣ, что коренное правило: разбирать дѣло въ городѣ, гдѣ находится палата, а въ экстренномъ, исключительномъ случаѣ возможно и въ другомъ городѣ подвѣдомственнаго ей округа. Подобнаго преимущественнаго тяготѣнія къ городу, гдѣ учреждена палата, въ законѣ не содержится. Да и по духу нашихъ законовъ о подсудности по мѣсту совершенія преступленія это было бы неумѣстно. Наоборотъ, основной по этому предмету законъ желаетъ и требуетъ (208 ст. уст. уг. суд.), чтобы дѣло разбиралось именно тамъ, гдѣ совершилось и изслѣдовалось преступленіе. И въ ст. 138[1] уч. суд. устано-

вленій стоятъ параллельно два „или“: или въ городѣ, гдѣ учреждена палата, или же и т. д. Если бы законодатель отдавалъ предпочтеніе городу, гдѣ учреждена палата, первое „или“, предупреждающее объ условности слѣдующаго затѣмъ текста, грамматически и логически было бы излишне. Но этого мало: разъ мы признаемъ, что слушаніе дѣла въ Полтавѣ состоялось, вслѣдствіе опредѣленія палаты, лишь отъ самой палаты, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, могла зависѣть отмѣна первоначальнаго частнаго опредѣленія, не отмѣненнаго при первой кассаціи и Правительствующимъ Сенатомъ. Въ виду изложеннаго, я нахожу, что г. старшій предсѣдатель вышелъ изъ предѣловъ принадлежавшей ему власти, назначивъ, помимо опредѣленія о томъ палаты, дѣло слушаніемъ въ Харьковѣ и пригласивъ въ составъ присутствія ненадлежащихъ сословныхъ представителей.

Нужно ли къ этому прибавлять, что обсужденіе затѣмъ заявленнаго нами отвода противъ сословныхъ представителей при участіи ихъ же самихъ въ обсужденіи этого отвода, является противнымъ не только буквѣ, но и глубочайшимъ изгибамъ „духа“ закона.

Минуя временно третій, самый обширный отдѣлъ моей кассаціонной жалобы, состоящій въ критическомъ анализѣ приговора вообще съ точки зрѣнія требованій закона, такъ какъ я имѣю въ виду посвятить ему конецъ моей рѣчи, я остановлюсь въ настоящее время на самомъ существенномъ, съ моей точки зрѣнія, нарушеніи, допущенномъ Особымъ присутствіемъ. Рѣчь идетъ объ отказѣ намъ въ осмотрѣ мѣстности. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ этотъ вопросъ чистѣйшаго „существа“ можетъ оказаться вопросомъ кассаціоннымъ, а между тѣмъ въ данномъ дѣлѣ онъ именно таковъ. Мнѣ извѣстны всѣ рѣшенія Правительствующаго Сената, отвергающія возможность кассаціи по этому предмету. Они сводятся къ такому положенію: Сенатъ не въ силахъ, не входя въ разсмотрѣніе существа дѣла, провѣрить, насколько былъ бы полезенъ, или даже необходимъ мѣстный осмотръ, черезъ отдѣльнаго командированнаго члена, или цѣлымъ составомъ присутствія. Это положеніе безспорно. Но при этомъ суду,

разсматривающему дѣло по существу, вмѣняется въ обязанность законно мотивировать свой отказъ, дабы Правительствующій Сенатъ могъ убѣдиться, что мотивы обсужденія и привели судебное мѣсто къ законномѣрному отказу.

Въ данномъ случаѣ именно такой законномѣрности въ отказѣ не существуетъ. Четыре раза защита послѣдовательно ходатайствовала о производствѣ осмотра. Въ первый разъ, во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій, затѣмъ въ первый же день судебнаго засѣданія, въ теченіе засѣданія и, наконецъ, передъ заключеніемъ судебнаго слѣдствія. Первое ходатайство не было вовсе разсмотрѣно палатою, какъ признанное подлежащимъ обсужденію въ засѣданіи Особымъ присутствіемъ. Второе было признано несвоевременнымъ, третье—преждевременнымъ и, наконецъ, уже въ четвертый разъ Особое присутствіе мотивированнымъ опредѣленіемъ отказало защитѣ въ производствѣ осмотра. Первыя три опредѣленія, стало быть, въ счетъ не идутъ, и лишь послѣднее подлежитъ нашей оцѣнкѣ съ точки зрѣнія допущенныхъ именно этимъ опредѣленіемъ кассаціонныхъ нарушеній.

Я долженъ сдѣлать здѣсь маленькую оговорку. Во время доклада я не слышалъ одного моего кассаціоннаго довода, подробно развитаго въ третьемъ отдѣлѣ жалобы, но пріурочиваемаго мною всецѣло и къ настоящему отдѣлу жалобы. Палата въ самомъ началѣ своего приговора заявила, что „устраняетъ отъ себя всякую оцѣнку недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія“. Всю степень неправильности подобнаго положенія я буду имѣть честь выяснить въ послѣдней части моей рѣчи, въ настоящее же время лишь почтительнѣйше прошу имѣть его въ виду. Отказъ палаты въ производствѣ осмотра на мѣстѣ мотивированъ двумя основаніями. Первое основаніе заключается, по мнѣнію палаты, въ томъ, что настоящее дѣло не представляетъ будто бы условій, наличность коихъ необходима для примѣненія 688 и 689 ст. уст. уг. суд., а второе,—что показаніе Бородаевой не есть „новое доказательство“, почему просьба объ осмотрѣ мѣстности для опроверженія ея показанія несвоевременна.

Послѣднее указаніе палаты не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ, хотя просьба о вызовѣ Бородаевой и была заявлена г. прокуроромъ до второго засѣданія, но въ его пред-

ложеніи о вызовѣ этой новой свидѣтельницы не было вовсе указано, гдѣ именно она видѣла „двухъ людей, спѣшившихъ къ мѣсту убійства кратчайшимъ путемъ“; такъ что о мѣстѣ, указанномъ г-жею Бородаевою, стало впервые извѣстно, только изъ ея показанія. Но независимо отъ этого, для примѣненія 688 и 689 ст. у. у. с. никакихъ сроковъ въ законѣ и не указано. Сроки эти естественно исчерпываются продолженіемъ всего судебнаго засѣданія. Во время всего судебнаго слѣдствія судъ въ правѣ, по замѣчанію сторонъ или по собственному своему усмотрѣнію, назначить производство осмотра или же всѣмъ составомъ выѣхать на мѣсто, подлежащее такому осмотру. Стало быть, палата неправильно сослалась на какія-то, якобы формальныя, препятствія, обусловленныя срокомъ заявленія со стороны защиты своего ходатайства. Кромѣ того, и во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій отъ защиты поступило аналогичное письменное ходатайство, когда ни о какомъ пропускѣ срока еще не могло быть и рѣчи.

Второе основаніе къ отказу въ ходатайствѣ защиты заслуживаетъ еще большаго вниманія. Въ немъ таится (съ точки зрѣнія юриста, разумѣется) поистинѣ трагическое положеніе, въ которое палата сама себя поставила. Она добровольно очутилась между Сциллой и Харибдой. Устраняя себя, какъ указано выше, „отъ оцѣнки недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія“, Особое присутствіе, повидимому, забыло, что 688 ст. у. уг. суд., допускающая новый осмотръ на мѣстѣ, именно и приглашаетъ его предварительно признать „протоколъ осмотра, неимѣющимъ законной достовѣрности или надлежащей полноты“. Одна неправильность естественно родитъ другую. Чтобы рѣшить, нуженъ ли осмотръ на мѣстѣ, необходимо установить неполноту и недостовѣрность акта предварительнаго слѣдствія, но чтобы сдѣлать это, нужно же войти въ оцѣнку недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія, а между тѣмъ Особое присутствіе заранѣе торжественно „устранило“ отъ себя такую оцѣнку, считая предварительное слѣдствіе почему-то формально неприкосновеннымъ. Немудрено, что съ вопросомъ объ осмотрѣ мѣстности оно попало въ заколдованный, магическій кругъ, изъ котораго не было уже выхода. При такихъ условіяхъ голословное утвержденіе Осо-

баго присутствія, что для наличности осмотра не оказалось въ наличности законныхъ условій, предусмотрѣнныхъ 688 и 689 ст. уст. уг. суд., представляется лишь формальною отпискою, лишенною законной силы и содержанія. О существенности подобнаго нарушенія едва ли нужно говорить. Стоитъ вспомнить, какъ случайны и несовершенны были тѣ планы и наброски, которыми пользовалась палата при допросѣ свидѣтелей, указывавшихъ на ту или другую мѣстность, чтобы понять, съ какимъ безсильнымъ отчаяніемъ безпрерывно возобновлялись ходатайства защиты объ осмотрѣ мѣстности. Ея домогательства не только не были услышаны, но, хуже того, они — не были законно разрѣшены.

Минуя, гг. сенаторы, совершенно нѣкоторыя нарушенія, отмѣченныя въ моей жалобѣ, не потому, чтобы я усумнился послѣ доклада въ ихъ наличности, но лишь потому, что степень существенности ихъ представляется для меня самою сомнительною. Тотчасъ послѣ осужденія, которое считаешь несправедливымъ, сгоряча ищешь во всемъ причины и объясненія такого ненормальнаго явленія. Въ одной газетѣ я, напримѣръ, съ горечью прочелъ, что Скитскимъ могло повредить и то, что я былъ „слишкомъ“ краснорѣчивъ. Если уже это, то тѣмъ болѣе могли повредить краснорѣчіе частной обвинительницы Комаровой или неполнота заключенія экспертовъ, на что и сдѣланы мною указанія въ кассаціонной жалобѣ. Но я теперь не настаиваю на этомъ. Послѣдствія подобныхъ нарушеній, особенно когда налицо имѣются нарушенія гораздо болѣе яркія и, такъ сказать, грубыя, слишкомъ неуловимы и гадательны. Скажу лишь нѣсколько словъ по поводу порядка допроса свидѣтелей, подчиненныхъ преосвященному Иларіону, и пользованія судомъ внѣ-судебными доказательствами—фотографическими снимками.

Въ протоколѣ есть указаніе на то, что я просилъ допрашивать свидѣтелей, священниковъ Мазанова, Уралова и другихъ въ отсутствіи преосвященнаго, ихъ непосредственнаго начальника. Судъ въ постановленіи своемъ не подтверждаетъ, чтобы это лицо, также свидѣтель по дѣлу, непосредственно вмѣшивалось или вставляло свое слово въ показаніе другихъ свидѣтелей, но дѣлались-ли при этомъ движенія го-

ловой, въ смыслѣ отрицанія или утвержденія, судъ лишь „не замѣтилъ“. Но и это не важно, такъ какъ все же остается подъ сомнѣньемъ. Далѣе, Особое присутствіе удостовѣряетъ въ своемъ постановленіи уже нѣчто вполнѣ несомнѣнное. Вотъ, что тамъ сказано: „въ началѣ показанія священника Мазанова предсѣдатель просилъ его обращаться къ суду, не стѣсняясь присутствіемъ свидѣтеля, преосвященнаго Иларіона“. Зачѣмъ же ставить свидѣтеля въ такое положеніе, чтобы онъ „могъ стѣсняться“, а онъ, очевидно, стѣснялся, ибо иначе непонятно было бы самое обращеніе г. предсѣдателя. Нужно вспомнить ту сугубую іерархическую подчиненность въ замкнутой духовной средѣ, которая присуща этому вѣдомству, чтобы понять, могли ли священники, подчиненные архіерею, не стѣсняться его присутствіемъ. Наконецъ, свидѣтель, преосвященный Иларіонъ, какъ допрошенный уже свидѣтель, могъ занять самое почетное мѣсто въ залѣ — за судьями, но зачѣмъ же понадобилось ставить свидѣтеля непосредственно передъ архіереемъ такъ, что само Особое присутствіе въ глазахъ свидѣтеля уже оставалось какъ бы на второмъ планѣ. Если это была „очная ставка“ двухъ свидѣтелей, то она была несвоевременна, а стало-быть, и незаконна, если это была простая случайность, ее слѣдовало устранить тотчасъ же, какъ было замѣчено стѣсненіе свидѣтеля, а не ограничиваться безцѣльнымъ въ отношеніи робкаго человѣка, и потому вполнѣ платоническимъ приглашеніемъ „не стѣсняться“. Я думаю, что въ судебномъ залѣ, гдѣ должна царить истина, интересы истины, и только истины, въ правѣ предписывать и свой собственный этикетъ.

Когда въ Харьковѣ, послѣ выхода судей изъ совѣщанія, предсѣдатель только что объявилъ, что Скитскіе осуждены на двѣнадцать лѣтъ каторги, раздался почти истерическій вопль моего молодого товарища по защитѣ, присяжнаго повѣреннаго Куликова: „г. предсѣдатель, я прошу занести въ протоколъ, что Особое присутствіе во время совѣщанія пользовалось фотографическими снимками, не предъявленными сторонамъ“. Безъ всякой оговорки такъ это и значится въ протоколѣ. Только по поводу моей жалобы, Особое присутствіе нашло нужнымъ какъ бы оговориться, что „снимки (какъ и

все производство) дѣйствительно находились въ совѣщательной комнатѣ". Неужели намъ еще можетъ предстоять задача, какъ-нибудь особенно доказать, что Особое присутствіе дѣйствительно ими пользовалось.

Полагаю, что отъ такого onus probandi мы избавлены самою палатою; отъ нея самой зависѣло торжественно тутъ же, вслѣдъ за воплемъ Куликова, объявить, что она ими „не пользовалась". Это было бы занесено въ протоколъ. Но объявить это было невозможно, такъ какъ самое заявленіе Куликова вызвано было тѣмъ, что пакетъ съ фотографіями былъ затребованъ изъ канцеляріи уже во время совѣщанія. Иначе, откуда бы мы узнали о фотографіяхъ, не фигурирующихъ вовсе въ дѣлѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, о которыхъ, напримѣръ, я, какъ защитникъ, даже не имѣлъ ни малѣйшаго представленія.

Долженъ ли я итти далѣе и выяснять еще неправильность подобнаго пользованія внѣсудебными доказательствами? Что же останется отъ судебныхъ уставовъ, если отнять у нихъ и послѣднее—начало состязательности и равноправности сторонъ.

Я хорошо помню, г. первоприсутствующій, ваше предупрежденіе о томъ, чтобы мы не касались существа дѣла. Особенно ярко я припоминаю его въ настоящую минуту, такъ какъ перехожу къ третьему отдѣлу жалобы, содержащему въ себѣ многочисленныя указанія на неправильность приговора съ точки зрѣнія велѣнія закона (ст. 776 и 797 уст. уг. суд.), чтобы приговоръ былъ обоснованъ всею совокупностью обстоятельствъ дѣла и содержалъ въ себѣ „соображенія обвиненія съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами". Но я, надѣюсь, не выйду изъ положенныхъ предѣловъ. Если бы, противъ моей воли, это и случилось, прошу васъ вѣрить, что это произошло не изъ намѣренія не подчиниться вашему распоряженію, а исключительно только, благодаря трудности самой задачи, такъ какъ всѣ затрагиваемые мною вопросы безпрестанно и вполнѣ естественно соприкасаются съ существомъ дѣла, въ смыслѣ существенности того или иного нарушенія. Въ самомъ дѣлѣ,—зачѣмъ звучатъ всѣ эти оговорки и предупрежденія закона объ обоснованности приговоровъ, когда судьѣ дано

широкое право судить „по внутреннему своему убѣжденію“? Свобода совѣсти судьи неприкосновенна и священна, а между тѣмъ дѣятельность ея обставлена цѣлымъ рядомъ указокъ, напоминаній и предостереженій. Чѣмъ инымъ, какъ не совокупностью такихъ указокъ и предостереженій является вся совокупность статей уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ. Чего же боится законодатель, ставя вѣхи на всѣхъ перекресткахъ, по пути, по которому, повидимому свободно, должно слѣдовать внутреннее убѣжденіе судьи?

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ идея правосудія (а когда ея не было?), она боится только одного: произвола судьи! Это понятно Задача правосудія: найти истину, а произволъ всего хуже уживается съ истиной, потому что истина— одна, а произволъ безграниченъ. Были и такія, хотя историческія, но еще совершенно наивныя времена, когда люди, прямотаки, не смѣли искать истины, они совершенно не полагались на себя въ дѣлѣ отправленія правосудія и предоставляли исключительно „Суду Божію“ утолять ихъ правосудную жажду. Времена ордалій, испытанія огнемъ и водою, судебнаго поля и т. п., черезъ которыя прошли почти всѣ народы. Наступили затѣмъ мрачныя и жестокія времена для правосудія — огненная полоса пытокъ и потоковъ крови, и все во имя того же добыванія истины. Смѣшно сказать, но и тутъ боязнь произвола преслѣдовала мрачные и кровожадные пріемы судебнаго изслѣдованія. Различались допросы „малый“ и „большой“; число поворотовъ винта, которымъ стискивался желѣзный обручъ на головѣ пытуемаго, степень накаливанія желѣза, которымъ припекалась его обнаженная грудь—все это было тщательно зарегистрировано, обусловлено дробными велѣніями всевозможныхъ ордонансовъ и статутовъ. Наконецъ, крайнимъ, я сказалъ-бы идеальнымъ, выраженіемъ этой боязни произвола судьи явилась, такъ называемая, теорія формальныхъ доказательствъ. Этою теоріею формальныхъ уликъ судья, словно средневѣковый рыцарь, былъ закованъ въ тяжеловѣсныя латы. Въ нихъ онъ былъ похожъ скорѣе на манекена, чѣмъ на живое существо, не могъ повернуть головы, чтобы оглянуться назадъ, и долженъ былъ разить всегда только въ одномъ направленіи. Это было уже слишкомъ. Но боязнь произвола у правосудія

осталась и въ минуты самаго прихотливаго и вольнолюбиваго расцвѣта на все посягавшей философской мысли укладываясь въ первобытную и простѣйшую формулу одного лишь „строгаго силлогизма или соразсужденія“, обязательнаго для судьи. Никогда не признавалось, чтобы судья могъ сказать, дважды два—пять, а не четыре.

Наши судебные уставы, провозглашавшіе принципъ судебной независимости и торжества внутренняго убѣжденія судьи, не были также чужды опасенія произвола. Изъ разсужденій, помѣщенныхъ подъ 766 ст. уст. уг. суд. изданія Государственной канцеляріи (стр. 264 и слѣд.), видно, что при разсмотрѣніи этой статьи предполагалось включить въ уставъ извѣстныя правила, которыя могли-бы служить для суда руководствомъ при сужденіи о силѣ доказательствъ. Предположеніе это было отклонено въ видахъ предоставленія свободы совѣсти судей, но только потому, что правила по сему предмету, выработанныя наукою и судебною практикою, должны быть извѣстны членамъ судебныхъ мѣстъ, какъ лицамъ, получившимъ высшее юридическое образованіе, и будутъ, въ силу 801 ст. уст. уг. суд., объясняемы присяжнымъ засѣдателямъ предсѣдателемъ суда. Не вина, конечно, составителей судебныхъ уставовъ, что они не предвидѣли въ то время и такихъ судебныхъ учрежденій, въ которыхъ не всѣ члены съ юридическимъ образованіемъ и въ которыхъ присяжные засѣдатели замѣнены сословными представителями, которымъ не преподается никакихъ объясненій.

Начиная съ 1899 года Правительствующій Сенатъ въ рядѣ принципіальныхъ своихъ рѣшеній (1889 № 34, 1891 № 31, 1895 г. № 24) обратилъ самое строгое вниманіе на порядокъ составленія и обоснованія приговоровъ, постановляемыхъ судебными мѣстами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Онъ положительно и настойчиво требуетъ, чтобы судебное учрежденіе, постановляющее приговоръ, „съ подробностью и ясностью указывало тотъ путь, по которому оно слѣдовало въ своихъ разсужденіяхъ о значеніи установленныхъ имъ фактовъ въ смыслѣ вины или невинности обвиняемаго“. Рядомъ съ этимъ Сенатъ требуетъ, чтобы внутреннее убѣжденіе судьи вытекало изъ совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ какъ, закрывъ, хотя-бы неумыш-

ленно, глаза на нѣкоторыя изъ нихъ, легко обмануть свою собственную совѣсть.

Если подойти съ этими требованіями къ приговору Особаго присутствія харьковской судебной палаты о Скитскихъ, прежде всего бросится въ глаза, что оно произвольно исключило изъ области своей свободной судейской, т. е. критической оцѣнки, цѣлый отдѣлъ слѣдственнаго матеріала. Оно рѣшило не критиковать и не оцѣнивать вовсе предварительнаго слѣдствія. А между тѣмъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ трехъ членовъ, пришедшихъ къ прямо противоположному выводу о невиновности Скитскихъ, содержится такая оцѣнка.

Кто-же правъ? Въ какомъ соотношеніи находятся между собою слѣдствія предварительное и судебное? Предварительное слѣдствіе, во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ оно требуется, органически связано съ слѣдствіемъ судебнымъ. Многіе дѣйствія и акты предварительнаго слѣдствія ничѣмъ восполнены и замѣнены быть не могутъ. Безъ нихъ нельзя обойтись; не ввести ихъ въ кругъ судейской оцѣнки, прямо таки, невозможно, немыслимо. По образному сравненію, слышанному мною нѣкогда здѣсь, въ этой-же самой залѣ, предварительное и судебное слѣдствіе — только два разныхъ этажа одного и того-же зданія. И это совершенно вѣрно Быть можетъ, предварительное слѣдствіе только подвальный этажъ, но зато онъ всего ближе къ фундаменту. Какъ возможно расположиться комфортабельно и удобно правосудію въ верхнемъ этажѣ, не заглянувъ даже въ этажъ подвальный, тѣмъ болѣе, что именно, въ немъ, какъ дознано, такъ свойственно совамъ и филинамъ вить свои гнѣзда, ютиться и летучимъ мышамъ... Какъ же не распахнуть въ немъ окна, ради простой предосторожности. Мнѣ кажется, что устраненіемъ отъ своего разсмотрѣнія вопроса о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія палата устранила самую насущную и настоятельную судейскую критическую работу, безъ которой всѣ дальнѣйшіе ея выводы и положенія, какъ-бы они архитектурны сами по себѣ ни были, лишены устоевъ, лишены вовсе фундамента.

Чтобы не быть голословнымъ, только для примѣра напомню Правительствующему Сенату, что всѣ разсужденія палаты о характерѣ мѣстности предполагаемаго мѣста убій-

ства основаны на противорѣчивомъ и непровѣренномъ протоколѣ предварительнаго слѣдствія, благодаря чему на сухой, потрескавшейся отъ жары землѣ появляется неожиданно сырая глина, а мѣстность, по которой люди идутъ и ѣздятъ безъ конца, и которая находится въ виду жилой дачи, именуется въ приговорѣ со словъ предварительнаго слѣдствія „глухою и безлюдною“.

Характерный эпизодъ съ утайкою перехваченнаго полиціею письма Петра Скитскаго вовсе замалчивается въ приговорѣ, такъ какъ уже заранѣе объявлено, что о недостаткахъ предварительнаго слѣдствія рѣчи не будетъ. Полагаю, что сказаннаго достаточно.

Подходя къ приговору со стороны его логическихъ дефектовъ, опять возможна провѣрка съ кассаціонной точки зрѣнія. Сенатъ неоднократно признавалъ, что не только обвинить, но даже предать суду нельзя на основаніи однихъ лишь предположеній. А между тѣмъ, чѣмъ, какъ не безпорядочно-мятущимся водоворотомъ предположеній являются всѣ эти, якобы, улики въ видѣ показаній Бородаевой, Ткаченко и Коноленко. Что, кромѣ все того же недоумѣвающаго предположенія, вытекаетъ изъ этихъ показаній? Вѣдь палата не приписываетъ ни Бородаевой, ни Ткаченко, чтобы они видѣли непремѣнно убійцъ или даже непремѣнно Скитскихъ. Они видѣли въ разное время двухъ людей; но убійцъ-ли?— не знаютъ, Скитскихъ-ли?—не знаютъ. Какъ же отсюда логически (безъ совершенно произвольнаго предположенія) перешагнуть къ тому, что это и убійцы, и вмѣстѣ Скитскіе.

Одинъ свидѣтель утверждаетъ, что утромъ видѣлъ Степана Скитскаго въ городѣ съ „кошелкомъ“ въ рукахъ. Этого достаточно (для чего: для вывода или для предположенія?), чтобы палата въ приговорѣ объявила: въ этомъ кошелѣ Скитскіе м о г л и нести къ мѣсту убійства водку, хлѣбъ, колбасу, веревку и всѣ орудія убійства. Но вѣдь, по мнѣнію той же палаты, Скитскихъ видѣла Бородаева и разглядѣла даже пуговицы; какъ же она не видѣла при нихъ объемистаго кошеля?

На мѣстѣ убійства найдена сороковка водки. Палата произвольно переименовываетъ ее въ бутылку (хотя это только полъ-бутылки) и затѣмъ объявляетъ: самъ Петръ не отрицаетъ,

что въ это утро онъ купилъ бутылку водки. Но Петръ именно говорилъ о „бутылкѣ“, т. е. $^1/_{20}$ ведра.

Со стороны примѣненія юридическихъ правилъ оцѣнки уликъ приговоръ палаты заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Когда нужно дискредитировать свидѣтеля (Попову, Лазарева)—упоминается, что это свидѣтели „со стороны обвиняемаго“, и они утрачиваютъ уже значеніе въ глазахъ палаты. Братъ, потому что онъ братъ, „естественный“ участникъ другого обвиняемаго. Когда нужно опровергнуть alibi, идетъ свободное накидываніе десяти и пятнадцати минутъ ко времени, устанавливаемому даже такою свидѣтельницею, какъ г-жа Комарова.

Мнѣ скажутъ, позвольте, все это „существо“, Сенатъ не касается и такъ далѣе. Позвольте, однако, гг. сенаторы, во имя чего творится правосудіе?

О „существѣ“ я не стану говорить, но о существѣ существа я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ. Открыта-ли истина и могла-ли быть она открыта при данныхъ условіяхъ? Большинство, осудившее Скитскихъ за звѣрское убійство начальника въ засадѣ, сочло нужнымъ смягчить этимъ злодѣямъ наказаніе до минимума, т. е. на двѣ степени. Если счесть голоса при двукратномъ разбирательствѣ дѣла, оказывается, что изъ четырнадцати голосовъ Петръ имѣетъ восемь, т. е. большинство за невиновность, Степанъ семь, т. е. ровно половину. И я совершенно сознательно, и думаю, по праву, могу спросить: убѣждены-ли вы, что истина открыта въ этомъ дѣлѣ, и что ее могло открыть Особое присутствіе харьковской судебной палаты, идя по тому пути, по которому оно шло? Внѣ подобнаго вопроса, внѣ подобной задачи раскрытія „существа существа“, т. е. истины, нѣтъ судебной процедуры, нѣтъ усилій судейской совѣсти, или они безцѣльны. Кому нужны сами по себѣ формы, обряды и буквы закона, если они не служатъ цѣлямъ правосудія, если они не ведутъ къ главной и единственной его задачѣ — направить на путь, ведущій къ открытію истины. Кассаціонныя учрежденія имѣютъ своихъ родоначальниковъ и очень древнюю генеалогію, дающихъ мнѣ основаніе не чуждаться, доступнаго юристу, историческаго толкованія ихъ задачи Кассаціонный судъ—это дѣтище тѣхъ propositions d'erreur (вѣчныхъ спут-

никовъ людскаго правосудія), которыми во Франціи, начиная съ четырнадцатаго вѣка, вѣдали особые conseils du roi. Они занимались только тѣми дѣлами, въ которыхъ предполагалась судебная ошибка, и разсматривали ихъ вновь „по существу“. Въ 1667 году порядокъ пересмотра подобныхъ дѣлъ былъ окончательно измѣненъ, какъ оскорбительный для чести судей. На его-то развалинахъ и возникло кассаціонное производство, окончательно окрѣпшее и замкнувшееся послѣ первой французской революціи въ холодныя и строгія формы, ограждающія судей отъ жалости и состраданія.

Вопящему о своей невиновности не позволено было больше ни рыдать, ни бить себя въ грудь. Онъ долженъ былъ передъ верховною кассаціонною инстанціею забыть о „существѣ“... даже если это „существо“ было его собственное. Формы кассаціоннаго производства наладились и, какъ хорошо смазанныя колеса, пошли беззвучно въ ходъ. О невинно осужденныхъ стало все рѣже и рѣже слышно. Задачи правосудія, очевидно, осуществлялись. Весь шумъ и назойливый гамъ детальнаго „существа“ каждаго отдѣльнаго дѣла остался гдѣ-то тамъ, внизу, въ низшихъ судахъ и инстанціяхъ. Но для кассаціоннаго судилища, очутившагося одиноко наверху, осталась не меньшая отвѣтственность передъ правосудіемъ. Изъ всего этого копошащагося гдѣ-то внизу „существа“, онъ не можетъ позволять ничего вырабатывать, кромѣ истины.

Если такова конечная задача кассаціоннаго производства, а она именно такова, то я не сомнѣваюсь, что приговоръ, которымъ Скитскіе признаны виновными, будетъ вами отмѣненъ, гг. сенаторы!

Послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія Правительствующимъ Сенатомъ была объявлена слѣдующая резолюція: приговоръ харьковской судебной палаты по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 688, 689, 766 и 797 ст. у. у. с. отмѣнить и дѣло передать въ кіевскую судебную палату, для новаго разсмотрѣнія, а въ прочихъ частяхъ кассаціонныя жалобы оставить безъ послѣдствій.

19-го мая 1900 года въ г. Полтавѣ началось новое разбирательство дѣла братьевъ Скитскихъ. По городу были расклеены объявленія отъ полтавскаго полицеймейстера, извѣщавшаго о закрытіи проѣздовъ къ суду, а также о закрытіи парка для гулянья публики на все время разбирательства этого процесса. Зданіе суда охранялось усиленнымъ военнымъ карауломъ. Свидѣтелей было вызвано сто двадцать восемь человѣкъ.

Судебное слѣдствіе продолжалось девять дней. На пятый день былъ произведенъ осмотръ мѣстности. Предсѣдатель, члены палаты, сословные представители, обвинители, защитники, секретари, судебные пристава, депутаты и представители печати въ экипажахъ длинной вереницей двинулись съ утра отъ зданія суда, конвоируемые конными урядниками. На протяженіи всего пути стояли рогатки и ополченья съ ружьями въ рукахъ.

Прибывъ къ дому свидѣтельницы Бородаевой, палата произвела сложную провѣрку ея показанія. Свидѣтельница, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ присутствія, прокурора, защитниковъ и подсудимыхъ подъ конвоемъ, прошла по полянѣ въ томъ направленіи, въ которомъ шли двое мужчинъ, видѣнныхъ ею въ бинокль со своего балкона. При этомъ между Бородаевой и ея служанкой Ващенко обнаружилось противорѣчіе: послѣдняя утверждала, что бѣжавшіе съ правой, а не съ лѣвой стороны, какъ утверждала Бородаева, обогнули грушевое дерево, стоящее на серединѣ поляны въ четырехстахъ саженяхъ отъ дома.

Послѣ этого, по той-же дорогѣ повели Скитскихъ, а Бородаевой было предложено слѣдить за ними въ бинокль. Когда подсудимые обогнули грушевое дерево (съ лѣвой стороны), свидѣтельница стала неистово кричать: «Это они идутъ! Они! Я объявляю, что тогда шли эти люди!»—и впала въ истерику.

По возвращеніи Скитскихъ, чрезъ поляну вновь отправились одинъ изъ членовъ палаты и свидѣтель Петерсонъ. Этотъ свидѣтель показалъ на судебномъ слѣдствіи, что въ тотъ день, когда, по мнѣнію Бородаевой, она видѣла двухъ мужчинъ, бѣжавшихъ по полянѣ, онъ со своимъ сыномъ совершали прогулку въ этой мѣстности и бѣжали чрезъ поляну, гоняясь за своей молодой собакой. Отецъ былъ въ свѣтломъ костюмѣ, а сынъ—въ черномъ. Направленіе, взятое Петерсономъ—отцомъ, не вполнѣ совпало съ указаніями служанки Ващенко, хотя грушу онъ и обогнулъ съ правой стороны. Петерсонъ—сынъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, демонстрировавшій отдѣльно, показалъ путь, еще болѣе подходящій къ указаніямъ Ващенко.

Вслѣдъ за этимъ палата въ полномъ составѣ произвела провѣрку того пути, по которому, согласно показанію Бородаевой, должны были бѣжать Скитскіе, къ мостику, гдѣ былъ убитъ Комаровъ. На этой дорогѣ оказались ручей безъ моста, глубокіе овраги и такіе крутые спуски, что нѣкоторымъ пришлось ползти на четверенькахъ; многіе падали, въ изнеможеніи садились на траву и отставали отъ шествія. При этомъ мѣстность во многихъ пунктахъ оказалась совершенно открытой, такъ что идущіе по этой дорогѣ могли бы быть замѣчены со всѣхъ сторонъ съ дачъ и прочихъ строеній. Все путешествіе отъ поляны до мостика заняло около сорока минутъ.

Осмотръ мѣстности, прилегающей къ мостику, обнаружилъ сухую, покрытую травой почву: сырой глины—нигдѣ не обнаружено. Съ мѣста, гдѣ были найдены очки покойнаго, вполнѣ видны жилыя строенія.

Отсюда двинулись къ пруду, въ которомъ 14-го іюля наполняли свои бочки тѣ водовозы, которые видѣли Комарова, возвращавшагося около трехъ часовъ на дачу, и его жену, шедшую въ городъ на поиски мужа часъ спустя. Прудъ оказался между мостикомъ и дачей, ближе къ послѣдней (въ разстояніи около сорока саженей).

На самой дачѣ осмотрѣли балконъ, на которомъ Комарова поджидала своего мужа; съ балкона открылся видъ на прудъ, на дорогу (по ту сторону мостика) и на гору (по которой, по предположенію Бородаевой, должны были бѣжать Скитскіе).

Отъ мостика отправились къ тому мѣсту, гдѣ пастухъ Ткаченко пасъ 14-го числа коровъ и видѣлъ сначала Комарова, идущимъ къ мостику, а потомъ двухъ неизвѣстныхъ съ обвязанными головами. Оказалось, что съ поляны, на которой пасъ коровъ Ткаченко, совершенно ясно виденъ спускъ къ мостику, принятый обвиненіемъ за дорогу Скитскихъ 14-го іюля.

Когда Скитскихъ поставили въ томъ мѣстѣ, въ которомъ, по указанію Ткаченко, неизвѣстные вышли изъ лѣсу часу въ четвертомъ, т. е. спустя нѣкоторое время послѣ убійства Комарова, то обнаружилось ясно, что они шли не по опушкѣ лѣса, а по открытому мѣсту, чрезъ поляну.

Далѣе, была изслѣдована та дорога, по которой Комаровъ подходилъ къ мостику. Оказалось, что онъ могъ бы видѣть убійцъ, еслибы они пересѣкали ему путь по склону горы.

На слѣдующій день палата продолжала свой осмотръ. Подсудимымъ было предложено пройти весь тотъ путь, по которому Степанъ Скитскій, согласно его утвержденію, въ день убійства велъ своего пьянаго брата купаться изъ города на рѣкѣ Ворсклѣ. Показанія подсудимаго, въ общемъ, подтвердились, и Скитскіе довольно легко прошли отъ начала до конца всю свою дорогу, такъ что остальные едва поспѣвали за ними.

Правдоподобно выяснилось и показаніе свидѣтельницы Поповой, сидѣлицы винной лавки, видѣвшей подсудимыхъ на этой именно дорогѣ.

Свидѣтельница Кривошеева, молодая дѣвушка, показала палатѣ то мѣсто въ лѣсу, гдѣ она, гуляя 14-го іюля со своей подругой, встрѣтила двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ пьянъ и опирался на руку своего спутника.

Наконецъ палата осмотрѣла то мѣсто на рѣкѣ у мельницы, гдѣ, по указанію Степана Скитскаго и свидѣтелей, онъ съ братомъ купался и ловилъ раковъ въ послѣобѣденное время 14-го іюля.

Измѣренія землемѣра Гусева, оглашенныя на девятый день засѣданія, показали, что предполагаемый обвиненіемъ путь Скитскихъ на четыреста шестнадцать саженъ короче пути, по которому шелъ Комаровъ. Отсюда вытекалъ тотъ выводъ, что Скитскіе могли опередить свою жертву, даже если-бы изъ города вышли нѣсколько позже секретаря. Но тутъ же выяснилось, что путь Комарова измѣренъ точно и подробно, по извилинамъ тропинокъ; дороги же Скитскихъ, шедшихъ по холмамъ и оврагамъ, поставили

землемѣра въ такое затрудненіе, что онъ измѣрилъ ихъ не инструментальнымъ путемъ, а на глазъ, и притомъ не по извилинамъ, а по прямой, кратчайшей линіи, по направленію птичьяго полета.

Медицинская экспертиза не внесла ничего новаго сравнительно съ заключеніемъ врачей на харьковскомъ разбирательствѣ. Врачъ Михновъ продолжалъ утверждать, что веревка служила орудіемъ убійства. Профессоръ Патенко съ новыми подробностями обосновалъ свой взглядъ о томъ, что удушеніе произведено посредствомъ закрытія рта и носа какимъ нибудь мягкимъ предметомъ и что нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что смерть Комарова произошла отъ удавленія петлей. При этомъ онъ добавилъ, что при удушеніи сила давленія не играетъ никакой роли и что вся суть въ плотности предмета, преграждающаго доступъ воздуха въ дыхательные органы жертвы. Далѣе профессоръ Патенко категорически отринулъ предположеніе, что такимъ предметомъ могъ явиться картузъ, найденный на мѣстѣ преступленія. Что касается кровяныхъ брызгъ на спинѣ трупа, то экспертъ усматривалъ въ нихъ не что иное, какъ симуляцію, произведенную уже послѣ того, какъ трупъ былъ притащенъ въ кусты къ мостику. (Въ актѣ осмотра было сказано: «пиджакъ какъ-бы обрызганъ кровавымъ дождемъ»).

Къ выводамъ профессора Патенко присоединились и профессоръ Оболонскій и врачъ Устименко. Послѣдній еще добавилъ, что «веревка на шеѣ Комарова наложена такъ, какъ накладывается профессіональными убійцами, въ знакъ того, что съ жертвой покончены всѣ счеты, что она больше уже не встанетъ».

Относительно колбасъ и хлѣба, найденныхъ на мѣстѣ преступленія, содержатели булочной и колбаснаго заведенія, а также приказчики послѣдняго отрицали возможность установить тождество этихъ остатковъ съ ихъ издѣліями. При этомъ они утверждали, что и на предварительномъ слѣдствіи они не давали иныхъ показавій.

Десятый день засѣданія былъ посвященъ преніямъ сторонъ.

Рѣчь, произнесенная въ г. Полтавѣ въ защиту бр. Скитскихъ.

Гг. судьи и гг. сословные представители!

Мнѣ предстоитъ произнести передъ вами защитительную рѣчь, а между тѣмъ я хотѣлъ бы забыть въ эту минуту о томъ, что есть на свѣтѣ „судебное краснорѣчіе“ и „ораторское искусство“. По академическому опредѣленію, это „искусство“ заключается въ томъ, чтобы путемъ возможно мень-

шаго напряженія усилій слушателей передать имъ свои мысли и чувства, навязать имъ свое настроеніе, достигнувъ заранѣе намѣченнаго эффекта. Обыкновенно не брезгуютъ для этого и внѣшними суррогатами вдохновенія: приподнятымъ тономъ, побрякушками остроумія и фразою. Въ томъ мучительномъ напряженіи, которое всѣми нами владѣетъ, мнѣ было бы стыдно заниматься здѣсь „искусствомъ“, разставлять въ видѣ ловушекъ „эффекты“ и развлекать ваше вниманіе въ ту минуту, когда простая истина ищетъ и такъ трагически не находитъ себѣ выхода. Если-бы я былъ косноязычнымъ, я сказалъ бы вамъ то же, что скажу сейчасъ!

Я не имѣю въ виду даже облегчить вамъ вашей задачи. Наоборотъ, я хотѣлъ бы вамъ ее затруднить. Я хотѣлъ бы чтобы, послѣ огромнаго физическаго труда, вы понесли такой же мучительный огромный умственный трудъ. Я хотѣлъ бы вернуть васъ назадъ, къ самому началу. Если у васъ уже созрѣло рѣшеніе,—вы должны продумать его заново, если необходимо передумать вновь, вы должны сдѣлать и это! По формулѣ закона, воистину, „всю силу своего разумѣнія“ должны приложить вы къ разрѣшенію этого дѣла. Намъ не нужно вашей интимной правды, случайнаго личнаго убѣжденія отдѣльнаго судьи, Богъ знаетъ изъ чего зародившагося, откуда къ нему подкравшагося. Намъ нужна гласная широкая оцѣнка вашею совѣстью только „видимыхъ“ условій дѣла, только достовѣрныхъ, доказанныхъ его обстоятельствъ. Лишь при этомъ условіи все общество, взволнованное и потрясенное безпримѣрною судьбою этого загадочнаго дѣла, какъ одинъ человѣкъ, съ облегченной душой, подпишется подъ вашимъ приговоромъ.

Когда послѣ первой кассаціи перваго оправдательнаго о Скитскихъ приговора, я рѣшился принять участіе въ ихъ дальнѣйшей защитѣ, я хорошо понималъ всю тяжесть принимаемой мною на себя задачи. Личная увѣренность въ ихъ невиновности, давая мнѣ лишь необходимую внутреннюю свободу для выполненія, быть можетъ, непосильной задачи, нисколько не ослѣпляла меня надеждою на легкую побѣду. Въ противуположность моему молодому и потому бодро-самоувѣренному товарищу по защитѣ Скитскихъ (Куликову, который закончилъ рѣчь словами, что обвинить Скитскихъ

„страшно и стыдно!“) я никогда не смотрѣлъ розово на это дѣло. Слишкомъ много судебныхъ впечатлѣній уже пережито мною на своемъ вѣку, я слишкомъ близко стою къ дѣлу отправленія уголовнаго правосудія, чтобы не знать, что несмотря на обладаніе нами въ теоріи повидимому всѣми совершеннѣйшими способами открытія истины, судебная истина (какъ и всякая, впрочемъ, другая!) дается не легко, и что въ уголовномъ дѣлѣ недостаточно быть только невиннымъ, надо еще умѣть по суду объявить себя таковымъ!

Судъ и осужденіе близки!—въ этой евангельской истинѣ столько-же нравственной глубины, сколько и практической мудрости. При извѣстномъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ и условныхъ вѣяній подвигъ самооправданія также труденъ для невиннаго, какъ и для виновнаго. И для того и для другого формы и условія тѣ-же. Имъ одинаково не вѣрятъ, они одинаково сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, которая имѣетъ свою особую ненаписанную еще психологію. Этого не долженъ забывать ни одинъ судья. Соблазнъ осудить, когда самоувѣренно судишь, очень великъ. А кто-же судитъ не самоувѣренно? Исторія настоящаго процесса въ этомъ отношеніи особенно поучительна. Первый оправдательный приговоръ, доставшійся съ такимъ трудомъ судейской совѣсти, ничего не стоило смахнуть простой кассаціей. Послѣ того обвинительное напряженіе достигло высшей степени, понеслось во всемъ своемъ разбѣгѣ. Казалось безуміемъ остановить его, такимъ-же почти безуміемъ, какъ пытаться однимъ внѣшнимъ усиліемъ остановить разбѣгъ несущагося по рельсамъ локомотива.

Мнѣ могутъ возразить. Однако,—вѣдь защита естественная форма противодѣйствія обвиненію! Вы намѣренно прикидываетесь безсильнымъ, умаляя процессуальное значеніе защиты. Состязаніе сторонъ развѣ не ведется равнымъ оружіемъ! Развѣ вы не пользовались здѣсь на судѣ всѣми гарантіями, всею полнотою вашихъ правъ? На скрижаляхъ судебныхъ уставовъ развѣ не начертано: обвиненіе и защита равноправны?

Вотъ ходячее заблужденіе, которое не вызоветъ улыбки только потому, что вызываетъ грусть. Въ концѣ концовъ дѣйствительно защиту впускаютъ въ „храмъ правосудія“,—но надолго-ли и въ какой моментъ? Развѣ въ самые сокро-

венные и трудные для обвиняемаго, а нерѣдко и для истины, моменты она не находится въ жалкомъ положеніи оглашеннаго, изгнаннаго, безсильно томящагося у преддверія храма? Ее впускаютъ тогда, когда затѣянная въ глубокой тайнѣ, сотканная въ тиши и выполненная въ раздумьѣ вся „творческая“ работа обвиненія въ сущности „готова“—окончена совершенно. Ей предоставлено только критиковать или даже разрушать это „творчество“; класть свои мазки на законченную картину—„портить“ ее, или рвать холстъ, на которомъ она нарисована, но не давать ничего своего, законченнаго и цѣльнаго. Отсюда досадныя къ защитѣ отношенія и чувства не только со стороны обвинителей, но подчасъ и судей. Она ничего не даетъ взамѣнъ разрушаемаго. Умъ нашъ такъ устроенъ, что подобно всей природѣ „боится пустоты“. И къ защитѣ предъявляется требованіе, на смѣну разрушаемаго создать нѣчто новое, свое, положительное и прочное. Но предъявлять подобное требованіе — значитъ издѣваться надъ безсиліемъ стороны въ процессѣ. Вѣдь краеугольнымъ камнемъ уголовнаго процесса является предварительное слѣдствіе, когда защита не допускается. Предварительное слѣдствіе тотъ фундаментъ, безъ котораго немыслимо построитъ ничего, а его-то защитѣ и недостаетъ. Если бы защита располагала такими же средствами, какъ обвиненіе, она, быть можетъ, дала бы вамъ преступника на смѣну Скитскихъ, но, при наличности существующаго порядка слѣдствія, мы вамъ не можемъ назвать убійцъ.

У защиты нѣтъ ни власти, ни средствъ содѣйствовать правосудію въ этомъ направленіи. А между тѣмъ именно данный процессъ не вопіетъ ли противъ подобнаго ограниченія защиты? Вамъ пришлось дѣлать заново все то, что упустило или не сдѣлало предварительное слѣдствіе; мы вынуждены были произвести самые сложные и тщательные осмотры, испытанія и измѣренія. Скажите, чѣмъ мы вамъ помѣшали въ этой чисто слѣдственной, черной подготовительной работѣ? Своимъ безсмѣннымъ контролемъ, вопросами и поправками мы только удесятерили авторитетъ вашей безпримѣрной судейской работы!

Если-бы уже на предварительномъ слѣдствіи мы имѣли права, равныя правамъ обвиненія, мы не предстали-бы предъ

вами съ пустыми руками. Мы изслѣдовали-бы цѣлый рядъ параллельныхъ съ обвиненіемъ, напрашивающихся версій преступленія и, кто знаетъ, сидѣли-бы Скитскіе на скамьѣ подсудимыхъ? А теперь получается картина странная, хаотическая: кому вѣрить, на чемъ остановиться? Развѣ скопленіе случайностей, подозрительныхъ черточекъ и уличающихъ штриховъ сплетаются и теперь исключительно только противъ Скитскихъ? Развѣ дефекты полицейскаго рвенія и страшной халатности предварительнаго слѣдствія не говорятъ сами за себя, не призываютъ чуткую душу судьи къ вящшей осторожности?

Мы уже знаемъ, что въ самый день похоронъ Комарова Степанъ Скитскій былъ арестованъ. Мы отлично знаемъ, что въ то время, кромѣ подозрѣній, которыя, если вѣрить Скитской, по характерному жесту о. Генадія Мачуговскаго, были только „тамъ“ и „тамъ“, т. е. у преосвященнаго и у госпожи Комаровой, рѣшительно ничего не было. Не было даже показанія пастуха Ткаченко, который видѣлъ двухъ, похожихъ одеждою на Скитскихъ, лицъ, какъ бы возвращавшихся съ мѣста совершенія преступленія. О г-жѣ Бородаевой въ то время и помину еще не было!

Тѣмъ не менѣе слѣдственные поиски разомъ прекратились, и стали собирать улики только противъ Скитскихъ. Я удивляюсь, что ихъ собрали еще такъ мало, такъ какъ знаю, что на первыхъ порахъ полицейскимъ рвеніемъ легко смутить даже чистую, но слабую свидѣтельскую душу.

Припомните показанія свидѣтеля Головкова и объясненіе Петра Скитскаго. Бывшій полтавскій полицеймейстеръ Ивановъ, на томъ основаніи, что они „не дворяне“, объяснялся съ ними весьма энергично. Онъ имѣлъ, повидимому, повадку въ подобныхъ случаяхъ жестикулировать кулакомъ болѣе выразительно, чѣмъ это обыкновенно принято. Рядомъ съ этимъ тотъ-же г. Ивановъ такъ дѣтски-довѣрчиво, съ такою пылкою наивностью считалъ собранныя противъ Скитскихъ улики неотразимыми и насчиталъ ихъ столько даже здѣсь на судѣ (кровь, волосъ, колбасу, веревку и т. д.), что на его показаніи, какъ на судебномъ доказательствѣ, даже обвинителямъ пришлось поставить крестъ. Г. Ивановъ ничего намъ не далъ здѣсь, кромѣ своей, совершенно очевидной,

судебно-полицейской наивности, а между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи всѣ охотно вѣрили ему, что онъ „корни и нити“ всего дѣла держитъ твердо въ рукахъ. Изъ устъ въ уста переходили свѣдѣнія объ открытыхъ имъ „важныхъ“ уликахъ, слагались и цѣлыя легенды о добытыхъ имъ „агентурнымъ путемъ“ свѣдѣніяхъ. На судѣ эти „агентурныя свѣдѣнія“, какъ и слѣдовало ожидать, превратились въ простыя бабьи сплетни, тутъ же и опровергнутыя.

По поводу полицейской продѣлки съ подсаживаніемъ сыщика въ образѣ арестанта къ Петру Скитскому, продѣлки, предпринятой къ сожалѣнію съ вѣдома, если не одобренія слѣдственной и прокурорской власти—пошелъ цѣлый гулъ по Полтавѣ. Дѣвица Прохорова и преосвященный говорили намъ, что даже сами читали копію записки Петра Скитскаго къ брату и въ ней была именно „страшная“ улика противъ Скитскихъ. Въ ней говорилось о проклятіи за сознаніе и за нарушеніе клятвы по совершенію преступленія. Самъ г. Ивановъ не посмѣлъ, однако, здѣсь воспроизвести намъ подобнаго текста записки. Этотъ свидѣтель, согласно съ утвержденіемъ г. Червоненко, удостовѣрилъ совершенно иное содержаніе записки: „Если ты убилъ Комарова, я тебѣ не братъ. Проклинаю тебя!“ Это былъ оправдательный документъ для Петра Скитскаго, а не „страшная“ улика. Записка затѣмъ пропала, вѣроятно, въ качествѣ „ненужной бумажки“. Но она сдѣлала свое страшное и злое дѣло на предварительномъ слѣдствіи!

Ближайшими сотрудниками г. Иванова, какъ извѣстно, были два полицейскихъ пристава г. Царенко и г. Семеновъ. Втроемъ они были первыми каменщиками, положившими фундаментъ. Вы имѣли возможность ихъ наблюсти и составить себѣ надлежащее представленіе о характерѣ ихъ сыскной прозорливости. Царенко говорилъ намъ, что у нихъ 15-го іюля состоялось даже особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ г. полицеймейстера Иванова для выработки „общаго плана“ дѣйствій. Сказано недурно, но кончилось это совѣщаніе тѣмъ, что г. Царенко, переодѣвшись въ статское платье, и г. Семеновъ въ полицейскій мундиръ поѣхали къ мѣсту нахожденія трупа послушать, что говоритъ „народъ“, и вообще поискать счастья. Народъ безмолвство-

валъ, счастья имъ никакого не подвернулось, но г-жа Комарова высказывала свои подозрѣнія на Скитскихъ, и г. Иванову въ связи съ подоспѣвшими къ нему откуда-то вдругъ „агентурными свѣдѣніями“ вопросъ показался рѣшеннымъ и яснымъ до очевидности.

Тщетно мы старались узнать отъ г. Иванова по крайней мѣрѣ источникъ его агентурныхъ тайнъ. Ему было разрѣшено не обнаруживать своихъ профессіональныхъ секретовъ. Но этотъ секретъ мы сами могли бы открыть г. Иванову. Широко организованное агентурное дѣло, организованный сыскъ, и гдѣ-же?—въ мирной и тихой Полтавѣ. Въ Петербургѣ у насъ едва, едва организована сыскная часть. Вѣдь Полтава—не Парижъ! Въ дѣлѣ Дрейфуса могли опираться на агентурныя свѣдѣнія, а здѣсь о нихъ говорить даже смѣшно. Г. Ивановъ только вѣренъ себѣ. Онъ, какъ проявилось это на судѣ, удивительно наклоненъ на людяхъ все обставлять торжественностью офиціальности. Если-бы онъ могъ сохранять эту свою черту и на дознаніи при допросѣ свидѣтеля Головкова и обвиняемаго Петра Скитскаго, было-бы гораздо лучше.

Что сказать о правой рукѣ г. Иванова, о г. Царенко? Онъ знаетъ немного истинъ, но зато ужъ помнитъ ихъ твердо: купаться надо ходить всегда ближайшимъ путемъ, колбасу покупать привозную, московскую, а не у Лангера, веревку для удавленія ближняго надо брать свою, а не пользоваться казенной... Если гражданиномъ не соблюдены всѣ эти предосторожности, пусть онъ пеняетъ на судьбу или на себя, но не запирается въ преступленіи, и главное не претендуетъ на начальство за то, что его засадили въ тюрьму.

Наконецъ послѣдній изъ трехъ полицейскихъ чиновниковъ г. Семеновъ внесъ въ дѣло одно весьма тонкое и цѣнное соображеніе. Онъ первый безповоротно рѣшилъ, что преступниковъ было именно двое, а не менѣе и не болѣе. На этомъ утвердилось и слѣдствіе. Не характеръ насилія надъ трупомъ и всѣ тонкости судебно-медицинской экспертизы (это г. Семеновъ, заодно съ водолѣченіемъ по способу Кнейпа, вѣроятно, считаетъ „философіей“) привели его къ такому умозаключенію! Нѣтъ, его осѣнила простая житейская сообразительность. Водка и закуска въ мѣстѣ „засады“ найдены

въ такомъ другъ отъ друга соотношеніи и на такомъ разстояніи, что одному человѣку было-бы никакъ невозможно одновременно дотянуться и до водки и до закуски. Очевидно, въ засадѣ сидѣло двое. Геніальное открытіе! Оно, безъ сомнѣнія, могло возникнуть только на благодатной родинѣ безсмертнаго Гоголевскаго Пацюка, которому, какъ извѣстно, вареники, и притомъ обмокнутые въ сметану, сами летѣли въ ротъ.

Вотъ впечатлѣнія полицейскихъ чиновниковъ, о которыхъ здѣсь столь краснорѣчиво и серьезно повѣствовали намъ, вотъ тотъ клубокъ своеобразныхъ уликъ и подозрѣній, которыя намъ приходится разматывать.

Вы произвели, гг. судьи, огромную затрату силъ. И что же? При окончаніи слѣдствія я чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Не могли не чувствовать неудовлетворенности и вы. Чувствовалось одно: надо бы начать все сначала! Но сначала,—уже невозможно. Русло проложено—слѣдствіе течетъ и журчитъ, убаюкивая и усыпляя. Потребовался-бы воистину умственный и нравственный tour de force, чтобы сказать себѣ прямо и откровенно: все это никуда не годится, надо на всемъ поставить крестъ. И вотъ для лѣниваго ума раздолье: расчищенное почетное мѣсто всему, подтверждающему версію о Скитскихъ, мрачное подозрѣніе и голословное отрицаніе всего остального. При такихъ условіяхъ конечно обвинить возможно. Ваше пытливое и внимательное изученіе дѣла, однако, ручается намъ за иной приговоръ, за иную точку зрѣнія. Вы не успокоитесь, пока вашъ разумъ и ваша колеблющаяся совѣсть не совершатъ всего круговорота разъ начавшагося пытливаго движенія мысли, пока вы сами не положите этой мучительной работѣ конца словами: „довольно! мы въ заколдованномъ кругу! дойдя до конца, мы снова у начала!“ И мы дѣйствительно у самаго начала. Чѣмъ исключены предположенія о цѣломъ рядѣ лицъ, которыя такъ же, какъ и Скитскіе, могли быть виновниками убійства?

Я спѣшу здѣсь оговориться. Я весьма счастливъ случаю сказать публично, что возможныя подозрѣнія относительно причастности къ дѣлу несчастной вдовы Комарова нашли здѣсь себѣ полное разъясненіе и опроверженіе. Я лично, по крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣжденъ, и радъ, что могу въ при-

сутствіи г-жи Комаровой заявить объ этомъ громогласно. Если ранѣе въ числѣ другихъ догадокъ могли быть и неблагопріятныя для г-жи Комаровой, то опять-таки въ этомъ было виновато предварительное слѣдствіе. Если бы своевременно было разъяснено значеніе знаменитой записки, найденной въ портсигарѣ убитаго „О! о!—будетъ балъ“ и т. д, что сдѣлано вполнѣ г-жею Комаровою только въ настоящемъ засѣданіи; если бы на основаніи указаній г-жи Комаровой, что мужъ ей въ этотъ единственный разъ за все лѣто сказалъ, чтобы она его не встрѣчала, были сдѣланы розыски въ томъ смыслѣ, не было ли назначено кѣмъ-либо Комарову свиданія по дорогѣ на дачу, если-бы всѣ эти факты ранѣе не стушевывались и не замалчивались, а были-бы, наоборотъ, приведены въ ясность, г-жѣ Комаровой не пришлось бы вовсе считаться съ подозрѣніями. Лично мы вѣримъ ей. Но дайте-же намъ равное отношеніе къ фактамъ. Почему то, что подозрительно или неясно само по себѣ въ дѣлѣ, но лишь не по отношенію къ Скитскимъ, вовсе изъ него выкидывается, и все, что имѣется противъ Скитскихъ, истолковывается исключительно подозрительно?

Въ поискахъ за тѣмъ, кто могъ желать смерти Комарова, кто еще могъ питать къ нему злобныя и мстительныя чувства, намъ неожиданно весьма помогъ повѣренный гражданской истицы Онъ широко очертилъ кругъ лицъ, питавшихъ, по его мнѣнію, непобѣдимую ненависть къ рьяному секретарю полтавской консисторіи.

По словамъ повѣреннаго гражданской истицы, все сельское духовенство, весь низшій кругъ лицъ подчиненной ему епархіи жестоко страдалъ отъ стремительнаго самовластія, отъ непреклонной и самоувѣренной энергіи молодого секретаря. Самъ преосвященный Иларіонъ вынужденъ былъ признать, что рядомъ со всевозможными достоинствами Комарова, какъ должностнаго лица, онъ бывалъ нетерпѣливъ, рѣзокъ и раздражителенъ. Воспрещеніе благочиннымъ входа въ консисторію, въ то время, когда по уставу они имѣютъ мѣсто даже въ присутствіи ея, почиталось всѣми распоряженіемъ едва-ли законнымъ, во всякомъ случаѣ безтактнымъ и оскорбительнымъ для чести отцовъ благочинныхъ. Вспомните сорокъ человѣкъ однихъ уволенныхъ чиновъ консисто-

ріи за три года его секретарства и вы согласитесь, что враговъ у него, помимо Скитскаго, былъ непочатый уголъ. Припомните, наконецъ, характерныя черты его отношенія къ нѣкоторымъ служащимъ. У одного, собирающагося жениться, онъ ни съ того, ни съ сего требуетъ удостовѣренія врача о томъ, что онъ не страдаетъ сифилисомъ. Тотъ оскорбляется и уходитъ. Бывшаго столоначальника, молодого человѣка, нѣкоего Александровскаго, онъ, по словамъ свидѣтеля Головкова, своимъ презрительнымъ и высокомѣрнымъ отношеніемъ доводитъ до того, что этотъ несчастный, съ трясущимися руками, по часамъ простаиваетъ у дверей его кабинета, не смѣя войти. Вскорѣ онъ также оставляетъ службу.

Къ Скитскимъ Комаровъ, въ сущности, былъ даже милостивъ. За пьянство онъ, напримѣръ, не взыскивалъ, и Петру даже, спустя годъ, прибавилъ жалованья. Со Степаномъ Скитскимъ онъ былъ въ ладахъ вплоть до января 1897 года. По словамъ свидѣтеля Просянина, если онъ иногда и замѣчалъ Степану Скитскому, то тутъ-же всегда отечески прибавлялъ: „только слушайтесь меня, и вамъ будетъ хорошо!“ Степанъ Скитскій выросъ и воспитался въ условіяхъ безропотнаго подчиненія, и откуда-бы у него взялся тотъ бѣшеный порывъ къ протесту на сорокъ пятомъ году жизни, чтобы, забывъ обо всемъ, рискнуть всѣмъ. Его окружала мирная среда: дочь, посѣщавшая гимназію, — любящая жена! Да и откуда было взяться у него „непреодолимой“ враждѣ къ Комарову? Вѣдь Комаровъ самъ отличалъ Скитскаго весьма долгое время, назначая его своимъ замѣстителемъ на время отъѣздовъ, устроивъ его и на мѣсто казначея, почти противъ желанія архіерея. Самая провинность, изъ-за которой Степанъ Скитскій былъ лишенъ награды, не показываетъ-ли, что Комаровъ только въ припадкѣ раздраженія настоялъ на своемъ и заговорилъ о перемѣщеніи Степана Скитскаго вновь на должность столоначальника за тѣмъ только, чтобы припугнуть его своею немилостью.

Степанъ Скитскій могъ не тревожиться. Было извѣстно, что архіерей на это не согласился, и вообще находилъ тогда и самыя провинности Скитскаго не столь значительными. И дѣйствительно, ближайшимъ образомъ, въ чемъ онѣ заключались? Онъ „испортилъ“ служебный годъ Комарову тѣмъ,

что не изготовилъ вѣдомости къ первому января. Но, по словамъ преосвященнаго, занявъ должность казначея лишь съ ноября мѣсяца предыдущаго года, было бы и мудрено составить вѣдомости къ сроку. Другая провинность состояла въ денежномъ недочетѣ. Сначала это встревожило и самого Скитскаго, взволновало и епархіальное начальство. Но вскорѣ. какъ это намъ опять-таки удостовѣрилъ преосвященный Иларіонъ, недочетъ оказался въ полторы копейки, и то не по винѣ казначея.

При такихъ условіяхъ не въ правѣ-ли былъ Скитскій, даже если допустить, что онъ очень возмутился несправедливымъ отношеніемъ къ себѣ Комарова,—расчитывать на то, что по жалобѣ г. оберъ-прокурору придирчивость секретаря можетъ быть обнаружена, и его служебное рвеніе будетъ введено въ границы законности. Вѣдь о желаніи своемъ жаловаться онъ говорилъ всѣмъ и каждому. Зналъ объ этомъ архіерей, узналъ и Комаровъ Преосвященный, правда, убѣждалъ его „оставить это“, „помириться“ съ Комаровымъ и на первыхъ порахъ Скитскій отвѣчалъ ему: „не могу, какъ угодно вашему преосвященству!“ Но въ сущности, не добрый ли это былъ знакъ для Скитскаго? Не предвѣщало ли это, что отношенія съ Комаровымъ возстановятся непремѣнно, разъ самъ владыка желалъ такого примиренія и склонялъ къ нему. Для Скитскаго далеко не все было потеряно. Припомните по этому же поводу одно изъ писемъ г-жи Комаровой къ матери своей, г-жѣ Будаевской. Она именно разсказываетъ объ этомъ инцидентѣ матери, причемъ все время нѣжно называетъ Скитскаго „Степой“. Смыслъ всего письма таковъ: „взъерошился внезапно, молъ, Степа, но все это уладится, пройдетъ!“ Гдѣ же непобѣдимая ненависть или безысходность положенія для Скитскаго? Если послѣднее разумѣть въ матеріальномъ отношеніи, то и тутъ нѣтъ правды. Въ городѣ всѣ знали Скитскаго за дѣльнаго, смышленнаго и честнаго работника. Достаточно сказать, что послѣ перваго своего оправданія онъ тотчасъ же нашелъ себѣ мѣсто, съ жалованьемъ не меньше консисторскаго, съ этого мѣста его и взяли опять въ тюрьму послѣ кассаціи.

Итакъ, чтобы ни говорили—если бы даже убійцы Комарова были изъ консисторскихъ или изъ духовенства—Сте-

пана Скитскаго нечего выдвигать въ качествѣ наизлѣйшаго и притомъ единственнаго „врага Комарова“. Если даже убійство имѣло дѣйствительно мѣсто на этой почвѣ—на почвѣ „служебной мести“, Степанъ Скитскій былъ и слишкомъ уменъ и слишкомъ на виду для того, чтобы на него могъ пасть выборъ стать палачемъ Комарова.

О Петрѣ Скитскомъ я уже не говорю — по самой своей нравственной природѣ онъ въ палачи не годится.

Возьмемъ теперь другой кругъ лицъ, близко соприкасающихся съ консисторіею и ея порядками, встрѣтившихъ въ лицѣ Комарова своего непримиримаго гонителя и противника. Я говорю о разнаго вида и сорта бракоразводныхъ дѣльцахъ, начиная съ заѣзжихъ темныхъ личностей въ качествѣ „спеціалистовъ-повѣренныхъ“ по бракоразводнымъ дѣламъ и личностей въ родѣ Бабы-Чубаръ, промышлявшихъ перспективами, открывавшимися имъ въ замочныя скважины и дверныя щели. Вѣдь надо же вдуматься, съ какимъ омутомъ лжи, преступности и грязи мы въ подобныхъ случаяхъ имѣемъ дѣло! Почему на поверхность одного изъ подобныхъ омутовъ не могъ всплыть трупъ принципіальнаго противника брачныхъ расторженій—Комарова? Почему его убійство не могло быть дѣломъ наемныхъ рукъ? Куши, которыми оперировали бракоразводные дѣльцы, низменные люди, которые рвались за этими кушами, неодолимыя преграды, которыя вѣчно ставилъ Комаровъ благополучному и скорому завершенію подобныхъ предпріятій,—не говорятъ ли за то, что и на этой почвѣ мы наталкиваемся на мотивы и побужденія, заслуживающіе самаго пристальнаго и серьезнаго вниманія.

Г. Ливенъ, напримѣръ, прямо утверждаетъ, что Комаровъ убитъ именно, благодаря его бракоразводному процессу, которому онъ не далъ закончиться благопріятно, несмотря на огромныя деньги, затраченныя противной стороной. Но пусть г. Ливенъ ошибается. Развѣ это былъ единственный бракоразводный процессъ богатыхъ людей въ Полтавѣ? Вспомните характерное дѣло супруговъ Тржецякъ, и упорное воздѣйствіе на ходъ этого процесса со стороны Комарова. Г-жа Тржецякъ, богатая женщина, желала вступленія въ новый бракъ. Въ этомъ былъ заинтересованъ и нѣкій г. Шубертъ. Духовные отцы признали бракъ подлежащимъ расторженію,

но Комаровъ вошелъ съ энергичнымъ протестомъ къ преосвященному, и разводъ не былъ утвержденъ. Любопытна дальнѣйшая судьба дѣла. Комаровъ всегда кичился своею служебною исправностью и щеголялъ пунктуальностью Тѣмъ не менѣе дѣло Тржецякъ, очевидно, засѣло въ его умѣ крѣпко. Съ марта до іюля онъ не отсылаетъ дѣла и не даетъ ему хода, несмотря на прошеніе и жалобы г-жи Тржецякъ, несмотря на запросъ Синода. Только 11-го іюля, т. е. за три дня до своей смерти, онъ сочиняетъ отпускъ резолюціи, по которой предполагалось дѣло, при особомъ пояснительномъ рапортѣ отъ имени преосвященнаго, препроводить въ Синодъ. По словамъ столоначальника Горностаева, Комаровъ собирался особенно внимательно заняться составленіемъ этой бумаги, въ которой намѣревался подробно развить основанія, по коимъ считалъ разводъ невозможнымъ. 14-го іюля Комарова убили, а 21-го іюля дѣло Тржецякъ было отправлено въ Синодъ уже при простомъ препроводительномъ отношеніи. Синодъ призналъ затѣмъ бракъ подлежащимъ расторженію.

Припомните при этомъ отзывъ преосвященнаго, что покойный Комаровъ, какъ ярый ненавистникъ брачныхъ расторженій, въ дѣлахъ этого рода не всегда держался даже въ предѣлахъ строгой законности. Онъ пытался даже ввести новую практику. Секретарь по закону не имѣетъ права самолично допрашивать свидѣтелей, но Комаровъ не могъ сдерживаться: заподозрѣвая лжесвидѣтельство, онъ предлагалъ вопросы, старался изобличить свидѣтеля. Можно себѣ представить, какъ себя чувствовали всѣ эти спеціалисты, въ родѣ Бабы-Чубара, и вообще бракоразводные дѣльцы, нуждавшіеся именно въ подобныхъ свидѣтеляхъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ Комаровымъ. Хоть закрывай лавочку. А между тѣмъ куши въ видѣ круглыхъ цифръ, въ родѣ десяти, пятнадцати тысячъ, такъ и манятъ, такъ и влекутъ къ себѣ. Докажите мнѣ, что этого рода корысть не могла стать мотивомъ преступленія, и я откажусь отъ своего предположенія. Но вы этого мнѣ не докажете.

Довольно, однако, предположеній—онѣ, въ сущности, безплодны. Я выдвинулъ ихъ лишь для того, чтобы наглядно опровергнуть доводъ обвиненія: Скитскіе,—ибо больше,—некому! Какъ видите, это не аргументъ, съ нимъ серьезно считаться не

приходится, обстановка убійства Комарова, если вдуматься въ нее, такъ неясна, такъ неуловимо-таинственна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, повидимому, проста, что невольно теряешь голову. Мечешься между Сциллой и Харибдой: или тутъ простой, легко удавшійся случай самаго банальнаго убійства случайныхъ грабителей (вспомните похищенные часы!) или, наоборотъ, налицо тонкій математическій расчетъ, ловко выполненная казнь умѣлыми, безстрастными и твердыми руками. Былъ человѣкъ на дорогѣ, на мостикѣ, почти подходилъ къ своей дачѣ и вдругъ... мертвый въ кустахъ. При этомъ дорога, несомнѣнно, битая, проѣзжая. Мы поднимали цѣлое облако пыли, когда ѣхали съ вами по ней на осмотръ. Въ сорока саженяхъ косилъ сѣно Петръ Бондаренко, немного дальше Кошевой набиралъ воду въ прудѣ—и ни звука, ни крика, точно самъ Комаровъ подставляетъ шею петлѣ. Согласитесь, что все это наводитъ на размышленія. А съ точки зрѣнія невозможности именно для Скитскихъ совершить это преступленіе размышленія эти разростаются уже въ цѣлый лѣсъ, непроходимый лѣсъ сомнѣній.

Одно, что мы твердо и несомнѣнно знаемъ — это то, что трупъ Комарова оказался всего въ двадцати двухъ шагахъ отъ мостика. Допускаю, что его не могли волочить или переносить на далекое пространство. Но которое-бы изъ трехъ ни избрали мы заключеній экспертовъ: удавленіе, удушеніе или шокъ отъ насилія, надо-же попытаться дать себѣ, по крайней мѣрѣ, ясное представленіе о томъ: какъ и гдѣ это могло произойти.

На самой дорогѣ, видимой отовсюду, не сохранившей уже черезъ полчаса, когда проходила г-жа Комарова, ни малѣйшихъ слѣдовъ паденія тѣла или борьбы, самое удушеніе, шокъ или удавленіе не могли произойти. Хоть нѣсколько шаговъ въ сторону (по направленію къ лѣсу, вѣроятно, добровольно приманенный чѣмъ либо) да сдѣлалъ же Комаровъ. Какъ бы ловко и проворно ни выскочили злоумышленники изъ засады на открытую дорогу, онъ бы ихъ услышалъ и увидѣлъ, успѣлъ-бы метнуться въ сторону, выхватить револьверъ или закричать, особливо зная, что его только что обогналъ водовозъ, который неподалеку набираетъ воду у пруда. Для меня болѣе чѣмъ очевидно, что Ко-

маровъ, пройдя мостикъ, сошелъ съ дороги. Это могло случиться вполнѣ естественно, если онъ самъ условился съ кѣмъ-либо здѣсь встрѣтиться.

Въ консисторіи по дѣламъ службы онъ никого не принималъ, на дачу также, быть можетъ, не хотѣлъ никого поважпвать, но могъ не отказать кому-либо перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами, пройдя вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, или присѣвъ подъ тѣнью на нѣсколько минутъ. Вспомните дѣловое посѣщеніе поручикомъ Терентьевымъ дачи Комарова; могли быть и другіе, столь-же заинтересованные въ исходѣ своихъ дѣлъ, неотступные просители. Если допустить на секунду правдивость такого объясненія, тогда тотчасъ-же займутъ свое надлежащее мѣсто два, повидимому, необъяснимыхъ обстоятельства, фактическая достовѣрность которыхъ, однако-же, несомнѣнна. Я говорю о показаніяхъ г-жи Комаровой и свидѣтеля Крыся. Первая удостовѣряетъ, что за все лѣто 14-го іюля въ первый разъ мужъ настойчиво просилъ его не встрѣчать. Разъ это была совершенно исключительная и вполнѣ необычная настойчивость, очевидно былъ для нея и извѣстный мотивъ. Назначивъ кому либо встрѣчу у мостика,—онъ естественно могъ не желать, чтобы жена присутствовала при этомъ.

Теперь возьмите показаніе Крыся, къ которому на первыхъ порахъ мы всѣ относились почему-то съ такимъ недовѣріемъ. Не таится ли и въ его показаніи разгадка именно того, о чемъ я веду рѣчь. Выйдя на поворотъ дороги и завидѣвъ уже издали мостикъ, Комаровъ встрѣчаетъ Крыся и съ нимъ здоровается. Онъ знаетъ, что за мостикомъ его ждутъ, что жена не выйдетъ навстрѣчу, быть можетъ у него въ эту секунду внезапно шевельнулось сомнѣніе относительно благонадежности лица, которому онъ неосторожно назначилъ свиданіе, и вотъ онъ на ходу говоритъ Крысю: „жена что-то не вышла навстрѣчу, постой, пока перебѣгутъ собаки дорогу, и я пройду къ мостику!“ Крысь посмотрѣлъ ему вслѣдъ нѣсколько минутъ, видитъ, секретарь бодро зашагалъ уже по мостику. Крысь повернулъ и пошелъ себѣ своей дорогой въ городъ. Именно, ожидая условленной встрѣчи, Комаровъ могъ поопаситься и намѣренно задержать Крыся: все-таки живой человѣкъ неподалеку!

Самое убійство должно было его застигнуть, когда онъ уже успокоился, оставилъ всякую мысль объ опасности. Всего вѣроятнѣе, что онъ даже присѣлъ и былъ уже во всякомъ случаѣ не на ходу, такъ какъ никакихъ серьезныхъ слѣдовъ борьбы на тѣлѣ его не имѣется. Револьверъ его остался спокойно лежать въ карманѣ пиджака; его у него не выбили и не вырвали. Очевидно, ему разомъ зажали ротъ и придушили, чтобы онъ не успѣлъ и пикнуть. Но сдѣлать это возможно только тогда, когда жертва въ болѣе или менѣе удобномъ и спокойномъ положеніи относительно нападающихъ. Къ этой формулѣ подойдутъ выводы обоихъ профессоровъ судебной медицины, и Патенко и Оболонскаго. Ротъ зажать нужно было во всякомъ случаѣ, чтобы жертва не кричала, и насиліе, произведенное тѣмъ, что на него навалились съ такою силою, что сломали два ребра, могло вызвать нервный „шокъ“ и параличъ сердца, какъ непосредственную причину смерти. Признаки обоихъ этихъ факторовъ устанавливаются, по словамъ экспертовъ, объективными данными осмотра и вскрытія трупа. Веревка намотана была уже, очевидно, послѣ этого, или для пущей вѣрности задушенія или для отвода глазъ, въ видѣ якобы эмблемы не случайной расправы. Во всякомъ случаѣ профессора-эксперты наглядно насъ убѣдили въ томъ, что веревка не послужила для удавленія, ибо странгуляціонная отъ нея полоса оказалась не прижизненнаго происхожденія.

Если такова возможная картина преступленія, если убійство не могло совершиться иначе, какъ путемъ приманки въ засаду Комарова, если все намъ говоритъ, что рядомъ съ преднамѣренною расчитанностью была и несомнѣнная чистота выполненія его, этимъ самымъ опровергается обвиненіе, направленное противъ Скитскихъ, потому что мы знаемъ, что при подобныхъ условіяхъ самая физическая невозможность совершенія ими преступленія представляется вполнѣ доказанной.

Останавливаясь на показаніяхъ Бородаевой и Ткаченко, какъ на достовѣрныхъ этапныхъ пунктахъ, пройденныхъ убійцами-Скитскими, обвиненіе увлекается лишь видимою легкостью выполненія ими задачи и за этою графическою несложностью начертанія пути преступниковъ забываетъ всю сложность бытовыхъ и жизненныхъ условій, ихъ окружав-

шихъ. Конечно, чего же проще: на виду всѣхъ бѣгомъ взбѣжали на гору на потѣху г-жи Бородаевой и Ващенко, пустились во всю прыть затѣмъ прямо открытою возвышенною поляною на пересѣчку Комарову, на виду его самого бѣгомъ спускались по голому нагорью къ мостику, встрѣтились съ нимъ лобъ въ лобъ на дорогѣ, лишь только онъ успѣлъ перешагнуть мостикъ, убили, и затѣмъ, часъ спустя, засвѣтло, по открытой полянѣ, параллельно проѣзжей дорогѣ, пошли себѣ купаться на Ворсклу.

Но вѣдь этотъ упрощенный способъ передвиженія хорошъ для какого-нибудь partie de plaisir, но не для убійства, которое все-же желательно сохранить въ тайнѣ. Я не говорю уже о расчетѣ времени, которое, однако-же, должно быть принято во вниманіе. Alibi Степана Скитскаго, т. е. нахожденіе его въ городѣ вплоть до начала третьяго часа и провожденіе притомъ времени при отличномъ настроеніи духа, въ самыхъ невинныхъ занятіяхъ, абсолютно доказано. Старушкѣ Мартыновой, ея прислугѣ и Дарагану, не говоря уже о рядѣ свидѣтелей его предыдущаго времяпровожденія, вы не имѣете ни малѣйшаго основанія не довѣрять. Степанъ Скитскій сослался на нихъ въ самый моментъ своего заарестованія, и всѣ они подтвердили, что видѣли его именно 14-го іюля. Но этого мало: у насъ еще имѣется драгоцѣнный свидѣтель, потому что это свидѣтель обвиненія, г. Лопатецкій Онъ положительно удостовѣряетъ, что, возвращаясь со службы 14-го іюля не ранѣе двухъ съ половиною часовъ, онъ Петра Скитскаго видѣлъ въ городѣ на площади у ипподрома, и тотъ ему поклонился. Былъ-ли пьянъ Скитскій, онъ не замѣтилъ.

Итакъ, не ранѣе двухъ съ половиною часовъ братья Скитскіе могли пуститься бѣжать по спуску, на поляну Бородаевой и далѣе. По личному осмотру и своему опыту мы знаемъ, что отъ ипподрома до мостика, по пути, указанному Бородаевой, при самомъ быстромъ ходѣ нельзя положить менѣе пятидесяти минутъ. Мы измѣряли время только отъ поляны Бородаевой и это взяло у насъ сорокъ минутъ. Допустимъ, что гонимые злобою и жаждою мести Скитскіе-бы перегнали насъ. Все-же вмѣсто пятидесяти минутъ имъ понадобилось-бы тридцать пять минутъ. И скорость имѣетъ свои предѣлы. Между тѣмъ около трехъ часовъ Комаровъ уже проходилъ мостикъ, въ

пять минутъ четвертаго онъ навѣрняка былъ-бы уже у себя дома. Получается, такимъ образомъ, возможность совершенія убійства эфемерная, призрачная, если хотите математическая, но не жизненная и доказательная. Положите-же еще только пять—десять минутъ (не сплошь же двѣ съ половиною версты бѣжали Скитскіе!), и г. прокуроръ вынужденъ былъ-бы, попросту, отказаться отъ обвиненія.

Но обвиненіе утверждено двумя подпорками, которыя держатъ его надъ пропастью. Ихъ считаютъ желѣзными и несокрушимыми. Это все тѣ-же показанія: г-жи Бородаевой и пастуха Ткаченко, которыя вводятъ насъ въ соблазнъ какъ бы наглядно пунктируя путь убійцъ.

Здѣсь высказывалось недовѣріе къ показанію двухъ свидѣтельницъ, Поповой и Кривошеевой, видѣвшихъ Скитскихъ 14-го іюля по пути въ монастырскій лѣсъ, единственно на томъ основаніи, что свидѣтельницы эти появились уже въ разгарѣ процесса, послѣ перваго оправданія Скитскихъ. Но если такъ, еще менѣе основаній вѣрить свидѣтельницѣ Бородаевой, такъ какъ она-то ужъ явно всплыла въ качествѣ мутной накипи на той полосѣ общественнаго теченія, которая жаждала обвиненія Скитскихъ послѣ ихъ перваго оправданія. Въ качествѣ свидѣтельницы она указана частнымъ повѣреннымъ Барановымъ, пріятелемъ Коновалова, брата г-жи Бородаевой. Она изъ той самой среды, откуда и отставной полковникъ Силичъ, ихъ пріятель, тотъ спортсменъ свидѣтель, который здѣсь на судѣ такъ браво уличалъ Степана Скитскаго въ угрозахъ по адресу Комарова и котораго, въ свою очередь, безпощадно уличали его же карточные партнеры и хозяева дома Оленскіе. Въ этомъ кружкѣ учредителей-охотниковъ зародился, очевидно, новаго вида спортъ на живыхъ людей.

Отъ самой г-жи Бородаевой я, впрочемъ, не отнимаю ея субъективной правдивости. Опытъ, произведенный съ нею при осмотрѣ нами мѣста, наглядно показалъ мнѣ, съ кѣмъ въ ея лицѣ мы имѣемъ дѣло. Это несомнѣнно особа истерической консистенціи, легко доступная внушенію и самовнушенію, съ наклонностью галлюцинировать. Вопли ея напоминаютъ вопли кликушъ. Въ средніе вѣка, въ мрачныхъ процессахъ о чернокнижіи и общеніи съ дьяволомъ, свидѣтель-

ницы, подобныя г-жѣ Бородаевой, вѣроятно съ такою же силою выкрикивали имена одержимыхъ бѣсами, чертили и путь къ дымовымъ трубамъ злыхъ еретиковъ, которыхъ этимъ классическимъ путемъ, какъ извѣстно, навѣщали бѣсы. Г-жа Бородаева прекрасно видѣла всю разницу одежды Скитскихъ и Петерсоновъ, отлично знала, что это именно Скитскихъ ведутъ по тому пути, который сама-же она только-что указала и это не помѣшало ей (вѣрю,—невольно!) въ истерическомъ экстазѣ одержимой пиѳіи завопить „это они!“ и затѣмъ разразиться истерикой, приведшей ее къ безсознательному состоянію. Если бы опытъ (какъ это въ сущности и слѣдовало) начался съ того, что пустили-бы Петерсоновъ, возможно—раздался бы такой же вопль. Ужъ больно были торжественны моментъ и обстановка для такой натуры, какъ ея, чтобы она могла совладать съ своими психопатическими расшатанными нервами.

Къ подобнаго рода случайнымъ эффектамъ въ процессѣ судья долженъ относиться со всевозможною осторожностью, если не желаетъ самъ подпасть вліянію жалкаго импрессіонизма. При сколько нибудь здравомъ критическомъ отношеніи къ показанію г-жи Бородаевой, оно теряетъ тотчасъ-же свое доказательное значеніе. Начать съ того, что ни г-жа Бородаева, ни ея прислуга Ващенко не утверждаютъ, чтобы онѣ видѣли двухъ бѣжавшихъ именно 14-го. Сама г-жа Бородаева допускаетъ, что это было или 14-го или 15-го. При этомъ она дополняетъ, что это было именно въ тотъ день, когда экономъ кадетскаго корпуса закупалъ что-то на базарѣ для праздника. Г. экономъ намъ удостовѣрилъ, что онъ бываетъ на базарѣ ежедневно, что 15-го у него сынъ былъ именинникъ, и что если онъ покупалъ, напримѣръ, фрукты или сласти, то могло быть это или 15-го или позднѣе, 22-го, когда въ лагерѣ у кадетъ былъ любительскій спектакль. Итакъ, уже по первой примѣтѣ, данной самою-же Бородаевой—видѣла она бѣжавшихъ 15-го. И это могло быть, такъ какъ именно 15-го на розыски Комарова двинулась вся консисторія. Вторая ея-же примѣта: день былъ тихій, безвѣтреный; между тѣмъ со словъ г-жи Комаровой и другихъ свидѣтелей мы знаемъ, что 14-го было очень вѣтрено.

Но, благодаря появленію свидѣтелей Петерсоновъ, ко-

торыхъ теперь никто уже, надѣюсь, не заподозритъ въ искусственности ихъ показанія, мы имѣемъ и еще капитальное доказательство того, что г-жа Бородаева глядѣла въ бинокль, выжидая брата, не 14-го. Она вѣдь объясняетъ, что съ двухъ часовъ стала поджидать брата и глядѣть на противоположную ея дому возвышенную поляну. Она просидѣла такъ около часа, глядя въ бинокль, и видѣла только тѣхъ двухъ, которые поднялись по указанному ею пути. Но вѣдь Петерсоны именно между двумя и тремя часами бѣгали въ другихъ направленіяхъ, но по той же полянѣ, взбѣгали и на самую ея вершину. Мы ихъ отлично разглядѣли съ мѣста, откуда смотрѣла г-жа Бородаева. Ихъ бы не могла не увидать и сама г-жа Бородаева, если-бы она именно въ тотъ часъ и въ тотъ день, когда по полянѣ ходили Петерсоны, была на своемъ посту. А достовѣрно, что Петерсоны ходили именно 14-го. Отсюда ясно, что г-жа Бородаева наблюдала между двумя и тремя часами поляну и видѣла бѣжавшихъ какъ разъ не 14-го, иначе и Петерсоновъ не видѣть бы она не могла.

Остается Ткаченко. Осмотръ мѣстности относительно этого свидѣтеля, къ счастью, оказалъ намъ огромную услугу. По тексту его показанія, запротоколированному слѣдствіемъ, можно было понять такъ, что пробиравшіеся гдѣ-то лѣсомъ двое вдругъ наскочили на него и затѣмъ, словно испугавшись, нырнули въ сторону. На мѣстѣ вышло совершенно иное. Не люди шли лѣсомъ и наткнулись на Ткаченко, а Ткаченко изъ-за перелѣска выглянулъ, загоняя корову, и увидѣлъ двухъ, идущихъ по совершенно открытому склону параллельно проѣзжей дорогѣ и даже въ пунктѣ пересѣченія трехъ дорогъ. Было это въ четыре часа дня.

Что-же это такое? Лѣсомъ можно было незамѣтно пробраться съ мѣста убійства куда угодно, хотя бы по направленію къ Шведской могилѣ. Скитскіе, только что убивъ Комарова, идутъ какъ разъ открыто вдоль самой дороги лишь по травѣ, чтобы не запылить сапогъ. И вдоль какой дороги? Той самой, по которой уже въ три съ половиною часа начинаетъ бродить г-жа Комарова (если они были въ засадѣ, то несомнѣнно видѣли бы ее), по которой сейчасъ пройдетъ кто нибудь изъ консисторскихъ сторожей на дачу Комарова. Помилосердуйте! Нельзя-же руководиться одними удоб-

ствами „попутности“, когда совершаешь столь тяжкое преступленіе. Вѣдь есть-же, наконецъ, у людей и чувство самосохраненія! И еще: напрасно г. обвинитель такъ рано отпускаетъ злоумышленниковъ, если не изъ мѣста засады, то, во всякомъ случаѣ, изъ мѣста, гдѣ они должны были притаиться, по крайней мѣрѣ, до наступленія сумерекъ. Вѣдь кажется доказано, что зонтикъ, очки, шляпа—всѣ тѣ аксессуары, по которымъ обнаружили трупъ 15-го, были раскиданы близъ дороги не ранѣе наступленія ночи, такъ какъ весь вечеръ г-жа Комарова бродила здѣсь и не замѣтила ничего изъ того, что уже на другой день бросалось всѣмъ въ глаза. Дайте же злоумышленникамъ совершить все это, хотя бы подъ покровомъ ночи, когда и самимъ имъ гораздо легче удалиться незамѣченными съ мѣста преступленія. Соблазнъ обвинить Скитскихъ такъ великъ, что мы не даемъ имъ даже достаточно времени, чтобы проявить свою преступность. Бѣжали, убили, скрылись!—но какъ? когда? имѣли-ли они на это возможность и время? все это насъ какъ-то мало интересуетъ.

Я могъ бы еще поговорить объ уликахъ, такъ называемаго, психологическаго характера. Но на этотъ разъ о нихъ говорилось мало и неохотно. Оно и понятно. Все это уже жевано и пережевано. Двумя рѣзкими гранями надо, однако, отмѣтить поведеніе Степана Скитскаго. Я беру только два, самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показанія: показаніе начальника почтовой конторы Глаголева и показаніе редактора епархіальныхъ вѣдомостей г. Ковалевскаго. Оба—люди интеллигентные и на ихъ наблюдательность, казалось бы, можно положиться. Первый видѣлъ Степана Скитскаго ровно за часъ до предполагаемаго совершенія имъ преступленія, второй—въ самый критическій моментъ на другой день, когда трупъ Комарова не былъ еще розысканъ, и когда предположеніе объ убійствѣ его еще носилось въ воздухѣ. Г. Глаголевъ положительно отвергаетъ мысль объ убійствѣ Скитскими Комарова именно на основаніи своихъ наблюденій надъ Степаномъ Скитскимъ. Этотъ былъ въ совершенно нормальномъ состояніи, по обыкновенію шутилъ, разговаривалъ съ почтовыми чиновниками, никуда не торопился и ни въ чемъ не проявилъ ни суетливости, ни, наоборотъ, растерянности

или задумчивости. Къ г. Ковалевскому Степанъ Скитскій пришелъ по служебнымъ дѣламъ 15-го. Говорили, между прочимъ, о Комаровѣ. Скитскій не скрывалъ своихъ на него неудовольствій. Это немного смѣло! Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ обыкновенно о веревкѣ. Если Скитскій былъ убійцею Комарова и зналъ, что тотъ уже лежитъ мертвый въ кустахъ, онъ бы остерегся хоть въ эту минуту заново напоминать всѣмъ о своемъ недружелюбіи къ Комарову. Очевидно. самое недружелюбіе это онъ ощущалъ въ себѣ лишь какъ явленіе обыденное, житейское, чуждое какихъ бы то ни было затаенныхъ криминальныхъ осложненій. Иначе о своихъ чувствахъ къ Комарову онъ помолчалъ бы.

Имѣются еще любопытные моменты, заслуживающіе оцѣнки. Это воздѣваніе рукъ къ небу и крестное знаменіе, когда онъ въ монастырѣ впервые узналъ отъ Молчанова о томъ, что Комаровъ найденъ удавленнымъ. Затѣмъ его опьяненіе и якобы странное поведеніе въ лавкѣ г-жи Николаевой. Допустимъ серьезное чувство вражды у Степана Скитскаго къ Комарову. Приходятъ и говорятъ такому человѣку: „Тщетны твои жалобы, опасенія и неудовольствія. Врагъ твой скончался!“ Для человѣка религіознаго, вѣрующаго, какимъ былъ всегда Степанъ Скитскій,—цѣлая душевная драма. „Неисповѣдимы судьбы твои, Господи!“ Во всякомъ случаѣ, налицо сложный психологическій моментъ, который не уступитъ, пожалуй, по своей сложности такому-же моменту и въ томъ случаѣ, если-бы Степанъ Скитскій самъ убилъ Комарова. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ бы болѣе насторожѣ.

Но вотъ, въ лавкѣ Николаевой, уже зная о томъ, что трупъ Комарова найденъ, онъ, немного выпившій, снова и снова говоритъ о своихъ обидахъ и неудовольствіяхъ на Комарова. Воля ваша—это не поведеніе убійцы!

Съ утра шестнадцатаго его поведеніе получаетъ уже совершенно иное, столько-же понятное, сколько и опредѣленное направленіе. Онъ — уже заподозрѣнный, и знаетъ объ этомъ. Протоіерей Мазановъ ему прямо приказываетъ, по распоряженію преосвященнаго, никуда не отлучаться изъ консисторіи. Другими словами, ему не приказано итти и на похороны Комарова. Отъ присутствовавшихъ на похоронахъ онъ узнаетъ, что въ надгробномъ словѣ

архипастыря дѣлаются ясные намеки на то, что именно онъ—убійца. Требуйте душевнаго равновѣсія и спокойствія отъ кого угодно, но не отъ лица, очутившагося въ подобномъ положеніи. Убійцѣ легче было-бы перенести все это, нежели невинному. Если Степанъ Скитскій шестнадцатаго велъ себя дѣйствительно растерянно и былъ явно разстроенъ—то усмотрѣть въ этомъ специфическую улику его прикосновенности къ убійству нѣтъ еще ни малѣйшаго основанія. Наоборотъ, то, что онъ ни отъ кого не скрывалъ и не пытался даже скрыть ни своего огорченія, ни своей растерянности, рисуетъ намъ его въ нормальномъ положеніи человѣка грубо, обидно, но невинно заподозрѣннаго.

О поведеніи Петра Скитскаго мнѣ нечего сказать. Оно не представляется никому болѣе подозрительнымъ. Это былъ самый обыкновенный періодъ запоя, доводившій его до безпамятства. Онъ и прежде имъ иногда страдалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Его запой, начавшійся съ тринадцатаго іюля, длился четыре дня и былъ прерванъ его арестомъ. Въ участкѣ при полицейскомъ натискѣ г. Иванова ему сдѣлалось дурно... Надѣюсь, что и это естественно. Изъ угара запоя, послѣ невинныхъ похожденій съ пріятелями по трактирамъ, попасть прямо въ „убійцы“ и притомъ въ передѣлку къ г. Иванову, смутитъ хоть кого... Нервы Петра Скитскаго никогда не были крѣпки.

Я чувствую, что пора кончить, гг. судьи! Но я боюсь кончить... Когда я кончу,—очередь ваша, очередь вашему приговору. Можетъ наступить ужасъ, тотъ ужасъ, который мы уже пережили однажды. Неужели это на самомъ дѣлѣ возможно? Судъ и осужденіе близки. Но законъ не хочетъ, не требуетъ отъ васъ невозможнаго. Въ подобныхъ случаяхъ онъ, наоборотъ, самъ приходитъ вамъ на помощь, самъ бережетъ васъ. Вамъ-ли, юристамъ-судьямъ, напоминать мнѣ объ этомъ? Самонадѣянность всегда слѣпа. Сомнѣніе-же—спутникъ разума. Сказать, что въ этомъ дѣлѣ все для васъ ясно и нѣтъ сомнѣній, вы не можете... Я прошу у васъ для Скитскихъ оправдательнаго приговора.

Послѣ получасоваго совѣщанія Особое присутствіе судебной палаты вынесло Скитскимъ оправдательный приговоръ.

Приговоръ этотъ былъ встрѣченъ шумнымъ ликованіемъ огромной толпы народа, запрудившей всѣ улицы, прилегающія къ зданію окружнаго суда. Всюду слышались возгласы: «есть еще судъ на Руси!» Въ теченіе двухъ дней въ Полтавѣ шли празднества по поводу освобожденія Скитскихъ. Члены кіевской судебной палаты, товарищъ прокурора и защитники при ихъ отъѣздѣ на вокзалъ желѣзной дороги были предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Ихъ осыпали цвѣтами и провожали крикомъ «ура».

Дѣло Александра Тальма.

Засѣданіе третьяго отдѣленія уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената 16-го февраля 1901 г. было посвящено разсмотрѣнію ходатайства повѣренныхъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія А. Л. Тальма о возобновленіи его дѣла по случаю вновь открывшихся доказательствъ его невиновности въ убійствѣ генеральши Болдыревой и горничной ея Савиновой. Предсѣдательствовалъ и докладывалъ ходатайство сенаторъ Г. К. Рѣпинскій, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента В. К. Случевскій, представителями интересовъ осужденнаго Тальма явились присяжные повѣренные В. И. Добровольскій и Н. П. Карабчевскій.

Докладъ дѣла ограничился прочтеніемъ прошенія повѣренныхъ А. Тальма, нижеслѣдующаго содержанія.

Приговоромъ пензенскаго окружнаго суда 24-го сентября 1895 года А. Л. Тальма признанъ виновнымъ въ убійствѣ вдовы генералъ-лейтенанта Болдыревой и крестьянки Савиновой и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, каковое наказаніе и сталъ уже отбывать. Затѣмъ 27-го апрѣля текущаго года тѣмъ же пензенскимъ судомъ мѣщане Иванъ, Александръ и Христина Карповы признаны виновными въ укрывательствѣ убійства Болдыревой и Савиновой.

Приговоръ по дѣлу Тальмы, все время отрицавшаго свою вину, основанъ былъ на косвенныхъ и весьма спорныхъ уликахъ. Карповы же, изъ которыхъ Александръ сознался въ самомъ убійствѣ, обвинены въ укрывательствѣ убійства на основаніи данныхъ безусловныхъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ-то: найденное у нихъ поличное и сознаніе Ивана и Христины Карповыхъ въ томъ, что вещи получены ими непосредственно послѣ убійства и отъ убійцы—сына Александра.

Одно формальное сопоставленіе резолютивныхъ частей обоихъ приговоровъ не можетъ конечно служить само по себѣ основаніемъ для возобновленія дѣла Тальмы. Признаніе одного лица виновнымъ въ убійствѣ, а

затѣмъ другихъ лицъ въ укрывательствѣ того же преступленія, не исключаетъ возможности совмѣстной ихъ виновности. Но такое разсужденіе относительно виновности Тальмы и Карповыхъ остается академически вѣрнымъ лишь до изслѣдованія существа обоихъ обвиненій и ихъ взаимно возможнаго фактическаго соотношенія.

Для того, чтобы согласовать оба приговора, т. е. для признанія ихъ не исключающими другъ друга, пришлось бы допустить непремѣнное предположеніе о соучастіи Карповыхъ съ Тальмою, т. е. допустить, что Карповы явились укрывателями убійства, совершеннаго именно Тальмою. Такое предположеніе, не говоря уже о совершенной его произвольности, явно опровергается обстоятельствами дѣла. Карповы были изобличены въ укрывательствѣ убійства, вслѣдствіе нахожденія у нихъ вещей, похищенныхъ во время убійства. Эти вещи, въ томъ числѣ и футляры отъ драгоцѣнностей, несомнѣнно оказались у нихъ на рукахъ на слѣдующій же день послѣ убійства. Такимъ образомъ, прикосновенность ихъ къ самому убійству имѣла мѣсто съ момента его совершенія. Отсюда само собою ясно, что Карповымъ съ самаго начала былъ извѣстенъ дѣйствительный убійца, а стало быть и тогда, когда разсматривалось дѣло Тальмы и когда они давали по этому дѣлу свои свидѣтельскія показанія. Очевидно, что если бы Тальма былъ дѣйствительнымъ убійцею Болдыревой, ему точно также были бы извѣстны Карповы, какъ его соучастники-укрыватели. При такомъ положеніи вещей Карповы, опасаясь, что ихъ во всякое время можетъ выдать и изобличить самъ Тальма явились искренними укрывателями не только похищенныхъ и попавшихъ въ ихъ руки вещей, но и самого убійцы Тальма, какъ своего сообщника. Между тѣмъ положеніе, которое заняли въ первомъ процессѣ Карповы въ качествѣ свидѣтелей, явно говоритъ за то, что они всѣми силами старались навести подозрѣніе именно на Тальму и всѣми же зависѣвшими отъ нихъ средствами способствовали его обвиненію. Такъ они установили враждебныя отношенія Тальмы къ покойной, утверждая, что тотчасъ по выходѣ изъ своего дома, не видя еще жертвъ, у Тальмы вырвался крикъ «Боже мой, ихъ зарѣзали» и т. п. Обвинитель по этому дѣлу, Громницкій, какъ видно изъ стенографическаго отчета, придавалъ большое значеніе этимъ показаніямъ Карповыхъ. Разъ Карповы давали по дѣлу Тальмы обличительныя для него показанія, то они не были его соучастниками, а такъ какъ прикосновенность ихъ къ убійству нынѣ несомнѣнна, то въ такой же мѣрѣ несомнѣнна неприкосновенность и невиновность Тальмы.

Если бы при первомъ разбирательствѣ было налицо то, что имѣлось при второмъ процессѣ, а именно: несомнѣнность обладанія похищенными вещами и процентными бумагами семьею Карповыхъ въ самую ночь убійства и полученіе таковыхъ отъ Александра Карпова, сознаніе послѣдняго въ убійствѣ, обвиненіе Тальмы не могло бы имѣть мѣста. Хотя Александръ Карповъ и былъ оправданъ въ убійствѣ, тѣмъ не менѣе его сознаніе является также новымъ обстоятельствомъ, которое не можетъ быть аннулируемо оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей, а въ особенности, если принять во вниманіе постановку обвиненія на судѣ. По опредѣленію саратовской судебной палаты, замѣнившему собою обвинительный

актъ, къ одному только А. Карпову было предъявлено обвиненіе въ убійствѣ. Въ этомъ же направленіи велось и все судебное слѣдствіе. Въ заключительныхъ же преніяхъ прокуроръ высказалъ свое убѣжденіе въ виновности въ убійствѣ не только А. Карпова, но и отца его Ивана Карпова. Выйти изъ этого противорѣчія, въ которое впала обвинительная власть, присяжные засѣдатели, не насилуя своей совѣсти, могли однимъ только способомъ: уравнять вину отца и сына, признавъ ихъ укрывателями.

При такомъ положеніи вещей, съ несомнѣнною ясностью выступающемъ при внимательномъ изученіи параллельно обоихъ судебныхъ производствъ, становится очевиднымъ, что судебное производство о виновности Карповыхъ открываетъ рядъ совершенно новыхъ обстоятельствъ и данныхъ, не бывшихъ вовсе въ разсмотрѣніи суда при обвиненіи Тальмы.

Вышеуказанныя обстоятельства даютъ законный поводъ для возобновленія дѣла объ А. Тальмѣ на основаніи 2 п. 935 ст. у. у. суд.

Но независимо отъ этого при сопоставленіи обоихъ производствъ наглядно выясняется еще и лживость показаній Карповыхъ, какъ свидѣтелей, изобличающихъ Тальму, каковое обстоятельство по силѣ 3 п. 935 ст. у. у. суд. и само по себѣ служитъ законнымъ поводомъ для возобновленія о немъ дѣла.

Чтобы не быть голословными, приведемъ здѣсь выписки изъ показаній Карповыхъ, данныхъ ими по дѣлу Тальмы, и затѣмъ ихъ же объясненія по второму дѣлу. Въ дѣлѣ Тальмы по поводу происхожденія футляровъ отъ драгоцѣнностей, похищенныхъ при убійствѣ Болдыревой и найденныхъ у Карповыхъ во время обыска, Иванъ Карповъ и дочь его Евдокія показывали, что будто бы эти вещи получены ими отъ служанки Болдыревой, Савиновой и отъ нѣкихъ бывшихъ квартирантовъ въ квартирѣ Болдыревой, Кирѣевыхъ. При производствѣ же второго дѣла, Иванъ Карповъ сознался въ полученіи всѣхъ вещей, похищенныхъ при убійствѣ, отъ своего сына Александра, а Евдокія Карпова—въ томъ, что въ первомъ дѣлѣ показывала о происхожденіи вещей ложно по подговору своего отца. Хотя на основаніи 722 ст. у. у. суд. свидѣтель имѣетъ право не отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его въ преступномъ или позорномъ дѣяніи, тѣмъ не менѣе говорить завѣдомую ложь, хотя бы для собственнаго спасенія и сокрытія личной повинности, свидѣтель не можетъ подъ страхомъ отвѣтственности за лжесвидѣтельство.

Отсутствіе приговора, признающаго Ивана и Евдокію Карповыхъ виновными въ лжесвидѣтельствѣ, нисколько не умаляетъ силы и значенія этого факта для возобновленія дѣла Тальмы на основаніи 3 п. 935 ст. у. у. суд. въ виду того, что ихъ лжесвидѣтельство получило уже формальное судебное признаніе въ обвиненіи Ивана Карпова въ укрывательствѣ тѣхъ именно вещей, о происхожденіи которыхъ онъ же свидѣтельствовалъ ранѣе.

На основаніи изложеннаго и въ силу 2 и 3 п. 935 ст. у. у. суд. просители ходатайствуютъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ о возобновленіи дѣла А. Тальмы.

Рѣчь въ защиту интересовъ осужденнаго А. Л. Тальма.

Гг сенаторы!

Лишенный всѣхъ правъ состоянія, т е. лишенный абсолютно всѣхъ гражданскихъ своихъ правъ, каторжникъ Александръ Тальма выдалъ намъ довѣренность для представительства по тому его праву, которое никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, даже со смертью человѣка, не можетъ быть отъ него отнято — праву доказать, что онъ невиненъ.

При нормальныхъ условіяхъ обычнаго уголовнаго процесса роль защиты ясна, проста и, такъ сказать, прямолинейна. Остается выполнить велѣніе 744 ст. уст. уг. суд — объяснить суду всѣ обстоятельства и доводы, опровергающіе или ослабляющіе выведенное противъ подсудимаго обвиненіе. и задача ея исчерпана. Но ходатайство о возобновленіи дѣла—не есть еще пересмотръ процесса, не есть защита по существу. Какую-бы безпощадную критику ни представилъ я теперь противъ нѣкогда грознаго, погубившаго Тальму обвиненія, какъ бы наглядно я вамъ ни доказалъ всю, такъ сказать, пустопорожность и бездоказательность уликъ, послужившихъ тогда къ его обвиненію, я буду лишь остановленъ Вами, г. Предсѣдатель, и совершенно основательно, такъ какъ докажу этимъ незнаніе законовъ или намѣренное желаніе ихъ обойти.

Состоявшійся однажды приговоръ, вошедшій въ законную силу, почитается истиною безспорною и непререкаемою. Пусть это только юридическая фикція, несостоятельная съ точки зрѣнія философскаго раціонализма, тѣмъ не менѣе она грозна и ужасна по своимъ послѣдствіямъ, и юристу не сдвинуть ее иначе, какъ особыми усиліями, особыми рычагами.

Рычаги эти—„открытіе доказательствъ невиновности осужденнаго“. Въ этихъ двухъ словахъ: „доказательства“ и „открытіе“ содержится весь тайный смыслъ велѣнія закона и на тщательномъ анализѣ этихъ двухъ понятій приходится остановиться. „Открытіе“—предполагаетъ обнаруженіе чего-то

новаго, не бывшаго совершенно въ виду при первоначальномъ разслѣдованіи и разбирательствѣ дѣла. „Открыть“ можно только то, что уже существуетъ реально, что существовало, можетъ быть, съ самаго начала, давно, но что было сокрыто, оставалось подъ спудомъ, въ неизвѣстности. Это нѣчто не должно быть только новымъ предположеніемъ, новою догадкою, новою комбинаціею воображенія, нѣтъ это новое должно быть реально осязаемо и законъ это и называетъ „доказательствомъ“.

Внутреннюю цѣнность такого доказательства практика Сената (рѣш. 70) 161, 70 (260, 71) 876 и 72 (896) опредѣляетъ такимъ образомъ: необходимо, чтобы указываемыя обстоятельства служили дѣйствительнымъ доказательствомъ ошибочности приговора, т. е. или совершенно исключали предположеніе о виновности осужденнаго или, по крайней мѣрѣ, заключали въ себѣ такія данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ съ вѣроятностью предполагать, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла, обвиняемый будетъ оправданъ.

Но если законъ отъ „вновь открытаго обстоятельства“ требуетъ, такимъ образомъ, извѣстной внутренней цѣнности, извѣстнаго удѣльнаго вѣса, то съ другой стороны никакихъ ограниченій относительно внѣшняго вида и формы самаго обстоятельства, какъ доказательства, онъ не устанавливаетъ. Оно и понятно. Теорія формальныхъ доказательствъ и предопредѣленныхъ уликъ сдана въ архивъ. Самъ Тальма осужденъ не на основаніи такихъ уликъ: никто „очевиднымъ свидѣтелемъ“ его злодѣянія не былъ. Не ждите поэтому и отъ насъ никакихъ „очевидныхъ“ свидѣтелей или формальныхъ доказательствъ. Вся гамма иногда даже съ виду самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ, входящихъ въ „совокупность обстоятельствъ дѣла“, коими опредѣляется то или иное направленіе внутренняго убѣжденія судьи, доступна для вновь открывшихся обстоятельствъ и доказательствъ. Если ихъ много, если они всею своею массою вытѣсняютъ всю прежнюю „совокупность“, тѣмъ лучше: какъ бы каждое изъ нихъ само по себѣ незначительно ни было, они произведутъ настоящій переворотъ въ убѣжденіи судьи, ибо ошибочность прежняго приговора станетъ очевидной.

Еще одно послѣднее замѣчаніе общаго характера Опредѣленной формы предварительнаго констатированія такого „вновь открывшагося доказательства“ законъ нашъ не знаетъ. Изъ сопоставленія 934 и 936 ст. уст. уг. суд. можно заключить, что Сенатъ можетъ удовольствоваться простымъ сообщеніемъ должностнаго лица, актомъ дознанія и т. п.

Зная теперь требованія закона вообще, мы можемъ обратиться къ дѣлу Тальма.

Но ранѣе, чѣмъ перейти къ анализу и оцѣнкѣ богатѣйшаго матеріала „вновь открывшихся доказательствъ“ по этому дѣлу, я считаю необходимымъ ранѣе всего коснуться наличности двухъ приговоровъ по одному и тому-же дѣлу „объ убійствѣ генеральши Болдыревой и ея горничной Савиновой“.

Первымъ приговоромъ (25-го сентября 1895 года) признанъ убійцею Александръ Тальма, вторымъ приговоромъ—не признанъ убійцею Александръ Карповъ, а лишь наравнѣ со своими родителями—укрывателемъ.

Для юристовъ съ формальнымъ, чтобы не сказать казуистичнымъ, складомъ ума этого достаточно, чтобы предрекать полный неуспѣхъ нашему ходатайству о возобновленіи дѣла. Но это доказываетъ только, что даже при чтеніи 935 ст. уст. уг. суд. они не пожелали пойти далѣе ея перваго пункта. Будь налицо два приговора, въ самой резолютивной своей части исключающихъ другъ друга, само собою дѣло о Тальмѣ давнымъ давно было-бы пересмотрѣно, и онъ не нуждался бы теперь въ нашихъ услугахъ. Но нигдѣ въ законѣ не сказано обратнаго: чтобы при отсутствіи двухъ такихъ приговоровъ пересмотръ дѣла былъ-бы уже невозможенъ. Наоборотъ въ той-же 935 ст. улож. о наказ. слѣдуютъ и второй, и третій, и четвертый пункты, которые предусматриваютъ случаи возобновленія дѣлъ, независимо отъ того, какіе бы ни состоялись по нимъ приговоры.

Было-бы нелогично думать, что послѣдовавшій приговоръ о Карповыхъ, какъ укрывателяхъ, могъ закрыть для Тальма, какъ предполагаемаго убійцы, доступъ къ возобновленію дѣла, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ теченіе всего процесса Карповыхъ было строго воспрещено касаться вопроса о виновности или невинности Тальма и изъ сужденія присяж-

ныхъ было вовсе изъято какъ обвиненіе, такъ и оправданіе его.

Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что присяжные засѣдатели не мотивируютъ своихъ приговоровъ, стало быть, намъ неизвѣстно даже то мѣсто, какое они отвели виновности и невинности Тальмы въ своихъ разсужденіяхъ. Совершенно неизвѣстно, кто истинный убійца въ ихъ глазахъ: Тальма или отецъ Карповъ или еще кто-либо третій, какой-нибудь пріятель Александра Карпова, вовсе не обнаруженный. Для насъ достаточно одного: приговоръ о Карповыхъ ничѣмъ не коснулся Тальма (улики, приведшія къ его обвиненію, были изъяты отъ разсмотрѣнія данныхъ присяжныхъ), а укрывательство Карповыхъ ничѣмъ не связано именно съ его убійствомъ.

Если это такъ, то мы не только можемъ, мы обязаны на время игнорировать этотъ приговоръ. Онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ баррикадировать намъ путь къ вашему правосудію.

Александръ Тальма осужденъ въ 1895-мъ году Что-же произошло съ тѣхъ поръ, что намъ даетъ право и поводъ сказать вамъ: „Господа, прислушайтесь! Стряслась большая бѣда, случился большой грѣхъ, онъ у насъ всѣхъ на совѣсти— понесъ тяжкое наказаніе и осужденъ невинный“.

Мой товарищъ коснулся наиболѣе яркихъ моментовъ юридическаго свойства, дающихъ законный поводъ къ возобновленію дѣла: онъ установилъ наличность лжесвидѣтельства въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, на основаніи которыхъ былъ осужденъ Тальма, онъ-же попытался доказать вамъ, что самое признаніе Карповыхъ укрывателями съ момента совершенія убійства уже исключаетъ виновность Тальма въ убійствѣ. Эти моменты важны и существенны сами по себѣ и одного глубокаго ихъ изслѣдованія было-бы достаточно для возобновленія дѣла. Я-же, оставаясь въ области освѣщенія вообще всѣхъ „новыхъ доказательствъ“, открывшихся по дѣлу, поневолѣ долженъ уйти не столько вглубь, сколько вширь, и коснуться понемногу всего, входящаго въ составъ общей „совокупности обстоятельствъ дѣла“.

Чтобы судить о томъ, что является дѣйствительно новымъ, и притомъ существенно новымъ въ этомъ дѣлѣ, надо отдѣ-

лить его прежде всего отъ стараго и, стало быть, въ концѣ концовъ изучить и это старое.

Передъ вами лежатъ два слѣдственныхъ производства: „дѣло Тальма“ (1895 годъ) и „дѣло Карповыхъ“ (1900 годъ). Еслибы мы захотѣли сдѣлать невозможный уже для насъ опытъ, такъ какъ мы знаемъ оба производства—судить Тальма „по дѣлу Карповыхъ“—развѣ было бы мыслимо его осужденіе?

А между тѣмъ это въ сущности все то же дѣло „объ убійствѣ Болдыревой и Савиновой“. Но между двумя этими производствами цѣлая пропасть, черезъ которую нельзя перекинуть ни моста, ни жердочки.

Въ 1899-мъ году случайно, въ силу самой естественной комбинаціи житейскаго характера (ссоры двухъ женщинъ, жившихъ въ услуженіи у г-жи Билимъ, Дарьи Мельниковой и Варвары Захаровой) вскрылось обстоятельство (нахожденіе у Карпова подозрительнаго „болдыревскаго“ билета), послужившее основаніемъ для полицейскаго дознанія, а затѣмъ и слѣдственнаго производства о прикосновенности Карповыхъ къ убійству Болдыревой. Слѣдствіе это было обставлено всѣми гарантіями безусловной тщательности и осторожности. Для производства его былъ командированъ изъ Петербурга пользующійся заслуженной извѣстностью судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ г. Бурцевъ.

Такъ какъ правосудіе осужденіемъ Александра Тальма, находившагося въ то время уже въ каторгѣ, сказало уже разъ свое вѣское слово по этому дѣлу, и такъ какъ правосудіе, подобно римскому папѣ, всегда склонно вѣрить, что оно непогрѣшимо, то на первыхъ порахъ осторожность и недовѣріе были естественны.

Возникало невольное опасеніе: не со стороны ли лицъ, близкихъ Тальмѣ, исходитъ стремленіе вновь навести правосудіе на ложный слѣдъ. Но всѣ подобныя сомнѣнія весьма скоро должны были разсѣяться. Наоборотъ, можно было скорѣе замѣтить противуположное давленіе: кто-то не хотѣлъ, чтобы истинныя подробности прикосновенности Карповыхъ къ этому дѣлу обнаружились. Но истина имѣетъ свои права и свою чисто-стихійную мощь и силу. Она вдругъ начинаетъ бить фонтаномъ изъ такой щели, откуда ее менѣе всего ожидаютъ.

Помимо сознанія Александра Карпова, растерявшагося и принесшаго повинную, когда полиціею была констатирована его попытка размѣнять тысячный „болдыревскій“ билетъ, слѣдствіе открыло и незыблемо установило слѣдующія объективныя данныя.

Протоколомъ выемки и осмотра кастрюль издѣлья Карпова отца обнаружено было въ нихъ двойное дно, гдѣ и было найдено три билета внутренняго консолидированнаго займа, принадлежавшихъ Болдыревой.

Рядомъ свидѣтельскихъ показаній (Маринин, Соколовъ, Синицынъ, Сумановъ, Елагина, Епифановъ, Кузнецовъ, Морозова, Замятина и другіе) было установлено, что послѣ убійства Карповы стали жить богаче прежняго, что въ пьяномъ видѣ Иванъ Карповъ нерѣдко пробалтывался о томъ, что у него водятся какія-то серіи, которымъ срокъ не пришелъ быть размѣненными, что Карповы нерѣдко расчитывались въ магазинахъ купонами отъ такихъ процентныхъ бумагъ, которыя оказались „болдыревскими“. При сознаніи Александръ Карповъ указалъ, что недавно онъ размѣнялъ въ Моршанскѣ тысячный „болдыревскій“ билетъ за девятьсотъ тридцать рублей и что изъ нихъ еще цѣлы семьсотъ сорокъ рублей. Деньги эти по указанію его были найдены на чердакѣ квартиры Карповыхъ.

Все это дало основаніе судебному слѣдователю привлечь Ивана Карпова и Христину Карпову какъ укрывателей, ибо какъ сказано въ постановленіи судебнаго слѣдователя: „п о ч т и в с е и м у щ е с т в о, д о б ы т о е у Б о л д ы р е в о й п у т е м ъ у б і й с т в а, о ч у т и л о с ь п о с о в е р ш е н і и у б і й с т в а в ъ о б л а д а н і и К а р п о в а“.

А между тѣмъ Тальма былъ преданъ суду и осужденъ за то, что, „с ъ ц ѣ л ь ю з а в л а д ѣ т ь д е н ь г а м и и д о к у м е н т а м и“ Болдыревой, совершилъ все то, что ему приписывалось. Смѣю полагать, что обнаруженіе лицъ дѣйствительно „завладѣвшихъ“ тѣмъ, что относилось ранѣе на счетъ Тальма, есть уже нѣчто „вновь открывшееся“, и заслуживающее нѣкотораго вниманія.

Но эти, вновь открывшіяся обстоятельства, получаютъ свою истинную цѣну лишь при одномъ условіи: если мы вамъ докажемъ, что Тальма не могъ передать этихъ цѣнностей

Карповымъ и что тотчасъ вслѣдъ за совершеніемъ убійства цѣнности уже находились у нихъ.

Прокурорскій надзоръ, пристально слѣдившій за производствомъ новаго слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой, не упустилъ разслѣдовать всѣ пункты, могущіе казаться сомнительными.

Въ рядѣ предложеній прокурора судебному слѣдователю (т. II гл. 262) мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія предложенія: а) передопросить Кузнецова и Морозова для установленія времени, когда появились цѣнности у Карповыхъ, б) когда началось улучшеніе матеріальнаго положенія Карповыхъ, в) объ отношеніяхъ семей Карповыхъ и Тальма.

Тщательное изслѣдованіе дало поразительные результаты.

Оказалось, что футляры отъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещей, похищенныхъ у убитой, уже утромъ послѣ убійства находились въ квартирѣ Карповыхъ, но не обратили на себя вниманія властей, лишь благодаря лжесвидѣтельству въ то время еще свидѣтелей Ивана, Христины и дочери ихъ Евдокіи о происхожденіи этихъ футляровъ. Было установлено, что купоны отъ похищенныхъ процентныхъ бумагъ сбывались уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Наконецъ, относительно Тальмы и Карповыхъ было установлено рядомъ свидѣтельскихъ показаній (Кузнецова, Тархова, Синицына и Золотова), что никто изъ семьи Тальмы и Карповыхъ не были вхожи другъ къ другу. Никто рѣшительно не замѣчалъ, чтобы Александръ Тальма съ кѣмъ-нибудь изъ семьи Карповыхъ даже когда-либо разговаривалъ.

Но еще болѣе вѣское доказательство „отъ противнаго“, въ смыслѣ отрицанія самой возможности какой-либо преступной связи между Тальмою и Карповыми, можемъ мы представить простымъ указаніемъ на ту роль, какую, въ качествѣ свидѣтелей, играли Карповы въ первомъ процессѣ, окончившемся осужденіемъ Тальмы.

Достаточно вспомнить, что Иванъ Карповъ изъ всѣхъ свидѣтелей одинъ утверждалъ, что будто бы Тальма, выскочивши изъ дому, когда еще никто не зналъ, что случилось во флигелѣ Болдыревой, воскликнулъ: „ихъ зарѣзали!“ Напрасно на судѣ другіе свидѣтели (Устинкинъ и Савельевъ) отрицали это, присяжные переспросили Карпова, онъ твердо

стоялъ на своемъ, а г. прокуроръ, на основаніи такого лжесвидѣтельства, сдѣлалъ огромный выводъ, — что Тальма несомнѣнный убійца. Карповы же первые удостовѣрили, что отношенія у Тальма къ матери были худыя, враждебныя.

Если Тальма завладѣлъ путемъ убійства всѣми цѣнностями и отдалъ ихъ Карповымъ, то для чего же? Чтобы Карповъ топилъ его? Да и посмѣлъ ли бы тогда Карповъ топить его, зная что онъ съ нимъ связанъ, что стоитъ тому сказать одно слово и онъ самъ погибъ.

Только зная о совершенной неприкосновенности къ этому дѣлу Тальма, Карповъ могъ желать его осужденія, такъ какъ имѣлъ всѣ шансы ожидать того, что дѣйствительно и случилось: невинный въ каторгѣ надолго, если не навсегда, заслонитъ собою истиннаго убійцу.

Есть еще версія, за которую противники „пересмотра“ пытаются ухватиться: можетъ быть Карповы уже послѣ подкуплены для того, чтобы вызволить Тальма изъ каторги и за деньги приняли на себя вину? Но, во-первыхъ, вины они на себя не принимали, а ихъ дѣйствительно, и притомъ почти случайно, изобличили, а во-вторыхъ, какъ же вы объясните тогда мѣну купоновъ и затруднительный сбытъ билетовъ? За самоотверженную готовность пойти въ каторгу выговариваютъ себѣ обыкновенно чистыя денежки. Наконецъ: гдѣ же до передачи билетовъ Карповымъ билеты эти находились?

Несмотря на самый тщательный обыскъ у Тальмы и его присныхъ ничего ровно обнаружено не было.

Итакъ, мы въ правѣ утверждать, что если даже остановиться на томъ, что Карповы только у к р ы в а т е л и, какъ ихъ признали присяжные, то укрыватели искренніе, съ перваго дня убійства, они укрывали не Тальма и не имъ похищенныя цѣнности, стало быть, онъ— не убійца.

Далѣе, какая основная улика привела Тальму на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ и въ каторгу? Улика эта заключалась въ незыблемомъ будто бы установленіи того обстоятельства отрицательнаго характера, — что, судя по обстановкѣ убійства, отсутствія взлома дверей и т. п., оно могло быть совершено только лицомъ, имѣвшимъ безпрепятственный доступъ въ квартиру. Стояли на томъ, что только Тальма, какъ близкій человѣкъ, могъ среди ночи постучать, ему

отперли дверь и онъ вошелъ свободно, какъ власть имѣющій. Никого постороннаго среди ночи не впустили бы.

Положеніе казалось незыблемымъ. Но вновь открывшіяся доказательства разрушили его. И сознаніе Карпова и тщательное изслѣдованіе единственнаго окна спальни Болдыревой, выходившаго въ проулокъ, на которое ранѣе слѣдствіе не обратило вовсе вниманія, установили полную возможность проникновенія этимъ путемъ въ квартиру Болдыревой Окно не выше полутора аршина отъ земли и въ немъ была форточка, черезъ которую Александръ Карповъ влѣзъ и вылѣзъ въ видѣ опыта совершенно свободно. Давая свое сознаніе, онъ объяснилъ, что наружная рама была глухая безъ форточки, почему онъ стамеской открылъ ее, затѣмъ уже отворилъ форточку второй рамы и забрался въ спальню. Опросомъ прежнихъ жильцовъ этой квартиры, дворника и другихъ, было установлено, что и въ этомъ отношеніи указанія Карпова совершенно точны.

Если бы онъ дѣйствительно не влѣзалъ въ эту фортку, онъ не имѣлъ бы повода столь тщательно изучать устройство и расположеніе окна, совершенно заново передѣланнаго послѣ пожара. Мало того, разсказу Карпова о предварительномъ взломѣ наружной рамы, о томъ, что ему приходилось временно спрятаться на крышѣ сосѣдняго сарайчика, вполнѣ соотвѣтствуютъ необъяснимыя до того свидѣтельскія показанія Вихорева (кучера), Рѣшетниковой (горничной Тальма), и нѣкоторыхъ обитателей сосѣдняго, выходящаго въ проулокъ, дома Возницыной—о томъ, что въ то время, когда Болдырева была еще у Тальма, Савинова, оставшаяся одна въ квартирѣ, испугалась какого-то стука въ окнѣ спальной и выбѣгала заявлять объ этомъ. Люди ходили, осматривали проулокъ, но никого не нашли. Ночь была темная и на самое окно вниманія не обратили. Около этого же времени приблизительно въ домѣ Возницыной (Борисова и другіе) слышали шаги бѣжавшаго по проулку человѣка. Затѣмъ всю ночь собака Возницыныхъ, домъ которыхъ только и выходитъ въ глухой проулокъ, выла и безпокоилась.

Вся эта картина ярко возстаетъ передъ нами на смѣну прежнему предположенію обвиненія, что убійца проникъ со двора черезъ дверь Тогда объяснялось, что собаки во дво-

рѣ не лаяли оттого-де, что распоряжался самъ хозяинъ Тальма. Но Карпова, жильца, выросшаго и родившагося въ томъ же домѣ, собаки должны были знать и любить не менѣе Тальмы. Теперь ларчикъ открывается уже совсѣмъ просто: собаки во дворѣ не кидались и не лаяли потому, что со двора никто и не входилъ. Убійца проникъ черезъ окно съ проулка, а ближайшая собака Возницыныхъ своевременно это чуяла и давала объ этомъ знать. Эта лающая въ проулкѣ собака Возницыныхъ также „вновь открывшееся доказательство“, о ней ранѣе не упоминалось. Мы смѣло выдвигаемъ ея вой на смѣну прежде подозрительнаго спокойствія собакъ въ самомъ дворѣ дома Тальмы, которое находитъ теперь свое, менѣе зловѣщее для Александра Тальмы объясненіе.

Далѣе, за отсутствіемъ иныхъ уликъ противъ Тальмы, весьма настаивали на томъ, что „преступникъ былъ, очевидно, хорошо знакомъ съ домашней обстановкой, хорошо зналъ всѣ хранилища Болдыревой—гдѣ она хранила вещи и деньги“, устанавливалась презумція, что все это могъ знать только Александръ Тальма. Но вотъ когда началось слѣдствіе о Карповыхъ и тщательно занялись личностью Александра Карпова, былъ установленъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о его весьма близкомъ знакомствѣ, не только съ домашней обстановкой Болдыревой, но и съ тѣми хранилищами, гдѣ хранились деньги и цѣнности, и не только ея самой, но и покойнаго ея мужа. Къ шкатулкамъ, принадлежавшимъ послѣднему, она учила Карпова, въ то время еще мальчика, поддѣлывать ключи и подбирать отмычки.

Я долженъ еще остановиться на отношеніяхъ покойной къ Александру Карпову. Года за два до убійства, когда въ кражѣ ея часовъ былъ заподозрѣнъ Карповъ (онъ былъ задержанъ съ поличнымъ, когда желалъ сбыть ихъ) и былъ осужденъ на два мѣсяца въ тюрьму, сама Болдырева весьма жалѣла его и силилась защитить его. По показанію стариковъ Карповыхъ покойная до самой смерти нерѣдко зазывала Александра къ себѣ (шестнадцатилѣтняго парня, имѣвшаго уже романы съ горничными) и угощала его лакомствами. Это старикамъ почему-то не нравилось. Они считали убитую вообще женщиною дурною и порочною. Самъ Карповъ, не признавая, чтобы онъ отъ покойной получалъ и денежные по-

дарки, не отрицалъ, однако, что она нерѣдко звала его къ себѣ и давала лакомства, и что въ душѣ онъ ее ненавидѣлъ Если въ этомъ дѣлѣ нужна непремѣнно карамазовщина, то можно было бы строить догадки и въ этомъ направленіи Тогда влѣзаніе черезъ форточку прямо въ спальню Болдыревой и главное моменты ожиданія ея прихода—по разнорѣчивой версіи показанія обвиняемаго Карпова - - то подъ кроватью, то будто бы лишь за комодомъ, могли найти и примиреніе и объясненіе. Быть можетъ подъ кровать ему приходилось залѣзать лишь весьма не надолго, пока горничная Савинова раздѣвала барыню. Тогда быть можетъ нашли бы свое объясненіе и его показанія о томъ, что онъ даже раздѣвался, снималъ съ себя сюртукъ, жилетъ Если бы онъ явился только какъ убійца, едва ли бы онъ раздѣвался, боясь забыть и растерять свой туалетъ.

Разсказъ Карпова о самомъ процессѣ убійства и послѣдовательномъ нанесеніи ранъ сперва Болдыревой, а затѣмъ и Савиновой, послѣ того, какъ на крикъ первой она постучалась въ спальню — явился цѣлымъ откровеніемъ, послужившимъ предметомъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Ранѣе по дѣлу Тальма никакихъ фактическихъ указаній по этому предмету не было. Согласно версіи, что преступникъ вошелъ черезъ дверь, которую ему открыла Савинова, предполагалось, что Тальма, покончивъ съ горничной, безпрепятственно вошелъ затѣмъ въ спальню и убилъ Болдыреву. Но вотъ, что выяснилось теперь: розыскали и опросили всѣхъ прислугъ, жившихъ когда-либо у Болдыревой, оказалось, что генеральша всегда запиралась изнутри спальни на крючекъ. На этотъ крючекъ не обратили никакого вниманія при первомъ разслѣдованіи дѣла, а послѣ пожара сдѣлали новую дверь. Между тѣмъ Карповъ объ этомъ крючкѣ упомянулъ при сознаніи. Покончивъ съ Болдыревой, онъ откинулъ крючекъ, чтобы выйти къ Савиновой, которая стучалась въ дверь. Всѣ утверждаютъ теперь, что крючекъ былъ, и имъ замыкала дверь къ себѣ Болдырева. Если такъ, Тальмѣ, чтобы онъ могъ, не производя никакого взлома, убить и ту и другую, сперва одна, потомъ другая должны были поочередно сами открыть дверь. Вѣроятна-ли подобная версія - разъ и Болдырева должна была непремѣнно открыть свою дверь?

Убитая Савинова могла-же ранѣе вскрикнуть, подать тревожную вѣсть. Если Болдырева и Тальма были въ столь враждебныхъ отношеніяхъ, какъ утверждали его обвинители, то даже голосъ послѣдняго не могъ побудить покойную безъ всякой опаски въ глухую ночь отомкнуть свою дверь. Но ларчикъ открывается весьма просто, если убійца былъ ранѣе въ спальнѣ, ранѣе покончилъ съ Болдыревой и затѣмъ уже вышелъ на встрѣчу Савиновой.

Разсказъ Карпова еще и въ другомъ отношеніи открылъ намъ новое по дѣлу доказательство. Это новое доказательство — врачебная экспертиза. Когда не знали, какъ именно совершилось убійство, описали подробно раны, нашли, что онѣ нанесены кинжаломъ, но отъ дальнѣйшихъ выводовъ воздержались. Но когда разсказъ Карпова о нанесеніи именно имъ ранъ провѣрили по описанію направленій и мѣсту ранъ— врачи единогласно пришли къ заключенію, что такъ дѣло и было. На трупѣ Болдыревой были раны, идущія сверху внизъ. Одна рана въ области брюшины, проникавшая нѣсколько тканей, была особенно характерна. Она могла быть сдѣлана только при условіи, если покойная въ это время сидѣла, такъ какъ кинжалъ прошелъ какъ бы всѣ складки живота. Такъ Карповъ, не читавшій, конечно, описаній ранъ, и объяснилъ. Савиновой онъ, по его словамъ, нанесъ два удара—такія двѣ раны и имѣются на ея трупѣ. Вообще рѣшительно всѣ указанія Карпова вплоть до описанія формы и размѣровъ кинжала, бывшаго съ нимъ, нашли себѣ самое блестящее подтвержденіе въ медицинской экспертизѣ.

Попутно эта новая экспертиза опровергла и улику, ранѣе выдвигавшуюся противъ Тальма. Въ дѣлѣ Тальмы фигурировали какія-то его старыя брюки съ брызгами, какъ-бы крови, на одной штанинѣ. Эксперты-врачи положительно удостовѣрили, что никакихъ такихъ брызгъ при нанесеніи столь глубокихъ ударовъ кинжаломъ быть не могло. Судя по описанію ранъ, кровоизліяніе было во внутренніе органы, въ наружныхъ-же краяхъ ранъ крови найдено весьма мало.

Итакъ: похищенныя вещи—не у Тальмы, онѣ у другого съ самаго момента убійства; войти можно было не только черезъ дверь, но можно было влѣзть и въ окно; хранилища покойной зналъ также Карповъ, какъ могъ знать Тальма.

Что-же было еще въ прежнемъ дѣлѣ Тальмы въ качествѣ улики? Ничего, гг. сенаторы, кромѣ всегда присущаго людямъ ослѣпленія своимъ собственнымъ незнаніемъ и упорства въ этомъ незнаніи.

Въ качествѣ дополнительныхъ уликъ были гадательные мотивы и нравственное опозореніе всей семьи Тальма, чтобы выдвинуть моментъ возможной вражды и ненависти Александра Тальмы къ покойной Болдыревой. Но пусть даже вражда и ненависть были возможны. Не въ этомъ вѣдь вопросъ. Вопросъ въ томъ: убійца-ли Тальма?

Вы видите, какъ все „дѣло Карповыхъ“ въ качествѣ судебнаго производства опровергаетъ другое такое же производство по „дѣлу Тальмы“. А между тѣмъ оба направлены къ тому, чтобы узнать одно и то же: кто убилъ Болдыреву и Савинову? Какъ-же можно счесть дѣло Тальмы окончательно рѣшеннымъ, когда до сихъ поръ никто оба эти „производства“ совмѣстно не изучалъ и не анализировалъ. Для раскрытія истины какъ разъ это и необходимо. И отъ васъ зависитъ допустить и предписать подобный „пересмотръ“. При настоящемъ положеніи дѣла Тальмы для правосудія иного исхода нѣтъ.

Гг. сенаторы, изъ всѣхъ ужасовъ, присущихъ нашей мысли и нашему воображенію, самый большой ужасъ - быть заживо погребеннымъ. Этотъ ужасъ здѣсь налицо. Правосудіе справило печальную тризну въ этомъ дѣлѣ. Тальма похороненъ, но онъ живъ. Онъ стучится въ крышку своего гроба, ее надо открыть!

По выслушаніи заключенія г. оберъ-прокурора, полагавшаго ходатайства Александра Тальма отклонить, и послѣ весьма непродолжительнаго совѣщанія Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: прошеніе повѣренныхъ А. Тальма о возобновленіи дѣла оставить безъ послѣдствій.

Недѣли двѣ спустя послѣ разбора этого дѣла въ Сенатѣ изъ газетъ мы узнали, что Александръ Тальма помилованъ. Ему не возвращены права состоянія, но не только отъ каторги, но и отъ дальнѣйшаго содержанія подъ стражей онъ освобожденъ.

